

THIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE ORIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROGRAPHY BY UNIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1964

ВОЦАРЕНІЕ

ИМПЕРАТРИЦЫ

АННЫ ІОАННОВНЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

Д. А. КОРСАКОВА.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1880.

По опредѣленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 10 января 1880 г.

Деканъ *Н. Ѳирсовъ.*

Предлагаемый этюдъ касается событія весьма мало изслѣдованнаго въ русской исторической литературѣ. Воцареніе императрицы Анны Іоанновны составляетъ очень важный и интересный эпизодъ изъ русской исторіи первой половины XVIII в. Съ одной стороны онъ является естественнымъ результатомъ общественныхъ нестроеній, послѣдовавшихъ за кончиной Преобразователя Россіи и служившихъ выраженіемъ реакціи противъ нѣкоторыхъ реформъ Петра В.; съ другой стороны—составляетъ прологъ къ исторіи мрачнаго и суроваго царствованія Анны Іоанновны.

Во время воцаренія Анны Іоанновны ощутительно выражается тотъ антагонизмъ между русскими и иноземцами, который достигаетъ своего апогея къ концу царствованія этой государыни; въ воцареніе Анны Іоанновны сказывается и та рознь между русскими людьми, которая характеризуетъ ихъ послѣдующее несогласіе въ политическихъ воззрѣніяхъ и мѣропріятіяхъ. Среди этой борьбы и розни весьма замѣтно выражаются политическіе замыслы преобладавшихъ въ то время въ русскомъ обществѣ людей родословныхъ и средняго шляхетства. Замыслы эти ошибочны и произвольны на нашъ теперешній взглядъ, но они имѣютъ историческія причины для своего существованія.

Принципы, во имя которыхъ враждовали и соединялись русскіе родословные люди и шляхтичи 1730 года,—для насъ не существуютъ болѣе: они стали достояніемъ прошлаго; страсти ихъ волновавшія,—чужды намъ. Мы отдѣлены отъ 1730 года временемъ въ полтораста лѣтъ, живемъ и дѣйствуемъ совершенно въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ жили и дѣйствовали русскіе люди первой половины XVIII в. Реформы настоящаго Царствованія, обновившія общественный бытъ Россіи, дали нашей политической и общественной жизни иныя основы, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ 1730 году. Поэтому мы, русскіе люди второй половины XIX в., можемъ совершенно объективно и вполнѣ спокойно отнестись къ событіямъ, происходившимъ полтора столѣтія назадъ.

Въ концѣ 1877 года, по ходатайству его Сіятельства Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, пишущій эти строки получилъ ВЫСОЧАЙШЕЕ разрѣшеніе на занятія въ Государственномъ Архивѣ, и только въ силу этого благосклоннаго вниманія со стороны его Сіятельства къ научнымъ цѣлямъ автора, онъ могъ положить въ основу своей работы документы, бывшіе доступными весьма немногимъ.

При составленіи предлагаемаго этюда авторъ останавливался преимущественно на вопросахъ менѣе другихъ изслѣдованныхъ; поэтому онъ имѣлъ въ виду слѣдующія задачи:

1) Подвергнуть строгой критикѣ источники исторіи воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

2) Изучить личности всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ участниковъ въ событіяхъ. На второстепенныхъ, какъ на совсѣмъ почти не изслѣдованныхъ, авторъ обратилъ особое вниманіе.

3) Изложить политическіе планы верховниковъ и шляхетства, которые (особенно планы шляхетства) до сихъ поръ представляются въ не совсѣмъ ясномъ свѣтѣ.

Сообразно съ этими задачами книга распадается на три части: 1) введеніе, въ которомъ указываются причины, подготовившія событія воцаренія Анны Іоанновны и разсматриваются главнѣйшіе источники и монографическія изслѣдованія, послужившія матеріаломъ для этюда. 2) подробное прагматическое изложеніе самаго хода событій и характеристики главныхъ участниковъ въ нихъ. 3) приложенія.

Приложенія предназначаются для немногихъ. Они заинтересуютъ весьма небольшой кружокъ спеціалистовъ по исторіи русскаго XVIII в. Въ нихъ авторъ сгруппировалъ данныя интересныя, но слишкомъ мелочныя, чтобы внести ихъ въ текстъ, и помѣстилъ три источника, изъ которыхъ два являются въ свѣтъ впервые, а одинъ былъ извѣстенъ только въ нѣмецкомъ переводѣ. Мелочныя данныя состоятъ во 1-хъ, изъ критико-библіографическихъ замѣтокъ о важнѣйшихъ, но мало изслѣдованныхъ, документахъ по исторіи воцаренія Анны Іоанновны, во 2-хъ, изъ свѣдѣній біографическихъ объ участникахъ разныхъ шляхетскихъ проэктовъ и челобитныхъ.

Авторъ видитъ вполнѣ ясно недостатки и промахи своего труда, и, совершенно отстраняя отъ

себя личное самолюбіе, искренно желаетъ лишь одного: строгаго и безпристрастнаго суда ученой и литературной критики. Въ ихъ приговорѣ, какъ бы суровъ онъ ни былъ, авторъ надѣется найти силы на дальнѣйшіе труды въ области русской исторіи.

Въ заключеніе авторъ считаетъ особо отраднымъ для него долгомъ принести глубочайшую и искреннюю благодарность слѣдующимъ лицамъ, наиболѣе способствовавшимъ его труду своими указаніями и совѣтами: академикамъ А. Ѳ. Бычкову и Я. К. Гроту, директору главнаго Архива М. И. Д. барону Ѳ. А. Бюлеру, профессорамъ—К. Н. Бестужеву-Рюмину и Е. Е. Замысловскому; Л. Н. Майкову, А. Н. Пыпину и Г. Ѳ. Штендману, начальнику Сенатскаго Архива П. И. Баранову, управляющему Синодальнымъ Архивомъ Н. И. Григоровичу и старшему дѣлопроизводителю Государственнаго Архива Н. А. Гюббенету.

ВВЕДЕНІЕ.

Характеръ реакціи, наступившей вслѣдъ за кончиной Петра В.—Главнѣйшія явленія внутренней государственной жизни Россіи съ 1725 по 1730 годъ.—Событія воцаренія Анны Іоанновны, какъ результатъ этихъ явленій.—Главнѣйшіе источники и литература исторіи воцаренія Анны Іоанновны.

Первые пять лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго характеризуются особенно сильной реакціей противъ программы царя-преобразователя. Реакція эта выражается съ одной стороны въ произвольномъ толкованіи нѣкоторыхъ воззрѣній Петра, съ другой—въ противодѣйствіи началамъ его реформы. Петръ унесъ съ собой въ могилу ключъ отъ своихъ великихъ замысловъ, и ближайшіе продолжатели его дѣла не могли найти этого ключа. Они восприняли только внѣшность, форму его преобразованій, но не въ состояніи были постичь содержанія этой формы; они не были въ силахъ воскресить духа перваго императора. Преобразовательная программа Петра Великаго была обширна. Она обнимала не только политическую сферу московскаго государства, но касалась мысли, совѣсти и частной жизни всѣхъ подданныхъ московскаго царя. Сфера нравственной жизни и бытовыхъ условій не поддается передѣлкѣ такъ легко, какъ внѣшне-государственная жизнь страны; при насильственномъ прикосновеніи къ этой сферѣ—протестъ и реакція всегда неизбѣжны и всегда понятны. Открыто сопротивляться Петру было нельзя: онъ былъ самодержавный царь, воля его была непреклонна и для подданныхъ эта воля являлась закономъ. И вотъ мы видимъ цѣлое теченіе пассивно-отрицательнаго отношенія къ реформѣ; теченіе это рѣзче всего

выразилось въ двухъ противоположныхъ т. сказ. общественныхъ полюсахъ, въ самомъ верхнемъ слоѣ русскаго народа, и въ самомъ низшемъ—въ боярствѣ и въ крестьянствѣ. Пассивные протестанты изъ того и изъ другаго слоя – у б ѣ г а ю т ъ отъ тягостей петровыхъ „новшествъ", но тѣ и другіе б ѣ г у т ъ р о з н о, безъ общаго плана, безъ ясно сознанной мысли. Крестьяне убѣгаютъ въ дѣйствительности, бояре убѣгаютъ въ переносномъ смыслѣ, углубляются мысленно въ самихъ себя. Крестьяне убѣгаютъ или на Волгу, на „широкое раздолье", въ степь, въ „мать-тихую пустыню", или зарубежные лѣса литовскіе; бояре убѣгаютъ своими воспоминаніями и мечтами въ московскую, допетровскую Русь, или въ заморскія страны, стремясь найти идеалы лучшаго существованія въ прошломъ родной страны, или въ современномъ положеніи сосѣднихъ государствъ.

Но Петра Великаго не стало: весьма естественно протестъ изъ пассивнаго перешелъ въ активный. Выразителемъ этого протеста является высшій слой русскаго народа, который всего болѣе былъ придавленъ реформой—„родословные люди". Они возстаютъ и противъ „новыхъ русскихъ людей", выдвинутыхъ реформой, и противъ иноземцевъ, явившихся къ намъ въ обиліи во время реформы. И тѣ и другіе даютъ отпоръ: возникаетъ двойная борьба—общественная и національная.

При Екатеринѣ I—одерживаютъ побѣду новые русскіе люди и иноземцы, при Петрѣ II-мъ—побѣдителями являются родословные люди; во время воцаренія Анны Іоанновны родословные люди думаютъ побѣдить окончательно, но проигрываютъ навсегда свое дѣло. Участія въ государственной жизни русской земли требуетъ себѣ также средній служилый классъ—шляхетство, но родословные люди не допускаютъ его до этого участія и тѣмъ создаютъ себѣ враговъ среди русскихъ же людей. Побѣждаютъ иноземцы; „родословные русскіе люди" принижены совершенно; они „искореняются" систематически и гибнутъ въ безсильной борьбѣ съ нѣмцами и новыми людьми.

Еще очень недавно смотрѣли на реакцію, послѣдовавшую за кончиной царя-преобразователя, какъ на выраженіе олигархическихъ замысловъ немногихъ своекорыстныхъ вельможъ и стремленіе русскихъ людей возвратиться къ дореформеннымъ порядкамъ, къ старинному строю москов-

скаго государства. Въ особенности такой взглядъ прилагался къ событіямъ воцаренія императрицы Анны Іоанновны. Но если мы пристальнѣе вглядимся въ явленія внутренней государственной жизни Россіи съ 1725 по 1730 г.—то неизбѣжно придемъ къ инымъ заключеніямъ. Эти явленія были главнѣйшими элементами, образовавшими фактъ воцаренія Анны Іоанновны. Они были слѣдующія: 1) неопредѣленность престолонаслѣдія послѣ Петра Великаго, 2) личныя качества его ближайшихъ преемниковъ, 3) государственное значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, 4) неопредѣленность правъ шляхетскаго сословія, 5) отношенія русскихъ людей къ иноземцамъ.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ явленій.

1) Петръ Великій, отстранивъ отъ престолонаслѣдія сына своего, царевича Алексѣя Петровича, предпочелъ наслѣдственному династическому началу принципъ *избирательный*. Право избранія наслѣдника престола онъ предоставилъ исключительно царствующему государю, выходя въ этомъ случаѣ логически изъ своего представленія о самодержавной власти государя; власть эту Петръ В. опредѣляетъ въ воинскомъ артикулѣ слѣдующимъ образомъ: „Его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ отвѣта дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанской государь, по своей волѣ и благомнѣренію управлять".—Но Петръ В. умеръ не избравъ себѣ наслѣдника. Новые люди реформы, опираясь на войско, возвели послѣ его кончины на престолъ россійскій его супругу Екатерину I-ю, какъ императрицу коронованную имъ при жизни. Манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины былъ изданъ отъ имени *сената*, *синода и генералитета*, которые *согласно приказали* объявить въ народъ о воцареніи Екатерины I-й. Манифестъ этотъ заключалъ въ себѣ нарушеніе основныхъ законовъ Петра Великаго, которыми не указанъ случай *согласнаго приказа* двухъ верховныхъ коллегій и совершенно произвольной группы высшихъ военныхъ служилыхъ людей. Сенатъ не облеченъ былъ правомъ избирать государя Россіи по кончинѣ безнаслѣдственнаго государя; тѣмъ менѣе могъ претендовать на это право синодъ, изолированный Петромъ Великимъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла „гражданскія"; генералитетъ не имѣлъ при Петрѣ никакого политическаго зна-

ченія и былъ просто оффиціальнымъ терминомъ для обозначенія совокупности генераловъ. Между тѣмъ это нарушеніе имѣло громадныя послѣдствія: оно служило прецедентомъ *избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію.*

Еще въ 1722 г. при самомъ изданіи „Устава" о правѣ царствующаго государя назначать себѣ наслѣдника, многіе сомнѣвались въ этомъ правѣ, такъ что потребовались доказательства его; съ этой цѣлью была издана политическая прокламація—„Правда воли Монаршей". „Правда" предусматриваетъ возможность кончины государя до назначенія имъ преемника, и если придерживаться строго толкованій „Правды", то послѣ Петра В. должна была воцариться одна изъ его дочерей, Анна или Елизавета. При воцареніи Екатерины I-й явилось еще болѣе недовольныхъ. Противниками ея было большинство „родословныхъ людей", желавшихъ видѣть на престолѣ внука Петра Великаго, Петра Алексѣевича. Они распались на двѣ партіи: умѣренные предлагали объявить Екатерину регентомъ государства до совершеннолѣтія Петра Алексѣевича, крайніе—хотѣли заключить ее и двухъ ея дочерей въ монастырь. По воцареніи Екатерины явилась новая „конъюнктура": Остерманъ предлагалъ обвѣнчать десятилѣтняго Петра Алексѣевича съ его семнадцатилѣтней теткой Елизаветой Петровной—но эта „конъюнктура" не исполнилась, какъ прямо противорѣчащая постановленіямъ Православной Церкви.

Екатерина I-я, умирая, опредѣлила престолонаслѣдіе „тестаментомъ": она передавала престолъ Петру Алексѣевичу, а въ случаѣ его кончины безъ избранія себѣ преемника, должны послѣ него царствовать, сначала старшая ея дочь, Анна Петровна, съ ея „десцендентами", а за нею вторая дочь, Елизавета Петровна, и ея „десценденты". При составленіи „тестамента" явились противники воцаренія Петра II-го: то были „новые люди реформы", игравшіе активную, но позорную роль въ гибели царевича Алексѣя и боявшіеся мести отъ его сына. Въ то же время носились слухи, что „тестаментъ" Екатерины I-й былъ составленъ Меншиковымъ. Тестаментъ Екатерины и слухъ о совершеніи его Меншиковымъ дали мысль князьямъ Долгорукимъ составить впослѣдствіи подложный тестаментъ отъ имени Петра II

въ пользу „государыни-невѣсты", княжны Екатерины Долгорукой.

2) Петръ Великій былъ на дѣлѣ именно такимъ самодержцемъ, идеалъ котораго онъ выразилъ въ „воинскомъ артикулѣ". Тяжело приходилось его подданнымъ, но не легко было и самому царю. Онъ, не смотря на свою крутость и своенравность, могъ всегда служить русскимъ людямъ образцомъ трудолюбца и подвижника на престолѣ. Немногіе изъ его современниковъ-подданныхъ оцѣнили его съ этой стороны; для большинства изъ нихъ онъ былъ источникомъ „тяготы неудобоносимой"; но и для этого большинства онъ являлся съ ореоломъ славы и величія. Совершенно иными личностями были Екатерина I и Петръ II. Первая—была женщина добрая и даже умная, но необладавшая широкимъ государственнымъ умомъ; второй—былъ ребенокъ, личность котораго не могла опредѣлиться вполнѣ. Весьма естественно, что самодержавіе Екатерины I и Петра II—было фиктивно. Фактическимъ правителемъ государства во все правленіе Екатерины и въ первый годъ правленія ребенка-императора былъ князь Меншиковъ, этотъ „прегордый Голіаѳъ", какъ называли его современники. Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ въ умахъ людей родословныхъ, этихъ потомковъ „думцевъ" царей московскихъ, являлась мысль о томъ, что они имѣютъ бо̀льшее право на оффиціальное участіе въ управленіи страной, чѣмъ имѣетъ это право выскочка-пирожникъ, лукаво прикрывавшійся самодержавіемъ женщины и ребенка. Была мысль ограничить власть Екатерины I-й сенатомъ.

3) При отсутствіи дѣйствительнаго самодержца на престолѣ, у родословныхъ людей развивалась и другая мысль: о бо̀льшемъ расширеніи и распространеніи коллегіальнаго порядка, введеннаго Петромъ Великимъ въ его государственныхъ учрежденіяхъ. „Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ"—говорилъ Петръ, мотивируя преимущество коллегіальнаго порядка передъ управленіемъ единоличнымъ. Князь Меншиковъ былъ полнымъ олицетвореніемъ именно такой „единой персоны", преисполненной „страсти", и родословные люди весьма естественно приходятъ къ мысли о необходимости верховной коллегіи. Такой коллегіей явился Верховный Тайный Совѣтъ, учрежденный въ 1726 году.

Обыкновенно съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ соединяется представленіе о какомъ то сборищѣ олигарховъ, преслѣдовавшихъ исключительно свои эгоистическія цѣли, въ ущербъ интересовъ всѣхъ остальныхъ общественныхъ классовъ земли русской. Такое представленіе невѣрно.

Верховный Тайный Совѣтъ съ самаго учрежденія своего задается широкимъ планомъ „поправленія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ", одушевляясь мыслію объ общемъ благѣ. Прежде всего онъ заботится объ улучшеніи финансовъ и экономическихъ и промышленно-торговыхъ условій страны, сильно расшатавшихся во время двадцатилѣтней войны. „Деньги суть артерія войны"—говорилъ Петръ Великій и стремился къ тому, чтобъ „денегъ какъ возможно болѣе искать". Вся тяжесть этого исканія само-собою падала на преобладающій въ Россіи классъ земледѣльцевъ—крестьянство. По этому Верховный Тайный Совѣтъ особенно заботится объ улучшеніи участи крестьянъ именно съ финансовой, экономической стороны. Измѣненіе податной системы въ смыслѣ облегченія для крестьянъ—„для бѣднаго крестьянства", какъ выражается Верховный Тайный Совѣтъ,—является для него существенной реформой въ цѣломъ рядѣ предпринятыхъ имъ реформъ.

Не вдаваясь въ излишнія подробности, отмѣтимъ лишь главнѣйшія изъ распоряженій Верховнаго Тайнаго Совѣта за четырехлѣтнее его существованіе.

1) Верховный Совѣтъ принимаетъ рядъ мѣръ для облегченія крестьянамъ платежа подушныхъ денегъ, какъ за текущіе годы, такъ и недоимокъ прежнихъ лѣтъ, 2) изыскиваетъ способы, чтобы избавить крестьянъ отъ чрезмѣрнаго количества начальниковъ и „командировъ", которые только ихъ притѣсняютъ и кормятся на ихъ счетъ; съ этой цѣлью предпринимается въ областномъ управленіи рядъ реформъ, сосредоточивающихъ всю власть въ лицѣ губернатора, 3) заботится о расширеніи торговли, о свободѣ ея и объ уничтоженіи стѣснительныхъ монополій и привиллегій, выражая эти воззрѣнія въ „Вексельномъ уставѣ 1729 г." и въ дѣятельности коммиссіи о коммерціи; мануфактуръ-коллегія была уничтожена для большаго облегченія торговли, 4) заботится о благосостояніи посадскихъ людей и горожанъ; главный магистратъ упраздненъ „для лучшаго посадскихъ охраненія", 5) стремится уравнять государствен-

ные расходы съ доходами и съ этою цѣлью уменьшаетъ бюджетъ расходовъ, сокращаетъ штаты чиновниковъ въ коллегіяхъ и возстановляетъ ревизіонъ-коллегію.

Верховный Совѣтъ обращаетъ вниманіе на всѣ стороны государственной жизни. Онъ заботится и о развитіи юстиціи, и о просвѣщеніи, и о духовенствѣ, и о войскѣ, и о возстановленіи самоуправленія Малороссійскаго народа. Его озабочиваетъ мысль о сочиненіи новаго уложенія и для этого образуется комиссія изъ выборныхъ отъ шляхетства (1728—1729 г.), поддерживается типографія и изданіе „публичныхъ вѣдомостей“, совсѣмъ было прекратившихся вслѣдъ за кончиной Петра В. Въ вопросахъ о духовенствѣ Верховный Совѣтъ становится защитникомъ опять таки массы народа и монастырскихъ и архіерейскихъ крестьянъ; въ вопросахъ о войскѣ—его заботитъ лучшій способъ расквартированія полковъ по губерніямъ и онъ изыскиваетъ мѣры для облегченія воинскихъ постоевъ какъ относительно обывателей, такъ и относительно солдатъ; являлась мысль отпускать ежегодно по домамъ двѣ трети всѣхъ наличныхъ солдатъ и офицеровъ изъ шляхетства, чтобы „могли привести своя деревни и домы въ надлежащій порядокъ“. Въ 1727 г. были возстановлены статьи Хмельницкаго о выборѣ гетмана въ Малороссіи. Эта мѣра Верховнаго Тайнаго Совѣта, а равно и нѣкоторыя другія (выборные отъ шляхетства для сочиненія „уложенія“, учрежденіе комиссіи о коммерціи и изданіе Вексельнаго Устава)—происходятъ въ правленіе Петра II, въ то время, которое почитается у насъ исключительно временемъ придворныхъ крамолъ и интригъ.

Въ правленіе князя Меншикова, при Екатеринѣ І-й, Верховный Тайный Совѣтъ стремился упрочить за собой высшую правительственную власть. Въ присягѣ гг. министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и сенаторовъ, изданной вслѣдъ за учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, императрица Екатерина I не имѣетъ титула самодержицы, а присягающій обѣщается, что будетъ исполнять свою должность по „регламентамъ и инструкціямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“. Всѣ резолюціи Верховнаго Тайнаго Совѣта получали силу высочайшаго указа, если онѣ подписаны всѣми членами Совѣта; воспрещалось исполнять указы не подписанные, *или* императрицею, *или* членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ формулѣ императорскаго

титула указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Екатерина также не называлась самодержицею. По „тестаменту" Екатерины, Верховному Тайному Совѣту во время малолѣтства Петра II-го прямо предоставляется „полная власть, равная государской", только „онъ ничего не можетъ перемѣнить въ наслѣдіи престола". Всѣ члены его, вмѣстѣ съ двумя принцессами (Анной Петровной и Елизаветой Петровной) и герцогомъ голштинскимъ назначались членами регентства надъ малолѣтнимъ императоромъ.

При Петрѣ II, особенно по сверженіи Меншикова, Верховный Тайный Совѣтъ почувствовалъ въ себѣ еще болѣе силы и весьма естественно стремился все болѣе и болѣе расширять свою власть.

Иностранцы съ самаго учрежденія Верховнаго Совѣта видѣли въ немъ первый шагъ къ измѣненію существующей формы правленія. Указавъ на это значеніе Верховнаго Совѣта, французскій резидентъ Кампредонъ писалъ между прочимъ слѣдующее: „Но они (родословные люди) рѣшатся и на быструю перемѣну, если имъ удастся упрочить свое значеніе и пересилить верховную власть, получивъ преимущества, которыя они сочтутъ нужными для учрежденія и поддержанія формы правленія, подобной англійской. Вѣроятно, это и побудило предпринять такой образъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ наиболѣе разсудительные люди ожидаютъ подобныхъ послѣдствій отъ этого новаго учрежденія; мнѣніе это вполнѣ согласно съ тѣмъ, что уже извѣстно о намѣреніяхъ главнѣйшихъ изъ русской націи".

4) Терминъ „шляхетство", которымъ опредѣлялась въ первую половину XVIII в. совокупность служилыхъ людей,—новое сословіе образованное Петромъ В.,—при самомъ преобразователѣ отличался большою сбивчивостью и неопредѣленностью. Первоначально этимъ терминомъ Петръ опредѣлялъ только среднихъ и низшихъ служилыхъ чиновъ московскаго государства; высшіе старинные чины бояре, окольничіе, думные дворяне и новые чины, тайные и дѣйствительные тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники—не входили въ его составъ; офицеры вновь образованныхъ арміи и флота, не только не входили въ составъ шляхетства но даже ставились выше шляхтичей. Мало по малу терминъ „шляхетство" переносится на всѣхъ служилыхъ людей, высшихъ и низшихъ, старыхъ и новыхъ.

Въ московскомъ государствѣ служилые люди не составляли сословія, въ нихъ не было корпоративнаго единства; совершенно наоборотъ, высшіе чины не имѣли ничего общаго съ низшими. Ихъ раздѣляла непроходимая пропасть, черезъ которую не могъ никогда переступить низшій служилый чинъ, отбывавшій натуральную служебную повинность за вознагражденіе земельнымъ надѣломъ—помѣстьемъ и вотчиной. Высшіе чины, думные люди, состояли почти исключительно изъ людей родословныхъ; не одна личная заслуга, но и *порода*, происхожденіе отъ заслуженныхъ предковъ, давала право на чинъ боярина и окольничаго. (Къ нимъ примыкали младшіе члены родословныхъ фамилій, носившіе обыкновенно средній чинъ стольника). Петръ Великій выставилъ для службы иной принципъ: самый „худородный" человѣкъ могъ достичь высшаго положенія въ государствѣ только своими личными заслугами. Эти новыя основанія службы были ясно и категорически опредѣлены въ табели о рангахъ. Табель устанавливала іерархію чиновъ, раздѣленную на 14 классовъ; первый офицерскій чинъ и чинъ 8-го класса гражданской службы давалъ потомственныя права сословія, названнаго оффиціально не шляхетствомъ, а дворянствомъ; пріобрѣтеніе высшаго служебнаго положенія посредствомъ родословности, происхожденія, было совсѣмъ уничтожено, но все-таки допущена нѣкоторая уступка происхожденію: всѣ потомки служилыхъ людей, могущіе доказать, что предки ихъ за сто лѣтъ до изданія „табели" были также служилыми людьми какого бы то ни было чина,—признавались потомственными дворянами даже еслибы они были простыми рядовыми, или низшими чиновниками. За особыя заслуги давались титулы, свойственные западно-европейской родовой аристократіи—князей, графовъ, бароновъ, установлялись гербы для дворянъ и особое дворянское учрежденіе—герольдія, вѣдавшее новое дворянское сословіе. Такимъ образомъ „табель о рангахъ" создавала новую аристократію чиновно-бюрократическую со всѣми внѣшними аттрибутами западно-европейской родовой аристократіи.

Въ чемъ же заключались права и обязанности этого новаго шляхетскаго, или дворянскаго сословія?

Въ первую половину XVIII в. оно вовсе не было тѣмъ привиллегированнымъ сословіемъ, какимъ явилось позднѣе;

у него не только не было никакихъ привиллегій сравнительно съ другими сословіями, у него даже не было правъ. Сословіе шляхетское освобождалось отъ личной переписи (ревизіи) и личной подушной подати, въ иныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ—отъ пытокъ, и пользовалось нѣкоторыми льготами въ торговлѣ, но всѣ остальныя натуральныя и денежныя повинности оно несло наравнѣ съ другими сословіями и не было освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя въ сознаніи большинства шляхтичей не считались даже позорными. При такомъ почти полномъ отсутствіи правъ, на шляхетствѣ лежала весьма тяжкая обязанность—постоянной службы государству, которая при Петрѣ В. была не отбываніемъ повинности, а приложеніемъ знанія къ государственнымъ потребностямъ. Поэтому для шляхетства кромѣ службы явилось другое обязательное занятіе—ученье: отправка молодыхъ дворянъ за море и обязательное поступленіе въ „цифирныя“ и „навигаторскія“ и „инженерныя“ школы. И служба и наука не легко дались шляхетству. Военная служба, какъ въ сухопутномъ войскѣ, такъ и во флотѣ, была пожизненная, отставки были очень рѣдки и затруднительны, строгости „воинскаго артикула“ и продолжительныя войны—дѣлали военную службу весьма тяжелою, почти невыносимою. Ежегодные смотры недорослей у воеводъ и губернаторовъ и экстренные смотры въ Москвѣ въ сенатѣ и у герольдмейстера, контроль съ его стороны надъ шляхетскими подростками, годными къ службѣ—все это весьма естественно стѣсняло шляхетство, которому еще такъ памятно было привольное житье дворянъ и дѣтей боярскихъ въ своихъ деревняхъ въ свободное отъ походовъ время. При опредѣленіи шляхтичей въ школы и при отправленіи ихъ „за море“ не принимались въ соображеніе природныя склонности молодыхъ людей: и въ школы и за море ихъ отправляли насильно. Вслѣдствіе отсутствія моря и флота въ Московскомъ государствѣ, морское дѣло было ему совершенно чуждо и молодые баричи конечно не могли имѣть склонности къ „навигаторской“ наукѣ. Герольдмейстеръ былъ верховный наблюдатель за успѣхами шляхтичей въ наукахъ: онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы молодые шляхтичи, подготовлявшіеся къ гражданской службѣ, учились бы по крайней мѣрѣ „экономіи“ и „закону“.

XI

Служба въ московскомъ государствѣ опредѣлялась весьма важнымъ преимуществомъ: вознагражденіе за службу было владѣнье населенною землею. Всѣ служилые люди были помѣщиками и вотчинниками; это такъ срослось съ понятіемъ современниковъ, что иначе они не могли себѣ представить служилаго человѣка. Петръ Великій не только ввелъ совершенно иную систему вознагражденія за службу, но сильно измѣнилъ какъ старинное понятіе о помѣстьѣ и вотчинѣ, такъ и отношеніе крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Вмѣсто раздачи помѣстій и вотчинъ, Петръ В. ввелъ *денежное жалованье*, но рядомъ съ этимъ онъ смѣшалъ различіе между помѣстьемъ—владѣньемъ временнымъ и вотчиной—владѣньемъ наслѣдственнымъ, приравнявъ первое ко второму, а земледѣльцевъ при этихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, крестьянъ, смѣшалъ совершенно съ холопами. Владѣнье вотчинами, право пользованія ими, и право распоряжаться ими—было подвергнуто сильнымъ ограниченіямъ. Право пользованія ограничивалось разными исключеніями, вновь созданными регаліями; право распоряженія ограничивалось весьма существенно закономъ о единонаслѣдіи (1714 г.).

Законъ 1714 г. о единонаслѣдіи исходилъ изъ принципа аристократическаго. Онъ стремился создать классъ родовитыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Недвижимое имѣніе должно было переходить по наслѣдству къ одному изъ сыновей владѣльца, по его усмотрѣнію, если же владѣлецъ самъ не назначалъ наслѣдника, то таковымъ признавался старшій сынъ; владѣлецъ, не имѣвшій сыновей, могъ отдать свое недвижимое имущество одному изъ членовъ своей фамиліи по своему выбору; если онъ не сдѣлалъ распоряженія при жизни, то имѣніе отдавалось ближайшему въ родѣ. Младшіе братья (кадеты) должны служить въ военной и гражданской службѣ и заниматься торговлей, промыслами и ремеслами, или могли даже поступать въ бѣлое духовенство; кадеты могли сами пріобрѣтать вотчины лишь съ извѣстными ограниченіями: для этого положено было извѣстное число лѣтъ обязательной службы, или обязательнаго занятія торговлею и промышленностью. Послѣдній въ родѣ, если имѣетъ только дочерей, можетъ отдать недвижимое имѣніе одной изъ нихъ; но для возобновленія фамиліи мужъ дочери долженъ принять фамилію тестя. Такимъ образомъ Петръ Великій хотѣлъ ограничить вотчинное право из-

вѣстнымъ только количествомъ служилыхъ людей, а остальныхъ желалъ ввести въ классъ промышленный и торговый, даже въ бѣлое духовенство.

Законъ о единонаслѣдіи произвелъ большое разстройство въ шляхетскомъ хозяйствѣ, преимущественно у средняго и мелкаго шляхетства. Русскіе люди привыкли къ раздѣлу имущества, а потому считали законъ несправедливымъ по существу. Шляхетство смотрѣло на меньшихъ членовъ семьи какъ на обиженныхъ сравнительно со старшимъ. Начинали различными путями обходить законъ, или доводить его результаты до крайнихъ предѣловъ: стали продавать, несмотря на запрещеніе, деревни въ чужой родъ, а полученныя деньги дѣлили поровну между дѣтьми; перепродавали имѣнія для укрѣпленія кадетамъ; писали на себѣ чей нибудь долгъ въ духовномъ завѣщаніи, прося наслѣдника выплатить его меньшимъ дѣтямъ; снятый съ полей хлѣбъ, рогатый скотъ и лошадей, какъ движимое имущество, отдавали кадетамъ, вслѣдствіе чего наслѣдникъ получалъ имѣніе безъ рабочаго скота и безъ сѣмянъ на слѣдующій годъ, а кадеты получали хлѣбъ и скотъ безъ земли. Иногда между членами семьи случались кровавыя драки изъ-за наслѣдства. Чѣмъ меньше было состояніе и многочисленнѣе семья—тѣмъ болѣе было разстройства и обѣдненія. Бѣдные шляхтичи, кадеты небольшихъ имѣній, записывались охотой въ подушный окладъ.

5) Петръ Великій, перестраивая московское государство на европейскій образецъ, весьма естественно призвалъ „изъ-за моря" большое количество иностранцевъ для обученія русскихъ людей рѣшительно всему, начиная съ администраціи и военнаго дѣла и кончая мелочными ремеслами; но онъ смотрѣлъ на этихъ иностранцевъ не иначе, какъ на экспертовъ, знающихъ людей, какъ на учителей, которые послѣ наученія русскаго народа „аки дѣтей" (Петръ В. считалъ русскій народъ дѣтьми), должны уступить мѣсто своимъ ученикамъ. Иностранные служилые люди и мастеровые одинаково *нанимались* имъ по контракту; офицеры-иностранцы получали жалованья больше, чѣмъ русскіе, но принимались на службу ниже тѣхъ чиновъ, какіе занимали у себя дома; права иностранцевъ жившихъ въ Россіи были ограничены. Весьма немногіе изъ этихъ наемниковъ достигли высшихъ служебныхъ мѣстъ: этого достиг-

ли или люди дѣйствительно выдающихся умственныхъ способностей, или личные любимцы Петра В. Во главѣ всѣхъ отраслей управленія при Петрѣ стояли русскіе. Въ числѣ сенаторовъ при учрежденіи сената мы не видимъ ни одного иноземца; всѣ президенты коллегій (за весьма малыми исключеніями) были русскіе, большинство губернаторовъ и генераловъ—тоже. Только въ послѣдніе годы царствованія Петра В. роль иноземцевъ усиливается. Въ этомъ отношеніи имѣетъ большое значеніе помолвка старшей дочери Петра В. съ герцогомъ голштинскимъ. Герцогъ переѣзжаетъ въ Петербургъ и его министръ Бассевичъ становится вскорѣ рѣшителемъ судебъ русскаго государства. Около Екатерины сосредоточиваются разные иноземцы-авантюристы, частію изъ московской Нѣмецкой Слободы, частію изъ вновь завоеванныхъ балтійскихъ провинцій и Польши; наряду съ родословными иноземцами вродѣ Лёвенвольде и графа Сапѣги, возвышаются разные Монсы, Балки и Крамеры. По кончинѣ Петра В. выражается въ русскихъ людяхъ ненависть противъ этихъ иноземцевъ и голштинцевъ. Едва вступила на престолъ Екатерина, какъ по Петербургу стали распространяться слухи о нападеніи на иностранцевъ, и даже такіе иноземцы, какъ Остерманъ и Ягушинской, начали укладывать свои пожитки, чтобы выбраться изъ Россіи по добру-по здорову. Въ два года царствованія Екатерины все болѣе и болѣе развивается у русскихъ людей злоба противъ нѣмцевъ-проходимцевъ и наконецъ выражается открытымъ протестомъ при Петрѣ II-мъ. Князья Долгорукіе, видя очень хорошо, что въ *новомъ* Петербургѣ уже стала образовываться нѣмецкая закваска, перевозятъ ребенка-императора въ *старую* Москву, гдѣ не смотря на ломку, произведенную Петромъ Великимъ, были сильны національныя русскія традиціи. Предполагавшійся бракъ отрока-императора съ *русской княжной* Долгорукой возбуждалъ въ современникахъ симпатію именно съ національной точки зрѣнія.

Исчисленныя явленія и подготовили тѣ замыслы, которые выразились при воцареніи Анны Іоанновны. Замыслы эти были логическимъ результатомъ предыдущаго, какъ является все въ исторіи, природѣ которой такъ же чуждо явленіе случайное, какъ оно чуждо природѣ физической и нравственной, индивидуальной природѣ человѣка. Верховный

Тайный Совѣтъ, избирая Анну Іоанновну, нарушилъ „тестаментъ“ Екатерины I-й, но тестаментъ этотъ признавался въ то время подложнымъ. Избирая ее, онъ считалъ себя представителемъ высшей власти въ Россіи и въ фактѣ избранія выходилъ изъ мыслей Петра В. *объ избраніи* достойнѣйшаго себѣ преемника. Въ этомъ случаѣ Верховный Совѣтъ впалъ въ существенную ошибку, будучи на дѣлѣ совершенно самозваннымъ представителемъ Россіи, но онъ подражалъ въ этомъ случаѣ генералитету и сенату при воцареніи Екатерины I-й. Противъ этой-то его роли и возстало шляхетство.

ОБЗОРЪ ИСТОЧНИКОВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Приступая къ обзору источниковъ исторіи воцаренія императрицы Анны Іоанновны, мы должны прежде всего оговориться. Мы разсмотримъ только главнѣйшіе источники, относящіеся преимущественно къ самому факту избранія Анны Іоанновны и вступленія ея на престолъ. Всѣ остальные источники, какъ относительно событій воцаренія Анны Іоановны, такъ и относительно лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ—мы указываемъ въ своемъ мѣстѣ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Источники нашего изслѣдованія сами собой распадаются на двѣ большія группы: отечественные и иноземные. Первая група состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) документовъ, касающихся избранія и воцаренія Анны Іоанновны, оффиціальныхъ записокъ и разныхъ правительственныхъ и оффиціальныхъ актовъ, 2) записокъ русскихъ людей. Иноземные источники, не столь богатые по матеріалу, состоятъ главнымъ образомъ изъ донесеній пословъ и изъ мемуаровъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

ДОКУМЕНТЫ ОФФИЦІАЛЬНЫЕ.

Изъ этой категоріи документовъ въ VIII т. перваго **Полнаго Собранія Законовъ**, напечатано всего лишь *семь* указовъ, а именно: а) *28 января*, указъ изъ В. Т. С. объ учрежденіи входа Ея Величества Государыни Царевны Анны Іоанновны въ Москву противъ того, какъ учреждено было въ 1728 году для входа блаженной памяти Государя Императора Петра II (№ 5497).—b) *того же числа*, указъ В. Т. С. о поставкѣ подводъ для шествія Ея Величества отъ Лифляндской границы къ Москвѣ (№ 5498).—c) *4 февраля*, манифестъ отъ имени В. Т. С. о кончинѣ Императора Петра II и о воспріятіи Россійскаго престола Государыней Царевною Анною Іоанновною (№ 5499).—d) *5 февраля*, указъ изъ В. Т. С. о возношеніи Ея Императорскаго Величества въ церковномъ служеніи и о писаніи Высочайшаго имени въ грамотахъ, указахъ и прочихъ актахъ такимъ же титуломъ, какъ сіе было при императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (I-й) и о сдѣланіи государственныхъ печатей по тому же примѣру (№ 5500).—e) *9 февраля*, форма о титулахъ Государыни Императрицы Анны Іоанновны (№ 5501).—f) *26 февраля*, о посылкѣ въ губерніи и провинціи нарочныхъ и о возвращеніи въ Москву прежде посланныхъ изъ сената съ указами и присягами унтеръ-офицеровъ (№ 5508).—g) *28 февраля*, манифестъ о вступленіи на россійскій престолъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Анны Іоанновны, *о воспріятіи* самодержавія и объ учиненіи вновь присяги, съ приложеніемъ клятвеннаго обѣщанія (№ 5509).

Изъ этого перечисленія видно, какъ неполны правительственныя сообщенія о воцареніи Анны Іоанновны, вошедшія въ П. С. З. Впрочемъ, неполнота эта весьма понятна. Въ П. С. З. вносились только обнародованные въ свое время печатные манифесты и указы, а документы о воцареніи Анны Іоанновны по самому существу своему не могли быть *всѣ* обнародованы.

Кромѣ „Полнаго Собранія Законовъ" издано въ свѣтъ нѣсколько правительственныхъ распоряженій и оффиціальныхъ документовъ касающихся воцаренія Анны Іоанновны

въ различныхъ спеціальныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ. Но всѣ эти документы (которые мы подробно указываемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ на тѣхъ страницахъ нашей книги, гдѣ идетъ о нихъ рѣчь)—въ большинствѣ случаевъ изданы по частнымъ, не всегда вѣрнымъ, копіямъ; вслѣдствіе чего мы должны были обратиться къ изученію подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ, Синодальномъ—въ С.-Петербургѣ и въ главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ. Всѣ разсмотрѣнные нами документы въ этихъ архивахъ также подробно указываются въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Здѣсь же мы остановимся только на общемъ характерѣ самыхъ важныхъ документовъ.

А) ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВЪ.

I) **Подлинные документы о восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны** (разд. III, дѣла №№ 4 и 6). Ко всѣмъ этимъ документамъ имѣется современная обложка съ собственноручною надписью императрицы Анны Іоанновны: „о коварныхъ письмахъ, какъ я на престолъ взошла“. Сохранился также въ дѣлѣ № 6 конвертъ съ слѣдующей надписью Екатерины II-й: „безъ именного указу никому не выдавать“, подъ которою рукою Н. И. Панина написано: „Въ семъ пакетѣ находятся въ подлинникахъ пункты отъ верховнаго совѣта императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ предложенныя, ею подписанные и потомъ изорванные, прошеніе отъ дворянства къ Ея Величеству о уничтоженіи оныхъ и о принятіи паки самодержавной власти и разныя бумаги до сего важнаго происшествія касающіеся“. „Кондиціи“ многими изслѣдователями считались утраченными. Такого мнѣнія держатся, напримѣръ, составитель сборника „La Cour de Russie il y a cent ans“, г. Щебальскій, въ статьѣ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны и князь П. В. Долгорукой, въ своихъ „Memoires“, изданныхъ въ 1867 году.

II) **Слѣдственныя дѣла о князьяхъ Долгорукихъ съ 1730 по 1741 годъ включительно.** Всѣхъ такихъ дѣлъ въ Государственномъ архивѣ *двадцать одинъ* нумеръ въ 34 фоліантахъ. Изъ нихъ для настоящаго изслѣдованія послужили главнымъ образомъ экстракты,

составленные въ 1738—1741 гг. изъ дѣлъ по доносу на Долгорукихъ тобольскаго подъячаго Тишина, 28 экстрактовъ въ 3-хъ частяхъ (дѣло № 181), и судъ и приговоръ надъ Долгорукими въ 1739 году (дѣло № 182).

B) АРХИВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Занятія въ немъ значительно облегчаются прекрасной „Описью Высочайшихъ повелѣній, хранящихся въ этомъ архивѣ", составленной и изданной начальникомъ его П. И. Барановымъ (Спб. 1872—78, 4 т.). Въ Сенатскомъ архивѣ нами разсмотрѣны Книги именныхъ указовъ и высочайшихъ повелѣній за 1704—1740 года и дѣлъ Кабинета 1731—1740 г. Эти книги весьма много пополняютъ такъ наз. „Полное Собраніе Законовъ" и представляютъ богатый матеріалъ для фактическихъ свѣдѣній о служебной карьерѣ очень многихъ участниковъ въ шляхетскихъ проэктахъ и мнѣніяхъ. Благодаря *почти исключительно* этому источнику, мы могли опредѣлить большую часть личностей, подписавшихъ шляхетскіе проэкты и мнѣнія.

C) ДѢЛА ВЕРХОВНАГО ТАЙНАГО СОВѢТА

хранятся въ трехъ архивахъ: Государственномъ, Сенатскомъ и Главномъ М. И. Д. въ Москвѣ.

Въ Государственномъ Архивѣ находятся **Черновые журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 19 января по 28 февраля 1730 года включительно**, на 72 листахъ (разд. III, д. № 5). Журналы эти важны тѣмъ, что бѣловыхъ журналовъ за это время не сохранилось. Написанные второпяхъ, на скоро, они представляютъ скорѣе конспектъ засѣданія, чѣмъ его журналъ. Присутствующіе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта въ нѣкоторыхъ журналахъ названы только по именамъ, безъ фамилій,—очевидно писецъ не считалъ нужнымъ заносить хорошо извѣстныя ему фамиліи въ черновой набросокъ журнала. Журналы Верховнаго Тайнаго Совѣта представляютъ полную картину его распоряженій по внутреннему государственному управленію за все время отъ смерти Петра II до присяги на самодержавіе Анны Іоанновны.

Въ Сенатскомъ Архивѣ хранятся: 1) **Книга крѣпленымъ протоколамъ, состоявшимся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ за январь и февраль 1730 года, на 215 листахъ, in fol.** (кн. лит. к), 2) **Книги указовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 1726 по 1730 годъ.**

Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта (св. № 7) въ Главномъ Архивѣ М. И. Д. въ Москвѣ касаются дипломатическихъ сношеній съ иностранными державами за указанное время и заключаютъ въ себѣ:

1) Отпуски протоколовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на 38 листахъ.

2) Бѣловой журналъ, или дневную записку дѣламъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, на 79 листахъ.

3) Черновое сообщеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ о вспомогательныхъ цесарю нѣмецкому войскахъ, изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ 19 февраля 1730 года, на 3-хъ листахъ.

Въ томъ же архивѣ просмотрѣна нами рукопись въ листъ, подъ заглавіемъ: **„Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Совѣта"** — въ черновомъ спискѣ, съ помарками и поправками, сдѣланными рукою А. Ѳ. Малиновскаго, бывшаго директоромъ Архива М. И. Д. (№ ¹⁵⁄₁₁). Въ рукописи находится всего 458 нумерованныхъ листовъ. Рукопись эта есть сводъ, составленный Малиновскимъ преимущественно изъ журналовъ и протоколовъ В. Т. С., хранящихся въ главномъ архивѣ М. И. Д.; кромѣ нихъ, источниками для Малиновскаго послужили: a) печатные манифесты и указы, b) переписка князя В. Л. Долгорукаго, c) разные архивные документы и выписки, d) „Supplement au corps diplomatique", сборникъ составленный Руссе, и другіе иностранные сборники въ томъ же родѣ; но дѣлами Верховнаго Тайнаго Совѣта, хранящимися въ архивахъ Государственномъ и Сенатскомъ, Малиновской не пользовался: это доказывается сличеніемъ его рукописи съ вышеназванными дѣлами. Весьма плохимъ и исполненнымъ ошибокъ и недосмотровъ извлеченіемъ изъ рукописи Малиновскаго являются такъ наз. „Протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта", напечатанные въ „Чтеніяхъ Московскаго Общ. Ист. и Древн. Российск.", (1858 года, книга II). Не имѣя никакого оффиціальнаго значенія и будучи составлены столѣтіемъ позже событій,

о которыхъ идетъ въ нихъ рѣчь,—эти извлеченія никакъ не могутъ быть почтены оффиціальными протоколами.

D) АРХИВЪ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА

заключаетъ въ себѣ весьма немного документовъ относящихся непосредственно къ воцаренію Анны Іоанновны. Къ нему относятся только **Дѣла о кончинѣ Петра II и о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны** за №№ 32, 34, 35 и 36.

ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ

Русскіе мемуары, сообщающіе свѣдѣнія о разсматриваемыхъ событіяхъ, принадлежатъ лицамъ двухъ поколѣній: современники, участники и неучастники въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны, а за тѣмъ люди слѣдующаго поколѣнія повѣствуютъ намъ объ этихъ событіяхъ и ихъ дѣятелахъ. Послѣ раздражительныхъ отзывовъ непосредственныхъ участниковъ въ событіяхъ, принадлежавшихъ притомъ къ разнымъ партіямъ, какъ напримѣръ, Өеофана Прокоповича, Татищева, и др.—до насъ доходятъ болѣе спокойныя сужденія мемуаристовъ современниковъ - не очевидцевъ и не принимавшихъ личнаго участія въ событіяхъ; сюда относятся двое Миниховъ —отецъ и сынъ. Мемуаристы втораго поколѣнія, едва родившіеся около 1730 года, или даже увидѣвшіе свѣтъ въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, еще хладнокровнѣе говорятъ о событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны, которыя являются для нихъ уже прошлымъ, историческимъ фактомъ; онъ ихъ не волнуетъ; они относятся къ нему критически, хотя въ большинствѣ случаевъ тенденціозно: ихъ критерій лежитъ, частію въ личныхъ воззрѣніяхъ на дѣятелей этихъ событій, частію въ общемъ воззрѣніи той или другой партіи.

А) ОЧЕВИДЦЫ И УЧАСТНИКИ СОБЫТІЙ.

1) **Өеофанъ Прокоповичъ** оставилъ намъ особое сказаніе „о кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны“, написанное въ скоромъ времени по принятіи императрицею самодержавія. Сказаніе Өеофана, какъ

видно, было довольно распространено среди образованныхъ русскихъ людей второй половины XVIII и XIX вв. Нами просмотрѣны и сличены *девять* списковъ этого сказанія, а именно: 1) Государственнаго Архива подъ заглавіемъ: „конецъ Петра II-го", (разд. III, дѣло № 6, л. л. 57—72), списокъ исправляющій явныя ошибки текста въ печатномъ изданіи этого сказанія А. В. Терещенки (Сынъ Отеч. 1837 г. ч. CLXXXIV, стр. 23—73 и отд. изданіе въ томъ же году). Списокъ Государственнаго Архива почти дословно схожъ со спискомъ Языкова, напечатаннымъ имъ въ приложеніи къ „Запискамъ дюка Лирійскаго и Бервикскаго", Спб. 1845 (стран. 186—217): поэтому мы вездѣ ссылаемся на текстъ Языкова, 2) и 3) Списки извѣстнаго русскаго историографа Герг. Фрир. Мюллера (Глав. Арх. М. И. Д., Портфели Мюллера, № 150, тетр. 1 и 8), 4) Списокъ А. Ѳ. Малиновскаго (тамъ же, Бумаги Малиновскаго, портф. № 9), 5) Списокъ Императорской Публичной Библіотеки, 6) Д. М. Княжевича, 7) П. П. Бекетова, 8) и 9) Печатные тексты Терещенки и Д. И. Языкова. (Объ изданіяхъ ихъ см. выше).

Лучшій и самый достовѣрный изъ списковъ—есть списокъ Государственнаго Архива. Онъ относится, если не къ самому 1730 г., то несомнѣнно къ тридцатымъ годамъ XVIII ст. Написанъ онъ весьма четкимъ, красивымъ почеркомъ, близко подходящимъ къ почерку важнѣйшихъ государственныхъ актовъ 1730 года. Онъ заключаетъ въ себѣ 29 стр. въ листъ и помѣщается въ дѣлѣ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, въ концѣ подлинныхъ документовъ оея воцаренія. Три списка Главнаго Московскаго Архива М. И. Д, *два* Г. Ф. Мюллера (второй половины XVIII вѣка) и *одинъ* Малиновскаго (XIX вѣка)—представляютъ нѣкоторыя отмѣны въ отдѣльныхъ словахъ списка Государственнаго Архива; но отмѣны эти въ большинствѣ случаевъ не важны, иныя же просто описки. Списокъ Импер. Публичной Библіотеки относится къ концу XVIII вѣка. Списки Княжевича, Бекетова и печатные тексты Терещенки и Языкова — всѣ новые, двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Списокъ Бекетова изданъ М. П. Погодинымъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ" 1830 года, (ч. I. стр. 42—74) съ измѣненіемъ правописанія на нынѣшнее. Са-

мый неисправный изъ нихъ — текстъ Терещенки, наполненный нѣкоторыми очень грубыми ошибками, искажающими смыслъ повѣствованія. Въ печатномъ изданіи онъ названъ: „Исторія о избраніи и восшествіи на престолъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской“. Самое это заглавіе, показываетъ его позднее происхожденіе, во всякомъ случаѣ уже по смерти Анны Іоанновны, а ошибки текста Терещенки ясно свидѣтельствуютъ что онъ изданъ по новой и неисправной копіи. Вотъ самыя главныя изъ этихъ ошибокъ.

Списокъ Государств. Архива: «Который владѣнія образъ въ толь маломъ числѣ владѣющыхъ, не можетъ нарещися владѣтелство избранныхъ гречески аристократіа, но развѣ сковническое тиранство или насилство, которое олигархія у Еллиновъ именуется».

Терещенко. отд. изд., стр. 14: «Который владѣнія образъ (В. Т. С.) въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарѣщись владѣтельство избранныхъ, греческа аристократія, но развѣ сковническое (у Терещенки здѣсь поставленъ знакъ вопроса) торжество или насильство, которая олигархія у Еллиновъ именуется».

Ѳеофанъ, описавъ собраніе 2 февраля, на которомъ выслушано было письмо Анны Іоанновны съ согласіемъ ея на кондиціи, говоритъ:

Списокъ Государств. Архива: «И сами тіи, которыи вчера великой отъ сего собранія ползы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики.

Терещенко: ibid., с. 23. «И самы тѣ, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялся, опустили уши, какъ бѣдные Ѳелики.

Сказаніе Ѳеофана Прокоповича, направленное противъ верховниковъ, имѣетъ цѣлію доказать произвольность и преступность ихъ олигархической „затѣйки“ ограничить самодержавіе. Оно написано витіевато - рѣзкимъ языкомъ, какъ проповѣди Прокоповича, и отличается особой злостью тона и ироніей въ отзывахъ о князьяхъ Голицыныхъ и Долгорукихъ: очевидно перомъ Ѳеофана руководитъ оскорбленное самолюбіе. Вообще это произведеніе крайне субъективно и тенденціозно: это памфлетъ на побитую партію

верховниковъ. Сказаніе передаетъ весьма любопытныя фактическія подробности о всѣхъ событіяхъ отъ смерти Петра II до „воспріятія" самодержавія Анной Іоанновной, съ весьма рѣзкими и произвольными характеристиками дѣятелей этихъ событій и сужденіями о самыхъ событіяхъ.

Въ неразрывной связи съ этимъ „сказаніемъ" находится: „Изъясненіе, каковы были нѣкіихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ призовѣ на престолъ Ея Императорскаго Величества", принадлежащее *неизвѣстному* автору. Издатель этого „изъясненія" по списку И. П. Шульгина (въ „Памятникахъ Новой Русск. Истор." Кашпирева томъ I, отд. II, стр. 11—16), предполагаетъ, что оно можетъ принадлежать Ѳеофану Прокоповичу. „Записка (изъясненіе)"—говоритъ издатель—„судя по слогу, писана какимъ либо лицомъ, учившимся въ малороссійскихъ духовныхъ училищахъ. Слово з а т ѣ й к а напоминаетъ Ѳеофана". Тщательное сличеніе „изъясненія", съ „сказаніемъ", какъ по языку, такъ и по содержанію, привело насъ къ несомнѣнному заключенію, что то и другое написано однимъ лицомъ: языкъ, выраженія, воззрѣнія политическія и отношеніе къ верховникамъ—и тутъ и тамъ одинаковы.

„Изъясненіе" писано раньше „сказанія", которое есть ничто иное, какъ подробное развитіе фактической стороны избранія Анны Іоанновны. Изъясненіе написано, какъ видно, вскорѣ послѣ 25 февраля 1730 г., въ то время, когда собирались свѣдѣнія о степени виновности Голицыныхъ и Долгорукихъ въ *республиканскихъ*, какъ тогда выражались, замыслахъ и есть, по всей вѣроятности, записка, поданная Ѳеофаномъ Аннѣ Іоанновнѣ. Фактическая сторона событій изложена кратко, занимая всего 39 печатныхъ строкъ. Затѣмъ слѣдуетъ 19 обвинительныхъ пунктовъ противъ себялюбивыхъ, эгоистическихъ, олигархическихъ дѣяній верховниковъ.

Весьма возможно, что „сказаніе написано Ѳеофаномъ для пополненія фактической стороны „изъясненія" и представлено имъ также Аннѣ Іоанновнѣ. Въ 1730 г. онъ подалъ императрицѣ нѣсколько „записокъ". (См. напр. записку „о притѣсненіяхъ православныхъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ" напечатанную въ „Русскомъ Арх." 1863).

2) **В. Н. Татищевъ**, одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ событіяхъ 1730 года, оставилъ записку о шляхетскихъ со-

вѣщаніяхъ по вопросамъ о государственномъ устройствѣ Россіи, бывшихъ въ Москвѣ въ февралѣ 1730 г. Записка его называется: „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ". Она напечатана въ сборникѣ „Утро" на 1859 г., стр. 369 — 379, по списку М. П. Погодина. Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій дозволилъ намъ сличить эту политическую записку Татищева съ своимъ спискомъ въ рукописномъ сборникѣ in fol. подъ заглавіемъ: „Историческія бумаги" (т. 12). Записка Татищева въ этомъ сборникѣ находится въ новой современной намъ копіи (почеркъ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія), но представляетъ любопытные варіанты къ тексту, напечатанному Погодинымъ, и во многихъ мѣстахъ исправляетъ его ошибки. Дѣятельный участникъ шляхетскихъ совѣщаній и редакторъ одного изъ политическихъ проэктовъ шляхетства, Татищевъ представляетъ въ своей запискѣ политическіе мотивы, положенные въ основу редакторованнаго имъ мнѣнія и представленнаго Верховному Тайному Совѣту княземъ Черкасскимъ.

3) **Записка**, поданная императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ правителемъ дѣлъ В. Т. С., **В. П. Степановымъ**, заключаетъ подробности о сочиненіи „кондицій". Записка эта напечатана безъ имени автора по списку Шульгина въ I т. Памятниковъ Новой Русской Исторіи Кашпирева (отд. II, с. 10—11). Доказательства ея принадлежности В. П. Степанову слѣдующія. Въ подлинномъ черновомъ журналѣ В. Т. С. 19 января 1730 года читаемъ: „При выходѣ приказано т. с. г-ну Степанову съ вышеписанною инструкціею и письмомъ, написаннымъ къ государынѣ царевнѣ, и съ кондиціями ѣхать къ барону Андрею Ивановичу (т. е. Остерману) и князю Алексѣю Григорьевичу (Долгорукому)". (См. Госуд. Арх., разд. III, д. № 5, л. 5). — Возвращенія Степанова отъ Остермана и А. Г. Долгорукаго дожидался во дворцѣ Анисимъ Масловъ (Зап., с. 11). Масловъ былъ второй секретарь Верховнаго Тайнаго Совѣта и, кромѣ Степанова, никого не могъ въ этотъ день *дожидаться*: члены совѣта всѣ разъѣхались по домамъ, а въ канцеляріи Совѣта одинъ только Степановъ былъ непосредственнымъ начальникомъ Маслова, всѣ же остальные чиновники были или ниже его по службѣ, или же прямо подчинены ему. Въ запискѣ го-

ворится, что съ вышеназванными документами ѣздилъ къ Остерману и кн. А. Г. Долгорукому авторъ записки.

4) **Записка неизвѣстнаго о сношеніяхъ съ Анной Іоанновной сторонниковъ самодержавія по пріѣздѣ императрицы въ Москву.** Эта записка составляетъ отрывокъ изъ рукописи А. Ѳ. Малиновскаго: „Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Совѣта". Неизвѣстно, откуда заимствовалъ эти подробности Малиновскій; во всякомъ случаѣ ихъ могъ знать только современникъ, и при томъ близко посвященный въ тайные переговоры. Записка напечатана Д. И. Языковымъ въ примѣчаніяхъ къ его изданію Записокъ герцога Лирійскаго (Спб. 1845. стр. 180—182).

в) Современники не очевидцы и не участвовавшіе въ событіяхъ.

1) **Графъ Христ. Бурхардъ Минихъ**, фельдмаршалъ (р. 1683 г. † 1766) въ своей запискѣ, „Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie", представленной имъ императрицѣ Екатеринѣ II около 1765 года—сообщаетъ краткій обзоръ происшествій 1730 г., въ связи съ предыдущими и послѣдующими измѣненіями въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Россіи. (Въ первый разъ записка Миниха издана въ Копенгагенѣ въ 1774 году; мы пользовались русскимъ ея переводомъ Е. П. Карновича, изд. Исаковымъ подъ редакціею С. Н. Шубинскаго въ Спб., въ 1874 г.). Лично Минихъ очень нерасположенъ къ В. Т. С., видя въ немъ олигархическую котерію себялюбцевъ, но онъ маскируетъ свое нерасположеніе, приписывая ненависть къ верховникамъ всѣмъ русскимъ вообще. Минихъ, самъ честолюбивый олигархъ въ душѣ, не былъ членомъ Верховнаго Совѣта и весьма естественно завидовалъ верховникамъ. Но помимо зависти, онъ не могъ равнодушно переносить преобладаніе *русскаго* элемента въ В. Т. С. Всѣ факты воцаренія императрицы Анны Іоанновны изложены въ четырехъ параграфахъ (35—38) и занимаютъ всего *восемь* печатныхъ страницъ русскаго перевода (с. 37—44). Скользя по фактамъ, Минихъ высказываетъ глубокую симпатію къ Аннѣ Іоанновнѣ, называя

ее великой государыней. Послѣдующая роль Миниха въ нѣмецкомъ правительствѣ Анны Іоанновны заставляетъ историка съ особенной осторожностью пользоваться его „Записками".

2) Сынъ фельдмаршала, **графъ Іоаннъ Эрнестъ Минихъ**, (р. 1708 † 1788 г.) въ своихъ Запискахъ, написанныхъ имъ въ ссылкѣ, въ Вологдѣ, въ 1758 г., (изд. въ русскомъ переводѣ 1817 года) отводитъ событіямъ воцаренія Анны Іоанновны всего шесть страницъ (стр. 42—48). Свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, любопытны тѣмъ, что они или состоятъ въ передачѣ ходившихъ объ этихъ событіяхъ слуховъ за границей, или же основаны на позднѣйшихъ о нихъ разсказахъ. Минихъ-сынъ ничѣмъ не былъ заинтересованъ въ исходѣ разсматриваемыхъ событій, а потому разсказъ его отличается бо́льшей объективностью и справедливостью сравнительно съ разсказами о тѣхъ же событіяхъ другихъ современниковъ.

с) Мемуаристы втораго поколѣнія.

1) **Христіанъ Германъ Манштейнъ** (р. 1711 † 1757 г.) въ своихъ „З а п и с к а х ъ о Р о с с і и" (1727—1744) отводитъ довольно много мѣста событіямъ воцаренія Анны Іоанновны. Главы III и IV и часть V-й главы (с. 19—33) посвящены этимъ событіямъ. Полнота свѣдѣній, п о в и д и м о м у точное знакомство съ подробностями событій и мастерское литературное изложеніе издавна упрочили за Записками Манштейна репутацію одного изъ важнѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ источниковъ по русской, послѣпетровской исторіи. Такъ смотрѣли на него любители русской исторіи XVIII вѣка, такъ же относились къ нему и ученые изслѣдователи. Извѣстность Записокъ Манштейна превосходитъ собою не только извѣстность всѣхъ остальныхъ мемуаровъ о Россіи XVIII вѣка, но большинство источниковъ русской исторіи. Почти всѣ свѣдѣнія о воцареніи Анны Іоанновны до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, когда начались архивныя работы по русской исторіи XVIII вѣка, черпались изъ Манштейна. Между тѣмъ, при строго критическомъ изученіи этихъ Записокъ, мы не можемъ отвести Манштейну первенствующаго мѣста въ числѣ источниковъ для исторіи воцаренія Анны Іоанновны.

Манштейнъ, родившійся въ Петербургѣ, съ четырнадцати-лѣтняго возраста до 1736 года проживалъ въ Пруссіи сначала кадетомъ, а потомъ офицеромъ прусской службы. 19-ти лѣтній юноша Манштейнъ не былъ, т. обр., вопреки увѣреніямъ иныхъ писателей (напр. А. В. Терещенки, въ примѣчаніяхъ къ Сказанію о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны), *очевидцемъ* избранія на россійскій престолъ герцогини курляндской; но до него не могли не доходить тѣ разнообразные слухи объ этомъ избраніи, которые обращались въ то время въ Западной Европѣ и находили себѣ мѣсто въ иностранной журналистикѣ. Манштейнъ прожилъ въ Россіи съ 1736 по 1744 г, въ то время, когда послѣ всецѣлаго господства въ правительствѣ нѣмецкаго тріумвирата и затѣмъ короткаго правленія Анны Леопольдовны, по восшествіи Елизаветы Петровны, произошла въ правительственныхъ сферахъ реакція противъ нѣмцевъ. Стоя въ близкихъ отношеніяхъ къ Миниху, Манштейнъ, послѣ его паденія, долженъ былъ оставить Россію. Записки свои онъ началъ писать въ Пруссіи, послѣ 1745 г., будучи въ то время человѣкомъ очень близкимъ къ Фридриху II-му. Во время пребыванія Манштейна въ Россіи ходили самые недостовѣрные слухи и пересказы о событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны. Въ царствованіе самой императрицы объ этихъ событіяхъ нельзя было говорить свободно и открыто. Впослѣдствіи, при Елизаветѣ, истинный ихъ характеръ все болѣе и болѣе утрачивался, и вслѣдствіе естественной забывчивости отъ теченія времени, и вслѣдствіе антагонизма правительства Елизаветы Петровны съ нѣмецкимъ правительствомъ Анны Іоанновны. Видные дѣятели 1730 года или сошли въ могилу, или не мечтали болѣе о томъ, о чемъ мечтали тогда, а оффиціальные кружки елизаветинскаго времени не дружелюбно смотрѣли на побѣдителей 1730 г., сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны, считавшейся, по воцареніи дочери Петра Великаго, узурпаторомъ верховной власти. Весьма естественно, что такое положеніе вопроса о событіяхъ 1730 года въ то время, какъ жилъ въ Россіи Манштейнъ, только затемняло его, а не разъясняло.

Въ общемъ разсказъ Манштейна передаетъ именно тѣ событія, которыя дѣйствительно происходили, но въ частностяхъ, при передачѣ подробностей событій и при ихъ оцѣнкѣ, онъ впадаетъ въ ошибки. Манштейну была неиз-

вѣства одна очень важная сторона въ этихъ событіяхъ: стремленіе шляхетства къ измѣненію русскаго государственнаго устройства, мнѣнія поданныя имъ по этому вопросу въ В. Т. С. и пререканія, происшедшія вслѣдствіе этого между В. Т. С. и шляхетствомъ. Изъ подробностей передаваемыхъ Манштейномъ, основанныхъ на слухахъ и устныхъ преданіяхъ, для историка особенно важны тѣ, которыя по характеру своему не могутъ быть провѣрены несомнѣнно-достовѣрными источниками; къ нимъ относятся: a) роль Остермана въ провозглашеніи самодержавія Анны Іоанновны и старанія ея образовать себѣ партію по пріѣздѣ въ Москву; b) шансы Елизаветы Петровны на воцареніе въ 1730 году и уклоненіе ея отъ этого, c) сѣверное сіяніе, видѣнное въ Москвѣ въ день провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной и аллегорически-пророческія слова по этому случаю князя Д. М. Голицына.

2) Невѣрности Манштейна обратили на себя скоро вниманіе. Вслѣдъ за изданіемъ его записокъ (1775 г.) появились **анонимныя замѣчанія на записки Манштейна.** До прошлаго 1879 года авторъ ихъ не былъ съ точностью опредѣленъ; ихъ приписывали спачала графу И. А. Остерману (сыну канцлера), а затѣмъ графу І. Э. Миниху (сыну фельдмаршала). Только въ прошломъ году, въ послѣсловіи къ новому изданію „Замѣчаній" въ „Русской Старинѣ" (т. XXVI) П. Н. Петровъ высказалъ весьма основательныя соображенія въ пользу того, что авторъ этихъ замѣчаній былъ никто другой, какъ извѣстный дѣятель екатерининской эпохи, графъ Н. И. Панинъ. Изъ фактовъ воцаренія Анны Іоанновны авторъ „замѣчаній" останавливается на слѣдующихъ свидѣтельствахъ Манштейна: a) на обвиненіи Остермана въ сокрытіи „тестамента" Екатерины І-й, b) на отправкѣ Ягушинскимъ Сумарокова, c) на старанія Анны Іоанновны образовать себѣ партію по пріѣздѣ въ Москву. Опровергая Манштейна въ неточности показаній, авторъ замѣчаній самъ впадаетъ въ нѣкоторыя, впрочемъ мелкія, ошибки.

3) Записка князя **Мих. Мих. Щербатова** (р. 1733 † 1790 г.) „о поврежденіи нравовъ въ Россіи" написана въ 1788—89 г. (доказательства см. въ Русск. Стар. 1871, III, с. 688) и обнимаетъ собою все время отъ Петра В. до Екатерины II включительно. Избранію Анны Іоанновны посвя-

щено семь страницъ VI главы. (Р. Ст. 1870, II, с. 47—53). Авторъ останавливается здѣсь не столько на изложеніи фактовъ, сколько на ихъ анализѣ и объясненіи съ своей аристократической точки зрѣнія. Его симпатіи лежатъ на сторонѣ ограниченія, но онъ врагъ олигархіи, въ особенности врагъ исключительнаго господства Долгорукихъ. У него видна какая-то затаенная, намъ невѣдомая, давнишняя фамильная вражда къ Долгорукимъ. О князьяхъ Голицыныхъ вообще и о Дм. Мих. Голицынѣ въ частности Щербатовъ отзывается съ сочувствіемъ. Неудача движенія въ пользу ограниченія, по мнѣнію Щербатова, произошла вслѣдствіе „паденія въ благородныхъ духа благородной гордости“, бывшаго знаменемъ времени общаго „поврежденія нравовъ“. Дѣятели этого движенія отличались трусостью. Разрушители „установленій“, такъ называетъ князь Щербатовъ ограниченіе, — Ѳеофанъ Прокоповичъ, В. Н. Татищевъ и кн. А. Д. Кантемиръ,— дѣйствовали изъ личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей. Личныя отношенія къ Долгорукимъ и Голицынымъ, какъ этихъ „разрушителей“, такъ и другихъ дѣятелей въ пользу самодержавія — Ягушинскаго, Головкина, кн. Черкасскаго, кн. Трубецкаго и Салтыковыхъ, очерчены мастерски и даютъ историку весьма любопытное и важное освѣщеніе всего переворота, совершеннаго 25 февраля 1730 г. Взглядъ Щербатова, по поводу избранія Анны Іоанновны, на „перемѣны въ государствѣ“, которыя „всегда согласны съ нравами и умоначертаніемъ народа“, и характеристики главныхъ дѣятелей разсматриваемыхъ событій—дополняютъ интересъ его записки и, вмѣстѣ съ изложенными воззрѣніями на фактъ избранія Анны Іоанновны, ставятъ эту записку въ рядъ первостепенныхъ источниковъ. Предвзятыя воззрѣнія мѣшаютъ кн. Щербатову давать вѣрныя характеристики: ихъ нужно принимать со строгой критикой. Кромѣ того, писавши, какъ видно, по памяти и по фамильнымъ преданіямъ, не справляясь съ письменными свидѣтельствами, князь Щербатовъ нерѣдко впадаетъ въ грубыя ошибки. Такъ напримѣръ, онъ считаетъ голштинскую герцогиню Анну Петровну живой въ 1730 г. и разсуждаетъ о ея кандидатурѣ на русскій престолъ. Имена и отчества Долгорукихъ онъ, кажется, перепутываетъ намѣренно, изъ пренебреженія къ нимъ;—трудно предположить, чтобы онъ дѣйствительно могъ ихъ не знать,

ніи случайно перепутать: Алексѣя Григорьевича Долгорукаго онъ называетъ Григорьемъ Алексѣевичемъ, Сергѣя Григорьевича—Григорьемъ Ѳеодоровичемъ, ставя отца вмѣсто сына. Прошеніе шляхетства Аннѣ Іоанновнѣ о возстановленіи самодержавія является у него послѣ коронаціи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно было подано до коронаціи за два мѣсяца. Первое прошеніе князя Черкасскаго—о пересмотрѣ всѣхъ мнѣній и проэктовъ выборными отъ шляхетства, поданное за нѣсколько часовъ до прошенія о самодержавіи,—очевидно князю Щербатову совершенно неизвѣстно.

4) **Записка князя Петра Петровича Долгорукаго** (р. 1744 † 1815) о засѣданіи В. Т. С. 19 янв. 1730 г., избравшемъ Анну Іоанновну, составлена на основаніи разсказовъ кн. Вас. Михайл. Долгорукаго-Крымскаго (р. 1722 † 1782), сына кн. Мих. Влад. Долгорукаго.

Записка эта не издана вполнѣ, но въ извлеченіи находится въ „Memoires du prince Pierre Dolgoroukow“, (t. I, p. 305—306) и въ брошюрѣ кн. Алексѣя Долгорукаго и Н. Шпилевской, изд. подъ редацiей кн. Всев. Долгорукаго, Спб. 1869 г., подъ заглавіемъ: „Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе (стр. 113—116). Князь П. В. Долгорукой въ своихъ „Memoires“ указываетъ источникъ, а брошюра приводитъ „записку“ безъ цитаты, по видимому изъ „Memiores“ кн. П. В. Долгорукаго.—Записка передаетъ подробно порядокъ засѣданія В. Т. С., разныя мнѣнія о престолонаслѣдіи и о кандидатахъ на русскій престолъ, указывая лицъ, которыя высказывали эти мнѣнія, послѣдовательность, въ какой они выражались, и пренія ими возбужденныя. При сличеніи этихъ любопытныхъ подробностей съ разсказомъ объ этомъ же засѣданіи В. Т. С. Манштейна и кн. Щербатова, приходишь къ заключенію, что оба они въ данномъ случаѣ пользовались разсказомъ или фельдмаршала кн. Долгорукаго, или его брата. Разсказы того и другаго очень близки къ Запискѣ кн. П. П. Долгорукаго, составляя ея сокращеніе или resumé. На основаніи этой же записки изложено засѣданіе В. Т. С. объ избраніи Анны Іоанновны въ „Сказаніи о родѣ князей Долгорукихъ“. (См. изд. 1840 г., стр. 116—118). Кн. П. В. Долгорукой въ своихъ „Memoires“ (t. I, p. 312) сообщаетъ кромѣ того текстъ „кондицій“ В. Т. С., записанный его дѣдомъ также со словъ князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго. Этотъ текстъ интере-

севъ по варіантамъ сравнительно съ другими словесными пересказами „кондицій". (Объ этой редакціи см. въ І-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію).

ИСТОЧНИКИ ИНОЗЕМНЫЕ.

ДОНЕСЕНІЯ ПОСЛОВЪ И МЕМУАРЫ.

1) Во главѣ этого отдѣла долженъ быть поставленъ сборникъ извлеченій изъ депешъ англійскихъ и французскихъ пословъ подъ заглавіемъ: **La cour de Russie il y a cent ans.** (1725—1783), Paris, Berl. et Leipzig, in 8°, 1 е изд. 1858 г., 3-е 1860 года. (Мы пользовались третьимъ изданіемъ). Сборникъ этотъ очень распространенъ у насъ, и на основаніи его главнымъ обр. сообщались свѣдѣнія въ журнальныхъ статьяхъ о событіяхъ изъ исторіи преемниковъ Петра В. до Екатерины II. ([1]) Происшествія воцаренія Анны Іоанновны изложены выписками изъ депешъ резидентовъ, англійскаго Кл. Рондо и французскаго Маньяна, и нѣкоего де-Бюсси. Для насъ важны въ „La Cour de Russie" только депеши англійскаго резидента Рондо, подлинниками которыхъ мы не имѣли возможности воспользоваться; французскій переводъ ихъ тщательно провѣренъ нами по тексту Раумера (Beiträge, II, Leipz. 1836 г.) Что же касается до выписокъ изъ депешъ Маньяна и де-Бюсси, то мы пользовались ими въ болѣе подробныхъ редакціяхъ,—о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Кромѣ депешъ, англійскій резидентъ **Кл. Рондо** оставилъ еще записку подъ заглавіемъ: „Characters of the

---

([1]) По словамъ книгопродавца Шнейдера въ Берлинѣ, сборникъ этотъ составилъ нѣкто Гранбле, издатель газеты «Messager de Berlin» и сотрудникъ многихъ парижскихъ газетъ—изъ разныхъ сочиненій, преимущественно изъ «Beiträge zur neuern Geschichte» Раумера, 1836—1839 5 томовъ. (См. каталогъ книгъ Чертковской б-ки, отд. I, Исторія, М. 1863 г. с. 313 примѣчаніе къ № 1549).—Составитель каталога ошибочно указываетъ вмѣсто приведеннаго сочиненія Раумера его же Historisches Taschenbuch. Клейншмидтъ назыв. составителемъ эт. сборника Принца де-Линь (см. его книгу «Russland's Geschichte und Politik dargestellt in der Gesch. des russ. hohen Adels», Cassel 1877).

some Russian noblemen"; записка эта найдена въ 1858 году Ю. В. Толстымъ въ лондонскомъ королевскомъ архивѣ и издана въ переводѣ на русскій языкъ дважды: a) въ 1861 году, въ „Чтеніяхъ Московскаго общ. Исторіи и Древностей Россійск.", кн. II, и b) въ „Письмахъ леди Рондо", изд. С. Н. Шубинскаго, Спб. 1874 г., стр. 215—246. По мнѣнію г. Толстаго, записка эта составлена между 21 декабря 1730 года и 19 января 1731 ст. ст., (въ теченіи января 1731 нов. ст) Характеристики Рондо часто противорѣчатъ подобнымъ же замѣткамъ испанскаго посла герцога де-Лиріа.

2) Французскій резидентъ **Маньянъ** (Magnan) былъ аккредитованъ при русскомъ дворѣ съ 1727 по 1734 годъ. Депеши его извлечены А. И. Тургеневымъ изъ парижскаго государственнаго архива, а выдержки изъ нихъ, относящіяся къ событіямъ отъ 2 февраля до 24 апрѣля 1730 года, напечатаны Н. И. Тургеневымъ въ приложеніяхъ къ его книгѣ „La Russie et les Russes" (ed. de Bruxelles 1847, III, 258—286). Русскій переводъ этихъ выдержекъ помѣщенъ въ „Памятникахъ Новой Русской исторіи" Кашпирева (т. I, отд. II, с. 360—378). Переводъ этотъ не совсѣмъ точенъ, вслѣдствіе чего мы вездѣ ссылаемся на Тургенева. Маньянъ не всегда справедливо оцѣниваетъ событія и людей. Онъ видитъ въ замыслахъ верховниковъ и шляхетства исключительное желаніе возвратиться къ старинѣ.

3) Нѣкто **де-Бюсси**, французъ, оставилъ любопытную по своимъ подробностямъ записку о 25 февраля 1730 года, днѣ провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной императрицей.—Записка эта напечатана также Н. И. Тургеневымъ, въ его „La Russie et les Russes", вмѣстѣ съ извлеченіями изъ Маньяна, вслѣдствіе чего вошла и въ русскій переводъ ихъ.

4) Донесенія саксонско-польскаго посла **Іоанна Людовика Лефорта** († 1738) были давно извѣстны занимающимся русской исторіей по обширнымъ выпискамъ изъ нихъ профессора Марбургскаго университета Эрнеста Германа въ его „Geschichte des Russischen Staates" Bd. IV, Hamburg 1849.—Воцареніе императрицы Анны Іоанновны (Gesch. des Russ. Staates, IV, S. 538—548) разсказано Германомъ почти исключительно на основаніи депешъ Лефорта. Въ 1868 году профессоръ Германъ началъ издавать

подлинники донесеній Лефорта, сопровождая ихъ русскимъ переводомъ, въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества". Относящіяся до изслѣдованнаго нами вопроса депеши Лефорта находятся въ V томѣ „Сборника" (стр. 338—382).

I. Л. Лефортъ, племянникъ извѣстнаго любимца Петра Великаго, Франца Лефорта, состоялъ въ русской службѣ съ 1715 г., а въ 1720 г. поступилъ на службу къ польскому королю Августу II и былъ его представителемъ при русскомъ дворѣ съ 1721 по 1734 г. Давнишнее пребываніе и служба Лефорта въ Россіи сблизили его совершенно съ русскими. Онъ былъ свой человѣкъ у Долгорукихъ и Голицыныхъ, и они не стѣснялись откровенно выражать ему свои мысли. Вслѣдствіе такого исключительнаго положенія среди русскихъ, депеши Лефорта имѣютъ особую цѣну для историка.

5) Депеши прусскаго посланника, **Акселя фонъ Мардефельда** изданы въ XV томѣ „Сборника Русскаго Ист. Общ.", но доведены тамъ лишь до 23 (12) февраля 1730 г. Продолженіе этихъ депешъ еще не изданное, а именно съ 23 февраля по 16 марта нов. ст. 1730 г., обязательно сообщено намъ членомъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Г. Ѳ. Штендманомъ съ дозволеніемъ сдѣлать изъ этихъ депешъ извлеченія. Депеши Акс. Мардефельда кратки и не показываютъ въ прусскомъ посланникѣ настоящаго пониманія тогдашнихъ русскихъ событій. Онъ судитъ обо всемъ, какъ чужеземецъ и притомъ нѣмецкаго происхожденія. Сердце его, конечно, не могло лежать къ тогдашнему движенію среди русскаго дворянства, направленнаго противъ нѣмцевъ.

6) Доселѣ неизданныя и неизвѣстныя нашимъ ученымъ депеши датскаго посланника при русскомъ дворѣ **I. Вестфалена** обязательно доставлены намъ, благодаря посредству академика Я. К. Грота, въ копіяхъ съ подлинниковъ, хранящихся въ копенгагенскомъ королевскомъ архивѣ. Копіи сняты подъ наблюденіемъ проф. К. Смита и имъ провѣрены.—Интересы Даніи заставляли ее всячески стараться, чтобы голштинскій принцъ Петръ-Ульрихъ, воцарившійся въ Россіи въ 1762 году съ именемъ Петра III, не получилъ русскаго императорскаго престола въ 1730 году, по смерти Петра II, а также опасаться воцаренія въ это

время Елизаветы Петровны, родной тетки Петра-Ульриха. Поэтому датскій посланникъ Вестфаленъ примыкаетъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ, противникамъ Петра-Ульриха и Елизаветы Петровны, и привѣтствуетъ избраніе Анны Іоанновны, герцогини курляндской. Въ депешахъ своихъ Вестфаленъ зорко слѣдитъ за Елизаветой Петровной во все время съ болѣзни Петра II до провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной императрицей. Его занимаютъ не столько тогдашніе толки и мѣропріятія генералитета и шляхетства о государственномъ устройствѣ Россіи и подробности избранія Анны Іоанновны, сколько колебанія общественнаго мнѣнія *за* и *противъ* голштинскаго принца и Елизаветы Петровны.

Извлеченія изъ депешъ Вестфалена, касающіяся воцаренія Анны Іоанновны, мы помѣщаемъ въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію (приложен. № 3-й).

7) **Герцогъ де-Лиріа и де-Херико**, испанскій посолъ при русскомъ дворѣ съ мая 1727 г. до ноября 1730 г., былъ сынъ маршала Франціи, извѣстнаго полководца XVIII в., герцога де-Лиріа и Бервикка[1]. Посолъ де-Лиріа оставилъ важные матеріалы для исторіи воцаренія Анны Іоанновны: 1) Донесенія испанскому правительству, 2) извлеченія изъ дневника, 3) записку о характерѣ лицъ, находившихся въ его время при русскомъ дворѣ. Донесенія изданы впервые въ 1868—1869 гг. въ переводѣ съ испанскаго на русскій языкъ К. Л Кустодіева, священника при русской миссіи въ Мадридѣ, съ примѣчаніями переводчика и П. И. Бартенева (Сборн. Бартенева XVIII-й вѣкъ, кн. II и III). Донесенія переведены о. Кустодіевымъ съ подлинныхъ отпусковъ де-Лиріа, находящихся въ дневникѣ, который онъ велъ со дня назначенія своего посломъ, и хранящихся въ домашнемъ архивѣ теперешняго представителя дома де-Лиріа въ Испаніи, герцога де-Альба и де-Лиріа.

---

(1) Испанскій посолъ нигдѣ не называется въ современныхъ документахъ де-Бервиккъ. Въ 1730 г. онъ подписывалъ свою фамилію такъ: «Duc de Liria et de Xerico». Въ грамотѣ Филиппа V, короля испанскаго, отъ 25 іюля 1730 года, названъ онъ герцогомъ де-Лиріа и де-Херико, графомъ Финмутъ, барономъ де-Босвортъ (См. гл. Моск. Арх. Мин. Ин. Д., св. IX, тетрадь № 6).

Профессоръ петербургскаго университета К. Н. Бестужевъ-Рюминъ обязательно сообщилъ намъ подлинную французскую рукопись, русскій переводъ которой изданъ Языковымъ въ 1845 г. подъ заглавіемъ: „Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при императорскомъ россійскомъ дворѣ въ званіи посла короля испанскаго, 1727—1730 гг.“ Языковъ неправильно назвалъ свой переводъ „Записками“ и еще болѣе неправильно почелъ ихъ отрывками изъ будто бы изданныхъ „Записокъ“ де-Лиріа. Такихъ Записокъ не существуетъ. Языковъ принялъ за Записки испанскаго посла Записки его отца, маршала Бервикка, неимѣющія ничего общаго съ русскими происшествіями; онѣ оканчиваются 1716 годомъ. Записки эти были изданы нѣсколько разъ на французскомъ языкѣ (въ 1737, 1738 и 1778 г.—два изданія). Переданная намъ проф. Бестужевымъ-Рюминымъ рукопись состоитъ изъ 164 нумер. страницъ въ поллиста писчей бумаги и, судя по почерку, относится къ двадцатымъ годамъ XIX в. Въ ней находятся: а) вышеупомянутое извлеченіе изъ журнала де-Лиріа подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Extrait du journal du duc de Lihria et Berwick, ambassadeur de Philippe V, roi d'Espagne, étant parti de Madrid le 10 Mars 1727“. (с. 3—137) и b) Traité particulier des caractères de différentes personnes“ (о лицахъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ) (с. 137—164).

При сличеніи оригинала съ переводомъ, оказываются непростительныя ошибки противъ французскаго текста, на чтó было уже указано въ „Русской Старинѣ“ (1873 г., 1-е изд., VIII, с. 28—40, ст. „О запискахъ де-Лиріа“). Цензурныя условія того времени заставили издателя многое исключить какъ изъ „дневника“ герц. де-Лиріа, такъ и изъ „характеристикъ“, но нѣкоторыя мѣста выброшены Языковымъ по непонятной причинѣ. И тѣ и другія исключенія возстановлены въ вышеприведенной статьѣ. Особенно бросаются въ глаза искаженія текста въ „характеристикахъ“. Впрочемъ, поправки, сдѣланныя въ „Русской Старинѣ“, не всегда отличаются полнотой и правильностью перевода.

При сличеніи извлеченій изъ дневника де-Лиріа съ его депешами оказывается, что первыя состоятъ изъ сокращенія послѣднихъ. Сокращеніе это герцогъ сдѣлалъ впослѣдствіи, вспоминая свое пребываніе въ Россіи, какъ онъ самъ выражается, „для его собственнаго удовольствія и для по-

ученія его дѣтей"; (рукоп., стр. 164), изъ чего само собою слѣдуетъ, что извлеченія эти никогда не предназначались для обнародованія. Депеши носятъ на себѣ отпечатокъ свѣжести впечатлѣній, что, весьма естественно, сглажено самимъ герцогомъ въ извлеченіяхъ. Де-Лиріа внесъ въ свои извлеченія только сущность тѣхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Петербургѣ и Москвѣ съ 1727 по 1730 г. включительно, опустивъ всѣ подробности. Онъ исключилъ также всѣ свои сообщенія о тогдашнихъ общихъ европейскихъ дѣлахъ. Въ виду этихъ соображеній мы пользуемся въ своемъ трудѣ исключительно депешами де-Лиріа, а не его „извлеченіями". Характеристики, приложенныя къ извлеченіямъ, отличаются рѣзкостью, желчностью тона и не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительному характеру лица, къ которому относятся. Это опредѣляется, какъ личнымъ характеромъ и воззрѣніями де-Лиріа, такъ и исключительностью его положенія при русскомъ дворѣ. Интересы испанскаго правительства были прямо противоположны интересамъ нѣмецкаго императора, а между тѣмъ большинство русскихъ государственныхъ людей того времени находилось подъ сильнымъ вліяніемъ цесарскаго посла, графа Вратислава. Донесенія де-Лиріа отличаются необыкновенной полнотой съ фактической стороны. Въ объясненіяхъ событій онъ пристрастенъ. До провозглашенія Анны Іоанновны самодержавной государыней де-Лиріа на все смотритъ глазами Долгорукихъ, а послѣ этого событія держитъ исключительно сторону императрицы. Политическія воззрѣнія генералитета и шляхетства для де-Лиріа или просто непонятны, или антипатичны: онъ видитъ въ нихъ стремленіе возвратиться къ „московскому" варварству. Передъ личностью и реформой Петра В. онъ благоговѣетъ, всюду называя его „великимъ".

Кромѣ перечисленныхъ донесеній пословъ мы пользовались современными событіямъ корреспонденціями изъ Россіи, помѣщенными въ нѣмецкихъ и французскихъ періодическихъ изданіяхъ 1730 года: „Die Europäische Fama", (выход. въ Лейпцигѣ), „Mercure historique et politique" (изд. въ Гагѣ H. Scheuerler'омъ) и „Nationen Gespräche, oder cu-

rieuse Discurse über die jetzigen Conjuncturen und wichtigsten Begenbeheiten" (выход. въ Берлинѣ у Ambr. Haude), а также позднѣйшими замѣтками о воцареніи Анны Іоанновны, находящимися въ различныхъ мемуарахъ и сборникахъ. Изъ нихъ мы остановимся только на двухъ, болѣе важныхъ: на книгѣ Шмидтъ-Физельдека и на Запискахъ князя П. В. Долгорукаго.

Шмидтъ-Физельдекъ, бывшій въ царствованіе Елизаветы Петровны гувернеромъ дѣтей графа Миниха-сына, въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. занимавшій каѳедру государственнаго права и исторіи въ брауншвейгскомъ лицеѣ (am Braunschweigischen Carolino), а затѣмъ должность совѣтника и архиваріуса брауншвейгскаго герцога,—составилъ сводъ извѣстныхъ ему матеріаловъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, за время отъ смерти Петра Великаго до воцаренія Елизаветы Петровны, подъ заглавіемъ: „Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Grossen", 2 Bd., Riga 1777—1784 г. (¹). Свѣдѣнія о царствованіи Анны Іоанновны, находящіяся у Шмидтъ-Физельдека, не полны и не отличаются строго критическимъ анализомъ, но наводятъ на многія любопытныя соображенія. Сравнительная близость автора къ описываемымъ событіямъ весьма естественно мѣшала ему вполнѣ ясно понимать явленія тридцатыхъ годовъ XVIII в. Шмидтъ-Физельдекъ въ разсказѣ о воцареніи Анны Іоанновны (т. II, стр. 1—58), приводитъ въ приложеніяхъ подлинные документы изъ русскихъ государственныхъ архивовъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ появились въ его книгѣ впервые и были извѣстны ученымъ только изъ его книги до 1869 года, т. е. до появленія XIX т. „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева. Кромѣ этихъ документальныхъ свидѣтельствъ, въ книгѣ Шмидтъ-Физельдека встрѣчается нѣсколько извѣстій, безъ указанія откуда онъ ихъ заимствовалъ. Иныя изъ нихъ мы приводимъ въ своемъ мѣстѣ.

Книга князя **П. В. Долгорукаго** (р. 1816 † 1868 г.), написанная имъ на французскомъ языкѣ и изданная въ

(¹) См. Письмо Альбаума, профессора въ Ревельской Ritterschule къ академику Штелину отъ 31 авг. 1771 г.—въ статьѣ П. П. Пекарскаго: «о перепискѣ Штелина», Зап. акад. Н., т. III, кн. 2, с. 123—129.

Женевѣ въ 1867 г. подъ заглавіемъ: „Memoires du Prince Pierre Dolgoroukow", заключаетъ въ себѣ не мемуары, не Записки кн. П. В. Долгорукаго, а собраніе свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ о событіяхъ въ жизни знатнѣйшихъ русскихъ фамилій за первую половину XVIII в. Кромѣ семейныхъ преданій князей Долгорукихъ и другихъ извѣстныхъ русскихъ титулованныхъ и не титулованныхъ родовъ, источниками для автора этой книги были: сказанія о родѣ князей Долгорукихъ и нѣкоторыхъ другихъ фамиліяхъ, отдѣльно изданныя родословныя княжескихъ и дворянскихъ фамилій, фамильныя бумаги князей Долгорукихъ, бумаги Карабанова, генеалогиста и анекдотиста русскаго дворянства, современные эпохѣ мемуары русскихъ и иностранцевъ, разныя записки, частію рукописныя, частію напечатанныя въ Россіи въ разныхъ сборникахъ, архивные документы и, наконецъ, монографіи, появлявшіяся въ русскихъ журналахъ 1857—1867 гг., преимущественно статьи гг. Семевскаго, Шишкина и Щебальскаго. При сличеніи книги Долгорукаго съ архивными источниками и монографіями, несомнѣнно приходишь къ заключенію, что авторъ пользовался какъ тѣми, такъ и другими весьма добросовѣстно съ фактической стороны, позволяя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ высказывать иногда весьма рѣзкія и не всегда основательныя сужденія; отсутствіе цитатъ придаетъ, правда, видъ недостовѣрности книгѣ и вводитъ въ невольное сомнѣніе читателя, мало знакомаго съ источниками исторіи русскаго XVIII в. Въ смыслѣ источника, книга князя Долгорукаго имѣетъ значеніе только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ передаетъ неизвѣстныя изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія, иной разъ недостовѣрныя въ подробностяхъ, но весьма характеристическія для иллюстрац и эпохи и ея дѣятелей.

Въ заключеніи разсмотрѣнія источниковъ, мы считаемъ долгомъ оговориться относительно пользованія тремя трудами, цитаты на которые для иныхъ могутъ показаться не убѣдительными: 1) Дѣянія Петра Великаго, Голикова, 2) Бантыша-Каменскаго, „Словарь достопамятныхъ людей Русской земли" (1836 г. 5 т. и 1847 г. 3 т. всего 8 томовъ) и 3) разныя статьи П. Ѳ. Карабанова. Изъ „Дѣяній", мы позволили себѣ заимствовать, и то весьма рѣдко, нѣкоторыя письма Петра Великаго и нѣсколько анекдотовъ, приводя ихъ только какъ анекдоты—небольше. Въ

смыслѣ анекдотовъ или біографическихъ деталей указывали мы и на характерныя преданія въ статьяхъ Карабанова. Что же касается до книги Бантыша-Каменскаго, то провѣривъ большинство его показаній письменными источниками, на которые онъ ссылается, мы пришли къ заключенію, что фактическая сторона его біографій вполнѣ достовѣрна; на отвѣтственности Бантыша-Каменскаго лежатъ только его ссылки на устныя преданія и разсказы, которые, разумѣется, мы не могли провѣрить.

Вопросъ о воцареніи Анны Іоанновны не былъ разсмотрѣнъ вполнѣ научно русскими учеными до 1861 г. Въ этомъ году является небольшая замѣтка покойнаго С. М. Соловьева, впервые ставящая вопросъ этотъ научнымъ образомъ въ русской исторической литературѣ. („Птенцы Петра Великаго", Русск. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII).

Нельзя считать учеными изслѣдованіями немногія страницы посвященныя воцаренію Анны Іоанновны въ разныхъ историческихъ компиляціяхъ начала нынѣшняго вѣка и двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, вродѣ „Новаго Ядра Россійской Исторіи" Ив. Нехачина (3-е изд., М. 1810 г., ч. VIII, стр. 20—26) „Русской исторіи" С. Н. Глинки (3-е изд., М. 1823 г., ч. VIII, с. 76—78), „Обзора главнѣйшихъ происшествій съ кончины Петра В. до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны" А. Вейдемейера (1-е изд., 1831, 4-е изд. 1848.—См. 4-е изд., ч. I, с. 92—110). Всѣ свѣдѣнія у названныхъ авторовъ изложены, главнымъ образомъ, на основаніи Манштейна, вслѣдствіе чего игнорируется шляхетское движеніе, выразившееся въ проэктахъ и мнѣніяхъ. Общая картина событій представляется въ слѣдующемъ видѣ: Своекорыстные верховники, побуждаемые олигархическими стремленіями, намѣренно обошли прямаго и законнаго наслѣдника русскаго престола (голштинскаго принца Петра-Ульриха) и избрали самовольно Анну Іоанновну, ограничивъ ея власть, ради своихъ собственныхъ эгоистическихъ интересовъ. Но противъ ихъ замысловъ возстало дворянство и, предводимое княземъ Черкасскимъ, просило императрицу принять самодержавіе.

Съ 1858 года наступаетъ новая эра въ изслѣдованіи русскаго XVIII в. Завѣса тайны, такъ долго скрывавшая его отъ любопытства публики, нѣсколько приподнялась. Было издано множество матеріала и появилась масса монографій и біографій изъ исторіи первой половины XVIII в. Изъ нихъ двѣ монографіи спеціально посвящены восшествію на престолъ императрицы Анны Іоанновны, именно: П. К. Щебальскаго (Русск. Вѣст. 1859 г., т. XIX, с. 5—64) и I. Н. Шишкина. (Сѣверное Сіяніе 1862 г., № 8).

Статья г. Щебальскаго, написанная живо и бойко, кромѣ извѣстныхъ прежде свѣдѣній изъ Манштейна, де-Лиріа, Ѳеофана Прокоповича и друг., заключаетъ въ себѣ новыя для времени ея появленія данныя изъ архивныхъ, неизданныхъ источниковъ (выписокъ изъ дѣла Долгорукихъ, бумагъ Малиновскаго, „Произвольнаго разсужденія“ Татищева, въ то время еще не обнародованнаго), а также изъ только что вышедшихъ тогда за границей мемуара кн. Щербатова „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“ и сборника „La Cour de Russie“. Изъ послѣдней книги г. Щебальскій черпаетъ особенно обильно. При появленіи своемъ статья г. Щебальскаго встрѣчена была, по достоинству, весьма сочувственно. Страдая недостаточнымъ изученіемъ источниковъ, статья эта до сихъ поръ представляетъ интересъ, какъ связное и въ общихъ чертахъ правдивое изложеніе событій воцаренія Анны Іоанновны. Статья талантливаго писателя по русской исторіи XVIII в. I. Н. Шишкина представляетъ очень хорошо написанный, популярный очеркъ исторіи воцаренія Анны Іоанновны, не сообщающій, впрочемъ, ничего новаго сравнительно со статьею г. Щебальскаго.

Статьей С. М. Соловьева—„Птенцы Петра В.“ (Русск. Вѣстн. 1861 г., т. XXXIII. стр. 5—49), какъ мы уже говорили выше, открывается серія научныхъ трудовъ послѣдняго времени по исторіи воцаренія Анны Іоанновны. Кромѣ сообщенія новыхъ архивныхъ свидѣтельствъ объ этомъ событіи, ученый изслѣдователь исторіи Россіи въ этой небольшой статьѣ освѣщаетъ фактъ воцаренія Анны Іоанновны общимъ историческимъ взглядомъ на реформу Петра и ея послѣдствія. Для С. М. Соловьева воцареніе Анны есть эпизодъ изъ борьбы птенцовъ Петра Великаго съ иностранцами съ одной стороны, и—противниками реформы съ другой.

Въ одинъ годъ со статьей С. М. Соловьева появилась въ Москвѣ магистерская диссертація Н. А. Попова: „Татищевъ и его время“. Событіямъ воцаренія Анны Іоанновны, въ которыхъ Татищевъ принималъ столь дѣятельное участіе, г. Поповъ посвящаетъ въ своей книгѣ цѣлую 2-ю главу (стр. 66—133). Г. Поповъ для объясненія этихъ событій, разсматриваетъ теорію и практику царской власти на Руси съ Іоанна Грознаго и вліяніе на политическія воззрѣнія русскаго шляхетства первой половины XVIII в. политическихъ западно-европейскихъ сочиненій. Затѣмъ онъ излагаетъ фактическую сторону событій преимущественно по де Лиріа, Маньяну, Ѳеофану Прокоповичу и „Произвольному разсужденію“ Татищева (по изданію Погодина въ „Утрѣ“ 1859). Политическія мнѣнія шляхетства не разъяснены достаточно и переданы исключительно по одному „Произвольному разсужденію“ Татищева (стр. 111—122).

Весьма любопытныя замѣчанія на вторую главу книги Н. А. Попова встрѣчаемъ въ рецензіи М. Н. Лонгинова. (Р. В. 1861 г, т. XXXIV, Лит. обозр., стр. 108—115). На основаніи шляхетскихъ заявленій, изложенныхъ въ статьяхъ Щебальскаго и Соловьева, и „Произвольнаго разсужденія“ Татищева,—рецензентъ выдвигаетъ на первый планъ въ исторіи воцаренія Анны Іоанновны воззрѣнія шляхетства и даетъ этимъ воззрѣніямъ должную оцѣнку. Также заслуживаютъ вниманія его отзывы о верховникахъ, которыхъ онъ не осуждаетъ безусловно. Г. Лонгиновъ съ сочувствіемъ останавливается на ихъ мысляхъ, выраженныхъ въ кондиціяхъ, объ уничтоженіи конфискацій имѣній и раздачи государственныхъ имуществъ частнымъ лицамъ (стр. 112—113) и даетъ правдивую характеристику личностей „верховниковъ“ (стр. 109).

Въ XIX т. „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. М. Соловьева (М. 1869 г.) переданы событія воцаренія Анны Іоанновны на основаніи всего извѣстнаго печатнаго матеріала и новыхъ изслѣдованій автора въ государственномъ архивѣ и главномъ московскомъ архивѣ М. И. Д. (стр. 241—271). Спокойно обсуждая, по своему обычаю, событія, С. М. Соловьевъ представляетъ намъ не полную картину воцаренія Анны Іоанновны, но мастерской очеркъ „умоначертанія“ какъ верховниковъ, такъ и главныхъ вождей оппозиціонной партіи шляхетства. По воззрѣніямъ поч-

тенняго историка, олигархическое правительство верховниковъ ввергло бы Россію въ тѣ же смуты, какія испытали Польша и Швеція; опасеніе именно этихъ смутъ руководило сторонниками самодержавія, которые не предусмотрѣли только, что самодержавіе Анны Іоанновны будетъ направляться нѣмцами, отъ которыхъ придется плакать русскимъ людямъ (стр. 217—269).

XIX-й томъ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева вызвалъ двѣ статьи: 1) рецензію неизвѣстнаго автора, „Русскіе верховники прошлаго вѣка", въ „Вѣстн. Евр." 1870 г. (т. I, кн. 2, стр. 245—257) и 2) Е. П. Карновича—„Замыслы верховниковъ и челобитчиковъ въ 1730 году" (Отеч. Зап. 1872 т. CXIX, отд. I, стр. 209—237; 485—516; кн. 1 и 2).

Статья „Вѣстника Европы", излагая кратко, по Соловьеву, происшествія съ 19 января по 25 февраля 1730 г., выдвигаетъ на первый планъ верховниковъ, только вскользь упоминая о движеніи шляхетства. Замыслы верховниковъ авторъ статьи считаетъ замыслами олигархическими, враждебно настроенными къ интересамъ русскаго народа (подъ которымъ разумѣетъ однихъ крестьянъ) и видитъ въ стремленіи верховниковъ только продолженіе старинныхъ боарскихъ тенденцій ограничить самодержавіе исключительно ради своей выгоды.

Иначе смотритъ на эти событія г. Карновичъ. Онъ считаетъ преувеличеніемъ обвиненіе верховниковъ въ олигархическихъ замыслахъ и доказываетъ, что ихъ мысль объ ограниченіи самодержавія Анны Іоанновны находила сочувствіе и въ остальномъ шляхетствѣ. Въ движеніи шляхетства г. Карновичъ видитъ лишь выраженіе недовольства на исключительное присвоеніе верховниками права избранія Анны Іоанновны и предложенія ей „кондицій"; право это шляхетство признавало за собой. Г. Карновичъ подробно анализируетъ политическія, экономическія и культурныя условія Россіи XVII в. и первой четверти XVIII в., и замыслы верховниковъ, а равно и притязанія шляхетства,—являются для него логическимъ результатомъ этихъ условій. Въ изложеніи событій у С. М. Соловьева, не смотря на ихъ полноту сравнительно съ предшествовавшими изслѣдованіями, г. Карновичъ видитъ пробѣлы и недомолвки и пытается пополнить то и другое. Статья г. Карновича сообщаетъ изслѣдователю обиль-

ный матеріалъ для размышленій, наводя на очень важныя соображенія, вслѣдствіе чего и является весьма существеннымъ пособіемъ при изученіи исторіи воцаренія Анны Іоанновны.

Изъ иностранныхъ ученыхъ изслѣдованій, въ которыхъ излагается воцареніе Анны Іоанновны, мы остановимся лишь на двухъ, какъ на болѣе замѣчательныхъ, именно—на монографіи І. Б. Бартольда: „Anna Ioanowna. Cabinet, Hof, Sitte und gesellschaftliche Bildung in Moskau und St.-Petersburg",—помѣщенной въ „Historisch. Taschenbuch" Раумера (1836, Bd. I, S. 175—396) и на IV-мъ т. „Geschichte des Russischen Staates" Марбургскаго профессора Германа (Hamb. 1849).

Монографія Бартольда обнимаетъ собою все царствованіе Анны Іоанновны и составлена исключительно по печатнымъ иностраннымъ источникамъ; впрочемъ, списокъ ихъ, приводимый авторомъ въ концѣ, далеко не полонъ. Монографія написана съ тѣми учеными пріемами и съ той тщательностью, съ какими пишутся обыкновенно хорошія нѣмецкія историческія изслѣдованія, хотя Бартольдъ, по своей національности и по малому знакомству съ внутреннимъ положеніемъ страны, симпатизируетъ вполнѣ нѣмецкому правительству Анны Іоанновны. Воцаренію Анны Іоанновны посвящена большая часть III-й главы (с. 229—236); остальная часть этой главы излагаетъ жизнь и характеристику Остермана (с. 236—250). Въ вопросѣ объ ограниченіи власти Анны Іоанновны всѣ симпатіи автора—на сторонѣ императрицы и сторонниковъ самодержавія. Образъ дѣйствій верховниковъ названъ восточнымъ (echt orientalisch), а поступки противниковъ Анны Іоанновны вообще признаются близорукими. Самому замыслу ограниченія самодержавной власти Бартольдъ не придаетъ особаго значенія; о кондиціяхъ онъ только упоминаетъ, не излагая даже сущности ихъ.

Извѣстный изслѣдователь исторіи русскаго XVIII в. профессоръ Германъ сообщаетъ въ своей книгѣ вполнѣ ученое и обстоятельное изложеніе воцаренія Анны Іоанновны (с. 538—548). Составленное, главн. образомъ, на основаніи депешъ саксонско-польскаго посла Лефорта, съ добавленіемъ свѣдѣній изъ Маньяна и Шмидтъ-Физельдека, повѣствованіе проф. Германа отличается фактической полнотой и

совершеннымъ безпристрастіемъ. Здѣсь впервые обращено должное вниманіе на петиціи шляхетства, изъ которыхъ приводятся главнѣйшія, какъ въ текстѣ, такъ и въ приложеніяхъ. (Русскій переводъ исторіи царствованія Анны Іоанновны Германа помѣщенъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1866 г., О воцареніи ея, см. с. 1—38).

I.

19 ЯНВАРЯ 1730 ГОДА.

Кончина Петра II.—Удаленіе трехъ архіереевъ.—Составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, его засѣданіе въ ночь съ 18 на 19 января и избраніе Анны Іоанновны.—Подробности этого засѣданія и роль въ немъ князя Д. М. Голицына.—Ожиданія генералитета и разговоръ П. И. Ягужинскаго съ княземъ С. Г. Долгорукимъ.—Составленіе «пунктовъ» и ихъ первоначальная редакція.—Собраніе генералитета, знатнаго шляхетства и духовенства въ Кремлѣ, утромъ 19 января.—Пересмотръ и дополненіе «пунктовъ».—Назначеніе въ Митаву трехъ депутатовъ и данная имъ инструкція.—Письмо верховниковъ къ Аннѣ Іоанновнѣ.—Окончательная редакція «пунктовъ».

18 января 1730 года первопрестольная русская столица Москва находилась въ очень тревожномъ положеніи. Въ „Лафортовскомъ“ дворцѣ кончалъ жизнь отрокъ-императоръ, 15-ти лѣтній Петръ II, съ которымъ пресѣкалась мужская отрасль дома Романовыхъ. То былъ канунъ дня, назначеннаго для его бракосочетанія съ княжною Екатериною Долгорукою.

Понятна тревога столицы, понятны тѣ страхи, которые рисовались напуганному воображенію москвичей, столько разъ испившихъ уже горькую чашу „нестроеній земскихъ“ отъ „перемѣнъ“ на „верху“. Москвѣ приходилось постоянно начинать эту чашу; на ея долю выпадалъ всегда первый глотокъ—самый горькій. Люди родословные, и книжники, и грамотники московскіе—припоминали то время, когда замутилась вся земля русская, когда настала великая смута, послѣ того какъ умеръ въ Угличѣ меньшой сынъ грознаго царя. Смуты стрѣлецкія были хорошо памятны многимъ старикамъ, а отъ нихъ переходилъ разсказъ къ дѣтямъ и внукамъ. Кто будетъ править царствомъ, когда не станетъ „втораго императора?“ какъ и посредствомъ кого устроится

„нарядъ и земское строеніе“ русской земли? Эти вопросы невольно озабочивали и смущали всѣхъ и каждаго, и каждый рѣшалъ ихъ по своему.

Поздно вечеромъ 18 января къ „Лафертовскому“ дворцу стали съѣзжаться министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, сенаторы, генералитетъ, члены синода. Умирающаго государя причастили и соборовали. Онъ впалъ въ безпамятство. Началась предсмертная агонія.

— „Запрягайте сани—я ѣду къ сестрѣ!...“ вскрикнулъ Петръ II въ бреду—и испустилъ духъ. Былъ въ началѣ первый часъ ночи на 19-е января.

Странное стеченіе обстоятельствъ поражаетъ насъ при кончинѣ отрока-императора. Сынъ злосчастнаго царевича Алексѣя Петровича, ненавистника и хулителя иноземныхъ новшествъ Петра Великаго, жилъ, былъ боленъ и преждевременно скончался въ Нѣмецкой Слободѣ, въ домѣ нѣкогда принадлежавшемъ первому другу изъ иноземцевъ царя преобразователя, тому самому женевцу Лефорту, которому на Западѣ долго приписывали самый замыселъ реформы. Въ Нѣмецкой Слободѣ дѣдъ Петра II, первый Петръ, воспиталъ въ себѣ отрицательное отношеніе къ московской дѣйствительности, а въ домѣ Лефорта справлялъ веселые праздники въ честь побѣдъ надъ застарѣлыми московскими обычаями.

Едва успѣли сановники нѣсколько придти въ себя отъ горестнаго впечатлѣнія смерти отрока-императора, какъ господа министры Верховнаго Совѣта и „бывшіе въ то время въ домѣ Его Величества изъ сената и изъ генералитета“—стали между собою о чемъ то перешептываться. Синодальные члены, три архіерея, соборовавшіе императора: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Дашковъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій—собрались уходить. Ихъ остановилъ фельдмаршалъ кн. Долгорукой. Именемъ прочихъ онъ просилъ архіереевъ „поумѣшкать немного, внушая, что скоро имѣетъ быть совѣтованіе о избраніи государя новаго“. Затѣмъ онъ ушелъ въ отдѣльную палату къ сановникамъ и, возвратившись черезъ нѣсколько времени, объявилъ архіереямъ новое рѣшеніе“.

— „Верховному Совѣту“ — говорилъ фельдмаршалъ— „заблагоразсудилось къ находящему дню (19 января) быть всѣхъ чиновъ собранію въ 10-мъ часу по полуночи, когда

и они, архіереи, изволили бы прибыть сами и другихъ бы, какъ архіереевъ, такъ и тѣхъ архимандритовъ, которые состоятъ синодальными членами, съ собою привели бы".

Архіереи уѣхали изъ дворца, весьма основательно замѣтивъ „уже въ самомъ семъ поступкѣ нѣкую хитрость, ибо верховные (члены Верховнаго Совѣта) и другіе начальники тамъ (т. е. во дворцѣ) остались" (¹).

Верховный Тайный Совѣтъ состоялъ въ то время собственно изъ пяти членовъ, которые на оффиціальномъ языкѣ назывались тогда министрами. То были: канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, вицеканцлеръ и старшій гофмейстеръ умершаго императора, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, второй гофмейстеръ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, князь Василій Лукичъ Долгорукой и князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Засѣдалъ также въ Совѣтѣ, но званія министра не имѣлъ, сибирскій губернаторъ, князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукой. Онъ прибылъ къ ожидаемому бракосочетанію своей племянницы, княжны Екатерины Долгорукой, съ Петромъ II. Всѣ эти лица находились во дворцѣ во время кончины императора. Кромѣ нихъ въ то время находились во дворцѣ слѣдующія лица изъ сената и генералитета: три фельдмаршала—князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, князь Михаилъ Михаиловичъ-старшій Голицынъ и князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой; трое князей Долгорукихъ—сенаторъ Иванъ Григорьевичъ, камергеръ Сергѣй Григорьевичъ и ихъ племянникъ, оберъ-камергеръ и фаворитъ Петра II, Иванъ Алексѣевичъ; шталмейстеръ Павелъ Ивановичъ Ягушинской и генералы—Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ и Левъ Васильевичъ Измайловъ. Остальныя лица „изъ сената и изъ генералитета, которые при томъ, въ домѣ его Императорскаго Величества случились" (какъ выражается современный оффиціальный актъ)—по именамъ не извѣстны, но, по всей вѣроятности, въ числѣ ихъ были всѣ первенствующіе придворные чины.

Министры Верховнаго Совѣта, пригласивъ съ собою князя Михаила Владиміровича Долгорукаго и двухъ фельд-

(¹) Черновые журналы В. Т. С., Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 3, л 3.—Сказ. Ѳеоф. Прокоповича, стр. 186—187.

маршаловъ—Долгорукаго и Голицына, удалились въ особую камору для совѣщанія о томъ, кому быть государемъ на Руси. Третій фельдмаршалъ, князь Трубецкой, и всѣ остальные „изъ сената и генералитета"--остались дожидаться рѣшенія „осьмиличнаго совѣта" (какъ назвалъ это собраніе Өеофанъ Прокоповичъ).

Весьма любопытны дошедшія до насъ подробности объ этомъ ночномъ засѣданіи.

Князья Долгорукіе были очень взволнованы, особенно князь Алексѣй Григорьевичъ, отецъ „государыни-невѣсты", княжны Екатерины. Онъ заявилъ, что Петръ II оставилъ завѣщаніе, которымъ „наслѣдіе" престола передаетъ по своей кончинѣ обрученной своей невѣстѣ, но встрѣтилъ рѣзкія возраженія со стороны князя Дмитрія Михайловича Голицына и двухъ фельдмаршаловъ—Голицына и Долгорукаго.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

— „Мужская отрасль императорскаго дома пресѣклась", говорилъ онъ, „и съ нею пресѣклось прямое потомство Петра I. Нечего думать о его дочеряхъ, рожденныхъ до брака съ Екатериной; завѣщаніе Екатерины I не можетъ имѣть для насъ никакого значенія. Эта женщина низкаго происхожденія (князь Голицынъ выразился гораздо рѣзче) не имѣла никакого права возсѣсть на россійскій престолъ, тѣмъ менѣе располагать короной россійской. Завѣщаніе покойнаго императора подложно".

Князь Василій Лукичъ Долгорукой хотѣлъ возразить Голицыну, но фельдмаршалъ Долгорукой остановилъ его рѣзкимъ движеніемъ, и громко, голосомъ полнымъ энергіи и убѣжденія, воскликнулъ:

„Да, это завѣщаніе подложно! Никто не въ правѣ вступать на престолъ, когда находятся на лицѣ женскіе члены императорскаго дома. Всего справедливѣе и разумнѣе было бы избрать государыню-бабку, царицу Евдокію Өеодоровну".

— „Я воздаю полную дань достоинствамъ вдовствующей царицы"—снова началъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ,—„но она только вдова государя. Есть дочери царя, три дочери царя Ивана. Избраніе старшей изъ нихъ, Екатерины Ивановны, привело бы къ затрудненіямъ. Сама она добрая женщина, но ея мужъ, герцогъ мекленбургскій, золъ и сумасброденъ. Мы забываемъ Анну Ивановну, гер-

цогиню курляндскую—это умная женщина; правда, у нея тяжелый характеръ, но въ Курляндіи на нее нѣтъ неудовольствій".

Голицына поддержалъ князь Василій Лукичъ Долгорукой.

— „Ваша воля", закончилъ князь Голицынъ свою рѣчь, обращаясь къ остальнымъ членамъ собранія „кого изволите, только надобно *себѣ полегчить*".

— „Какъ это полегчить"?—спросилъ канцлеръ Головкинъ.

— „Такъ полегчить, *чтобы воли себѣ прибавить*"—отвѣчалъ князь Голицынъ.

— „Хоть и зачнемъ, да не удержимъ этого"—возразилъ князь Василій Лукичъ Долгорукой.

— „Право удержимъ"! утверждалъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ.

Никто не отвѣчалъ ему на это, но на избраніе курляндской герцогини согласились всѣ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, видя, что вопросъ о томъ, чтобы „воли себѣ прибавить", не разсматривается, снова замѣтилъ:

— „Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству *пункты*" (¹).

Въ то время, какъ происходило совѣщаніе восьми сановниковъ,—въ другой залѣ Лефортовскаго дворца съ нетерпѣніемъ и злорадствомъ ожидали ихъ рѣшенія „особы изъ

(¹) Записка кн. И. И. Долгорукаго, въ «Memoires du pr. P. Dolgoroukow». I, p. 305—306.—Показанія кн. В. Л. Долгорукаго 6 ноября 1739 года. Госуд Арх. разд. VI, д. № 181, ч. I, л. 243—246.—Саксонско-польскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему правительству $^{20}/_{31}$ января: «Фельдмаршалъ Долгорукій объявилъ въ присутствіи всего собранія, что, пока будетъ жива хотя единая отрасль царскаго рода, онъ не позволитъ Долгорукимъ домогаться престола, котораго добивался князь Алексѣй для своей дочери, невѣсты царя. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этого событія снова соединились старинные роды князей Долгорукихъ и князей Голицыныхъ». (См. Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, с. 343.)—Подробности объ этомъ засѣданіи Верховнаго Совѣта см. въ депешѣ датскаго посла Вестфалена, № 4, (III-е приложеніе къ настоящему изслѣдованію).—Сообщенія Вестфалена представляютъ любопытный варіантъ къ подробностямъ, находящимся у насъ въ текстѣ.

сената и генералитета". Подробности всего бывшаго въ этой залѣ во время совѣщанія до насъ не дошли. Намъ извѣстна только одна весьма характеристичная сцена, указывающая на настроеніе умовъ дожидавшихся сенаторовъ и генераловъ.

Павелъ Ивановичъ Ягушинской, генералъ-прокуроръ Петровскаго сената и любимецъ перваго императора, подошелъ къ камергеру князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, увелъ его въ сосѣднюю комнату и, стоя съ нимъ у окна, велъ бесѣду о предметѣ совѣщаній верховниковъ.

— „Мнѣ съ миромъ бѣда не убытокъ", заключилъ свою бесѣду Ягушинской, „но долго-ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ; теперь время, чтобъ самодержавію не быть!"

— „Не мое то дѣло, я въ таковое дѣло не плетусь, ниже о томъ думаю", отвѣчалъ князь Долгорукой уклончиво и робко.

На этомъ и прекратился ихъ разговоръ.

Въ это время показались восемь рѣшителей судьбы русскаго государства. Всѣ поспѣшили къ нимъ.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ объявилъ, „что положили на престолѣ россійскомъ быть курляндской герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ". Всѣ присутствовавшіе сановники къ этому „склонны были", какъ замѣчаетъ подлинный оффиціальный журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Павелъ Ивановичъ Ягушинской опять не выдержалъ. Онъ подошелъ къ князю Василію Лукичу Долгорукому и „съ великимъ желаніемъ" говорилъ ему:

— „Батюшки мои, *прибавьте намъ какъ можно воли*"!

„Говорено уже о томъ было, но то не надо",—отвѣчалъ ему князь Василій Лукичъ.

Послѣ этого сенаторы и генералитетъ стали расходиться по домамъ.

— „Куда они расходятся"?—спросилъ князь Дмитрій Голицынъ у князя Сергѣя Долгорукаго.

„Пошли всѣ вонъ",—отвѣчалъ ему тотъ.

— „Надо ихъ воротить, чтобъ не было отъ нихъ чего",—сказалъ на это Голицынъ.

Князь Сергѣй Долгорукой пошелъ предложить сенаторамъ и генералитету не разъѣзжается по домамъ, но князь Дмитрій Голицынъ остановилъ его, сказавъ:

— „Постой, я самъ ихъ возвращу".

Онъ пошелъ догонять уходившихъ и вскорѣ возвратился вмѣстѣ съ Иваномъ Ильичемъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Львомъ Васильевичемъ Измайловымъ, Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ и нѣкоторыми другими, которыхъ не могъ упомнить девять лѣтъ спустя князь Сергѣй Долгорукой, очевидецъ и даже участникъ этой сцены. Но самое его выраженіе „и другіе, а кто именно того не упомню" даетъ поводъ предполагать, что не всѣ сенаторы и генералы, бывшіе во дворцѣ, вернулись съ Голицынымъ, что иные разъѣхались по домамъ, весьма естественно тая злобу противъ „министровъ" за то, что тѣ не пригласили и ихъ на совѣщаніе. Во главѣ этихъ недовольныхъ былъ фельдмаршалъ, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ сталъ разговаривать съ возвратившимися генералами. Что говорили генералы, князь Долгорукой не слыхалъ, а князь Голицынъ сообщалъ имъ „что станетъ-де писать пункты, чтобъ не быть самодержавствію". Объ этихъ-то „пунктахъ" онъ и совѣщался съ ними, имѣя полное основаніе бояться утаить отъ нихъ эти пункты. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ Ягушинской и другіе „изъ сената и генералитета" отплатили Голицыну и Долгорукимъ за ихъ неосмотрительность въ этомъ дѣлѣ (³).

Современный оффиціальный протоколъ Верховнаго Тайнаго Совѣта такъ излагаетъ описанныя здѣсь событія:

„Егда всепресвѣтлѣйшій великій государь Петръ вторый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, отъ временнаго въ вѣчное блаженство сего генваря 18 въ 1-мъ часу по полуночи отъиде, въ тожъ время верховный тайный совѣтъ, генералъ-фельдмаршалы, духовный синодъ, такожъ изъ сената и изъ генералитета, которые при томъ въ домѣ Его Императорскаго Величества быть случились, имѣли разсужденіе о избраніи кого на россійской престолъ, и понеже императорское мужескаго колѣна наслѣдство пресѣклось, того ради разсудили оной поручить рожденной отъ крови царской, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ курляндской" (⁴).

(³) Допросъ кн. Серг. Гр. Долгорукаго 6 ноября 1739 г., Госуд. Арх., отд. VI, д. № 181, ч. I, л. 247—249.

(⁴) Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. I. Бѣловой протоколъ В. Т. С.

Когда разошлись „бывшіе изъ сената и генералитета“, — восемь сановниковъ, избравшихъ Анну Іоанновну, снова удалились въ особую палату. На этотъ разъ они собрались въ комнатѣ около той, въ которой скончался Петръ II и занялись составленіемъ „пунктовъ“. Усадивъ за маленькій столикъ Василія Петровича Степанова, правителя дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, верховники начали диктовать ему „пункты“. Диктовали нѣсколько лицъ за разъ и притомъ самые разнообразные „пункты“, такъ что Степановъ не зналъ что записывать. Болѣе другихъ диктовали князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Лукичъ Долгорукой.

Видя, что за „разными приказы медлится“, канцлеръ Головкинъ и фельдмаршалъ Михаилъ Михайловичъ Голицынъ обратились съ просьбой къ Андрею Ивановичу Остерману, чтобы тотъ, „яко знающій лучше штиль, диктовалъ“. Осторожный дипломатъ началъ было отговариваться тѣмъ, что онъ, какъ иноземецъ, „въ такое важное дѣло вступать не можетъ“, но затѣмъ, уступивъ общему требованію, сталъ редактировать словесно „пункты“; диктовалъ уже одинъ Василій Лукичъ Долгорукой, и Степанову легко было записывать ([5]).

Вотъ эта первоначальная, черновая, редакція „пунктовъ“.

«Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія. Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже утвержденный верховный тайный совѣтъ въ 8-ми персонахъ всегда содержать и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія:

1) Ни съ кѣмъ войны не вчинать.

2) Миру не заключать.

3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ новыми податьми не отягощать.

4) Въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга — не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять.

5) У шляхетства живота, чести и имѣнія безъ суда не отнимать.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

([5]) Записка В. П. Степанова. «Памятн. Нов. Русск. Истор.» Кашперова, т. I, отд. II, стр. 10—11.

7) Государственные доходы въ расходы не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать (*).

Основанія этихъ „пунктовъ" были очень серьозны, а инищіатива и порядокъ ихъ составленія до крайности произвольны. Кто уполномочивалъ „восьмиличное" собраніе ограничивать самодержавную власть избранной въ императрицы курляндской герцогини, кто уполномочивалъ его предложить тѣ, а не другія ограниченія? Никто.—Случайное собраніе сановниковъ, изъ которыхъ почти половина не принадлежала даже къ составу Верховнаго Тайнаго Совѣта, имѣвшаго при Петрѣ II высшее правительственное значеніе—является какимъ-то самозваннымъ учредительнымъ собраніемъ, постановляющимъ новый образъ правленія въ россійскомъ государствѣ. Это случайное собраніе, прежде всего, само опредѣляетъ свой составъ подъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, принявъ за нормальное число членовъ именно то число, въ какомъ находилось тогда собраніе, и ставитъ себя выше власти государыни, которая безъ согласія его не можетъ дѣлать самыхъ существенныхъ въ государствѣ распоряженій. Въ этомъ произвольномъ присвоеніи себѣ верховной власти въ странѣ—случайной группой восьми лицъ, никѣмъ не уполномоченной на то дѣло, за которое она взялась, въ той торопливости и въ той тайнѣ, съ которыми производилось составленіе пунктовъ—слѣдуетъ прежде всего искать причину неуспѣха дѣла верховниковъ Дальнѣйшее ихъ поведеніе, какъ мы увидимъ, имѣло все основаніе возстановлять противъ себя всѣ общественныя группы того времени—и генералитетъ, и шляхетство, и духовенство.

Не подписавъ приведенныхъ нами пунктовъ „за позно-тою", верховники разъѣхались по домамъ „на малое время".

Такъ кончилась ночь съ 18 на 19 января.

Къ 10-ти часамъ утра 19 января почти всѣ верховники съѣхались въ Кремль въ „Мастерскую Палату", гдѣ имѣлъ обычныя засѣданія Верховный Совѣтъ. Не пріѣхали только князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, да Андрей Ивановичъ Остерманъ, поспѣшившіе въ „Лафертовъ" дворецъ къ останкамъ умершаго императора. Къ тому времени въ

(*) Госуд. Арх., отд. III, д. № 4, л. 13.

залахъ Кремлевскаго дворца были уже собраны „члены синода и знатные духовнаго чина, сенатъ, генералитетъ и прочіе военные и стацкіе чины и изъ коллегій не малое число до брегадира". Старые вельможи, заслуженные сподвижники Петра Великаго—графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, князь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановской и обиженный фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой—и тѣ явились на это собраніе.

„Весь собравшійся сенатъ и генералитетъ и прочіе стацкіе чины до брегадира" были приглашены верховниками составить съ ними общее собраніе. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, отъ лица остальныхъ верховниковъ, объявилъ всему собранію, „какъ о кончинѣ Петра II, такъ и о порученіи (оффиціальное выраженіе того времени), россійскаго престола государынѣ царевнѣ и спрашивалъ, согласны-ли на то"? Всѣ отвѣчали утвердительно. Послѣ этого каждому сенатору, генералу и лицамъ изъ шляхетства было вручено по экземпляру особой записки (извлеченіе изъ журнала засѣданія въ ночь съ 18 на 19 января, приведенное нами выше). О „пунктахъ" не было сказано ни слова (7).

Испанскій посолъ герцогъ де-Лиріа такъ описываетъ это собраніе: „Собраніе открылъ рѣчью князь Дмитрій Голицынъ, какъ самый старшій; хотя при этомъ и находился великій канцлеръ, но онъ имѣлъ такое сильное воспаленіе въ горлѣ, что не могъ говорить. Князь Голицынъ сказалъ, что, такъ какъ Богъ наказалъ ихъ, взявши къ себѣ царя, и такъ какъ эта монархія не можетъ остаться безъ главы, которая бы управляла ею, то онъ думаетъ, что никто не можетъ быть скорѣе государемъ, какъ герцогиня курляндская (Анна Іоанновна) дочь царя Ивана, брата Петра I, и тетка покойнаго, принцесса,—которую,—такъ какъ она од-

(7) Чернов. журналы В. Т. С., Госуд. Арх. отд. III, д. № 5, л. 3—4: «При вышеписанномъ собраніи».—читаемъ мы въ этомъ журналѣ—«изъ членовъ В. Т. С. дѣйствительной тайный совѣтникъ князь Д. М. Голицынъ, какъ о кончинѣ Его Императорскаго Величества, такъ и о порученіи Россійскаго Престола государынѣ царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ,—объявилъ всѣмъ и притомъ спрашиваны согласны (ль) тому, на что всѣ при томъ будущіе объявили, что согласны, а кто при томъ былъ, тому врученъ журналъ, особливая записка».

ной и той же крови съ древними государями и украшена всѣми необходимыми качествами,—онъ считаетъ наиболѣе достойною этого и что если они того же мнѣнія, пусть выразятъ это виватами, каковые всѣмъ собраніемъ и повторились три, или четыре раза, вслѣдствіе того, что всѣ главные министры и генералы признали ее царицей и присягнули ей въ вѣрности (°)".

Послѣ этого всѣ приглашенные на собраніе удалились. Остались только господа министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, да князья—Михаилъ Михаиловичъ-старшій Голицынъ, и Долгорукіе: Василій и Михаилъ Владиміровичи. Они пригласили къ себѣ членовъ синода и прочихъ архіереевъ. Высшимъ іерархамъ было также объявлено объ избраніи Анны Іоановны, но согласія ихъ спрошено не было. Затѣмъ архіереямъ приказано было, чтобы въ ектеніяхъ имена умершаго императора и обрученной его невѣсты (княжны Екатерины Долгорукой) выключить. Послѣ этого они были отпущены (°).

Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ, что онъ отъ имени духовенства отвѣчалъ верховникамъ, что „не только онъ, но и вся братія его на то согласуютъ, но и желаютъ тотчасъ въ престольной церкви (въ Успенскомъ Соборѣ) при всенародномъ присутствіи торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемилостивѣйшему Богу за толикое полученное отъ него дарованіе".

(°) «Осмнадцатый вѣкъ», сборникъ Бартенева, кн. III. с. 27—28. Краткія упоминанія о томъ же см. въ депешахъ Лефорта (Сб. Русск. Истор. общ., V, 342—343) и Мардефельда (ib. XV, 404—409).—Лефортъ утверждаетъ, что, по окончаніи собранія въ Кремлѣ, объ избраніи Анны Іоанновны было объявлено войскамъ, а Мардефельдъ, что войска тогда-же присягнули новой императрицѣ. Де-Лиріа и Лефортъ относятъ это собраніе къ 5 ч. утра, Ѳеофанъ Прокоповичъ—къ 10-ти.

(°) Черное. журналы В. Т. С., Госуд. Арх., отд. III, д. № 5, л. 3—4. Приводимъ подлинный текстъ относящагося сюда мѣста изъ этого журнала: «Потомъ (послѣ объявленія князя Д. М. Голицына) прочіе всѣ выступили, а остались гг. министры В. Т. С-та, да генералъ-фельдмаршалы и д. т. сов. Кн. Мих. Влад. Долгорукой. И притомъ вступили члены Св. Синода и прочіе архіереи и о вышеписанномъ имъ объявлено; имъ-же приказано, чтобъ въ ектеніѣ Императорское Величество и обрученную Его Невѣсту выключить».

Но верховники на это не согласились, что всѣхъ присутствующихъ очень удивило ([10]).

Отпустивъ духовенство, верховники занялись обсужденіемъ подробностей избранія Анны Іоанновны. Эти обсужденія были прерваны на короткое время „допущеніемъ въ засѣданіе Совѣта малороссійскаго гетмана Даніила Павловича Апостола съ знатною старшиною, а за нимъ царевича грузинскаго Бакара Вахтангеевича съ дѣтьми. Имъ также было объявлено о кончинѣ императора и о „поручепіи россійскаго престола Аннѣ Іоанновнѣ" ([11]).

Прежде всего верховники занялись дополненіемъ составленныхъ ночью пунктовъ. Многія прибавки къ нимъ привезли князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Лукичъ Долгорукой и велѣли включить ихъ въ текстъ „пунктовъ".

Прибавки эти были слѣдующія:

Во вступленіи къ „пунктамъ" вставлено: „Такожде по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого неопредѣлять". Къ 4-му пункту прибавлено: „и гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта". 7-й пунктъ первой редакціи поставленъ 8-мъ, а 7-й пунктъ написанъ вновь: „При дворѣ своемъ придворныхъ чиновъ изъ иноземцевъ не держать". За пунктами слѣдовала новая, небывшая прежде, приписка: „а буде что по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской".

При вторичномъ пересмотрѣ этой дополненной редакціи, явились еще нѣкоторыя важныя измѣненія. Такъ вступленіе къ кондиціямъ было значительно дополнено. Начало этого вступленія написано совершенно вновь. Редакція 7-го пункта была изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производить". Кромѣ

([10]) Сказаніе Өеоф. Прокоповича, с. 189—190.

([11]) Госуд. Арх., Чернов. журналы В. Т. С., л. 4.

того есть нѣсколько мелкихъ, большею частью редакціонныхъ, измѣненій и въ другихъ пунктахъ ([12]).

Затѣмъ былъ составленъ манифестъ, или объявленіе отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о кончинѣ Петра II и объ избраніи Анны Іоанновны.

Пункты, названные въ окончательной редакціи „кондиціями“, предположено было отправить къ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву съ треми депутатами отъ Верховнаго Совѣта, сената и генералитета. Фельдмаршалъ Долгорукой предложилъ еще четвертаго депутата—отъ духовенства, но встрѣтилъ рѣзкое возраженіе со стороны князя Дмитрія Михайловича Голицына. — „Нѣтъ!“ говорилъ тотъ съ жаромъ, „духовенство не заслужило никакого уваженія. Оно опозорило себя согласіемъ на воцареніе Екатерины (первой), не имѣвшей на то никакого права“.

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ предложилъ назначить депутатами князя Василія Лукича Долгорукаго, какъ хорошо извѣстнаго Аннѣ Іоанновнѣ и своего меньшаго брата, князя Михаила Михаиловича-младшаго Голицына, сенатора. Тогда канцлеръ Головкинъ, съ своей стороны, предложилъ третьяго депутата, генерала Леонтьева, своего родственника ([13]).

Составлены были инструкціи депутатамъ и письмо отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которое они должны были передать Аннѣ Іоанновнѣ.

Къ сожалѣнію, эта инструкція не дошла до насъ, но соображаясь съ дѣйствіями депутатовъ въ Митавѣ и съ дальнѣйшими распоряженіями Верховнаго Тайнаго Совѣта, можно заключить, что, приблизительно, въ ней заключались слѣдующія наставленія: 1) Вручить Аннѣ Іоанновнѣ „кондиціи“ совершенно наединѣ, безъ присутствія постороннихъ. 2) Слѣдить строго за тѣмъ, чтобы ей не было сообщено какихъ либо вѣстей изъ Москвы помимо депутатовъ. 3) Объяснить ей, что „кондиціи“ заключаютъ въ себѣ волю и жела-

---

([12]) Госуд. Арх., д. № 4. л. 11—16.—Подробности о черновыхъ редакціяхъ «пунктовъ» и объ отношеніи ихъ къ бѣловой редакціи «кондицій» см. въ I-мъ Приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

([13]) Чернов. журн. В. Т. С., л. 4—Prince P. Dolgoroukow, Memoires I. 315.

ніе всего русскаго народа (въ то время подъ народомъ разумѣлись высшіе полноправные классы общества). 4) Убѣдивъ ее принять „кондиціи", потребовать отъ нея удостовѣренія въ ихъ исполненіи. 5) По подписаніи ею „кондицій", прислать ихъ немедленно въ Москву съ однимъ изъ депутатовъ. 6) Стараться о томъ, чтобы она не брала съ собой въ Москву своего камеръюнкера Бирона и вообще никого изъ придворныхъ курляндцевъ. 7) Поторопить Анну Іоанновну пріѣздомъ въ Москву, до чего не будетъ объявлено въ народъ о кончинѣ Петра II и о ея избраніи. 8) О всѣхъ дѣйствіяхъ депутатовъ въ Митавѣ, о времени отъѣзда изъ Митавы царевны Анны Іоанновны и о слѣдованіи ея отъ Митавы до Москвы съ каждой станціи доносить Верховному Тайному Совѣту, для чего князю Василію Лукичу Долгорукому выдать „цифирную азбуку", т. е. условленный цифровой шифръ. 9) Анну Іоанновну отнюдь не допускать ѣхать одну, а сопровождать ее депутатамъ. 10) Озаботиться, чтобы, какъ о поѣздкѣ депутатовъ, такъ и о переговорахъ ихъ съ Анной Іоанновной, не могли дойдти слухи до Петербурга и за границу ([14]).

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Премилостивѣйшая Государыня! Съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ Вашему Императорскому Величеству верховный тайный совѣтъ доноситъ, что сего настоящаго году, Генваря 18, пополуночи въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго Государя, Его Императорскаго Величества Петра II не стало, и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣцкіе люди того жъ времени заблаго разсудили россійскій престолъ вручить вашему Императорскому Величеству, а какимъ образомъ Вашему Величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи, которыя къ Вашему Величеству отправили изъ собра

([14]) Черков. журн. В. Т. С., л. 4.—Инструкція эта вмѣстѣ съ цифирной азбукой упоминается въ современномъ черновомъ реестрѣ бумагъ, находившихся у князя В. Л. Долгорукаго въ Митавѣ.—См. Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. 55—56. Мы возстановили эту инструкцію на основаніи: а) переписки кн. В. Л. Долгорукаго съ В. Т. С. во время его посольства въ Митаву (См. о ней въ обзорѣ источниковъ, въ отдѣлѣ «Протоколы и журналы В. Т. С.») в) черновыхъ журналовъ и бѣловыхъ протоколовъ В. Т. С. за это же время и с) преданій о посольствѣ депутатовъ въ Митаву, находящихся у кн. П. В. Долгорукаго (Memoires, I, p. 315) и Малиновскаго («Управленіе Всерос. имперіи» ркп., л. 3).

вія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ князь Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да съ сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ князь Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ и з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ и всепокорно просимъ оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды въ Москву ѣхать и россійскій престолъ и правительство воспріять» ([15]).

Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, изъ которой требовался паспортъ для проѣзда депутатовъ, было написано намѣренно весьма неопредѣленно и даже темно. Изъ коллегіи требовался паспортъ „отправленному отъ верховнаго тайнаго совѣта изъ членовъ, дѣйствительному тайному совѣтнику князь Василію Лукичу Долгорукому съ прочими при немъ отправленными персонами *для нѣкоторыхъ дѣлъ* въ княжество Курляндское, въ городъ Митаву" ([16]).

Для скораго и безпрепятственнаго слѣдованія депутатовъ велѣно было поставить на всѣхъ ямскихъ станахъ отъ Москвы до Риги по тридцати подводъ; числа подводъ отъ Риги до Митавы означено не было, а опредѣлено выставить ихъ столько, сколько потребуетъ князь Василій Лукичъ Долгорукой. Какъ о выставкѣ подводъ, такъ и вообще о „послушаніи во всемъ" Василію Лукичу Долгорукому, посланы указы губернаторамъ новгородскому и рижскому.

Затѣмъ призванъ въ засѣданіе бригадиръ Полибинъ, завѣдывавшій почтами, и получилъ отъ Верховнаго Совѣта слѣдующій приказъ: 1) оцѣпить всю Москву заставами, поставивъ по всѣмъ трактамъ на разстояніи въ 30-ти верстахъ отъ города по унтеръ-офицеру съ нѣсколькими человѣками солдатъ, которые обязаны пропускать ѣдущихъ

([15]) Госуд. Арх., отд. III, д. № 6, л. 4.—То же письмо находится въ этомъ дѣлѣ и въ копіи (л. 5.) и, кромѣ того, въ черновой редакціи, въ дѣлѣ № 4, л. 11—12. Письмо это напечатано у С. М. Соловьева, «Исторія Россіи». т. XIX, с. 246—Подписи на письмѣ слѣдующія: «Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ (фельдмаршалъ), князь Василей Долгорукой (фельдмаршалъ), князь Дмитрій Голицынъ, Андрей Остерманъ, князь Алексѣй Долгорукой».

([16]) Главн. Моск. Арх. М. И. Д.—Журналъ В. Т. С. 19 янв. 1730 г., связка 71, № 2, л. 1.—Манифестъ о кончинѣ Петра II былъ обнародованъ только 9 февраля. Мы приводимъ его въ V-й главѣ нашего изслѣдованія.

изъ Москвы только съ паспортами, выданными отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; 2) изъ ямскаго приказа, завѣдывавшаго почтами, никому не выдавать ни подводъ, ни подорожныхъ и никуда не посылать эстафетъ; 3) вольнонаемнымъ извощикамъ наниматься запретить; 4) провѣдывать не проѣхалъ ли кто, по какимъ подорожнымъ и куда, изъ Москвы 18 января, и буде кто проѣхалъ, то записывать по чьимъ подорожнымъ (17).

Въ этомъ же засѣданіи Верховный Тайный Совѣтъ избралъ въ свои члены „двухъ первыхъ генералъ-фельдмаршаловъ"—князей Долгорукаго и Голицына, узаконивъ этимъ избраніемъ ихъ фактическое участіе въ двухъ засѣданіяхъ Совѣта 19 января (18).

Порѣшивъ всѣ эти дѣла, верховники разъѣхались по домамъ, куда имъ доставлены были для подписи: кондиціи, письмо къ Аннѣ Іоанновнѣ и инструкція депутатамъ. Къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому и Остерману, не присутствовавшимъ въ утреннемъ засѣданіи 19 января, возилъ эти акты на домъ для подписи, по приказанію остальныхъ верховниковъ, правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Василій Петровичъ Степановъ. Остерманъ подписалъ только письмо—остальныхъ документовъ не подписалъ. На это онъ имѣлъ свои причины, какъ увидимъ впослѣдствіи, весьма основательныя. Онъ *заболѣлъ* именно 19 января и съ того времени не ѣздилъ въ засѣданія Верховнаго Совѣта. Враги вицеканцлера увѣряли, что болѣзнь была притворная, но было отъ чего въ самомъ дѣлѣ заболѣть человѣку дѣйствительно привязанному къ безвременно погибшему своему питомцу отроку-императору. Систематическій умъ ученаго нѣмца былъ совсѣмъ сбитъ съ толку. Остерманъ *не могъ понять* какъ можно было такъ легкомыслено и опрометчиво дѣйствовать въ столь важномъ дѣлѣ, какъ дѣйствовали русскіе вельможи 19 января 1730 г.

Въ 8 часовъ вечера 19 января были вручены князю Василію Лукичу Долгорукому кондиціи, письмо, инструкція

---

(17) Госуд. Арх., Чернов. журн. В. Т. С., л. 4—5.

(18) Ibid. л. 6.—«Оба фельдмаршала—Голицынъ и кн. Долгорукой—пишетъ прусскій посланникъ Мардефельдъ 2 февраля н. ст., «вошли по собственному авторитету членами В. Т. С. Первый сказалъ, что имъ полагается быть членами упомянутаго совѣта, ибо никто изъ засѣдающихъ въ немъ не понимаетъ военнаго дѣла». (Сб. Русск. Ист. Общ., т. XV, с. 404).

и цифирная азбука. Поздно вечеромъ того же дня, три депутата выѣхали изъ Москвы въ Митаву (¹⁹).

Такъ закончился **первый день** по кончинѣ послѣдняго изъ мужской отрасли дома Романовыхъ.

Окончательная редакція „кондицій", врученная князю Василію Лукичу Долгорукому, заключала въ себѣ дальнѣйшую, подробную переработку третьей, черновой, редакціи „пунктовъ". Она начиналась слѣдующимъ вступленіемъ:

«Понеже, по волѣ всемогущаго Бога и по общему желанію россійскаго народа, мы, по преставленіи всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго великаго Государя Петра втораго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, нашего любезнѣйшаго Государя племянника, императорскій всероссійскій престолъ воспріяли и, слѣдуя божественному закону, правительство свое такимъ образомъ вести намѣрена и желаю, дабы оное въ началѣ къ прославленію Божескаго имени и къ благополучію всего нашего государства и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служить могло».— «Того ради»,—продолжаетъ эта окончательная редакція,—«чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя нашея вѣры греческаго исповѣданія, такожде, по принятіи короны россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника, ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять. Еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный верховный тайный совѣтъ въ восми персонахъ всегда содержать и безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія»:

Затѣмъ слѣдуютъ пункты въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первоначальной, черновой, редакціи, съ слѣдующими измѣненіями:

1) Ни съ кѣмъ войны не счинять.
2) Миру не заключать.
3) Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податми не отягощать.
4) Въ знатные чины, какъ въ статцкіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.
5) У шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отымать

(¹⁹) Государ. Арх.—Черновой журн. В. Т. С., л. 5.—Срав. выше примѣч. 14-е; см. Записку В. П. Степанова, с. 11.

6) Вотчины и деревни не жаловать.

7) Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцовъ, безъ совѣту Верховнаго Тайнаго Совѣта не производить.

8) Государственные доходы въ расходъ не употреблять—

И всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны росиской» ([20]).

([20]) Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 28.—Подробности объ окончательной редакціи «кондицій» см. въ приложеніи I-мъ къ настоящему изслѣдованію.

II.

ВЕРХОВНИКИ И ГЛАВНѢЙШІЕ ИХЪ ПРОТИВНИКИ ИЗЪ ГЕНЕРАЛИТЕТА И СИНОДА.

Политическое значеніе князей Долгорукихъ и Голицыныхъ и ихъ предки и старшіе родственники XVII в.—Князья Долгорукіе и Голицыны въ Верховномъ Совѣтѣ въ 1730 году.—Г. И. Головкинъ и А. И. Остерманъ.—П. И. Ягушинской, князь И. Ю. Трубецкой и графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ.—Князь М. М. Голицынъ-младшій и М. И. Леонтьевъ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ.

Князья Долгорукіе и Голицыны, составлявшіе большинство „верховниковъ", являются главными дѣятелями въ безгосударное время по смерти Петра II—не произвольно и не случайно. Ихъ происхожденіе, ихъ жизнь—воспитывали въ нихъ именно ту политическую роль, которую они разыграли 19 января. Ихъ политическія задачи складывались постепенно, изъ рода въ родъ, переходя по наслѣдію отъ предковъ, развиваясь подъ вліяніемъ различныхъ условій ихъ воспитанія и политической карьеры.

Обращаясь къ своимъ семейнымъ преданіямъ, князья Долгорукіе и Голицыны съ гордостью могли остановиться на нѣкоторыхъ изъ своихъ предковъ, сослужившихъ службу родной землѣ. Но помимо семейныхъ преданій, они по природѣ своей не могли отрѣшиться отъ „умоначертанія" этихъ предковъ: они были „плоть отъ плоти, кость отъ кости" Голицыныхъ и Долгорукихъ XVII в. Въ ихъ жилахъ текла кровь тѣхъ Долгорукихъ, которые защищали Московское царство въ лихолѣтье смутнаго времени, и которые сжигали мѣстническія книги, а затѣмъ составляли родословія бояръ; тѣхъ Голицыныхъ, которые презрительно и гордо смотрѣли на потомка татарина мурзы Чета, надѣвшаго

шапку Мономаха, которые изъ патріотизма отвергали скипетръ и корону и возбуждали завистливую ненависть въ Петрѣ Великомъ. Конечно, не всѣ они въ равной мѣрѣ унаслѣдовали качества и достоинства своихъ предковъ, но эти качества и свойства не безслѣдно прошли для нихъ, видоизмѣнившись сообразно ихъ субъективнымъ свойствамъ и условіямъ вѣка, въ который они жили и дѣйствовали. Кромѣ того, многіе изъ Долгорукихъ и Голицыныхъ 1730 года испытали на себѣ непосредственное вліяніе своихъ старшихъ родственниковъ: многіе изъ нихъ воспитаны ими, на многихъ дѣйствовалъ ихъ примѣръ и возбуждалъ подражаніе. Для того чтобы лучше понять стремленія Долгорукихъ и Голицыныхъ 1730 года, припомнимъ въ общихъ чертахъ жизнь, дѣятельность и характеръ нѣкоторыхъ изъ предковъ и родственниковъ ихъ XVII в., вѣка знаменательнаго въ исторіи русской политической организаціи. Въ теченіе этого вѣка три поколѣнія князей Долгорукихъ и Голицыныхъ выставляютъ изъ среды своей замѣчательныхъ, но различныхъ по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, политическихъ дѣятелей.

Въ началѣ и во все продолженіе XVII в. выдаются члены младшей линіи князей Долгорукихъ, предки князя Василія Владиміровича; старшая же линія,—предки кн. Василія Лукича и князя Алексѣя Григорьевича,—выступаетъ на историческую арену въ концѣ XVII в.

Начало XVII в., смутное время Московскаго государства—памятно въ семейныхъ преданіяхъ кн. Долгорукихъ подвигами двухъ ихъ предковъ. Князь Борисъ Григорьевичъ Долгорукой Роща въ 1608 г. мужественно защищалъ Троице-Сергіеву лавру отъ шаекъ „воровскихъ литовскихъ людей“ подъ предводительствомъ Лисовскаго и Сапѣги. Гораздо шире дѣятельность другаго Долгорукаго—князя Владиміра Тимоѳеевича, члена боярской думы въ критическое время междуцарствія (1610—1613). Въ то время, какъ большинство бояръ, подъ давленіемъ гетмана Жолкевскаго, избрало въ цари польскаго королевича Владислава, князь Владиміръ Тимоѳеевичъ, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ (о которомъ мы скажемъ ниже), былъ сторонникомъ избранія въ цари Михаила Романова. На единственной дочери Владиміра Тимоѳеевича Долгорукаго, Маріи Владиміров-

нѣ, женится юный царь Михаилъ Романовъ, но съ небольшимъ черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы царица Марія умираетъ скоропостижно отъ отравы. При царяхъ Алексѣѣ Михаиловичѣ и сынѣ его Ѳеодорѣ—особенно выдаются трое Долгорукихъ: князь Юрій Алексѣевичъ, его сынъ князь Михаилъ Юрьевичъ и племянникъ князь Владиміръ Дмитріевичъ. Юрій Алексѣевичъ, женатый на родственницѣ всесильнаго при царѣ Алексѣѣ боярина Морозова, отличался суровымъ нравомъ и страшною жестокостію, съ рѣдкимъ соединеніемъ разнообразныхъ талантовъ: замѣчательнаго криминалиста-практика, техника-артиллериста, администратора и полководца. Его кровавая расправа съ Разинцами сохранилась до нашихъ дней въ памяти народной на Волгѣ и на Дону. Сынъ его, Михаилъ Юрьевичъ, фаворитъ царя Ѳеодора Алексѣевича, занимавшій высокую должность начальника Разряда и женатый на дочери знаменитаго государственнаго человѣка этого царствованія, кн. Василія Васильевича Голицына,—былъ однимъ изъ выдающихся дѣятелей при уничтоженіи мѣстничества. Отецъ и сынъ пали жертвами перваго стрѣлецкаго мятежа. Извѣстенъ характерный афоризмъ стараго князя Юрія Алексѣевича, при видѣ трупа сына, привезеннаго къ нему стрѣльцами: „Щуку злодѣи съѣли, да зубы остались цѣлыми". Двоюродный братъ князя Михаила Юрьевича Долгорукаго, князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукой, женатый на родственницѣ знаменитаго дѣятеля смутнаго времени Прокопія Ляпунова, былъ предсѣдателемъ коммиссіи, разсматривавшей, по сожженіи мѣстническихъ книгъ, разрядныя записи и составившей изъ нихъ родословныя росписи бояръ, извѣстныя подъ именемъ „Бархатной книги". Владиміръ Дмитріевичъ сошелъ въ могилу въ началѣ реформаторской дѣятельности Петра Великаго (1701 г.), относясь къ ней сочувственно.

Но болѣе видное мѣсто среди сподвижниковъ Петра занимаютъ представители старшей линіи князей Долгорукихъ, два сына окольничаго, князя Ѳеодора Ѳеодоровича Долгорукаго († 1664), князья Яковъ и Григорій Ѳеодоровичи. Князь Яковъ Ѳеодоровичъ, идеализированный въ семейныхъ преданіяхъ князей Долгорукихъ, былъ искреннимъ патріотомъ, человѣкомъ прямаго, твердаго и независимаго характера, неподкупной честности и консерватив-

наго образа мыслей. Онъ ѣздилъ посломъ во Францію и Испанію въ знаменательную годину англійской революціи 1688 г и начавшейся во Франціи реакціи противъ деспотизма Людовика XIV-го, а впослѣдствіи участвовалъ съ успѣхомъ въ азовскихъ походахъ Петра Великаго и въ началѣ борьбы его съ Карломъ XII. Взятый шведами въ плѣнъ при несчастномъ разгромѣ русскихъ войскъ подъ Нарвой, князь Яковъ Θеодоровичъ находился въ плѣну у шведовъ почти одиннадцать лѣтъ, посвятивъ эти года основательному изученію государственнаго устройства, законодательства и исторіи Швеціи. По возвращеніи изъ плѣна, (освободиться изъ котораго удалось ему бѣгствомъ), онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ этомъ званіи прославился необычайной честностью, правдивостью и законнымъ образомъ дѣйствій. Онъ умеръ въ глубокой старости въ 1720 году. Его меньшой братъ, князь Григорій Θеодоровичъ, былъ восемнадцать лѣтъ посломъ въ Польшѣ, въ то самое время, когда Рѣчь Посполитая, силою историческихъ событій, отживала свою политическую самостоятельность (съ 1700 по 1712 и съ 1715 по 1720 гг.). Князь Григорій Θеодоровичъ былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ въ фактахъ историческаго разложенія шляхетской республики, представлявшей въ то время печальное зрѣлище: при политической распущенности магнатовъ и шляхты и при придавленности низшихъ классовъ, Польша была раздираема честолюбіемъ двухъ своихъ королей и двухъ сильныхъ сосѣдей—Карла XII и Петра Великаго (1).

Таковы были самые видные представители двухъ линій князей Долгорукихъ въ XVII в Обѣ эти линіи заявляютъ себя разновременно въ исторіи и обѣ носятъ различный характеръ. Младшая линія чужда иноземныхъ вліяній. ея чле-

---

(1) О. кн. Долгорукихъ XVII и XVIII в см. въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 11—87; у A. Kleinschmidt'a: «Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels.» Cassel 1877., s. 47—58. Книга Клейншмидта представляетъ весьма толково составленный сводъ свѣдѣній о замѣчательныхъ русскихъ фамиліяхъ, какъ существующихъ въ настоящее время, такъ и угасшихъ. Источники Клейншмидта общеизвѣстны, вслѣдствіе чего въ книгѣ его нельзя искать новыхъ фактовъ, но освѣщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ весь-

ны являются хранителями традицій стариннаго московскаго боярства: участіе въ избраніи царя волей земли и въ „нарядѣ“ земскомъ—становится семейнымъ преданіемъ этой линіи. Брачные союзы сближаютъ ея членовъ съ Романовыми, князьями Голицыными и съ героемъ земскимъ русскаго безгосударнаго времени Прокопіемъ Ляпуновымъ. Иной характеръ носитъ на себѣ старшая линія. Представители ея отличаются на поприщѣ дипломатическомъ и подолгу живутъ въ чужихъ странахъ: одинъ во Франціи и Швеціи, другой въ Польшѣ—и оба близко знакомятся съ тамошними политическими порядками.

Переходимъ къ князьямъ Голицынымъ.

XVII в. выдвигаетъ на первый планъ двухъ Васильевъ Васильевичей. Одинъ изъ нихъ былъ выдающимся дѣятелемъ смутнаго времени, другой знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ въ правленіе царя Θеодора Алексѣевича и царевны Софьи.

В а с и л і й В а с и л ь е в и ч ъ Г о л и ц ы н ъ - с т а р ш і й, заклятый врагъ Бориса Годунова, былъ въ числѣ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ перваго Лжедимитрія, руководилъ убійствомъ сына и дочери Годунова и предалъ поруганію патріарха Іова, креатуру и клеврета Бориса. Въ междуцарствіе князь Василій Васильевичъ явилъ собою великій примѣръ патріотическаго самоотверженія. Предложенный патріархомъ Гермогеномъ въ цари, онъ отказался отъ своей кандидатуры въ пользу Михаила Романова, ради спокойствія земскаго, и вызвался самъ ѣхать однимъ изъ пословъ къ Сигизмунду III. Шесть лѣтъ протомился онъ въ плѣну у поляковъ и умеръ на чужбинѣ, не оставивъ потомства. Князь Василій Васильевичъ являлся сторонникомъ не исключительно только боярскихъ стремленій: онъ былъ любимъ духовенствомъ, низшими служилыми людьми и простымъ

ма оригинально, если не ново, и должно быть принято во вниманіе; главное же достоинство книги Клейншмидта заключается въ ея систематичности; по этому она очень пригодна и удобна для справокъ.—Въ своихъ «Memoires», кн. П. В. Долгорукой повторяетъ въ сокращеніи свѣдѣнія, сообщаемыя имъ въ «Сказаніяхъ» о своемъ родѣ.

народомъ, всегда будучи за одно съ самыми популярными дѣятелями: патріархомъ Гермогеномъ, Филаретомъ Романовымъ и Прокопіемъ Ляпуновымъ (¹). Его племянникъ въ пятомъ колѣнѣ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ очень рѣдкихъ умственныхъ способностей и замѣчательнаго для своего времени образованія—заслужилъ отъ иностранцевъ-современниковъ наименованіе „великаго", а отъ теперешнихъ европейцевъ удивленіе. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ реформаторъ съ широкими замыслами, которые смѣлостью своею опережаютъ воззрѣнія его современниковъ на нѣсколько столѣтій. Ему удалось привести въ исполненіе только одну, сравнительно незначительную, реформу — уничтоженіе мѣстничества. Голицынъ мечталъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею, о равномѣрной раскладкѣ податей, о расширеніи русской торговли, о завладѣніи Азовомъ и Крымомъ; онъ призывалъ ученыхъ изъ Греціи и Польши, а служилыхъ иноземцевъ изъ Германіи, и стремился образовать русскихъ служилыхъ людей, заботясь о посылкѣ ихъ за границу; онъ хлопоталъ объ устройствѣ библіотекъ и проповѣдывалъ принципъ свободы совѣсти и религіозныхъ вѣрованій. Князь Василій Васильевичъ въ дѣлѣ сближенія Московскаго государства съ Западомъ былъ не только предтечей, но и соперникомъ Петра Великаго. Быть можетъ, въ этомъ именно и слѣдуетъ искать причину ненависти Петра къ Голицыну, выразившейся въ опалѣ и въ двадцатичетырехъ-лѣтней ссылкѣ послѣдняго (²). Двоюродные братья князя Василія Васильевича, князья Борисъ и Петръ Алексѣевичи Голицыны, были близкими людьми къ Петру Великому. Борисъ былъ воспитателемъ Петра, но по интригамъ Нарышкиныхъ, сосланъ въ почетную ссылку: онъ назначенъ судьею Приказа Казанскаго Дворца и тридцать лѣтъ управлялъ обширными землями быв-

(¹) Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. людей. 1836 г., т. II. с. 52—58.

(²) Терещенко. Оп. жизнеоп. сановниковъ, управ. иностр. дѣлами въ Россіи, т. I.—Погодинъ «Воспоминаніе о кн. В. В. Голицынѣ» въ сборникѣ «Складчина». Спб. 1874 г., с. 143—158. Погодинъ основывается въ своей статьѣ главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ де-ла-Невилля, въ его книгѣ: «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie». Paris 1698.

шихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало знакомы съ личностью кн. Бориса Голицына, чтобы прослѣдить его вліяніе на послѣдующія идеи преобразователя Россіи, но что оно было—это несомнѣнно. Князь Борисъ умеръ во Флорищевой пустынѣ, постригшись подъ именемъ Боголѣпа (⁴).

Познакомившись съ тѣми изъ князей Долгорукихъ и Голицыныхъ XVII в., которые наиболѣе высказали себя на „полѣ ратномъ“ и въ „совѣтѣ земскомъ“, перейдемъ къ ихъ потомкамъ XVIII в.

Представитель старшей линіи князей Долгорукихъ, князь Василій Лукичъ былъ человѣкъ весьма умный и очень образованный. По словамъ испанскаго посла де-Лиріа, онъ прекрасно говорилъ на многихъ иностранныхъ языкахъ, а голштинскій посланникъ Бассевичъ считаетъ его человѣкомъ „le plus poli et le plus aimable des Russes de son temps“. Продолжительное пребываніе во Франціи, въ Польшѣ, въ Даніи и Швеціи представляло Василію Лукичу обширное поле для наблюденій и давало большой матеріалъ для размышленій; его практическій умъ не былъ затронутъ тѣмъ просвѣтительнымъ движеніемъ во Франціи, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, но близкое знакомство съ тогдашними государственными порядками Франціи, Польши, Даніи и Швеціи—оставило глубокій слѣдъ въ его политическихъ воззрѣніяхъ, выяснивъ ему политическое значеніе аристократіи. Свою фамилію считалъ онъ самою аристократическою въ Россіи и связывалъ съ ея преобладаніемъ мысль о благоденствіи страны. Опытный и искусный дипломатъ, онъ никогда не шелъ къ своей цѣли прямою дорогою и не затруднялся въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Въ его нравственныхъ воззрѣніяхъ вообще много іезуитизма, въ образѣ дѣйствій—коварства и лукавства.

Служебная карьера князя Василія Лукича Долгорукаго началась во Франціи при пресловутомъ въ то время дворѣ Людовика XIV-го. Сынъ стольника и Кіевскаго воеводы, князя Луки Θеодоровича, Василій Лукичъ отправился во

(⁴) Бантышъ-Каменскій. Словарь. 1836., II, 50—53.

Францію въ 1687 г. молодымъ человѣкомъ, въ свитѣ своего дяди, князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго. Тринадцать лѣтъ пробылъ онъ въ Парижѣ, въ самый разгаръ общественнаго и литературнаго движенія знаменательнаго въ исторіи цивилизаціи новой Европы. Среди расфранченнаго придворнаго общества Версаля, сластолюбивыхъ и деспотическихъ вакханалій стараго короля и льстивой придворной литературы—уже нарождались зачатки будущаго политическаго, общественнаго и умственнаго перерожденія Франціи, а за ней и всей Европы. Англійская революція 1688 года, происшедшая на другой годъ по пріѣздѣ Василія Лукича во Францію, была первымъ толчкомъ для того просвѣтительнаго движенія, которое выразилось въ злой и безпощадной критикѣ Вольтера и въ отрицательной философіи энциклопедистовъ. Но князя Василія Лукича не охватилъ этотъ вихрь просвѣтительнаго движенія. Во Франціи онъ сдружился съ іезуитами, и аббатъ Жюбе нашелъ въ немъ впослѣдствіи дѣятельнаго адепта для своей католической пропаганды въ Россіи.

XVIII столѣтіе застаетъ Василія Лукича въ Польшѣ. Съ 1700 по 1706 годъ состоитъ онъ тамъ при русскомъ послѣ, другомъ своемъ дядѣ, князѣ Григоріи Ѳеодоровичѣ Долгорукомъ, а въ 1706 и 1707 г. замѣняетъ его. Съ 1707 по 1720 г. Василій Лукичъ пребываетъ посломъ нашимъ въ Даніи. Дипломатическая миссія его была трудна. Ему нужно было, прежде всего, разорвать союзъ датскаго короля Фридриха IV-го съ Карломъ XII, а затѣмъ укрѣпить союзъ и дружбу Россіи съ Даніей. Онъ достигъ этой цѣли лишь въ концѣ 1709 года, послѣ Полтавской побѣды: 28 октября 1709 года датскій король объявилъ войну Швеціи. Въ 1711, 1712 и 1714 гг. стараніями Василія Лукича заключены новые союзные договоры Россіи съ Даніей. Въ концѣ 1720 года, Василій Лукичъ былъ отозванъ изъ Копенгагена и отправленъ посломъ во Францію, къ регенту Филиппу Орлеанскому, хлопотать о посредничествѣ при примиреніи со Швеціей и о признаніи Петра Великаго императоромъ. Первое порученіе Василія Лукича увѣнчалось успѣхомъ, второе не удалось. Французскій посланникъ въ Швеціи Кампредонъ получилъ приказаніе открыть „негоціацію“, согласную съ желаніемъ Петра Великаго; на признаніе же императорскаго титула за Петромъ Великимъ тогдашній премь-

еръ Франціи, кардиналъ Дюбуа, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Регентъ обошелся съ Василіемъ Лукичемъ очень любезно; Парижъ встрѣтилъ радушно своего стараго знакомаго. Въ 1724 году Василій Лукичъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Варшаву съ порученіемъ защищать на сеймѣ интересы православныхъ въ Литовскомъ великомъ княжествѣ и, подобно тому, какъ во Франціи, домогаться признанія за Петромъ императорскаго титула. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ порученій, Василій Лукичъ имѣлъ неоффиціальное—отъ князя Меншикова: стараться объ избраніи его въ герцоги курляндскіе. Съ этихъ поръ Василій Лукичъ становится усерднымъ „конфидентомъ" Ижорскаго князя. По смерти Петра Великаго, лѣтомъ 1725 года, онъ снова ѣдетъ въ Варшаву хлопотать за Меншикова, но безуспѣшно: въ слѣдующемъ году курляндскимъ герцогомъ былъ избранъ Морицъ Саксонскій. Однако пребываніе Василія Лукича въ Митавѣ, по поводу курляндскихъ дѣлъ не осталось безслѣднымъ: оно имѣло важное значеніе не только въ послѣдующей судьбѣ Василія Лукича, но и въ исторіи Россіи. Онъ пріобрѣлъ расположеніе вдовствующей курляндской герцогини Анны Іоанновны и явился опаснымъ соперникомъ ея камеръ-юнкера Бирона, только что начинавшаго входить въ силу. Тонкій и опытный дипломатъ, писавшій множество договоровъ и имѣвшій „негоціаціи" со многими дворами, не понялъ курляндской герцогини Анны Іоанновны, обездоленной судьбой и находившейся въ то время, какъ выражались въ XVIII в., въ „мизерномъ" положеніи. По своимъ митавскимъ впечатлѣніямъ 1726 года, Василій Лукичъ оцѣнилъ Анну Іоанновну въ 1730 году, взявши ея сторону при вопросѣ, кому быть государемъ по смерти Петра II-го?—и горько ошибся въ своихъ разсчетахъ!

Осенью 1726 года Василій Лукичъ отправился въ Стокгольмъ съ важнымъ порученіемъ противодѣйствовать сближенію Швеціи съ Англіей и присоединенію первой къ ганноверскому союзу. Эта миссія ему однако не удалась—Швеція приступила къ союзу. Василій Лукичъ имѣлъ все основаніе спѣшить въ Петербургъ, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ вызванъ своими родичами, князьями Долгорукими: Алексѣемъ Григорьевичемъ и братомъ его, Сергѣемъ. По воцареніи отрока-императора Петра II-го, князья Долгорукіе, Григорьевичи, измышляли выгодныя для нихъ

„конъюнктуры" и имъ нуженъ былъ опытный дипломатъ-родственникъ. Василій Лукичъ быстро превращается изъ „конфидента" Меншикова въ его врага и ловко устраиваетъ сѣть, въ которую улавливается будущій тесть императора. Меншиковъ очутился въ Березовѣ, а на мѣстѣ его дочери, невѣсты императора, явилась двоюродная племянница Василія Лукича, княжна Екатерина Алексѣевна (⁸).

Въ кратковременное правленіе отрока-императора Василій Лукичъ становится членомъ верховнаго тайнаго совѣта и всецѣло предается своимъ фамильнымъ „конъюнктурамъ". Болѣе всего озабочиваетъ его существенный для Долгорукихъ замыселъ—укрѣпить наслѣдіе россійскаго престола за государыней-невѣстой. Во время опасной болѣзни Петра II, въ январѣ 1730 года, у князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго созрѣла мысль о составленіи подложной духовной отъ имени императора въ пользу своей дочери государыни-невѣсты. Князь Алексѣй Долгорукой обратился въ такомъ важномъ дѣлѣ за содѣйствіемъ къ Василію Лукичу, и онъ явился самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ составленіи подложной духовной. Въ этомъ замыслѣ, князей Долгорукихъ поддерживалъ датскій посланникъ Вестфаленъ. Данія, ведя вѣковую борьбу за Шлезвигъ съ голштинскими герцогами, была очень озабочена предстоящимъ вопросомъ о русскомъ престолонаслѣдіи. Весьма естественно опасаясь усиленія голштинской династіи, въ ущербъ своимъ интересамъ, въ случаѣ воцаренія въ Россіи, послѣ смерти Петра II, голштинскаго принца Петра-Ульриха, или родной его тетки Елизаветы Петровны,—Данія употребляла всѣ мѣры для отстраненія ихъ отъ престолонаслѣдія. Съ этой цѣлью, датскій посланникъ Вестфаленъ усердно содѣйствовалъ притязаніямъ Долгорукихъ, вліяя преимущественно на князя Василія Лукича, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Копенгагенѣ.

(⁸) О князѣ В. Л. Долгорукомъ см. Бантыша-Каменскаго, Словарь, изд. 1836, т. II, 257—272; «Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 103—106.—«Eclaircissements» Бассевича, голштинскаго министра, «Magazin für die neuere Geschichte und Geographie», Büsching'a Bd. IX.—Де-Лиріа, «Характеристики» *ркп.*, с. 143.—Рукопись Малиновскаго, «Управленіе Всеросс. имперіи во время бывшаго В. Т. С.»—(Дѣятельность Долгорукаго за 1726—1729 гг.)—Дипломатическая дѣя-

„Слухъ носится",—писалъ ему Вестфаленъ—„что его величество весьма боленъ, и ежели наслѣдство россійской имперія будетъ цесаревнѣ Елизаветѣ или голштинскому принцу, то датскому королевскому двору съ Россіею дружбы имѣть не можно, а понеже его величества обрученная невѣста фамиліи вашей, то и можно удержать престолъ за ней, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно—Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу удержали, что и по вашей знатной фамиліи учинить можно и что вы больше силы и славы имѣете" (*). Въ ночномъ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19 января, какъ мы видѣли, замыселъ этотъ потерпѣлъ неудачу. Князь Василій Лукичъ, будучи опытнымъ дипломатомъ, даже не намекнулъ на него, а первый поддержалъ князя Д. М. Голицына, высказавшись въ пользу курляндской герцогини Анны Іоанновны.

Старшій сынъ князя Григорія Θеодоровича Долгорукаго, князь Алексѣй Григорьевичъ, былъ человѣкъ ограниченный и тщеславный и не отличался не только гражданскими доблестями, но даже хоть сколько нибудь серьозными политическими соображеніями. Молодость его прошла въ Варшавѣ, гдѣ жилъ онъ при своемъ отцѣ, но изъ общественныхъ нравовъ столицы Рѣчи Посполитой, онъ усвоилъ

тельность Д-го подробно изложена С. М. Соловьевымъ на основаніи дѣлъ Главн. Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, въ его «Исторіи Россіи»: дѣятельность въ Даніи, т. XV, с. 352—353; XVII, с. 5—8, 53, 81—90; 310—314; во Франціи, т. XVII, 331—346; въ Польшѣ, т. XVIII, 88—92; въ Швеціи, т. XIX, с. 63—72.—О дѣятельности кн. В. Л. Долгорукаго въ Курляндіи 1726—1727 гг. см. статью Щебальскаго: «Кн. Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій», Русск. Вѣстн. 1860 г., т. XXV, с. 5—68.

(*) Госуд. Арх., разд. VI, дѣло № 181, ч. II.—«Экстрактъ, что по слѣдствію о Долгорукихъ явилось», 1739 г.—Письмо Вестфалена напечатано Арсеньевымъ, въ «Исторіи царств. Петра II», стр. 149—150. Письмо это приводитъ Вестфаленъ въ своихъ депешахъ. См. III-е Приложеніе къ настоящему изслѣдованію, депешу № 1.—Объ участіи кн. В. Л. Долгорукаго въ составленіи подложной духовной находятся подробныя свѣдѣнія въ выше приведенномъ дѣлѣ Государственнаго Архива. Извлеченія изъ этого дѣла напечатаны въ «Памятникахъ Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. I, отд. II, стр. 174—193.

лишь напыщенность и своекорыстіе польскихъ магнатовъ Возвысился онъ при Петрѣ II-мъ, не при помощи собственныхъ дарованій, а благодаря своей дочери княжнѣ Екатеринѣ и своему сыну, князю Ивану Алексѣевичу, любимцу Петра II. Политическіе замыслы князя Алексѣя ограничивались прославленіемъ собственной своей персоны и своей семьи, при помощи брачнаго союза его дочери съ императоромъ. Дальше этихъ узкихъ и эгоистическихъ плановъ онъ не шелъ. Его не волновали патріотическія мечтанія, и въ своихъ семейныхъ преданіяхъ онъ останавливался съ сочувствіемъ лишь на бракѣ царя Михаила Романова съ княжной Марьей Владиміровной Долгорукой. Своимъ возвышеніемъ онъ прежде всего воспользовался для личнаго обогащенія, не разбирая при этомъ средствъ. Онъ грабилъ и государственную казну, и частное достояніе своего нареченнаго зятя—императора, и имущество частныхъ лицъ; такъ, напр., будучи душеприкащикомъ графа Өеодора Матвѣевича Апраксина, онъ похитилъ изъ его имущества многія охотничьи принадлежности и разную мебель для дома въ своей подмосковной, селѣ Горенкахъ, куда любилъ пріѣзжать Петръ II. Когда юный императоръ былъ безнадежно боленъ, онъ не задумался надъ средствомъ для спасенія своего интереса и рѣшился на весьма безчестное дѣло, явившись инціаторомъ въ составленіи подложной духовной Петра II (⁷).

Представитель младшей линіи князей Долгорукихъ въ 1730 году—фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукой (род. 1667 г.),—консерваторъ и легитимистъ по убѣжденіямъ политическимъ, человѣкъ старо-русскій и православный по воззрѣніямъ, является на ряду съ кн. Голицыными, однимъ изъ лучшихъ представителей московскаго боярства XVII в. Чуждый лукавства и криводушія, не входившій ни въ какіе компромиссы и „конъюнктуры", непричастный олигархическимъ замысламъ своихъ родичей князей Долгорукихъ, (Василія Лукича и Алексѣя Григорьевича), онъ дѣйствовалъ всегда на чистоту и по-

(⁷) «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», стр. 87.—Госуд. Арх., разд. VI, д. № 164, «Дѣло о ссылкѣ князей Долгорукихъ и описи ихъ пожитковъ», (1730—1741 гг.) л. 375 и слѣд.

стоянно, не взирая ни на какія обстоятельства, прямо говорилъ правду. Онъ былъ честенъ и храбръ, и дѣло у него никогда не расходилось со словомъ. Испанскій посолъ де-Лиріа, рѣзкій въ своихъ отзывахъ и скупой на похвалу,—даетъ слѣдующую характеристику князя Василія Владиміровича: „Фельдмаршалъ князь Долгорукой", говоритъ онъ, „былъ человѣкъ съ умомъ и значеніемъ, честный и достаточно свѣдущій въ военномъ искусствѣ. Онъ не умѣлъ притворяться, и его недостатокъ заключался въ излишней откровенности и искренности. Онъ былъ отважень и очень тщеславенъ,—другъ ревностный, врагъ непримиримый. Онъ не былъ открытымъ противникомъ иностранцевъ, хотя не очень ихъ жаловалъ. Велъ онъ себя всегда благородно, и я могу сказать, по всей справедливости, что это былъ русскій вельможа, болѣе всѣхъ приносившій чести своей родинѣ" (*).

Молодость князя Василія Владиміровича прошла въ Малороссіи, гдѣ отецъ его, кн. Владиміръ Дмитріевичъ, былъ городовымъ воеводою (съ 1682 по 1689). Тетка его, Дарья Дмитріевна, была замужемъ за гетманомъ Иваномъ Мартыновичемъ Бруховецкимъ, самъ же Василій Владиміровичъ служилъ одно время въ корпусѣ Мазепы, а затѣмъ состоялъ при Скоропадскомъ. Находясь, такимъ образомъ, по родственнымъ и служебнымъ отношеніямъ своего отца и своимъ собственнымъ, въ близкой связи съ малороссійской старшиной, князь Василій Владиміровичъ имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ особенностями „гетманщины" и съ своеобразнымъ общественнымъ укладомъ „казаковъ-лыцарей". На ряду съ впечатлѣніями украинскаго самоуправленія, онъ находился подъ вліяніемъ московскихъ боярскихъ традицій и преданій о подвигахъ земли русской въ смутную годину междуцарствія. Князь Василій Владиміровичъ отличался храбростью во время шведской войны и прутскаго похода, за что высоко цѣнилъ его Петръ Великій, еще болѣе уважавшій въ немъ честность и прямоту. Петръ Великій избралъ князя Василія въ предсѣдатели коммиссіи для разсмотрѣнія злоупотребленій кн. Меншикова, и

(*) «Характеристики» де-Лиріа, ркп., стр. 117.

князь Ижорскій былъ жестоко, но справедливо обвиненъ Долгорукимъ. Наступилъ 1718 годъ, ознаменованный въ русскихъ лѣтописяхъ небывалымъ дѣломъ — розыскомъ наслѣдника престола, царевича Алексѣя Петровича. Въ числѣ близкихъ къ царевичу людей оказался и князь Василій Владиміровичъ Долгорукой, охулявшій Петра Великаго за излишество и жесткость его реформъ. На него падало сильное подозрѣніе въ пособничествѣ царевичу къ побѣгу за границу. Долгорукой былъ лишенъ чиновъ и имѣній и сосланъ въ Соль-Камскую (Соликамскъ). Участь его была улучшена лишь въ 1724 году, въ день коронованія Екатерины I-й: онъ былъ принятъ на службу полковникомъ. Екатерина, въ первый же годъ своего царствованія, возвратила Василію Владиміровичу прежніе чины и оставшуюся отъ раздачи другимъ лицамъ часть его родовыхъ имѣній, а въ 1726 году произвела его въ генералъ-аншефы и возвратила ему Андреевскій орденъ. Такого возвышенія Долгорукаго не могъ равнодушно перенести Меншиковъ, и князь Василій Владиміровичъ былъ удаленъ на Кавказъ главнокомандующимъ Низовымъ корпусомъ, расположеннымъ во вновь-завоеванныхъ персидскихъ областяхъ (*).

Положеніе дѣлъ въ Персіи въ то время было очень запутанное и натянутое. Шахъ Тахмасибъ потерялъ большую часть своихъ владѣній. Сѣверныя провинціи были во власти Россіи, западныя—заняты турками, а въ столицѣ Персіи, Испагани, и прилегавшихъ къ ней провинціяхъ господствовалъ афганскій ханъ Эшрефъ, убившій въ 1725 году брата своего Мирвейса, соперника шаха Тахмасиба. Горскіе владѣтели, подвластные Персіи, недавніе союзники Россіи, дѣлали нападенія на наши кавказскія укрѣпленія. Положеніе русскихъ войскъ, несмотря на замѣчательную распорядительность генераловъ—Левашева и Румянцева, было невыносимо. Дороговизна, при недостаточномъ жалованіи, которое, кромѣ того, неаккуратно высылалось изъ Петербурга, дурной климатъ, при неудовлетворительномъ гигіеническомъ

(*) О кн. Вас. Влад. Долгоруковъ см. «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», стр. 89—99, и Бантыша-Каменскаго: «Дѣянія полководцевъ и министровъ», 2-е изд., стр. 43—59; и «Слов. дост. людей», 1836, II, стр. 247—257.

состоянія войскъ—все это дѣйствовало гибельно на русскія войска: офицеры почти обнищали, солдаты умирали массами. Въ 1724 году, Петръ Великій заключилъ съ Портой договоръ, по которому Тахмасибъ признавался шахомъ только подъ условіемъ присоединенія къ Турціи западныхъ персидскихъ провинцій, а въ 1726 году, Верховный Тайный Совѣтъ, въ виду успѣховъ турокъ въ Персіи, рѣшился привлечь на свою сторону Тахмасиба уступкой ему всѣхъ завоеваній Петра Великаго. Мотивомъ для такого рѣшенія были значительные расходы на управленіе новыхъ провинцій и содержаніе въ нихъ войскъ, а также дурной ихъ климатъ, гибельный для русскихъ.

Иначе взглянулъ на дѣло князь Василій Владиміровичъ Долгорукой. Семидесятилѣтній старикъ объѣхалъ всѣ завоеванныя русскими провинціи, и результатомъ этого тяжелаго для него объѣзда было убѣжденіе въ томъ, что не только не слѣдуетъ отдавать персіанамъ завоеванныхъ провинцій, но даже нужно укрѣпить русское владычество на южномъ берегу Каспійскаго моря. Онъ привелъ въ подданство Россіи девять провинцій, лежащихъ на югъ отъ Каспійскаго моря, упрочилъ русскую власть въ прежде завоеванныхъ областяхъ, основавъ новыя крѣпости, и улучшилъ состояніе войскъ. „Пріѣздъ мой великую пользу учинилъ",—доносилъ князь Долгорукой Екатеринѣ,—„какъ въ послушаніе и надежду весь народъ пришли, равнымъ образомъ непріятель въ великое сумнѣніе, понеже какъ турки, такъ и при дворѣ Тахмасибовомъ, и всѣ недоброжелательные персіяне имѣли надежду о слабости нашей, будто мы только можемъ держаться по гварнизонамъ и за безсиліемъ больше не можемъ никакихъ дѣйствъ въ Персіи показывать". По воцареніи Петра II, князь Василій Владиміровичъ былъ немедленно вызванъ въ Москву и возведенъ въ фельдмаршалы ([10]).

Братъ его, князь Михаилъ Владиміровичъ, не походилъ на него ни умомъ, ни характеромъ. Это былъ человѣкъ болѣе чѣмъ дюжинный, но безкорыстный и вполнѣ честный. Съ 1711 г. по 1718 г. мы видимъ князя

([10]) Донесенія Долгорукаго изъ Персіи хранятся въ Гл. Арх. Мин. И. Д. въ Москвѣ. Выдержки изъ нихъ приведены въ «Ист. Россіи» С. М. Соловьева, т. XVIII, с. 9—18.

Михаила Владиміровича Долгорукаго сенаторомъ, а затѣмъ въ 1718 году, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ былъ замѣшанъ въ дѣло царевича Алексѣя и сосланъ въ деревню. Съ 1721 по 1728 годъ князь Михаилъ Владиміровичъ управлялъ Сибирскою губерніею, послѣ князя Гагарина, возмутившаго Петра Великаго своими безчестными поступками. Вызванный въ сентябрѣ 1728 года въ Москву, князь Михаилъ Долгорукой былъ пожалованъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ ([11]).

Самымъ даровитымъ, самымъ энергическимъ и самымъ просвѣщеннымъ человѣкомъ изъ „верховниковъ", безъ сомнѣнія, долженъ быть почтенъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Это крупная личность. Онъ представляетъ собою счастливое сочетаніе стариннаго московскаго боярства съ европеизмомъ, являясь выразителемъ лучшихъ сторонъ этого боярства; на немъ, какъ на модели, можемъ мы изучить, какіе плоды принесло бы намъ общеніе съ Западомъ, еслибы это общеніе шло у насъ постепенно и послѣдовательно, а не было бы такъ круто и рѣзко привито къ намъ, какъ то сдѣлалъ Петръ Великій, и, тѣмъ болѣе, не было бы такъ узко и односторонне понято, какъ понималось оно нашими правителями и людьми власть имѣющими во всѣ царствованія преемниковъ Петра Великаго до Екатерины II. Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ—двуличный Янусъ, стоящій на рубежѣ двухъ эпохъ нашей цивилизаціи — московской и европейской. Однимъ лицемъ своимъ онъ вдумчиво смотритъ въ былое Руси, другимъ— самонадѣянно привѣтствуетъ ея грядущее. Принадлежа къ поколѣнію старшему чѣмъ поколѣніе А. П. Волынскаго, Голицынъ былъ застигнутъ реформою Петра въ зрѣлые годы жизни, когда вполнѣ опредѣляются характеръ и міровоззрѣніе человѣка. Поэтому, мы не видимъ въ немъ ни двойственности, ни разрыва между мыслью и практикою, ни противорѣчія между словомъ и дѣломъ, въ той степени, въ какой эти качества отличаютъ поколѣніе Волынскаго. Князь Д. М. Голицынъ былъ человѣкъ сильнаго характера, но и онъ не представлялъ натуры вполнѣ цѣльной, свободной отъ противорѣчій. Время,

([11]) См. «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 99.

въ которое онъ жилъ, время крутаго перелома русской жизни и мысли, не могло не оставить слѣда и на этой сильной личности. Стойко и смѣло проводя своя общественныя воззрѣнія, Голицынъ не разъ долженъ былъ уступать „злобѣ дня", не разъ входилъ онъ въ компромиссы, не разъ ставилъ частные свои интересы выше интересовъ общественныхъ. Онъ былъ чрезмѣрно гордъ и надменепъ, обожалъ власть болѣе всего на свѣтѣ и не переносилъ противорѣчія; этими чертами своего нрава онъ приближался къ нраву двухъ Московскихъ государей—Ивана III-го и его внука и соименника—грознаго царя. Князь Голицынъ обладалъ обширнымъ умомъ и большимъ образованіемъ, но умъ его, отличаясь сухостью и излишнею теоретичностью, не былъ согрѣтъ теплотою чувства; поэтому отрицательное отношеніе Голицына къ окружавшей его дѣйствительности отзывается дидактизмомъ и ригоризмомъ. Онъ, какъ и большинство московскихъ бояръ, не любилъ нѣмцевъ, но очень хорошо сознавалъ неизбѣжную необходимость для Россіи въ европейской цивилизаціи. Знакомый съ нѣсколькими европейскими языками, онъ много читалъ и въ своей подмосковной, въ селѣ Архангельскомъ, собралъ обширную библіотеку, въ которой было болѣе 6,000 томовъ историческихъ и политическихъ сочиненій. Въ ней находились русскіе лѣтописцы, хронографы, синопсисы и сборники—наряду съ переводами на русскій языкъ тогдашнихъ корифеевъ европейской мысли: Макіавелли, Томазія, Гуго Гроція, Локка, Пуффендорфа и другихъ. „Въ частной жизни", (говоритъ о немъ кн. П. В. Долгорукой въ своихъ „Memoires")—онъ сохранилъ многіе старинные русскіе обычаи, которые уже при немъ выходили изъ употребленія. Такъ напримѣръ, его младшіе братья, одинъ—фельдмаршалъ, а другой—сенаторъ, не садились въ его присутствіи иначе, какъ по его личному приглашенію; не только его племянники, но и племянницы, дочери и невѣстки его братьевъ и сестеръ, цѣловали его руку".

Кн. Голицынъ былъ врагъ скороспѣлыхъ нововведеній, безъ особой надобности заносимыхъ къ намъ изъ-за моря. Поэтому онъ не могъ раздѣлять всѣхъ принциповъ преобразовательной программы Петра Великаго. По словамъ испанскаго посла герцога де-Ліріа, Голицынъ любилъ говорить: „къ чему намъ нововведенія; развѣ мы не можемъ жить

такъ, какъ живали наши отцы, безъ того, чтобы иностранцы являлись къ намъ и предписывали намъ новые законы!" Въ реформѣ Петра Великаго Голицыну болѣе всего были антипатичны стремленія царя измѣнить нравы и благочестивые обычаи старины. Семейныя дѣла царя возмущали Голицына: его гордый нравъ не примирялся съ насиліемъ Петра въ отношеніи къ сестрамъ и сыну, царевичу Алексѣю; Голицынъ не могъ простить царю его развода съ Лопухиной и сближенія (а затѣмъ и брака) съ маріенбургскою плѣнницею Мартою Скавронскою. Онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ злосчастному царевичу Алексѣю Петровичу и къ его сыну Петру Алексѣевичу, впослѣдствіи императору Петру II. Въ отцѣ и сынѣ чтилъ онъ „благородную отрасль благороднаго корня",—какъ выражались наши древніе лѣтописцы о потомствѣ Мономаха. За то съ какимъ высокомѣріемъ, доходящимъ почти до презрѣнія, отзывался князь о Мартѣ Скавронской, воцарившейся подъ именемъ Екатерины I-й, и дочеряхъ ея, Аннѣ и Елисаветѣ. Князь Дмитрій Михайловичъ не могъ забыть стараній Ѳеофана Прокоповича въ пользу воцаренія Екатерины и вообще не сочувственно относился къ высшему духовенству за отсутствіе въ немъ самостоятельности и независимости. Въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ исключеніе въ пользу одного только Ѳеофилакта Лопатинскаго.

Не смотря на такія воззрѣнія князя Голицына, Петръ Великій не только щадилъ, но и высоко цѣнилъ его. Царь-преобразователь умѣлъ хорошо отличать своихъ порицателей-Голицыныхъ отъ мятежныхъ стрѣльцовъ и фанатиковъ-пустосвятовъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно семейное преданіе, сохраненное однимъ изъ потомковъ кн. Д. М. Голицына, княземъ Н. С. Голицынымъ. „Петръ Великій",—говоритъ преданіе—„любилъ часто захаживать по утрамъ къ князю Дмитрію Михайловичу, чтобы сообщить ему свои новыя предпріятія, или выслушать его мнѣнія. Князь Д. М. имѣлъ обыкновеніе никого не принимать къ себѣ, не кончивъ утренней молитвы; нерѣдко случалось, что прибытіе высокаго посѣтителя было ранѣе срочнаго часа, но не любя нарушать заведеннаго порядка, Петръ Великій не прерывалъ благочестиваго уединенія князя. „Узнай, Николушка, когда старикъ кончитъ свои дѣла?" говорилъ го-

сударь родственнику князя Дмитрія Михайловича, мальчику князю Голицыну, жившему у него въ домѣ, и терпѣливо ждалъ выхода стараго князя ([12]).

Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, и по своему происхожденію, и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ былъ аристократъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Происходя отъ Литовскаго великаго князя Гедимина (въ 14-мъ колѣнѣ) онъ былъ глубоко убѣжденъ, что аристократическій режимъ есть единственно благотворный для общаго блага Россіи и искренно стремился къ достиженію этого блага. Его политическимъ идеаломъ былъ государственный строй Швеціи.

Князь Дмитрій Михайловичъ родился въ 1663 году. Онъ былъ старшій изъ четырехъ сыновей и трехъ дочерей боярина князя Михаила Андреевича Голицына. Двоюродный братъ князя Дмитрія Михайловича, бояринъ и полководецъ царя Θеодора Алексѣевича и царевны Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, былъ на верху своей славы и могущества во дни юности князя Дмитрія Михайловича. По обычаю того времени, князь Дмитрій Михайловичъ очень рано былъ зачисленъ въ царскіе стольники. Въ 1695 г. онъ женился на княжнѣ Аннѣ Яковлевнѣ Одоевской, принадлежавшей къ старѣйшему роду изъ князей Рюриковичей. Въ 1697, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду и уже отецъ семейства, князь Дмитрій Михайловичъ былъ посланъ Петромъ Великимъ за границу въ числѣ 39-ти стольниковъ, отправленныхъ въ Италію. Умъ, таланты, образованность и высокое политическое значеніе двоюроднаго брата, а затѣмъ собственное пребываніе въ Италіи—явились для князя Дмитрія Михайловича первыми стимулами серьезнаго изученія исторіи и политики.

Въ 1701, въ чинѣ капитана гвардіи, онъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь, для склоненія Порты къ согласію на свободное плаваніе русскихъ кораблей по Черному морю. Съ 1708 по 1721 онъ былъ губернаторомъ въ Кіевѣ, а затѣмъ президентомъ ка-

---

([12]) См. «Записки о родѣ князей Голицыныхъ» изд. Е. Серчевскаго, с. 61 и слѣд.

моръ-коллегіи и сенаторомъ. Князь Голицынъ былъ самымъ просвѣщеннымъ и достойнымъ представителемъ русской власти въ Малороссіи въ критическое для Украйны время. Во время его губернаторства въ Кіевѣ, Мазепа передался Карлу XII, при его участіи былъ выбранъ новый гетманъ Скоропадскій. Князь Голицынъ съумѣлъ сохранить отличныя отношенія какъ къ новому гетману, такъ и ко всей старшинѣ малороссійской и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ далекъ отъ сепаративныхъ стремленій этой старшины. Все, что было интеллигентнаго въ Кіевѣ и Маллоросіи вообще,— группировалось около просвѣщеннаго губернатора. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лучшими представителями малороссійскаго духовенства, сохранивъ со многими изъ нихъ тѣ же отношенія и по отъѣздѣ изъ Кіева. Онъ былъ въ тѣсномъ общеніи съ Кіевскою академіею, и вокругъ него группировалась цѣлая школа переводчиковъ изъ студентовъ академіи. Они переводили ему съ языковъ латинскаго и польскаго политическія и историческія сочиненія. Эти переводы послужили основаніемъ для его Архангельской библіотеки.

При Екатеринѣ I Дмитрій Михайловичъ былъ назначенъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта со времени учрежденія его въ 1726 г. Почину князя Голицына принадлежатъ: забота верховнаго совѣта о положеніи податныхъ классовъ русскаго народа, а также и средства, предпринятыя этимъ высшимъ въ то время государственнымъ учрежденіемъ, къ уменьшенію и облегченію податей. При Петрѣ II, будучи первенствующимъ членомъ верховнаго тайнаго совѣта, Дмитрій Михайловичъ стоялъ во главѣ управленія торговлею, по званію президента коммерцъ-коллегіи (18). Еще при Петрѣ Великомъ начинаются близкія отношенія князя Д. М. Голицына съ Генрихомъ Фикомъ, весьма образованнымъ человѣкомъ того времени. Генрихъ Фикъ, голштинецъ родомъ, поступившій на службу къ Петру Великому въ 1715 году, извѣстенъ своими трудами по введе-

(18) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», 1836 г. II, 74—79.—Кн. Н. В. Долгорукой, «Memoires», I, p. 22—23.—Де-Лиріа, «Характеристики», *рки.*, с. 145.

нію въ Россіи коллегіальнаго порядка управленія и по плану народнаго образованія. Петръ Великій командировалъ его въ Швецію для изученія тамошняго законодательства и тогда-то возникла у него политическая переписка съ княземъ Д. М. Голицынымъ. При Петрѣ II Фикъ былъ вице-президентомъ коммерцъ-коллегіи ([14]).

Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ-старшій, одинъ изъ самыхъ блестящихъ полководцевъ царствованія Петра I-го, не отличаясь независимымъ умомъ, въ общественныхъ дѣлахъ всецѣло подчинялся старшему своему брату князю Дмитрію Михайловичу, но тѣмъ не менѣе заслужилъ справедливое уваженіе современниковъ за благородство своего характера и возвышенность своихъ чувствъ. Его нравственныя достоинства прославлены во многихъ разсказахъ и преданіяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ только нѣкоторые, болѣе характеристическіе.

Въ 1708 году, послѣ битвы подъ Лѣснымъ, въ которой Голицынъ отличался необыкновенною храбростью, Петръ Великій расцѣловалъ его, пожаловалъ генералъ-лейтенантомъ и обѣщалъ исполнить все, чего-бы онъ ни пожелалъ. Кн. Михаилъ попросилъ немедленнаго уменьшенія налога на соль, столь необходимую для бѣднаго класса, а вслѣдъ за тѣмъ полнаго прощенія одному изъ своихъ враговъ, князю Аникитѣ Репнину, генералу весьма замѣчательному, но въ это время подпавшему военному суду за стратегическія ошибки, допущенныя имъ въ сраженіи при Головчинѣ. Съ тѣхъ поръ Голицынъ и Репнинъ стали неразлучными друзьями. Въ продолженіе своей блестящей компаніи въ Финляндіи въ 1714 г., князь Михаилъ получилъ въ награду отъ Петра Великаго значительную сумму денегъ; отецъ многочисленнаго семейства, князь Голицынъ тѣмъ не менѣе употребилъ на расходы для своей арміи половину этой суммы, приказавъ сшить теплые сапоги для всѣхъ солдатъ.

([14]) О Генрихѣ Фикѣ см. у акад. Пекарскаго, въ его «Исторіи Академіи наукъ», т. I, с. 201 и примѣч. на той же стр. Ст. Д. В. Полѣнова: «О присягѣ иноземцевъ, принятыхъ въ службу при Петрѣ Великомъ»—Русс. Арх. 1869, с. 1736—1744.—Helbig, «Russische Günstlinge», s. 148—151.—О судьбѣ Фика въ царствованіе Анны Іоанновны у насъ будетъ рѣчь ниже.

Князь Михаилъ Голицынъ былъ человѣкъ добры
кій, скромный, всегда готовый къ услугамъ и, как
кое исключеніе изъ придворныхъ того времени, вра
жихъ излишествъ въ пищѣ; поэтому Петръ I-й, пи
къ нему величайшее уваженіе, никогда не принужд
пить. Кн. Михаилъ Голицынъ, въ числѣ немногих
свихъ вельможъ, имѣлъ мужество въ 1718 году о
Петру В. въ подписи смертнаго приговора царевич
сѣю Петровичу. Сынъ царевича Алексѣя—Петръ I
обратилъ должнаго вниманія на поведеніе кн. Миха
1718 году, между тѣмъ какъ Екатерина I-я, тайпа
вистница Алексѣя, взойдя на престолъ, поторопилас
чить фельдмаршальскій жезлъ кн. Михаилу, зная е
шую и столь заслуженную популярность въ русской

Екатерина I-я, награждая Голицына, имѣла вс
ваніе бояться его силы и значенія, а потому не за
удалить его изъ Петербурга, назначивъ командиромъ
скаго корпуса. Съ Украйной Голицыны были издав
но связаны: тамъ они имѣли большія помѣстья, та
знали и любили. Кн. Михаилъ Михаиловичъ ознам
свое пребываніе въ Украйнѣ услугой народному пр
нію. Въ 1726 году, при помощи Бѣлгородскаго е
Епифанія Тихорскаго, онъ основалъ харьковскій
умъ, бывшій до самаго учрежденія въ Харьковѣ ун
тета (1808 г.) разсадникомъ высшаго образованія на
берегу Днѣпра. Голицынъ пожертвовалъ на содержа
легіума свое село Песочки съ хуторами ([15]).

„Фельдмаршалъ Голицынъ",—говоритъ о немъ
де-Лиріа—„герой Россіи; онъ былъ уменъ и благо
хорошій полководецъ, храбръ, очень любимъ войсками
и отваженъ; врагъ иностранцевъ, онъ тѣмъ не мен
валъ справедливость достойнымъ изъ нихъ, былъ ве
шенъ и чрезвычайно вѣжливъ. Его боялись не толь
можи, но и самъ Петръ I-й. Однимъ словомъ, въ

([15]) Кн. П. В. Долгорукой: «Memoires», I, p. 23—24
тышъ-Каменскій, «Дѣянія полководцевъ и министровъ», 2-
199—213; «Словарь», 1836, II, 82 и слѣд.—Объ участіи к
Голицына въ основаніи Харьковскаго коллегіума см. у Серч
въ «Запискахъ о родѣ князей Голицыныхъ», с. 232.

менѣе варварской онъ былъ-бы истинно великимъ человѣкомъ ([16]).

Кромѣ „родословныхъ" русскихъ людей, князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, къ числу верховниковъ принадлежали двое „худородныхъ": одинъ русскій и одинъ иноземецъ,—графъ Головкинъ и баронъ Остерманъ.

Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, какъ родству съ Нарышкиными, такъ и своимъ природнымъ дарованіямъ. Отецъ его, бѣдный Алексинскій помѣщикъ, былъ двоюроднымъ дядей и крестнымъ отцемъ царицы Натальи Кирилловны и получилъ отъ Петра Великаго чинъ боярина. Возведенный въ званіе графа, сначала римскаго, а потомъ россійскаго, Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ почти во все царствованіе Петра Великаго и послѣ него, до самой своей смерти, стоялъ во главѣ нашихъ дипломатическихъ сношеній, руководимый сначала Шафировымъ, а затѣмъ Остерманомъ. Онъ держалъ себя съ иностранными послами съ большимъ тактомъ и весьма осторожно, а потому всѣ они отзываются о немъ съ большой похвалой. По смерти Петра Великаго, графъ Головкинъ съумѣлъ ловко проплыть между дворскими Сциллой и Харибдой, и въ числѣ весьма немногихъ царедворцевъ пережилъ всѣ превратности тогдашнихъ карьеръ, мирно смеживъ очи въ своемъ петербургскомъ домѣ, а не въ снѣгахъ Березова и Пелыма, или въ какомъ-нибудь медвѣжьемъ углу захолустной деревни. Не выражаясь ни о чемъ опредѣленно и откровенно, усвоивъ себѣ въ этомъ отношеніи

([16]) Де-Лиріа «Характеристики», *ркп.*, с. 146.—Клавдій Рондо изображаетъ его нѣсколько въ иныхъ чертахъ: «Кн. Михаилъ Михаиловичъ Голицынъ съ дѣтства воспитанъ солдатомъ и доблестно отличился на военномъ поприщѣ»—говоритъ Рондо. «Князь задумчиваго нрава, немного скупъ и не блистательныхъ способностей, но привѣтливъ и легко доступенъ, мужъ великой доблести и отваги беззавѣтной. Во время шведской войны отличившись во многихъ сраженіяхъ, онъ пріобрѣлъ болѣе познаній въ военномъ искусствѣ, чѣмъ кто либо изъ русскихъ генераловъ, и этимъ снискалъ уваженіе и любовь всего войска; по этой же причинѣ покойный царь Петръ никому не оказывалъ болѣе уваженія, чѣмъ князю». («Записки Рондо» въ прилож. къ письм. леди Рондо изд. Шубинскаго, с. 221—222).

пріемы своего руководителя Остермана,—Головкинъ умѣлъ весьма ловко лавировать, всегда примирялся съ обстоятельствами и никогда не разрывалъ дружбы съ сильными міра, одинаково преклоняясь, сперва передъ Меншиковымъ и Долгорукими, а впослѣдствіи передъ Бирономъ. Такая политика дала возможность Головкину очень удачно устроить свои служебныя, имущественныя и семейныя дѣла. Сынъ мелкопомѣстнаго Алексинскаго дворянина былъ въ 1730 году владѣльцемъ тридцати тысячъ душъ крестьянъ и очень удачно пристроилъ своихъ сыновей и дочерей. Отъ брака съ Домной Андреевной Дивовой у него было три сына и три дочери. Старшій сынъ, Иванъ Гавриловичъ, женатый на княжнѣ Гагариной, былъ въ 1730 году сенаторомъ; второй сынъ, Александръ Гавриловичъ, человѣкъ большаго ума и рѣдкаго образованія, находился посломъ во Франціи; третій,—Михаилъ Гавриловичъ, занимавшій постъ русскаго посла въ Берлинѣ и пріѣхавшій въ Москву незадолго до кончины Петра II го, былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской, единственной дочери перваго въ то время богача и послѣдняго въ родѣ князей Ромодановскихъ, Ивана Θеодоровича. Старшая дочь Головкина, Наталья Гавриловна, была замужемъ за княземъ Иваномъ Θеодоровичемъ Барятинскимъ и умерла въ 1726 году, вторая—Анна Гавриловна, за графомъ Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ, третья—Настасья Гавриловна, за княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ([17]).

([17]) «Сказ. о родѣ князей Долгоруковыхъ», с. 221.—Бантышъ-Каменскій. «Дѣян. полков.», I, 131—181; «Словарь», изд. 1836 г, II, 124 и слѣд.—Хмыровъ, «Историч. статьи», с. 350; его-же: Монографія о гр. Екат. Ив Головкиной. Спб 1867, с. 99 и слѣд.—Россійская родословная книга Кн. II. Долгорукаго, IV, с. 361—362.—Графъ Александръ Гавриловичъ Головкинъ женился за границей на графинѣ Дона и во время опалы брата Михаила (1741—1742) не возвратился въ Россію. Онъ † въ 1760 г. въ Голландіи. Сыновья и внуки его служили въ Голландіи и возвратились въ Россію по приглашенію Екатерины II. (Родосл. кн., IV, 363). См. отзывъ о гр. Гавр. Ив. Головкинѣ де-Лиріа, *ркп.*, с. 112. Кл. Рондо такъ отзывается о Головкинѣ: «Лучшее качество Головкина—его привѣтливое и ласковое обращеніе; благодаря ему, а также своему усердію и личнѣ набожности,

Баронъ Генрихъ Іоганнъ Остерманъ, прозванный впервые Андреемъ Ивановичемъ царицей Прасковьей, матерью Анны Іоанновны, былъ сынъ пастора изъ мѣстечка Бокумъ въ Вестфаліи. Извѣстный болѣе всѣхъ другихъ дѣятелей послѣ-петровской Руси, онъ является самымъ замѣчательнымъ и наиболѣе даровитымъ изъ всѣхъ служилыхъ иноземцевъ въ Россіи первой половины XVIII в.

Вся жизнь Остермана—упорный и постоянный трудъ, все его нравственное содержаніе—хитрость, лукавство, коварство и интрига. Съ Россіей онъ не былъ связанъ ни чѣмъ: ни національностью, ни исторіей, тѣмъ менѣе родовыми традиціями, которыхъ онъ не имѣлъ. Всегда сдержанный, методичный и послѣдовательный, Остерманъ постоянно дѣйствовалъ на вѣрняка. Онъ точно слѣдовалъ пословицѣ: „семь разъ смѣряй—одинъ разъ отрѣжь". На Россію смотрѣлъ онъ, какъ на арену для своихъ честолюбивыхъ, но не корыстолюбивыхъ цѣлей. Остерманъ былъ „честный нѣмецъ", и, оставивъ въ исторіи свой образъ воплощеніемъ дипломатической увертливости и придворной эквилибристики, онъ не запятналъ своего имени казнокрадствомъ и лихоимствомъ; въ частной жизни онъ былъ въ лучшемъ смыслѣ слова нѣмецкій бюргеръ: человѣкъ аккуратный и точный, онъ любилъ домашній очагъ, былъ примѣрный мужъ и отличный семьянинъ. Обладая обширнымъ, но абстрактнымъ умомъ и имѣя глубокія познанія въ современной ему дипломатіи—онъ считалъ возможнымъ, согласно понятіямъ вѣка, все благо государства устроить посредствомъ дипломатическихъ и придворныхъ конъюнктуръ.

Остерманъ, какъ истый нѣмецъ, свысока относился къ русскому народу и, какъ человѣкъ „худородный", гордо презиралъ людей родовитыхъ. На русскихъ вообще, а на русскихъ вельможъ въ частности, смотрѣлъ онъ съ

онъ пріобрѣлъ большое вліяніе между старыми русскими ханжами и особенно между духовенствомъ. Онъ въ высшей степени корыстолюбивъ и употребляетъ всѣ вообразимыя средства, чтобы накопить огромное богатство, и такъ въ этомъ успѣлъ, что въ настоящее время богатѣйшій вельможа во всей Россіи». (Записки Рондо, въ Письмахъ леди Рондо, изд. Шубинскаго, с. 220—221).

точки зрѣнія нѣмецкаго гелертера и бюргера, какъ на варваровъ и сумасбродовъ. Остерманъ для своей политической карьеры умѣлъ подлаживаться къ людямъ, сперва употребляя ихъ орудіемъ своего возвышенія, а затѣмъ становясь ихъ тайнымъ врагомъ; онъ ловко велъ противъ нихъ интригу и наконецъ стиралъ съ лица земли, когда они заслоняли ему дорогу для дальнѣйшаго возвышенія; при этомъ Остерманъ удачно пользовался другими, преимущественно русскими людьми, самъ оставаясь въ сторонѣ; онъ въ полномъ смыслѣ слова умѣлъ загребать жаръ чужими руками. Такъ онъ поступилъ съ Шафировымъ, такъ поступилъ съ Меншиковымъ, такъ-же впослѣдствіи поступилъ съ Долгорукими. Для погубленія Шафирова онъ воспользовался Меншиковымъ, а его низвергнулъ при помощи Долгорукихъ, „искоренивъ" которыхъ (по тогдашнему выраженію), спрятался за Бирона. Не даромъ впослѣдствіи обвинялъ Остермана А. П. Волынской въ „закрытой, безсовѣстной политикѣ" и считалъ его за человѣка „производящаго себя дьявольскими каналами и не изъясняющимъ ничего прямо, а выговаривающимъ все темными терминами".

Дѣятельность Остермана во внѣшней политикѣ заслуживаетъ полной и всецѣлой признательности потомства. Знатокъ въ вопросахъ международныхъ сношеній, онъ шелъ въ нихъ по пути, указанному Петромъ Великимъ. Далеко не такимъ явился онъ въ дѣлѣ внутренняго управленія Россіи, къ которому не имѣлъ подготовки; но эта дѣятельность Остермана началась послѣ 1730 года и лежитъ внѣ предѣловъ нашего изслѣдованія. Остерманъ былъ своимъ человѣкомъ въ семьѣ старшаго брата Петра Великаго, Іоанна Алексѣевича. Его братъ, Дидрихъ Остерманъ, еще раньше его пріѣзда въ Россію, былъ воспитателемъ Анны Іоанновны и ея сестеръ—Екатерины и Прасковьи (18).

---

(18) Hempel, «Merckwürdiges Leben und trauriger Fall des russischen Staats-Ministers, A. Grafens v. Ostermann». 2 e Aufl. Bremen. 1743 (замѣчанія на эту біографію см. въ книгѣ Minzlow'a «Pierre le Grand». Spb. 1872, p. 574—576 и въ нашемъ отчетѣ о занятіяхъ въ библіотекахъ и архивахъ въ Спб. и Москвѣ въ 1877—1878 гг., Учен. Зап. Каз. Унив. 1879 г., кн. I, с. 147). Гемпель безусловный панегиристъ Остер-

Характеристиками графа Головкина и барона Остермана мы заканчиваемъ характеристики членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ моментъ избранія Анны Іоанновны. Изъ сопоставленія этихъ характеристикъ легко выясняется вопросъ о томъ, кто изъ верховниковъ были главными дѣятелями въ вопросѣ объ ограниченіи власти Анны Іоанновны?

То были князь Д. М. Голицынъ и князь В. Л. Долгорукой.

Но кромѣ верховниковъ, дѣйствующими лицами, 18-го и 19-го января, являются „персоны изъ сената, синода и генералитета", играющія, впрочемъ, въ эти дни пассивную роль. Въ оффиціальныхъ актахъ того времени всѣ эти персоны имѣютъ видъ какой-то безличной толпы, которая выслушиваетъ, что̀ ей говорятъ, и не смѣетъ открыто высказать своего мнѣнія. Мало именъ изъ этой массы заносится въ оффиціальныя бумаги, излагающія происшествія 18-го и 19-го января. Изъ этихъ именъ самыми замѣчательными являются: изъ сената и генералитета—депутаты, поѣхавшіе въ Москву съ кн. В. Л. Долгорукимъ, младшій братъ князя Д. М. Голицына, князь Михаилъ Михаиловичъ-меньшой Голицынъ, и генералъ Леонтьевъ; князь Иванъ Өеодоровичъ Ромодановскій, графъ Павелъ Ивановичъ Ягушинской, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой и графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ; изъ синода три первенствующіе члена его: Өеофанъ Прокоповичъ, Өеофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ.

Переходимъ теперь къ біографическимъ даннымъ относительно этихъ восьми персонъ ([19]).

мана. Гораздо объективнѣе біографія Остермана неизвѣстнаго автора, помѣщ. въ Магазинѣ Busching'a, II, 407—414.—А. Терещенко. Оп. обозр. жизни сановниковъ, управлявш. иностранными дѣлами. Спб. 1837 г. ч. III.—Сводъ біогр. данныхъ объ Остерманѣ у Бантыша-Каменскаго, «Словарь», изд. 1836 г., IV, 53—85.—Де-Лиріа, «Характеристики», *ркп.*, с. 143—144.—Характеристики Рондо по изданію Шубинскаго, с. 223—227.

([19]) О кн. И. Ө. Ромодановскомъ мы не говоримъ въ текстѣ, п. ч. онъ не игралъ видной роли въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны. Вскорѣ по ея воцареніи онъ умеръ (15 марта 1730 г.). Вообще онъ не отличался никакими достоинствами; весь почетъ воздавался ему, какъ

Третій изъ Голицыныхъ, князь **Михаилъ Михаиловичъ-младшій**, носившій это прозваніе до самой смерти своего брата фельдмаршала, т. е. до 45-лѣтняго возраста, человѣкъ посредственнаго ума, но замѣчательно здраваго смысла и величайшаго благородства. Въ 1703 году онъ былъ зачисленъ въ морскую службу и посланъ Петромъ Великимъ въ Голландію для обученія морскому дѣлу. Екатерина I-я, знавшая его прямоту и честность, назначила его въ чинѣ капитанъ-командора президентомъ юстицъ-коллегіи. При Петрѣ II, занимая эту должность, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ ([20]).

Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ († 1755), двоюродный племянникъ царицы Натальи Кирилловны со стороны ея матери, приходился троюроднымъ братомъ Петру Великому. М. И. Леонтьевъ считался по Нарышкинымъ родственникомъ канцлеру Головкину и былъ женатъ на племянницѣ князя Меншикова. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ участвовалъ въ турецкихъ войнахъ 1735—1737 г. и выказалъ себя храбрымъ боевымъ генераломъ; съ 1737 по 1741 годъ занималъ должность кіевскаго губернатора, а съ 1741 г. (при Елизаветѣ Петровнѣ) былъ главнымъ начальникомъ Малороссіи ([21]).

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягушинской (р. 1683 г.), полу-полякъ, полу-литвинъ родомъ, былъ сынъ органиста московской лютеранской церкви. Онъ рано обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго своимъ живымъ

сыну знаменитаго «князя-кесаря» времени Петра Великаго, и какъ последнему представителю рода князей Ромодановскихъ и человѣку съ громаднымъ состояніемъ. Съ 1717 г. И. Ѳ. Ромодановскій явился преемникомъ отца, какъ въ титулѣ князя-кесаря, такъ и въ званіи начальника страшнаго преображенскаго приказа.—См. Хмырова «Граф. Е. И. Головкина», с. 74 и слѣд.—Спб Вѣдомости 1730 г., изв. изъ Москвы отъ 16 марта 1730 г.—Князь Иванъ Ѳеодоровичъ Ромодановскій былъ женатъ на родной теткѣ императрицы Анны Іоанновны, Анастасіи Ѳеодоровнѣ Салтыковой; дочь его, Екатерина Ивановна, вышедшая за Михаила Гавриловича Головкина, приходилась Аннѣ Іоанновнѣ двоюродной сестрой. (См. Долгор., Род. кн., II, 51, 68 и слѣд.).

([20]) Бергъ. Жизнеоп. росс. адмир., III, 75—125.—Кн. Долгорукой, «Memoires», I, p. 25—26.

([21]) Бантышъ Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, 172—174.

умомъ, расторопностью и исполнительностью, сталъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ императору лицъ и пользовался безграничной его довѣренностью. Начавъ службу деньщикомъ при Петрѣ Великомъ, онъ былъ вслѣдъ затѣмъ генералъ-адъютантомъ и камергеромъ, а въ 1722 г. достигъ высокаго званія генералъ-прокурора сената. Представляя сенаторамъ Ягушинскаго въ этомъ новомъ его званіи, Петръ Великій сказалъ: „Вотъ мое око, коимъ я буду все видѣть. Онъ знаетъ мои намѣренія и желанія—что онъ заблагоразсудитъ, то вы дѣлайте; а хотя бы вамъ показалось, что онъ поступаетъ противно моимъ и государственнымъ выгодамъ, вы, однакожъ, то исполняйте и, увѣдомивъ меня о томъ, ожидайте моего повелѣнія". Эти слова, приводимыя Голиковымъ, хорошо выясняютъ взглядъ Петра Великаго на Ягушинскаго. Такого же на него воззрѣнія держатся нѣкоторые писатели-анекдотисты второй половины XVIII в. лично его не знавшіе, (Голиковъ, Штелинъ и Гельбигъ): они рисуютъ Ягушинскаго человѣкомъ заслуживающимъ общаго уваженія, съ твердымъ характеромъ, говорящимъ всегда правду; но эта характеристика не соотвѣтствуетъ дѣйствительному его характеру, который является далеко не съ такими симпатичными чертами. Рѣзко порицавшій другихъ, Ягушинской былъ постоянно снѣдаемъ честолюбіемъ; чуждый Россіи и ея дѣйствительнымъ интересамъ, онъ былъ человѣкомъ карьеры, вездѣ преслѣдуя лишь свою эгоистическую цѣль. Лесть, низкопоклонство, умѣнье поддѣлываться къ людямъ, подмѣчая ихъ слабыя стороны, и рядомъ съ этимъ честолюбивое желаніе возвыситься надъ всѣми людьми родословными—вотъ основныя нравственныя черты Ягушинскаго. Если мы прибавимъ къ этому его жажду богатства, ловкость въ интригѣ, склонность къ кутежу и пьянству и припомнимъ полное отсутствіе въ немъ строгихъ нравственныхъ принциповъ—то получимъ цѣльный образъ реальнаго Ягушинскаго. „Око Петра Великаго" было не особенно чисто. Быть можетъ, этимъ и слѣдуетъ объяснить ту путаницу, которая произошла въ дѣлахъ внутренняго управленія въ послѣдніе два-три года царствованія Петра (когда Ягушинской былъ генералъ-прокуроромъ сената) и страшное развитіе за это время взяточничества и преступленій и проступковъ по должности разныхъ высшихъ и низшихъ чиновниковъ.

Ягушинской не любилъ Меншикова и ненавидѣлъ Остермана не изъ политическихъ принциповъ, но изъ личнаго тщеславія: первый стоялъ ему на пути заискиваній милостей у Петра Великаго, второму онъ не могъ простить отстраненія себя отъ Ништадскаго конгресса. Властолюбивый и честолюбивый нравъ Ягушинскаго не допускалъ соперниковъ. Онъ былъ въ числѣ ревностныхъ сторонниковъ Екатерины при ея воцареніи, надѣясь первенствовать въ ея правленіе, но ошибся въ разсчетахъ: Меншиковъ явился всесильнымъ временщикомъ и фактическимъ правителемъ государства. Тогда Ягушинской, не долго думая, сталъ на сторону его враговъ, и при Петрѣ II, по низверженіи Меншикова, присталъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ. Но „родословные" русскіе люди не хотѣли имѣть ничего общаго съ выслужившимся польскимъ проходимцемъ, и Ягушинской не достигъ при нихъ первенствующаго значенія въ русскомъ государствѣ. Съ Долгорукими у Ягушинскаго произошло открытое столкновеніе по слѣдующему поводу: всесильный при Петрѣ II князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой, вздумалъ было жениться на дочери Ягушинскаго, но князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, отецъ князя Ивана, оказалъ сильное противодѣйствіе этому браку, какъ унизительному для него союзу. Съ этихъ поръ Ягушинской сталъ отъявленнымъ врагомъ Долгорукихъ.

Съ герцогиней курляндской Анной Іоанновной, Ягушинской познакомился въ 1726 году, когда былъ посланъ въ Варшаву, чтобы воспрепятствовать избранію въ курляндскіе герцоги Морица Саксонскаго. Онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ лично къ Аннѣ Іоанновнѣ и, при тогдашнихъ стѣсненныхъ ея денежныхъ средствахъ, ссужалъ ее деньгами. При избраніи преемника Петру II, онъ пытался сблизиться съ русскими родословными людьми; желая къ нимъ поддѣлаться, онъ, какъ мы видѣли, нетерпѣливо толковалъ о томъ, чтобы „не быть самодержавствію"—но русскіе родословные люди снова отвернулись отъ Ягушинскаго, вслѣдствіе чего онъ и избралъ иное средство для своего дальнѣйшаго возвышенія (²²).

(²²) Бантышъ-Каменскій; изд. 1847 г., т. II. с. 560—574. (здѣсь приведены отзывы о Ягушинскомъ Голикова и Штелина). Helbig,

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой (род. 1667 г.), послѣдній московскій бояринъ и одинъ изъ первыхъ русскихъ фельдмаршаловъ (по времени производства, а не по заслугамъ)—былъ человѣкъ весьма добрый, ограниченный и тщеславный. Его жизнь не являетъ собою крупныхъ подвиговъ ни на войнѣ, ни въ гражданской дѣятельности, не смотря на то, что онъ носилъ званіе и фельдмаршала, и сенатора. Взятый шведами въ плѣнъ подъ Нарвою, онъ восемнадцать лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, не обративъ вниманія ни на государственный строй, ни на законодательство, ни на исторію Швеціи, во что вникъ его товарищъ по заключенію, князь Я. Ѳ. Долгорукой. Въ Стокгольмѣ, въ 1704 году, родился у него сынъ, впослѣдствіи извѣстный филантропъ эпохи Екатерины II-й, **Иванъ Ивановичъ Бецкой**. Отзывъ о князѣ Трубецкомъ испанскаго посла де-Лиріа болѣе похожъ на карикатуру, чѣмъ на истину; но если мы и отбросимъ въ этой характеристикѣ преувеличенно-рѣзкія выраженія де-Лиріа, все-таки получимъ довольно опредѣленное представленіе о личности князя Трубецкаго. Де-Лиріа честитъ его весьма неприличнымъ эпитетомъ „отъявленной скотины", рисуя князя Трубецкаго слѣдующими чертами: „онъ заикался, былъ преисполненный тщеславія добрякъ, невѣжда въ военномъ искусствѣ и весьма мало уважаемъ".

Для уясненія его отношеній къ вождю верховниковъ, князю Д. М. Голицыну, припомнимъ, что дочь князя Трубецкаго, Настасья Ивановна, была второй женой молдавскаго господаря, князя Д. К. Кантемира, а ея пасынокъ, Константинъ Дмитріевичъ Кантемиръ, женатый на дочери князя Д. М. Голицына, былъ въ 1730 году владѣтелемъ майората покойнаго своего отца и не смотря на двукрат-

---

«Russ. Günstlinge». Tubing. 1809. S. 83—93. См. нашу монографію о кн. Ив. Алексѣев. Долгорукомъ, основанную на его показаніяхъ въ 1739 г. и др. документахъ **Государственнаго Архива**. (Древн. и Нов. Россія 1879 г., т. I, с. 35—36).—Письма Анны Іоанн. къ Ягушинскому 1726—1727 гг. въ «Письмахъ Русск. Госуд., изд. коммисіи печат. госуд. грамотъ и договоровъ, в. IV, с. 144—146. Срав. отзывы де-**Лиріа** въ его «Характеристикахъ» *ркп.*, с. 153—154 и Рондо, стр. 227—229.

ное постановленіе сената 1725 и 1728 гг.—не выдавалъ своей мачихѣ слѣдующей по закону четвертой части изъ имѣній ея мужа. Вслѣдствіе этихъ семейныхъ неладовъ, отношенія князя Ивана Юрьевича Трубецкаго къ князю Д. М. Голицыну были очень натянуты, даже почти враждебны ([23]).

Графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, происходившій отъ одного изъ древнѣйшихъ русскихъ боярскихъ родовъ (родоначальникъ его, „мужъ честенъ изъ Нѣмецъ" Радша, выѣхалъ въ Новгородъ въ концѣ XII в.),—былъ извѣстенъ своимъ умомъ и находился въ большой милости у царя Алексѣя Михаиловича. Семейное преданіе Мусиныхъ-Пушкиныхъ объясняетъ эту милость близкими отношеніями царя Алексѣя къ женѣ Ивана Алексѣевича. По этому преданію, старшій сынъ графа, Платонъ Ивановичъ, былъ сыномъ царя Алексѣя. Къ Платону былъ очень расположенъ Петръ Великій и любилъ называть его своимъ братомъ. Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, бояринъ царя Алексѣя Михаиловича, въ царствованіе Петра Великаго былъ главнымъ начальникомъ монастырскаго приказа, управляющимъ петербургской типографіей и сенаторомъ. Петръ произвелъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожаловалъ первымъ русскимъ графомъ. Въ 1730 г. гр. Мусинъ-Пушкинъ былъ уже преклонныхъ лѣтъ и въ этомъ году скончался ([24]).

Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, (р. 1681) принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ выдающихся умовъ и характеровъ русскаго XVIII в. Онъ

([23]) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., т. I, с. 166; т. V, с. 160—164.—Helbig, «Russ. Günstlinge», S. 358—364.—Дневникъ Храповицкаго, изд. Н. П. Барсукова, Спб. 1874, *Примѣчанія*, с. 418.—Де-Лиріа, «Характеристики», *ркп.* с. 148.—Подробности о процессѣ кн. Кантемиръ см. въ нашей статьѣ «Судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ», «Др. и Нов. Россія». 1879 г., Окт. с. 20—63.

([24]) Кн. Долгорукой, Род. кн., II, с. 151, 194.—Карабановъ, Разсказы, Русск. Стар. 1871, т. IV, с. 583.—Голиковъ, Дѣянія Петра Вел., т. XIII, 223, 457; XIV, 257, 385, 453.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., ч. III, с. 385—387.—Книга Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ.

и князь Д. М. Голицынъ—равносильные, достойные другъ другаго бойцы идеи и принципа, но ихъ идеи и принципы діаметрально-противоположны. Ѳеофанъ былъ однимъ изъ тѣхъ самостоятельныхъ и дѣятельныхъ умовъ, которые не идутъ по старинной, традиціонной дорогѣ, а прокладываютъ себѣ новые пути, которые не удовлетворяются теоретическимъ, абстрактнымъ пониманіемъ дѣла, а стремятся осуществить свое пониманіе на практикѣ, немедленно приложить теорію къ жизни. Ѳеофанъ не могъ удовлетвориться схоластическимъ богословіемъ своего времени, еще менѣе могъ онъ стоять на точкѣ зрѣнія бездѣятельнаго, внѣшняго, формальнаго отношенія къ религіи. Врагъ всякаго застоя и формализма, онъ понималъ религію, какъ дѣятельную общественную силу для борьбы съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, вслѣдствіе чего и сталъ совершенно сознательно и открыто на сторону реформы Петра Великаго.

Получивъ обширное для своего времени образованіе въ Кіевской академіи и въ заграничныхъ школахъ Львова, Кракова и Рима, Ѳеофанъ является замѣчательнымъ богословомъ, проповѣдникомъ, педагогомъ, публицистомъ и администраторомъ, и во всѣхъ этихъ сферахъ дѣятельности въ немъ видѣнъ реформаторъ, отрицательно относящійся къ установившейся рутинѣ. Въ области теоретическаго богословія Ѳеофанъ увлекается протестантскими воззрѣніями, за что подвергается обвиненію со стороны современниковъ. Обвиненія эти идутъ и отъ людей, строго держащихся православнаго ученія, и отъ поборниковъ московской старины, и отъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, воспитанныхъ на преданіяхъ схоластическаго католическаго богословія. Въ области богословія практическаго, въ церковной проповѣди— Ѳеофанъ является публицистомъ; въ своихъ проповѣдяхъ онъ борется съ суевѣріемъ и невѣжествомъ, прославляетъ Петра Великаго и пропагандируетъ его преобразовательныя идеи. Истолкованію и объясненію дѣяній Петра посвящено и нѣсколько отдѣльныхъ трактатовъ Ѳеофана; самымъ важнымъ изъ нихъ должно считать такъ наз. „Правду Воли Монаршей“, въ которой Ѳеофанъ рядомъ богословскихъ доказательствъ и историческихъ примѣровъ оправдываетъ законъ 1722 г. о правѣ царствующаго государя назначать преемника по собственному усмотрѣнію. Такимъ же единомышленникомъ Петра Великаго заявляетъ себя Ѳеофанъ и

въ церковныхъ преобразованіяхъ. Его перу принадлежатъ „Духовный Регламентъ“ и извѣстное „Объявленіе“ 1724 года о монашествѣ и монастыряхъ.

Политическія воззрѣнія Өеофана были одинаковы съ политическими воззрѣніями Петра Великаго. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что монархизмъ неограниченный —есть единственно-возможная для Россіи форма правленія. Это убѣжденіе Өеофана на практикѣ осложнялось еще личными его отношеніями къ людямъ иного образа мыслей, которые притихли при Петрѣ Великомъ, но послѣ его смерти высоко подняли голову. Өеофана, вслѣдствіе его солидарности съ Петромъ Великимъ, вообще не любила русская знать, но противниками его въ особенности были князья Долгорукіе и Голицыны: первые—за его отрицательное отношеніе къ старинѣ московской, вторые—за его симпатіи къ протестантству. Өеофанъ явился однимъ изъ самыхъ ревностныхъ сторонниковъ воцаренія Екатерины. чѣмъ еще болѣе возстановилъ противъ себя родословныхъ русскихъ людей, и вся дѣятельность его съ 1725 по 1730 г., въ правленіе Екатерины I и Петра II,—есть борьба съ русской знатью и съ его личными врагами изъ среды духовенства. Въ этой борьбѣ Өеофанъ Прокоповичъ проявилъ несимпатичныя черты своего нрава: властолюбивый и заносчивый, онъ стремился къ власти, хотѣлъ быть временщикомъ въ русской церкви, и если не мечталъ о патріаршествѣ, то надѣялся такъ организовать синодальную коллегію, чтобы первенствовать въ ней фактически. При Петрѣ Великомъ ему не удалось достичь этого: Стефанъ Яворскій и Өеодосій Яновскій заграждали ему дорогу, да и императоръ былъ не изъ такихъ людей, которые способны равнодушно сносить чье-либо первенство. Со смертію Петра открылась широкая арена для честолюбивыхъ мечтаній временщиковъ. Стефанъ Яворскій сошелъ уже въ могилу, и Өеофанъ направилъ всю свою злобу противъ Өеодосія, который и былъ имъ низвергнутъ. Заточенный въ отдаленный монастырь подъ именемъ „чернеца Өедоса“, онъ явился первой жертвой ненасытимаго честолюбія и жестокой мести, которыми преслѣдовалъ Өеофанъ своихъ враговъ. Рядъ архіерейскихъ процессовъ, начатыхъ Өеофаномъ уже при Аннѣ и окончившихся послѣ его смерти,—ложится кровавымъ и тяжкимъ укоромъ на память Новгородскаго архіепископа. Эти процессы, которымъ

Феофанъ постоянно придавалъ политическій характеръ, далеко превосходятъ коварствомъ и жестокостью параллельно шедшіе съ ними политическіе процессы государственныхъ людей царствованія Анны Іоанновны: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Волынскаго,—въ гибели которыхъ голословно обвиняется одинъ Биронъ. Если для характеристики нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны возможенъ терминъ—б и р о н о в щ и н а, какъ синонимъ безправія временщичьяго нѣмецкаго террора, то для опредѣленія церковныхъ порядковъ въ первые шесть лѣтъ царствованія Анны Іоанновны, съ бо́льшей справедливостью можно употребить названіе— ѳ е о ф а н о в щ и н ы.

При Екатеринѣ I, не смотря на погубленіе Ѳеодосія Яновскаго, Ѳеофанъ не могъ первенствовать въ синодѣ. Сильными ему соперниками явились—Ѳ е о ф и л а к т ъ Л о п а т и н с к і й, архіепископъ Тверской, и ростовскій архіепископъ Г е о р г і й Д а ш к о в ъ; первый былъ близокъ къ князьямъ Голицынымъ, второй—къ Долгорукимъ. Объ этихъ соперникахъ Ѳеофана мы будемъ говорить ниже, здѣсь же замѣтимъ только, что оба они принадлежали къ двумъ партіямъ, раздиравшимъ наше высшее духовенство съ исхода XVII в.,—м а л о р у с с к о й и в е л и к о р у с с к о й. Первая партія состояла изъ учениковъ Симеона Полоцкаго и Кіевской академіи, бывшихъ представителями модной въ то время схоластической богословской школы, воспитанной на средневѣковыхъ католическихъ теологахъ; вторая партія отличалась формалистикой и буквализмомъ, присущими мѣстному московскому духовенству XVII вѣка. Обѣ эти партіи враждовали другъ съ другомъ, но обѣ одинаково ненавидѣли Ѳеофана. Ѳеофилактъ Лопатинскій принадлежалъ къ партіи малорусской, Георгій Дашковъ—къ партіи великорусской.

При Петрѣ II великорусская партія въ синодѣ взяла полный перевѣсъ, члены ея умножились—и Ѳеофанъ притихъ. Но не одно это заставило его притихнуть. При Екатеринѣ I и Петрѣ II-мъ самый синодъ утратилъ то независимое положеніе, которое было ему дано Ѳеофаномъ при его учрежденіи; при Екатеринѣ синодъ былъ раздѣленъ на два „апартамента", въ первомъ изъ которыхъ засѣдали духовныя лица для управленія собственно церковными дѣлами; второй, названный коллегіей экономіи, составлялся изъ свѣт-

скихъ членовъ и вѣдалъ дѣла судебныя и экономическія. Вслѣдъ за тѣмъ синодъ былъ подчиненъ Верховному Тайному Совѣту, наравнѣ съ сенатомъ и прочими коллегіями, и вмѣсто „правительствующаго" сталъ называться просто „духовнымъ синодомъ". Кромѣ того, въ правленіе Петра II начались преслѣдованія всего, что хоть сколько нибудь напоминало процессъ царевича Алексѣя, въ которомъ Өеофанъ игралъ выдающуюся роль: служба Св. Александру Невскому, заключавшая въ себѣ намеки на царевича, была запрещена; „Правда Воли Монаршей", написанная Өеофаномъ, отбиралась и уничтожалась. Удары были направлены и прямо противъ Өеофана: типографія Александро-Невскаго монастыря, гдѣ печаталось большинство его сочиненій, была закрыта, поднято заглохшее было дѣло объ окладахъ, снятыхъ съ образовъ по распоряженію Өеофана, и архіепископъ Новгородскій былъ присужденъ къ оскорбительному для него взысканію денегъ за утрату церковнаго жемчуга. Өеофанъ былъ совершенно изолированъ и могъ опереться лишь на одного Остермана.

Весьма естественно, что при такомъ положеніи, ему ничего не оставалось больше, какъ стать въ ряды тайныхъ сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны и примкнуть къ явнымъ противникамъ Верховнаго Совѣта, или правильнѣе, князя Д. М. Голицына (26).

Оба соперника Өеофана, Өеофилактъ Лопатинскій и Георгій Дашковъ, были натуры совершенно различныя по уму, по образованію, по характеру и по направленію.

Өеофилактъ Лопатинскій, ученый богословъ-схоластикъ, эллинистъ и критикъ, южноруссъ по происхожденію, былъ воспитанникомъ Кіевской академіи и закончилъ свое образованіе за границей. По учености онъ могъ быть соперникомъ Өеофану, по уму и характеру — не выдержи-

---

(26) Характеристика Өеофана Прокоповича составлена нами на основаніи почтеннаго труда Г. Чистовича: «Өеофанъ Прокоповичъ и его время», Спб. 1868 г.—См. также рецензіи на эту книгу г. Пыпина, В. Е. 1869 г., т. III, с. 793. и г. Р., Русск. Вѣстн. 1869 г. Апрѣль.—Біографическій очеркъ Өеофана Прокоповича у Бантыша-Каменскаго въ его «Словарѣ», изд. 1847 г., т. III, с. 601—627.

валъ съ нимъ никакого сравненія. Θеофилактъ имѣлъ много фактическихъ свѣдѣній, но не имѣлъ силы возвыситься надъ узкими, формальными схоластическими системами богословія; онъ былъ искренно религіозенъ, глубоко убѣжденъ въ истинахъ православія и всѣмъ сердцемъ преданъ идеѣ независимости церкви отъ свѣтской власти. Не раздѣляя мысли о необходимости синода, онъ скорбѣлъ объ уничтоженіи патріаршества и самъ былъ не прочь сдѣлаться патріархомъ, но его лишенный энергіи умъ и слабый характеръ не давали ему средствъ достичь желаемаго. Въ 1728 году Θеофилактъ издалъ „Камень Вѣры", извѣстное полемическое сочиненіе Стефана Яворскаго противъ протестантовъ; ни при Петрѣ Великомъ, ни при Екатеринѣ, книга не появлялась въ печати, а при Петрѣ II она была наконецъ издана по постановленію Верховнаго Тайнаго Совѣта и при участіи князя Д. М. Голицына. Книгѣ этой суждено было впослѣдствіи получить весьма громкую извѣстность, а Θеофилакту пришлось жестоко поплатиться за ея изданіе; но во время воцаренія Анны Іоанновны дѣло о „Камнѣ Вѣры" только начиналось: въ 1729 году появилось за границей рѣзкое опроверженіе на „Камень Вѣры", подписанное протестантскимъ богословомъ Буддеемъ. Θеофилактъ, а за нимъ и его друзья, подозрѣвали авторомъ этого памфлета Θеофана Прокоповича ([26]).

Георгій Дашковъ, третій членъ синода, отличался свѣтлымъ природнымъ умомъ, сильной волей и настойчивостью, но не былъ человѣкомъ ученымъ, и не любилъ учености, а такъ какъ среди современнаго ему духовенства самыми учеными людьми были южноруссы, то онъ и ненавидѣлъ ихъ отъ всей души. Дашковъ происходилъ изъ старинной шляхетской фамиліи и сталъ извѣстенъ еще при Петрѣ В., оказавши помощь фельдмаршалу Шереметеву при усмиреніи астраханскаго бунта въ 1706 г. (Въ то время онъ былъ соборнымъ старцемъ въ астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ). Подъ монашеской рясой Дашковъ не оставлялъ своихъ шляхетскихъ привычекъ. Будучи архиман-

---

([26]) См. книгу Чистовича о Θеофанѣ Прокоповичѣ и Филарета, Обзоръ русск. духовн. литерат., кн. II (Спб. 1861), с. 18—21.

дритомъ Троице-Сергіевой лавры, онъ жилъ на широкую ногу: прислуги у него было человѣкъ до двадцати; онъ никогда не ходилъ въ братскую трапезу, а завелъ свой столъ; на церковные вклады содержалъ экипажи и лошадей, строилъ конюшенные дворы и имѣлъ до полутороста конюховъ. Поѣздки его къ родственникамъ и въ приписные къ лаврѣ монастыри отличались великолѣпіемъ: поѣздъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ каретъ и колясокъ, сопровождаемыхъ цѣлымъ обозомъ посуды и разныхъ припасовъ; въ обозѣ находилось до полутороста человѣкъ служителей и до двухъ сотъ лошадей; дорогой для отдыха и ночлеговъ разбивались палатки. Родственники гащивали у Дашкова въ лаврѣ по цѣлымъ недѣлямъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ; онъ дарилъ ихъ хлѣбомъ, разными припасами, экипажами и лошадьми; племянницъ своихъ повыдалъ замужъ за монастырскихъ дворянъ, посылаемыхъ имъ управителями въ лучшія монастырскія вотчины, которыми распоряжался самовольно и безъ совѣщанія съ братіею. Кромѣ всего этого, Георгій Дашковъ былъ не чистъ на руку: онъ бралъ взятки съ своихъ подчиненныхъ и дарилъ лошадьми и деньгами знатныхъ людей, въ которыхъ заискивалъ. Въ 1718 году Георгій Дашковъ былъ посвященъ въ епископы Ростовскіе и съ самаго учрежденія синода оказывалъ ему непочтеніе. Ставъ самъ членомъ синода, онъ явился ревностнымъ защитникомъ автономіи церкви и энергически возсталъ противъ отобранія монастырскихъ имуществъ. При Петрѣ II Дашковъ былъ представителемъ группы людей, мечтавшихъ о возстановленіи патріаршества; въ синодѣ онъ пріобрѣлъ большую силу и первенствующее значеніе, подобравъ себѣ партію изъ великорусскихъ духовныхъ и явившись иниціаторомъ всѣхъ мѣръ, направленныхъ противъ Ѳеофана Прокоповича (²⁷). Георгій Дашковъ вызвалъ изъ ссылки и сдѣлалъ членомъ синода бывшаго Крутицкаго митрополита Игнатія Смолу, также великорусса. Онъ былъ глубоко преданъ идеѣ патріаршества, не могъ перенести учрежде-

---

(27) Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ», 185—190, 223. См. также біографію Георгія Дашкова въ «Православномъ Обозрѣніи», 1863 г., кн. I.

нія синода, относился къ нему непочтительно и въ 1718 году былъ изобличенъ въ приверженности къ царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, которую почиталъ настоящей царицей. Петръ Великій пощадилъ Игнатія и отпустилъ его на покой въ Нилову пустынь ([29]).

([29]) См. о немъ подробности въ книгѣ Чистовича о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, въ особен. стр. 190—194.

III.

ХАРАКТЕРИСТИКА АННЫ ІОАННОВНЫ И ЕЯ ЖИЗНЬ ДО ВОЦАРЕНІЯ.

Характеристика Анны Іоанновны.—Ея переписка съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740) какъ матеріалъ для этой характеристики.—Воспитаніе и обученіе Анны Іоанновны.—Ея замужество и жизнь въ Курляндіи.—Графъ Морицъ Саксонскій и Э. І. Биронъ.—Отношенія Анны Іоанновны къ Петру Великому, Екатеринѣ І, Меншикову, Остерману и друг.—Бестужевскій кружокъ.—Родственныя отношенія Анны Іоанновны.

Курляндская герцогиня Анна Іоанновна (род. 1693 г.), средняя дочь царя Іоанна Алексѣевича, (старшаго брата Петра Великаго) и царицы Прасковьи Ѳеодоровны, (рожд. Салтыковой), по отзывамъ всѣхъ современниковъ лично ее знавшихъ, была одарена отъ природы здравымъ умомъ и чувствительнымъ сердцемъ; (¹) но обстоятельства ея жизни сложились столь неудачно, что эти природныя качества не только не получили должнаго развитія, но были извращены, изуродованы: умъ не былъ обогащенъ образованіемъ и облагороженъ воспитаніемъ, чувство—подвергалось съ молодыхъ лѣтъ оскорбленіямъ, а дѣтство и молодость Анны Іоанновны прошли въ такихъ условіяхъ, при которыхъ нельзя было окрѣпнуть волѣ, невозможно было выработаться харак-

(¹) Берхгольцъ, Дневникъ, переводъ Аммона, IV, с. 30.—Де-Лиріа «Характеристики», *ркп.*, с. 138—139.—Манштейнъ, Записки, I, с. 194.—Записки фельдмаршала Миниха, изд. С. Н. Шубинскаго, с. 62—63.—Записки Миниха-сына, с. 175—187.—Письма леди Рондо, изд. Шубинскаго, с. 62—65—Примѣчанія на записки Манштейна (нов. изд.), Рус. Стар, 1879 г., т. XXVI, с. 399—404 и слѣд.

теру. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Анна Іоанновна, въ то время когда она была избрана на россійскій престолъ, приближаясь уже къ сорокалѣтнему возрасту, является натурой съ весьма противоположными качествами, дававшими поводъ къ самымъ противорѣчивымъ оцѣнкамъ ея.

Въ этой натурѣ, одаренной природой, но изломанной жизнію, проглядываютъ многія наслѣдственныя черты ея матери, царицы Прасковьи, и дѣда „тишайшаго и благочестиваго царя“ Алексѣя Михаиловича. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ, хилый и „нищій духомъ“, не оставилъ слѣдовъ въ характерѣ Анны Іоанновны; въ супружеской жизни онъ игралъ такую-же пассивную роль, какъ и въ дѣятельности государственной. Обвѣнчанный изъ политическихъ разсчетовъ своей даровитой и честолюбивой сестрой, царевной Софьей, царь Іоаннъ скоро уступилъ супружескія права, если вѣрить молвѣ современниковъ, Василію Алексѣевичу Юшкову, управлявшему дворомъ и имѣніями царицы Прасковьи.

Въ характерѣ и образѣ жизни царицы Прасковьи сильно отразилось вліяніе той переходной, преобразовательной эпохи, въ которую она жила. Сохранивъ въ своемъ характерѣ и обиходѣ своеобразныя черты старинной московской боярыни, Прасковья Ѳеодоровна должна была дѣлать уступки новымъ требованіямъ жизни. Суевѣрная и набожная, привыкшая къ патріархальнымъ порядкамъ и своеобычной домашней расправѣ, она дѣлила время между церковными службами и ассамблеями, между юродивыми и театральными зрѣлищами; она должна была прилаживаться ко вкусамъ и требованіямъ своего деверя, царя Петра, примѣняться къ характерамъ вліятельныхъ лицъ его двора и допустить обучать своихъ дочерей нѣмецкой грамотѣ и танцамъ (¹). Набожность и суевѣріе, патріархальность въ домашнемъ быту и самодурство—всѣ эти качества унаслѣдовались ея дочерью, Анной Іоанновной, но еще съ бо̀льшимъ прилаживаніемъ къ современности, еще съ бо̀льшими уступками царю Петру и его приближеннымъ. Строптивость, столь свойственная „тишайшему“ Алексѣю Михаиловичу,

(¹) См. біогр. оч. царицы Прасковьи М. И. Семевскаго, Время, 1861 г., кн. I—IV.

перешла и къ его внукѣ, вмѣстѣ съ другими весьма противоположными его склонностями и вкусами. Анна Іоанновна также какъ и Алексѣй Михаиловичъ, любитъ церемоніалы и торжественные выходы, парчу, золото и драгоцѣнныя украшенія, и входитъ въ мельчайшія подробности ежедневнаго монастырскаго обихода и построенія и украшенія церквей; также какъ Алексѣй Михаиловичъ, она охотно слушаетъ душеспасительныя бесѣды монаховъ и благочестивыхъ людей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, до страсти увлекается стрѣльбой въ цѣль, травлей, псарнями и звѣринцами. Склонность къ забавамъ у Анны Іоанновны сильнѣе и оригинальнѣе, чѣмъ у царя Алексѣя; ея склонность ближе по характеру своему къ потѣхамъ и затѣямъ Петра Великаго. „Тишайшій" царь любилъ купать стольниковъ въ своемъ коломенскомъ пруду и развлекаться разсказами бывалыхъ людей и „комидійными дѣйствами"; Анна Іоанновна любитъ скомороховъ и шутовъ, устраиваетъ изъ нихъ, и ради нихъ, разныя курьёзныя процессіи и „машкерады", напоминающіе „машкерады" Петра Великаго. Иронія и юморъ, хотя въ грубой, необдѣланной формѣ, часто съ большимъ оттѣнкомъ цинизма, проявляются у Анны Іоанновны въ ея шуткахъ и шутовскихъ процессіяхъ.

Тихонъ Архипычъ, самый популярный изъ юродивыхъ наполнявшихъ дворъ царицы Прасковьи, умѣлъ очень ловко подмѣчать рельефныя черты окружающаго его общества и весьма мѣтко опредѣлилъ противорѣчивыя свойства характера Анны Іоанновны. За ея склонность къ благочестію и монашеству онъ называлъ ее „Анфисой" и предрекалъ ей монастырь, а ея строптивость и самодурство онъ выражалъ въ слѣдующемъ присловьи, которое произносилъ постоянно при видѣ Анны Іоанновны: *„Донъ, донъ, донъ!—царь Иванъ Васильевичъ!"* (³).

Свой характеръ Анна Іоанновна вполнѣ проявила по воцареніи. Ея страсть къ шутамъ, къ роскоши и къ церковному благолѣпію—достаточно извѣстны, а потому мы позволимъ себѣ прибавить къ характеристикѣ Анны Іоанновны лишь нѣсколько новыхъ подробностей, заимствован-

(³) Болтинъ, Примѣчанія на Исторію Россіи г. Леклерка, т. II. с. 467.

ныхъ нами изъ недавно обнародованной переписки ея съ С. А. Салтыковымъ (1732—1740) (1).

Мужъ ея пріятельницы княгини Аграфены Петровны, князь Никита Ѳеодоровичъ Волхонской, сдѣланный оффиціальнымъ придворнымъ шутомъ по смерти своей жены († 1732 г.), является мишенью для особыхъ остроумничаній Анны Іоанновны. Такъ въ 1734 году она, „и г р а ю ч и“, женила его на другомъ шутѣ, князѣ А. М. Голицынѣ, и заставила Волхонскаго написать письмо къ его прикащику о томъ „что онъ женился въ правду“. Анна Іоанновна собираетъ письма Волхонскаго, „ради смѣху“, и велитъ Салтыкову составить „житіе князя Никиты Волхонскаго“. Такую же роль играютъ: Власова, сестра князя Василія Хилкова, и княжна Пелагея Аѳанасьевна Вяземская, взятая ко двору для забавы, п. ч. она, „какъ сказываютъ, много говоритъ“. За ними идетъ цѣлый рядъ разныхъ разскащицъ, сказочницъ, юродивыхъ, святошъ, шутихъ, приживаловъ, вродѣ „Дарьюшки безручки“, драгунскихъ женокъ—Михайловны и Рудневой, калмычекъ „великорослыхъ людей изъ плѣнныхъ турокъ“ и карлицъ, а также разныхъ „курьёзныхъ“ птицъ и звѣрей: ученыхъ скворцевъ, бѣлыхъ павъ и мартышекъ. Анна Іоанновна посылаетъ, напримѣръ, Салтыкову *шелковинку* и проситъ переслать ее въ Персію, къ генералу Левашеву, „чтобъ онъ по той шелковинкѣ изъ тамошняго народа, изъ персіянокъ, или изъ грузинокъ и милятинокъ (имеретинокъ?) сыскалъ двухъ дѣвочекъ такихъ ростомъ, какъ оная есть, толькобъ были бѣлы, чисты, хороши и не глупы“. —„Увѣдомились мы“—пишетъ Анна Іоанновна Салтыкову въ 1739 г.—„что въ Москвѣ на Петровскомъ кружалѣ стоитъ на окнѣ скворецъ, который такъ хорошо говоритъ, что всѣ люди которые мимо идутъ, останавливаются и его слушаютъ, того ради, имѣете вы онаго скворца купить и немедленно сюда прислать“. Аннѣ Іанновнѣ нравятся сатирическая пѣсня, которую поютъ крестьяне деревни Вас. Ѳед.

(1) Напечатана А. Кудрявцевымъ въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. Росс., 1878 г., кн. I, с. 1—233, по рукописи, принадлежащей Императорскому московскому обществу испытателей природы и озаглавленной: «книга записная полученнымъ отъ ея императорскаго величества именнымъ письмамъ и указамъ 1732—1742».

Салтыкова, и она велитъ списать эту пѣсню и прислать себѣ (*).

Одновременно съ такими странными выходками, Анна Іоанновна выражаетъ старо-русскую, православную набожность и религіозность. Она заботится объ исправномъ поминовеніи по своей сестрѣ Прасковьѣ Іоанновнѣ и о сооруженіи церкви надъ ея могилой въ Вознесенскомъ московскомъ монастырѣ; устраиваетъ новую богатую раку для мощей преп. Сергія Радонежскаго, входитъ въ мельчайшія подробности о снабженіи всѣмъ необходимымъ вновь строющейся въ Петербургѣ Петропавловской церкви и объ освященіи ея, а также объ исправленіи въ Москвѣ Архангельскаго и другихъ соборовъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквей; вникаетъ подробно въ монастырскую жизнь, въ отношенія настоятелей къ братіи, въ ихъ благосостояніе, хлопочетъ о помѣщеніи въ монастыри бѣдныхъ и убогихъ старушекъ. Къ своему духовнику, архимандриту Троицкой лавры Варлааму, человѣку глубоко религіозному и православному,—Анна Іоанновна выражаетъ искреннее почтеніе и сердечную привязанность; она называетъ его „батюшкой“ и заботится объ удобствахъ при его поѣздкахъ изъ Петербурга въ Москву и при его пребываніи въ Москвѣ: она даетъ ему проводниковъ изъ придворныхъ служителей и проситъ Салтыкова, чтобы онъ оказывалъ ему въ Москвѣ „всякое содѣйствіе въ его нуждахъ“.

Анна Іоанновна является въ письмахъ къ Салтыкову весьма домовитой и заботливой хозяйкой. Она аккуратно слѣдитъ за доходами и расходами своего дворцоваго хозяйст-

---

(*) «У насъ было въ селѣ Поливановѣ, бояринъ отъ дуракъ въ рѣшетѣ пиво варилъ; пойтить было молоденькѣ поучить дурака, возми дуракъ котелъ, больше пива наваришь. А дворецкой дуракъ въ сарафанъ пиво сливалъ; возми дуракъ бочку, больше пива насливаешь. А попъ-отъ дуракъ косаремъ сѣно косилъ; возми дуракъ косу, больше сѣна накосишь. А пономарь дуракъ на свиньѣ сѣно возилъ; впряги дуракъ лошадь, больше сѣна навозишь. А поповичъ дуракъ шиломъ сѣно подавалъ; возми ты вилы, больше сѣна подашь. А крестьянинъ дуракъ косточкой пашню пахалъ; возми дуракъ соху, больше пашни напашешь». (Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. Росс., 1878 г., кн. I, «Письма Анны Іоанновны къ Салтыкову», с. 225—226).

ва, тщательно просматриваетъ вѣдомости и счеты, очень любитъ лошадей и входитъ въ мелочныя подробности о содержаніи придворныхъ конюшенъ и конюшенной команды, слѣдитъ сама за своими золотошвейками и отдаетъ ихъ въ обученье къ Строгановымъ. Сибирскій приказъ снабжаетъ ея гардеробъ и дворецъ дорогими шелковыми матеріями, мѣхами и „порцеленомъ" (фарфоромъ); иногда она поручаетъ Салтыкову купить для себя въ Москвѣ старинной матеріи, уже вышедшей изъ употребленія въ ея время, или же какія нибудь рѣдкія вещи для украшенія и туалета, причемъ иныя вещи, по цѣнамъ, означеннымъ Салтыковымъ, считаетъ дорогими и велитъ ему „торговаться и купить подешевле".—„Поищите въ Москвѣ у купцовъ"—пишетъ она, напримѣръ, въ 1734 году—„старинныхъ объярей, которыя, я чаю, и вы помните, что они бывали крѣпкія, а не такія какъ нынѣ, и сыскавъ, купите штукъ пять и пришлите сюда немедленно, а цвѣтомъ какія нибудь, толькобъ тѣ штуки мѣрою были пополнѣе".—„Ежели отправлять будете сюда изъ Сибирскаго приказу порцелевъ или другія какія вещи"—пишетъ императрица Салтыкову въ 1745 г.—„то съ оными пришлите китайскіе цвѣты, которые нашиваются на полотно, всѣ сколько ихъ есть; буде же отправленія никакого не будетъ, то отправьте оные хотя съ нарочнымъ". Она знаетъ лично московскихъ „серебрянаго дѣла чеканщиковъ" и золотыхъ дѣлъ мастеровъ и выписываетъ ихъ въ Петербургъ, на годъ и на полтора года „у работы дворцовой въ вѣдомствѣ нѣмецкихъ мастеровъ".

Анна Іоанновна не только выказываетъ большое вниманіе къ своимъ роднымъ находящимся въ живыхъ, но усердно чтитъ память умершихъ царственныхъ родственниковъ. Любопытно стараніе ея розыскать ихъ „персоны" (т. е. портреты), находившіяся въ частныхъ рукахъ и въ дворцовыхъ кладовыхъ и Мастерской палатѣ. Такъ напримѣръ она поручаетъ Салтыкову добыть ей портреты—царя Алексѣя Михаиловича отъ Ивана Бутурлина, а царевны Прасковьи Іоанновны отъ Шереметевой, прося также найти портретъ царя Іоанна Алексѣевича и царицы Прасковьи, принадлежавшіе царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, а равно и портреты самой царевны Софьи, племянницы своей Анны Леопольдовны, царя Ѳеодора Алексѣевича

и царевны Екатерины (сестры Петра Великаго). Анна Іоанновна собираетъ „старинныя книги русскія и исторія прежнихъ государей „въ лицахъ“, (т. е. съ рисунками), о свадьбахъ или какихъ нибудь прочихъ порядкахъ“.

Въ судьбѣ частныхъ лицъ, ея придворныхъ и близкихъ ей, Анна Іоанновна принимаетъ сердечное участіе. Отношенія эти чисто патріархальныя. Она выражаетъ заботу о денежныхъ и семейныхъ дѣлахъ графа Алексѣя Петровича Апраксина, своего придворнаго шута, а равно и другаго шута—Балакирева; покровительствуетъ женѣ Апраксина, приказывая Салтыкову взыскать должныя Апраксину деньги съ Колычева, князя Репнина и другихъ, и даетъ ему и женѣ его взаймы безъ процентовъ деньги изъ казенныхъ полковыхъ суммъ, а потомъ деньги эти даритъ Апраксину, и запрещаетъ взыскивать съ него долги. Анна Іоанновна заботится о выдачѣ замужъ одной изъ бѣдныхъ дѣвушекъ-дворянокъ Гнѣбушевыхъ за Матюшкина; свадьба произошла во дворцѣ въ началѣ 1734 г.—„Я чаю вы помните“—пишетъ Анна Іоанновна Салтыкову въ томъ же 1734 году „Аксинью Юсупову, которая жила у матушки; сестра ея есть Марья за Возницынымъ, а слышала я, что онъ на воеводствѣ, а гдѣ не знаю—того ради вели къ себѣ сыскать Аксиньиныхъ братьевъ, Василья и Ивана Юсуповыхъ, и спроси ихъ, гдѣ ихъ сестра Марья, что за Возницынымъ; ежели она съ мужемъ или въ деревнѣ, то пошли тотчасъ по нее и отправь къ намъ въ Петербургъ, давъ ей солдата, чтобъ сохранно ее довезли, а братьямъ ея и ей изволь сказать, что я ее беру изъ милости къ себѣ, для того, что ей, какъ я слышу, худо жить отъ мужа, къ тому жъ она за мною ходила, а ежели бъ она отъ мужа вовсе не похотѣла ѣхать, то на время къ намъ ея конечно отправить на нашемъ коштѣ немедленно“.—Анна Іоанновна вступается въ семейныя дѣла многихъ лицъ, разрѣшаетъ имъ браки и т. п. Такъ она разрѣшаетъ бракъ Ѳеодора Лопухина съ Шереметевой, Петра Мих. Салтыкова съ княжной Натальей Алексѣевной Голицыной, приказываетъ воеводской женѣ Кологривой выдать дочь за служившаго у Салтыковыхъ Дмитрія Степанова, сватаетъ дочь князя Василья Гагарина за камеръюнкера Алексѣя Татищева.

Анна Іоанновна любитъ интимное общество разныхъ старыхъ барынь и приживалокъ; это все московскія бары-

ни старниннаго закала, изъ которыхъ многія гостятъ у нея въ Петербургѣ по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ. Она заботится о ихъ благосостояніи, даетъ имъ провожатыхъ до Москвы и проситъ Салтыкова оказывать имъ всякое содѣйствіе. Какую роль играли во дворцѣ Анны Іоанновны эти приживалки, видно изъ любопытнаго разсказа жены дворцоваго управителя, Настасьи Филатовны Шестаковой, о томъ, какъ она провела у императрицы 16—17 іюля 1738 г. (*).

Анна Іоанновна послала за Филатовной съ утра. Филатовна явилась. До вечерни она провела время въ обществѣ придворныхъ дамъ, а затѣмъ была призвана въ опочивальню къ императрицѣ, когда та ложилась въ постель; Анна Іоанновна начала „тѣшиться": „взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажно больно мнѣ было"—разсказываетъ Филатовна. Затѣмъ Анна Іоанновна стала вспоминать про прошлое время; большую перемѣну замѣтила она въ постарѣвшей Филатовнѣ и спрашивала ее—перемѣнилась ли она сама?—на что Филатовна, конечно, отвѣчала отрицательно. Анна Іоанновна засыпала Филатовну вопросами.—„Не знаю матушка, что говорить, душа во мнѣ трепещется—дай отдохнуть"—бормотала оторопѣвшая Филатовна, постоянно кланяясь въ ноги императрицѣ. Анна Іоанновна заставила ее разсказывать про разбойниковъ, а потомъ велѣла ей подробно передать про ея житье-бытье Авдотьѣ Ивановнѣ Чернышевой.—„И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать", а гостью взяла къ себѣ княгиня Щербатова, которая жила передъ опочивальною. На другой день, въ 10-мъ часу утра, опять привели Филатовну къ императрицѣ; Филатовна упала въ землю. „Подымите ее. Ну Филатовна, разсказывай!"—обратилась къ ней императрица.—„Вчерася, матушка, день я сидѣла, какъ къ исповѣди готовилась—сердце все во мнѣ трепетало, а сегодня къ причастью готовилась"—говорила Филатовна. Анна Іоанновна снова ее разспрашивала: и про ея мужа, при какой онъ должности, и лучше ли ему теперь, чѣмъ было прежде, когда онъ управлялъ новгородскими волостями, и богаты ли мужики въ коломенскихъ дворцовыхъ деревняхъ,

(*) Бумаги К. И. Арсеньева, изд. акад. Пекарскимъ («Сб. отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ», т. IX), с. 133—136.

которыми управляетъ Шестаковъ, и стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ изъ ружей? Филатовна передала ей все что знала. Императрица выслушала милостиво и въ заключеніе похвалила мужа Филатовны за то, что онъ честно живетъ. „Эдакъ лучше: не пользуетъ имѣніе въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти"—сказала при этомъ Анна Іоанновна. Едва замолчитъ Филатовна, императрица понукаетъ ее: „ну говори"! На прощанье велѣла выдать Шестаковой „сто рублевъ" и показать ей свои сады и звѣринцы, а также обѣщала пріѣхать помолиться къ „Миколѣ Чудотворцу" въ село Дѣдиново (гдѣ жили Шестаковы), какъ ѣзжала туда прежде съ покойной царицей Прасковьей.

Воспитаніе Анны Іоанновны не способствовало развитію ея ума. Учили ее немногому и самымъ поверхностнымъ образомъ. Ея учителемъ, какъ мы уже видѣли, былъ Дидрихъ Остерманъ, братъ вице-канцлера, человѣкъ ограниченный и пустой. Порядочное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ было единственнымъ результатомъ его ученія; по русски Анна Іоанновна только говорила хорошо, писала же просто безграмотно. Былъ еще у Анны Іоанновны другой учитель, Рамбурхъ—„танцовальный мастеръ", который обучалъ ее „тѣлесному благолѣпію и комплиментамъ чиномъ нѣмецкимъ и французскимъ" (⁷). Царица Прасковья не любила Анны Іоанновны, и она праздно проводила жизнь, частію въ селѣ Измайловѣ, частію въ Москвѣ и Петербургѣ, до семнадцати-лѣтняго возраста находясь подъ надзоромъ и попеченіемъ своего дяди Петра Великаго и тетки Екатерины. Петръ былъ плохой педагогъ: не обращая вниманія на воспитаніе своихъ собственныхъ дѣтей, онъ прилагалъ еще менѣе стараній къ воспитанію племянницъ; на нихъ онъ смотрѣлъ исключительно, какъ на орудія для своихъ политическихъ „конъюнктуръ". Отторгая у шведовъ область за областію на балтійскомъ побережьѣ, Петръ лелѣялъ мысль стать твердою ногою на всемъ Балтійскомъ морѣ; этимъ замысломъ опредѣляется его желаніе войти въ „аліансы" со всѣми прибалтійскими государями: герцогомъ курляндскимъ, курфюрстомъ бранденбургскимъ, королемъ датскимъ и герцогами голштинскимъ и мекленбургскимъ—и завязать дру-

(⁷) Русскій Архивъ 1867 г., с. 1187—1188.

жественныя сношенія съ Англіей и Голландіей. Брачные союзы между государями—единственно-прочное въ то время средство для „аліанса“, и вотъ Петръ Великій проектируетъ цѣлый рядъ такихъ брачныхъ союзовъ. Осенью 1710 года, семнадцатилѣтняя его племянница Анна Іоанновна была выдана замужъ за курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма, во владѣніяхъ котораго русскія войска уже расхаживали какъ у себя дома. Но брачная жизнь Анны Іоанновны была очень коротка. Отпраздновавши свадьбу племянницы столь любимыми имъ шумными торжествами съ разными „курьёзами“, Петръ Великій отпустилъ новобрачныхъ въ Курляндію въ началѣ 1711 года. Свадебныя торжества, а въ особенности большое количество выпитаго во время ихъ вина, дурно подѣйствовали на непривыкшаго къ кутежамъ герцога: онъ заболѣлъ въ дорогѣ и 9 января умеръ (*).

Съ тѣхъ поръ Анна Іоанновна прожила въ Курляндіи девятнадцать лѣтъ самою грустною и обездоленною жизнію. То были лучшіе ея годы, отъ восемнадцатаго до тридцать седьмаго, когда жизнь стремится вступить во всѣ свои права, особенно жизнь женщины. Положеніе Анны Іоанновны въ Курляндіи было ненормальное и фальшивое во всѣхъ отношеніяхъ. Вдова, бывшая замужемъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, герцогиня безъ герцогства, принужденная оставаться въ чуждой ей нѣмецкой обстановкѣ, да еще въ такой странѣ, которая была постояннымъ яблокомъ раздора между сильными сосѣдями—Россіей, Швеціей, Пруссіей и Польшей. Матеріальное обезпеченіе молодой вдовы было также незавидное: царица Прасковья ей ничего не давала, приданое, назначенное Петромъ, не все еще было выпла-

(*) Gebhardi, «Gesch. des Herzog—ms Kurland und Semgallen», Halle 1789.—«Urkunden v. der Vermählung des Herzogs zu Curland Friedrich Wilhelm mit der Russischen Prinzessin Anna»—въ Магазинѣ Büsching'a, XV, 199—200.—Kruse. «Kurland unter den Herzogen». 1833, Bd. I.—См. А. Мосолова: «Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой». (Р. В. 1870, май. с. 28—30). Эта небольшая статья, въ которой авторъ даетъ краткій очеркъ исторіи Курляндіи, имѣетъ цѣну по своимъ источникамъ. Она составлена на основаніи авторитетныхъ сочиненій по исторіи Курляндіи и архивныхъ дѣлъ.

чено, курляндскій сеймъ спорилъ о томъ, слѣдуетъ Аннѣ Іоанновнѣ выдѣлить вдовью часть изъ герцогскихъ имѣній, или нѣтъ?—а эти имѣнія, очень обширныя, составлявшія одну треть территоріи Курляндіи, почти всѣ находились въ арендѣ или въ залогѣ у сосѣднихъ владѣтелей (рижскаго епископа, бранденбургскаго курфюрста и др.) и у частныхъ лицъ. Для выдѣла изъ нихъ части Аннѣ Іоанновнѣ, приходилось ихъ выкупать, что̀, при дурномъ состояніи тогдашнихъ финансовъ герцогства,—было очень трудно. Петръ Великій настаивалъ на выдѣлѣ Аннѣ Іоанновнѣ ея части и опредѣлилъ къ ней гофмейстеромъ и управляющимъ ея имѣніями Петра Михайловича Бестужева,—отца извѣстнаго впослѣдствіи кабинетъ-министра и канцлера елизаветинской эпохи Алексѣя Петровича Бестужева,—предписывая ему употребить радикальныя средства для вліянія на курляндскій сеймъ.

Курляндское герцогство, бывшее въ то время леннымъ владѣніемъ польскаго королевства, управлялось сильнымъ и олигархическимъ рыцарствомъ. По смерти мужа Анны Іоанновны, курляндскимъ герцогомъ сталъ дядя его, Фердинандъ, нерасположенный къ Россіи. Онъ очень скоро разсорился съ курляндскимъ рыцарствомъ и переѣхалъ даже на житье въ Гданскъ (Данцигъ). Курляндскій сеймъ порѣшилъ избрать новаго герцога. Явилось два претендента на курляндскую корону: съ польской стороны—побочный сынъ короля Августа II-го, Морицъ Саксонскій, и съ русской—князь Меншиковъ. Это произошло въ 1726 году, когда Петра Великаго не было уже на свѣтѣ. Оба противника боролись сперва путемъ дипломатіи, потомъ оружіемъ.

Морицъ Саксонскій былъ типическимъ представителемъ тѣхъ французскихъ воиновъ-ловеласовъ, похожденіями которыхъ переполнены придворныя хроники первой половины XVIII в. Красивый собой, кичившійся своимъ происхожденіемъ, весьма почетнымъ въ то время, Морицъ не ломалъ головы надъ политическими и философскими вопросами вѣка, но, относясь къ жизни легкомысленно, игралъ въ любовь и въ войну; и та и другая игра ему улыбались. Онъ былъ идоломъ всѣхъ модныхъ красавицъ Парижа, Дрездена и Вѣны, и съ успѣхомъ обнажалъ шпагу подъ знаменами герцога Мальборо и принца Евгенія, сражаясь и со шведами, и съ испанцами, и съ турками. Морицъ Саксонскій

приглянулся вдовѣ-герцогинѣ, а самъ онъ, домогаясь ея руки для большаго упроченія своей кандидатуры на курляндскую корону, притворялся влюбленнымъ въ нее. Этого брака равно желали, и отецъ Морица, король польскій Августъ, и курляндскій сеймъ; но политическія соображенія петербургскаго кабинета, нерасположеннаго подчинить Курляндію еще большей зависимости отъ Польши, а въ особенности честолюбивые планы Меншикова—разстроили „судьбу“ Анны Іоанновны (*).

Въ то время ей было уже тридцать четыре года—молодость ея прошла. Что же мудренаго, что она около этого времени сблизилась съ однимъ изъ своихъ придворныхъ, столь извѣстнымъ впослѣдствіи Эрнестомъ Іоганномъ Бирономъ. Незнатное происхожденіе, грубость и *чудовищная* жестокость этого человѣка сдѣлались почти общимъ мѣстомъ въ повѣствованіяхъ и разсужденіяхъ о царствованіи Анны Іоанновны; поэтому мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что ни то, ни другое мнѣніе не выдерживаетъ строгой критики. Первое мнѣніе основано болѣе чѣмъ на сомнительныхъ данныхъ, а второе сложилось подъ вліяніемъ послѣдующаго виднаго положенія Бирона среди ненавистнаго русскимъ нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны, въ которомъ Биронъ едва ли игралъ большую роль, чѣмъ Остерманъ и Минихъ. Но Биронъ имѣлъ несомнѣнно сильное вліяніе на Анну Іоанновну, которая подчинялась ему вполнѣ; поэтому, говоря о ней, нельзя обойти характера ея фаворита.

При избраніи курляндской герцогини на русскій престолъ, Биронъ далеко еще не былъ тѣмъ всесильнымъ временщикомъ, какимъ явился впослѣдствіи,—онъ только начиналъ свою карьеру при мелкомъ нѣмецкомъ дворѣ. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVIII в. Биронъ былъ уже женатъ

(*) Saint-René Taillandier, «Maurice de Saxe, étude histor. d'aprés les documents des archives de Dresde». 2-e ed, Paris, 1870.—Щебальскій, «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій» (гл. образ. по документамъ Моск. Гл. Архива М. И. Д.), Р. В. 1860 г., т. XXV, с. 5—68.—Е. П. Карновичъ «Вмѣшательство русской политики въ избраніе Морица Саксонскаго герцогомъ Курляндскимъ», Древн. и Нов. Россія 1875 г., т. III, с. 56—71; 152—161.

и не первой молодости (онъ родился въ 1690 г.); весьма красивой наружности, съ отличными манерами, очень скромный и привѣтливый въ обращеніи, онъ былъ большой дѣлецъ, хорошо знающій канцелярскую часть и обладающій отличнымъ слогомъ. Умъ Бирона былъ не изъ выдающихся умовъ: не лишенный остроты, даже сарказма, онъ былъ щедро надѣленъ тѣмъ житейскимъ тактомъ, который французы такъ мѣтко назвали—l'esprit de conduite et de savoir vivre. Свѣдѣнія Бирона были не обширны, но весьма несправедливо обвинять его въ исключительномъ знаніи одной гиппологіи и лошадиныхъ нравовъ и обычаевъ. Биронъ воспитывался въ Кёнигсберскомъ университетѣ, оказывая склонность преимущественно къ прикладнымъ наукамъ; онъ очень хорошо понималъ значеніе науки и высшаго образованія, относясь всегда съ уваженіемъ къ ученымъ; слѣдя за тогдашнею, небогатою впрочемъ нѣмецкою литературою,—онъ и самъ имѣлъ очень хорошую, по словамъ одного изъ его біографовъ, даже драгоцѣнную, библіотеку. Биронъ былъ очень честолюбивъ и стремился возвыситься надъ толпой: „il faut se pousser au monde“ — говорилъ онъ постоянно. Вопросъ о карьерѣ всегда былъ для него жизненнымъ вопросомъ. Безъ понятій о чести, безъ сознанія долга, онъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни съ своекорыстіемъ мелкаго эгоиста. Онъ былъ человѣкъ безъ сердца и съ большимъ запасомъ энергіи и настойчивости; впослѣдствіи изъ безсердечія развилась въ немъ жестокость. Гордое курляндское рыцарство относилось къ Бирону свысока, оскорбляя его самолюбіе, и изъ этого съ нимъ обращенія онъ вынесъ къ родовитой аристократіи презрѣніе, которое со временемъ еще болѣе усилилось въ отношеніи къ русскимъ родословнымъ людямъ. Какъ нѣмецъ, онъ вообще смотрѣлъ на русскихъ съ пренебреженіемъ, что и выказалъ вполнѣ, получивъ въ руки ту обширную власть, которая была ему не подъ силу ([10]).

([10]) Hempel, «Merckwürdiges Leben des, unter dem Namen des Grafen v. Biron, weltbekannten Ern. Joh. Bürens, gewesenen Regentens des Russischen Reichs.» 2-e Aufl. «Braunschw. u. Leipz., 1742.—Эта біографія представляетъ положительный панегирикъ Бирону, сообщая нѣсколько весьма любопытныхъ фактовъ изъ жизни регента; біогр. данныя до

Одновременно съ пребываніемъ въ Курляндіи Морица Саксонскаго и сближеніемъ съ Бирономъ, Анна Іоанновна, какъ мы видѣли, познакомилась еще съ двумя личностями, кототорымъ суждено было впослѣдствіи сыграть діаметрально-противоположныя роли не только въ жизни Анны Іоанновны, но и въ исторіи всей Россіи—съ княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгорукимъ и графомъ Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ. Въ то же время она была въ сношеніяхъ со многими людьми, стоявшими у кормила правленія русскаго государства, заискивала въ нихъ и писала имъ униженныя и ласкательныя письма. Этими людьми были: всесильный при Екатеринѣ I-й и въ началѣ правленія Петра II—князь Меншиковъ, и сильный во всѣ правленія А. И. Остерманъ.

Анна Іоанновна пишетъ посланія не только къ самому Ижорскому князю, нанесшему столько оскорбленій ея чувству и самолюбію во время исканій Морицомъ Саксонскимъ ея руки и курляндской короны,—но и къ женѣ Меншикова къ свояченицѣ, къ сыну, и къ дочери—первой невѣстѣ отрока-императора. Всѣхъ этихъ сильныхъ лицъ хочетъ задобрить въ свою пользу несчастная вдовица. Въ теченіи одиннадцати лѣтъ, съ 1716 по 1727 годъ, до самаго паденія „прегордаго Голіаѳа" (такъ называли современники Меншикова)—Анна Іоанновна весьма аккуратно поздравляетъ, какъ самого Александра Даниловича, такъ и его родныхъ, съ новымъ годомъ и пасхой, съ семейными праздниками свѣтлѣйшаго князя, съ рожденіемъ у него новыхъ чадъ, съ его служебными повышеніями и

возвышенія Бирона обслѣдованы весьма основательно.—См. Характеристики Бирона у де-Лиріа, *ркп*.. с. 149—150, и въ письмахъ леди Рондо. (изд. Шубинскаго, стр 108). Отзывы о Биронѣ фельдмаршала Миниха (См. его Записки изд. Шубинскаго, с. 67—68) и Манштейна (См. Записки изд. «Русской Стар.» с. 31—32) пристрастны и представляютъ герцога Эрн. Іоганна не въ настоящемъ свѣтѣ. Эти отзывы, на основаніи которыхъ создалось у большинства представленіе о Биронѣ, обусловливаются недружелюбными къ нему отношеніями Миниха и адъютанта послѣдняго. Манштейна.—Сравн отзывъ о Биронѣ Кн. М. М. Щербатова въ его трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». (Р. Стар. 1870 г., т. II, с. 51—52 перваго изданія).

награжденіями, etc. etc., благодаритъ „за милостивыя писанія", справляется о здоровьѣ „государя-дядюшки" и государыни-тетушки", проситъ „милостивой протекціи" себѣ, своей матери и сестрамъ и ходатайствуетъ о разныхъ своихъ дѣлишкахъ. Тонъ этихъ писемъ самый заискивающій, самый жалостливый. Вотъ напримѣръ, какъ заканчиваетъ Анна Іоанновна письмо къ свояченицѣ Меншикова, В. М. Арсеньевой, писанное въ то время, когда дочь Ижорскаго князя была невѣстой Петра II.

«Себяжъ повергаю (въ)вашю милость и въ милостивое претстателства за меня свроію у іхъ светластн (т. е. у Меншикова съ женой) і у Государыни Ее Высочества моей дарагой Государыни племянницы (невѣсты императора), въ чемъ несумненною надежду имею на вашу милость, какъ на самово Бога и пресветую Богородицу, і пребываю з достойнымъ рееспектомъ вашей милости верная и ко услугамъ должная Анна» ([11]).

Письма къ Остерману болѣе дѣловаго характера и не столь униженнаго тона. Вотъ, напримѣръ, одно изъ нихъ отъ 30 декабря 1727 года.

«Андрей Івановичъ! Чрезъ вашего сиятелства ко мне склонную любовь получила я Его Імператорского Величества і Ея Высочества Государыни Великой Княжны милостивые писан(ь)и, при томъ і вашего сиятелства, за что і за вся вашего сиятельства ко мне многие благодеянние попремногу благодарствую. І впредь ваше сиятельство прошю неотменно меня въ сво(е)й склонной любви і протекци(і) содержать; а я есмь і во весь животъ мой пребуду со многимъ почтениемъ вашего сиятелства доброжелательная і къ службе готовая Анна» ([12]).

Если Анна Іоанновна относилась такъ къ людямъ власть имѣющимъ, то конечно, еще съ бо́льшимъ униженіемъ писала она къ своимъ царственнымъ родственникамъ: къ государю-дядюшкѣ Петру Алексѣевичу, къ государынѣ-тетушкѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и къ Петру II-му. Кромѣ того, Анна Іоанновна пишетъ и къ второстепеннымъ членамъ царскаго дома: къ цесаревнамъ Аннѣ и Елизаветѣ,

---

([11]) «Письма Русскихъ Государей», изд. коммис. печат. госуд. грамотъ и договор., в. IV, с. 201.—Всѣ предъидущія и послѣдующія подробности о перепискѣ Анны Іоанновны за время пребыванія ея въ Курляндіи—заимствованы нами изъ этого же изданія; мы приводимъ указанія только на подлинныя мѣста изъ писемъ Анны Іоанновны.

([12]) Ibid., стр. 235.

къ Натальѣ Петровнѣ, къ Натальѣ Алексѣевнѣ (сестрѣ Петра II) и даже къ трехъ-лѣтнему младенцу, сыну Петра Великаго, царевичу Петру Петровичу. Въ письмахъ къ Петру Великому Анна Іоанновна выражается почтительно-офиціально, поздравляя его съ церковными и семейными праздниками и прося извѣщеній о его здоровьи. Изъ тридцати писемъ ея къ царю, съ 1717 г. до самой его кончины, Анна Іоанновна только одинъ разъ рѣшилась обратиться съ просьбой о своихъ денежныхъ дѣлахъ: въ 1724 году проситъ она его о пожалованьи ей на десять лѣтъ состоящихъ въ арендѣ „амтовъ" на уплату долговъ и на исправленіе домашнихъ нуждъ. Петръ Великій не любилъ нѣжностей и смотрѣлъ на Анну Іоанновну, какъ на пассивное орудіе своихъ цѣлей и предначертаній. Безъ его разрѣшенія Анна Іоанновна не имѣла права выѣзжать изъ Курляндіи, а когда, при начавшихся недоразумѣніяхъ между герцогомъ Фердинандомъ и курляндскимъ рыцарствомъ, пошли со стороны приверженцевъ герцога разныя интриги и инсинуаціи противъ Россіи,—Петръ принялъ крутыя мѣры и велѣлъ Аннѣ Іоанновнѣ выѣхать изъ Митавы въ Ригу, гдѣ она и прожила почти годъ, съ августа 1720 по май 1721 года.

Гораздо интимнѣе и откровеннѣе переписка Анны съ Екатериной, женщиной несомнѣнно доброй и принимавшей живое участіе въ положеніи курляндской герцогини. Съ ней бесѣдуетъ она запросто о своихъ домашнихъ дѣлахъ, называя ее въ письмахъ „тетушка-матушка", „свѣтъ мой", „радость моя". Анна Іоанновна жалуется на своего дядю, Василія Θеодоровича Салтыкова, приводившаго въ ужасъ курляндцевъ своимъ поведеніемъ во время пребыванія въ Митавѣ. Она посвящаетъ императрицу въ разныя сплетни, которыя произошли между нею и ея матерью, царицею Прасковьею, и проситъ помирить ихъ между собою.

«Істенна, матушка моя, донашу: несноз(с)на, какъ нами ругаютца!»—пишетъ Анна Іоанновна 4 іюля 1719 г. Екатеринѣ.—«Еслибы я тапере была при матушки, чаю-бы чуть была жива отъ іхъ смутакъ; я думаю, і сестрица отъ нихъ, чаю, сокрушилась. Не оставь, моі светъ, сіе въ своеі миласте!»—Также ісволили вы, светъ моі, приказовать комне: нетъ ли нужды мне въ чомъ здесь?»—продолжаетъ Анна Іоанновна въ томъ же письмѣ.—«Вамъ, матушка моя, ізвесна, што у меня ничево нетъ, краме што съ воли вашеі выписаны штофы; а ежели къ чему случеі

позаветъ, і я не імею нароче(н)тыхъ алмазовъ, ни кружевъ, ни полотенъ, ни платья нарочетава: і въ томъ ко мне іcволте учинить, матушка моя, по высокаі своеі милости і(зъ) здешнихъ пошленыхъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ и столъ свой въ гот(д)ъ содержать. Также определенъ по вашему указу Бестужевъ сынъ ка мне обаръ-камаранъ-юнкаромъ і живетъ другой годъ бе(зъ) жалованья, і проситъ у меня жалованья; я вы, светъ моі, какъ іcволите? І прошу, матушка моя, не прогнева(й)ся на меня, што утрудила сваімъ писмомъ, надеючи на миласть вашу къ себе. Еще прошу, свѣтъ мой, штобъ матушка не ведала ничево і кладусь (въ) волю вашу: какъ, матушка моя, ізволишь са мною. При семъ племянница ваша Анна кланеюсь» (13).

Анна Іоанновна изрѣдка посылаетъ Екатеринѣ презенты: то штофной матеріи ко дню рожденія, то табакерку, и проситъ ходатайствовать по своимъ нуждамъ передъ Петромъ; на первомъ планѣ стоитъ желаніе отлучиться на время изъ Митавы въ Петербургъ. Она очень хотѣла навѣстить больную при смерти мать, но не успѣла: царица Прасковья умерла безъ нея. Опечаленная кончиной матери, Анна Іоанновна проситъ у Екатерины позволенія прибыть на ея коронацію въ 1724 году; получивъ это позволеніе, она снова обращается къ Екатеринѣ съ просьбой прислать ей образецъ платья для предстоящаго торжества. Съ поздравленіемъ о восшествіи на престолъ Екатерины Анна Іоанновна посылаетъ Бирона.

Анна Іоанновна жила въ Митавѣ скромно и тихо. Рыцарство ее полюбило и относилось къ ней почтительно, признавая ее принцессой очень умной. У нея составился кружокъ интимныхъ лицъ и изъ курляндцевъ, и изъ русскихъ. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ кружокъ, мѣтко названный покойнымъ С. М. Соловьевымъ, „Бестужевскимъ кружкомъ“. Во главѣ этого кружка находился гофмейстеръ Анны Іоанновны, Петръ Михайловичъ Бестужевъ, а самый кружокъ состоялъ изъ двухъ его сыновей: Михайлы и Алексѣя, и двухъ дочерей—дѣвицы Екатерины Петровны, фрейлины Анны Іоанновны, и княгини Аграфены Петровны, бывшей замужемъ за княземъ Никитою Ѳеодоровичемъ Волхонскимъ. Къ кружку принадлежали также: членъ военной коллегіи Егоръ Ивановичъ Пашковъ, Иванъ Семеновичъ Черкасовъ, знаменитый „арапъ Петра Великаго“ Абрамъ Петро-

(13) Ibid., стр. 40.

вичъ Ганнибалъ и др. Михаилъ и Алексѣй Петровичи Бестужевы,—видные дѣятели елизаветинскаго царствованія, особенно послѣдній,—занимали и въ описываемое время важные дипломатическіе посты резидентовъ, первый въ Варшавѣ, а второй въ Копенгагенѣ. Алексѣй Петровичъ Бестужевъ былъ вскорѣ опредѣленъ оберъ-камеръ-юнкеромъ ко двору Анны Іоанновны. Особымъ расположеніемъ герцогини пользовалась сестра Бестужевыхъ, княгиня Аграфена Петровна Волхонская, женщина очень умная, большая хозяйка, по несчастію вышедшая замужъ за человѣка вполнѣ ея недостойнаго, кутилу и мота, потѣшавшаго Анну Іоанновну своими глупыми выходками и ставшаго наконецъ ея оффиціальнымъ придворнымъ шутомъ.

Всѣ лица Бестужевскаго кружка отъ души ненавидѣли Меншикова. Они вели между собой переписку, въ которой откровенно выражали свои мнѣнія о всесильномъ временщикѣ. Большинство изъ нихъ поплатилось за это ссылкой. Запутанные Меншиковымъ въ дѣло Девьера и Толстаго, всѣ они были разосланы по деревнямъ, а иные и въ дальніе города на службу; уцѣлѣли только самъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ, да его два сына ([14]). Едва миновала ихъ гроза и самый ихъ врагъ находился уже въ Березовѣ, какъ ударъ готовился съ другой стороны. На этотъ разъ онъ послѣдовалъ отъ Бирона, который видѣлъ въ Петрѣ Михайловичѣ опаснаго себѣ соперника. Въ 1727 году на него поданъ доносъ, обвинявшій его въ служебныхъ злоупотребленіяхъ. Вызванный въ Петербургъ, онъ былъ обвиненъ наряженной надъ нимъ особой комиссіей и спасенъ только личнымъ заступничествомъ Анны Іоанновны передъ Остерманомъ ([15]).

([14]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ неизданной статьи Г. В. Есипова (по архивнымъ документамъ): «княгиня А. П. Волхонская» и по выпискамъ изъ ея дѣла, сообщеннымъ Л. Н. Майковымъ.—К. И. Арсеньевъ («Царствованіе Петра II», с. 78 и примѣчаніе 54) неправильно считаетъ Бестужевскій кружекъ противникомъ царевенъ дома Іоанна и въ особенности Анны Іоанновны.

([15]) «Письма Русскихъ Государей», в. IV, с. 154—156, 164—203.—Сен Арх., Указы В. Т. С. за 1727 и 1728 гг.—Неизданная статья Г. В. Есипова о кн. Волхонской.

Анна Іоанновна рѣдко покидала свое митавское уединеніе. Она была въ Москвѣ на коронаціи Екатерины I-й, затѣмъ посѣщала Петербургъ и Москву по самымъ важнымъ своимъ дѣламъ: въ 1726 году она ѣздила хлопотать о своей свадьбѣ съ Морицомъ Саксонскимъ, въ 1727 году лично ходатайствовала за Петра Михайловича Бестужева, въ 1728 году присутствовала на коронаціи Петра II. Она не порывала связи съ русскими и съ Россіей: многіе знали ее въ Москвѣ, съ нѣкоторыми изъ старинныхъ и знатныхъ русскихъ фамилій она даже находилась въ родствѣ; по отцу и по матери Матюшкины и Салтыковы были ей самой близкой родней, а по нимъ она считалась родствомъ съ князьями Ромодановскими, Долгорукими, Голицыными, Трубецкими, Борятинскими, графами Головкиными и съ Ягушинскимъ ([16]).

(16) Ркп. Малиновскаго «Управленіе Всеросс. имперіей во время бывшаго В. Т. С.»; спос. печатные протоколы В. Т. С.—О родственныхъ отношеніяхъ между всѣми этими фамиліями и о родствѣ ихъ съ Анной Іоанновной находятся свѣдѣнія въ настоящемъ трудѣ: во II-й главѣ (о кн. Ромодановскомъ и о Головкиныхъ), а также и въ VII-й.

IV.

ВЕРХОВНИКИ И ШЛЯХЕТСТВО СЪ 20 ЯНВАРЯ ПО 2 ФЕВРАЛЯ.

Противники верховниковъ.—Отправленіе Ягужинскимъ въ Митаву П. С. Сумарокова и другіе гонцы, посланные къ Аннѣ Іоанновнѣ.—Рейнгольдъ ф. Лёвенвольде и С. А. Салтыковъ.—Сторонники Анны Іоанновны.—Слухи о ея избраніи.—Шляхетскіе кружки и ихъ политическія воззрѣнія.—Сторонники Евдокіи Θеодоровны, голштинскаго принца, Елизаветы Петровны и Екатерины Іоанновны мекленбургской.—Впечатлѣніе, произведенное избраніемъ Анны Іоанновны.—Роль князя Д. М. Голицына.—Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 20 Января по 2 Февраля.

Происшествія ночи съ 18 на 19 января и утра 19 января 1730 года не только не успокоили взволнованныхъ умовъ московскаго общества, но еще усилили тревожное ихъ настроеніе. Какъ верховники ни желали скрыть сущности своего ночнаго совѣщанія въ Лефортовскомъ дворцѣ, какъ ни старались они прикрыться участіемъ въ избраніи Анны Іоанновны всѣхъ сословій: синода, сената, генералитета и шляхетства—истина проникала чрезъ поставленныя ей преграды, но, не имѣя свободнаго выхода, распространялась въ извращенномъ видѣ.

Архіереи, удаленные верховниками изъ Лефортовскаго дворца ночью 19 января, сановники, не приглашенные ими въ совѣщаніе, шляхетство, оставшееся совсѣмъ безъ голоса при избраніи Анны Іоанновны—весьма враждебно-настроенными противъ верховниковъ. Самолюбіе всѣхъ ихъ было задѣто за живое и задѣто болѣзненно.

Θеофанъ Прокоповичъ на своемъ оригинальномъ языкѣ, полномъ злобы и юмора, живо рисуетъ намъ общее недо-

вольство на „всенощное оной затѣйки ухищреніе“ — такъ называетъ онъ ночное засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. „Сіе коварство ихъ (верховниковъ) потому не тайно“, — говоритъ онъ — „что они не думали видѣть народное владѣтельство, кое обычно вольною республикою называютъ, но всю крайнюю силу осьмиличному своему совѣту учреждали, который владѣнія образъ, въ толь маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарѣщись владѣтельство избранныхъ, греческа аристократія, но развѣ сковничѣская тиранія или насильство, которая олигархія у еллиновъ именуется“ (¹). Мы видѣли, какъ во время ночнаго совѣщанія верховниковъ, перешептывались между собою сенатъ и генералитетъ и указали на любопытный разговоръ Ягушинскаго съ княземъ С. Г. Долгорукимъ. Ягушинской, оскорбленный пренебреженіемъ къ нему верховниковъ, которые не спросили его мнѣнія при избраніи преемницы Петру II, не остановился на словахъ. Онъ перешелъ къ дѣлу.

20 января Ягушинской призвалъ къ себѣ Петра Спиридоновича Сумарокова, камеръ-юнкера голштинскаго герцога (²) и далъ ему рекомендательное письмо къ Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву, вручивъ притомъ изрядную сумму денегъ.

(¹) Ѳеофанъ «Сказаніе», с. 196.

(²) Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, по свидѣтельству Манштейна, во все время царствованія Анны Іоанновны оставался безъ должности и жилъ въ нищетѣ (Зап. Манштейна, изд. Русск. Стар., с. 23). Нерасположеніе къ нему Анны Іоанновны объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Сумароковъ былъ камеръ-юнкеромъ ненавистнаго ей голштинскаго двора. При Елизаветѣ Петровнѣ онъ начинаетъ возвышаться: назначенный по ея воцареніи камергеромъ наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича, въ 1746 г. онъ является шталмейстеромъ, а въ 1761 г. оберъ-шталмейстеромъ; кромѣ того, одно время состоитъ директоромъ шляхетнаго кадетскаго корпуса.—Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ † 12 декабря 1780 г., въ чинѣ генералъ-аншефа и кавалеромъ орденовъ Андреевскаго и Александровскаго. Онъ былъ близкій родственникъ извѣстнаго драматурга и сатирика эпохи Елизаветы и Екатерины, Александра Петровича Сумарокова (Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1847 г., III, с. 372.—Родосл., изд. Рус. Стар., с. 100.—Письмо къ П. С. Сумарокову графа Н. И. Панина, Рус. Стар. 1876. XVI, 579).—Смот. также «Записки отжившаго человѣка» А. С(умароко)ва», В. Евр. 1871, т. IV, с. 700.—Кн. П. В. Долгорукой утверждаетъ, что П. С. Су-

— „Не жалѣй денегъ и поѣзжай какъ можно скорѣе въ Митаву“,—говорилъ Ягушинской Сумарокову, отдавая письмо.

Сумароковъ, ничего незнавшій объ отъѣздѣ „депутатовъ“, просилъ Ягушинскаго дать ему письмо къ бригадиру Полибину (завѣдывавшему почтами) о подводахъ ямскихъ, или почтовыхъ, но Ягушинской отказалъ исполнить эту просьбу.

— „Можетъ быть поѣхалъ князь В. Л. Долгорукой и, по всей вѣроятности, заказано никуда никакихъ подводъ не давать“—говорилъ онъ Сумарокову.

— „Передай мой всеподданнѣйшій поклонъ ея величеству“—продолжалъ Ягушинской—„и притомъ донеси.... Затѣмъ слѣдовала цѣлая инструкція о томъ, что̀ долженъ донести Сумароковъ.

Ягушинской убѣждалъ курляндскую герцогиню вѣрить не всему, что̀ станутъ представлять князь В. Л. Долгорукой и „которые съ нимъ поѣхали“ и завѣрялъ ее, что истину она узнаетъ только, когда сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь В. Л. Долгорукой будетъ принуждать герцогиню подписываться подъ „пунктами“ и увѣрять ее, что „пункты“ составлены отъ всего собранія и согласія народа, тобъ ея величество просила отъ „посланныхъ трехъ персонъ такаго письма за подписаніемъ рукъ, что они отъ всего народу оное привезли“; „а ежели они такаго письма дать не похотятъ, тобъ объявила, что ея величество оное учинитъ по волѣ ихъ только тогда, когда она прибудетъ къ Москвѣ“, когда она удостовѣрится, что именно все такъ, какъ они представляютъ.

Ягушинской предусмотрѣлъ даже возможную угрозу со стороны „трехъ персонъ“. Онъ предупредилъ Сумарокова и о томъ, какъ поступать Аннѣ Іоанновнѣ въ случаѣ, если „три персоны станутъ стращать, что они властны избрать другаго“, если Анна Іоанновна не подпишетъ „пунктовъ“. И при этой угрозѣ онъ убѣждалъ ее „крѣпиться до

мароковъ въ 1764 г. поссорился съ Орловыми, вслѣдствіе чего вышелъ въ отставку и переселился на жительство въ Москву, гдѣ и умеръ восьмидесяти лѣтъ отъ роду, въ 1780 г. («Memoires du pr. P. Dolgoroukow», Genève 1857, I, 319—320).

того, пока они своей руки письмо дадутъ, что отъ всего народу оные пункты привезены". Только такое удостовѣреніе можетъ убѣдить Анну Іоанновну въ томъ, что, по пріѣздѣ ея въ Москву, дѣйствительно окажется, что она избрана всѣмъ народомъ. Ягушинской очевидно ничего не зналъ о той прибавкѣ въ началѣ „пунктовъ" о всенародномъ избраніи, которая была сдѣлана кн. Д. М. Голицинымъ и В. Л. Долгорукимъ въ утреннемъ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19 января.

— „Очень можетъ быть",—осторожно прибавилъ Ягушинской,—„что „три персоны" будутъ уклоняться отъ такаго удостовѣренія, потому что, *можетъ быть* „не во многихъ персонахъ оное учинено"—однако, чтобъ ея величтство была благонадежна, что *мы всѣ* ея величеству желаемъ прибытія въ Москву".

„Ежели ея величество спроситъ меня,—кто въ совѣтѣ тутъ былъ, что я долженъ отвѣчать?" — обратился Сумароковъ съ вопросомъ къ Ягушинскому.

Ягушинской уклонился отъ прямаго отвѣта.

— „Много тутъ большихъ было" — отвѣчалъ онъ, а кто именно большіе, того не сказалъ.

— „Храни себя и меня"—заключилъ свою бесѣду Ягушинской.—„Постарайся какъ можно, чтобъ увидѣть ея величество тайно и оное объявить".

„Какъ мнѣ поступать ежели у меня будутъ требовать подорожную?"—спросилъ Сумароковъ.

— „Все то дѣлай черезъ деньги"—коротко и ясно отвѣчалъ Ягушинской.

Вслѣдъ за бесѣдой съ Ягушинскимъ, вечеромъ того же 20 января, Сумароковъ выѣхалъ изъ Москвы. Онъ нанялъ двѣ парныя подводы у Ивана, назвавшагося каменьщикомъ, дворъ котораго находился у Яузскихъ воротъ. На заставѣ у Черной Грязи онъ былъ задержанъ, при чемъ объявилъ караульному сержанту, что онъ камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога и ѣдетъ къ себѣ въ деревню. Продержавъ его на станціи часа 3—4, сержантъ отпустилъ съ тѣмъ однако, чтобъ онъ возвратился въ Москву. Отъѣхавъ отъ Черной Грязи назадъ верстъ 5—6, Сумароковъ послалъ въ село Черкизово нанять новаго извощика. Съ новымъ извощикомъ онъ объѣхалъ Черную Грязь, между тѣмъ какъ его московскій Иванъ проселкомъ пробрался со сво-

ими лошадьми до заставы на слѣдующей станціи; съ нимъ Сумароковъ доѣхалъ до с. Пѣшекъ, а оттуда бралъ вольныхъ вощиковъ, по тогдашнему выраженію „копѣечныхъ", доѣхалъ такимъ образомъ до Новгорода—и отправился затѣмъ дальше. На пятидесятой верстѣ за Новгородомъ нагналъ его курьеръ польскаго посла Лефорта, отправленный съ реляціями въ Варшаву и выѣхавшій изъ Москвы 19 января. У курьера были два паспорта: одинъ, выданный изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, за подписью канцлера Головкина, въ которомъ онъ названъ купцомъ, другой—Лефортомъ на его настоящее званіе. Сумароковъ не замедлилъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и рѣшилъ продолжать свой путь вмѣстѣ съ курьеромъ. Для этого онъ вернулся въ Новгородъ и отправился съ курьеромъ на Псковъ до Риги. На одной изъ станцій Сумароковъ зашелъ въ корчму, гдѣ караульный капралъ спросилъ у него подорожную.

— „У меня нѣтъ подорожной"—отвѣчалъ Сумароковъ,—„а есть паспортъ, выданный отъ герцога голштинскаго"—причемъ отдалъ паспортъ капралу.

Капралъ не могъ его прочесть (вѣроятно, паспортъ былъ написанъ по-нѣмецки) и передалъ комиссару, которому все это показалось довольно подозрительнымъ, и хотя онъ и выдалъ подводы Сумарокову и курьеру, но рѣшился самъ проводить ихъ до Митавы. Къ счастію для Сумарокова, ничего худаго изъ этого не произошло (³).

Сумароковъ пріѣхалъ въ Митаву 25 января, но „три персоны", т. е. депутаты, прибыли туда нѣсколькими часами ранѣе (⁴).

(³) Государ. Арх., разд. III, д. № 6, л. 13—15.

(⁴) Ibid.—Кн. Долгорукой и Голицынъ пишутъ Верховному Совѣту, что Сумароковъ прибылъ въ Митаву 27 января, но при этомъ же своемъ сообщеніи присылаютъ допросъ, снятый съ него 26 января.—Лефортъ говоритъ, что Сумароковъ прибылъ тремя часами позже депутатовъ. (Сб. Р. Ист. Общ., V, 350).—«Не знаю, какими путями»—пишетъ Манштейнъ—«кн. Долгорукій узналъ, что изъ Москвы пріѣзжалъ посланный (Сумароковъ) и имѣлъ свиданіе съ императрицей до депутатовъ. Онъ приказалъ розыскать его и, слыша, что посланный уже отправился обратно, послалъ за нимъ въ погоню; его и привезли обратно въ Митаву». (Зап. Манштейна, изд. Р. Стар., с. 22).

Отправка Сумарокова не была тайной для нѣкоторыхъ лицъ. О ней знали приближенные Ягушинскаго и его единомышленники. Въ числѣ первыхъ были: адъютантъ Ягушинскаго Иванъ Окуневъ, состоявшій при немъ Свѣшниковъ и его же секретарь Аврамъ Полубояровъ; ко вторымъ принадлежали: весьегонскіе помѣщики Корсаковы (Петръ и Воинъ, ихъ мать и сестра, а также жена Петра Корсакова), Алексѣй Аргамаковъ съ женою, камеръ-юнкеръ Семенъ Нарышкинъ, гофъюнкеръ Левъ Кайсаровъ, Василій Дурной и кавлергардъ Иванъ Чаплыгинъ (⁵).

Не одинъ Ягушинской увѣдомилъ Анну Іоанновну о поѣздкѣ трехъ депутатовъ съ „кондиціями"; съ тѣми же извѣстіями поскакали въ Митаву гонцы отъ Рейнгольда Лёвенвольде и Ѳеофана Прокоповича. Гонецъ Лёвенвольде опередилъ депутатовъ, и отъ него Анна Іоанновна узнала всю истину (⁶). Такимъ образомъ, мы видимъ уже нѣсколько лицъ, давшихъ знать Аннѣ Іоанновнѣ о замыслахъ верховниковъ. Къ числу усердныхъ ея сторонниковъ въ Москвѣ, принадлежали также С. А. Салтыковъ и А. И. Остерманъ. О Ягушинскомъ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Остерманѣ мы говорили выше, а потому остановимся здѣсь на новыхъ для насъ личностяхъ Рейнгольда Лёвенвольде и С. А. Салтыкова.

Рейнгольдъ фонъ Лёвенвольде, потомокъ старинной лифляндской фамиліи, занималъ должность резидента герцога курляндскаго Фердинанда при русскомъ дворѣ. Онъ представлялъ собою типъ тѣхъ иноземцевъ, которые при Петрѣ Великомъ держали себя тише воды, ниже травы, а въ послѣдующія царствованія, въ особенности при Аннѣ Іоанновнѣ, стали рѣшителями судебъ русскаго народа. Онъ не зналъ и не хотѣлъ знать Россіи, ему были чужды интересы и заботы русскихъ людей, но онъ не могъ не замѣчать, что въ Москвѣ готовится что-то небывалое, и инстинктъ подсказывалъ ему, что это что-то будетъ неблаго-

---

(⁵) Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 14—15.

(⁶) Записки Миниха-сына, с. 44—45; митр. Евгеній, Слов. духовныхъ писателей, біогр. Ѳеофана Прокоповича.—Снес. проповѣдь Ѳеофана Прокоповича, помѣщ. въ Ж. М. Н. Просв. 1836 г., т. IX.

пріятно для иноземцевъ. Рейнгольдъ Лёвенвольде, не отличаясь умственными качествами и обладая только красивою наружностью, былъ въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ внѣшняго лоска и внутренней испорченности. Къ нему можно приложить слова Евангелія: „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь окрашеннымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты". Испанскій посолъ де-Лиріа рѣзко обрисовываетъ Рейнгольда Лёвенвольде въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Онъ не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія своей цѣли и ни передъ чѣмъ не останавливался въ преслѣдованіи личныхъ выгодъ, въ жертву которымъ готовъ былъ принести лучшаго друга и благодѣтеля. Задачей его жизни былъ личный интересъ. Лживый и криводушный, онъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и тщеславенъ, не имѣлъ религіи и едва-ли даже вѣрилъ въ Бога". Красивая наружность создала ему положеніе. Екатерина I, обратившая вниманіе на красоту Лёвенвольде, сдѣлала его камергеромъ и графомъ. Онъ былъ образцовый придворный: всегда веселый и съ отличными манерами, Рейнгольдъ Лёвенвольде былъ центромъ всѣхъ придворныхъ баловъ и празднествъ, устраивать которые онъ былъ великій мастеръ. Страстный игрокъ въ карты, мотъ и щеголь,—онъ являлся непремѣннымъ участникомъ всѣхъ кутежей молодежи, а на балахъ покорялъ сердца придворныхъ красавицъ. Своей карьерой онъ былъ обязанъ женщинамъ. Въ 1730 г. онъ находился въ открытой связи съ красавицей Натальей Ѳеодоровной Лопухиной, которая впослѣдствіи такъ жестоко поплатилась за свою кокетливость. Его младшій братъ—Густавъ Лёвенвольде жилъ въ то время въ своемъ лифляндскомъ имѣніи и, если вѣрить молвѣ, былъ лицемъ очень близкимъ къ Аннѣ Іоанновнѣ. Къ нему-то отправилъ Рейнгольдъ Лёвенвольде гонца, прося предупредить Анну Іоанновну о замыслахъ верховниковъ (7).

---

(7) Родосл. Рус. Стар. I. с. 58.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 г., III. 166—169.—Де-Лиріа, «Характеристики», *ркп*, с. 150—151. Авторъ «Примѣчаній на записки Манштейна» утверждаетъ совершенно наоборотъ, что въ Москвѣ въ то время находился Густавъ Лёвенвольде, а въ своемъ лифляндскомъ имѣніи братъ его Рейнгольдъ.

Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, происходя отъ старшей вѣтви дома Салтыковыхъ, къ младшей вѣтви котораго принадлежала мать Анны Іоанновны,—былъ родственникомъ, хотя не близкимъ, вновь избранной императрицы. Не отличаясь дарованіями, Семенъ Андревичъ былъ ревностнымъ и аккуратнымъ служакой, точно исполнялъ возлагаемыя на него служебныя порученія, пользовался любовью подчиненныхъ и въ особенности солдатъ. Въ 1697 г., имѣя 25 лѣтъ отъ роду, онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ Англію и Голландію для изученія морскаго дѣла. Морскаго дѣла онъ не изучилъ, а поступилъ въ сухопутныя войска и хотя усердно служилъ во время шведской войны, но не быстро возвышался въ чинахъ: къ концу жизни Петра Великаго онъ былъ только генералъ-маіоромъ; въ царствованіе же Екатерины I, при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, сдѣланъ сенаторомъ и произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Не имѣя опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ съ одинаковою ревностью служилъ сначала Меншикову, а потомъ его врагамъ—Долгорукимъ (*).

(Рус. Стар. 1879 г. т. XXVI, с. 378). Братьевъ Лёвенвольде вообще плохо различаютъ между собою. Современные дипломаты называютъ того и другаго просто по фамиліи, а послѣдующіе мемуаристы, писавшіе на память, смѣшиваютъ ихъ по очень простой причинѣ: оба брата носили имя Густава—старшій *Рейнгольдъ*-Густавъ, а меньшой *Карлъ* Густавъ. Кромѣ этихъ двухъ Лёвенвольде былъ еще третій братъ, самый старшій *Фридрихъ-Казиміръ*, русскій уполномоченный въ Варшавѣ въ 1733 г., который долгое время отождествлялся съ Карломъ Густавомъ. (См. Бантыша-Каменскаго, Словарь, изд. 1836, т. III, с. 162—166 и статью І. П. Шишкина: «Братья Густавъ и Рейнгольдъ ф. Лёвенвольде». Рус. Слово 1862 г, № 5).—Приводимыя нами данныя основаны на свидѣтельствѣ Миниха-сына (См. его Записки, с. 44) и подтверждаются родословной Лёвенвольде (См. Родосл., изд. Рус. Стар., с. 60) и дѣлами Госуд. Архива (См. разд. III, д. № 7).—Карлъ-Густавъ Лёвенвольде не имѣетъ ничего общаго съ своимъ братомъ Рейнгольдомъ. Это былъ очень умный человѣкъ, талантливый дипломатъ и храбрый офицеръ. Онъ имѣлъ большую силу въ царствованіе Анны Іоанновны, отличаясь мѣстнымъ лифляндскимъ патріотизмомъ. Онъ † 1735 г.

(*) Долгор., Род. кн., II, 70—76; его-же, «Сказ. о родѣ кн. Долгор.» с. 222.—Голиковъ, Дѣян. Петра В., т. VI, 325; VII, 115.

Остерманъ былъ слишкомъ осторожевъ для того, чтобы войдти въ открытыя сношенія съ Анной Іоанновной, но, будучи весьма къ ней близкимъ человѣкомъ и смотря недовѣрчиво и презрительно на замыслы верховниковъ, онъ всѣми симпатіями своими стоялъ на сторонѣ ея самодержавія (⁹).

Всѣ эти лица были только случайными сторонниками Анны Іоанновны; но за ними стояла цѣлая масса людей, видѣвшихъ въ курляндской герцогинѣ законную наслѣдницу русскаго престола. Эти люди чтили въ ней потомство старшаго брата Петра Великаго, царя Іоанна Алексѣевича, и идеализировали ее въ своемъ воображеніи: имъ приходились по-сердцу благочестіе и набожность Анны Іоанновны, и они приписывали ей разныя высокія добродѣтели, а ея избраніе признавали чудомъ Божіимъ, ниспосланнымъ ей за долготерпѣніе. Самые крайніе изъ людей этого образа мыслей выражали даже мнѣніе, что Петръ Великій и его потомство царствовали неправильно, и видѣли въ смертныхъ случаяхъ, бывшихъ въ его семействѣ, наказаніе Божіе за присвоеніе престола при жизни старшаго брата. Царствованія Петра Великаго, Екатерины I и Петра II представлялись этимъ людямъ испытаніемъ, которому Провидѣніе подвергало Анну Іоанновну исключительно для того, чтобы со временемъ торжественно проявить ея права на престолъ (¹⁰).

Сторонники Анны Іоанновны распространяли въ ея пользу разные слухи, которые находили себѣ мѣсто въ депешахъ иностранныхъ пословъ: „Русская нація не могла

330—331; VIII, 394; IX, 96; X, 58, 157; XIII, 346, 641.—Сен. Арх., имен. ук., кн. XXIX; ук. В. Т. С. за 1727 и 1729 гг.—Де-Ліріа, «Характеристики», *рукп.*, с. 155.

(⁹) Hempel, Ostermans Leben, 2-e Aufl., Bremen 1743, S. 302—313 —«Послѣ многихъ споровъ была избрана въ императрицы вдовствующая герцогиня курляндская»—пишетъ прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ—«что для барона ф. Остермана большое счастіе, або она всегда была расположена къ нему, а онъ былъ ея близкимъ другомъ». (Сб. Р. Ист. Общ., XV, 403).—См. также депеши Лефорта, ibid. V, 343 и 353.

(¹⁰) Эти воззрѣнія сообщены въ нѣмецкомъ литературно-публицистическомъ произведеніи того времени: «Nationen Gespräche, oder curieuse Discurse über die jetzigen Conjuncturen und wigtigsten Begebenheiten». См. 23 Entrewue, Berlin 1730, S 430—431.

выбрать лучшей государыни"—писалъ испанскій посолъ де-Лиріа.—„Герцогиня курляндская 36-ти лѣтъ отъ роду, очень величественной, представительной наружности, очень любезна, отличается большимъ умомъ и поистинѣ достойна трона" ([11]). „Хотя герцогиня курляндская",—пишетъ тотъ-же дипломатъ,—„провозглашена и признана царицей, но еще сомнѣваются, приметъ-ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣланъ съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми; но я не сомнѣваюсь, что приметъ, потому что, не говоря уже о пріятности царствовать, однажды получивши власть, она легко сброситъ иго" ([12]). Почти то-же утверждаетъ и французскій резидентъ, говоря: „Ограниченіе заставляетъ сомнѣваться, приметъ-ли герцогиня курляндская избраніе, но есть полное вѣроятіе предполагать, что привлекательность власти и надежда свергнуть со временемъ иго, налагаемое на избранную, не дозволятъ ей отказаться отъ трона, который доставляется ей судьбою" ([13]).

О подробностяхъ избранія Анны Іоанновны, объ условіяхъ ей предложенныхъ, о цѣли поѣздки депутатовъ въ Митаву—не знали ничего опредѣленнаго. Разсказывали, напримѣръ, что Анну Іоанновну назначилъ своей преемницей умиравшій отрокъ-императоръ, вслѣдствіе чего избраніе курляндской герцогини являлось исполненіемъ его воли; другіе заявляли, что избраніе произошло по иниціативѣ верховниковъ, при чемъ иниціативу эту приписывали многимъ изъ нихъ—и канцлеру Головкину, и А. И. Остерману, и князю Д. М. Голицыну, и князю В. Л. Долгорукому. О побужденіяхъ этихъ лицъ передавали также различные слухи: говорили, что князь В. Л. Долгорукой, пользовавшійся въ бытность свою въ Курляндіи расположеніемъ Анны Іоанновны, намѣренъ на ней жениться и провозгласить себя правителемъ государства. О „кондиціяхъ" передавали въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, утверждая что онѣ направлены къ улучшенію государственнаго правленія. Иные полагали, что „кондиціи" будутъ предложены Аннѣ Іоанновнѣ по ея пріѣздѣ въ Моск-

---

([11]) Де Лиріа, XVIII в., III, 28.

([12]) Ibid., 30.

([13]) Tourgueneff., III, 259.

ву, другіе—что онѣ отправлены въ Митаву съ депутатами; по словамъ же третьихъ депутаты были отправлены только для объявленія Аннѣ Іоанновнѣ о „кондиціяхъ“ и сопровожденія ея въ Москву. Имена депутатовъ съ точностью не были извѣстны: по однимъ слухамъ въ числѣ ихъ, кромѣ дѣйствительно поѣхавшихъ трехъ лицъ, находились еще князь Н. Ю. Трубецкой и гвардіи капитанъ Еропкинъ; по другимъ—во главѣ депутаціи, состоявшей изъ четырехъ князей и одного генерала, былъ отецъ государыни-невѣсты, князь Алексѣй Долгорукой. О кондиціяхъ доносили только своимъ правительствамъ дипломатическіе агенты, но и то не точно и не полно, а на основаніи слуховъ. Гораздо уже позже, начиная съ конца января и кончая началомъ марта, сообщаютъ они копіи съ кондицій по частнымъ спискамъ (14).

Возбужденіе умовъ было сильное. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ изображаетъ Θеофанъ Прокоповичъ общее недовольство на олигархическіе замыслы осмиличнаго совѣта: „Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда не прійдешь, къ какому собранію не пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нарѣканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну, почитай, рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается, (отъ чего сохранилъ бы Богъ!), то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдство. Самымъ имъ господамъ нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное оное лице, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена, бѣдствовала“ (15).

---

(14) О всѣхъ этихъ слухахъ см. въ иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени: «Mercure historique et politique» 1730, v. 88, p. 234—235, 300—301; «Europaische Fama» 1730, Bd. 326, S 165, 297—298; «Politische Staats v. Europa» ан. авт. XVIII в., I, p. 428.—Де-Лиріа, XVIII в., III, 32. Подробности о кондиціяхъ, сообщенныя послами, см. въ I-мъ Приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(15) Θеофанъ «Сказаніе», с. 198—199.

Но далеко не всѣ противники верховниковъ примирялись съ избраніемъ Анны Іоанновны и далеко не всѣ изъ нихъ желали предоставить ей самодержавную власть. Среди противниковъ Верховнаго Совѣта можно замѣтить два направленія: первое было за ограниченіе власти, но при участіи выборныхъ отъ генералитета и шляхетства, второе—за сохраненіе самодержавія. Оба эти направленія подраздѣлялись еще на группы, стоявшія за разныхъ лицъ тогдашняго царскаго дома: одни желали видѣть на престолѣ первую, развѣнчанную, супругу Петра Великаго, царицу Евдокію Өеодоровну; другіе, опираясь на „тестаментъ" Екатерины I-й, стояли за принца голштинскаго Петра-Ульриха и за Елизавету Петровну; третьи, наконецъ, высказывались въ пользу герцогини мекленбургской Екатерины Іоанновны, старшей сестры курляндской герцогини. Въ числѣ сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ были люди и за самодержавіе, и за его ограниченіе.

Движеніе въ кружкахъ генералитета и шляхетства росло все болѣе и болѣе. Въ началѣ 1730 года приливъ шляхетства въ Москву былъ особенно значителенъ: 20 ноября 1729 г. совершилось торжественное обрученіе Петра II съ княжною Екатериною Долгорукою, а на 19 января 1730 г. было назначено самое его бракосочетаніе. По этому случаю въ Москву были собраны армейскіе полки съ ихъ генералами, полковниками и офицерами; туда же стремилось и провинціальное шляхетство, служащее и неслужащее, ради предстоявшихъ придворныхъ празднествъ ([16]). Юность импе-

---

([16]) П. Ө. Карабановъ, въ своемъ спискѣ русскаго генералитета въ началѣ 1730 г. (Восемнадцатый вѣкъ, сборникъ Бартенева, т. III, с. 161—171) насчитываетъ всего особъ *первыхъ четырехъ классовъ* (по табели о рангахъ) военныхъ и гражданскихъ чиновъ, 179 человѣкъ. Изъ указанныхъ имъ лицъ не всѣ находились въ то время въ Москвѣ: служебныя занятія удерживали нѣкоторыхъ въ Петербургѣ (какъ напр. Миниха, Фика, адм. Сиверса и др.) или на окраинахъ Россіи: въ Ригѣ, въ Архангельскѣ, въ Украйнѣ и Персіи. Нѣкоторые были въ отставкѣ, или лишены чиновъ, и жили въ своихъ деревняхъ, или въ ссылкѣ (какъ напр., извѣстный Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, находившійся въ деревнѣ, и петербургскій генералъ-полиціймейстеръ Девіеръ, сосланный въ Охотскъ). Иные изъ генералитета, какъ иностранцы, не принимали участія въ тогдашнихъ шляхетскихъ совѣщаніяхъ. А потому, выключая изъ списка Ка-

ратора, его бракъ съ природной русской княжной, злосчастная судьба его отца, царевича Алексѣя, недавняя опала всесильнаго Меншикова, быстрое и чрезмѣрное возвышеніе Долгорукихъ, усиленіе власти Верховнаго Совѣта—все это волновало шляхетство и возбуждало среди него говоръ, толки, суды и пересуды. Шляхетство стало группироваться въ кружки, въ которыхъ обсуждались перечисленные выше вопросы, причемъ мысли всѣхъ весьма естественно останавливались на „первомъ императорѣ" и на его дѣятельности; „новшества" Петра Великаго, подвергались строгой критикѣ. Люди родословные мечтали о возстановленіи правъ московскаго боярства, среднее шляхетство желало расширенія своихъ правъ. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ для того, чтобы опредѣлить съ точностью кружки, на которые распадалось шляхетство, и выяснить политическіе идеалы этихъ кружковъ. Прогрессисты и консерваторы, умѣренные

рабанова, во 1-хъ) всѣхъ верховниковъ, во 2-хъ) отсутствующихъ лицъ и въ 3-хъ) иностранцевъ—мы получимъ только восемьдесять семь человѣкъ изъ генералитета, принимавшихъ участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ.—О числѣ средняго и низшаго шляхетства, находившагося въ Москвѣ въ началѣ 1730 г., точныхъ свѣдѣній намъ собрать не удалось; поэтому представляемъ лишь нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить, что число это было весьма значительно. Подписи подъ присягами на вѣрность самодержавной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ бывшихъ въ Москвѣ войскъ наполняютъ нѣсколько страницъ въ большой листъ писчей бумаги. Въ дѣлѣ объ этихъ присягахъ Государственнаго Архива (разд. III, д. № 7) такими подписями покрыто 92 страницы, что составитъ приблизительно цифру около двухъ тысячъ человѣкъ.—По списку Карабанова (см. выше) военнаго генералитета приходилось на это число всего 46 человѣкъ.—Въ VII главѣ нашего изслѣдованія мы подробно остановимся на тѣхъ лицахъ изъ генералитета и шляхетства, которыя подавали отъ себя заявленія и проэкты; здѣсь же замѣтимъ только, что подъ разными проэктами подписалось 1218 человѣкъ. Въ присяжныхъ листахъ, кромѣ шляхетства служившаго въ военной службѣ, являются подписи: 1) смоленской шляхты, не смѣшивавшейся въ то время съ великорусскимъ шляхетствомъ (человѣкъ до 40), 2) шляхетства, служившаго въ гражданской службѣ (весьма не много), 3) чиновъ придворныхъ и 4) шляхтичей со старинными московскими чинами—жильца, стольника и комнатнаго стольника (жилецъ Никита Павловъ, стольникъ Стефанъ Костроминъ и комнатный стольникъ Татищевъ). См. вышеуказ. дѣло Госуд. Архива.

и радикалы, либералы и ретрограды, аристократы и демократы, монархисты и республиканцы—всѣ эти современные намъ термины европейскихъ политическихъ партій невыражаютъ тѣхъ оттѣнковъ въ воззрѣніяхъ, какіе дѣйствительно были у русскаго шляхетства въ 1730 г. Тщетно стали бы мы искать у него ясно сознаваемыхъ политическихъ идеаловъ, но въ его политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ нельзя не замѣтить отраженія тѣхъ историческихъ наслоеній, которыя представляютъ намъ русское вельможество и шляхетство первой половины XVIII в. Болѣзнь, а затѣмъ кончина Петра II прибавили новыя темы для политическихъ разговоровъ въ шляхетскихъ кружкахъ. Стали подвергаться обсужденію права разныхъ лицъ царскаго дома на престолонаслѣдіе и выражаться различныя мнѣнія объ измѣненіи государственнаго строя и формы правленія.

„Между тѣмъ произошло въ слухъ",—пишетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—„что другій родился союзъ, осьмоличному союзу противный. Знатнѣйшіи, сирѣчь изъ шляхетства, сноситься и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить; и для того по разнымъ домамъ, да ночною порою собирались". „Я въ то время",—продолжаетъ онъ—„всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что та къ намѣренію своему усмотрѣла? И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть незапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать. Другое мнѣніе кроткое было: дойти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина, однимъ и не многимъ, государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то предъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать, непріятно то и смрадно пахнетъ" ([17]).

„Испытавъ на опытѣ недавнее возвышеніе Долгорукихъ"—пишетъ французскій резидентъ Маньянъ около 26 января (6 февраля н. с.)—„русскіе опасаются могущества

([17]) Ѳеофанъ, «Сказаніе», с. 199—200.

временщиковъ и ихъ самовластнаго управленія, которое можетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока русскіе государи будутъ столь же неограниченны; вслѣдствіе этого хотятъ уничтожить самодержавіе, или крайне его ослабить участіемъ аристократіи. Въ виду этого, они въ нерѣшимости, какой образъ правленія избрать для Россіи; одни хотятъ ограничить права государя властью парламента, какъ въ Англіи, другіе—какъ въ Швеціи; иные полагаютъ учредить избирательный образъ правленія по примѣру Польши; наконецъ нѣкоторые думаютъ раздѣлить власть между вельможами государства, образовавъ аристократическую республику. Такимъ образомъ, передавая россійскій престолъ герцогинѣ курляндской, они намѣрены дать ей корону только въ пользованіе, ввѣривъ ей престолъ до той поры, пока они согласятся между собою на счетъ новой формы государственнаго правленія" ([18]).

„Всѣ, съ кѣмъ приходится говорить, выражаютъ различныя мнѣнія"—пишетъ тотъ же дипломатъ и отъ того же числа. По мнѣнію однихъ новой царицѣ слѣдуетъ предоставить только титулъ, а вся верховная власть должна быть сосредоточена въ Верховномъ Совѣтѣ, который будетъ имѣть исключительное право располагать должностями и войсками; по мнѣнію другихъ учрежденіе такого правленія не можетъ удовлетворить мелкое шляхетство, которое составляетъ въ этой странѣ весьма многочисленное сословіе,—вслѣдствіе этого необходимы нѣкоторыя условія для огражденія его отъ могущаго произойдти для него вреда" ([19]).

([18]) Tourgueneff, III, 259—260.

([19]) Ibid., 263.—Почти дословно съ Маньяномъ пишетъ испанскій посолъ герцогъ де-Лиріа. Вотъ его подлинныя слова: «Хотя принцесса Анна, герцогиня курляндская, провозглашена и признана царицей; но еще сомнѣваются, приметъ-ли она выборъ, потому что этотъ выборъ сдѣланъ съ нѣкоторыми ограниченіями, нѣсколько тяжелыми; но я не сомнѣваюсь, что приметъ: потому что, не говоря уже о пріятности царствовать, однажды получивши власть, она легко сброситъ иго. Во первыхъ хотятъ, чтобы она не выходила замужъ, во вторыхъ, чтобы ею руководствовалъ совѣтъ, назначаемый націей. Идея послѣдней та, чтобы считать царицу лицомъ, которому они отдаютъ корону какъ бы на храненіе,

„Въ настоящее время еще нельзя знать, какова будетъ новая форма правленія“—писалъ Маньянъ 2 февраля н. ст. „Относительно намѣреній старинныхъ русскихъ фамилій надо полагать, что онѣ воспользуются столь благопріятной конъюнктурой, чтобы избавиться отъ ужаснаго рабства, въ которомъ до сихъ поръ находились, ограничивъ самовластіе русскихъ государей, которые могли, по личному произволу, располагать жизнію и имуществомъ своихъ подданныхъ, не разбирая состава и формы суда. Русскіе вельможи, наравнѣ съ низшими сословіями, не имѣли въ этомъ случаѣ никакого преимущества, которое бы ограждало ихъ отъ расправы кнутомъ и отъ лишенія должностей и чиновъ. Нечего сомнѣваться, что русскіе вельможи прежде всего обратятъ на это свое вниманіе; покрайней мѣрѣ, если они этого не сдѣлаютъ, можно сказать, что они пропустили случай по недостатку мужества“ ([20]).

„Новый образъ правленія составляемый вельможами“,—пишетъ саксонско-польскій посланникъ Лефортъ 26 января (6 февраля н. с.)—„даетъ поводъ къ волненію въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слышатся подобнаго рода разговоры: „знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало по малу захватитъ въ свои руки бразды прав-

---

чтобы впродолженіи ея жизни составить свой планъ управленія на будущее время. Они думаютъ, что, если царя останутся такими абсолютными, какъ это было доселѣ, всегда найдется фаворитъ, который можетъ управлять ими и жезломъ, и пыркомъ, и швыркомъ, какъ дѣлали впродолженіе царствованія покойнаго царя Петра II, князь Иванъ Долгорукій и его отецъ. Твердо рѣшившись на это, они имѣютъ три идеи объ управленіи, въ которыхъ еще не согласились: первая—слѣдовать примѣру Англіи, въ которой король ничего не можетъ дѣлать безъ парламента, вторая—взять примѣръ съ управленія Польши, имѣя выборнаго монарха, котораго бы руки были связаны республикой, и третья—учредить республику во всей формѣ безъ монарха. Какой изъ этихъ трехъ идей они будутъ слѣдовать, это еще неизвѣстно». (Депеша отъ 20/31 января.—Въ депешѣ отъ 6 февраля н. с. онъ писалъ: «Партій безчисленное множество, и хотя послѣ смерти царя все продолжаетъ быть въ величайшемъ спокойствіи, но еще не все кончено и, пожалуй, можетъ произойти какая нибудь вспышка». (См. Де-Лиріа, XVIII в., III, 30 и 35).

([20]) Tourgueneff, III, 258—259.

ленія; кто же намъ поручится, что со временемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства. У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить и въ Россіи начнется анархія" (21).

Такимъ образомъ, за самодержавіе высказывалось низшее шляхетство, или мелкое дворянство — „la petite noblesse" — какъ называютъ его иностранные дипломаты. Къ его возврѣніямъ примыкало духовенство, выразителемъ мнѣній котораго являлся Θеофанъ Прокоповичъ. „И не ложныя, по моему мнѣнію, были таковыя гаданія" (относительно олигархіи верховниковъ) — говоритъ онъ — „понеже русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ; а если каковое-нибудь иное владѣніе правило восприиметъ, содержаться ему въ цѣлости и

(21) Сб. Р. Ист. Общ., V, 347.—Кромѣ того Лефортъ писалъ (2 февраля н. с.): «Существуютъ три плана для учрежденія новаго правленія; одни хотятъ устроить его на подобіе правленія Англіи, другіе—подобно Польшѣ, а третьи желаютъ республики безъ представителя, и тогда знатные уничтожили бы верховную власть и неограниченную зависимость» —9 февраля н. с. онъ же писалъ: «Всѣ заняты теперь мыслью о новомъ образѣ правленія; планы вельможъ и мелкаго дворянства доходятъ до безконечности; первые желаютъ присвоить себѣ верховную власть въ формѣ аристократической».... «Въ такомъ случаѣ, мелкое дворянство останется въ своемъ прежнемъ положеніи; а гдѣ же законы для руководства? Ихъ не существуетъ».—Прусскій посланникъ Мардефельдъ писалъ (6 февраля н. с.): «Между тѣмъ здѣсь повидимому настало междуцарствіе—всѣ дѣла лежать безъ производства и ничего не отправляется; члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, исключая барона фонъ Остермана, который можетъ быть изъ политическихъ видовъ сказался больнымъ, напротивъ ежедневно собираются съ цѣлью измыслить аристократическій образъ правленія; но духовенство и незнатное дворянство противъ этого плана и предпочитаютъ имѣть одного правителя, а не восьмерыхъ». (См. Сб. Р. Ист. Общ. V, 345, 347—348; ibid., XV, 408).

благосостоянiи отнюдь невозможно" ([22]). Высшее духовенство, распадавшееся на два лагеря, между собою враждебные, сходилось въ вопросѣ о формѣ правленiя. Представители его различались только по симпатiямъ къ тому или другому лицу тогдашняго царскаго дома.

Посмотримъ теперь, насколько были сильны доводы за и противъ избранiя разныхъ лицъ, имѣвшихъ въ то время право на россiйскiй престолъ.

Князь Михаилъ Михаиловичъ Щербатовъ такъ характеризуетъ въ своемъ Мемуарѣ: „о поврежденiи нравовъ въ Россiи" сторонниковъ царицы Евдокiи Θеодоровны. „Были многiе и дальновиднѣйшiе", — говоритъ онъ— „которые желали возвести на россiйскiй престолъ царицу Евдокiю Θеодоровну, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго совѣта сопротивляться не можетъ, а чрезъ сiе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконенiямъ, въ предосужденiе власти монаршеской. Но на сiе чинены были слѣдующiя возраженiя: что законъ препятствуетъ санъ монашескiй, хотя и поневолѣ возложенной съ нея снять, и что она, имѣвши множество родни Лопухиныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастiя своего склонить её разрушить предполагаемыя постановленiя" ([23]).

Евдокiя Θеодоровна имѣла много сторонниковъ среди духовенства, преимущественно чернаго, и высшаго и низшаго. Всѣмъ имъ хорошо были извѣстны испытанныя ею горести и печали со времени процесса несчастнаго ея сына Алексѣя. На ея сторонѣ были: Георгiй Дашковъ, коломенскiй епископъ Игнатiй Смола и воронежскiй епископъ Левъ Юрловъ. Датскiй посланникъ Вестфаленъ говоритъ, что верховники предлагали ей корону еще до кончины Петра II, но она сама отъ нея отказалась ([24]).

Сторонники „тестамента" Екатерины I-й раздѣлялись на двѣ группы. Первая группа указывала, какъ на прямаго наслѣдника престола, на Петра-Ульриха, герцога

([22]) Θеофанъ, «Сказанiе», с. 198—199.

([23]) Рус. Стар. 1870, II, 47—48.

([24]) Депеши Вестфалена № 4.

голштинскаго, сына старшей дочери Петра Великаго, Анны Петровны; вторая группа стояла за Елизавету Петровну.

Кандидатура голштинскаго принца оспаривалась весьма вѣсскими доводами: во первыхъ, боялись, что при воцареніи голштинскаго принца, Россія будетъ вовлечена въ войну съ Даніей изъ-за Шлезвига; во вторыхъ, личность отца Петра-Ульриха, голштинскаго герцога Фридриха-Карла, не возбуждала къ себѣ симпатіи русскихъ людей. Всѣмъ было очень хорошо памятно его надоѣдливое пребываніе въ Петербургѣ, при Петрѣ I и Екатеринѣ I-й, и безцеремонный образъ дѣйствій его министра Бассевича. Такого же вмѣшательства ихъ въ дѣла Россіи опасались и въ будущемъ.

Гораздо болѣе имѣла на своей сторонѣ цесаревна Елизавета, хотя многіе и смотрѣли неодобрительно на ея тогдашній образъ жизни. Она жила вдали отъ двора, предаваясь разсѣянности и удовольствіямъ въ подмосковной Александровской Слободѣ (²⁵). Впослѣдствіи разсказывали, что

(²⁶) VIII-й пунктъ тестамента Екатерины I: «Ежели В. Князь (Петръ II) безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣетъ по немъ цесаревна Анна, съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, а потомъ великая княжна (Наталья Алексѣевна) и ея десценденты наслѣдствовать; однакоже мужеска полу наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожъ никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ». (П. С. З., т. VII. № 5070, стр. 790).—Въ противорѣчіи съ этимъ тестаментомъ находится брачный договоръ Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ Фридрихомъ-Карломъ (1724 г.). 2-мъ пунктомъ этого договора «цесаревна (Анна Петровна) равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ *отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній* на корону Россійской имперіи».—По первой статьей *секретныхъ артикуловъ*, приложенныхъ къ этому договору, Петръ В. предоставлялъ себѣ *власть и мочь*, по своему усмотрѣнію, *призвать къ сукцессіи короны и имперіи Всероссійской одного изъ урожденныхъ изъ сего супружества принцевъ*, и въ такомъ случаѣ герцогъ обязывался немедленно исполнить волю императора *безъ всякихъ кондицій*». (Арсеньевъ, Царствов. Екатерины I, с. 169).—Анна Петровна † въ 1728 году. Сынъ ея Петръ-Ульрихъ былъ лютеранскаго исповѣданія и въ 1730 году считался возможнымъ наслѣдникомъ шведскаго престола. Ему было въ то время безъ малаго два

Ѳеофанъ Прокоповичъ, на утреннемъ собраніи въ кремлевскомъ дворцѣ 19 января, заявилъ о правахъ Елизаветы

года отъ роду (р 10 февр. 1728 г.)—Голштинскій герцогъ Карлъ-Фридрихъ, отецъ Петра Ульриха, былъ родной племянникъ Ульрики-Элеоноры, выбранной въ королевы Швеціи по смерти Карла XII и передавшей престолъ мужу своему Фридриху (принцу гессенъ-кассельскому). Ульрика-Элеонора была бездѣтна.—Любопытныя доказательства въ пользу легальности тестамента Екатерины I-й и несомнѣнныхъ правъ Елизаветы Петровны на престолонаслѣдіе въ 1730 году находимъ мы у Болтина, въ его «Примѣчаніяхъ на исторію Россіи г. Леклерка».—«Екатерина I»,—говоритъ онъ,—«не преступила предѣловъ власти своея, назнача преемниковъ Петру II му; въ разсужденіи, что сіе предназначеніе ея въ преемники ему не иначе разумѣть должно какъ токмо на случай если умретъ онъ не достигнувъ лѣтъ совершенныхъ, то есть не вступивъ еще въ правленіе государства, и не получа права наименовать преемника по себѣ. Еслижъ бы онъ изъ-подъ опеки вышелъ, и кормило государственнаго правленія воспріялъ въ свои руки, тогда сіе предназначеніе преемника ему, императрицею Екатериною I-ю учиненное, осталося бы недѣйствительнымъ, и могъ бы онъ самъ оное учинить по своему благоволенію, въ слѣдствіе закона Петра I-го. Но Петръ II преставился не вышедъ изъ-подъ опеки и не вступя еще въ право назначить по себѣ преемника; слѣдовательно духовная императрицы Екатерины I-я оставалася въ полной своей силѣ, и никто не имѣлъ законныя власти нарушить оныя: *распоряженія Ея въ пользу дочерей своихъ Анны Петровны и Елисаветы Петровны* оставалися дѣйствительными; а по томужъ самому *и Верховной Совѣтъ долженъ былъ имѣти уваженіе къ Ея распоряженіямъ*, и держася точной силы оныхъ возвести на престолъ цесаревну Елисавету Петровну, яко неоспоримо ей принадлежащій и по праву природы и по завѣщанію матери ея, учиненному по силѣ закона Петра Великаго. Молодость не могла препятствіемъ быти въ возведеніи ея на престолъ, понеже была она тогда уже двадцати лѣтъ». (Болтинъ, т. II, с. 515—516).—«Верховный Совѣтъ не имѣлъ власти никаковыя въ избраніи преемника Петру II-му; первое по тому, что духовною императрицы Екатерины I-я сего права имъ не только не дано, но и точно запрещено дѣлать перемѣны въ порядкѣ преемничества престола ею постановленномъ: «Сей Совѣтъ Правленія не имѣетъ власти премѣнять что-либо въ порядкѣ наслѣдія, которой я за благо судила постановить сею моею духовною». Второе, преемникъ Петру II-му тою духовною былъ уже предназначенъ: «если умретъ онъ не оставя потомства, дочь моя Анна Петровна наслѣдитъ въ семъ случаѣ престолъ Россійской, а послѣ ней дѣти ея». Чтожъ та духовная была въ полной своей силѣ, то доказалъ уже я прежде. Третье: самый сей Совѣтъ потерялъ все свое

Петровны, но получилъ рѣзкое возраженіе со стороны князя Д. М. Голицына (26).

Цесаревна Елизавета, по свидѣтельству Манштейна, могла-бы воцариться въ то время, но сама не желала этого. Манштейнъ увѣряетъ, что лейбъ-медикъ ея Лестокъ, узнавъ о кончинѣ Петра II-го, въ ту же самую ночь, съ 18 на 19 января, вошелъ въ спальню цесаревны, спавшей въ то время, разбудилъ её, сталъ ее уговаривать показаться народу, ѣхать въ сенатъ и тамъ предъявить свои права на корону. Но она никакъ не соглашалась выдти изъ своей спальни. „Можетъ быть въ то время,—замѣчаетъ Манштейнъ,—„она еще не имѣла достаточной твердости для исполненія такого великаго предпріятія" (27). Впослѣдствіи носились слухи, что Елизавета Петровна была въ то время больна (28).

„Елизавета Петровна"—пишетъ французскій резидентъ Маньянъ,—„ничѣмъ себя въ этомъ случаѣ не заявила: она веселилась въ своей деревнѣ, а ея сторонники, дѣйствуя въ Москвѣ въ ея пользу, никакъ не могли добиться, чтобы она появилась въ столицѣ въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ;

свое право, исключивъ отъ себя первѣйшихъ и важнѣйшихъ членовъ тою духовною предназначенныхъ и опредѣленныхъ». (Ibid., с. 517—518).

Подробности о жизни Елизаветы Петровны за это время см. въ статьѣ Стромилова: «Цесаревна Елизавета Петровна въ Александровской слободѣ». Чтенія М. Общ. Ист. и др. 1874 г., кн. I.—Александровская Слобода, нынѣ гор. Александровъ Владимірской губерніи, находящійся на Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ,—была, какъ извѣстно, любимымъ мѣстопребываніемъ царя Іоанна IV въ то время, когда онъ окружилъ себя опричиной.

(26) Dolgoroukow. «Memoires», v. I. p. 306.

(27) Зап. Манштейна, с. 21.

(28) Автобіогр. Шлёцера. «Сборн. II отд. Акад. наукъ», XIII.—«Елизаветѣ Петровнѣ и императрицей-то быть не слѣдовало»—говорилъ въ 1743 г. подгулявшій гвардейскій офицеръ Ив. Степ. Лопухинъ своему пріятелю Бергеру.—«Незаконная—разъ; другое: фельдмаршалъ князь Долгоруковъ сказывалъ, что въ тѣ поры, когда император Петръ II скончался, хотя-бъ и надлежало Елизавету Петровну къ наслѣдству допустить, да она б..... на была. Наша знать ее вообще не любитъ, она же все простому народу благоволитъ для того, что сама живетъ просто». (Дѣло Лопухиной, Рус. Стар. 1874, т. XI, с. 4—10 и слѣд.).

нѣсколько посланныхъ къ ней для этого гонцевъ, не застали ее своевременно, такъ что она прибыла въ Москву уже послѣ избранія курляндской герцогини. Но еслибы она и была тамъ раньше, нѣтъ основанія полагать, чтобы ея присутствіе послужило ей на пользу; на это есть три одинаково важныя причины, вслѣдствіе которыхъ она не можетъ найдти себѣ полезныхъ друзей ни въ одной изъ главныхъ русскихъ фамилій. Первая причина—вольность ея поведенія, которую русскіе просто презираютъ, не смотря на то, что не отличаются особенной щекотливостью; вторая—ихъ ненависть къ правленію царицы ея матери, вслѣдствіе высокомѣрнаго обращенія голштинцевъ во время ихъ господства въ Россіи; мысль о возвращеніи ихъ столь противна русскимъ, что одного этого опасенія было бы достаточно для отстраненія цесаревны Елизаветы отъ престола, имѣй она даже на него неоспоримыя права. Наконецъ, третья причина заключается въ томъ, что по правиламъ греческой церкви, всякій ребенокъ, рожденный до церковнаго празднованія брака его родителей, не можетъ быть признанъ законнымъ; хотя бы это празднованіе и было впослѣдствіи совершено, русскіе считаютъ церковное правило ненарушимымъ" (²⁹).

Знать не любила Елизаветы Петровны, но она пользовалась большой популярностью въ низшихъ классахъ за ея доступность, за благочестіе и за образъ жизни, веселый и простой. Гвардейскіе полки, чтившіе высоко память Петра Великаго, съ упованіемъ смотрѣли на его дочь; въ числѣ ея сторонниковъ было много монаховъ, много лицъ изъ приходскаго духовенства и вообще людей стараго покроя, которыхъ не коснулось преобразованіе: изъ купечества, посадскихъ и крестьянъ.

Но кромѣ русскихъ людей, Елизавета Петровна имѣла много сторонниковъ среди иностранцевъ. Жители Нѣмецкой Слободы распространяли въ ея пользу слухи во время болѣзни Петра II-го. Слухи эти находили поддержку со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ, посланники которыхъ были очень заинтересованы кандидатурой Елизаве-

(²⁹) Tourgueneff, III, 280—281.

ты Петровны. Во главѣ ихъ стоялъ посолъ нѣмецкаго императора, графъ Вратиславъ, а къ нему примыкали представители Голштиніи, Бланкенбурга и Швеціи (⁸⁰).

Императоръ нѣмецкій, Карлъ VI, гарантировавшій права голштинскаго герцога на Шлезвигъ договоромъ 1726 г., хлопоталъ въ 1730 году о томъ, чтобы Россія дала ему вспомогательный корпусъ въ силу этого-же договора, при начавшихся у него недоразумѣніяхъ съ Испаніей. Поэтому посолъ императора, графъ Вратиславъ, старался, чтобы въ преемники Петра II-го былъ избранъ голштинскій герцогъ Петръ-Ульрихъ подъ опекою, до своего совершеннолѣтія, Елизаветы Петровны. Къ такому плану присоединились и другіе вышеупомянутые послы. Представитель Голштиніи Бонде въ этомъ случаѣ весьма естественно хлопоталъ въ пользу своего герцога, а представитель Бланкенбурга, Крамъ, держалъ сторону имперскаго посла, вслѣдствіе родственныхъ связей своихъ герцоговъ съ нѣмецкимъ императоромъ (⁸¹). Швеція заботилась о томъ-же по своимъ недру-

(⁸⁰) Депеша Вестфалена, № 1.

(⁸¹) Герцогъ Люнебургскій Эрнстъ-Исповѣдникъ въ половинѣ XVI столѣтія оставилъ двухъ сыновей: старшій, Генрихъ былъ родоначальникомъ герцоговъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскихъ и Брауншвейгъ-Бевернскихъ; младшій, Вильгельмъ, герцоговъ Люнебургъ-Цельскихъ и Люнебургъ-Каленбергскихъ, вступившихъ на Англійскій престолъ. Въ началѣ XVIII столѣтія герцогомъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскимъ былъ Антонъ-Ульрихъ, въ 1711 году достигшій 78 лѣтъ.—Второй сынъ его Людвигъ-Рудольфъ, получившій отъ отца въ особенное владѣніе княжество Бланкенбургъ, отъ Христины-Луизы Эттингенской имѣлъ трехъ дочерей: старшая, Елисавета, въ 1708 году принявъ Римско-католическій законъ, вышла за короля испанскаго, вступившаго чрезъ три года на императорскій престолъ подъ именемъ Карла VI, и въ 1717 г. разрѣшилась отъ бремени Маріею-Терезіею; младшая, Антуанета въ 1712 году соединилась съ Фердинандомъ-Альбрехтомъ, герцогомъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскимъ и имѣла отъ него пятнадцать дѣтей, въ томъ числѣ Антона-Ульриха, супруга Анны Леопольдовны, и одного изъ героевъ Семилѣтней войны, принца Фердинанда. Средняя, Шарлота въ 1711 году сочеталась бракомъ съ царевичемъ Алексѣемъ; ей было тогда 17 лѣтъ. (См. Устрялова, «Ист. Царств. Петра В.», т. VI, с. 23—24).—Эти свѣдѣнія заимствованы Устряловымъ изъ «Geschichte der Höfe des Hauses Braunschweig in Deutschland und England». Von Dr. Eduard Vehse. 1853. V.

желюбнымъ отношеніямъ къ Даніи и, надѣясь за услугу оказанную Елизаветѣ Петровнѣ, возвратить хотя часть завоеваній Петра Великаго на балтійскомъ побережьи. Во имя тѣхъ-же мотивовъ Швеція оказала содѣйствіе дочери Петра Великаго одиннадцать лѣтъ спустя, въ 1741 году.

Сильнымъ противникомъ всѣхъ сторонниковъ Елизаветы Петровны явился датскій посланникъ Вестфаленъ. Когда предположенія его о возможности воцаренія княжны Екатерины Долгорукой не исполнились, онъ употребилъ все стараніе для отстраненія избранія Елизаветы Петровны и ея племянника, голштинскаго герцога Петра-Ульриха, „Кильскаго ребенка",—l'enfant de Kiel, какъ онъ его называетъ. Вестфаленъ очень основательно считаетъ воцареніе ихъ обоихъ обстоятельствомъ весьма неблагопріятнымъ для Даніи, по тогдашнимъ ея отношеніямъ къ Шлезвигу, и не задумывается надъ средствами для достиженія своей цѣли: убѣжденія, шпіонство, подкупы — все имъ пускается въ ходъ. Онъ совершенно не заинтересованъ, кто будетъ государемъ Россіи,—лишь бы только имъ не были „кильскій ребенокъ" и его тетка, цесаревна Елизавета! (32) Вестфаленъ дѣйствуетъ очень успѣшно. Еще при жизни Петра II, во время его тяжкой болѣзни, послы—нѣмецкій, голштинскій, бланкенбургскій и шведскій — посылаютъ депутатомъ отъ себя голштинскаго посла, графа Бонде, хорошо говорящаго по-русски, къ канцлеру Головкину для переговоровъ относительно ихъ плана. Канцлеръ принимаетъ Бонде очень высокомѣрно и презрительно и напрямикъ объявляетъ ему, что герцогу голштинскому нечего домогаться въ Россіи, что ему только изъ состраданія давали столь значительныя суммы, получаемыя имъ изъ русскаго государственнаго казначейства совершенно незаслуженно (33). По избраніи курляндской герцогини, голштинскіе послы подали Верховному Тайному Совѣту протестъ о нарушеніи правъ ихъ герцога, ссылаясь на „тестаментъ" Екатерины I-й; но ихъ даже не выслушали, а графу Бонде верховники посовѣтовали подумать объ отъѣздѣ изъ Россіи. Графъ извинился, что не можетъ немедленно

(32) Подробности см. въ его депешахъ, III-е Приложеніе къ настоящему изслѣдованію.

(33) Деп. Вестфалена, № 4.

исполнить ихъ желанія, вслѣдствіе болѣзни своей жены, но обѣщался уѣхать при первой возможности ([84]).

Старшая сестра Анны Іоанновны, Екатерина Іоанновна, имѣла очень мало сторонниковъ; противниковъ ея избранія было несравненно больше. Противъ ея избранія высказывались многіе, боясь чтобы, мужъ ея, герцогъ мекленбургскій, не явился въ Россію съ такими же претензіями на участіе въ управленіи страной, какія были въ недавнее время со стороны герцога голштинскаго,—а герцогъ мекленбургскій былъ человѣкъ взбалмошный и грубый ([85]).

Меньшая ея сестра, Прасковья Іоанновна, была въ морганатическомъ бракѣ съ сенаторомъ И. И. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, и это обстоятельство окончательно устраняло ея кандидатуру.

Избраніе курляндской герцогини съ перваго раза многихъ удивило. Это удивленіе особенно сильно проявилось въ дипломатическихъ сферахъ, гдѣ Анна Іоанновна была мало извѣстна; но черезъ нѣсколько дней, когда успѣли познакомиться съ ея личностью и съ условіями ея жизни въ Курляндіи, удивленіе это смѣнилось общимъ удовольствіемъ и даже радостью.

Насколько было сильно удивленіе—видно изъ депеши испанскаго посла отъ 19 января.

„Мы никогда и не думали",—пишетъ герцогъ де-Лиріа,— „чтобы корона досталась кому нибудь другому, кромѣ четырехъ лицъ, именно: царицы бабки (Евдокіи Ѳеодоровны), принцессы Елизаветы, княжны-невѣсты (Екатерины Долгорукой) и сына герцога голштинскаго. Но на собраніи нынѣшняго утра не говорили, даже не упоминали, объ этихъ

([84]) Ibid.—Де-Лиріа, XVIII в., Сборн. Бартенева, т. III, с. 35.

([85]) «Настоящая причина исключенія Екатерины Іоанновны, герцогини мекленбургской»—пишетъ составитель сборника «La Cour de Russie il y a cent ans»,—«заключалась въ опасеніи, которое возбуждалось твердостью ея характера и ея рѣшительнымъ умомъ». (См. 3-е изд., 1860, с. 10).—Эти опасенія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, имѣли большое основаніе. Екатерина Іоанновна именно проявила во всей силѣ, какъ твердость своего характера, такъ и рѣшительность ума,—25 февраля 1730 г., при провозглашеніи Анны Іоанновны самодержавной императрицей.

четырехъ лицахъ" [36]. Де-Лиріа, очевидно, еще ничего не зналъ о ночномъ совѣщаніи верховниковъ. Почти дословно съ испанскимъ посломъ выражаетъ свое удивленіе по случаю избранія Анны Іоанновны и французскій резидентъ Маньянъ [37].

Общая радость при избраніи Анны Іоанновны обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ кружки, всѣ отдѣльныя лица—связывали съ ея избраніемъ свое благополучіе: всѣ одинаково были увѣрены, что обездоленная вдовица приметъ какія угодно условія и согласится на все—лишь бы царствовать. Главный агитаторъ въ ея пользу среди верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ, а за нимъ кн. В. Л. Долгорукой,—были убѣждены, что она безпрекословно подпишетъ „пункты"; Ягушинской, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ верховниковъ, отправляя Сумарокова, въ сущности хлопоталъ также о томъ, чтобы „прибавить себѣ воли"; Ѳеофанъ Прокоповичъ связывалъ съ личностью Анны Іоанновны мысль о торжествѣ самодержавія, Салтыковъ ждалъ отъ нея всякихъ благъ по родству, Лёвенвольде—хлопоталъ изъ эгоизма. Родословные люди надѣялись получить при Аннѣ Іоанновнѣ преобладающее политическое значеніе и предложить ей иные „пункты", чѣмъ предложили верховники; среднее шляхетство разсчитывало при ней пріобрѣсти себѣ льготы. Та часть высшаго духовенства, которая мечтала о возстановленіи патріаршества, надѣялась достичь этого при Аннѣ Іоанновнѣ, зная ея набожность и ея любовь къ торжественнымъ церемоніямъ и церковнымъ обрядамъ.

Избраніемъ Анны Іоанновны были удовлетворены также планы и желанія почти всѣхъ европейскихъ дипломатовъ, за исключеніемъ только голштинскаго посла. Послу нѣмецкаго цезаря верховники обѣщали исполнить требованіе трактата 1726 года относительно вспомогательнаго

---

[36] Де-Лиріа, XVIII в., III, с. 28.—Де-Лиріа незнаетъ въ точности даже имени курляндской герцогини и называетъ ее Прасковьей.—Писецъ Верховнаго Совѣта въ черновомъ журналѣ отъ 19 января называетъ ее Екатериной Іоанновной. (См. Госуд. Арх., разд. III, д. № 5, л. 6).

[37] Tourgueneff, III, 259—260.

корпуса, чѣмъ остались довольны и графъ Вратиславъ, и посланники бланкенбургскій и шведскій ([28]). Саксонско-польскій посланникъ Лефортъ, близкій къ Ягушинскому, стоялъ открыто на сторонѣ курляндской герцогини, разсчитывая по всей вѣроятности, съ ея избраніемъ усилить вліяніе польскаго короля Августа II на дѣла курляндскаго герцогства. Остальные послы относились или совершенно индиферентно къ личности новаго государя Россіи, или были довольны, что съ избраніемъ Анны Іоанновны окончательно закрывается путь къ русскому престолу голштинской династіи и цесаревнѣ Елизаветѣ. Къ первой категоріи принадлежатъ: испанскій посолъ герцогъ де-Лиріа и резидентъ Франціи Маньянъ; ко второй—кромѣ датскаго посла Вестфалена, резидентъ Англіи Рондо. Прусскій посланникъ Мардефельдъ, всецѣло преданный Остерману, раздѣляетъ въ вопросѣ объ избраніи Анны Іоанновны его воззрѣнія, къ которымъ примыкаетъ и братъ вице-канцлера, мекленбургскій посланникъ Дидрихъ Остерманъ.

Совершенно иначе отнеслась тогдашняя европейская дипломатія къ замысламъ верховниковъ и къ шляхетскому движенію.

Всѣ иностранные послы смотрятъ на эти явленія, или какъ на скоропреходящую вспышку, или какъ на желаніе старой русской партіи (такъ называютъ они патріотическихъ вождей движенія)—возвратиться къ прежнему московскому, варварскому, порядку вещей.

Изложивъ приведенное нами выше указаніе на сторонниковъ разныхъ системъ государственнаго строя въ Россіи, французскій резидентъ Маньянъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Отсюда ясно видно“—говоритъ онъ,—„что намѣреніе націи состоитъ въ томъ, чтобы возвратиться къ своему прежнему состоянію и своимъ прежнимъ обычаямъ“ ([29]). То же заключеніе находимъ мы и у испанскаго посла де-Лиріа: „Все направилось такимъ путемъ“,—пишетъ онъ 20 (31) января—„что стало уже несомнѣннымъ, что эти народы (русскіе) возвращаются

([28]) Де-Лиріа, XVIII в., III, с. 33.—Депеши Вестфалена, № 4.

([29]) Tourgueneff, III, 260.

къ своимъ старымъ обычаямъ" (40). „Я увѣренъ",—пишетъ саксонско-польскій посланникъ Лефортъ,—„что когда ея величество вступитъ на престолъ, то заставитъ ихъ (сторонниковъ измѣненія государственнаго строя) пѣть другое. Она согласится на все, а между тѣмъ сдѣлаетъ то, что захочетъ" (41). Гораздо рѣзче и опредѣленнѣе высказывается прусскій посланникъ, Мардефельдъ. „Всѣ русскіе вообще желаютъ свободы"—пишетъ онъ 12 (23) февраля,—„но они не могутъ согласиться относительно мѣры и качества ея и до какой степени слѣдуетъ ограничить самодержавіе. Если императрица съумѣетъ хорошо войдти въ свое положеніе и послушается извѣстныхъ умныхъ людей, то она возвратитъ себѣ въ короткое время полное самодержавіе, ибо русская нація"—заключаетъ Мардефельдъ—„хотя много говоритъ о свободѣ, но не знаетъ ея и не съумѣетъ воспользоваться ею" (42).

Пока шли по Москвѣ всѣ эти суды и пересуды, шляхетство собиралось въ кружки и измышляло разныя политическія реформы, а иностранные дипломатическіе агенты оцѣнивали эти измышленія по своему,—Верховный Тайный Совѣтъ не менѣе шляхетства былъ занятъ выработкой новаго плана государственнаго устройства. Всѣ иностранные послы приписываютъ починъ въ этомъ планѣ и главное участіе въ его разработкѣ князю Д. М. Голицыну. Если можно вполнѣ вѣрить датскому посланнику Вестфалену, князь Голицынъ совѣщался съ нимъ о подробностяхъ этого плана. „На другой день кончины Петра II, 20 (31) января",—доноситъ Вестфаленъ своему правительству—„фельдмаршалы, Долгорукой и Голицынъ, заняли мѣста въ Верховномъ Совѣтѣ въ качествѣ первыхъ членовъ послѣ великаго канцлера, графа Головкина, и Верховный Совѣтъ началъ разсуждать о средствахъ ограниченія самовластія послѣдующихъ государей Россіи, начавши съ теперешней царицы. Всѣ чрезвычайно какъ заняты этимъ деликатнымъ и опас-

---

(40) Де-Лиріа, XVIII в., III, с. 30.

(41) Сборн. Русск. Ист. Общ., V, 347—348.

(42) Ibid., XV, 414.

нымъ вопросомъ. Голицынъ, основатель и защитникъ этого дѣла, спросилъ меня вчера: которую изъ двухъ системъ государственнаго устройства я считаю за лучшую—шведскую, или англійскую? Я отвѣчалъ, что шведская самая подходящая, и что я не думаю, чтобы англійская система могла быть введена въ Россіи. Онъ ничего на это не отвѣчалъ" (43).

Кромѣ князя Д. М. Голицына, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не кому было заняться проэктомъ новаго государственнаго устройства. Его братъ, фельдмаршалъ, князь Михаилъ Михаиловичъ, вполнѣ подчинялся его воззрѣніямъ, другой фельдмаршалъ, князь Долгорукой, съ своимъ братомъ не мечтали ни о шведской, ни объ англійской конституціи; князь Василій Лукичъ Долгорукой былъ въ Митавѣ; что же касается до князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, до канцлера Головкина и до Остермана—то ихъ политическіе планы, какъ мы видѣли, были совершенно инаго характера. Кромѣ того, Остерманъ сказался больнымъ и съ 20 января не принималъ участія въ засѣданіяхъ Верховнаго Совѣта(44).

Князь Дмитрій Михаиловичъ Голицынъ, занятый своимъ политическимъ проэктомъ, надѣялся осуществить въ немъ лучшія свои мечты. Кондиціи, посланныя Аннѣ Іоанновнѣ въ Митаву, являлись только черновымъ наброскомъ этого проэкта. Голицынъ былъ увѣренъ, что Анна Іоанновна приметъ его, и тогда русское государство будетъ подвинуто на прямой путь своего дальнѣйшаго гражданскаго развитія. Онъ никакъ не предполагалъ встрѣтить противодѣйствій своимъ политическимъ замысламъ со стороны шляхетства, въ интересахъ котораго создавалъ свой проэктъ, а когда эти противодѣйствія начались—взглянулъ на нихъ высокомѣрно и презрительно, не придавая имъ никакого значенія. О гонцахъ, отправленныхъ тайно къ Аннѣ Іоанновнѣ, Голицынъ не зналъ ничего. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ вѣстей изъ Митавы и хотѣлъ представить проэктъ по полу-

(43) Депеши Вестфалена, № 4.

(44) См. о болѣзни Остермана: Лефорта (Сб. Рус. Ист. Общ., V, 346 и слѣд.), Мардефельда (ibid., XV, 408), де-Лиріа (XVIII в., III, с. 28—33), Маньяна (Tourgueneff, III, 264), Вестфалена (III-е Приложеніе).

ченія согласія Анны Іоанновны на кондиціи. Согласіе это было получено 2 февраля, но до этого времени движеніе въ шляхетскихъ кружкахъ и среди сторонниковъ самодержавія получило такое направленіе, что князь Д. М. Голицынъ не рѣшился уже предъявить своего проэкта.

Чѣмъ же былъ занятъ за все это время Верховный Тайный Совѣтъ? Въ чемъ проявилась его дѣятельность, помимо проэкта, составляемаго княземъ Голицынымъ?

Сохранившіеся черновые журналы засѣданій Верховнаго Совѣта даютъ намъ возможность достаточно полно ознакомиться съ его дѣятельностію въ продолженіе двухъ недѣль, съ 20 января по 2 февраля, т. е. по тотъ день, когда было получено отъ Анны Іоанновны согласіе на кондиціи. Подробное разсмотрѣніе этихъ журналовъ намъ лучше всего покажетъ, какъ относился Верховный Совѣтъ къ факту избранія курляндской герцогини и къ начинающемуся шляхетскому движенію.

Засѣданія Совѣта за эти дни были посвящены:

1) Дѣламъ, относящимся къ избранію Анны Іоанновны,

2) распоряженіямъ о приготовленіяхъ къ погребенію Петра II-го,

3) текущимъ дѣламъ по государственному управленію.

Разсмотримъ дѣятельность Совѣта по этимъ рубрикамъ.

1) Дѣла, относящіяся къ избранію Анны Іоанновны. 20 января управлявшій почтами, бригадиръ Полибинъ докладывалъ о задержанныхъ на заставахъ проѣзжихъ, которыхъ велѣно задержать до четверга (22 января), а потомъ пропустить (очевидно для того, чтобы они не могли догнать „депутатовъ"). Оберъ-прокуроръ Синода Баскаковъ доложилъ того же числа форму о возношеніи государыни царевны (такъ названа императрица) въ церквахъ. Разрѣшено до времени поминать, какъ прежде было (т. е. съ титуломъ самодержицы). Для церквей только одной Москвы велѣно было исключить изъ церковныхъ ектеній имена покойнаго императора и его невѣсты, княжны Екатерины, а во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи поминать ихъ по прежнему.

22 января разрѣшено свести всѣ заставы около Москвы и возстановить прежнее почтовое сообщеніе, а также

приказано выдать паспорты курьерамъ пословъ—цесарскаго графа Вратислава и испанскаго герцога де-Лиріа.

Затѣмъ шли дѣятельныя приготовленія къ пріѣзду Анны Іоанновны и пріему ея въ Москвѣ. 24 января составленъ подробный церемоніалъ для входа въ Москву „Государыни Царевны во всемъ противъ того, какъ учреждено было въ 1728 году для входу блаженной памяти Государя Императора", причемъ было приказапо Ягушинскому объ изготовленіи каретъ для входа ея величества. 28 января снова подробно обсуждали тотъ же вопросъ и утвердили росписаніе и число подводъ для слѣдованія ея величества въ Москву, о чемъ сообщено князю В. Л. Долгорукому. Но этими скромными распоряженіями конечно не могъ исчерпываться въ Верховномъ Совѣтѣ вопросъ о прибытіи Анны Іоанновны. Къ сожалѣнію самыя интересныя подробности по этому вопросу—разсужденія верховниковъ о томъ, какъ приняты „кондиціи" въ Митавѣ—Анной Іоанновной и въ Москвѣ—шляхетствомъ и другими сословіями—не вносились въ журналы; на эти разсужденія встрѣчаемъ мы тамъ только намеки. Такъ въ засѣданіи 26 января, въ которомъ участвовали: фельдмаршалъ Долгорукой, кн. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой и Д. М. Голицынъ, отмѣчено: „потомъ пришелъ Михаилъ Михаиловичъ (Голицынъ) и совѣтовали между собою секретно". Такая же отмѣтка находится въ журналѣ 31 января. Въ этотъ день въ собраніи были: канцлеръ Головкинъ, князья Долгорукіе, Василій Владиміровичъ и Алексѣй Григорьевичъ, и князья Д. М. и Мих. Мих. Голицыны—и „имѣли разговоры секретные" (⁴⁵).

28 января было отправлено къ князю Василью Лукичу Долгорукому письмо, но какого содержанія—черновой журналъ ничего не сообщаетъ. Въ этомъ письмѣ верховники писали, между прочимъ, слѣдующее:

«Когда Ея Величество изволитъ подписать по прошенію нашему отправленное съ вами къ подписи Ея Величеству извѣстное письмо, то оное, ни мало у себя не удержавъ, изволите сюды прислать съ ген.-маіор. Леонтьевымъ, а мы здѣсь ко входу Ея Величества всякое пріуготовленіе чинимъ на двое, и въ цвѣтномъ и въ черномъ, для того, что Его Императорское Величество, блаженныя

(⁴⁵) Госуд. Арх., Черн. журн. В. Т. С. лл. 8—22.

памяти Петръ II-й еще не погребенъ, и учинимъ оный входъ тогда такъ, какъ Ея Величество, при сближеніи (?) [приближеніи] своемъ разсудить изволитъ» (46).

30 января было экстренное, не въ урочный часъ, засѣданіе Верховнаго Совѣта. Канцлеръ Головкинъ получилъ какое-то важное письмо отъ князя В. Л. Долгорукаго. Его привезъ нарочный курьеръ, прапорщикъ Лейбъ-Регимента Алексѣй Макшеевъ. Канцлеръ немедленно собралъ остальныхъ своихъ сочленовъ. „И тотъ пакетъ (съ письмомъ отъ В. Л. Долгорукаго)"—читаемъ въ черновомъ журналѣ объ этомъ засѣданіи—„обще отъ всѣхъ распечатанъ и въ отвѣтъ на оной того же времени отправленъ къ нему, князю Василію Лукичу, съ письмомъ оной же прапорщикъ и приказано ему дать за скорый его пріѣздъ сто рублевъ, которые тогда же ему и даны" (47).

Прапорщикъ Макшеевъ привезъ очень важныя вѣсти изъ Митавы. Въ письмѣ, отправленномъ съ нимъ, кн. В. Л. Долгорукой сообщалъ подробности прибытія депутатовъ въ Митаву и о согласіи Анны Іоанновны на кондиціи (48). Выписываемъ это письмо отъ слова до слова:

«Пріѣхали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7-омъ часу пополудни и того-жъ числа донесли Ея Высочеству Государынѣ Императрицѣ, въ началѣ о преставленіи Его императорскаго Величества, а потомъ, что избрали Ея Величество на Россійскій престолъ и просили, чтобъ изволила подписать посланныя съ нами кондиціи. Ея Величество изволила печалиться о преставленіи Его Величества, а потомъ, по челобитью нашему, повелѣла тѣ кондиціи предъ собою прочесть и, выслушавъ, изволила ихъ подписать своею рукою такъ: «По сему обѣщаюсь все без всякаго изъятія содержать, Анна». Тѣ подписанныя кондиціи мы удержимъ и привеземъ ихъ съ собою, а съ курьеромъ не посылали за опасностію, чтобъ какимъ несчастіемъ въ дорогѣ не утратить. Ея Величество намѣрена отсюда шттить сего мѣсяца 28, или конечно 29 числа, и въ пути медлить не изволитъ. Для проѣзда Ея Величества чрезъ Ригу приказалъ я генералу Лассію стрѣлять изъ пушекъ и полки гарнизонные поставить въ строй. О въѣздѣ Ея Величества въ

---

(46) Моск. Гл. Арх. М. И. Д.—Ркп. «Управленіе Всеросс. имп.» л. 7.—Печатн. протоколы В. Т. С., с. 113—114.

(47) Госуд. Арх., разд. III, № 5, л. 21.

(48) Ibid., л. 22.

Москву зѣло нужно мнѣ вѣдать — публичной ли будетъ и съ какою церемоніею? О томъ буду ожидать отвѣту. Государыня изволила требовать 10 тысячь на всякіе расходы и на подъемъ, и я, по Ея указу, послалъ къ оберъ-инспектору, Ильѣ Исаевичу, въ Ригу, чтобъ тое сумму выдать тому, кому Ея Величество принять повелитъ.—Митава, 26 генваря» (59).

«Сіятельнѣйшій князь!—отвѣчали верховники князю В. Л. Долгорукому—Сего числа получили мы вашего сіятельства письмо, отправленное изъ Митавы отъ 26 генваря, изъ котораго усмотрѣли о скоромъ къ Ея Величеству вашемъ прибытіи и о исправленіи вамъ врученной коммиссіи, что Ея Величество прошеніе наше милостиво принять и подписать изволила, за которую Ея высокую обще ко всему государству милость и вамъ за толикій трудъ вашъ къ Отечеству, премного благодарствуемъ и усердно желаемъ очи Ея Величества, Всемилостивѣйшей Государыни, здѣсь видѣть. И понеже, вамъ самимъ извѣстно, сколь намъ нужно тѣ кондиціи, которыя Ея Величество, по прошенію нашему, подписать изволила, здѣсь имѣть, то третьяго дня писали, дабы вы оныя изволили прислать съ ген.-маіор. Леонтьевымъ, о чемъ и паки ваше сіятельство о скорѣйшей присылки оныхъ симъ просимъ. А буде за чѣмъ съ нимъ послать невозможно, то извольте отправить съ кн. Михаиломъ Михайловичемъ или съ другимъ съ кѣмъ, а ко входу Ея Величества сюды предуготовленіе чинимъ такое, какъ прежде сего Его Императорскаго Величества, блаженныя и высокодостойныя памяти встрѣчали, и въ запасъ предъуготовить велѣли съ чернымъ уборомъ». Подписано: Графъ Гаврило Головкинъ, Князь Михайло Голицынъ, князь Василій Долгорукой, князь Дмитрій Голицынъ (60).

2) Распоряженія о приготовленіяхъ къ погребенію Петра II. 20 января Олсуфьеву велѣно было дѣлать надлежащія приготовленія во дворцѣ къ погребенію Петра II. Главными распорядителями погребенія назначены Остерманъ и Кн. Алексѣй Гр. Долгорукой. Опредѣленъ личный составъ „печальной коммиссіи" для погребенія. Въ составъ ея вошли: оберъ-церемоніймейстеръ бар. Габихсталь, д. с. с. Алексѣй Зыбинъ, ст. сов. Василій (Никитичъ) Татищевъ, придворный интендантъ Петръ Мошковъ, камеръ-цалмейстеры Александръ Кайсаровъ и Гарберъ. Ягушинскому послано предписаніе объ изготовленіи траурныхъ каретъ къ въѣзду въ Москву Анны Іоанновны.

(59) Моск. Гл. Арх. М. И. Д.—Ркп. «Управленіе Всер. имп.» л. 9.—Печат. протоколы В. Т. С., с. 114.

(60) Ibid., л. 10, с. 119.

21 января члены Верховнаго Тайнаго Совѣта были въ Лефортовскомъ дворцѣ и утвердили форму циркулярнаго сообщенія иностраннымъ дворамъ о кончинѣ императора. Въ тотъ же день эти сообщенія отправлены по эстафетѣ (*1).

„Печальная комиссія“ по погребенію Петра II занималась дѣятельно. Остерманъ просилъ на нее до 50,000 р., Верховный Совѣтъ отпустилъ до 30,000. Докладчикомъ по ея дѣламъ въ Совѣтѣ сдѣланъ В. Н. Татищевъ. Всѣ палаты Слободскаго, „Лефортовскаго“ дворца обивались чернымъ сукномъ, учреждено правильное дежурство при гробѣ императора изъ придворныхъ служителей и кавалергардовъ. 24 января постановлено отправить указъ С.-Петербургскому оберъ-коменданту князю Урусову о доставленіи въ Москву имѣющіяся въ Петропавловскомъ соборѣ, въ адмиралтействѣ и въ цейхгаузѣ знамена, гербы и прочія „арматуры“, необходимыя для погребенія Петра II. При подписи объ этомъ протокола, правитель дѣлъ Верховнаго Совѣта Степановъ обратилъ, весьма естественно, вниманіе на могущія произойти недоразумѣнія, п. ч. „объявленія еще о кончинѣ государевой не учинено“. Верховный Совѣтъ поступилъ весьма опрометчиво, постановивъ, вслѣдствіе такого предостереженія осторожнаго дѣльца, слѣдующую резолюцію: „въ тѣхъ указахъ того, для чего тѣ знамена потребны, не писать“. Но могла ли такая наивная мѣра удержать распространеніе слуха о кончинѣ государя? Весьма естественно, извѣстіе о ней все-таки дошло до Петербурга. 30 января въ Верховномъ Совѣтѣ получено было отношеніе Петербургскаго генералъ-губернатора графа Миниха о томъ, „что о кончинѣ блаженной памяти Его Императорскаго Величества въ С.-Петербургѣ чрезъ нѣкоторыхъ купцовъ извѣстіе учинилось. 24 января Татищевъ обратился въ Верховный Совѣтъ за разрѣшеніемъ разныхъ существенныхъ вопросовъ по приготовленію къ погребенію Петра II, и Верховный Совѣтъ постановилъ: 1) распредѣлить порядокъ траура по докладу бар. А. И. Остермана, 2) исправить разныя город-

(*1) Госуд. Арх, Чернов. журн. В. Т. С., л. 10—12.—Моск. Гл. Арх. М. И. Д., Дѣла В. Т. С., № 2, л. 2—4. Самый циркуляръ находится въ ркп. «Управленіе Всер. Имп.», л. 5—6 и напечатанъ по этой рукописи у Языкова, въ его примѣчаніяхъ къ «Запискамъ герцога Лирійскаго», (Спб. 1845 г.) с. 161—163.

скія ворота въ Москвѣ ко дню погребенія и убрать ихъ въ трауръ, 3) приготовить гробницу для императора въ Архангельскомъ соборѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ положенъ царевичъ казанскій, котораго перенесли на другое мѣсто, и въ 4) составить въ печальной комиссіи проэктъ погребальнаго церемоніала.

27 января совсѣмъ не было засѣданія по случаю панихиды въ Слободскомъ дворцѣ (62).

3) **Текущія государственныя дѣла** отнимали у „министровъ" Верховнаго Совѣта сравнительно гораздо меньше времени. Изъ уголовныхъ дѣлъ разсмотрѣны 20 января: о колодникѣ Иванѣ Дурномъ, распопѣ Серапіонѣ и чернецѣ Шишкѣ; въ это же засѣданіе опредѣлено выдать изъ каморъ-коллегіи на строеніе крѣпостей 35000 р., выслушаны реестры доношеній сената и военной коллегіи и сдѣланы на нихъ надлежащія отмѣтки для послѣдующихъ распоряженій.

Затѣмъ съ 21 по 31 января разсмотрѣны слѣдующія дѣла:

1) Слушался докладъ особой комиссіи князя Д. М. Голицына (63). 2) Сынъ канцлера, Ив. Гавр. Головкинъ назначенъ сенаторомъ. 3) Гофмейстеръ Елизаветы Петровны Семенъ Нарышкинъ просилъ отпустить для дому цесаревны положенныя по штату, но неуплоченныя деньги за 1728 и 1729 годъ; Верховный Совѣтъ опредѣлилъ немедленно выдать 5000 р., при чемъ князь Ал. Григ. Долгорукой „свое мнѣніе представлялъ, чтобы нынѣ дать до 10,000 р." 4) Сава Владиславичъ Рагузинскій получилъ, согласно его желанію, „вмѣсто пожалованнаго ему дома, деревню". 5) 30-го января сенаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ внесъ три любопытныхъ доклада отъ сената: 1) „что въ порубежныхъ городахъ посадскіе и крестьяне отъ правежа доимокъ бѣгутъ за рубежъ", 2) что Минихъ требуетъ для окончанія работъ по

(62) Госуд. Арх., Черн. журн. В. Т. С., л. 13—17.

(63) Кажется, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть комиссію, находившуюся подъ предсѣдательствомъ князя Д. М. Голицына, объ улучшеніи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ. Комиссія эта была организована въ январѣ 1727 года. (См. бумаги К. И. Арсеньева, изд. акад. Пекарскимъ, с. 84 и слѣд.).

Ладожскому каналу 4 пѣхотныхъ полка, 3) что сенатъ затрудняется, какъ поступать съ указами, отправленными изъ коллегій, тѣмъ числомъ, какъ государь здравствовалъ,— заносить такіе указы въ реестры и публиковать ихъ, или нѣтъ? Верховный Совѣтъ опредѣлилъ: по 1-му докладу:—подушныя деньги, находящіяся въ недоимкахъ до указу не взыскивать, а кабацкія и прочія править по прежнему; по 2-му: полкамъ объявить, чтобъ были въ готовности для отправки на работы по Ладожскому каналу, но до указу на каналъ не посылать; по 3-му: дня два-три обождать ([54]).

Въ то же засѣданіе 30 января имѣли разсужденіе о вспомогательномъ корпусѣ цесарю нѣмецкому на основаніи „аліанса“ и договора, заключеннаго 30 декабря 1726 года. Верховный Совѣтъ, совершенно соглашаясь съ заявленіемъ цесарскаго посла графа Вратислава, требовавшаго въ настоящее время исполненіе „аліанса“, постановилъ сдѣлать распоряженіе объ отправкѣ въ помощь нѣмецкому цесарю 20,000 инфантеріи и 10,000 драгунъ; но протоколъ объ этомъ постановленіи подписанъ лишь 19 февраля ([55]).

Верховный Совѣтъ, какъ видно изъ его журналовъ, со дня избранія Анны Іоанновны до конца января—всего усерднѣе занимался дѣлами, относящимися къ этому избранію и приготовленіями къ погребенію отрока императора, но въ мѣропріятіяхъ его по всѣмъ этимъ дѣламъ нельзя не замѣтить страшной торопливости, которая иной разъ доходитъ до непростительной неосмотрительности: таково, напримѣръ, постановленіе Верховнаго Совѣта 20 января относительно титула Анны Іоанновны въ церковныхъ моленіяхъ и возглашенія на ектеніяхъ именъ покойнаго императора и его невѣсты. Синодъ, очевидно не безъ задней мысли, предложилъ прежній титулъ императрицы, а Верховный Совѣтъ, желая предотвратить излишнія недоразумѣнія и толки, по-

([54]) Госуд. Арх., разд. III, д. № 5, л. 7—20. Моск. Гл. Арх. М. И. Д., св. VII, № 2, л. 2—4.; Проток. В. Т. С. въ Сен. Арх. за 1730 г., л. 18—46.; Арх. Синод., д. № 34, л. 9.—П. С. З., VIII, № 5497 и 5498.

([55]) Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. VII, № 1, л. 1—2, и № 3.

становилъ „до времени" поминать, какъ прежде было (⁶⁶). Но этимъ постановленіемъ онъ давалъ оружіе въ руки своему сильному противнику, Θеофану Прокоповичу, и еще болѣе увеличивалъ именно то, что желалъ предотвратить, т. е. излишнія недоразумѣнія и толки. Еще неосмотрительнѣе были въ этомъ отношеніи: распоряженіе объ исключеніи въ ектеніяхъ именъ Петра II и княжны Екатерины только для одной Москвы, извѣщеніе о кончинѣ императора иностранныхъ министровъ и въ то же время тщательное сокрытіе этой кончины отъ Москвы, Петербурга и провинцій Русскаго государства.

Противники Верховнаго Совѣта ловко пользовались всѣми такими промахами съ его стороны, и 2 февраля князь Д. М. Голицынъ увидѣлъ, что эти противники составляютъ силу, съ которой не только слѣдуетъ считаться, но и бороться. Увидѣлъ онъ это поздно, и дѣло его было совершенно проиграно. Мѣры, которыя онъ предпринялъ для борьбы съ генералитетомъ и шляхетствомъ—были еще болѣе безтактны и нецѣлесообразны, и этими мѣрами онъ запутывалъ себя все больше и больше.

(⁶⁶) Въ протоколахъ Синода первое постановленіе о титулахъ Анны Іоанновны помѣчено 2-мъ февраля (о чемъ у насъ рѣчь будетъ ниже). Ранѣе этого числа постановленія объ этомъ вопросѣ въ протоколахъ синода не находится. По всей вѣроятности, предусмотрительный Θеофанъ Прокоповичъ не вносилъ въ протоколъ разсужденій о такомъ щекотливомъ въ то время вопросѣ, а увѣдомилъ о немъ В. Т. С. простымъ сообщеніемъ. (См. Арх. Свят. Синода, дѣла 1730 г., №№ 34 и 35).

V.

ОТЪ 2-ГО ДО 10-ГО ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Засѣданіе 2-го февраля.—Письмо Анны Іоанновны изъ Митавы отъ 28-го января.—Арестъ Ягушинскаго и отзывы объ этомъ иностранныхъ пословъ.—Разныя распоряженія верховниковъ 2-го и 3-го февраля.—Молебствіе въ Успенскомъ соборѣ 3-го февраля.—День 4-го февраля.—Засѣданія Верховнаго Совѣта 5-го, 6-го и 7-го февраля; пренія о манифестѣ и привлеченіе духовенства къ подписанію протокола о засѣданіи 2-го февраля.—Путь Анны Іоанновны отъ Митавы до Всесвятскаго.—Проповѣдь Ѳеофана Прокоповича.—Приготовленія къ похоронамъ Петра II и ко «входу» Анны Іоанновны.—Занятія Верховнаго Тайнаго Совѣта текущими дѣлами.

Первое число февраля ознаменовалось весьма отраднымъ для верховниковъ событіемъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ утверждаетъ, что не только лица самихъ верховниковъ, но и прислуги ихъ сіяли радостію [1]. Кн. Д. М. Голицынъ торжествовалъ, видя успѣшное начало своего дѣла, и будущее рисовалось ему въ яркихъ и радужныхъ цвѣтахъ. Ни онъ, ни остальные верховники, никто не могъ предполагать, что мѣсяцъ, столь счастливо для нихъ начавшійся, окончится совершеннымъ ихъ посрамленіемъ, не только въ глазахъ современниковъ, но и въ памяти потомства.

Что же могло такъ обрадовать верховниковъ?

1-го февраля генералъ Леонтьевъ привезъ изъ Митавы подписанныя Анной Іоанновной кондиціи и письмо отъ нея къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Съ нимъ же былъ присланъ закованный въ кандалы П. С. Сумароковъ, гонецъ Ягушинскаго. Никому не было объявлено о прибытіи

---

(1) «Сказаніе», с. 203—204.

Леонтьева, но вѣсть, какъ о его прибытіи, такъ и о томъ, что̀ и кого онъ привезъ съ собою—скоро распространялась по Москвѣ.

2-го февраля было назначено особо торжественное засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Къ этому засѣданію приглашались отдѣльными повѣстками „синодъ, сенатъ, генералитетъ по брегадира, президенты (коллегій) и прочіе штатскіе тѣхъ ранговъ". Это собраніе должно было носить характеръ исключительно національный, вслѣдствіе чего иностранцы высшихъ чиновъ не приглашались въ него (²). Въ повѣсткахъ не было означено цѣли та-

(²) Въ черновыхъ журналахъ В. Т. С. находятся самыя эти повѣстки съ приводимыми нами ниже отмѣтками около фамилій, приглашаемыхъ лицъ о томъ, что̀ они «посланнымъ изволили сказать». Извлекая изъ повѣстокъ имена этихъ лицъ, мы помѣщаемъ ихъ отвѣты курсивомъ, въ скобкахъ. Лица, при фамиліяхъ которыхъ ничего не означено, выразили свое безусловное согласіе быть въ засѣданіи, что̀ отмѣчено въ повѣсткѣ словами: «будетъ».

1-я повѣстка.

Д. Т. Сов-ки: графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ (*ежели поможется будетъ*), кн И. Ѳ. Ромодановской (*ежели можетъ обутца будетъ*)—(кн. И. Ѳ. Ромодановской страдалъ подагрой), кн Мих. Волод. Долгорукой, об.-камергеръ кн. Ив Ал. Долгорукой.—Т. Сов-ки: И М. сынъ Бестужевъ (*не получили въ домѣ*—объявлено домовнымъ [другою рукою]); Ѳеод. Вас. сынъ Наумовъ (*дневаетъ во дворцѣ сего числа*). Ив. Никиф. сынъ Плещеевъ и кн. Серг. Гр. Долгорукой (*въ домѣ не получено, а домовнымъ ихъ объявлено*).—Коллежскіе президенты: Каморъ-коллегіи г. Макаровъ. Вотчинной, г. Сухотинъ. Бергъ—г. Зыбинъ —Ст. дѣйств. сов-ки: кн. Вас. Одоевскій, Ив. Кропотовъ, Петръ Савеловъ (*въ домѣ не получено, дневали во дворцѣ, а объявлено домовнымъ*).—Петръ Вельяминовъ-Зерновъ, графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, Григ. Ергольскій, бар. Петръ Шафировъ.—Придворные: ранга генералъ-лейтенанта—госп. Нарышкинъ; ранга генералъ маіора: об.-гофмейстеръ Алсуфьевъ (*въ домѣ не получено, дневаетъ во дворцѣ*, а домовымъ объявлено), гофъ-маршалъ Шепелевъ, гофъ-мейстеръ Елагинъ, оберъ-гофъ-шталмейстеръ Алабердеевъ и шталмейстеръ Кошелевъ (*дневиютъ во дворцѣ* сего числа); оберъ шенкъ графъ Апраксинъ (*въ домѣ не получено*, объявлено домовнымъ).—Камеръ-геры: Госп. Би.... [не разобрано].—графъ госп. Головкинъ (*въ домѣ не получено*, объявлено домовнымъ), г. Лопухинъ.

2-я повѣстка.

Т. С. гр. Ив. Гавр. Головкинъ, генер.-лейт. Ив. Ил. Дмитріевъ-Мамоновъ (*въ домѣ не получено, а объявлено домовнымъ*), Т. С. князь

кого собранія, но всѣмъ приглашеннымъ она была хорошо извѣстна.

О томъ, какъ приглашенные отнеслись къ повѣсткѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, разсказываетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. „Чудно же, воистину сказать, каковыя многихъ явились тогда разгласія“!—говоритъ онъ. „Одни, да и множайшая часть, говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ Верховный Совѣтъ раскаялся и хощетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его, въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались. А другіе всѣ иное помышляли, и какъ сами они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ ходить туда весьма не совѣтовали, прилѣжно внушая, что новая то

Алексѣй Мих. Черкасской, Т. С. Алексѣй Льв. Плещеевъ (*боленъ*), Т. С. кн. Ив. Григ. Долгорукой (*въ домѣ не получено, а объявлено домовымъ*) —Ст. дѣйств. сов-ки: Вас. Як. Новосильцевъ и Ив. Петр. Шереметевъ (*въ домѣ не получено, а объявлено домовымъ*), Об.-прокуроръ г. Воейковъ.

3-я повѣстка.

Генералы и кавалеры: Мих. Аѳ. Матюшкинъ, Павелъ Ив. Ягушинской, Ген.-кригсъ комиссаръ Григ. Петр. Чернышевъ. — Ген. лейтенанты: Ив. Ил. Дмитріевъ-Мамоновъ—кн. Григ. Дм Юсуповъ.—Андр. Ив. Ушаковъ.—Сем. Андр. Салтыковъ (*боленъ*)—-Сем. Григ. Нарышкинъ.—Ген-маіоры: кн. Ив. Ѳеод. с. Борятинской.—Ив. Вас, с. Панинъ (*боленъ*)—Ив. Макс. с. Шуваловъ.—Ив. Петр. с. Измайловъ.—Ив. Ив. с. Бибиковъ.—Ст. Лук. с. Вельяминовъ.—Кн. Алексѣй Ив. с. Шаховской.—Левъ Вас. Измаиловъ.—С. Ив. с. Сукинъ.—Алексѣй Ив. с. Таракановъ.—Дм. Ѳеод. с. Еропкинъ.—Ив. Вас. с. (фамиліи нѣтъ)—Петръ Вас. Измаиловъ.—-Кн. Вас. Матв. с. Вяземской.—Дѣйст. Ст. сов-къ: Ив. Ив. Кропотовъ. (Въ этомъ 3-мъ спискѣ, кромѣ отмѣтокъ показанныхъ въ скобкахъ, нигдѣ нѣтъ отмѣтки: будетъ). Всего по тремъ повѣсткамъ было приглашено 56 лицъ. (Госуд. Арх., р. III, д. № 5, л. 25—28).

Бригадиры вызывались военной коллегіей, а «штатскіе тѣхъ ранговъ персоны»—сенатомъ.

Въ дѣлахъ В. Т. С. сохранилось слѣдующее любопытное черновое постановленіе, безъ подписи: «Призвать ко 2-му числу, въ 9-мъ часу по полуночи, синодъ, сенатъ, генералитетъ (генералы полные, генералы-лейтенанты, генералы-маіоры), коллежскихъ президентовъ, князя Ивана Юрьевича [Трубецкаго] *кн. Михаила Володимировича* [Долгорукаго. Напечатанное курсивомъ—зачеркнуто], дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ. Чтобъ во всѣхъ чинахъ иноземцовъ не было, (Госуд. Арх., р. Ш, д. № 4, л. 28).

верховниковъ хитрость и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочіихъ или въ согласію затѣевъ своихъ сильно понудить, или протйвящихся себѣ вдругъ придавить" (³). Въ шляхетскихъ кружкахъ и среди высшаго духовенства волненіе еще болѣе усилилось. Верховники не безъ основанія полагали, что собраніе 2 февраля ознаменуется какимъ нибудь движеніемъ, направленнымъ противъ нихъ, а потому распорядились заранѣе разставить войска, какъ вокругъ Кремлевскаго дворца, такъ и по всѣмъ его внутреннимъ ходамъ и переходамъ (⁴).

2-го февраля, къ девяти часамъ утра, собрались всѣ приглашенные, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе вѣстей изъ Митавы. Верховный Совѣтъ былъ почти въ полномъ составѣ: отсутствовали только—посланный въ Митаву кн. В. Л. Долгорукой и сказывавшійся больнымъ баронъ А. И. Остерманъ. Верховники, собравшись вмѣстѣ, отдѣльно отъ приглашенныхъ въ засѣданіе „синода, сената, генералитета и прочихъ особъ",—прежде всего прочли письмо Анны Іоанновны; по прочтеніи его, они призвали къ себѣ изъ приглашеннаго генералитета только трехъ лицъ: фельдмаршала кн. Ивана Юрьевича Трубецкаго, гр. Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина и кн. Михаила Володиміровича Долгорукаго. Вмѣстѣ съ нимъ верховники приступили къ разсмотрѣнію повѣстокъ, посланныхъ изъ сената и военной коллегіи, причемъ оказалось, что были вызваны „нѣкоторыя персоны, коимъ быть не надлежитъ" (очевидно верховники не желали видѣть нѣкоторыхъ лицъ на собраніи, но сенатъ и военная коллегія вызвали ихъ, вопреки предписанію Верховнаго Тайнаго Совѣта). Узнавъ, что эти персоны уже пришли, верховники рѣшили „допустить и ихъ". Окончивъ эти предварительныя занятія, верховники пригласили въ засѣданіе синодъ въ трехъ персонахъ: архіепископа Новгородскаго—Өеофана Прокоповича, Ростовскаго—Георгія Дашкова и Коломенскаго—Игнатія Смолу, а также сенатъ, генералитетъ и прочихъ, „которымъ повѣстка была".

Всѣмъ имъ было объявлено о присылкѣ съ генераломъ Леонтьевымъ подписанныхъ Анною Іоанновною кондицій и

(³) Өеофанъ «Сказаніе» с. 203.

(⁴) Ibid. с. 204.

письма и затѣмъ прочитаны въ подлинникахъ письмо и кондиціи (*). На окончательной редакціи кондицій находилась собственноручная приписка курляндской герцогини: *по сему обещаю все без всякаго изъятия содержать, Анна.* Въ письмѣ Анна Іоанновна писала слѣдующее: read on Feb 2

«Любезно-вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, присутствующимъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ. Отправленные отъ васъ любезно-вѣрные намъ т. д. с. и членъ Тайнаго Верховнаго Совѣта кн. Василей Долгорукой, да тайный совѣтникъ и сенаторъ, князь Михайло Голицынъ, и генералъ-маеоръ Михайло Леонтьевъ, 25 числа сего мѣсяца, пріѣхавъ къ намъ въ Митаву, горестную и неописанную объявили Намъ печаль о преставленіи Его Императорскаго Величества Петра втораго, нашего любезнѣйшаго племянника и государя. Мы, какъ по близости крови, такъ и по всѣмъ Его Величества благосклоннымъ къ Намъ поступкамъ, признаваемъ тое печаль за крайнее Божеское наказаніе нашей фамиліи, и всѣмъ россійскаго народа право любящимъ дражайшее свое отечество. Потому вышеупомянутые, отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили Намъ что, *по соизволеніи всемогущаго Бога, которой токмо единъ державы и скипетры монарховъ опредѣляетъ, избраны мы на россійской, прародителей нашихъ, престолъ*, и хотя я разсуждала, какъ тяшко есть правленіе той великой и славной монархіи, однакожъ, *повинуяся той Божеской воли и прося Его, Создателя, помощи къ тому жъ не хотя оставить отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу того государства и правительствовать, елико Богъ Мнѣ поможетъ*, такъ чтобы всѣ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. *Понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ моимъ на россійской престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрели мы за потребно, для пользы россійскаго государства и ко удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ ко отечествію нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ какими способы Мы то правленіе вести хощемъ*, и подписавъ нашею рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29-й день конечно из Митавы к Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ. Впротчемъ, обѣщаемъ вамъ и всѣмъ нашимъ подданнымъ нашу монаршескую милость, которую, по прибытіи нашемъ, дѣй-

---

(*) Госуд. Арх., Чернов. журн., л. 23.

отрительно показать хощем, и всѣхъ васъ вручаемъ всемогущему Богу. Дано в Митаве, 28 генваря, 1730 году» (*).

(*) Письмо Анны Іоанновны В. Т. С-ту изъ Митавы отъ 28 янв. 1730 г., съ извѣщеніемъ о согласіи ея на предложенныя ей «кондиціи», напечатано въ первый разъ *по черновому списку руки кн. В. Л. Долгорукаго*, доставленному В. Н. Каразинымъ изъ Харькова,—въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1830 г., издававш. Погодинымъ (ч. I, с. 368—371). Съ 1830 по 1877 годъ письмо это было издано нѣсколько разъ. Изъ «Московскаго Вѣстника» перепечаталъ его Вейдемейеръ, въ «Обзорѣ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра В. до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны». (См. 4-е изд., 1848, ч. I, с. 101—103) и кн. П. В. Долгоруковъ въ «Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ» (СПБ. 1840, с. 233—234); затѣмъ, по другому списку А. Ѳ. Малиновскаго, схожему со спискомъ Каразина и хранящемуся въ главномъ московскомъ архивѣ М. И. Д., письмо было напечатано Языковымъ въ примѣчаніяхъ къ его переводу «Записокъ герцога Лирійскаго» (СПБ. 1845. с. 166—168) и въ протоколахъ В. Т. С. (Чтен. моск. Общ. Ист. и древн., 1858, III, с. 115—116). Въ 1869 году С. М. Соловьевъ впервые напечаталъ письмо въ своей «Исторіи Россіи» по бѣловому, оффиціальному списку госуд. архива, но не вполнѣ: у него не достаетъ начала его и конца. (т. XIX, с. 252, 1-е изд.). Въ 1877 г. академикъ А. Ѳ. Бычковъ снова напечаталъ черновую редакцію письма, собственноручно писанную кн. В. А. Долгорукимъ, отмѣтивъ *курсивомъ* слова, зачеркнутыя въ подлинникѣ (Р. Стар. 1877., т. XVIII, с. 511—512). Т. обр. мы имѣемъ въ наст. вр. двѣ редакціи этого письма: *черновую*, писанную кн. В. Л. Долгорукимъ (Каразина и Бычкова) и *бѣловую* (госуд. архива), надорванную вмѣстѣ съ кондиціями 25 февраля 1730 г. Мы воспроизвели письмо по печатному тексту «Протоколовъ» В. Т. С., исправивъ этотъ текстъ по оригиналу, находящемуся въ госуд. архивѣ (разд. III, д. № 6, л. 27). «Достойны примѣчанія самыя помарки въ семъ отпускѣ»,—говоритъ Каразинъ. «Онѣ доказываютъ, или крайнюю поспѣшность, или встревоженный духъ излагателя. Немногія строки уцѣлѣли въ своемъ первоначальномъ видѣ; слова, необходимыя для смысла, пропущены, и послѣ прибавлены надъ строками, на поляхъ. Вас. Лукичъ забывался до такой степени, что пропустилъ собственное свое званіе члена Т. В. С. (что послѣ на полѣ прописано), и что вмѣсто Петра *Втораго*, написалъ было Петра *Перваго*. Что принадлежитъ до Митавы, два раза вмѣсто *Митавы* написанное,—вѣроятно такъ продолжали еще произносить русскіе въ то время: ибо такъ произносятъ и нынѣ народъ». (Моск. Вѣст. 1830, ч. I, с. 368—369, примѣч.)—Для сличенія помѣщаемъ здѣсь важнѣйшія отмѣны черновой редакціи письма по тексту академика А. Ѳ. Бычкова. Зачеркнутыя слова не внесены въ бѣловой списокъ; мы ставимъ ихъ въ скобкахъ, курсивомъ. Къ строк. 5—8: «25-го числа сего мѣ-

Письмо это было заранѣе, еще въ Москвѣ, составлено княземъ В. Л. Долгорукимъ, безъ сомнѣнія, при участіи князя Д. М. Голицына. Письмо имѣло претензію удовлетворить самымъ различнымъ воззрѣніямъ слушателей, давая возможность толковать его весьма разнообразно. Анна Іоанновна, указывая въ письмѣ прежде всего на родство свое съ покойнымъ императоромъ, приписывала свое избраніе „соизволенію Всемогущаго Бога", повинуясь волѣ котораго она и принимала россійскій престолъ только потому, что не хотѣла „оставить" своего отечества и вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Исходя изъ этого божественнаго начала своей власти вновь избранная императрица приписываетъ весь планъ, начертанный въ кондиціяхъ, своему собственному почину: она говоритъ прямо, что сама написала, насколько позволило ей время, тѣ „способы", какими она хочетъ вести управленіе; такимъ образомъ, Верховный Совѣтъ являлся не инціаторомъ „кондицій", а только исполнителемъ воли императрицы. Этотъ тонъ данъ былъ письму намѣренно, чтобы замаскировать предъ большинствомъ настоящій починъ избранія курляндской герцогини и дѣйствительное значеніе кондицій, какъ наброска будущихъ государственныхъ преобразованій.

сяца пріехавъ к намъ в Митаву горестную и неописанную (*и зело чюв и горестную намъ нашей*) объявели намъ печаль. (*что*) о представленіи (любезнѣйшаго нашего племянника Петра перваго (*втораго*), *что та печаль толь мы чювствуемъ*)». Къ строк. 18—21: «къ тому-жъ (*не хотя оставить природительскаго нашего престоли*). не хотя оставить отечества моего и верныхъ нашихъ подданныхъ (*намърена взя*) намѣрелась принять державу того государства (*и вести*) и правительствовать елико Богъ мнѣ (*да*) поможетъ, (*такъ чтобъ въ началъ всъ чины Роси*) всѣ наши подъданные, какъ мірскіе, такъ и дохные (т. е. духовные) могли быть доволны, а понеже къ (*такому*), тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ (*всякъ*) и во всѣхъ государствахъ чинится, того (*для я еще прежде вступленія моего на Россійской престолъ разсудили, я разс. еще прежде*".) Къ строк. 32—34: изъ Митавы къ Москвѣ для (*принятія пре*) вступленія на престолъ пойдемъ, *вручаемъ васъ какъ васъ, такъ и всъхъ нашихъ върныхъ подданныхъ всемогущему Богу*); впрочемъ обѣщаемъ (*нашу монарше*) вамъ и (*всему*) всѣмъ нашимъ подданнымъ нашу монаршескую милость».

Поэтому князь Д. М. Голицынъ, по прочтенiи письма, обратился къ собранiю съ краткою рѣчью, въ которой высказалъ убѣжденiе, что всѣ присутствующiе, „какъ дѣти отечества“, будутъ искать общей пользы и благополучiя государству (⁷).

Противники верховниковъ изъ сената, генералитета и шляхетства, какъ сторонники самодержавiя, такъ и сторонники ограниченiя власти—могли видѣть въ письмѣ Анны Iоановны залогъ успѣха собственныхъ мечтанiй и надеждъ. Синодальные члены, повидимому, читали въ письмѣ между строкъ полное самодержавiе и радовались тому искренно. Они „учали домогаться, чтобы больше не отлагая, собраться и совершить благодарственное молебствiе“ (⁸).

Всѣ присутствовавшiе согласились на молебствiе, которое и назначено въ Успенскомъ соборѣ на другой день (3-го февраля), и выразили глубокую благодарность Аннѣ Iоанновнѣ „за таковую ея императорскую милость“.

Но эта общая радость была только видимая, внѣшняя. Въ душѣ, ни верховники, ни приглашенныя персоны — не могли быть довольны и покойны: противорѣчiе между тономъ письма и кондицiями было очевидное. Кн Д. М. Голицынъ и верховники знали очень хорошо своихъ враговъ и видѣли, что 2 февраля враги эти явились на генеральное сраженiе съ ними; особенно смущалъ ихъ Ягушинской. Противники верховниковъ рѣшились въ этотъ день открыто высказать свои желанiя.

— „Какимъ образомъ впредь то правленiе быть имѣетъ“?—обратились къ верховникамъ съ вопросомъ собравшiяся персоны.

Иностранные послы и Ѳеофанъ Прокоповичъ свидѣтельствуютъ, что этотъ вопросъ былъ сдѣланъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. Князь Д. М. Голицынъ всего менѣе могъ ждать такого вопроса отъ князя Черкасскаго, но дѣлать было нечего и онъ долженъ былъ удовлетворить весьма естественному требованiю, стоявшему за этимъ вопросомъ, требованiю о томъ, чтобы Верховный Совѣтъ выслушалъ наконецъ мнѣнiе имъ же приглашенныхъ—

(⁷) Госуд. Арх., р. III, д. № 5, л. 23.

(⁸) Ѳеофанъ «Сказанiе», с. 203.

синода, сената, генералитета и шляхетства. Князь Д. М. Голицынъ отвѣчалъ, „чтобы они, ища общей государственной пользы и благополучія, написали проэктъ отъ себя и подали на другой день".

Вслѣдъ за симъ верховники удалились въ особую палату, а собравшіяся „персоны" просили еще разъ прочесть имъ „кондиціи", чтобы лучше уразумѣть ихъ. Уходя въ особую палату, верховники приказали, чтобъ „о здравіи Ея Величества на ектеніяхъ молили, а какимъ образомъ титуловать во всемъ государствѣ и въ церквахъ Бога молить— приказано сдѣлать форму, а равно и публикацію въ народъ о болѣзни и кончинѣ государевой" (9).

О выслушаніи кондицій и письма былъ между тѣмъ составленъ слѣдующій протоколъ:

«Февраля 2 дня вышеписанные Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшее писаніе і пункты писанные генваря 28 числа за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, которые присланы з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ Верховному Тайному Совѣту, святѣйшій Синодъ, Сенатъ, Генералитетъ і протчие тѣхъ ранговъ, выслушавъ—за такую Ея Императорскаго Величества показанную ко всему государству неизреченную милость, благодарили всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что тою Ея Величества милостію весьма доволны и подписуемся своими руками» (10).

Когда собравшимся персонамъ предложили подписать этотъ протоколъ, онѣ отказались это исполнить, отложивъ до 4 февраля, а прослушавъ еще разъ кондиціи, разошлись по домамъ толковать о происшедшемъ и обдумывать свои проэкты (11).

Θеофанъ Прокоповичъ такъ описываетъ собраніе 2 февраля:

„Ни кого, почитай кромѣ Верховныхъ",—говоритъ онъ,— „не было, кто-бы таковыя слушавъ, не содрогнулся, и саміи тіи, которы вчера великой отъ сего собранія пользы, надѣялись, опустили уши, какъ бѣдніе ослики; шептанія

(9) Госуд. Арх. Черновой журн. В. Т. С., л. 23—24; Рус. Ист. Сб., V, 354.—Де-Лиріа, XVIII-й в., III, 39.—Θеофанъ, «Сказаніе», с. 205.

(10) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6, л. 33.

(11) Ibid., дѣло № 5, л. 24.

нѣкая во множествѣ оном прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи удивляются. Одинъ изъ нихъ только князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ часто похаркивалъ: „Видите де, какъ милостива Государыня! и какого мы отъ нее надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее подвинулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ"! Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: „для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ-де ничего другаго говорить, только благодарить той милосердной Государынѣ"! И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: „Не вѣдаю-де и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло Государынѣ такъ писать"!—то на его слова ни отъ кого отвѣта не было" ([12]).

Синодальные члены прямо изъ собранія отправились въ засѣданіе синода и составили протоколъ о томъ, чтобы титулъ Анны Іоановны, согласно титулу прежде царствовавшихъ государей, заключалъ въ себѣ самодержавіе ([13]).

Удалившись въ особую палату, верховники приступили къ обсужденію вопроса о Ягушинскомъ. Его роль впервые стала для нихъ извѣстна изъ „распросныхъ рѣчей" Сумарокова на допросѣ, произведенномъ ему въ Митавѣ, 26 января, князьями В. Л. Долгорукимъ и М. М. Голицынымъ-младшимъ. Вмѣсто того, чтобы привлечь Ягушинскаго на свою сторону, призвавъ его въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта (чѣмъ вполнѣ было бы удовлетворено его честолюбіе), князья Голицыны и Долгорукіе, давно не любившіе выскочку-шляхтича, обрадовались случаю вымѣстить накипѣвшую на него злобу. Ягушинской былъ арестованъ и подвергнутъ

([12]) Ѳеофанъ, «Сказаніе», с. 204—205.

([13]) Арх. Св Синода, 1730 г., дѣло № 34, л. 69.

допросу. Иностранные послы передаютъ картинную сцену ареста Ягушинскаго. Они повѣствуютъ, что, во время чтенія кондицій, князь Д. М. Голицынъ обратился къ Ягушинскому съ вопросомъ, какого тотъ мнѣнія о кондиціяхъ? Ягушинской, будто бы очень смутился этимъ вопросомъ, что и послужило къ его уликѣ; послѣ этого онъ былъ, по приказанію того же Голицына, арестованъ фельдмаршаломъ княземъ Долгорукимъ и допрошенъ В. И. Степановымъ ([14]). Князь Д. М. Голицынъ былъ слишкомъ опытный политикъ, чтобы поступить столь наивно; приведенныя подробности, по всему вѣроятію, принадлежатъ къ числу слуховъ, распространявшихся въ публикѣ по поводу ареста Ягушинскаго: арестъ этотъ взволновалъ не только его родственниковъ—канцлера Головкина, князей Ромодановскаго и Борятинскаго,—но и большинство шляхетства, духовенства и иностранныхъ министровъ. Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 2 февраля говорится объ арестѣ Ягушинскаго въ „общихъ терминахъ". „Приказано"—читаемъ мы въ этомъ журналѣ—за нѣкоторыя подозрѣнія генерала Ягушинскаго арестовать и отдать подъ караулъ, а какимъ образомъ его содержать о томъ отъ обоихъ генералъ-фельдмаршаловъ приказано гвардіи капитану Лукину".

Поѣздка Сумарокова ясно доказала верховникамъ, какъ легко можно проѣхать изъ Москвы въ Митаву. По этому только-что „сведенныя" по тверской дорогѣ заставы были возобновлены. „Тогда-жъ отъ собранія Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано", — говорится въ журналѣ этого засѣданія,—„чтобы всѣмъ тѣмъ, которые при томъ были (т. е. сенату, синоду, генералитету и шляхетству) объявить, что, понеже являются нѣкоторыя подозрѣнія, того бы ради никто по тверской дорогѣ къ нимъ не ѣздилъ, ни свойственниковъ своихъ не посылалъ, а ежели кому послать нужда, чтобъ докладывали въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; такожъ приказано, чтобъ изъ ямской канцеляріи учинить заставу по тверской дорогѣ и никого безъ паспортовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта не пропускать". Вслѣдствіе этого постановленія были выданы паспорты послан-

---

([14]) Де-Лирія, XVIII в., III. с. 39.—Рус. Ист. Сб. V. с. 349—350—Tourgueneff. III, 265—266.

нымъ на встрѣчу Анны Іоанновны отъ ея сестеръ—царевенъ Екатерины и Прасковьи (¹⁵).

Мы сочли нужнымъ столь подробно остановиться на днѣ 2-го февраля, на собраніи приглашенныхъ „персонъ" и на послѣдовавшемъ за этимъ собраніемъ засѣданія Верховнаго Тайнаго Совѣта и синода,—потому, что подробности эти опредѣляли происшествія всей послѣдующей недѣли, а эта недѣля имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи воцаренія императрицы Анны Іоанновны. 10 февраля Анна Іоанновна пріѣхала въ подмосковное село Всесвятское, и въ теченіи семи дней, съ 3-го по 10-е февраля, образовались тѣ элементы, которые друзьями и сторонниками императрицы были впослѣдствіи ловко направлены въ ея пользу.

Верховники имѣли ясныя доказательства, что духовенство и шляхетство рѣшились на открытую и упорную борьбу съ ними; но вождь верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ самонадѣянно и гордо отнесся къ оппозиціонному движенію. Онъ не только не думалъ войдти въ соглашеніе съ враждебными элементами, но не пожелалъ даже подробнѣе изучить эти элементы; напротивъ, онъ дѣйствовалъ рѣзко, игнорируя движеніе, и рядомъ послѣдовавшихъ распоряженій создавалъ себѣ все болѣе и болѣе враговъ.

Въ чемъ же состояли эти распоряженія, какія средства употреблялъ кн. Д. М. Голицынъ противъ своихъ враговъ?

3-го февраля, арестованный Ягушинской былъ обыскант гвардіи капитаномъ Лукинымъ столь тщательно, что у него были отобраны не только „кавалерія и письма, но ножницы и карандашъ, которые при немъ были". Письма Ягушинскаго разсматривались гг. „министрами" въ засѣданіи 3-го февраля и запечатаны (¹⁶).

Затѣмъ пошли аресты разныхъ лицъ замѣшанныхъ въ дѣло Сумарокова. Въ засѣданіи Верховнаго Совѣта 3-го февраля фельдмаршалъ кн. Вас. Вл. Долгорукой объяснилъ, что одного изъ сторонниковъ Ягушинскаго, новгородскаго помѣщика Воина Корсакова, не могли розыскать въ Москвѣ; было только извѣстно, что онъ на дняхъ уѣхалъ въ

(¹⁵) Госуд. Арх., разд. III, д. № 5, л. 23—24.
(¹⁶) Ibid., л. л. 31—32.

свои новгородскія деревни,—вслѣдствіе чего верховники положили немедленно послать въ Новгородъ распоряженіе о томъ, чтобы взять Корсакова подъ крѣпкій караулъ (17).

Аресты Сумарокова, Ягушинскаго и ихъ сторонниковъ породили новые слухи, еще болѣе повредившіе верховникамъ.

Иные считали Ягушинскаго приверженцемъ Елизаветы Петровны, хлопотавшимъ о возведеніи ея на престолъ, другіе смотрѣли на него, какъ на сторонника ограниченія самодержавія, но не согласнаго съ программой верховниковъ, третьи наконецъ, болѣе посвященные въ политическія тайны, почитали его кліентомъ Анны Іоанновны и сторонникомъ ея неограниченной власти. Всѣ эти слухи передавались въ тогдашней иностранной періодической прессѣ и въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ (18).

Человѣкъ близкій Ягушинскому, саксонско-польскій посланникъ Лефортъ, сообщаетъ, что 4 февраля Верховный Совѣтъ лишилъ Ягушинскаго обоихъ орденовъ: Андреевскаго и Александровскаго, и въ тотъ-же день, при барабанномъ боѣ, было объявлено о его винѣ — „письмѣ, написанномъ императрицѣ и направленномъ противъ блага отечества и интересовъ Ея Величества". Лефортъ отрицаетъ виновность Ягушинскаго. „Заточеніе Ягушинскаго",—пишетъ онъ—„было сдѣлано скоро и живо. По моему мнѣнію, эта поспѣшность не имѣла бы мѣста, если бы онъ дѣйствительно былъ въ чемъ-нибудь виновенъ, но такимъ деспотическимъ поступкомъ въ самомъ началѣ, верховники хотѣли высказать въ полномъ блескѣ силу своей

---

(17) Черн. журн. В. Т. С., л. 31 — 32. Объ арестѣ Корсакова былъ посланъ указъ того же 3 февраля Новгородскому губернатору, которому предписывалось немедленно отправить въ деревню Корсакова офицера съ командою солдатъ «и по поимкѣ его, отдать подъ арестъ генералъ-маіору Порошину и никого къ нему не допускать, и буде явятца у него какія письма, отобрать и запечатавъ, прислать въ В. Т. С.» Ркп. Малиновскаго: «Управленіе Всерос. имперіи», л. 16.

(18) О томъ, что Ягушинской считался первое время сторонникомъ Елизаветы Петровны см. «Europ. Fama» 1730 г., ч. CCCXXVIII, с. 320, а о томъ, что онъ нападалъ на мѣропріятія верховниковъ («tenait des discours fort libres contre les grands») въ «Mercure historique et politique». 1730 г., ч. LXXXVIII, с. 301—302.

власти" ([19]). Носились слухи, что верховники два раза предлагали Ягушинскому свободу и возвращеніе чиновъ и орденовъ, но онъ, поддерживаемый главной партіей (за самодержавіе), не поддавался и ожидалъ прибытія императрицы. „Вы меня очернили и не можете возвратить мнѣ добраго имени, которымъ я пользовался", говорятъ, сказалъ Ягушинской верховникамъ ([20]).

Арестъ Ягушинскаго наводитъ Лефорта на слѣдующія мысли: „Хотятъ ограничить самодержавіе верховной власти",— пишетъ онъ $^{5}/_{16}$ февраля—„а Верховный Тайный Совѣтъ дѣйствуетъ совершенно деспотически и рѣшаетъ дѣла безъ вѣдома императрицы. Этотъ опрометчивый образъ дѣйствій выясняетъ народу сущность дѣла и заставляетъ его болѣе чѣмъ когда либо держаться прежняго порядка вещей" ([21]). Намѣреніе верховниковъ помириться съ Ягушинскимъ и возвратить ему свободу Лефортъ объясняетъ желаніемъ сдѣлать уступку шляхетству, недовольному „кондиціями" верховниковъ и желавшему представить свой проэктъ государственныхъ преобразованій ([22]). Лефортъ такъ заканчиваетъ свою депешу отъ $^{9}/_{20}$ февраля: „Изъ всего этого можно заключить, что русское государство представляетъ такой хаосъ въ которомъ трудно что либо разобрать; сколько головъ— столько и плановъ; каждый умствуетъ, слѣдуя своему слабому сужденію; не имѣя понятія о свободѣ, ее смѣшиваютъ со своеволіемъ. Въ Россіи будетъ господствовать безначаліе" ([23]).

Былъ слухъ, что письмо, посланное Ягушинскимъ Аннѣ Іоанновнѣ съ Сумароковымъ, попало въ руки князя В.

([19]) Сб. Рус. Ист. Общ. V, 350—351.

([20]) Ibid., 353—354.

([21]) Ibid., 352—353.

([22]) Ibid., 354.

([23]) Ibid. 354.—Кромѣ того Мардефельдъ пишетъ отъ $^{5}/_{16}$ февраля: «Ягушинской содержится несмѣнно подъ строгимъ карауломъ во дворцѣ и никого къ нему не пускаютъ. Съ него уже сняли орденъ св. Андрея и публиковали во всѣхъ полкахъ, что онъ арестованъ за тяжкія преступленія противъ ея величества императрицы и противъ государства» (Рус. Ист. Сб. XV, с. 411).

Л. Долгорукаго черезъ самое императрицу: по словамъ нѣкоторыхъ, она выдала Сумарокова депутатамъ съ цѣлью убѣдить ихъ въ искреннемъ своемъ желаніи сообразоваться во всемъ съ ихъ совѣтами и рѣшеніями государственныхъ чиновъ ее избравшихъ ([24]). „Многіе того мнѣнія, что Ягушинской погибнетъ потому, что его преступленіе сдѣлалось публичнымъ; другіе думаютъ, что царица его спасетъ, потому что все преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ хотѣлъ утвердить ея власть“,—пишетъ испаскій посолъ де-Лиріа ([25]).

Собраніе 2-го февраля и дѣло Ягушинскаго заставили верховниковъ серьозно заняться вопросами, тѣсно связанными съ избраніемъ Анны Іоанновны и все еще окончательно не разрѣшенными. Главнымъ образомъ озабочивалъ ихъ вопросъ о титулѣ вновь избранной императрицы; кромѣ того, со времени кончины Петра II прошло уже двѣ недѣли. а народъ не былъ еще оффиціально извѣщенъ о его смерти, и русскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ не сообщено о ходѣ болѣзни юнаго императора, сведшей его въ могилу. Синодъ назначилъ торжественное благодарственное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ, по случаю избранія Анны Іоанновны, и постановилъ именовать ее самодержащей, шляхетство измышляло свои проэкты государственныхъ преобразованій, а протоколъ о выслушаніи митавскаго письма и кондицій никѣмъ не былъ подписанъ. Припомнимъ, что за долго до 2-го февраля, когда кондиціи только были отправлены въ Митаву, Верховный Совѣтъ сдѣлалъ распоряженіе чтобы до поры до времени титуловать Анну Іоанновну самодержицей ([26]). Кромѣ того, Верховный Совѣтъ пропустилъ слѣдующій фактъ, повидимому незначительный, но въ дѣйствительности весьма

([24]) Де-Лиріа, XVIII в., II, 39.—Tourgueneff, III, p. 266.

([25]) Ibid.—Сообщая въ короткихъ словахъ объ арестѣ Ягушинскаго, французской резидентъ Маньянъ называетъ его «однимъ изъ самыхъ усердныхъ сторонниковъ свободы отечества, каковымъ онъ проявилъ себя въ первыхъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ». (Здѣсь Маньянъ вѣроятно разумѣетъ его разговоръ съ князьями С. Г. и В. Л. Долгорукими 19-го Января).

([26]) См. IV гл. настоящаго изслѣдованія, стр. 106.

важный.. Въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" было напечатано извѣстіе изъ Москвы отъ 19-го января о кончинѣ Петра II-го, вслѣдъ за которымъ объ избраніи Анны Іоанновны сообщалось въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „избрана въ Высокомъ Тайномъ Совѣтѣ Императрицею и Самодержицею Всероссійскою Ея Высочество Государыня герцогиня курляндская, Анна Іоанновна" ([27]). Нѣкоторые русскіе послы и резиденты при иностранныхъ дворахъ, отправляя свои реляціи послѣ 19-го января на имя Анны Іоанновны, называютъ ее, по исконной титулатурѣ русскихъ государей: „Всепресвѣтлѣйшей, Самодержавнѣйшей" ([28]).

Эти промахи только теперь возстали передъ верховниками въ настоящемъ свѣтѣ. Кн. Д. М. Голицынъ не могъ не замѣтить, что онъ все болѣе и болѣе теряетъ подъ собою твердую почву, вступая на скользкій путь противорѣчій. Нужно было поставить вопросъ о титулѣ такъ, чтобы удовлетворить большинство, недовольное Верховнымъ Совѣтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться возможностью сдѣлать впослѣдствіи необходимыя измѣненія. Для этого разумѣется, всего удобнѣе, прикрыться самодержавной властью Анны Іоанновны, которая выражалась бы только въ титулѣ, а на дѣлѣ была бы въ полной зависимости отъ Верховнаго Совѣта. Такой образъ дѣйствій былъ бы во первыхъ, логическимъ продолженіемъ тѣхъ началъ, которыя высказаны въ письмѣ изъ Митавы отъ 28 января, а во вторыхъ онъ бы совершенно отстранялъ отъ Верховнаго Совѣта всѣ нареканія въ олигархіи и присвоеніи себѣ верховной власти.

Засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта 3 го февраля, кромѣ обсужденія дѣла Ягушинскаго, было посвящено вопросу о титулѣ Анны Іоанновны и распоряженіямъ относительно извѣщенія русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ о ходѣ болѣзни Петра II. По вопросу о титулѣ, верховни-

---

([27]) Извлеч. изъ «Спб. Вѣд.» 1730 г., перепеч. въ Сѣв. Арх. 1827 г., ч. XXX, № 23.

([28]) Такъ напр., князь С. Голицынъ, русскій посланникъ въ Берлинѣ, въ своей реляціи отъ 7 февраля (ст. стиля), даетъ Аннѣ Іоанновнѣ слѣдующій титулъ: «Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая». См. Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. 51, № 6.

ки постановили выслушать мнѣніе хитроумнаго Остермана, безъ совѣта съ которымъ они не рѣшались ни на какую мѣру въ такомъ затруднительномъ дѣлѣ, и отправили къ нему на домъ нѣсколько различныхъ проэктовъ титулованія избранной государыни. Такъ какъ этотъ вопросъ еще не былъ разрѣшенъ, то русскихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ положили увѣдомить только о титулѣ, какимъ пользовалась императрица Екатерина. 3-го февраля имъ было сообщено и о ходѣ болѣзни покойнаго императора ([29]).

Сдѣлавъ затѣмъ нѣсколько распоряженій относительно „входа" Анны Іоанновны въ Москву, верховники отправились въ Успенскій соборъ на молебствіе. По приказанію синода протодіаконъ провозгласилъ на молебствіи имя Анны Іоанновны „съ полною монаршескою титлою, самодержавіе въ себѣ содержащею" ([30]). Верховники не ждали такого скораго и открытаго провозглашенія Анны Іоанновны самадержицей—но дѣлать было нечего. Затаивъ свою злобу противъ синода, кн. Д. М. Голицынъ сталъ доканчивать въ Успенскомъ соборѣ тѣ распоряженія, которыхъ не успѣлъ сдѣлать въ засѣданіи Верховнаго Совѣта, торопясь на молебствіе. Такъ напримѣръ, разрѣшено было выдать подорожную камергеру Елизаветы Петровны барону Строганову, ѣхавшему на встрѣчу Анны Іоанновны съ поздравленіемъ отъ имени цесаревны. Дальнѣйшія распоряженія верховниковъ въ этотъ день происходятъ уже послѣ молебствія въ домѣ кн. Д. М. Голицына. Тамъ собрались домохозяинъ и два фельдмаршала—князья Долгорукой и Голицынъ, и доканчивали спѣшныя дѣла. Сдѣланы были распоряженія о заготовленіи „уѣздныхъ подводъ" по московской губерніи для поѣзда им-

---

([29]) Гос. Арх., разд. III, Черн. журн. В. Т. С., л. 27. «1730 г. Февр. 3 дня отдано въ В. Т. С. 2 вѣдомости, отправленные къ министрамъ россійскимъ обрѣтающимся при чюжестранныхъ дворѣхъ изъ колл. И. Д. о болѣзни Его Императорскаго Величества отъ 12 и 15 генваря сего года. Тогда жъ отдано форма титулятуры блаженныя памяти Ея Имп. Вел. Екатерины Алексѣевны титула болшаго и средняго и какъ къ министрамъ въ рескриптахъ и отъ нихъ въ реляціяхъ пишется». См. Гл. Моск. Арх. М. И. Д., св. VII, № 2, л. 6.

([30]) Өеофанъ, «Сказаніе», с. 206.—Это обстоятельство не занесено въ журналы ни В. Т. С., ни синода.

ператрицы, разрѣшено пропустить ординарную заграничную почту, которая долгое время не была впускаема въ Москву, а также велѣно впредь пропускать всѣ почты, какъ изъ Москвы, такъ и въ Москву ([21]).

4 февраля былъ очень затруднительный для верховниковъ день: сенатъ, генералитетъ и знатное шляхетство должны были подписать составленный 2 февраля протоколъ, о выслушаніи письма и кондицій. Поэтому верховники выжидали всѣхъ этихъ лицъ, желая, если не со всѣми, то хоть съ главными изъ нихъ, посовѣтоваться относительно занимавшихъ ихъ вопросовъ. 4 февраля собрались всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, за исключеніемъ одного Остермана; когда явились знатныя персоны для подписанія протокола, верховники, прежде всего, имѣли разговоры секретные, призвавъ на совѣщаніе фельдмаршала кн. Ив. Юр. Трубецкаго и кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Во время этихъ секретныхъ разговоровъ собрались сенатъ и генералитетъ и стали покрывать своими подписями листъ съ протоколомъ 2-го февраля: первая страница была оставлена для синодальныхъ членовъ и прочихъ архіереевъ. Во главѣ подписей на второй страницѣ стоитъ имя старѣйшаго по лѣтамъ изъ штатскихъ „дѣйствительныхъ совѣтниковъ", графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина; затѣмъ слѣдуютъ подписи кн. Ив. Юр. Трубецкаго и кн. Мих. Вл. Долгорукаго. Далѣе подписались: „енаралъ" Матюшкинъ, графъ Чернышевъ, Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, князь Григорій Борисовичъ Юсуповъ, князь Иванъ Григорьевичъ Долгорукой, Леонтьевъ (привезшій кондиціи") и т. д. Всего въ этотъ день подписалось 69 лицъ, изъ коихъ большинство принадлежало къ составителямъ разныхъ отдѣльныхъ мнѣній и заявленій ([22]).

Результатомъ секретныхъ совѣщаній верховниковъ были слѣдующіе акты, составленные Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ 4-го февраля: 1) постановленіе о титулѣ Анны Іоанновны, 2) письмо къ ней, съ выраженіемъ благодарности за

([21]) Черн. журн. В. Т. С., л. 31—32. Прот. В. Т. С. въ Сенатск. Арх., кн. К., л. 43.

([22]) Госуд. Арх., р. III, д. № 6, л. 32—34. О лицахъ, подписавшихъ протоколъ 2 февраля, см. ниже, примѣч. 46-е.

„милостивѣйшее писаніе" отъ 28 января и за подписаніе кондицій, 3) манифестъ, или объявленіе въ народъ о кончинѣ императора Петра II и объ избраніи Анны Іоанновны.

Въ протоколѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 4-го февраля читаемъ: „Ея Императорскаго Величества титулъ употреблять, какъ въ молитвахъ церковныхъ, такъ и въ отправляемыхъ грамотахъ внутри и внѣ государства, въ указахъ, челобитныхъ и въ прочихъ во всѣхъ, противъ того, какъ блаженныя и вѣчно-достойныя памяти императрицы Екатерины Алексѣевны употреблялось; и о томъ въ синодъ, въ сенатъ и въ коллегіи послать указы, а въ губерніи и въ прочія мѣста послать указы изъ сената, а въ армію изъ военой коллегіи" ([33]). Форма титула была слѣдующая: „Божіею милостію Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская" ([34]). Верховникамъ оставалось только утвердить форму титула Анны Іоанновны сообразно съ протодіаконскимъ провозглашеніемъ. „Да тожъ верховникамъ весьма не любо стало и каялись, что о томъ прежде запамятовали посовѣтоваться"—говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ — „и когда въ тотъ же день синодъ посылалъ во вся страны письменныя титулованія государыни формы, посылали и они; но титлы самодержавія, уже прежде оброненной, перемѣнить не посмѣли" ([35]).

Письмо къ императрицѣ было отправлено съ генераломъ Леонтьевымъ 5-го февраля. Онъ же повезъ и письмо отъ верховниковъ къ князю В. Л. Долгорукому, сочиненное также 4-го февраля. Въ письмѣ къ императрицѣ, подписанномъ всѣми членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, даже Остерманомъ, верховники высказываютъ явную ложь и допускаютъ прямой подлогъ.

«Сего настоящаго февраля 2 дня»—пишутъ они императрицѣ,—«получили мы, съ нашею и всего общества неописанною

([33]) Черн. журн. В. Т. С., л. 33.—Протон. В. Т. С. въ Сенатск. Арх., Кн. К., л. 47.—П. С. З., т. VIII, № 5500.

([34]) Подробно всѣ употребленія титуловъ Анны Іоанновны въ разныхъ правит. актахъ опубликованы сенатомъ 9 февр.—Они напечат. въ П. С. З., т. VIII, № 5501.

([35]) Ѳеофанъ, «Сказаніе», с. 206.

радостію, Ваше милостивѣйшее къ намъ писанье отъ 28 минувшаго генваря и сочиненныя во общую пользу государственную пункты, за подписаніемъ собственныя Вашего Величества руки, чрезъ генералъ-маеора Леонтьева, въ которомъ изволите милостиво насъ своею высокою милостію обнадеживать, в того же дня оное при собраніи синоду, сенату и генералитету оригинально объявлены и прочтены и подписаны отъ всѣхъ. За которую Вашего Величества къ намъ превысокую и неизреченную милость, мы всѣ, обще воздавъ всещедрому Богу наше моленіе, Вашему Величеству всеподданнѣйшее свое рабское приносимъ благодареніе и обѣщаемся Вашему Величеству вѣрными и непремѣнными быть, а должны и животомъ заслужить, и пребываемъ Вашего Величества всеподданнѣйшія и нижайшія (такъ въ подлинникѣ) раби» ([26]).

Князю Долгорукому верховники писали также о полученіи и прочтеніи „кондицій", но не упоминали о подписаніи о нихъ протокола. Ему они сообщали только, „что какъ синодъ, такъ сенатъ и генералитетъ съ великимъ Богу благодареніемъ оную Ея Величества милость приняли". Далѣе они увѣдомляли Долгорукаго о полученіи распросныхъ рѣчей Сумарокова, объ арестѣ Ягушинскаго и о распоряженіи на счетъ ареста В. Корсакова и спрашивали о подробностяхъ „шествія" Ея Величества къ Москвѣ и погребенія Петра II. Письмо это подписано только двумя князьями Голицыными и двумя Долгорукими ([27]).

Составленный отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта манифестъ былъ слѣдующаго содержанія:

«Понеже, по волѣ Всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій государь, Петръ вторый, императоръ и самодержецъ всероссійскій, болѣзнуя оспою генваря отъ 7 дня, отъ временнаго въ вѣчное блаженство того жъ генваря 18 числа, въ первомъ часу пополуночи, отъиде,—и сія горестная всему государству его императорскаго величества кончина пресѣкла наслѣдство императорскаго мужескаго колѣна: того ради, общимъ желаніемъ и согласіемъ всего россійскаго народа, на россійскій императорскій престолъ изобрана, по крови царскаго колѣна, тетка его императорскаго величества, государыня царевна Анна Іоанновна, дщерь великаго государя, царя Іоанна Алексѣевича. Чего ради къ ея императорскому величеству, чтобъ изволила рос-

([26]) Госуд. Арх., р. III, д. № 6, л. 47.—Письмо это помѣчено 5 февраля.

([27]) Рукоп. Малиновскаго, л. 16.

сійскій престолъ принять, отправлены съ прошеніемъ д. т. с. князь Василій Лукичь Долгорукій, да сенаторъ, т. с. князь Михайло Михайловичь Голицынъ, да генералъ-маіоръ Михайло Леонтьевъ, по которому прошенію ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила и нынѣ обрѣтается въ пути. И для того симъ объявляется, чтобъ всякаго чина люди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго, о томъ вѣдали и о восприятіи ея императорскимъ величествомъ россійскаго престола Бога благодарили. А какъ ея императорское величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приводѣ къ присягѣ отъ ея императорскаго величества указы выданы будутъ впредь неведленно» (38).

Манифестъ этотъ не былъ еще обнародованъ, какъ въ Верховный Тайный Совѣтъ поступило первое шляхетское мнѣніе о государственномъ устройствѣ. Въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта 5 февраля читаемъ: „Призваны были сенатъ и генералитетъ и прочіе тѣхъ ранговъ со мнѣніемъ, которое изволили подать послѣ присланныхъ отъ ея императорскаго величества „пунктовъ", которое они за руками и подали. А которые несогласны, тѣмъ велѣно изготовить, и для совѣта (т. е. совѣщанія) призвать въ сенатъ еще изъ знатныхъ фамилій шляхетство, которые въ рангахъ и безъ ранговъ, кромѣ первыхъ четырехъ классовъ" (39). Такимъ образомъ, Верховный Тайный Совѣтъ долженъ былъ согласиться выслушать не только заявленія сената и генералитета, но и шляхетства разныхъ ранговъ и даже безъ ранговъ, хотя и знатнаго. 7 февраля были призваны въ Верховный Совѣтъ бригадиры и статскіе того ранга и имъ объявлено, чтобъ они „извѣстное свое мнѣніе" написали (40).

---

(38) Манифестъ этотъ напечатанъ въ П. С. З., т. VIII, № 5499, и въ Печатн. Проток. В. Т. С., с. 117—118. Онъ былъ публикованъ въ «Спб. Вѣдом.» 1730 г. (См. Сѣв. Арх. 1827 г., ч. XXX, № 23). Изъ подлинника его, хранящагося въ Сенатск. Архивѣ, видно, что онъ подписанъ всѣми бывшими въ Москвѣ верховниками: канцлер. гр. Головкинымъ, князьями Д. М. и М. М. Голицыными, князьями Вас. Вл. и А. Гр. Долгорукими и Остерманомъ. См. Проток. В. Т. С. эт. арх., кн. К., л. 41.

(39) Черн. журн. В. Т. С., л. 36.

(40) Ibid., л. 38.

Вслѣдъ за этимъ дозволеніемъ стали подаваться въ Верховный Совѣтъ разныя коллективныя мнѣнія и заявленія. Подавали ихъ отдѣльныя лица, по уполномочію своихъ „согласниковъ“. Первымъ такимъ мнѣніемъ явилось 7 февраля мнѣніе Ивана Ильича Дмитріева-Мамонова ([41]). За нимъ послѣдовало ихъ нѣсколько: Алабердеева, Семена Секіотова, Максима Грекова, Михаила Аѳанасьевича Матюшкина, графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, Степана Колычева и другихъ ([42]).

„Двери залы, гдѣ засѣдаетъ Верховный Совѣтъ Россіи“,—пишетъ датскій посланникъ Вестфаленъ отъ 9 (20) февраля,—„были цѣлую недѣлю открыты для всѣхъ желающихъ высказаться и предложить что нибудь *за* или *противъ* предполагаемаго преобразованія въ прежнемъ правленіи Россіи. Это право получили генералы, бригадиры и полковники, а также и всѣ члены сената и другихъ государственныхъ коллегій съ чиномъ не ниже полковника; были приглашены архіепископы, епископы и архимандриты, но не всѣ за разъ, а группами изъ 3-хъ епископовъ и 3-хъ архимандритовъ. При этомъ наговорили столько хорошаго и дурнаго за и противъ новаго учрежденія, защищали и оспаривали это съ такимъ ожесточеніемъ, что смятеніе достигло наконецъ громадныхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія, но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, которые скоро поддаются страху“ ([43]).

Между тѣмъ протоколъ 2 февраля, какъ мы видѣли, былъ подписанъ только сенатомъ и генералитетомъ: духовенство, провозгласившее Анну Іоанновну 3 февраля на молебствіи самодержицею, намѣренно уклонялось отъ подписи протокола, вслѣдствіе чего Верховный Совѣтъ принялъ рѣшительныя мѣры. Въ журналѣ 5 февраля читаемъ: „Призваны были архіереи—Новгородскій Ѳеофанъ, Рязанскій Гавріилъ, и подъ пунктами подписались. И прочимъ архіереямъ приказано для подписи повѣстить впредь“ ([44]). На другой день, 6 февраля, явились въ Верховный Совѣтъ архіе-

([41]) Ibid., л. 39.
([42]) Ibid., л. 38.
([43]) Неизд. депеши Вестфалена, № 7.
([44]) Черн. журн. В. Т. С., л. 30.

реи: Ростовскій—Георгій Дашковъ, Казанскій—Сильвестръ Холмскій, Крутицкій—Леонидъ, Переяславскій—Іоакимъ. Имъ прочли письмо императрицы „и изъ пунктовъ, что надлежитъ до церкви. Выслушавъ, о благодареніи ея величеству подписали". Того же 6 февраля Верховный Совѣтъ распорядился: „Въ синодъ объявить, чтобъ велѣли московскихъ монастырей архимандритамъ явиться въ 9-мъ часу по полуночи (на слѣдующій день), а буде есть пріѣзжіе изъ городовъ, тѣмъ бы прежде подали росписи (⁴⁵). 7 февраля подписались подъ „пунктами" въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ архимандриты московскихъ монастырей и пріѣзжіе изъ городовъ, 8 февраля подписались тѣ изъ нихъ, которые не успѣли исполнить этого наканунѣ (⁴⁶)

Выжидая, чтобы протоколъ 2 февраля былъ подписанъ, какъ „свѣтскими знатными персонами", такъ и духовенствомъ,—верховники все не давали хода манифесту 4 февраля и не разсылали указовъ о титулѣ Анны Іоанновны. 6 февраля они снова занялись и манифестомъ, и титуломъ.

Въ этотъ день „докладывано, что приготовлены указы о публикаціи манифестовъ и о титулѣ, и какимъ образомъ написаны изволили слушать, и приказали, какъ отправлять

(⁴⁵) Ibid., л. 37.—Роспись духовенства, находившагося въ то время въ Москвѣ, въ Арх. Св. Синода, д. № 36.

(⁴⁶) Черн. журн. В. Т. С., лл. 38, 39 и 40.—Подъ протоколомъ 2 февраля находятся подписи пятисотъ шести лицъ на 17-ти съ половиною страницахъ въ листъ. (Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 32—45). Первая страница, непосредственно подъ самымъ протоколомъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія подписи: Смиренный Ѳеофанъ, архіеписк. Новгородскій,—Смирен. Георгій, архіеп. Ростовскій,—Смиренный Игнатій, митр. Коломенскій,—Смирен. Сильвестръ, митр. Казанскій,—Смирен. Гавріилъ, епис. Рязанскій и Муромскій,—Леонидъ, архіеп. Крутицкій,—Іоакимъ, еписк. Переяславскій.—Съ оборотной страницы начинаются подписи генералитета и идутъ на трехъ съ половиной страницахъ (всего 69 лицъ) [л. 32 обор.—л. 34]. Затѣмъ снова идутъ духовные: Новоспасскаго монаст. архим. Евфимій, Симоновскаго мон. архим. Іоанникій, Всемилостиваго Спаса-Андроніева мон. архим. Клеонникъ; Сергій, архим. Петровскій,—Иларіонъ, архим. Донскі(о)й,—Іоакинфъ, архим. Богоявленскои,—архим. и ректоръ Заиконоспасскаго училищнаго монаст. Германъ Концевичъ. Съ оборота 34 листа (до 43 листа) идутъ подписи шляхетства; на 43 листѣ они перемѣшиваются съ духовенствомъ. Такъ

и впредь писать титулъ ея императорскаго величества" (⁴⁷). На другой день, 7 февраля, состоялось постановленіе совершенно противоположное; въ черновомъ журналѣ мы читаемъ слѣдующее:

«Въ Верховный Тайный Совѣтъ призваны секретари: сенатской (Дм. Невѣжинъ), коллегій—военной (Вас. Козловъ), адмиралтейской (Мих. Кононовъ) и иностранной (Ив. Аврамовъ), и приказано имъ манифесты, посланные при указѣхъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о воспріятіи россійскаго престола ея величеству государынѣ царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ и такожъ форму титула содержать до предбудущаго указу секретно и тѣ указы потому паки взять въ Верховный Тайный Совѣтъ» (⁴⁸).

Это постановленіе вызвано пререканіями, возникшими 7 февраля между верховниками относительно редакціи манифеста.

Въ этотъ день, при новомъ просмотрѣ уже отпечатаннаго манифеста, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукой заявилъ слѣдующее:

„Чтобы не было соблазну въ народѣ, я полагаю необходимымъ внести въ манифестъ, который и напечатать вновь, какъ „кондиціи", подписанныя Анной Іоанновной въ Митавѣ, такъ и письмо ея оттуда отъ 28 января".

Заявленіе фельдмаршала обусловливалось очень важными причинами: соблазнъ въ народѣ былъ дѣйствительно большой. Это заявленіе вызвало возраженіе со стороны канцлера Головкина и обоихъ Голицыныхъ, боявшихся еще большей смуты въ случаѣ внесенія въ манифестъ предложенныхъ фельдмаршаломъ вставокъ. Очень можетъ быть, что Головкинъ только прикрывался этими основаніями, будучи

напр.: Подп. Ив. Вельяминовъ-Зерновъ, подп. Вас. Лихаревъ, Чюдова мон. Арсеній, архим.,—Златоустова мон. Спиридовъ, архим., Петръ Калачовъ, Никита Орловъ, Борисъ Глазатовъ, Тимофей Павловъ, Як. Великопольской, экзекуторъ сенатской Ѳед. Гурьевъ, Мельхиседекъ, архим. Воскресенскій,—Костромск. богоявл. мон. Іовъ, архим.,—Сѣвскаго Спассова мон. архим. Варлаамъ,—Аркадій, архим., что на Рязани Солотчинскаго мон., маіоръ Тимофей Грибоѣдовъ.—На листахъ 44 и 45 опять одно шляхетство.

(⁴⁷) Черн. журн. В. Т. С., л. 37.

(⁴⁸) Ibid., л. 42.

на самомъ дѣлѣ ревностнымъ сторонникомъ самодержавія Анны Іоанновны, но братья Голицыны дѣйствовали въ данномъ случаѣ совершенно искренно. Основанія, приведенныя ими, заключались въ слѣдующемъ: кондиціи съ согласіемъ на нихъ Анны Іоанновны и письмо ея, будучи напечатаны въ манифестѣ, породятъ противъ верховниковъ новые толки (если не въ столицѣ, такъ въ губерніяхъ), въ томъ смыслѣ, что „все то измышлено Верховнымъ Совѣтомъ". Во избѣжаніе недоразумѣній, лучше было бы разослать манифестъ въ „губерніи" какъ онъ напечатанъ, а „кондиціи" объявить по пріѣздѣ Анны Іоанновны отъ ея имени: тогда для всѣхъ будетъ ясно что „кондиціи" приняты ею добровольно ([49]).

7 февраля, въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта не присутствовали баронъ Остерманъ и князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой. Безъ ихъ участія наличные члены затруднялись разрѣшить вопросъ о манифестѣ и, остановивъ разсылку его, просили у нихъ письменныхъ мнѣній, которыя и были доставлены на другой день.

Баронъ Остерманъ писалъ слѣдующее:

1) Что удивляется, что по сё время не исправлено (т. е. не разослано манифестъ. 2) Двояко разсуждаетъ: или такъ отправить, какъ напечатано, или же, ежели потребно то добавить: *такожде и о ея императорскаго величества ко всему народу показанномъ милосердомъ снисхожденіи и всемилостивѣйше пожалованныхъ всенародныхъ ползахъ отъ ея величества манифестомъ объявлено будетъ*; а о милостивыхъ кондиціяхъ объявить отъ ея величества лица при пріѣздѣ ея и предуготовить особую форму отъ ея лица *для того, чтобъ не толковали, что происходитъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не отъ ея величества.* 3) О титулахъ, что напечатаны, докладывать при посылкѣ тѣхъ манифестовъ и о употребленіи титуловъ отпустить указами отъ сената; а послѣ отпуска писать въ указѣхъ и протчемъ титулъ императрицынъ».

Какъ видно изъ приведеннаго нами подлиннаго текста, мнѣніе Остермана отличается свойственными ему двуличностью и уклончивостью. Онъ примирилъ обѣ стороны: сдѣлалъ глухую вставку въ манифестъ, а печатаніе „кондицій" отложилъ до пріѣзда Анны Іоанновны. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по тонкому разсчету: зная заранѣе, что про-

---

([49]) Ibid., л. 40.

изойдетъ, когда пріѣдетъ Анна Іоанновна въ Москву, онъ весьма естественно считалъ не только преждевременнымъ, но даже совершенно излишнимъ, печатное обнародованіе „кондицій" до пріѣзда императрицы: но настоящую причину своего намѣренія ловко скрылъ подъ своей якобы солидарностью съ вождемъ ограниченія власти Анны Іоанновны,—княземъ Д. М. Голицынымъ.

Личный интересъ заставлялъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго опасаться превратныхъ толкованій „кондицій" въ Москвѣ, поэтому онъ обращалъ на всѣ распространявшіеся слухи болѣе вниманія, чѣмъ Остерманъ и полагалъ, что „въ городы какъ изволятъ, такъ и отправятъ, а что *въ Москвѣ всемѣрно надлежитъ публиковать подписанныя отъ ея величества кондиціи, чтобъ инако ихъ не толковали и ихъ подлинно знали*" (60).

Получивъ эти два мнѣнія, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта (въ томъ же составѣ, какъ и наканунѣ) постановили въ засѣданіи 8 февраля слѣдующее: „Разсудили, чтобъ напечатанные манифесты отпустить такъ, какъ напечатаны при указѣхъ изъ сената, которые писаны—такожъ изъ сената, а потомъ, когда то отправится, употреблять и писать титулъ ея императорскаго величества въ случившихся указѣхъ". Затѣмъ призвали герольдмейстера сената—Плещеева, объявили и отдали ему печатный манифестъ и указы, а въ прочія мѣста опредѣлили указы разослать (61).

Въ то время, какъ Верховный Совѣтъ былъ занятъ всѣми вышеизложенными „конъюнктурами", Анна Іоанновна приближалась къ Москвѣ. Изъ писемъ кн. В. Л. Долгорукаго въ Верховный Совѣтъ было извѣстно, что императрица очень быстро совершаетъ свой путь.

Выѣхавъ изъ Митавы 29 января въ девятомъ часу утра, Анна Іоанновна, сопровождаемая князьями В. Л. Долго-

---

(60) Ibid., л. 41 обор.

(61) Ibid., л. 41 и 43.—Это постановленіе записано въ черновыхъ журналахъ дважды: на л. 41 въ подробной редакціи, а на л. 43 въ краткой. Въ черновыхъ журналахъ засѣданій 7 и 8 февраля вообще большая путаница, какъ въ послѣдовательности рѣшеній, такъ и въ самой ихъ редакціи. Множество помарокъ, вставокъ и приписокъ сбоку. Вообще видно, что журналы этихъ двухъ дней писались съ большой торопливостью.

рукимъ и Мих. Мих. Голицынымъ-младшимъ, была въ Ригѣ въ тотъ-же день, во второмъ часу по полудни. „Для въѣзда ея величества"—писалъ князь Долгорукой—„рижскіе мѣщане стояли въ строю, и пальба была изъ пушекъ и мелкаго оружія". 30 января Анна Іоанновна выѣхала изъ Риги на Псковъ, куда прибыла къ полудню 2 февраля; она провела тамъ день своихъ именинъ,—а 4 февраля въ шестомъ часу вечера была уже въ Новгородѣ. Здѣсь встрѣтилъ ее епископъ, управлявшій Новгородской епархіей, и вручилъ предику" Ѳеофана Прокоповича. 5-го—императрица осматривала Новгородскую святыню и „откушавъ поранѣе, продолжала далѣ путь свой": 8-го—была въ Вышнемъ Волочкѣ и въ тотъ-же день „съ поспѣшеніемъ" выѣхала въ Тверь, куда прибыла утромъ 9-го февраля, а къ вечеру находилась уже въ Клину (⁵²).

Ѳеофанъ Прокоповичъ начинаетъ свою проповѣдь, переданную Аннѣ Іоанновнѣ въ Новгородѣ, текстомъ псалма „*Вечеръ водворится плачь и заутра радость*". Текстъ этотъ Ѳеофанъ Прокоповичъ пріурочиваетъ къ кончинѣ Петра II, „помрачившей сердца наша", и затѣмъ къ избранію Анны Іоанновны, о которомъ онъ выражается такъ: „а заутра, девятьнадесятому дню возсіявшу, (19 января 1730 года — день избранія Анны Іоанновны) возсіяло и въ сердцахъ нашихъ великое веселіе: когда всѣхъ вышнихъ чиновъ согласіемъ, паче же Самаго того, Иже владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и ему же хощетъ, даетъ é благостыннымъ изволеніемъ, увидѣли мы скипетро россійской имперіи опредѣлено вашему величеству". Далѣе Ѳеофанъ обращается къ „персональному, всему міру извѣстному, доселѣ состоянію" Анны Іоанновны. „Кто же, смотря на оное",—говоритъ проповѣдникъ—„не вздохнулъ, видя порфирородную особу въ самомъ цвѣту лѣтъ своихъ впадшую въ сиротство отшествіемъ державныхъ родителей, тоску вдовства пріемшую, лишеніемъ любезнѣйшаго подружія, не по достоинству рода пропитаніе ищущую, но, и что воспомянуть ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ приключеній отъ *неблагодарнаго раба*, и весма безбожнаго злодѣя страхъ, тѣсноту и неслыханное

(⁵²) Рукопись Малиновскаго: «Управленіе Всер. имперіей», лл. 14, 18, 19, 21—24.—Снес. «Печатные Протоколы» В. Т. С., с. 117—120.

гоненіе претерпѣвшую". Подъ „неблагодарнымъ рабомъ" Феофанъ, очевидно, разумѣетъ Меншикова, отъ котораго Анна Іоанновна терпѣла много горя во время жизни своей въ Курляндіи. Феофанъ приводитъ отношеніе за это время къ Аннѣ Іоанновнѣ „суемудріихъ человѣцъ", говорившихъ, быть можетъ, въ сердцѣ своемъ: „Богъ оставилъ ю". „На сія смотря",—продолжаетъ онъ,—„которіи о промыслахъ Божіихъ искустно разсуждаютъ. узнавали величество ваше быти въ числѣ любимыхъ чадъ Божіихъ". Припоминая, что имя, какъ *Анны*, такъ и ея отца *Іоанна*, означаетъ по еврейски „благодать", Феофанъ уже въ одномъ этомъ видитъ „довольную вину сорадованія и поздравленія къ высокому и толь отъ Бога прославленному лицу" Анны Іоанновны.

Проповѣдь заканчивается рядомъ похвалъ Аннѣ Іоанновнѣ, въ лицѣ которой „богатно даровалъ всещедрый Богъ" народу россійскому „великодушную героиню, правосудную и исполненную достоинствъ монархиню, матерь благоутробную, милостивую и милосердую". Къ этимъ похваламъ прибираются соотвѣтствующіе тексты, а въ самомъ концѣ проповѣди Феофанъ выражаетъ то „блаженство", которое онъ „персонально въ себѣ обрѣтаетъ", поздравляя Анну Іоанновну, изъявлявшую къ нему и прежде неоднократно свою благосклонность (⁵⁸).

Верховники спрашивали императрицу чрезъ князя В. Л. Долгорукаго о разныхъ подробностяхъ, касающихся ея „входа": желаетъ-ли она, чтобы похороны покойнаго императора были до ея входа, или совершились бы при ней, снять трауръ на время входа, или нѣтъ, какъ, наконецъ устроить самый входъ и т. п.? Гонцы съ письмами къ кн. Долгорукому настигали его въ пути, въ почтовыхъ ямахъ и городахъ, и привозили отъ него отвѣты верховникамъ. „О входѣ своемъ въ Москву изволитъ разсуждать",—пишетъ князь В. Л. Долгорукой 7 февраля изъ Звенигородскаго яма,—„что приличнѣе быть въ черномъ и всѣ кареты и прочія пріуготовленія имѣютъ быть въ готовности въ Тверской Ямской Слободѣ; а какъ всѣ пріуготовленія въ готовности уже будутъ и ея величество о томъ увѣдомятъ, тогда изволитъ изъ Всесвятскаго иттить въ Тверскую Слободу

(⁵⁸) Журн. М. Н. П. 1836 г., т. IX, с. 576—580.

и тамъ, пересѣдши въ карету, со свитою своею итти въ Москву". Погребеніе императора Петра II Анна Іоанновна предполагала устроить въ среду, 11 февраля, а свой торжественный въѣздъ въ Москву, въ воскресенье—15-го. Верховный Совѣтъ предлагалъ императрицѣ снять трауръ для этого торжественнаго дня, но она не рѣшила вопроса, а предоставила его на „разсужденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта", о чемъ князь В. Л. Долгорукой сообщилъ въ письмѣ изъ Мѣднаго, отъ 8 февраля. Въ этомъ же письмѣ онъ увѣдомлялъ верховниковъ, что „потребны ея величеству пары 4 или 5 лучшихъ соболей на муфты и на шею, и ежели такихъ въ казнѣ нѣтъ, хотя-бы купя, прислать ея Величеству во Всесвятское" (54).

Сообразно съ письмами кн. Долгорукаго дѣлались приготовленія къ похоронамъ Петра II и ко входу Анны Іоанновны.

5 февраля Татищевъ, въ то время совѣтникъ московской монетной конторы, приносилъ въ засѣданіе Верховнаго Совѣта „рисунки печальныхъ медалей" на кончину Петра II; верховники, какъ видно, остались ими не совсѣмъ довольны и отложили разсмотрѣніе ихъ до другаго собранія. Татищеву и Зыбину было приказано того же 5 февраля, чтобы погребеніе императора было непремѣнно готово къ 11 февраля, „хотя-бъ чего сдѣлать и не успѣли" (55). 7 февраля опредѣлено напечатать церемоніалъ траура, согласно предположеніямъ „печальной комиссіи" (56). Въ тотъ же день Зыбинъ прочелъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ церемоніалъ погребенія; верховники утвердили его, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія. Съ похоронами особенно торопились, а потому Зыбину снова подтвердили, чтобы 11 февраля непремѣнно состоялось погребеніе (57). 9 февраля опять повтореніе объ этомъ ему и Татищеву. Тогда же сообщили о днѣ погребенія А. И. Остерману и фельдмаршалу князю Тру-

---

(54) Черн. журн. В. Т. С., л. 21 и 23.—Рукоп. Малиновскаго, л. 21—24. Срав. Черн. журн. В. Т. С. лл. 39, 44, 45, 47.

(55) Ibid., л. 36.

(56) Ibid., л. 48.—Самый церемоніалъ см. въ ркп. «Управл. Всерос. имп.» л. 19—20.

(57) Черн. журн. В. Т. С., л. 39.

бецкому и предписали князю Одоевскому, управлявшему Мастерской и Оружейной палатой, немедленно отпустить необходимыя для погребенія императора регаліи, которыя тотъ почему-то не выдавалъ Татищеву. 9 февраля жители столицы были извѣщены о днѣ похоронъ Петра II—черезъ герольдовъ съ трубачами (⁵⁸). До такой степени торопились покончить съ похоронами, что гробъ и катафалкъ устроили непомѣрно широкіе, и они не могли пройдти въ Спасскія кремлевскія ворота, вслѣдствіе чего принуждены были сдѣлать нѣкоторое измѣненіе, направивъ печальную процессію въ Кремль черезъ Никольскія ворота (⁵⁹).

Приготовленія ко „входу“ императрицы шли также очень дѣятельно. 5 февраля Верховный Совѣтъ занялся вопросами о „парсонѣ“ (т. е. портретѣ) императрицы, о приготовленіи для ея „шествія“ въ столицѣ подводъ и о сооруженіи въ Москвѣ тріумфальныхъ воротъ. Московскій вицегубернаторъ Петръ Вельяминовъ спрашивалъ верховниковъ, какъ писать „парсону“ ея величества, съ какой „кавалеріей“? Его спросили, какъ писаны послѣднія „парсоны“ Анны Іоанновны; онъ отвѣчалъ, что писаны съ красною кавалеріею (т. е. съ Екатерининскимъ орденомъ) и ему приказали писать „противъ“ (т. е. согласно) той послѣдней „парсоны“ (⁶⁰).

Повидимому странно, что верховники разсуждали о такихъ мелочахъ въ это жгучее для нихъ время,—но это только повидимому. Орденскій знакъ на оффиціальномъ портретѣ избранной императрицы имѣлъ большое значеніе. Верховники не хотѣли изобразить Анну Іоанновну съ высшей, голубой (Андреевской) „кавалеріей“, которой она не имѣла, и которую, какъ мы увидимъ, они поднесли ей во Всесвятскомъ, вслѣдствіе чего и велѣли писать ея портретъ въ дамскомъ орденѣ св. Екатерины, не пользовавшемся большимъ значеніемъ.

Почти все засѣданіе 9 февраля было посвящено спѣшнымъ приготовленіямъ ко „входу“: на другой день, 10 февраля, Анна Іоанновна уже должна была прибыть во Все-

(⁵⁸) Ibid., л. 44—45.

(⁵⁹) Ibid., л. 46.

(⁶⁰) Ibid., л. 35.

святское. Въ этомъ же засѣданіи назначены были депутаты для привѣтствія тамъ императрицы: отъ сената и генералитета—князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій и генералъ-маіоръ Левъ Васильевичъ Измайловъ, при чемъ каждому изъ нихъ велѣно было выдать по шести подводъ. Отъ синода Верховный Совѣтъ предполагалъ отправить одного архіерея и одного архимандрита, но синодъ распорядился иначе, назначивъ двухъ архіереевъ: Новгородскаго архіепископа—Ѳеофана и Крутицкаго архіепископа—Леонида, да Чудовскаго архимандрита Арсенія. Верховный Совѣтъ долженъ былъ уступить и выдалъ паспортъ и подорожную на трехъ синодальныхъ депутатовъ при восемнадцати подводахъ.

Затѣмъ, верховники утвердили представленное М. А. Матюшкинымъ „учрежденіе входа" и приказали гофмейстеру Олсуфьеву приготовить ея величеству обѣденный столъ во Всесвятскомъ, „или куда повелѣно будетъ", а московскому вицегубернатору Вельяминову объявили о стрѣльбѣ изъ орудій во время „вшествія ея величества въ Москву". „Учрежденіе о входѣ" было въ тотъ же день отправлено къ кн. В. Л. Долгорукому, причемъ постановлено: „требовать (отъ него) о тѣхъ чинахъ которые сумнительны Совѣту" (61).

10 февраля Анна Іоанновна прибыла во Всесвятское. Изъ Верховнаго Совѣта послѣдовало подтвержденіе Олсуфьеву о немедленной отправкѣ припасовъ для обѣденнаго стола императрицы, а въ сибирскій приказъ послано предписаніе о доставленіи для нея пяти паръ самыхъ лучшихъ соболей (62).

Весьма естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ Верховный Тайный Совѣтъ не имѣлъ времени заниматься текущими дѣлами государственнаго управленія и что этимъ дѣламъ отведено было очень скромное мѣсто въ засѣданіяхъ 5 и 6 февраля. 5 февраля состоялись слѣдующія постановленія:

1) „Приказано собрать вѣдомости о московскихъ колодникахъ, кто въ какихъ дѣлахъ держится, также нѣтъ-ли

(61) Ibid., л. 44—45.

(62) Ibid., л. 47.

вѣдомостей о такихъ-же (т. е. колодникахъ) откуда присланныхъ и сдѣлать выписки".

2) „Чтенъ экстрактъ, поданный отъ князя Вас. Вл. Долгорукаго о Царицынской заставѣ (укрѣпленной линіи у Царицына отъ нападеній калмыковъ и другихъ степныхъ кочевниковъ); приказано съ послѣдними указами росписать и доложить.

3) Выписать изъ росписей о нужныхъ дѣлахъ, которыя времени не терпятъ, и въ собраніи доложить.

Но этого доклада такъ и не было сдѣлано. О нетерпящихъ времени дѣлахъ забыли среди также нетерпящихъ времени политическихъ „конъюнктуръ".

5 февраля велѣно было пропустить на заставѣ привезенное изъ Петербурга вино, а также не задерживать „и прочіе обозы и порожняки" ([63]). 6 февраля постановлено пропускать черезъ заставы почты ([64]).

Этимъ ограничились всѣ распоряженія Верховнаго Тайнаго Совѣта по текущимъ дѣламъ со 2 по 10 февраля.

Слѣдуя изо дня въ день за дѣйствіями Верховнаго Совѣта, мы не можемъ не замѣтить, какъ безтактно и опрометчиво поступалъ онъ за все это время, давая все больше и больше поводовъ къ нападкамъ на свою дѣятельность и еще болѣе волнуя безъ того уже взволнованные умы московскаго общества.

„Кондиціи", ограничивающія власть императрицы, дозволеніе шляхетству подать свои мнѣнія и проэкты о государственномъ устройствѣ, аресты Сумарокова и Ягушинскаго, учрежденіе вновь заставъ около Москвы и затѣмъ скорая ихъ отмѣна, а рядомъ съ этимъ торжественное провозглашеніе Анны Іоанновны самодержицей и обнародованіе этого титула въ печатныхъ сенатскихъ указахъ—такія противорѣчивыя распоряженія хоть кого могли сбить съ толку.

([63]) Ibid., л. 35—36

([64]) Ibid., л. 37.

VI.

ПРОЭКТЫ И МНѢНІЯ ШЛЯХЕТСТВА, ПЛАНЪ КНЯЗЯ Д. М. ГОЛИЦЫНА И «ПУНКТЫ» ПРИСЯГИ.

Перечисленіе и общая характеристика шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній, какъ поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и не поданныхъ, и число лицъ подписавшихъ проэкты.—Шляхетскія совѣщанія.—Изложеніе содержанія проэктовъ и мнѣній.—Планъ князя Д. М. Голицына.—Уступки верховниковъ шляхетскимъ требованіямъ и «пункты» присяги.

Въ предъидущей главѣ мы видѣли, что 5-го и 7-го февраля и въ послѣдующіе дни было подано въ Верховный Тайный Совѣтъ восемь шляхетскихъ проэктовъ государственныхъ преобразованій, а именно: проэктъ сената и генералитета (князя Черкасскаго), И. И. Дмитріева-Мамонова, С. Секіотова, Алабердеева, Максима Грекова, графа И. А Мусина-Пушкина, С. А. Колычова и М. А. Матюшкина [1]. Но кромѣ вышепоименованныхъ было еще нѣсколько проэктовъ и мнѣній, которые не были представлены Верховному Совѣту. Сюда относятся: 1) Конспектъ шляхетскихъ совѣщаній, 2) Проэктъ тринадцати, 3) Способы, которыми, какъ видитца, порядочнее, основательнѣе и твержѣе можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему пароду

---

[1] Подъ пр—мъ Дм.-Мамонова можно разумѣть проэктъ 25-ти, который дошелъ до насъ въ спискѣ только съ указаніемъ на число подписавшихъ его, но безъ означенія ихъ фамилій. См. ниже, прим. 20-е. Пр-мъ Алабердеева Журн. В. Т. С. называетъ пр-тъ прежде всѣхъ подписанный С. Г. Нарышкинымъ.

дѣло, и 4) Добавленіе къ этимъ „способамъ“.

До насъ дошли всѣ двѣнадцать проэктовъ и мнѣній, въ которыхъ выразилось политическое „умоначертаніе“ русскаго шляхетства первой половины XVIII вѣка. Проэкты подписаны тысячью слишкомъ лицъ (1100 человѣкъ съ небольшимъ) (*). Въ числѣ этихъ лицъ мы видимъ представителей всѣхъ слоевъ тогдашняго шляхетства: здѣсь сходятся люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ положеній, различнаго происхожденія и образованія, но исключительно русской національности: среди этой тысячи русскихъ людей бросается въ глаза, какъ бы случайно попавшее имя одного только служилаго иноземца, шотландца Лесли. Движеніе шляхетства имѣетъ строго патріотическій, національный характеръ. Наряду съ Рюриковичами, Гедиминовичами и потомками выѣзжихъ черкасскихъ князей и татарскихъ мурзъ, мы встрѣчаемъ и представителей старинныхъ служилыхъ родовъ изъ удѣльныхъ княжествъ рязанскаго, московскаго, тверскаго и др., и „худородныхъ“ шляхтичей, возвысившихся посредствомъ родственныхъ отношеній съ царемъ Петромъ, или выдвинутыхъ его реформою (Нарышкины, Соймоновы, Головкины, Аршеневскіе и нѣкот. др.). Объ руку съ сенаторами, президентами, вице-президентами и членами коллегій идутъ генералы, полковые и баталіонные командиры, субалтернъ-офицеры и придворные чины, начиная съ оберъ-гофмейстера и кончая гофъ-юнкеромъ.

Общимъ чувствомъ, связующимъ всѣ разнообразные элементы шляхетства, является негодованіе противъ верховниковъ. Но негодованіе это не выражается въ какой нибудь безсознательной ненависти къ верховникамъ,—напро-

(*) Цифра эта основана на слѣдующихъ соображеніяхъ: мы имѣемъ всего 1218 подписей подъ *девятью* проэктами (три изъ нихъ не подписаны никѣмъ), но нѣкоторыя лица подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проэктами (см. списокъ въ приложеніи № II къ настоящему изслѣдованію); полагая такихъ лицъ общимъ числомъ до 100,—мы получимъ около 1118 участниковъ разныхъ шляхетскихъ проэктовъ.

тивъ, оно проникнуто сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ. Шляхетскіе проэкты и мнѣнія вырываютъ власть изъ рукъ семи случайныхъ представителей Россіи и передаютъ эту власть всему шляхетскому обществу „общенародію",—какъ они выражаются. Кромѣ этого мотива одинаково присущаго всѣмъ шляхетскимъ проэктамъ и мнѣніямъ, мы можемъ уловить нѣкоторые частные оттѣнки, (правда, не слишкомъ рѣзкіе) общей программы, можемъ указать на различныя точки зрѣнія, на различныя направленія. Всѣ эти особенности проэктовъ и мнѣній опредѣляются, прежде всего, индивидуальными свойствами тѣхъ передовыхъ личностей изъ шляхетства, которыя стали во главѣ шляхетскихъ кружковъ и руководили ими.

Всѣ поданные проэкты (за исключеніемъ проэкта кн. Черкасскаго), не опредѣляютъ сущности власти Анны Іоановны и не говорятъ о ея самодержавіи, или объ ограниченіи ея власти. Вопросъ этотъ находился тогда въ такомъ положеніи, что шляхетство считало не цѣлесообразнымъ ставить слишкомъ рѣзко опредѣленіе власти избранной государыни (проэктъ кн. Черкасскаго, какъ мы увидимъ, ставитъ этотъ вопросъ намѣренно весьма неясно). Изъ развиваемаго во всѣхъ проэктахъ плана государственныхъ преобразованій можно лишь заключить, что всѣ проэкты склоняются къ ограниченію власти Анны Іоанновны, но не по программѣ верховниковъ. Всѣ проэкты разсматриваютъ слѣдующіе вопросы: 1) объ организаціи центральнаго правительства при участіи шляхетства, 2) о выдѣленіи родовитаго, стариннаго шляхетства изъ шляхетства новаго и о предоставленіи шляхетству льготъ служебныхъ и имущественныхъ, 3) объ улучшеніи быта другихъ сословій: духовенства, купечества и крестьянства.—Проэкты расходятся въ подробностяхъ, въ частныхъ примѣненіяхъ желаній шляхетства къ дѣйствительности. Главное вниманіе проэктовъ обращено на организацію центральнаго правительства; шляхетство желаетъ такой организаціи, которая представляла бы наиболѣе гарантій отъ произвола, какъ единоличнаго управленія, такъ и возвышенія нѣсколькихъ фамилій. Этихъ гарантій шляхетство считаетъ возможнымъ достигнуть при своемъ непосредственномъ участіи въ управленіи. Выборное начало, допущенное Петромъ Великимъ въ низшихъ гражданскихъ и военныхъ должностяхъ, переносится шляхетст-

вомъ на высшія должности, при чемъ самый порядокъ избранія обсуждается имъ весьма подробно.

Всѣ проэкты и мнѣнія, какъ поданные въ Верховный Тайный Совѣтъ, такъ и неподанные, представляютъ, прежде всего, два существенныя направленія: крайнее и умѣренное. Крайнее прямо упраздняетъ Верховный Тайный Совѣтъ, умѣренное—входитъ съ нимъ въ сдѣлки, увеличивая число его членовъ, но обязывая избирать не болѣе двухъ представителей изъ одной фамиліи. Къ направленію крайнему принадлежатъ: проэктъ князя Черкасскаго и конспектъ шляхетскихъ совѣщаній; проэкты умѣреннаго направленія распадаются на двѣ группы: къ первой относятся проэкты большинства шляхетства (Секіотова, Алабердеева, Максима Грекова) и „Способы" и „добавленія" къ нимъ, ко второй—проэкты меньшинства (графа Мусина-Пушкина, Колычова, Матюшкина), проэкты двадцати-пяти и тринадцати. Почти всѣ проэкты и мнѣнія останавливаются на мысли о необходимости тщательнаго пересмотра государственныхъ потребностей выборными отъ шляхетства, чтобы, достигнувъ этимъ путемъ какого нибудь положительнаго вывода, приступить къ разсмотрѣнію подробностей государственныхъ преобразованій. Такая мысль весьма естественно должна была придти самымъ разсудительнымъ изъ вождей шляхетской оппозиціи, потому что при тогдашнемъ возбужденіи умовъ и распрѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ, невозможно было отнестись хладнокровно и объективно къ дѣйствительнымъ потребностямъ государства и нуждамъ шляхетства и другихъ сословій. Краткость времени, въ которое шляхетство создавало свои проэкты, отразилась на нихъ весьма ощутительно: во всѣхъ редакціяхъ замѣтны торопливость и неточность. Поэтому на поданные шляхетскіе проэкты мы не можемъ смотрѣть, какъ на законченную программу политическихъ требованій шляхетства, а должны относиться къ нимъ, какъ къ конспектамъ, наброскамъ, эскизамъ—его дѣйствительныхъ желаній и намѣреній.

Проэкты большинства, будучи совершенно схожи между собою, представляютъ для насъ особенный интересъ по значительному количеству подписавшихъ ихъ лицъ. Проэктъ кн. Черкасскаго былъ первоначально подписанъ тридцатью девятью лицами, а затѣмъ подъ тремя ко-

ніями съ него подписалось: лейбъ-гвардіи офицеровъ пятьдесятъ одинъ, военной коллегіи штабъ и оберъ-офицеровъ сто пятьдесятъ шесть, да кавалергардовъ сорокъ два, а всего двѣсти сорокъ девять человѣкъ (³). Несравненно больше подписей подъ тремя проэктами большинства. Подъ проэктомъ Секіотова мы находимъ триста двадцать шесть подписей; проэктъ Максима Грекова, подписанный сначала двадцатью восемью лицами, былъ затѣмъ дополненъ параграфомъ объ улучшеніи положенія отставныхъ офицеровъ и солдатъ и подписанъ вновь тремя стами двумя лицами; кромѣ того, къ нему присоединились всѣ штабъ и оберъ-офицеры Семеновскаго полка, что составитъ приблизительно не менѣе восьмидесяти человѣкъ: слѣдовательно, подъ проэктомъ Максима Грекова находилось всего четыреста десять подписей (⁴). Подъ проэктомъ Алабердеева только семь подписей. Такимъ образомъ всего подъ проэктами большинства находится семьсотъ сорокъ три подписи (⁵).

(³) Цифры эти приведены по неизданному списку; въ печатномъ текстѣ онѣ показаны невѣрно (См. сборникъ Погодина «Утро» 1859 г., с. 378).

(⁴) Текстъ 10 го параграфа проэкта Максима Грекова заключается въ слѣдующемъ: «Которые офицеры и солдаты за раны и за старостью отставлены будутъ отъ службы, а собственнаго своего пропитанія не имѣютъ, онымъ надлежитъ учинить разсмотрѣніе, и о награжденіи имъ пропитанія».—Въ дополненномъ видѣ проэктъ М. Грекова напечатанъ, по списку И. П. Шульгина, въ «Памятн. нов. русск. ист.» В. Кашпирева, т. I, отд. II, с. 4—5; здѣсь названъ онъ *первымъ проэктомъ*. Послѣ 10-го п. напечатано: «*у сего 330 рукъ приложено, въ томъ числѣ*» (слѣдуетъ перечисленіе 28-ми лицъ, первоначально подписавшихъ проэктъ); затѣмъ означено: «въ такой силѣ мнѣніе объявлено лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка отъ штабъ и оберъ-офицерамъ». Въ Государственномъ Архивѣ мы не нашли Шульгинской редакціи, тамъ находятся только двѣ копіи мнѣнія М. Грекова въ первоначальной редакціи, за подписью 28 лицъ.—См. ниже наше примѣч. 12-е.

(⁵) См. Списокъ всѣхъ лицъ, подписавшихъ шляхетскіе проэкты—во II-мъ приложеніи къ наст. изслѣдованію.

Копіи съ шляхетскихъ проэктовъ имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія той торопливости, съ которой составлялись и подавались проэкты. Нѣсколько „согласниковъ“ собирались, набрасывали проэктъ, который и получалъ названіе по фамиліи перваго подписавшагося подъ нимъ; иногда проэктъ подавался въ этомъ видѣ въ Верховный Совѣтъ (такъ были поданы проэкты Алабердеева, Кольчова, Матюшкина и проэктъ 25-ти); но когда первоначальные составители проэкта хотѣли пріобрѣсти возможно большее число согласниковъ, тогда циркулировались по разнымъ шляхетскимъ кружкамъ („компаніямъ“, какъ тогда выражались) или самый проэктъ, или копіи съ него, которыя и покрывались новыми подписями, какъ то было съ проэктомъ кн. Черкасскаго и съ проэктами большинства. Нѣкоторые подписывались по нѣскольку разъ подъ разными проэктами. Очевидно, иные дѣлали это въ торопяхъ, забывая, что уже подписали другой проэктъ, что было весьма возможно, при отсутствіи существенныхъ различій между нѣкоторыми проэктами, иные же измѣняли свои мнѣнія относительно подробностей какого нибудь проэкта и присоединялись къ другому (⁶).

Верховный Совѣтъ предложилъ шляхетству передавать „мнѣнія“ по рангамъ, но такъ какъ было шляхетство и безъ ранговъ, то проэкты стали подаваться отъ различныхъ шляхетскихъ компаній, которыя группировались около „персонъ“, выдающихся или своимъ служебно-общественнымъ положеніемъ, или нравственнымъ вліяніемъ на тѣхъ или другихъ лицъ изъ шляхетства; нѣкоторые собирались у своихъ родныхъ и пріятелей. Такъ возникли проэкты кн. Черкасскаго, Алабердеева, Грекова и другихъ. О порядкѣ и характерѣ совѣщаній въ „компаніяхъ“ и о самомъ процессѣ выработки и составленія проэктовъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія В. Н. Татищевъ (⁷).

(⁶) См. Приложеніе II-е.

(⁷) «Утро», сборникъ Погодина на 1859 г., с. 369—375, см. записку Татищева: «Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ».—Въ приводимыхъ подлинныхъ словахъ Татищева сдѣланы исправленія по неизданному списку.

Проэктъ, поданный княземъ Черкасскимъ, былъ составленъ Татищевымъ и прочитанъ по пунктамъ по два раза, „въ немалыхъ собраніяхъ, бывшихъ 2 февраля въ домѣ сенатора Василія Яковлевича Новосильцева, а подписанъ тридцатью девятью лицами только 4 февраля. Не согласившіеся съ этимъ проэктомъ распались на нѣсколько группъ: одна изъ нихъ, большинство шляхетства, подала тождественные проэкты Секіотова, Алабердеева и М. Грекова—другая разбилась на разные проэкты меньшинства.

Собравшееся у В. Я. Новосильцева шляхетство разсуждало о слѣдующихъ вопросахъ:

1) По кончинѣ государя безнаслѣдственнаго, имѣетъ-ли кто надъ народомъ власть повелѣвать?

2) Кто въ такомъ случаѣ можетъ каковъ законъ или обычай застарѣлый перемѣнить и новый учинить?

3) Ежели нужно самовластное древнее правительство перемѣнить, то прежде разсудить, какое по состоянію народа и положенію за лучшее?

4) Кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе сочинить?

Татищевъ представлялъ слѣдующія соображенія:

По первому вопросу. Съ кончиной безнаслѣдственнаго государя власть его и законы имъ изданные прекращаются, „а остаются равны во общенародіи въ ихъ прежнемъ станѣ, и никто ни надъ какимъ ни малѣйшей власти не имѣетъ, доколѣ послѣдовавшій государь оныхъ паки утвердитъ, или, отрѣша, иныхъ опредѣлитъ; но между тѣмъ, чтобъ нужная расправа и правленіе не пресѣклись, *общенародіе* уступаетъ имъ токмо ту власть, какову по прежнимъ законамъ, каковъ прежде имѣли, а болѣе безъ точнаго опредѣленія отъ народа никакъ требовать не могутъ".

По второму. „Когда государя нѣтъ, то и его позволенія, ни утвержденія быть, яко же и отъ его имени издать, не можно; слѣдственно, никакой законъ или порядокъ перемѣнить никто не можетъ, развѣ общенародное соизволеніе",

По третьему вопросу Татищевъ отвѣчаетъ особенно подробно, такъ какъ самый вопросъ сложенъ и лаженъ. Онъ разсматриваетъ прежде всего три формы правленія: 1) монархію, или единовластіе, 2) аристократію, или

избранныхъ правительство, 3) демократію, или общественное правленіе,—а затѣмъ правительство смѣшанное. Изъ нихъ „каждая область избираетъ, разсмотря положеніе мѣста, пространство владѣнія и состояніе людей, а не каждое всюду годно, или каждой власти можетъ быть полезно". Далѣе онъ указываетъ на современныя ему европейскія государства, имѣющія одну изъ этихъ формъ правленія, а затѣмъ останавливается на вопросѣ,—который изъ перечисленныхъ имъ видовъ правленія примѣнимъ къ Россіи? Онъ приходитъ къ заключенію, что для Россіи пригодна одна монархія, по нашимъ географическимъ и историческимъ условіямъ. Демократія въ Россіи, по его мнѣнію, не приложима, „ибо пространство великое государства тому препятствуетъ"." Аристократія",—продолжаетъ онъ,—„насъ довольно вредомъ приключительнымъ научила: для сего нужно исторически прежде бывшее вспомянуть". Въ виду этого Татищевъ представляетъ краткій обзоръ исторіи Россіи отъ Рюрика до Петра Великаго включительно, слѣдя постоянно за „вредомъ" аристократіи. Отъ Рюрика до удѣловъ—въ Россіи, по его мнѣнію, правленіе было монархическое, и въ ней въ то время господствовали просвѣщеніе, торговля и спокойствіе. Удѣльные князья, не повинуяся великимъ князьямъ, ввели аристократію: настало время бѣдствій—князья враждовали другъ съ другомъ и, обезсиленные этимъ, подпали подъ власть татаръ, а Литовцы многую часть отъ государства отторгнули. Іоаннъ Грозный, котораго Татищевъ называетъ „великимъ", „осмѣлился ту аристократію истребить". Съ нимъ воскресла монархія и вмѣстѣ съ тѣмъ сила Россіи; такъ дѣла шли до смерти Годунова. Изъ эпохи смутнаго времени Татищевъ останавливается на „коварномъ избраніи Шуйскаго". Зависть въ томъ Голицына и другихъ"—говоритъ Татищевъ,—„привели на новое безпутство: взять на государя запись, которою всю власть у государя отнявъ, себѣ похитили, подобно какъ и нынѣ; но что изъ того послѣдовало? Крайнее государства разореніе. Поляки и Шведы многіе древніе русскіе предѣлы отторгнули и овладѣли". „Царя Михаила Ѳеодоровича, хотя избраніе было порядочно всенародное"—продолжаетъ Татищевъ—„да съ такою же записью, чрезъ что онъ не могъ ничего учинить, но радъ былъ покою". Дальнѣйшее возстановленіе самодержавія Татищевъ

объясняетъ слѣдующимъ образомъ: царь Алексѣй Михаиловичъ возвратилъ себѣ часть „самовластія“ (подъ самовластіемъ Татищевъ разумѣетъ монархію, а не деспотизмъ), „получа случай“ самому въ Польшѣ войскомъ управлять“ (здѣсь разумѣется первая война Алексѣя Михаиловича съ королемъ польскимъ Яномъ Казиміромъ въ 1654 г.). Окончательной пользѣ для государства отъ его самовластія воспрепятствовалъ „властолюбивый“ патріархъ Никонъ. „Петръ Великій“—заканчиваетъ свои доводы Татищевъ—„все оное усугубилъ, и бо́льшую нежели его предки себѣ и государству самовластіемъ честь, славу и пользы принесъ, какъ то весь свѣтъ можетъ засвидѣтельствовать; и посему довольно всякъ благоразумный видѣть можетъ, колико самовластное правительство у насъ всѣхъ прочихъ полезнѣе, а прочія опасны“.

На эти доводы были представлены Татищеву возраженія шляхетства.

Ему прежде всего ставили на видъ, какъ не всегда безопасно „единому человѣку великую власть надъ всѣмъ народомъ дать, ибо какъ бы мудръ, справедливъ, кротокъ и прилеженъ ни былъ, безпогрѣшенъ и во всемъ достаточенъ быть не можетъ; коль же паче когда страстямъ своимъ дастъ волю, то нужно наглымъ, неправымъ насиліямъ и глумленіямъ не повинныхъ происходить“. Второе возраженіе было относительно власти временщиковъ. „Временщикъ“ — возражали Татищеву—„равно самовластенъ и еще изъ зависти болѣе другихъ губитъ, особливо если подлородный, или иноземецъ, то наипаче знатныхъ и заслуженныхъ государству ненавидятъ, гонятъ и губятъ, а себѣ ненасытно имѣнія собираютъ“. Въ этомъ возраженіи нельзя не видѣть весьма понятной злобы шляхетства противъ произвола Милославскаго и Лихачевыхъ, а въ особенности противъ Монса, Меншикова и князей Долгорукихъ. Третье возраженіе касалось больнаго мѣста тогдашняго шляхетства—тайной канцеляріи, „вымышленной свирѣпымъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ“. „Тайная канцелярія“—говорили оппоненты Татищева—„въ стыдъ и поношеніе предъ благоразсудными народами, а государству разореніе; ибо за едино неосторожно сказанное слово пытаютъ, казнятъ, и дѣтей невинныхъ имѣнія лишаютъ“.

Для опроверженія перваго возраженія Татищевъ приводитъ сравненіе государственнаго устройства съ домашнимъ шляхетскимъ хозяйствомъ, а власть монарха сравниваетъ съ властью родительской. „Если же такой несмысленный случится“,—говоритъ онъ—„что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производитъ, то можно принять за божеское наказаніе“. Со вторымъ возраженіемъ Татищевъ соглашается, но утверждаетъ, что временщики являются болѣе въ республикахъ, примѣры чему можно видѣть въ исторіи греческой и римской; тамъ „усилився нѣкоторые вельможи междоусобіемъ великія разоренія нанесли; и сего намъ наипаче опасаться должно, чего въ монархіи едва въ примѣръ сыскать можемъ-ли“. Временщиковъ онъ раздѣляетъ на „неистовыхъ“ и „благоразумныхъ и вѣрныхъ“. Къ первымъ онъ относитъ Скуратова и Басманова, Милославскаго, Меншикова, Толстаго и другихъ (очевидно умалчивая о Долгорукихъ); ко вторымъ: Мстиславскаго, Романова, Шуйскаго, Бориса Морозова, Стрѣшнева, Богдана Хитрова, Языкова и кн. В. В. Голицына. „Эти послѣдніе великую честь и благодареніе вѣчно заслужили“—говоритъ онъ—„хотя нѣкоторые по ненависти другихъ въ несчастіи жизнь окончили“. На третье возраженіе, о тайной канцеляріи, Татищевъ замѣчаетъ, что „оная, если токмо человѣку благочестному поручится—нимало не вредна; а злостные и нечестивые, не долго тѣмъ наслаждаяся, сами исчезаютъ“.

Соображенія свои по четвертому вопросу, возникшему на шляхетскихъ совѣщаніяхъ: кому и какимъ порядкомъ оное учрежденіе (т. е. измѣненіе въ государственномъ устройствѣ) сочинить?—Татищевъ излагаетъ въ своемъ проэктѣ государственныхъ преобразованій. Вступленіемъ къ этому проэкту служитъ слѣдующая многознаменательная тирада: „О государынѣ императрицѣ (Аннѣ Іоанновнѣ) *хотя мы ея мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены*“—говоритъ Татищевъ,—„*однакожъ какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна*; *паче жъ ей знаніе законовъ не достаетъ*; для того *на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ*, потребно нѣчто для помощи ея величеству *вновь учредить*“. Это-то „нѣчто“ и заключается

къ тѣхъ государственныхъ преобразованіяхъ, которыя излагаетъ проэктъ кн. Черкасскаго.

Направленіе мысли шляхетства на собраніяхъ у Новосильцева опредѣляется изъ дальнѣйшихъ подробностей, передаваемыхъ Татищевымъ.

Какъ видно, шляхетство всесторонне обсуждало вопросъ объ избраніи Анны Іоанновны и о томъ, кому принадлежитъ право избранія? При обсужденіи этого вопроса шляхетство, весьма естественно, обращалось за историческими справками къ Татищеву, мнѣнія котораго объ избраніи Годунова, Шуйскаго и царя Михаила Ѳеодоровича мы привели выше. Воззрѣніе свое на избраніе Анны Іоанновны Татищевъ выражаетъ очень ясно въ началѣ своей записки. Онъ упрекаетъ верховниковъ за то, что они „надлежащій порядокъ избранія преступили“, избравъ курляндскую герцогиню тайкомъ отъ всѣхъ, „ибо“—говоритъ онъ—„сіе не есть наслѣдства порядочнаго объявленіе, но *избраніе и такое, какаю отъ начала государства въ Руси не бывало.* А хотя избранія три было“—продолжаетъ Татищевъ,—яко царя Бориса Годунова, Василія Шуйскаго и Михаила Романова, но всѣ оныя *никакихъ наслѣдниковъ* къ тому (т. е. россійскому престолу) не имѣли. *Избранія же и оныя два порочны, что избрали не порядкомъ*: въ первомъ было принужденіе, во второмъ коварство. *А по закону естественному избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ чрезъ повѣренныхъ,* какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ утвержденъ, а не четыремъ, или пяти человѣкамъ, *какъ то нынѣ весьма непорядочно учинено*“.

Такимъ образомъ, избраніе государя послѣ смерти безнаслѣдственнаго“ являлось для шляхетства естественной формой возстановленія верховной власти въ странѣ“, „но это избраніе должно быть произведено „*согласіемъ всѣхъ подданныхъ*“, а не нѣкоторыхъ случайныхъ и самозванныхъ рѣшителей судебъ государства. „Общенародіе“, по убѣжденію шляхетства, есть лучшая гарантія противъ злоупотребленій власти. Главное обвиненіе верховниковъ со стороны шляхетства заключается не въ томъ только, что они ограничили власть Анны Іоанновны, а главнымъ образомъ въ томъ, что они поступили въ этомъ случаѣ „ко арно“, какъ бояре въ началѣ XVII в. поступили съ Шуйскимъ, что они,

сочинивъ „пункты", сдѣлали это тайкомъ отъ остальныхъ сословій, причемъ обманули ихъ и избранную императрицу: сословіямъ объявили, что императрица сама, „по своей волѣ, учинила" ограниченіе своей власти, а императрицѣ сказали, что это дѣлается по волѣ всей націи; затѣмъ обвинялись они въ томъ, что принуждали шляхетство „подъ образомъ слышанія оное (ограниченіе власти) подписками утвердить, яко бы мы (шляхетство) той ихъ явной продерзости согласовали". „А понеже" — заключаетъ Татищевъ свое обвинительное слово,—„что они (верховники) надъ пристойность и законъ самовольно власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество *всего шляхетства и другихъ сановъ, что намъ должно и необходимо нужно прилежностію разсмотрѣть и потому представить что къ пользѣ государства надлежитъ. и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а паче опасаться что они, если видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули*". Татищевъ опасается, чтобы верховники съ теченіемъ времени не присвоили себѣ такой же власти, какъ нѣмецкіе курфюрсты, которые „такъ усилилися, что цесарь уже никакой власти не имѣетъ, а они стали повелителями". Противъ самаго избранія Анны Іоанновны шляхетство не протестовало по тому, „что весь народъ персоною ея величества доволенъ и никто не споритъ". Всѣ усилія своего проэкта шляхетство предназначаетъ для будущаго времени, опасаясь такихъ же смутъ, какія настали при Василіи Шуйскомъ, если не будетъ на этотъ случай точнаго закона о государственномъ правленіи. „Токмо сіе должно протестовать на предка и сочинить на такой нечаянный случай законъ, что оттого безпорядка не воспослѣдовало, а какъ коварнымъ избраніемъ Василія Шуйскаго все государство въ смятеніе и крайнее разореніе приведено было",—говоритъ Татищевъ.

Шляхетство весьма подробно обсуждало также и вопросъ о томъ, кому принадлежитъ въ государствѣ право составленія и изданія законовъ? Анна Іоанновна признавалась „къ тому неудобною — понеже есть персона женская, паче же ей знанія законовъ не достаетъ", но для ослабленія укора Аннѣ Іонновнѣ, шляхетство ссылается на авторитетъ Петра Великаго. „Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое ус-

мотрѣлъ что замѣнить нужно, для котораго велѣлъ всѣ оные собравъ разсмотрѣть и вновь сочинить; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуетъ; оное же сочиненіе никакъ невозможно одному повѣрить, хотя бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи ни коея собственныя страсти не имѣлъ, по природѣ легко погрѣшить можетъ".

Верховный Совѣтъ зорко слѣдилъ за сборищами шляхетства, вслѣдствіе чего они должны были происходить тайно и съ великою опасностію". Верховники хотѣли запугать своихъ противниковъ, распуская слухъ, что руководители оппозиціи будутъ строго и примѣрно наказаны. Ѳеофанъ Прокоповичъ такъ разсказываетъ объ этихъ угрозахъ со стороны верховниковъ.

„Нарочно отъ нихъ (верховниковъ) разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ, и что мятежныя ихъ сонмища Верховному Совѣту гораздо вѣдомы, и что непокойныя оныя головы судятся, яко непріятели отечествія, и скоро пошлется, или уже и послано, ловить ихъ за арестъ, и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются, и что ни кому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды—нельзя, понеже немногіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится кто каковой казни достойны будутъ" (*).

Весьма естественно, что такія инсинуаціи со стороны верховниковъ не могли не подѣйствовать на многихъ изъ шляхетства, „особливо на маломощныхъ"—какъ выражается тотъ же Ѳеофанъ. Эти „маломощные" до того струсили, что опасались оставаться въ собственныхъ своихъ домахъ, перебѣгали отъ одного знакомаго къ другому, и то ночью, переодѣтые и подъ чужимъ именемъ (*). Этимъ страхомъ объясняются, между прочимъ, сдѣлки, въ которыя вошло съ Верховнымъ Совѣтомъ большинство шляхетства и значительныя уступки, находящіяся въ проэктахъ меньшинства.

Переходимъ къ разсмотрѣнію самыхъ проэктовъ.

(*) «Сказаніе», с. 201.

(*) Ibid.

Проэктъ кн. Черкасскаго, написанный Татищевымъ, отличается отъ остальныхъ проэктовъ цѣльностью, полнотою и систематичностью изложенія. По всему видно, что авторъ этого проэкта былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и учёнѣйшихъ людей своего времени ([19]). Раздѣляясь на 10 пунктовъ, проэктъ излагаетъ государственныя преобразованія весьма подробно.

Организаціи центральнаго правительства посвящены первые четыре пункта. 1) Верховный Тайный Совѣтъ упраздняется, а вмѣсто него учреждается при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, „въ помощь ея величеству", „Вышнее Правительство", сенатъ, состоящій изъ *двадцати одной* персоны; (въ это число входитъ наличный составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта). 2) Чтобы не отягчать сената „дѣлами внутреннэй экономіи", учреждается *другое правительство* изъ *ста* персонъ, имѣющее двоякія собранія: постоянныя и періодическія. Для постоянныхъ собраній члены этого правительства раздѣляются на три группы, въ каждой по тридцати слишкомъ лицъ, которыя и засѣдаютъ по очереди въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Эти постоянныя собранія называются „Нижнимъ Правительствомъ". Въ періодическихъ собраніяхъ участвуютъ всѣ сто человѣкъ. Собранія эти именуются „Вышнимъ Собраніемъ" и происходятъ три раза въ годъ, для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ; кромѣ того они созываются въ чрезвычайныхъ случаяхъ (кончины государя, войны и т. п.) въ особое засѣданіе, продолжающееся не болѣе мѣсяца. 3-й пунктъ излагаетъ порядокъ замѣщенія членовъ Вышняго и Нижняго Правительствъ и другихъ высшихъ должностей въ службѣ гражданской и военной. На „упалыя мѣста" (вакансіи) въ вышнемъ собраніи, сенатѣ и коллегіяхъ (президентовъ и вице-президентовъ) и на должности губернаторовъ, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ—кандидаты избираются въ общемъ засѣданіи сената и вышняго

([19]) «Утро» 1859 г., с. 375—377. — Неизданный списокъ л. 9—12. Въ Государственномъ Архивѣ проэкта, составленнаго Татищевымъ, не находится.—Испанскій посолъ герцогъ де-Лиріа, передавая проэктъ подъ именемъ проэкта кн. Черкасскаго, компилируетъ его изъ проэктовъ большинства и двадцати-пяти. (См. «XVIII в.», II, 39—40).

собранія; въ выборѣ президентовъ и вице-президентовъ коллегій участвуютъ также всѣ наличные коллежскіе президенты, а въ избраніи воинскихъ чиновъ всѣ наличные генералы. Далѣе подробно излагается самый порядокъ избранія: составляется списокъ всѣхъ кандидатовъ по рангамъ и прочитывается избирателямъ герольдмейстеромъ; каждый избиратель пишетъ на билетикѣ одно имя, „кого за достойнаго мнитъ" и кладетъ въ „скрынь" (ящикъ); билетики при всѣхъ разбираются, составляется новый списокъ, въ которомъ означается количество полученныхъ каждымъ кандидатомъ билетиковъ, и на основаніи этого закрытой баллотировкой выбираютъ трехъ кандидатовъ:—одного изъ нихъ императрица утверждаетъ по своему выбору. Впрочемъ дозволяется ограничить выборъ одними записками и изъ получившихъ по нимъ большинство голосовъ представлять трехъ кандидатовъ на утвержденіе императрицы. Пунктъ объ избраніи заканчивается слѣдующими словами: „чрезъ сей способъ можно во всѣхъ правленіяхъ людей достойныхъ имѣть, не смотря на высокородство, въ которыхъ много негодныхъ въ чины происходятъ". 4-й пунктъ касается изданія законовъ. Послѣ доказательства невозможности сочиненіе закона одному повѣрить, хотя-бъ онъ искусенъ и въ намѣреніи никоея собственныя страсти не имѣлъ, (но) по природѣ легко погрѣшить можетъ",—предлагается слѣдующій способъ составленія закона: „какъ скоро ея величества повелѣніе будетъ какой законъ сочинить, оный послать во всѣ коллегіи, чтобъ довольно разсмотрѣли, и чрезъ нѣсколько дней сочиня каждая общее, или кто собственное свое, въ собраніи вышнему правительству объявили, и по довольномъ разсужденіи сочиня, ея величеству ко утвержденію представили".

5-й пунктъ ограничиваетъ число членовъ изъ одной фамиліи въ Вышнемъ Правительствѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ. „Въ Вышнемъ Правительствѣ не быть двумъ членамъ одной фамиліи, а въ нижнемъ и въ коллегіяхъ не присутствовать вмѣстѣ близкимъ родственникамъ". Татищевъ не высказывается прямо противъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, на которыхъ главнымъ образомъ направлены эти стрѣлы, а какъ-бы вскользь замѣчаетъ: „весьма безпорядочно бываетъ когда въ одномъ правленіи отецъ съ сыномъ, или два брата, и дядя съ племянникомъ, тесть съ зятемъ при-

сутствують, которое равно какъ бы одному два голоса присвоены были".

6-й пунктъ касается политическихъ арестовъ и процессовъ. Тайная канцелярія не упраздняется, но преобразовывается: сенатъ назначаетъ въ нее двухъ депутатовъ, каждый разъ на мѣсячный срокъ, „чтобъ смотрѣли на справедливость". При арестахъ назначается отъ полиціи одинъ депутатъ, непремѣнно изъ знатныхъ людей; обязанность его заключается въ наблюденіи за цѣлостью „пожитковъ" арестуемаго.

Пункты 7-й и 10-й спеціально посвящены правамъ и преимуществамъ шляхетства. 7-й пунктъ предлагаетъ „лучшіе способы для произвожденія шляхетства въ *войскѣ* и *гражданствѣ*". Способы эти слѣдующіе: 1) устройство во всѣхъ городахъ училищъ, съ обезпеченіемъ ихъ помѣщеніемъ и ежегоднымъ содержаніемъ, 2) опредѣленіе срока для шляхетской службы: молодые шляхтичи должны поступать на службу не моложе *восемнадцати* лѣтъ, и болѣе *двадцати* лѣтъ въ военной службѣ не служить, 3) исключеніе шляхетства изъ матросовъ и ремесленниковъ, 4) приведеніе въ извѣстность „подлиннаго шляхетства"; для этого составить во всемъ государствѣ роспись стариннаго шляхетства, въ которую вносить также шляхтичей—потомковъ солдатъ, гусаръ, однодворцевъ и подъячихъ, имѣвшихъ жалованныя грамоты на шляхетство, или на деревни; тѣхъ же изъ этой послѣдней категоріи, которые жалованныхъ грамотъ не имѣютъ, „хотя-бъ и многія деревни имѣли", совершенно исключить изъ шляхетскихъ списковъ, вписавъ ихъ въ особую книгу. 10-й пунктъ отмѣняетъ законъ о единонаслѣдіи и совѣтуетъ сочинить „о наслѣдованіи шляхетскими имѣніями достаточный законъ" на основаніи Уложенія царя Алексѣя Михаиловича.

8-й пунктъ касается духовенства, преимущественно сельскаго. „Духовенство въ ихъ доходахъ разсмотрѣть, чтобъ деревенскіе могли дѣтей своихъ въ училищахъ содержать и сами не пахать; а у которыхъ есть избытки, оные на полезныя Богу и государству дѣла употреблять".

9-й пунктъ, о льготахъ купечества, предлагаетъ совершенно освободить его отъ постоевъ, избавить отъ утѣсненія вообще и „подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ".

Проэктъ заканчивается слѣдующимъ прошеніемъ къ Верховному Совѣту: „сіе предоставя Верховному Совѣту, требовать, чтобъ опредѣлили, *выбравъ всѣмъ шляхетствомъ къ разсмотрѣнію сего людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ. И чтобъ сіе не опущая времени начать; о томъ прилежно просить, чтобъ конечно того жъ дня или на завтра, чрезъ герольдмейстера, шляхетству о собраніи объявить, и покои для того назначить*".

Проэктъ Секіотова идетъ на компромиссъ съ Верховнымъ Совѣтомъ, оставляя ему прежнее значеніе, но увеличивая число его членовъ до двадцати одного и переименовывая въ Вышнее Правительство ([11]). Вслѣдствіе этого не опредѣляются обязанности Вышняго Правительства, но изъ втораго пункта проэкта (о сенатѣ) можно заключить, что оно имѣетъ кромѣ верховной правительственной власти и власть верховно-судебную. Сенатъ, въ составѣ одиннадцати членовъ, является учрежденіемъ вспомогательнымъ, для „отправленія протчихъ дѣлъ", какъ сказано въ проэктѣ. По краткости редакціи, трудно заключить, какой кругъ дѣйствій опредѣляется сенату,—можно лишь догадываться, что ему дается то самое мѣсто, которое онъ занималъ при Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

Генералитетъ и шляхетство выбираютъ кандидатовъ на должности членовъ Вышняго Правительства и сената, а также губернаторовъ и президентовъ коллегій. Проэктъ не опредѣляетъ, кто утверждаетъ этихъ кандидатовъ, но за то указываетъ составъ избирательнаго собранія, въ которомъ должно быть не менѣе ста человѣкъ; въ это собраніе допускается только по два избирателя отъ каждой фамиліи, а кандидатовъ выбирается по одному, при чемъ члены этой фамиліи не участвуютъ въ выборѣ.

Для обсужденія „важныхъ государственныхъ дѣлъ", а также „и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополне-

---

([11]) Подлинникъ хранится въ Государственномъ Архивѣ, разд. III, д. № 6, л. л. 16 — 24. Варіантомъ къ этому подлиннику (только относительно нѣкоторыхъ выраженій) служитъ напечатанный въ сборникѣ Кашпирева проэктъ, подъ именемъ *перваго* шляхетскаго проэкта (См. выше примѣч. 4-е).

ніе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству"—должны созываться въ общее собраніе: Вышнее Правительство, сенатъ, генералитетъ и шляхетство. Такимъ образомъ, это собраніе, имѣющее рѣшающій характеръ, является высшей правительственной инстанціей.

Сравнивая проэктъ кн. Черкасскаго съ проэктомъ Секіотова, мы встрѣчаемъ въ послѣднемъ, относительно льготъ шляхетству, различія трехъ видовъ: къ *первому* принадлежатъ предположенія проэкта кн. Черкасскаго, о которыхъ проэктъ Секіотова совершенно умалчиваетъ, (учрежденіе училищъ и приведеніе въ извѣстность „подлиннаго шляхетства"); *второй* — составляетъ тѣ требованія, съ которыми проэктъ Секіотова солидаренъ въ общемъ, но расходится въ подробностяхъ (назначеніе двадцатилѣтняго срока службы шляхтичамъ, безъ опредѣленія лѣтъ для поступленія на службу; отмѣна обязательнаго поступленія въ матросы и обученія ремесламъ, съ требованіемъ разсмотрѣть существующія объ этомъ правила; наконецъ, уничтоженіе закона о „единонаслѣдіи", при установленіи новыхъ правилъ для наслѣдованія вотчинъ). Къ *третьему* виду относится одно совершенно новое требованіе—объ улучшеніи быта офицеровъ и объ исправной выдачѣ имъ жалованья въ установленные сроки.

О духовенствѣ проэктъ выражается общими фразами; о купечествѣ говоритъ согласно съ первымъ проэктомъ, пропуская только умноженіе мануфактуръ и торговли, а затѣмъ касается положенія крестьянъ, о чемъ первый проэктъ совершенно умалчиваетъ. Проэктъ Секіотова находитъ необходимымъ дать имъ облегченіе въ податяхъ. Всѣ льготы духовенству, купечеству и крестьянству предполагается привести въ исполненіе послѣ подробнаго изслѣдованія нуждъ этихъ сословій. Не забыто и тяжелое въ то время положеніе русскаго солдата: проэктъ считаетъ нужнымъ озаботиться о „порядочномъ производеніи солдатъ" (¹⁸).

(¹⁸) Проэктъ Алабердеева и первоначальная редакція проэкта М. Грекова совершенно тождественны съ проэктомъ Секіотова. Подлинникъ проэкта Алабердеева хранится въ Государственномъ Архивѣ, разд. III, дѣло № 6, л. 25.—Тамъ же находятся и двѣ черновыя копіи первоначальной редакціи проэкта Максима Грекова (за подписью 28

Мнѣнія меньшинства шляхетства выражаются въ четырехъ проэктахъ: графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, Степана Андреевича Колычова, Михаила Аѳонасьевича Матюшкина и въ проэктѣ двадцати-пяти.

Мнѣніе графа Мусина-Пушкина, подписанное имъ однимъ, дошло до насъ только въ извлеченіи и то весьма неопредѣленномъ. „Къ правленію государственному"—читаемъ мы въ этомъ извлеченіи—„надлежитъ прибавить членовъ, а выбрать оныхъ общимъ совѣтомъ изъ фамильныхъ и генералитета и изъ знатнаго шляхетства, и во ономъ государственномъ правленіи не быть болѣе двухъ персонъ одного рода" ([13]). Поясненіемъ и дополненіемъ такого краткаго извлеченія служитъ анонимная записка, содержаніемъ своимъ близко подходящая къ вышеизложенному мнѣнію. Записка эта дошла до насъ въ двухъ черновыхъ варіантахъ ([14]). Мы приводимъ ея содержаніе по первому изъ нихъ, указывая въ примѣчаніяхъ отличіе втораго.

явцъ)—разд. III, д. № 4, л. л. 50—51. Порядокъ фамилій въ подписяхъ обѣихъ копій различенъ; кромѣ того, вторая копія представляетъ нѣкоторые, не важные впрочемъ, варіанты, (въ выраженіяхъ только) первой копіи. По списку Государственнаго Архива проэктъ М. Грекова помѣщенъ въ нѣмецкихъ переводахъ: а) въ неизданныхъ депешахъ прусскаго посланника А. Мардефельда (депеша № 126), в) въ книгѣ Шмидтъ-Физельдека: «Materialien zu der Russisch. Gesch» (Bd. II, S. 391, 397).—Современные нѣмецкіе переводы, но по частнымъ спискамъ (съ измѣненіями и пропусками) помѣщены въ «Europaische Fama» 1730, (т. 328. с 317—318) и въ «Nationen Gespräche» (23 Entrevue, S. 442—443). Какъ кажется, именно проэктъ М. Грекова слѣдуетъ разумѣть подъ *вторымъ мнѣніемъ*, изложеннымъ въ черновой запискѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта (Государств. Архивъ, разд. III, дѣло № 6, л. 6—7). «Подъ симъ мнѣніемъ»—читаемъ мы въ названной запискѣ—«подписалось: генералъ-лейтенанта 3, статскихъ того ранга 4, генералъ-майоровъ 9, статскихъ и придворныхъ того ранга 13, *оберъ-прокуроръ синода*, всего 30 человѣкъ».—Изложеніе этого проэкта по запискѣ Верховнаго Совѣта напечатано въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XIX, с. 256—257.

([13]) Госуд. Арх., разд. III., дѣло № 6 л. 7; перепечат. у С. М. Соловьева, «Исторія Россіи», т. XIX, с. 257.

([14]) Госуд. Арх., разд. III. д. № 4; *первый варіантъ*, л. л. 6—7; *второй варіантъ*, л. л. 9—10. Второй варіантъ говоритъ только о верховномъ правленіи и сенатѣ. Въ обоихъ варіантахъ недостаетъ конца. По всей вѣроятности, далѣе въ запискѣ шла рѣчь о льготахъ шляхетству и другимъ сословіямъ. — Напечатанное въ текстѣ разрядкой, въ подлинникѣ зачеркнуто.

Въ запискѣ очень рѣзко проводится мысль о различіи старинной родовой аристократіи отъ новаго шляхетства: первая называется здѣсь „ѳамилными особами", „старыми и знатными ѳамиліями", а второе—просто „шляхетствомъ", при чемъ „генералитетъ" отнесенъ къ шляхетству. Во главѣ государственнаго управленія ставится Верховное Правленіе изъ 12-ти особъ; это учрежденіе есть ничто иное, какъ существующій уже Верховный Тайный Совѣтъ, съ тою только разницею, что къ его семи членамъ предположено добавить еще пять. Избраніе членовъ, а также и замѣщеніе ихъ, должно происходить посредствомъ выбора трехъ кандидатовъ общимъ собраніемъ Верховнаго Правленія, сената и генералитета военнаго и штатскаго, „которые тогда въ резиденціи случатца", при чемъ Верховное Правленіе непремѣнно состоитъ изъ одинаковаго количества „ѳамилныхъ особъ", и „шляхетства", но чтобъ болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не было" (15). Ваканціи „ѳамилныхъ" особъ замѣщаются изъ нихъ же, а на шляхетскія ваканціи выбираются изъ шляхетства (16). Кандидаты на эти мѣста должны быть „люди достойные, умные и къ верховному правленію, какъ во внутреннихъ, такъ и иностранныхъ дѣлехъ, искусные и повѣренные и всему государству доброжелателные, понеже" — замѣчаетъ записка— „*не персоны управляютъ закономъ, а законъ персонами*". Затѣмъ опредѣляется самый порядокъ совѣщаній въ Верховномъ Правленіи. „И понеже то собраніе"—говоритъ записка" — *не для собственной какой власти быть имѣетъ*, точію во опщую ползу всего государства, ради верховнаго правленія учреждено, того ради въ семъ собраніи присутствующимъ имѣть голосы равные". Число членовъ въ сенатѣ не опредѣлено (17), но требуется, чтобы одна половина ихъ состояла также изъ „ѳамилныхъ", а другая изъ „шляхетства". Сенаторы должны имѣть чинъ не ниже Д. С. С.

---

(15) *2-й вар.* прибавляетъ: «чтобъ тѣмъ не могли взять на себя лишней силы въ разсужденіи» (т. е, въ преніяхъ).—Эти строки во 2-мъ вар. потомъ зачеркнуты.

(16) *2-й вар.*: «а тотъ выборъ чинить верховному правленію и сенату опще на одну персону по три человѣка кандидатовъ».

(17) *2-й вар., сбоку на листѣ*: «сенату быть во одинадцати».

Обязанности сената состоятъ въ слѣдующемъ: „Оное управленіе имѣетъ всѣ дѣла государственные и расправные; а буде которыхъ дѣлъ собою рѣшить не могутъ, о тѣхъ представлять Верховному Правленію (написано Верховному Тайному Совѣту)". Выборъ сенаторовъ происходитъ такъ же, какъ членовъ Верховнаго Правленія, а утвержденіе ихъ производится симъ послѣднимъ. Верховное Собраніе—ставится выше Верховнаго Правительства и сената. Оно собирается „для совѣту и разсужденія, когда случится какое новое и важное дѣло". Собраніе это состоитъ изъ Верховнаго Правительства, сената, генералитета и „стацкихъ тѣхъ ранговъ"; *въ случаѣ надобности*, въ него приглашается и знатное шляхетство, а при вопросахъ по „духовному правленію"—синодскіе члены и прочіе архіереи, „по усмотрѣнію важности дѣла", т. е. въ менѣе важныхъ дѣлахъ одни члены синода, а въ болѣе важныхъ—всѣ архіереи.

Проэктъ Колычова увеличиваетъ составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ двѣнадцати до пятнадцати человѣкъ, также принимая уже существующихъ членовъ. Проэктъ мотивируетъ необходимость увеличенія членовъ слѣдующими соображеніями: „Ежели кто изъ оныхъ заболитъ, или отлучится, чтобъ отъ того въ правленіи замедленія за малолюдствомъ не было". Другихъ вопросовъ Колычовъ не затрогиваетъ. Мы не знаемъ именъ „согласниковъ" Колычова, извѣстно только, что подъ его мнѣніемъ подписалось: „брегадировъ два, статскихъ того ранга два, маеоръ—одинъ, и того пять человѣкъ" ([18]).

Противъ мнѣнія Колычова подалъ проэктъ М. А. Матюшкинъ „съ товарищи".

Соглашаясь съ увеличеніемъ числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ двѣнадцати до пятнадцати, „для повсядневнаго правленія", проэктъ Матюшкина говоритъ: „Для важныхъ дѣлъ призвано будетъ общество, какъ показано ниже, въ 6-мъ пунктѣ, и тогда не токмо малолюдно, но и многолюдно будетъ".

([18]) Госур. Арх., разд. III, д. № 6, л. л. 8—9. (черновое изложеніе мнѣній, поданныхъ Верх. Тайн. Совѣту) — Эти изложенія напеч. въ XIX т. «Ист. Россіи» Соловьева: (с. 256—257); мнѣніе Колычова у него пропущено.

Проэктъ Матюшкина идетъ еще болѣе на компромиссъ съ Верховнымъ Совѣтомъ, чѣмъ проэкты Сеніотова, Алабердеева, Грекова, гр. Мусина-Пушкина и Колычова. Къ вопросамъ этихъ проэктовъ, проэктъ Матюшкина присоединяетъ одинъ совершенно новый—объ оставленіи резиденціи въ Москвѣ. Проэктъ состоитъ изъ *двѣнадцати* пунктовъ, послѣдній изъ которыхъ заключается въ слѣдующемъ: „На все вышеписанное, ежели за потребно отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждено будетъ, покорно просимъ исходатайствовать соизволеніе отъ ея императорскаго величества"([19]).

По проэкту Матюшкина наличные члены Верховнаго Совѣта остаются на своихъ мѣстахъ, а новые члены, „въ прибавокъ" къ нимъ, выбираются „обществомъ"; по мѣрѣ

([19]) Проэктъ Матюшкина извѣстенъ въ двухъ редакціяхъ: первая, черновая, безъ подписей.—хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. III. д. № 4, л. л. 51—56); вторая, бѣловая редакція за подписью *пятнадцати* лицъ, напечатана Шмидтъ-Физельдекомъ въ нѣмецкомъ переводѣ, въ его «Materialien zu der Russisch. Gesh.» (Bd. II. S. 391—397).—Кромѣ того изложеніе мнѣнія Матюшкина находится въ черновой запискѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта и перепечатано оттуда въ XIX т. «Ист. Россіи Соловьева (См. выше, примѣч. 18-е). Проэктъ Матюшкина въ современномъ ему переводѣ на нѣмецкій языкъ помѣщенъ въ приложеніи къ 128 (неизданной) депешѣ прусскаго посланника А. Мардефельда: въ этомъ переводѣ встрѣчаемъ мы слѣдующія отличія отъ подлинника: а) 10-й п. (о единонаслѣдіи) пропущенъ, а потому проэктъ состоитъ изъ *одиннадцати* пунктовъ, b) въ 6-мъ пунктѣ, въ общемъ собраніи Верховнаго Совѣта, генералитета и шляхетства, помѣщенъ и сенатъ. — Имѣется также современный переводъ проэкта Матюшкина и на французскій языкъ въ депешахъ саксонско-польскаго посла Лефорта, также съ пропусками и измѣненіями: у Лефорта проэктъ состоитъ изъ *одиннадцати* пунктовъ: 10-й пунктъ (о единонаслѣдіи) помѣщенъ, но исключенъ 11-й—(о перенесеніи резиденціи въ Москву); 11-мъ пунктомъ поставленъ послѣдній, 12-й, пунктъ, переданный Лефортомъ такимъ образомъ: «Nous demandons pour l'avantage commun que tous ces articles soient examinés par le haut conseil». (См. Сборн. Русск. Историч. Общ., т. V, с. 361—363). Въ первомъ приложеніи къ нашему изслѣдованію мы помѣщаемъ проэктъ Матюшкина въ обратномъ переводѣ по Шмидтъ-Физельдеку, съ указаніемъ отмѣнъ, находящихся въ черновой редакціи Государственнаго Архива.

открытія вакансій въ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, онѣ замѣщаются тѣмъ же способомъ.

Подъ именемъ „общества“ проэктъ разумѣетъ военный и штатскій генералитетъ и шляхетство. Для вышеозначенныхъ выборовъ „общество“ должно состоять не менѣе, какъ изъ семидесяти „персонъ“, при чемъ изъ одной фамиліи не должно быть болѣе двухъ „персонъ“. Проэктъ предлагаетъ двѣ системы выборовъ въ члены Верховнаго Совѣта: по первой системѣ „общество“ выбираетъ на должность каждаго члена по три кандидата, одного изъ которыхъ Верховный Совѣтъ утверждаетъ открытой подачей голосовъ, или закрытой баллотировкой. Вторая система совершенно противоположна первой: Верховный Совѣтъ выбираетъ по своему усмотрѣнію трехъ кандидатовъ, а „общество“ производитъ выборъ изъ нихъ посредствомъ баллотировки. При той и другой системѣ члены Совѣта не могутъ быть избираемы изъ среды лицъ избирающихъ, и въ числѣ кандидатовъ не должно быть болѣе одного члена каждой фамиліи.

Сенатъ состоитъ изъ одиннадцати „персонъ“; кругъ его дѣйствій проэктомъ не опредѣленъ, а избраніе въ сенаторы предоставляется „въ волю и разсмотрѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта“, или же производится обществомъ на вышеуказанныхъ основаніяхъ; такимъ точно образомъ происходитъ назначеніе на должности коллежскихъ президентовъ и губернаторовъ (п. 1—5). Въ 1730 г. въ сенатѣ было восемь членовъ,—проэктъ считаетъ необходимымъ прибавить еще трехъ членовъ, чтобъ сенаторы объѣзжали губерніи и наблюдали за губернаторами и воеводами; проэктъ не означаетъ числа этихъ сенаторовъ-ревизоровъ, выражаясь весьма неясно: „по сколку человѣкъ за благо разсуждено будетъ“, такъ что даже неизвѣстно, кому предоставляется это „разсужденіе за благо“ — самому сенату, или Верховному Совѣту.

Порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія въ общемъ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, генералитета и шляхетства—государственныхъ дѣлъ вообще и дѣлъ по государственному управленію въ особенности, — служебныя льготы шляхетству, отмѣну закона о единонаслѣдіи, улучшеніе быта офицеровъ и солдатъ и удовлетвореніе нуждъ другихъ сословій—проэктъ Матюшкина опредѣляетъ въ общихъ чертахъ согласно съ проэктомъ Севіотова (п. 6, 7

9 и 10). Частныя его различія заключаются въ слѣдующемъ: онъ не назначаетъ числа лѣтъ обязательной службы шляхетства, высказывая только, что необходимо ограничить эту службу какимъ нибудь срокомъ; въ пунктѣ о единонаслѣдіи упоминаетъ „о послѣднемъ въ ѳамиліи" наслѣдникѣ, шляхетства не выдѣляетъ изъ прочихъ классовъ русскаго народа, и послѣ пункта (7-го) о служебныхъ льготахъ шляхетству, выражается (въ 8-мъ п.) слѣдующимъ образомъ: „шляхетству, духовенству, купечеству и протчимъ, всякому по состоянію въ ихъ нуждахъ учинить удовольствіе въ чемъ возможно, *понеже отъ того зависитъ цѣлость и постоянство правленія;* такъ же крестьянству въ податяхъ, по расмотренію, надлежаще облегченіе учинить".

Проэктъ двадцати-пяти намѣревается, повидимому, примирить крайнія требованія проэкта кн. Черкасскаго съ болѣе умѣренными желаніями большинства и меньшинства шляхетства. Главное его вниманіе обращено на организацію центральнаго правительства,—о льготахъ шляхетства и другихъ сословій онъ только упоминаетъ ([20]). Остановимся на важнѣйшихъ его отличіяхъ сравнительно съ разсмотрѣнными проэктами.

1) Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ изъ шестнадцати персонъ, считая въ этомъ числѣ существующихъ членовъ (п. 1-й). 2) Генералитетъ и шляхетство избираетъ закрытой баллотировкой по три кандидата на ваканціи членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, сената, президентовъ коллегій и губернаторовъ, но не изъ числа избирающихъ; изъ этихъ трехъ кандидатовъ одного утверждаетъ императрица. „А оные вновь выбалатированные персоны" - читаемъ въ 3-мъ пунктѣ проэкта—„хотя и будутъ присутсвовать, а явныхъ заслугъ къ отечеству впредь не покажутъ, то онымъ ранговъ и жалованья противъ нынѣ присутствующихъ, мнится, не давать, а имѣть имъ ранги жалованья прежніе, въ которыхъ они выбалатированы; а когда покажутъ къ отечеству службы,

---

([20]) Проэктъ этотъ напечатанъ по списку Н. Н. Шульгина въ «Пам. Нов. Русск. Ист.» В. Кашпирева и названъ тамъ *вторымъ проэктомъ.* (См. т. I, отд. II, с. 6—7). Мы не нашли этого проэкта въ Государственномъ Архивѣ.

тогда по заслугамъ и награждены быть имѣютъ". То же правило распространяется на сенаторовъ, президентовъ коллегій, губернаторовъ и другихъ (п. 4-й и 5-й). 3) Сенатъ, имѣющій титулъ „высокаго", состоитъ изъ двадцати одной персоны, считая бывшихъ уже въ то время членовъ. Дѣла въ немъ рѣшаются большинствомъ голосовъ. (п. 4-й). Для выбора вице-президентовъ коллегій, воеводъ и прочихъ гражданскихъ чиновъ—созывается особое собраніе „общества" не менѣе какъ изъ пятидесяти персонъ; всѣ избранныя служащія лица утверждаются сенатомъ (п. 5-й). 5) Высшее собраніе состоитъ изъ верховнаго правительства (Верховнаго Тайнаго Совѣта) и шляхетства; сенатъ въ этомъ собраніи не участвуетъ (п. 10-й).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію проэктовъ, не поданныхъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, слѣдуетъ остановиться на конспектѣ шляхетскихъ совѣщаній (проэктомъ его назвать нельзя), въ которомъ выразились требованія крайней шляхетской партіи. Вотъ этотъ конспектъ:

1) Сенату быть въ тридцати персонахъ, государынѣ президентствовать и имѣть три голоса, а Верховному Тайному Совѣту не быть.

2) Для дѣлъ малѣйшихъ отлучить съ перемѣною по годно десять человѣкъ, а въ государственныхъ дѣлахъ сообщается всѣмъ.

3) Въ члены выбирать въ сенатъ чрезъ балатированье, а чтобы было отъ одной фамиліи не больше двухъ человѣкъ.

4) Войску быть подъ военными коллегіями, а гвардіи подъ сенатомъ.

5) Придворные чины выбрать вновь.

6) На убылые мѣста въ сенатъ въ члены, и въ коллегіи въ президенты, и въ губернаторы,—выбирать обществомъ балатированьемъ; а сенату къ выборамъ не вступаться.

7) Впредь что потребно къ исправленію и къ пользѣ государственной явится сочинить сейму и утвердить обществомъ.

8) Шляхетство въ военные рядовые чины не выбирать, а сочинить для оныхъ особливые роты шляхетскіе, а для морскихъ гардемарины.

9) Старшинство въ наслѣдствѣ дѣтей—оставить, а дать на волю родителемъ, а ежели родителей у кого не останется, дѣлить по частимъ ([21]).

([21]) «Пам. Нов. Русск. Исторіи», В. Кашпирева, т. I, отд. II, стр. 7—8.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ какой „компаніи" происходили совѣщанія, программа которыхъ представлена въ этомъ конспектѣ.

Проэктъ **тринадцати** находится въ близкой связи съ вышеизложенными анонимной запиской и проэктомъ Матюшкина, представляя въ то же время, сравнительно съ послѣднимъ, нѣкоторыя отличія. Объ этомъ проэктѣ прусскій посланникъ Мардефельдъ замѣчаетъ: „Почти всѣ подписавшія его лица принадлежатъ къ знатнѣйшимъ и старѣйшимъ фамиліямъ русскаго государства, но такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это молодые люди, не занимающіе значительныхъ должностей, то на ихъ предложенія обращаютъ мало вниманія" ([28]).

Проэктъ тринадцати, состоящій изъ одиннадцати пунктовъ, предлагаетъ совершенно ту же организацію центральнаго управленія и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и проэктъ Матюшкина, съ тѣмъ только различіемъ, что члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, а равно и сенаторы, президенты коллегій и губернаторы—безусловно избираются изъ числа *трехъ* кандидатовъ, выбранныхъ на эти должности генералитетомъ въ составѣ *восьмидесяти* лицъ (остальныя условія избранія тѣ же, что у Матюшкина). Въ томъ же составѣ и на тѣхъ же основаніяхъ созывается, для обсужденія дѣлъ первой государственной важности, собраніе генералитета и шляхетства, при участіи Верховнаго Совѣта и сената. Обязанности сената въ проэктѣ тринадцати опредѣляются въ слѣдующихъ словахъ: „Дабы Верховный Совѣтъ множествомъ дѣлъ не обременить, учредить какъ для рѣшенія прочихъ дѣлъ, такъ и для высшаго апеляціоннаго суда *по гражданскимъ процессамъ*,—сенатъ, который долженъ состоять изъ *одиннадцати* членовъ".

Двухъ послѣднихъ требованій проэкта Матюшкина, т. е. оставленія резиденціи въ Москвѣ и соизволенія императрицы—совсѣмъ нѣтъ, за то являются два новыхъ требованія, которыхъ нѣтъ въ проэктѣ Матюшкина: первое изъ нихъ вовсе не было заявлено въ шляхетскихъ проэктахъ, а второе представляетъ варіантъ двухъ предложеній 7-го пункта проэкта кн. Черкасскаго:

([28]) Приложеніе С къ депешѣ отъ 16 марта (н. ст.) 1721, въ неизданныхъ депешахъ, № 128.

п. 5) На государственной службѣ каждый служащій имѣетъ право занимать только одну должность, а не нѣсколько, чтобы не было замедленія въ отправленіи дѣлъ.

п. 8) Такъ какъ шляхетство должно часто призываться на совѣщанія, то слѣдуетъ сдѣлать различіе между *стариннымъ* и *новымъ шляхетствомъ*, какъ это практикуется *въ другихъ свободныхъ государствахъ* .... *„Для ремеслъ и другихъ низкихъ должностей шляхетство не употреблять“*.

Всѣ остальныя требованія проэкта одинаковы съ требованіями проэкта Матюшкина ([23]).

Въ то время, какъ въ Верховный Совѣтъ поступали одинъ за другимъ проэкты государственныхъ преобразованій, въ одной изъ шляхетскихъ компаній, составъ которой, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстенъ, зародилось отрицательное отношеніе ко всѣмъ шляхетскимъ проэктамъ. Эта компанія пришла къ тому убѣжденію, что отъ скороспѣлыхъ проэктовъ, составленныхъ второпяхъ, нельзя ожидать прочныхъ результатовъ въ будущемъ, что для дѣйствительнаго улучшенія положенія дѣлъ преждевременно измѣнять существующія учрежденія, созидать новыя, требовать измѣненія нѣкоторыхъ законовъ и постановленій, обходя или игнорируя другіе; что нужно прежде всего изслѣдовать дѣйствительныя нужды и потребности Россіи—и потомъ уже приступать къ реформамъ. Съ этою цѣлію „компанія“ составляетъ свой проэктъ, состоящій изъ восьми пунктовъ и имѣющій слѣдующее заглавіе: „Способы, которыми, какъ видитца, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло“ ([24]).

([23]) Въ Государственномъ Архивѣ этого проэкта не находится. Подробная редакція помѣщена въ современномъ ему нѣмецкомъ переводѣ въ вышеупомянутой депешѣ Мардефельда (см. наше предъидущее примѣч.). Лефортъ сообщаетъ неточный и очевидно сокращенный французскій переводъ этого проэкта. (См. Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, с. 363—365). Проэктъ въ переводѣ Мардефельда помѣщается въ I-мъ прилож. къ настоящему изслѣдованію.

([24]) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, лл. 46—47.

„Способы“ предлагаютъ избрать изъ среды шляхетства отъ двадцати до тридцати человѣкъ для выработки общаго плана государственныхъ преобразованій, „и что оне къ ползе отечества сочинятъ и утвердятъ, и то имѣетъ вѣчно, твердо и ненарушимо быть“ (п. 2-й).

Считая это предложеніе *дѣломъ исключительно національнымъ*, проэктъ призываетъ шляхетство къ патріотическому единодушію. „Первое и главное основаніе“, — говорится въ 1-мъ пунктѣ—„чтобъ всѣ великороссійскаго народа шляхетство, *выключа иноземцевъ*, которые хотя въ вѣчное подданство и присягали, однакожъ негреческаго закона и у которыхъ дѣды не въ Россіи породились, и согласились бы за себя и за отсутствующихъ единодушно вмѣстѣ такъ, чтобъ никто никакъ и ни чѣмъ отъ того согласія неотговаривался, ни заслугами, ни рангомъ, ни старостію ѳамиліи, и чтобъ всякому былъ одинъ голосъ“. При избраніи проэктъ совѣтуетъ руководствоваться „единосердечнымъ согласіемъ“ и избрать „годныхъ и вѣрныхъ отечеству людей“ (п. 2-й).

Дальнѣйшіе пункты проэкта излагаютъ самую организацію шляхетскаго собранія для выработки общаго плана реформъ.

Подробности организаціи заключаются въ слѣдующемъ:

1) Члены собранія должны быть снабжены письменными полномочіями отъ своихъ избирателей (п. 2-й).

2) Для соблюденія внѣшняго порядка въ собраніи и направленія его преній назначаются „двѣ особы“, также избираемыя шляхетствомъ. Права и обязанности ихъ опредѣлены такъ: „Чтобъ оне содержали въ томъ ихъ собраніи доброй порядокъ, а имянно: голосы давали (т. е. наблюдали бы за очередью преній), шумъ и крикъ, а *особливо брань*, унимали“ (п. 3-й). Въ преніяхъ они не участвуютъ, но могутъ сообщать членамъ шляхетскаго собранія „все что къ правленію государства принадлежитъ и что оне вымыслить могутъ къ ползе отечества“ (п. 4-й).

3) Въ обсужденіи вопросовъ, касающихся церкви, военнаго дѣла и торговли, участвуютъ „выборные“ отъ четырехъ до шести человѣкъ, отъ синода („изъ синодскихъ членовъ или изъ другихъ кого синодъ изберетъ“), отъ военныхъ и отъ купечества. Эти выборные должны быть снабжены также достовѣрными письменными полномочіями отъ своихъ

избирателей, „за ихъ руками", и имѣютъ равные голоса съ членами шляхетскаго собранія (п. 5-й).

4) При разсмотрѣніи вотчинныхъ дѣлъ и другихъ спеціальныхъ вопросовъ, приглашаются президенты и отъ двухъ до трехъ членовъ соотвѣтствующихъ коллегій на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и депутаты отъ сословій (п. 6-й).

5) По разсмотрѣніи и утвержденіи собраніемъ каждаго отдѣльнаго вопроса, онъ разсматривается еще разъ всѣмъ собраніемъ вмѣстѣ съ сенатомъ; послѣ этого вопросъ предлагается на разсмотрѣніе Верховнаго Совѣта, который обсуждаетъ его въ соединенномъ засѣданіи съ шляхетскимъ собраніемъ и сенатомъ, „а какъ выборные, сенатъ и Верховный Совѣтъ о какомъ дѣлѣ всѣ согласятца и тогда",— говоритъ проэктъ—„послать съ тѣмъ дѣломъ нѣсколько особъ къ ея императорскому величеству и просить чтобъ конфирмовала" (п. 7-й и 8-й).

Чрезъ нѣсколько времени явилось дополненіе къ „способамъ", къ сожалѣнію также анонимное, съ слѣдующимъ заглавіемъ „къ прежде учиненному опредѣленію пополненіе" ([25]).

Это дополненіе состоитъ изъ четырехъ пунктовъ: 1) о срокахъ шляхетской службы, 2) о купечествѣ, 3) о земледѣльцахъ и 4) о епархіяхъ и монастыряхъ.

Первый пунктъ требуетъ служебныхъ льготъ шляхетству для того, „чтобъ воинское дѣло не ослабѣвало". Съ этой цѣлью предлагается: 1) чтобы молодые шляхтичи начинали сухопутную военную службу черезъ гвардію съ нижнихъ чиновъ, съ непремѣннымъ производствомъ въ офицеры, 2) чтобы опредѣленъ былъ срокъ службы, въ каждомъ чинѣ, „чтобъ не было въ тягость", 3) чтобъ въ морскую службу шляхетство опредѣлялось гардемаринами, а не матросами, съ производствомъ чрезъ опредѣленное число лѣтъ въ офицеры.

Относительно купечества предлагается: установить вольную торговлю, разсмотрѣть тарифъ и разныя запрещенія въ торговлѣ.

О крестьянахъ сказано: „отягощенное земледелство податми, какимъ нибудь образомъ облегчить податьми".

([25]) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, л. 48.

Епархіи и монастыри возстановляются въ томъ видѣ, какъ были до учрежденія синода: всякій архіерей долженъ во всемъ самъ свою епархію вѣдать, монастыри сами завѣдуютъ своими вотчинами; коллегія экономіи упраздняется, государственныя подати монастырей собираются ими и передаются въ каморъ-коллегію; прокормленіе отставныхъ офицеровъ и солдатъ въ монастыряхъ остается по прежнему.

Обобщая всѣ предположенія государственныхъ преобразованій, заявленныя въ шляхетскихъ проэктахъ и мнѣніяхъ, мы получимъ довольно опредѣленную программу политическихъ воззрѣній шляхетства.

Постоянными органами центральнаго управленія являются два правительства—Вышнее и Нижнее.

Большинство проэктовъ признаетъ Вышнимъ Правительствомъ существующій Верховный Тайный Совѣтъ, но значительно увеличиваетъ число его членовъ: проэкты Секіотова, Грекова и Алабердеева доводятъ это число до 21; анонимная записка до 12; проэкты Колычева, 13-ти и Матюшкина отъ 12 до 15; проэктъ 25-ти до 16 членовъ. Нѣкоторые проэкты, уничтожая существующій Верховный Тайный Совѣтъ, ставятъ Вышнимъ Правительствомъ „въ помощь ея императорскому величеству", сенатъ, также не сходясь въ числѣ членовъ. Проэктъ Черкасскаго назначаетъ 21 члена, а „конспектъ" 30 членовъ, предсѣдательство же въ сенатѣ возлагаетъ на императрицу. Всѣ наличные члены Верховнаго Тайнаго Совѣта входятъ въ составъ Вышняго Правительства; остальныхъ членовъ, и впослѣдствіи, на „упалыя мѣста" (ваканціи) выбираетъ генералитетъ и шляхетство, строго наблюдая, чтобы среди Вышняго Правительства не было нѣсколькихъ представителей одной фамиліи: число этихъ представителей опредѣляется проэктами различно: большинство назначаетъ по одному отъ каждой фамиліи, иные допускаютъ двухъ.

Нижнее Правительство учреждается въ помощь Правительству Вышнему „по дѣламъ расправнымъ и судебнымъ". Всѣ проэкты (за исключеніемъ проэкта Черкасскаго и „конспекта") называютъ его сенатомъ, при чемъ проэкты Секіотова, Алабердеева, Грекова и 25-ти совсѣмъ не опредѣляютъ круга его дѣйствій, очевидно разумѣя сенатъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ со времени учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта, а проэкты Матюш-

кина и 13-ти возлагаютъ на сенатъ непосредственное наблюденіе надъ губернаторами и воеводами. Анонимная записка считаетъ Нижнее Правительство учрежденіемъ вспомогательнымъ „по дѣламъ государственнымъ и расправнымъ“, а проэктъ 13-ти ставитъ его высшей апеляціонной инстанціей по гражданскимъ процессамъ. Всѣ проэкты,—кромѣ проэкта 25-ти, который увеличиваетъ число сенаторовъ до 21,—образуютъ сенатъ изъ 11-ти членовъ, наличные сенаторы сохраняютъ свои мѣста, а вновь назначаемые избираются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и члены Вышняго Правительства. Проэктъ Черкасскаго и „конспектъ“, совершенно уничтожающіе Верховный Совѣтъ и ставящіе на его мѣсто сенатъ, разумѣютъ подъ Нижнимъ Правительствомъ особую коллегію изъ шляхетскихъ представителей. По проэкту Черкасскаго эта коллегія составляется изъ одной трети членовъ Вышняго Собранія, о которомъ мы скажемъ ниже, а „конспектъ“ выражается о ней весьма неопредѣленно, говоря, что опая состоитъ, „съ перемѣною по годно, изъ десяти человѣкъ“.

Ваканціи на должности президентовъ коллегій и губернаторовъ замѣщаются также по выбору; проэктъ Черкасскаго распространяетъ это правило и на вице-президентовъ коллегій, вице-губернаторовъ и главныхъ командировъ войскъ, а проэктъ 25-ти, не упоминая о военныхъ командирахъ, прибавляетъ „воеводъ и протчихъ гражданскихъ чиновъ“. Большая часть проэктовъ представляетъ право избранія исключительно генералитету и шляхетству, при чемъ количество избирателей опредѣляется ими различно: иные (проэкты Секіотова, Алабердеева, Грекова, 25-ти и „конспектъ“) назначаютъ 100 членовъ; проэктъ 13-ти—80, а проэктъ Матюшкина—70; для избранія же вице-президентовъ проэктъ 25-ти считаетъ достаточнымъ 50 человѣкъ изъ генералитета и шляхетства. Проэктъ Черкасскаго возлагаетъ избраніе всѣхъ служащихъ лицъ на соединенное присутствіе Вышняго и Нижняго правительствъ, при чемъ въ избраніи президентовъ коллегій участвуютъ всѣ наличные президенты, а въ избраніи командировъ войскъ—всѣ наличные генералы. При избраніи вообще всѣхъ должностныхъ лицъ, не исключая и членовъ Вышняго и Нижняго правительствъ, наблюдается, чтобы въ числѣ избирающихъ не было больше двухъ лицъ отъ одной фамиліи, а въ числѣ избираемыхъ

не болѣе одного; члены той фамиліи, къ которой онъ принадлежитъ, не участвуютъ въ его баллотировкѣ.

„Для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и что потребно будетъ впредь сочинить въ дополненіе уставовъ, принадлежащихъ къ государственному правительству и общей пользѣ",—созываются генералитетъ и шляхетство. Большинство проэктовъ, не опредѣляя числа членовъ изъ генералитета и шляхетства, включаетъ въ составъ этого собранія оба правительства — Вышнее и Нижнее и считаетъ необходимымъ созывать его лишь по мѣрѣ надобности, а проэктъ Черкасскаго назначаетъ 100 членовъ изъ одного только шляхетства, называя эту коллегію **Вышнимъ Собраніемъ** и назначая его засѣданія три раза въ годъ, въ опредѣленные сроки. Одинъ изъ шляхетскихъ кружковъ называетъ это собраніе „**сеймомъ**" („конспектъ").

Инниціатива законодательства, какъ видно, присвояется Аннѣ Іоанновнѣ, но ни одинъ проэктъ, кромѣ проэкта Черкасскаго, не упоминаетъ объ этомъ.

Главное вниманіе всѣхъ проэктовъ обращено на права и привиллегіи шляхетства, до нѣкоторой степени намѣченныя уже въ планѣ центральныхъ правительствъ: проэкты прежде всего стремятся оградить шляхетство отъ возвышенія нѣсколькихъ родовитыхъ фамилій; кромѣ того въ цѣломъ радѣ пунктовъ они заявляютъ о сословныхъ шляхетскихъ льготахъ, выражая при этомъ два воззрѣнія: **одно** ставитъ происхожденіе выше правъ, пріобрѣтенныхъ службою, выдѣляя шляхетство подлинное (родовое) изъ новаго (худороднаго) (проэкты Черкасскаго, Мусина-Пушкина, анонимная записка и проэктъ 13-ти); **другое** — различаетъ шляхетство по служебнымъ преимуществамъ, раздѣляя его на генералитетъ и простое шляхетство (всѣ остальные проэкты). Нѣкоторые проэкты прямо называютъ интересы шляхетства „общенародіемъ" и „общимъ дѣломъ" (Черкасскаго, Матюшкина), ставя такимъ образомъ шляхетство охранителемъ интересовъ всѣхъ остальныхъ сословій.

Проэктъ Черкасскаго существенными привиллегіями шляхетства считаетъ преобразованіе тайной канцеляріи и распространеніе образованія. Всѣ проэкты одинаково требуютъ слѣдующихъ льготъ шляхетству:

1) Опредѣленія срока военной службы, при чемъ большинство считаетъ этотъ срокъ въ 20 лѣтъ (проэкты Чер-

касскаго, Секіотова, Алабердеева, Грекова и 25-ти); проэктъ Черкасскаго добавляетъ, чтобы моложе 18 лѣтъ въ службу не брать.

2) Измѣненія порядка военной службы; въ этомъ проэкты расходятся: иные предполагаютъ опредѣлять шляхетство въ сухопутное войско прямо офицерами, во флотъ—гардемаринами, устроивъ для этого кадетскія и гардемаринскія роты („конспектъ"), другіе—считаютъ возможнымъ начинать службу съ нижнихъ чиновъ, но не иначе какъ въ гвардіи и съ непремѣннымъ производствомъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ офицеры („добавленіе къ способамъ").

3) Отмѣны обязательнаго поступленія въ матросы и въ обученіе ремесламъ.

4) Весьма естественнымъ выводомъ изъ предыдущаго является забота объ улучшеніи быта офицеровъ и солдатъ (большинство которыхъ въ гвардіи было въ то время изъ шляхетства) и объ исправной выдачѣ имъ жалованья (проэкты Секіотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина и 13-ти).

5) Уничтоженія закона о единонаслѣдіи (1714 г.). Большинство проэктовъ (Секіотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина, 13-ти и 25-ти) предлагаетъ установить „о наслѣдованіи въ вотчинахъ" новыя правила; иные желаютъ возстановить относительно этого вопроса законы „Уложенія" (проэктъ Черкасскаго), другіе же предоставляютъ на волю родителей дѣлить, или не дѣлить недвижимое имущество, а при наслѣдствѣ сиротами предполагаютъ дѣлить по частямъ („конспектъ").

Въ связи со шляхетскими льготами находятся вопросы объ исправной службѣ и о производствѣ въ чины. По этимъ вопросамъ мы встрѣчаемъ въ проэктахъ слѣдующія замѣчанія: 1) чтобы ранги давались по заслугамъ (проэктъ 25-ти), 2) чтобы каждый служащій занималъ одну должность, а не нѣсколько (проэктъ 13-ти).

Послѣ правъ и льготъ шляхетства проэкты переходятъ къ улучшенію быта духовенства, купечества и крестьянства, останавливаясь на весьма немногихъ нуждахъ ихъ и требуя подробнаго изслѣдованія всѣхъ потребностей этихъ сословій (проэкты Секіотова, Алабердеева, Грекова, Матюшкина и 13-ти). Проэктъ Черкасскаго указываетъ на необходимость увеличенія образованія и матерьяльныхъ средствъ приходскаго духовенства, преимущественно сельскаго. Ука-

занія „добавленій къ способамъ" касаются епархіальнаго управленія и монастырскаго хозяйства и направлены противъ власти синода. Проэктъ Черкасскаго желаетъ, въ интересахъ купечества, изыскать средства къ размноженію торговли и фабричной промышленности, а „добавленіе къ способамъ" стремится установить вольную торговлю и требуетъ разсмотрѣнія тарифа. Всего менѣе обращено вниманія на крестьянство. Всѣ проэкты смотрятъ на улучшеніе быта крестьянъ съ финансовой точки зрѣнія, требуя для нихъ только облегченія сколь возможно „въ податяхъ", а проэктъ Черкасскаго совсѣмъ даже не упоминаетъ о нихъ.

Кромѣ представленныхъ нами общихъ требованій, въ двухъ проэктахъ встрѣчаемъ мы слѣдующія частныя заявленія: 1) о перенесеніи резиденціи въ Москву (Матюшкинъ), 2) о подчиненіи всей арміи—военной коллегіи, гвардіи—Вышнему Правительству (сенату), а флота—адмиралтейской коллегіи („конспектъ"), 3) объ избраніи вновь придворныхъ чиновъ (тамъ же).

Всѣ предложенія, выраженныя въ проэктахъ и мнѣніяхъ, шляхетство желаетъ разсмотрѣть немедленно въ особомъ собраніи своихъ представителей. Проэктъ Черкасскаго опредѣляетъ число этихъ представителей въ 100 человѣкъ, а „способы"—отъ 20 до 30, совершенно исключая иноземцевъ изъ этого собранія и привлекая въ него представителей отъ духовенства, купечества, войска и разныхъ присутственныхъ мѣстъ, для обсужденія вопросовъ ихъ непосредственно касающихся. При этомъ „способы" представляютъ подробный планъ организаціи предварительнаго шляхетскаго собранія.

Независимо отъ шляхетскихъ проэктовъ и на совершенно иныхъ началахъ создавалъ свой политическій планъ князь Д. М. Голицынъ Ближайшее знакомство съ этимъ планомъ, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ, необходимо для того, чтобы уяснить, чѣмъ различались политическія идеи князя Голицына отъ воззрѣній шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній.

До насъ не дошелъ подлинникъ этого плана и мы можемъ составить себѣ о немъ не совсѣмъ точное представленіе по отзывамъ двухъ иностранныхъ резидентовъ: французскаго—Маньяна и англійскаго—Рондо, по словамъ которыхъ планъ князя Д. М. Голицына состоялъ приблизительно въ слѣдующемъ:

1) Императрица распоряжается безконтрольно лишь своимъ дворомъ, на расходы котораго, а также и на свои собственные, ежегодно получаетъ опредѣленную сумму денегъ; она начальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и охраны ея дворца.

2) Власть верховная принадлежитъ Верховному Совѣту, состоящему изъ членовъ знатнѣйшихъ фамилій, числомъ отъ *десяти* до *двѣнадцати*. Совѣтъ этотъ рѣшаетъ важнѣйшія государственныя дѣла по иностранной политикѣ, какъ-то: вопросы о войнѣ и мирѣ, о союзахъ и трактатахъ съ иностранными государствами; назначаетъ служащихъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всѣми войсками. Государственный казначей долженъ отдавать Верховному Совѣту строгій отчетъ даже въ самыхъ мелочныхъ расходахъ на государственныя потребности.

3) Кромѣ Верховнаго Совѣта учреждаются еще три собранія: сенатъ, шляхетская палата и палата городскихъ представителей.

4) Сенатъ состоитъ изъ тридцати шести членовъ для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ, представляемыхъ Верховному Совѣту.

5) Шляхетская палата (камера низшаго шляхетства) состоитъ изъ двухъ сотъ членовъ и предназначается для охраненія правъ этого сословія, въ случаѣ посягательства на нихъ со стороны Верховнаго Совѣта.

6) Палата городскихъ представителей учреждается для завѣдыванія торговыми дѣлами и для соблюденія интересовъ простаго народа и защиты его отъ несправедливостей ([26]).

([26]) Депеша Рондо отъ 2 февр. н. ст. у Раумера, въ его: «Beiträge zur neueren Geschichte» Bd. II, S. 589—590; перепечат. въ «La Cour de Russie il y a cent ans» 3-e ed., p. 16—17.—Депеша Маньяна отъ 13 февр. въ книгѣ Тургенева «La Russie et les Russes», V. III, p. 264—265.—Испанскій посолъ де-Лирія, въ депешѣ отъ 6 февр. н. ст., передаетъ этотъ планъ въ болѣе сокращенной формѣ, съ нѣкоторыми варіантами въ подробностяхъ; главнѣйшіе изъ этихъ варіантовъ слѣдующіе: войска состоятъ подъ главнымъ начальствомъ двухъ фельдмаршаловъ, которые по военнымъ дѣламъ отдаютъ отчетъ Верховно-

О планѣ кн. Голицына сдѣлалось извѣстно еще 23-го января (2-го февраля новаго стиля). Въ то время ходили слухи, что 7-го февраля планъ этотъ былъ добавленъ еще слѣдующими подробностями: 1) императрица получаетъ на расходы своего двора пятьсотъ тысячъ рублей въ годъ, 2) она присутствуетъ въ Верховномъ Совѣтѣ, гдѣ ей предоставляется два голоса, 3) членами Совѣта не могутъ быть иностранцы, одинъ только Остерманъ оставляется въ немъ, въ видѣ исключенія, изъ уваженія къ его заслугамъ, 4) къ гвардейскимъ полкамъ прибавляется еще два и вся гвардія подчиняется Верховному Совѣту, 5), государственный казначей избирается Верховнымъ Совѣтомъ, 6) всякій шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, подлежитъ наказанію по законамъ, по такъ какъ преступленіе есть вина личная, то опала его не распространяется на его семейство, какъ то было доселѣ ([27]).

Но планъ кн. Голицына не исчерпывался и этими добавленіями. Въ него входили, кромѣ перечисленныхъ, слѣдующіе параграфы: 1) о св. синодѣ и духовенствѣ, 2) о правахъ и привиллегіяхъ шляхетства, 3) о состояніи войска, 4) объ экономическомъ улучшеніи положенія купцовъ и крестьянъ, 6) о государственномъ бюджетѣ, 7) о пополненіи законовъ, 8) о наказаніи за измѣну государству и преступленія по должности, и о смертной казни ([28]).

При сопоставленіи этого плана съ „кондиціями" и съ шляхетскими проэктами, мы не можемъ не замѣтить, что онъ представляетъ значительное дополненіе первыхъ, разли-

---

му Совѣту; Верховный Совѣтъ состоитъ изъ 12-ти членовъ, сенатъ,—разсматривающій судебныя дѣла, изъ 30-ти. Шляхетскую палату де-Лиріа приравниваетъ къ «нижней палатѣ» конституціонныхъ государствъ, о палатѣ городскихъ представителей онъ не упоминаетъ вовсе. По словамъ де-Лиріа, этотъ планъ положенъ въ основаніе будущей системы управленія Россіи —«Богъ знаетъ»—говоритъ онъ—«будутъ-ли идея этого плана строго развита, какъ есть, или что нибудь въ ней измѣнятъ, но то вѣрно, что ни въ какомъ случаѣ не хотятъ оставить царицѣ какой нибудь авторитетъ». (См. XVIII-й в., сб. Бартенева, т. III, с. 34—35).

([27]) Tourgueneff, III, p. 227.

([28]) См. замѣчанія о планѣ кн. Голицына въ 1-мъ приложеніи къ наст. изслѣдованію.—Срав. ниже, примѣч. 30.

чаясь отъ вторыхъ въ самомъ существенномъ вопросѣ, изъ за котораго и произошла вся распря между Верховнымъ Совѣтомъ и шляхетствомъ. Ограничивая власть Анны Іоанновны, кн. Д. М. Голицынъ стремится вмѣстѣ съ тѣмъ къ ограниченію политическаго преобладанія большинства шляхетства, желавшаго захватить эту власть въ свои руки. Онъ ограничиваетъ это большинство, шляхетское „общенародіе", властью немногихъ знатнѣйшихъ фамилій, вводя въ кругъ второстепенныхъ учрежденій, на ряду съ шляхетствомъ, представителей отъ торговаго сословія, на которое большинство проэктовъ распространяетъ свою опеку. Въ планѣ князя Д. М. Голицына выразились, какъ его политическія воззрѣнія, такъ и черты его личнаго характера: строго аристократическій принципъ, презрѣніе къ тѣмъ иноземцамъ, которые стремились къ власти надъ русскими людьми, и склонность къ тираніи, даже деспотизму.

Планъ кн. Голицына послужилъ основаніемъ для разсужденій въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о государственномъ строѣ Россіи. Лефортъ, Мардефельдъ, де Лиріа и Маньянъ разумѣютъ именно этотъ планъ, говоря, что „государственные чины продолжаютъ работать надъ планомъ государственнаго устройства". „Ожидали, что проэктъ новаго управленія",—пишетъ Маньянъ $^{7}/_{18}$ февраля - „появится вчера, или сегодня; до сихъ поръ ничего еще не объявлено и изъ этого слѣдуетъ заключить, что обнародованіе проэкта будетъ отложено до прибытія новой царицы" (²⁹).

Однако въ виду все болѣе и болѣе усиливавшагося волненія среди шляхетства, которое открыто заявляло свои требованія въ поданныхъ проэктахъ, и желая привлечь къ себѣ также и духовенство, князь Д. М. Голицынъ рѣшился наконецъ на уступку оппозиціонному движенію. Съ этой цѣлью онъ остановился на мысли составить особую форму присяги на вѣрность Аннѣ Іоанновнѣ отъ имени Верховнаго Совѣта, сената, синода, генералитета и „всего россійскаго народа, духовнаго и свѣцкаго всякаго чина людей". Эта форма, затрогивая интересы всѣхъ сословій, должна была, по его мнѣнію, примирить всѣ партіи и давала ему возможность обработать впослѣдствіи свой политическій планъ еще подробнѣе и привести его въ исполненіе. Князь Голицынъ хло-

(²⁹) Tourgueneff, III, p. 265.

потаАъ главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержать за Верховнымъ Совѣтомъ первенствующее значеніе, предоставивъ этому учрежденію иниціативу реформъ и поставивъ его во главѣ государственнаго управленія. Для насъ форма присяги замѣчательна особенно тѣмъ, что представляетъ естественное дополненіе къ кондиціямъ, подписаннымъ Анной Іоанновной. Какъ тѣ составляютъ обязательство, взятое на себя государыней, по отношенію къ своимъ подданнымъ, такъ форма присяги—есть обязательство, принимаемое вѣрноподданными ея императорскаго величества по отношенію къ ней и ко всему россійскому государству. Кондиціи состоятъ изъ 8 пунктовъ,—присяга изъ 16. Матеріаломъ для составленія этихъ 16 пунктовъ послужили, какъ поданные шляхетствомъ проэкты, такъ и не поданные (дошедшіе до кн. Голицына повидимому неоффиціальнымъ путемъ), а равно и планъ самого кн. Голицына. Послѣдовательность пунктовъ въ присягѣ и самая ихъ редакція передѣлывались нѣсколько разъ, что можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ четырехъ черновыхъ набросковъ этихъ пунктовъ ([60]).

Присяга начинается извѣщеніемъ о кончинѣ Петра II и о воцареніи Анны Іоанновны по „общему избранію, какъ мирскаго, такъ и духовнаго чина людей"; затѣмъ говорится о поѣздкѣ въ Митаву трехъ депутатовъ, съ „прошеніемъ" къ Аннѣ Іоанновнѣ о воспріятіи престола и о полученіи отъ нея 2 февраля „къ неописанной всему государству радости и благополучію" „всемилостивѣйшаго писанія" и пунктовъ „за собственнымъ ея величества подписаніемъ". Послѣ этого вступленія идутъ подписанные Анной Іоанновной восемь пунктовъ и наконецъ самая форма присяги: „Того ради мы Ея Императорскаго Величества вѣрные подданные, какъ верховный тайный совѣтъ, духовный синодъ, сенатъ и генералитетъ, такъ и все-

([60]) Подлинникъ, какъ бѣловаго экземпляра, такъ и черняковъ его, хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. III, д. № 4). Сличеніе всѣхъ списковъ между собою, а также формы присяги съ шляхетскими проэктами, кондиціями и планомъ кн. Голицына см. въ первомъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.—Извлеченіе весьма неполное изъ формы присяги напечатано С. М. Соловьевымъ, въ его «Исторіи Россіи», т. XIX, с. 257—259.

го россійскаго народа духовнаго и свѣцкаго всякаго чина люди, благодаря всемогущаго Бога за такіе показанные Его къ росискому народу щедроты, обѣщаемся Ея Величеству быть вѣрными подданными и хранить Ея Величества честь и здравіе паче своего живота ненарушимо. И клянемся предъ сотворшимъ насъ всемогущимъ Богомъ, что по силѣ вышеозначенныхъ Ея Императорскаго Величества постановленныхъ и утвержденныхъ кондицей в общую ползу и благополучіе всего государства правленіе во всемъ содержать по сему".

Затѣмъ слѣдуютъ 16 пунктовъ.

1-й пунктъ опредѣляетъ составъ и значеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта; 2-й — синода и дѣлъ церковныхъ вообще; 3-й—сената; пункты 4-й, 5-й 6-й, 7-й и 8-й—посвящены правамъ и привиллегіямъ „шляхетства"; 9-й и 10-й—войску; 11-й—положенію балтійскихъ провинцій, Лифляндіи и Эстляндіи и правамъ иноземцевъ въ Россіи; 12-й—улучшенію быта купцовъ; 13-й — уменьшенію податей съ крестьянъ и разсмотрѣнію бюджета государственныхъ расходовъ; 15-й—говоритъ о перенесеніи резиденціи въ Москву, 16-й—о смертной казни за преступленія противъ „общества всего государства" изъ за „партикулярной ползы"—о награжденіи за заслуги общественныя.

Присяга кончается слѣдующими словами:

Въ томъ кленемся именемъ всемогущаго Бога и св. церковью, чтобъ сія пункты не нарушить; аще кто явитца преступникъ къ нарушенію общей ползы всего государства дѣломъ или соблазными словами, да лишитъ Господь небеснаго царства и предастъ вѣчному мученію, и да не дерзаетъ ни архіерей, ни іерей разрѣшенія дати, и по суду постигнетъ казнь временной жизни нашей. Въ томъ цѣлуемъ животворящій крестъ и подписуемся».

Остановимся подробно на каждомъ пунктѣ.

„Верховный Тайный Совѣтъ"—говорится въ первомъ пунктѣ—„состоитъ *ни для какой собственной того собранія власти*, *точію для лутчей государственной ползы и управленія въ помощь Ихъ Императорскихъ Величествъ*". Послѣ такого опредѣленія Верховнаго Тайнаго Совѣта, проэктъ переходитъ къ способу замѣщенія его членовъ, „на упалыя мѣста", „ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ,

или какимъ случаемъ отлученъ будетъ". На „упалыя мѣста" членовъ выбираются кандидаты изъ „первыхъ фамилій, изъ генералитета и изъ шляхетства, людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ", и притомъ исключительно изъ природныхъ русскихъ („*не воспоминая объ иноземцахъ*", какъ выражается проэктъ). Изъ одной фамиліи не можетъ быть избрано болѣе двухъ лицъ, для того, „чтобъ тѣмъ никто не могъ вышней взять на себя силы". Кандидаты выбираются Верховнымъ Совѣтомъ вмѣстѣ съ сенатомъ, а утверждаются императрицею. При разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ долженъ постоянно имѣть въ виду, что „*не персоны управляютъ закономъ, но законъ управляетъ персонами*, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей ползы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній".

Обязанности Верховнаго Тайнаго Совѣта опредѣляются такъ:

1) Наблюдать за исполненіемъ закона Божія и уставовъ православной церкви и за соблюденіемъ ея догматовъ. Всѣ толкованія вѣры, несогласныя съ православнымъ ученіемъ, запрещались строго; ихъ долженъ преслѣдовать судъ церковный синодальныхъ членовъ, а затѣмъ, ежели подлежать будутъ, и судъ государственный (гражданскій — по тогдашней терминологіи).

2) Стремиться къ пользѣ государственной, всѣ государственныя дѣла содержать въ тайнѣ, не открывая ихъ „ни фамиліи своей, ниже пріятелемъ, или постороннимъ; стараться прилежно о распространеніи во всемъ государствѣ „нелицемѣрнаго правосудія", строго преслѣдуя судомъ судей неправедныхъ.

3) Для рѣшенія всякаго „новаго и важнаго государственнаго дѣла" приглашаются въ Совѣтъ „для совѣту и разсужденія" сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство; въ дѣлахъ, касающихся „духовнаго правленія", приглашаются, кромѣ того, синодальные члены и прочіе архіереи, смотря по важности дѣла.

4) За преступленія и проступки при рѣшеніи этихъ дѣлъ, виновные предаются суду, которымъ судятся, „какъ злодѣи государственные".

Второй пунктъ въ слѣдующихъ положеніяхъ выражаетъ требованія относительно церковнаго управленія:

1) Св. Синодъ вмѣстѣ съ епархіальными архіереями имѣетъ высшее попеченіе о православной религіи и управляетъ россійской церковью. Архіерейскія и монастырскія вотчины снова передать въ ихъ собственное завѣдываніе; коллегію экономіи уничтожить, „а о доходахъ, которые собирались въ ту коллегію, учинить разсмотрѣніе“.

2) Члены синода и архіереи судятся церковнымъ судомъ, кромѣ преступленій политическихъ и противъ православнаго ученія восточной церкви — эти преступленія разсматриваются соединеннымъ судомъ духовныхъ съ „управителями государственными“.

3) Члены синода избираются тѣмъ же порядкомъ, какъ и члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Архіереи и священники должны пользоваться почтеніемъ, какъ служители престола Божія.

Третій пунктъ опредѣляетъ сенатъ учрежденіемъ „для вспоможенія“ Верховному Тайному Совѣту, какъ въ дѣлахъ государственныхъ, такъ и въ расправныхъ. Въ него члены выбираются съ чиномъ не ниже Д. С. С.

Шляхетству и въ особенности знатному, „ѳамилнымъ людямъ“ отводится широкое поле для политической дѣятельности. Во 1-хъ) изъ этихъ фамильныхъ людей, изъ генералитета и изъ знатнаго шляхетства—исключительно избираются сенаторы и всѣ служащіе въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и прочихъ управленіяхъ. 2) Старыя и знатныя фамиліи имѣютъ преимущество передъ остальнымъ шляхетствомъ и имѣютъ быть снабжены рангами и служебными должностями по ихъ достоинству. 3) Гражданскіе чиновники, дослужившіеся ранговъ (вѣроятно сообразно табели о рангахъ) включаются въ „общество шляхетства“. 4) Только за „знатныя заслуги“ и вѣрность всему обществу шляхетскому („по опыту вѣрности всего общества“) производятся въ ранги приказные люди. 5) Люди боярскіе и крестьяне не допускаются ни къ какимъ дѣламъ. 6) Шляхетство опредѣляется въ военную службу, въ гвардію и во флотъ не неволею и не нижними чинами и матросами, какъ было прежде, а добровольно и прямо офицерами. Для сего учреждаются кадетскія роты, изъ которыхъ шляхетство, по обученіи воинскому дѣлу, и поступаетъ прямо офицерами въ гвардію и гардемаринами во

флотъ. 7) Все шляхетство должно быть содержано, какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ „въ надлежащемъ почтеніи и въ Ея Императорскаго Величества милости и консидераціи". 8) Отмѣняется конфискація движимаго и недвижимаго имущества женъ, дѣтей и родственниковъ наказанныхъ по суду лицъ, даже казненныхъ смертію. (п. п. 4—8).

„Не малое попеченіе о добромъ состояніи сухопутной армѣи, о гвардіи и о флотѣ".—является главной заботой всего правительства—„всѣхъ обще", какъ выражается проэктъ. Изъ спеціальныхъ вопросовъ, касающихся состоянія войска, отмѣчаются слѣдующія: 1) о правильной выдачѣ генераламъ, офицерамъ и солдатамъ жалованья и „прочаго удовлетворенія"—„безъ задержанія", 2) о производствѣ генераловъ и офицеровъ по заслугамъ и по достоинству, „а не по страстямъ и не по мздоимству", 3) о человѣческомъ обращеніи съ нижними чинами; „о солдатѣхъ и о матрозѣхъ,—читаемъ мы въ 10-мъ пунктѣ проэкта—„смотрѣть прилежно, какъ надъ дѣтми отечества, дабы напрасныхъ трудовъ не имѣли, и до обидъ не допускать". (п. п. 9-й и 10-й).

Относительно иноземцевъ, находящихся въ службѣ, проповѣдуется не только полная терпимость, но „почтеніе и склонность ко всякой любви, яко общихъ съ россіяны." Они исключаются только изъ участія въ политической жизни Россіи,—на нихъ смотрять, какъ на людей знающихъ, экспертовъ, но все таки наемниковъ. Всѣ контракты, заключенные съ иноземцами сохраняютъ силу, и жалованье, опредѣленное этими контрактами, признается „не отъемлемымъ". — „Шляхетство" и „гражданство" Лифляндіи и Эстляндіи поручается одинаковой милости ея императорскаго величества съ шляхетствомъ и гражданствомъ русскимъ. Ихъ права и привиллегіи, опредѣленныя ништадскимъ мирнымъ договоромъ и подтвержденныя послѣдующими государями—признаются ненарушимыми. (п. 11-й).

Двѣнадцатый пунктъ опредѣляетъ права купечества. Онъ не только обособляетъ купечество отъ прочихъ классовъ, но прямо запрещаетъ „прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество мѣшатца". Далѣе этотъ пунктъ возстаетъ противъ монополіи, провозглашаетъ принципъ свободной торговли и высказываетъ необходимотсь

объ уменьшеніи купечеству разныхъ пошлинъ и податей. Приводимъ подлинныя слова этого пункта: „Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ нихъ всякіе обиды и неволи и въ торгахъ имѣть имъ волю и никому в одни руки никакихъ товаровъ не давать, и податми должно ихъ облегчить, а протчимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшатца“.

О крестьянахъ (п. 13-й) проэктъ заботится только съ финансово экономической точки зрѣнія. Онъ даже говоритъ о нихъ вскользь, вмѣстѣ съ вопросомъ о государственныхъ расходахъ. Въ виду уменьшенія ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ради улучшенія экономическаго быта крестьянъ, онъ рекомендуетъ „крестьянъ податьми сколько можно облегчить, а излишніе расходы государственные разсмотрѣть“.

Пункты 14-й и 16-й (о пополненіи законовъ и смертной казни) представляютъ столь краткую редакцію, что ихъ содержаніе ясно изъ общаго перечня, изложеннаго выше. Мотивы для перенесенія, „резиденціи“ изъ Петербурга въ Москву (п. 15-й) заключаются въ соображеніяхъ экономическихъ, а именно: для избѣжанія „государственныхъ излишнихъ убытковъ“ и для поправленія разстроеннаго состоянія шляхетства („для исправленія всему обществу домовъ своихъ и деревень“).

Мы не знаемъ, какого именно числа были предъявлены изложенные нами „пункты“присяги „всѣхъ чиновъ людей“—въ черновыхъ журналахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о нихъ вовсе не упоминается. По всей вѣроятности, эти „пункты“ были представлены сенату, генералитету и духовенству въ то время, когда они подписывали протоколъ 2 февраля о выслушаніи письма и кондицій, такъ какъ кн. Д. М. Голицынъ очевидно хотѣлъ замѣнить „пунктами“ протоколъ. Однако „пункты“ присяги остались не подписанными, а „персоны изъ сената, генералитета и шляхетства“, на которыхъ разсчитывалъ кн. Голицынъ, избрали для достиженія государственныхъ реформъ другой путь, и этотъ путь привелъ ихъ къ результату совершенно противоположному, какъ ихъ желаніямъ, такъ и стремленіямъ кн. Д. М. Голицына.

VII.

ГЛАВНѢЙШІЕ УЧАСТНИКИ ШЛЯХЕТСКИХЪ ПРОЭКТОВЪ.

Главныя группы, на которыя распадалось шляхетство: a) люди родословные, b) старинныя шляхетскія фамиліи, c) новые люди.—Характеристика проэктовъ на основаніи этихъ группъ.—Участники проэкта кн. Черкасскаго.—Участники проэкта Секіотова.—Участники проэктовъ Алабердеева и Максима Грекова.—Участники проэкта Матюшкина и проэкта тринадцати.

Верховный Тайный Совѣтъ, противъ котораго возстало шляхетство, состоялъ, какъ мы видѣли, почти исключительно изъ представителей двухъ аристократическихъ фамилій, или, какъ выражались въ то время, родословныхъ, „фамильныхъ" людей—князей Долгорукихъ и князей Голицыныхъ. Члены той и другой фамиліи, не безъ основанія почитали себя въ правѣ стоять во главѣ правительства Россіи въ столь критическое и жгучее время, черпая эти основанія не столько въ своихъ личныхъ заслугахъ, сколько въ своей родословности, въ „чести" своихъ отцевъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Но традиціи родословности были столь же сильно развиты у цѣлаго ряда боярскихъ фамилій, ставившихъ своихъ предковъ и себя по меньшей мѣрѣ не ниже предковъ Долгорукихъ и Голицыныхъ и ихъ самихъ. Между тѣмъ эти боярскія фамиліи были затерты ими, отодвинуты на задній планъ. Въ ряду этихъ фамилій стояли Рюриковичи, Гедиминовичи, потомки выѣзжихъ князей и мурзъ татарскихъ и старинныхъ „боляръ" царей и великихъ князей московскихъ и князей рязанскихъ, тверскихъ, ростовскихъ и другихъ. Къ нимъ желали присоединить себя и роды, возвысившіеся

сравнительно въ недавнее время, съ эпохи воцаренія Романовыхъ, посредствомъ родственныхъ отношеній съ царями этой династіи. Древній принципъ родословности былъ первымъ стимуломъ, возбудившимъ шляхетское движеніе. Рядомъ съ нимъ шелъ старинный принципъ служилый, унаслѣдованный дѣятелями 1730 года отъ царства московскаго и еще болѣе развитый въ нихъ реформами Петра В. и въ особенности „табелью о рангахъ". Каждый имѣвшій болѣе или менѣе крупный рангъ, включавшій его въ привилегированный кружокъ „генералитета", считалъ себя на ряду съ родовитыми русскими людьми.

За людьми родословными и чиновными шелъ второй слой шляхетства не претендовавшій взять въ свои руки кормило правленія русскаго государства, а заботившійся лишь о полученіи служебныхъ и имущественныхъ льготъ; правильнѣе—этотъ второй слой шляхетства хлопоталъ о льготахъ отрицательныхъ: онъ стремился главнымъ образомъ къ уничтоженію тѣхъ тягостей реформы Петра В., которыя несло шляхетство на ряду съ другими классами земли русской. Этотъ слой состоялъ изъ дѣтей и внуковъ старинныхъ служилыхъ людей московскаго государства, которые хотя и являлись усердными исполнителями велѣній Петра В. и старательными работниками при передѣлкѣ россійскаго государства на европейскій ладъ—тѣмъ не менѣе не стояли во главѣ реформы, не были зодчими при переустройствѣ, а только мусорщиками и чернорабочими. Люди реформы, „новые", худородные люди, руководимые иностранцами—стали зодчими новой Россіи по европейскому государственному шаблону. Они представляютъ третье, самое послѣднее наслоеніе въ шляхетствѣ. Изъ рядовъ этихъ людей вылетѣли „птенцы гнѣзда Петрова". Новые люди реформы составляютъ меньшинство въ шляхетскихъ проэктахъ, но и они подаютъ голосъ. Ими руководятъ иныя цѣли, иныя соображенія чѣмъ людьми родословными и потомками старинныхъ служилыхъ людей. Для нихъ стимуломъ для участія въ шляхетскихъ проэктахъ является вопросъ династическій. Преданные всецѣло личности „перваго императора", они прикладываютъ руки къ реформаторскимъ шляхетскимъ проэктамъ не ради участія въ правленіи страной, не ради расширенія своихъ правъ—они совершенно довольны своими правами, они не могутъ мечтать о лучшемъ прошломъ, котораго у

нихъ нѣтъ; ими руководитъ недовольство избраніемъ Анны Іоанновны. Они являются сторонниками „тестамента" Екатерины І-й и считаютъ законнымъ наслѣдникомъ русскаго престола голштинскаго принца Петра-Ульриха или его тетку, дочь „перваго императора", Елизавету Петровну.

Таковы преобладающія стремленія каждой изъ трехъ группъ, на которыя распадаются участники всѣхъ шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній. Само собою, что, если мы обратимся къ отдѣльнымъ личностямъ, то увидимъ, что люди той или другой группы не всегда неуклонно преслѣдуютъ одинъ и тотъ же принципъ; побужденія человѣка весьма различны и не поддаются строгой и опредѣленной формулировкѣ.

Большинство, масса участниковъ проэктовъ и мнѣній, какъ всякая масса, двигалось безсознательно, куда увлекали ее вожаки движенія. Родство, пріятельскія отношенія, молодость лѣтъ, зависимость служебная, личныя отношенія къ дѣятелямъ предшествовавшихъ царствованій и къ верховникамъ—вотъ что заставляло подписываться всю эту массу. Люди, не имѣвшие опредѣленныхъ убѣжденій и мнѣній, шли за своими родственниками и друзьями, воззрѣнія которыхъ были для нихъ авторитетны; молодежь подписывалась „на старшихъ глядя", подчиненные шли за начальниками. Только такимъ объясненіемъ и возможно опредѣлить участіе въ одномъ и томъ же проэктѣ нѣсколькихъ лицъ одной и той же фамиліи, нѣсколькихъ чиновниковъ одного вѣдомства, нѣсколькихъ офицеровъ одного и того же полка и т. д. и т. д.

Обращаясь къ каждому проэкту и мнѣнію въ отдѣльности (разумѣемъ только тѣ изъ нихъ, участники которыхъ извѣстны по именамъ) мы получимъ слѣдующее распредѣленіе этихъ участниковъ. Въ проэктѣ кн. Черкасскаго преобладаетъ элементъ людей родословныхъ и чиновныхъ. Изъ общаго количества участниковъ (39-ти) мы встрѣчаемъ 16 человѣкъ „родословныхъ", 13 чел. принадлежащихъ къ стариннымъ служилымъ фамиліямъ и только 10 новыхъ шляхтичей. По служебному положенію лица эти распредѣляются такимъ образомъ: военныхъ генераловъ—11, штабъ-офицеровъ 4 и 1 оберъ офицеръ, высшихъ гражданскихъ чиновниковъ 15, низшихъ гражданскихъ чиновниковъ 1 (В. Н. Татищевъ) и 7 придворныхъ чиновъ.

В ъ п р о э к т ѣ С е к і о т о в а (большинства), подписанномъ 326-ю лицами, преобладаетъ напротивъ низшее шляхетство,—по этому онъ можетъ быть названъ проэктомъ шляхетской демократіи. На всю громадную массу его участниковъ приходится только 34 родословныхъ фамиліи и 70 съ небольшимъ лицъ ихъ представителей; изъ новыхъ шляхтичей участвуетъ всего 10 человѣкъ, а остальные принадлежатъ къ потомкамъ старинныхъ служилыхъ фамилій. Изъ общаго числа участниковъ проэкта мы не могли опредѣлить личностей почти цѣлой трети (150 чел.), большая часть которыхъ падаетъ на долю старинныхъ служилыхъ фамилій. По всей вѣроятности, эти неизвѣстные участники занимали низшія должности. Если мы обратимся къ служебному положенію остальныхъ извѣстныхъ участниковъ, то увидимъ, что всѣ они, за малыми исключеніями, не находились во главѣ войскъ и государственнаго управленія. Въ числѣ родословныхъ людей Секіотовскаго проэкта только одинъ князь Борятинской имѣетъ генеральскій чинъ, да 4 лица занимаютъ высшія гражданскія должности; изъ лицъ стариннаго шляхетства—три генерала и одинъ оберъ-прокуроръ синода; всѣ остальные родословные и не родословные занимаютъ низшія и среднія должности „до брегадира". Вотъ общія цифры: штабъ-офицеровъ 66; оберъ-офицеровъ 53; гражданскихъ чиновниковъ, среднихъ и низшихъ, 24; придворныхъ чиновъ 10, да 8 человѣкъ со стариннымъ чиномъ стольника.

Въ проэктахъ Алабердеева, Максима Грекова (первоп. его редакція) и Матюшкина участвуютъ опять лица большею частію родословныя и чиновныя. Къ этой же аристократической группѣ проэктовъ примыкаетъ и проэктъ 13-ти, подписанный исключительно молодыми людьми родословныхъ фамилій, изъ которыхъ двое занимали важныя мѣста въ дипломатической службѣ.

Остановимся теперь подробнѣе на выдающихся личностяхъ всѣхъ шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній, на вождяхъ шляхетскаго движенія и на тѣхъ изъ рядовыхъ его участниковъ, личности которыхъ, на основаніи доступнаго намъ матеріала, поддаются характеристикѣ ([1]).

([1]) Всѣ данныя, какія мы могли собрать о происхожденіи и служебной карьерѣ *остальныхъ* участниковъ шляхетскихъ проэктовъ, мы помѣщаемъ во II-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію

Шляхетство, обсуждавшее проэктъ кн. Черкаскаго, какъ мы видѣли, собиралось въ домѣ сенатора В. Я. Новосильцова, но онъ не является главнымъ вождемъ проэкта, не имѣя для этого необходимыхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ. По словамъ историка царствованія Петра II-го, К. И. Арсеньева,—Василій Яковлевичъ Новосильцовъ былъ человѣкоугодникъ, поклонникъ силы и власти, вслѣдствіе чего не позволялъ себѣ сужденій самостоятельныхъ и дѣйствій независимыхъ (*). Въ данное безвластное, т. сказ., время, Новосильцовъ радушно открылъ свои покои родословнымъ людямъ и генералитету и подписалъ проэктъ.

Первою подписью подъ проэктомъ князя Черкасскаго стоитъ подпись С. А. Салтыкова, по оффиціальнымъ представителемъ проэкта былъ князь А. М. Черкасской, а составителемъ его—В. Н. Татищевъ. Съ нихъ мы и начнемъ нашъ обзоръ первой группы этого проэкта—людей родословныхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской принадлежалъ къ старинному роду, предокъ котораго былъ ханомъ большой Кабарды и выѣхалъ въ Москву въ XV вѣкѣ. Родъ князей Черкасскихъ особенно возвысился во второй половинѣ XVI-го и въ началѣ XVII вѣка. Хорошай-мурза, братъ прадѣда князя Алексѣя Михайловича, былъ женатъ на Марьѣ Никитичнѣ Романовой, родной теткѣ Михаила Өеодоровича Романова, избраннаго въ 1613 году въ цари московскіе и всея Руси, а двоюродная сестра Хорошая мурзы, Марья Темгрюковна, была второй женой Ивана Грознаго. Такимъ образомъ, Черкасскіе находились въ родствѣ съ обѣими династіями: угасавшей въ лицѣ Өеодора Іоанновича—династіей Рюрика и начинавшейся въ лицѣ Михаила—династіей Романовыхъ.

Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской, въ описываемое время 50 лѣтъ отъ роду, былъ женатъ во второй разъ на княжнѣ Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой, сестрѣ фельдмаршала и послѣдняго бояриеа князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, (первая жена кн. Черкасскаго была двоюродная сестра Петра В., Аграфена Львовна Нарышкина). У князя Черкасскаго отъ втораго брака была единственная дочь, 16-ти лѣтняя красави-

(*) Истор. ц—нія Петра II, с. 57.

ца Варвара Алексѣевна, наслѣдница громаднаго состоянія своего отца: князь Черкасской былъ владѣльцемъ 70-ти тысячъ душъ крестьянъ. Весьма естественно, что родственныя связи и богатство, вопреки не особенно выдающимся умственнымъ качествамъ князя, давали ему большое значеніе въ тогдашнемъ московскомъ обществѣ. Князь Черкасской отличался застѣнчивостью, робостью и нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ, что въ глазахъ нѣкоторыхъ представляло его человѣкомъ ограниченнымъ. Такимъ рисуетъ его князь М. М. Щербатовъ. „Сей человѣкъ—говоритъ онъ о Черкасскомъ— весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, не знающій въ дѣлахъ, и однимъ словомъ—таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ". Люди совершенно противоположные въ своихъ отзывахъ, де-Лиріа и Кл. Рондо, изображаютъ князя Черкасскаго человѣкомъ умнымъ и весьма любезнымъ въ обхожденіи. Свѣдѣнія его, по словамъ Рондо, ограничивались Россіей, а по отзыву французскаго резидента Маньяна, онъ былъ знающимъ законовѣдомъ. Хотя князь Черкасской и былъ противникомъ нововведеній Петра В., но не смотрѣлъ враждебно на иностранцевъ; онъ отличался честностью и безкорыстіемъ, что особенно проявилъ во время своего губернаторства въ Сибири при Петрѣ В. (³).

Василій Никитичъ Татищевъ (р. 1686 г.), прославившій свое имя въ исторіи русской науки, происходилъ отъ князей смоленскихъ и приходился дальнимъ родственникомъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: ея бабушка, Анна Михайловна Салтыкова, была рожденная Татищева. Татищевъ былъ человѣкъ замѣчательнаго ума, многостороннихъ знаній и большаго образованія. Онъ ѣздилъ три раза за границу (два раза въ Германію и разъ въ Швецію) и сталъ со временемъ замѣчательнымъ горнымъ инженеромъ, этнографомъ, географомъ, историкомъ и администраторомъ. Его „Исторія Россійская", еще ждущая справедливой оцѣнки, представляетъ весьма почтенный для своего времени

(³) Долгор., род. кн., II, 36—40.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 г. V, 254.—«О поврежд. нрав. въ Россіи». Р. Ст. 1870 г., т. II, 101.—Де-Лиріа, «Характеристики», *ркп.*, с. 112.— Характеристики Рондо, по изданію Шубинскаго, с. 231.

трудъ. Татищевъ началъ собирать для нея матеріалы въ 1720-хъ годахъ, и въ 1730 г. былъ на столько знакомъ съ русской исторіей, что весьма удачно могъ объяснять современныя ему событія предшествовавшими историческими явленіями, сопоставляя происшествія его времени съ аналогичными имъ событіями XVI и XVII вв. Хотя въ своемъ проэктѣ Татищевъ, какъ мы видѣли, и утверждаетъ, что въ Россіи возможно одно только самодержавіе и повторяетъ ту же мысль и въ „Россійской Исторіи",—тѣмъ не менѣе его политическія воззрѣнія не могутъ быть почтены строго монархическими. Онъ придаетъ большое значеніе шляхетскому представительству, что видно изъ составленнаго имъ проэкта.

Во введеніи и примѣчаніяхъ къ своей „Исторіи Россіи" Татищевъ даетъ изслѣдователю матеріалъ для опредѣленія своего собственнаго „умоначертанія", своихъ убѣжденій политическихъ и религіозныхъ. Съ его политическими воззрѣніями мы достаточно ознакомились изъ разсмотрѣнія его проэкта, а потому остановимся здѣсь лишь на главнѣйшихъ чертахъ религіозныхъ воззрѣній Татищева.

Религіозныя убѣжденія Татищева, составившія ему между современниками репутацію „аѳеиста" и пугавшія многихъ своею смѣлостью,—въ сущности далеко не радикальны. Татищевъ, практикъ прежде всего, мало заботился о догматической точности религіознаго пониманія. Въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ слѣдовъ деистическаго раціонализма, бывшаго тогда въ большомъ ходу у образованныхъ людей Европы. Татищевъ—врагъ духовенства. Онъ презираетъ и ненавидитъ его властолюбіе, корыстолюбіе и невѣжество, а также эксплуатацію духовенствомъ суевѣрной массы. Съ одинаковой рѣзкостью и желчью бичуетъ онъ эти качества, гдѣ бы они ни проявлялись: и въ гоненіяхъ римлянъ на первыхъ христіанъ, и въ римскомъ папствѣ и въ буддійскомъ далайламствѣ. Такое одинаковое отношеніе къ представителямъ различныхъ религіозныхъ исповѣданій, языческихъ и христіанскихъ,—для того времени въ Россіи было дѣйствительно смѣлою мыслью, и эта смѣлая мысль, намъ кажется, главнымъ образомъ упрочила въ публикѣ мнѣніе объ „аѳеизмѣ" Татищева. Татищевъ сильно возстаетъ противъ боязни дьявола, противъ предсказаній, противъ „пустосвятства" и „суесвятства". Онъ не понимаетъ истинной причины появленія ересей и расколовъ въ

господствующей церкви и, по понятіямъ своего времени, объясняетъ появленіе ихъ желаніемъ нѣкоторыхъ людей, „любочестіемъ побѣжденныхъ", эксплуатировать невѣжественныя массы въ свою пользу. „Эти люди" (какъ напримѣръ Арій и Несторій) — говоритъ Татищевъ, — „по остроумію вымысля что либо, для показанія себя, показали... и сладкорѣчіемъ множество народа за собою влекли". Суевѣріе массы, эксплуатируемой духовенствомъ, — у Татищева больное мѣсто. „Я не почитаю то въ диво" — говоритъ онъ — „когда слышу отъ людей къ знанію закона Божія неприлежащихъ и о разсужденіяхъ не внимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія за истинну почитающихъ, — но дивнѣе всего онаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона Божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовой и благоправію, яко соль обуявшая ни сами хотятъ законъ Божій разумѣть ни народъ обучать, а еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное, предаютъ". „Вѣра, — говоритъ Татищевъ, — не въ чинахъ и убранствахъ, какъ подлость разумѣетъ, но въ сущемъ признаніи истины недовѣдомыхъ состоитъ". Татищевъ высказывается въ одномъ изъ своихъ административныхъ проэктовъ за полную вѣротерпимость не только всѣхъ христіанъ, но и нехристіанскихъ вѣроисповѣданій. Исключеніе составляютъ одни Евреи. „Для пользы государствъ, — говоритъ онъ, — благоразсуднѣйшіе правительства терпятъ за всѣ законы". Татищевъ подчиняетъ церковь государству, которое для него, искренняго послѣдователя Петра Великаго, выше всего(¹).

Изъ остальныхъ людей родословныхъ самыми выдающимися въ проэктѣ князя Черкасскаго были: князь И. Ѳ. Борятинской, князь А. И. Шаховской и князь Н. Ю. Трубецкой.

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской († 1738 г.) происходилъ отъ одной изъ старшихъ вѣтвей черниговскихъ князей и былъ женатъ на Настасьѣ Гавриловнѣ, доче-

(¹) О Татищевѣ см. книгу Н. А. Попова: «Татищевъ и его время» и ст. К. Н. Бестужева-Рюмина въ «Др. и Нов. Россіи» 1875 г.

ри канцлера Головкина. Въ 1730 г. онъ былъ вдовецъ (жена его † въ 1726 г.). Единственный сынъ окольничаго, извѣстнаго полководца царя Өеодора Алексѣевича, царевны Софьи и царей Петра и Іоанна — князя Өедора Юрьевича Борятинскаго, князь Иванъ Өедоровичъ началъ военную службу при Петрѣ В.: принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Карломъ XII и въ персидскомъ походѣ 1722 года, командуя пѣхотнымъ полкомъ, носившимъ по обычаю того времени его имя. Въ 1730 г. онъ былъ генералъ-майоромъ, а въ послѣдующіе года занималъ весьма высокія мѣста въ государственной службѣ. При преобразованіи сената Анной Іоанновной, 4 марта 1730 года, онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, а въ день коронованія ея произведенъ въ генералъ-лейтенанты; въ 1735 году назначенъ московскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ 1736 году—главнокомандующимъ въ Малороссіи, каковую должность занималъ до самой своей смерти; онъ умеръ въ чинѣ генералъ-аншефа. Князь Борятинской былъ занятъ политическими вопросами и съ удовольствіемъ почиталъ книги политическаго содержанія. Любимымъ его чтеніемъ была книга Юста Липсія, послужившая однимъ изъ главныхъ поводовъ къ осужденію Волынскаго; князь Борятинской снялъ копію съ русскаго перевода этой книги, принадлежавшаго графу Ө. М. Апраксину(*).

Князь Алексѣй Ивановичъ Шаховской († 1737) принадлежитъ къ весьма небольшому числу самыхъ симпатичныхъ характеровъ и вполнѣ честныхъ общественныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка, этого „сетнаго и опаснаго времени", по выраженію современника. Происходя отъ древняго рода князей смоленскихъ, князь Шаховской началъ рано свое военное поприще. Съ успѣхомъ участвуя въ войнѣ со Швеціей, онъ еще въ молодыхъ годахъ своей честностью и исполнительностью обратилъ на себя вниманіе Петра В., который поручалъ ему серьезныя слѣдственныя дѣла. Вдали отъ двора и придворныхъ „конъ-

(*) Долгор., род. кн., I. 75 и 77.—Чт. Моск. Общ. ист. и древн., 1858 г., кн. II, «Записка о дѣлѣ Волынскаго».—П. С. З. , т. VIII, № 5510; т. IX. № 7126.—Сен. Арх., именн. указы, кн. 32 и слѣд.—П. П. В., с. 441.—Мат. Арх. Гл. Шт., т. I, с. 522, 523, 536, 537.—См. у Голикова, Дѣян. П. В., Указ. ко 2-му изд.

юнктуръ", князь Шаховской продолжалъ свою военную службу при Екатеринѣ I и Петрѣ II уже въ чинѣ генералъ-майора. Съ конца 1728 года онъ состоялъ при малороссійскомъ гетманѣ Даніилѣ Апостолѣ, а послѣ смерти его въ 1734 г., былъ назначенъ правителемъ Малороссіи, гдѣ и прожилъ до конца своей жизни. Князь Шаховской, въ числѣ немногихъ лицъ одинаковаго съ нимъ общественнаго и служебнаго положенія, не былъ сторонникомъ самодержавія Анны Іоанновны; тѣмъ не менѣе 6 марта 1730 г. онъ былъ призванъ къ присутствованію въ преобразованномъ сенатѣ. Относительно нѣмцевъ-правителей въ царствованіе Анны Іоанновны онъ держалъ себя независимо, отстаивая передъ ними интересы малороссіянъ, за что подвергался преслѣдованію Миниха и гнѣву Бирона. Князь Алексѣй Ивановичъ былъ воспитателемъ своего племянника, князя Якова Петровича Шаховскаго, также отличавшагося необыкновенной честностью и правдивостью. Князь Яковъ Петровичъ Шаховской въ „Запискахъ" своихъ прямо заявляетъ, что нравственными основами онъ былъ обязанъ дядѣ. „Главнѣйшія-жъ и частыя мнѣ были отъ сего втораго отца поученія", пишетъ онъ, „чтобы всякое дурно дѣлать стыдиться, а справедливость и добродѣтель во всякихъ случаяхъ всему предпочитать. Для преодолѣнія слабостей моихъ и пороковъ совѣтовалъ онъ мнѣ самому о себѣ часто помышлять и оныя обличать и обвинять собственнымъ разсудкомъ безъ послабленія, притомъ тщиться всегда читать пристойныя моимъ лѣтамъ и обстоятельствамъ, честныя и полезныя прежде бывшія дѣла, похвальную память о себѣ оставившихъ, и научать себя твердымъ духомъ по такимъ путямъ слѣдовать". Приведенныя строки достаточно характеризуютъ нравственныя воззрѣнія князя А. И. Шаховскаго(*).

(*) Голиковъ, IX, 496; XIII, 642; XIV, 387, 519, 558.—П. С. З., т. V. № 3284.—Матеріалы воен.-учен. арх Гл. Шт. (Спб. 1871 г.) т. I, с. 012.—Сен. Арх., им. ук., кн. 27, 32, 68; ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.—Записки кн. Я. П. Шаховскаго, изд. Р. Ст. с. 1, 4—5, 8.—О личности и дѣятельности кн. А. И. Шаховскаго въ печати, ничего нѣтъ кромѣ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ. Бантышъ-Каменскій не включилъ его въ свой «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», несмотря на то, что дѣятельность его весьма замѣчательна, о немъ не упоминаютъ также ни де-Лиріа, ни Рондо, ни Манштейнъ

Князь Никита Юрьевичъ Трубецкой является натурой совершенно противоположной князю Шаховскому. Человѣкъ не глубокаго ума, но образованный и со свѣдѣніями, онъ былъ болѣе чѣмъ подозрительной нравственности: учившись въ молодости въ Германіи, по образованности своей онъ сближался съ такими людьми, какъ князь Антіохъ Кантемиръ, а его безнравственность возмущала честныхъ людей, представителемъ которыхъ является порицатель повреждепія нравовъ въ Россіи XVIII в. князь М. М. Щербатовъ. Двадцати лѣтъ началъ князь Трубецкой военную службу „валунтиромъ" въ преображенскомъ полку, но не отличался на полѣ брани, а состоялъ при дворѣ. Будучи къ концу царствованія Петра В. только гвардейскимъ прапорщикомъ, онъ былъ сдѣланъ Екатериною I камеръ-юнкеромъ. Женившись на Настасьѣ Гавриловнѣ Головкиной 23 лѣтъ отъ роду, князь Трубецкой разсчитывалъ этой женитьбой составить себѣ карьеру. Петръ В. и императрица Екатерина крестили у него дѣтей, но при Петрѣ кумовство царя не выдвигало ничтожныхъ людей. Тесть Трубецкаго, гр. Головкинъ, какъ мы видѣли, самъ долженъ былъ держаться сильныхъ міра сего при Екатеринѣ I и Петрѣ II. Карьера Трубецкаго не удалась. Его приниженность передъ Долгорукими въ царствованіе Петра II переходила предѣлы возможности: онъ открыто позорилъ свою честь и имя преклоняясь предъ всесильными временщиками. Князь Щербатовъ передаетъ возмутительныя подробности объ открытой связи его жены съ фаворитомъ Петра II княземъ Иваномъ Долгорукимъ, который на вечерахъ у князя Трубецкаго публично его ругалъ и билъ. Преждевременная смерть Петра II и наступившія послѣ нея смуты не предвѣщали особенно свѣтлой будущности князьямъ Долгорукимъ, передъ которыми унижалъ себя князь Трубецкой; карьера его опять висѣла на ниточкѣ, и ему ничего не

изъ чего видно, что онъ держалъ себя скромно и въ сторонѣ. Богатый матерьялъ для исторіи служебной дѣятельности кн. Шаховскаго хранится въ Сенатскомъ Архивѣ, одинъ перечень этого матерьяла занимаетъ въ указателѣ Н. Н. Баранова къ описанію Сен. Арх. три столбца (см. т. II. с. 912—913), но мы воспользовались имъ въ настоящемъ изслѣдованіи лишь въ той мѣрѣ, въ какой необходимо было для общей характеристики личности кн. А. И. Шаховскаго.

оставалось больше, какъ пристать до поры до времени къ большинству шляхетства; онъ не зналъ исхода всего этого движенія, но при первой возможности явился переметчикомъ. Послѣдующая роль князя Трубецкаго во все царствованіе Анны Іоанновны, правленіе Бирона, Анны Леопольдовны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II—отличается позорнымъ низкопоклонствомъ, криводушіемъ и предательствомъ. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ быстро возвысился въ чинахъ. Едва она была провозглашена самодержицей, князь Трубецкой былъ сдѣланъ генералъ-майоромъ. Въ 1738 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта мы видимъ его генералъ-кригсъ-комиссаромъ, а въ 1740 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, съ назначеніемъ генералъ-прокуроромъ сената, и эту должность занималъ около 20 лѣтъ. Въ 1756 г. Елизавета пожаловала его фельдмаршаломъ, а въ 1760 году онъ былъ президентомъ военной коллегіи; при погребеніи Елизаветы Петровны князь Трубецкой является главнымъ распорядителемъ, а при коронаціи Екатерины II—верховнымъ маршаломъ. Петръ III пожаловалъ князя Трубецкаго полковникомъ преображенскаго полка—званіе, принадлежавшее въ то время лишь царствующимъ особамъ, но Екатерина II лишила его этого званія. Князь Трубецкой былъ членомъ всѣхъ судныхъ комисcій, надъ „государственными злодѣями", при Аннѣ, Биронѣ и Елизаветѣ, по очереди подписывалъ смертные приговоры Долгорукимъ и Волынскому, пожизненное заключеніе въ крѣпости князю Дмитрію Голицыну, ссылку въ Сибирь Н. Ѳ. Лопухиной и ея родственникамъ. Онъ былъ покорнымъ слугою всѣхъ временщиковъ, быстро смѣнявшихъ одинъ другаго и съ одинакимъ усердіемъ и успѣхомъ служилъ Бирону, Лестоку, Шуваловымъ, Разумовскимъ, голштинцамъ Петра III и Орловымъ. По словамъ Карабанова, послѣднія его минуты были страшны. Въ отчаяніи послалъ онъ за гр. Екатериной Ивановной Головкиной, своей снохой, женой погубленнаго имъ же Михайлы Гавриловича,—женщиной идеальной добродѣтели. Когда Екатерина Ивановна вошла въ комнату къ умирающему, князь Трубецкой съ всклокоченными волосами бросился съ постели къ ней въ ноги и закричалъ: „Сестра, прости меня: я много виноватъ былъ въ вашемъ несчастьи! Меня совѣсть мучитъ, и я чувствую, что если ты меня не простишь и не разрѣшишь, то на томъ свѣтѣ меня ожидаютъ

страшныя мученія. Умоляю тебя именемъ Бога милосердаго: прости и разрѣши меня!“ (⁷).

Переходимъ къ представителямъ родословныхъ фамилій не княжескаго происхожденія. Здѣсь мы должны отмѣтить: Вельяминова, Дашкова, Измайлова, Мусина-Пушкина, Сукина, Апраксина и Лопухина. Послѣдніе возвысились впрочемъ въ недавнее время, но тѣмъ не менѣе причисляли себя къ людямъ родословнымъ.

Степанъ Лукичъ Вельяминовъ былъ президентомъ малороссійской коллегіи въ послѣдніе годы царствованія Петра В. и послѣ него, до возстановленія въ Малороссіи гетманскаго достоинства. Въ коронацію Анны Іоанновны онъ уволенъ отъ службы съ производствомъ въ тайные совѣтники, но впослѣдствіи въ ея царствованіе присутствовалъ въ московской сенатской конторѣ, и затѣмъ былъ президентомъ каморъ-коллегіи. Историкъ царствованія Петра II-го, К. И. Арсеньевъ, заявляетъ, что главной причиной возобновленія гетманства было необыкновенное высокомѣріе Вельяминова, возстановившаго противъ себя все населеніе Малороссіи. Вельяминовъ велъ свой родъ отъ того варяга Симона (Шимона), который прибылъ въ Кіевъ при Ярославѣ, въ началѣ XI в. и былъ основателемъ великой Успенской церкви въ Кіевопечерской лаврѣ (⁸).

Алексѣй Дашковъ принадлежалъ къ старинной русской фамиліи, родоначальникъ которой татаринъ Дашекъ принялъ въ началѣ XVI в крещеніе съ именемъ Даніила.

(⁷) «Журналъ кн. Н. Ю. Трубецкаго», Р. Ст. 1870 г., т. II, стр. 8—15.—Кн. Щербатовъ: «О поврежд. нравовъ въ Россіи», ibid, т. II, с. 46.—Дѣло Н. О. Лопухиной, ibid., 1874 г., т. XI. с. 41, 234 и слѣд.—Карабановъ «Статсъ-дамы», ibid, 1870 г., т. II. с. 485.—Переписка кн. Тр—го съ кн. Кантемиромъ и стихи, написанные ему послѣднимъ. См. въ сочин. Кантемира, изд. Ефремова.

(⁸) Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 22, 24, 32, 39, 41; ук. В. Т. С. 1727 г.—Арсеньевъ «Царств. Петра II», с. 86.—См. также указатель ко 2-му изд. Д. И. В Голикова.—Долг., род. кн., IV, 71—72. Одинъ изъ потомковъ варяга Симона, Протасій, былъ бояриномъ Іоанна Калиты, а внукъ и правнукъ этого Протасія были московскими тысяцкими при Симеонѣ Гордомъ и Дмитріи Донскомъ. Вельяминовы послѣдующихъ поколѣній служили боярами великимъ князьямъ и царямъ московскимъ; одинъ изъ Вельяминовыхъ былъ женатъ на княжнѣ Суздальской,

Дашковъ былъ въ родствѣ съ фамиліей Лихачевыхъ, игравшей при дворѣ царя Ѳеодора Алексѣевича ту же роль, какую при Петрѣ II играли князья Долгорукіе. Самъ Алексѣй Дашковъ началъ службу стольникомъ при Петрѣ В., а затѣмъ былъ резидентомъ въ Константинополѣ и Варшавѣ, вслѣдствіе чего находился въ частыхъ сношеніяхъ съ кн. Дм. Мих. Голицынымъ, княземъ Меншиковымъ и Шафировымъ; онъ былъ назначенъ еще при Петрѣ Великомъ генералъ-почтъ-директоромъ и уволенъ отъ этой должности въ 1727 году. Въ коронацію Анны Іоанновны, 28 апрѣля 1730 года, Дашковъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники съ увольненіемъ отъ службы (9).

Фамилія Измайловыхъ, предки которыхъ были съ XIV вѣка боярами рязанскихъ великихъ князей, играла видную роль при дворѣ царей московскихъ. Особенно возвысились при Петрѣ II двое Измайловыхъ: Иванъ Петровичъ и Левъ Васильевичъ, (о которыхъ у насъ рѣчь будетъ ниже). Петръ Васильевичъ Измайловъ († 1772 г.), братъ Льва Васильевича, пользовался значеніемъ лишь по родству съ ними. Въ концѣ царствованія Петра Великаго онъ былъ бригадиромъ и воронежскимъ губернаторомъ, а въ 1727 году произведенъ въ генералъ-майоры; въ царствованіе Анны Іоанновны занималъ должность совѣтника военной коллегіи (10).

Графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, старшій сынъ гр. Ивана Алексѣевича, воспитывался за границей, былъ дважды въ Парижѣ и жилъ долгое время въ Голландіи. Рекомендуя его (въ 1716 году), русскому послу въ Голландіи князю Куракину, Петръ В. писалъ:

---

(9) Голиковъ. Д. П. В., IX, 358, 480; X, 384; XIII, 368.— Матеріалы воен.-учен. арх. гл. шт., т. I (Спб., 1871 г.) с. 648, 651, 655, 656, 774.—Р. Ст. 1872 г., т. V. с. 913, 923.—Долгор., род. кн., IV, 382, 384.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 32; ук. В. Т. С. 1727 г.

(10) Предокъ Измайловыхъ, черниговскій воевода Ив. Ив. Шаинъ, происходилъ отъ татаръ и переселился изъ Чернигова въ Рязань въ концѣ XIV в. См. Род. Р. Ст., I, 172—175.—Голиковъ, Д. П. В., XIII, 513, 642.—Письма Петра В. въ сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 441. П. С. З., т. IX, № 6899; т. X, № 7323.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 39 и 44.

„Посылаемъ мы къ вамъ для обученія политическихъ дѣлъ племянника нашего Платона, котораго вамъ яко свойственнику, свойственника рекомендуемъ". Въ 1719 году Мусинъ-Пушкинъ былъ посланъ для дипломатическихъ переговоровъ въ Данію, а въ слѣдующемъ году въ Парижъ для предварительныхъ переговоровъ съ регентомъ о посредничествѣ между Россіей и Швеціей. По просьбѣ престарѣлаго отца, онъ былъ вызванъ въ Россію и назначенъ присутствующимъ въ московской сенатской конторѣ. Въ декабрѣ 1730 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а черезъ годъ переведенъ на ту же должность въ Казань, въ преемники А. П. Волынскому, съ которымъ странно связала его судьба. Черезъ девять лѣтъ, въ 1740 г., Мусинъ-Пушкинъ, въ то время президентъ коммерцъ-коллегіи, былъ замѣшанъ въ дѣло Волынскаго и, по урѣзаніи языка, заключенъ въ казематы Соловецкаго монастыря. Биронъ въ свое кратковременное регентство смягчилъ его участь, позволивъ ему жить въ его деревняхъ; окончательно онъ прощенъ Елизаветой Петровной и умеръ въ своей симбирской деревнѣ, страшно разстроивъ свои силы физическія и умственныя въ суровомъ заключеніи соловецкой тюрьмы ([11]).

Семенъ Ивановичъ Сукинъ, генералъ-майоръ и генералъ-провіантмейстеръ, былъ вызванъ въ 1728 году въ Москву съ отчетами по заготовленію провіанта для Низоваго корпуса. Отчеты его оказались не безупречны, и онъ присталъ къ большинству шляхетства, чтобъ оградить себя на будущее время; онъ скоро присоединился къ сторонникамъ самодержавія Анны Іоанновны, за что и былъ сдѣланъ сенаторомъ, но темныя дѣла Сукина всплыли наружу и въ 1733 году онъ, по должности генералъ-провіантмейстера, былъ преданъ военному суду. Ему однако удалось избавиться отъ наказанія и чрезъ три года мы видимъ его губернаторомъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1738 г. ([12]).

([11]) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 32, 34 и 45.—См. статью о Волынскомъ «Др. и нов Россія» 1877 г., т. II. с. 277 и слѣд.; т. III, с. 237, 242, 245 и слѣд.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, с. 387—389.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. врем.», I, 166.

([12]) Записки Миниха, изд. Шубинскаго, с. 173, прим. 103.—Голиковъ. Д. П. В., IX, 515, 518; X, 158; XIII, 365, 642.—П. С. З.,

Графъ Андрей Матвѣевичъ Апраксинъ оберъ-шенкъ, братъ генералъ-адмирала Θеодора Матвѣевича Апраксина († 1727 г.) и царицы Марфы Матвѣевны, второй жены царя Θеодора Алексѣевича. И. Л. Желябужской въ своихъ „Запискахъ“ передаетъ случай, характеризующій Андрея Матвѣевича Апраксина. 18 марта 1696 года онъ со своими людьми напалъ на родственниковъ автора „Записокъ“—Василія Тимофеевича Желябужскаго съ сыномъ и „озарничествомъ своимъ билъ ихъ до увѣчья“. По жалобѣ обиженныхъ, Петръ В. передалъ ихъ дѣло на разсмотрѣніе князя-кесаря Θ. Ю. Ромодановскаго. Апраксинъ въ поданной имъ „сказкѣ“ отрицалъ взводимое на него обвиненіе. Петръ В., кромѣ взысканія съ Апраксина положенныхъ по тогдашнему закону штрафовъ за увѣчье въ пользу пострадавшихъ, велѣлъ его за ложную сказку „бить кнутомъ нещадно“. Только заступничество сестры его, Марфы Матвѣевны и любимца царя Франца Лефорта спасло Апраксина отъ наказанія. Петръ Великій послалъ молодаго буяна провѣтриться за границу: въ 1697 году Андрей Апраксинъ поѣхалъ въ Англію и Амстердамъ учиться морскому дѣлу. Долго, до 1722 г., Петръ В. не утверждалъ за нимъ графскаго титула, который носили два старшихъ его брата, Петръ и Θеодоръ ([13]).

Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, двоюродный братъ царицы Евдокіи Θеодоровны, былъ женатъ на злосчастной Натальѣ Θеодоровнѣ, рожденной Балкъ. Сильно замѣшанный, какъ близкій родственникъ Евдокіи Θеодоровны, въ процессъ царевича Алексѣя, онъ былъ сосланъ въ 1718 г. въ Кольскій острогъ; только Петръ II вызвалъ его въ 1727 г. ко двору изъ девятилѣтней ссылки и назначилъ камергеромъ двора его двоюродной сестры, а своей бабки. Въ сентябрѣ 17.0 года онъ назначенъ генералъ-кригсъ-комиссаромъ морскаго вѣдомства, а при Елизаветѣ

т. VIII. № 5510; т. IX. № 6876.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 38.

([13]) Долгор., род. кн., II, 113, 116.—Его же «Memoires», I. p. 16.—Записки Желябужскаго изд. Языкова. с. 97—100.—Устряловъ «Ист. Петра В», II. с. 566.—Голиковъ, Д. П. В., IX, 359, 515; X, 68, 151, 158; XIII, 208; XV, 118.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18.

Петровнѣ, въ 1743 году, былъ арестованъ по дѣлу своей жены и затѣмъ, послѣ наказанія кнутомъ и урѣзанія языка, вмѣстѣ съ женою сосланъ въ Селенгинскъ, гдѣ и умеръ въ 1748 году. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ близокъ къ Остерману и держался нѣмецкой партіи (14).

Ко второй группѣ лицъ подписавшихъ проэктъ князя Черкасскаго, относятся: двое Грековыхъ, Бибиковы, Баскаковъ, Воейковъ, Елагинъ, Зыбинъ и Плещеевъ.

Максимъ Грековъ началъ военную службу при Петрѣ Великомъ и въ 1703 году былъ капитаномъ; въ 1722 году, въ чинѣ полковника назначенъ московскимъ оберъполиціймейстеромъ; въ этой должности онъ находился до конца 1728 года, будучи уволенъ отъ службы, за старостію, съ чиномъ генералъ-майора. Кромѣ участія въ проэктѣ князя Черкасскаго, онъ оставилъ по себѣ память въ событіяхъ 1730 г. отдѣльнымъ проэктомъ, носящимъ его имя (15).

Его родственникъ Степанъ Грековъ занималъ должность московскаго генералъ-полиціймейстера въ январѣ и февралѣ 1730 года и оставался въ ней до конца 1732 года. Въ 1733 году онъ назначенъ членомъ возобновленнаго доимочнаго приказа въ Москвѣ, а по соединеніи этого приказа съ канцеляріей конфискаціи, въ 1736 году былъ сдѣланъ судьей этой канцеляріи; въ 1738 году Степанъ Грековъ опредѣленъ главнымъ ея начальникомъ (16).

Изъ Бибиковыхъ особенно выдается Иванъ Ивановичъ, опытный финансистъ и юристъ. При Петрѣ Великомъ, уже въ чинѣ генералъ-майора, былъ онъ главнымъ начальникомъ ревизіонъ-конторы и затѣмъ исправлялъ должность оберъ-прокурора сената. Въ 1727 году подъ его главнымъ руководствомъ производились выводы изъ первой ревизіи. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ президентомъ ревизіонъ-коллегіи, а въ концѣ 1729 года получилъ назначеніе на должность вице-губернатора въ Иркутскъ, но въ февралѣ 1730 года еще не уѣхалъ къ мѣсту новаго своего назначенія, а находился въ Москвѣ. Чрезъ годъ, 31-го ян-

(14) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук. кн., 42.—Дѣло Н. Ѳ. Лопухиной, Р. Ст. 1874 г., т. XI, с. 27—42, 191—212, 229—230.

(15) Сен. Арх., им. ук. кн., 18, 29; ук. В. Т. С. 1728 г.

(16) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 36.

варя, онъ былъ назначенъ бѣлгородскимъ губернаторомъ. Иванъ Ивановичъ Бибиковъ былъ въ числѣ сторонниковъ голштинскаго принца, находясь въ давнишнихъ близкихъ отношеніяхъ къ голштинскому двору; въ 1728 году онъ былъ посланъ въ Киль для сопровожденія въ Петербургъ тѣла умершей голштинской герцогини Анны Петровны.

Объ этомъ Бибиковѣ сообщаетъ любопытныя подробности датскій посланникъ Вестфаленъ въ депешѣ $^{12}/_{23}$ марта 1730 года. „Одинъ Бибиковъ (Vibikow) генералъ-майоръ и генералъ-прокуроръ прежняго сената, человѣкъ умный, смѣлый и интриганъ, съ давнихъ поръ преданный интересамъ герцога голштинскаго и его покойной супруги, во время болѣзни послѣдняго монарха имѣлъ частыя совѣщанія по ночамъ съ голштинскими министрами при этомъ дворѣ, а также со шведскимъ посланникомъ. Когда это дошло до свѣдѣнія Верховнаго Совѣта, то вышелъ указъ объ удаленіи Бибикова изъ Москвы и онъ получилъ предписаніе отправиться начальникомъ въ область, принадлежащую Россіи, которая находится всего въ 10 миляхъ нѣмецкихъ отъ знаменитой Китайской Стѣны. Замѣтивъ, что распри между Верховнымъ Совѣтомъ и частію мелкаго шляхетства принимаютъ серьезный оборотъ, онъ сталъ на сторону послѣдняго, въ качествѣ вожака, и съ отвагой подписалъ свою фамилію подъ запиской, въ которой эта партія умоляла Анну Іоанновну уничтожить, какъ условія, подписанныя ею въ Митавѣ, такъ и Верховный Совѣтъ, и возстановить значеніе прежняго сената. Когда Бибиковъ былъ допущенъ къ цѣлованію руки императрицы, онъ ловко внушилъ ей, что безъ малѣйшей съ его стороны вины, ненавидѣвшіе его Долгорукіе присудили отправить въ Сибирь командовать крѣпостцей, которую бы можно было ввѣрить подпоручику, вслѣдствіе чего смиренно умолялъ Ея Величество въ интересахъ его семьи позволить ему удалиться въ свои деревни, въ случаѣ если нельзя будетъ остаться ему въ Москвѣ на прежнемъ мѣстѣ; царица согласилась на его просьбу. Но великій канцлеръ, услышавъ объ этомъ, отправился къ царицѣ, для сообщенія ей о наклонностяхъ этого человѣка и причинахъ, требующихъ его удаленія. Ея Величество находится въ недоумѣніи: съ одной стороны, вслѣдствіе причинъ для удаленія Бибикова, а съ другой—вслѣдствіе даннаго ею слова. Наконецъ нашли выходъ и рѣшили, что вмѣсто отправленія его въ Сибирь, его

пошлютъ въ Украйну, для начальства надъ крѣпостью, носящей названіе Бѣлгорода, такъ что удаленіе его отсюда все-таки состоится" (17).

Алексѣй Петровичъ Баскаковъ оберъ-прокуроръ синода, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго былъ гвардіи капитаномъ. Съ 1724 года ему были поручены хозяйственныя дѣла русской церкви. Въ этомъ году Петръ Великій вручилъ Баскакову для изученія духовный регламентъ, а вслѣдъ за тѣмъ возложилъ на него приведеніе въ извѣстность и систему всѣхъ доходовъ монастырскихъ имѣній. Въ 1726 году, при раздѣленіи синода на два „апартамента", Баскаковъ былъ назначенъ членомъ одного изъ нихъ—распорядительнаго, и въ томъ же году занялъ должность оберъ-прокурора синода. Произведенный въ коронацію Анны Іоанновны въ д. с. с., онъ вскорѣ послѣ того былъ назначенъ вице-президентомъ каморъ-коллегіи, а въ 1736 году директоромъ цалмейстерской экспедиціи (18).

Петръ Лукичъ Воейковъ, приближенный царицы Прасковьи Ѳедоровны, матери Анны Іоанновны, былъ еще въ 1719 году, въ чинѣ генералъ-майора, назначенъ вице-губернаторомъ въ Ригу; въ этой должности состоялъ онъ до 1728 года. Въ 1730 г. находился въ отставкѣ и умеръ въ 1732 году (19).

---

(17) Предокъ Бибиковыхъ, мурза Жидимиръ изъ Синей Орды, выѣхалъ въ Тверь около 1300 г.; въ 1699 г. 20 Биб—хъ владѣли насел. имѣньями. См. Долгор., род. кн., IV, 290—292, 295.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 24, 32 и 33; ук. В. Т. С. 1726, 1727 и 1729 гг.—См. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію, депеши Вестфалена, № 16.—П. С. З., т. VIII, № 5303.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—Объ Ив. Ив. Бибиковѣ у Голикова, въ Д. П. В. см. указатель ко 2-му изд.

(18) Сен. Арх., им. ук., кн. 26.—См. также указатель ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова.

(19) Сен. Арх., им. ук., кн. 12, 35; ук. В. Т. С. 1727 г.—Письма царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Р. Ст. 1872 г., т. VI, с. 564.—Воейковы принадлежатъ къ старинному служилому роду; предокъ ихъ Воейко, Войгяговъ сынъ, владѣлецъ Торновскій, выѣхалъ изъ Пруссіи съ дружиной въ полтораста человѣкъ къ Дмитрію Донскому въ 1384 г. Воейко принялъ православіе въ Москвѣ; крещеніе совершено въ Чудо-

Андреянъ Никифоровичъ Елагинъ, гофмейстеръ двора Петра II, былъ сторонникомъ Елизаветы Петровны и ярымъ противникомъ Долгорукихъ: князя Василья Лукича Долгорукаго въ разговорахъ съ пріятелями онъ иначе не называлъ, какъ „маткой бунта" (20).

Алексѣй Зыбинъ, — морякъ и знающій хорошо свое дѣло горный инженеръ. Это видно изъ того, что еще Петромъ Великимъ, въ 1724 году, онъ былъ назначенъ вице-призидентомъ бергъ-коллегіи (призидентомъ ея былъ ученый того времени Яковъ Виллимовичъ Брюсъ): Петръ Великій, такъ горячо заботившійся о развитіи въ Россіи горнаго дѣла, могъ назначить на этотъ постъ только опытнаго и знающаго спеціалиста. Въ 1727 году, при сверженіи князя А. Д. Меншикова, Зыбину было поручено составить опись дома и движимаго имущества Ижорскаго князя; въ 1728 году онъ произведенъ въ д. с. с. и назначенъ президентомъ бергъ-коллегіи на мѣсто уволеннаго отъ службы Брюса. Мы не имѣемъ свѣдѣній объ отношеніяхъ Зыбина къ Татищеву, но можемъ предположить, что они, по крайней мѣрѣ въ 1730 году, были очень близки: въ то время Татищевъ, покровительствуемый Брюсомъ, начиналъ только свою службу по горному вѣдомству и находился подъ начальствомъ Зыбина, занимая мѣсто совѣтника монетной конторы. Въ царствованіе Анны Іоанновны Зыбинъ занималъ также видныя должности: въ декабрѣ 1730 года онъ былъ назначенъ членомъ въ комиссію сочиненія уложенія, а чрезъ годъ судьею въ сыскной приказъ. Въ 1735 году Зыбинъ явился одною изъ жертвъ нѣмецкаго правительства Анны Іоанновны: обвиненный въ неправильномъ рѣшеніи дѣла о работникѣ купца Луковникова онъ былъ лишенъ „ранга" д. с. с. и опредѣленъ въ Днѣпровскую и Донскую экспедицію завѣдывающимъ сплавомъ лѣса по Днѣпру и Деснѣ и стройкой мелкихъ судовъ въ городѣ Брянскѣ. Только въ 1738 году былъ ему возвращенъ прежній рангъ (21).

вомъ монастырѣ митрополитомъ Кипріаномъ и Св. Сергіемъ Радонежскимъ. Дмитрій Донской далъ ему въ кормленіе городъ Дмитровъ, а при вел. кн. Василіи Дмитріевичѣ онъ былъ бояриномъ. См. Долгор., род. кн., IV, 335.

(20) Дѣло Столѣтова. Р. Ст. 1873 г., т. VIII, с. 9—10.

(21) П. С. З., т. VIII, № 5654.—Сен. Арх., им. ук., кн. 34, 43, 49; каб., кн. 50, 57; ук. В. Т. С. 1727—1728 гг.; проток. В.

Иванъ Никифоровичъ Плещеевъ еще при Петрѣ Великомъ заявилъ себя весьма свѣдущимъ и исправнымъ слѣдственнымъ чиновникомъ и администраторомъ. Въ 1719 году онъ былъ опредѣленъ товарищемъ московскаго вице-губернатора Воейкова, а въ 1722 году — „къ герольдмейстерскимъ дѣламъ“. При Екатеринѣ I мы видимъ его д. с. с. и герольдмейстеромъ, а при Петрѣ II производящимъ допросъ князю Меншикову въ Раненбургѣ и опечатывающимъ его бумаги; за исправное исполненіе этого порученія онъ производится въ тайные совѣтники. И. Н. Плещеевъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ барону Остерману (²²).

Во главѣ третьей группы лицъ, возвысившихся исключительно благодаря Петру Великому, должны быть поставлены его родственники: по матери, — графъ Головкинъ и по второй супругѣ императрицѣ Екатеринѣ—Кошелевъ и Шепелевъ.

Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, сынъ канцлера и братъ сенатора, незадолго предъ воцареніемъ Анны Іоанновны возвратился изъ Берлина, гдѣ еще со времени Петра Великаго былъ русскимъ резидентомъ. Онъ былъ женатъ на единственной дочери послѣдняго князя Ромодановскаго Екатеринѣ Ивановнѣ, благодаря которой, (мы упоминали о ней выше)—имя Михаила Гавриловича не стерлось въ смутное время дворскихъ переворотовъ; самъ онъ былъ человѣкъ не блестящихъ способностей, обладая впрочемъ достатоточнымъ количествомъ свѣдѣній, чтобы занимать довольно видныя должности. Вслѣдъ за провозглашеніемъ самодержавія Анны Іоанновны, Михаилъ Гавриловичъ былъ сдѣланъ сенаторомъ преобразованнаго сената и исполнялъ спеціальныя порученія по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, главнымъ образомъ по финансамъ и торговлѣ. При Аннѣ Леопольдовнѣ онъ назначенъ

Т. С. 1730 г.—П. П. В. 353, 411.—Голиковъ, Д. П. В., XIII, 363; XIV, 92, 100, 145; XV, 136, 137.

(²²) Сен. Арх., им. ук., кн. 6, 27, 13, 18; ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.—Арсеньевъ «Царств. Петра II» с. 58.—См. также Голикова, указатель ко 2-му изд. Д. П. В.

кабинетъ-министромъ и вице-канцлеромъ. Онъ явился искреннимъ и ревностнымъ сторонникомъ правительницы, за что погибъ при Елизаветѣ Петровнѣ: при восшествіи ея на престолъ онъ былъ лишенъ чиновъ и имѣній и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ въ 1755 году ([23]).

Шталмейстеръ Родіонъ Михайловичъ Кошелевъ и гофмейстеръ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ пастора Глюка, въ семействѣ котораго жила нѣкогда Марта Скавронская; родственница Д. А. Шепелева Мавра Егоровна была лицемъ очень близкимъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и впослѣдствіи вышла замужъ за ея фаворита П. И. Шувалова. По этимъ родственнымъ отношеніямъ Кошелевъ и Шепелевъ были сторонниками Елизаветы Петровны ([24]).

Оберъ-гофмейстеръ Матвѣй Дмитріевичъ Олсуфьевъ, занимавшій эту должность еще при Петрѣ Великомъ, въ ноябрѣ 1730 года былъ уволенъ отъ службы и не игралъ никакой роли во все время царствованія Анны Іоанновны, не смотря на то, что принималъ самое дѣятельное участіе въ провозглашеніи ея самодержавія ([25]).

Оберъ-шталмейстеръ Петра В. и при послѣдующихъ царствованіяхъ, Семенъ Алексѣевичъ Алабердеевъ, извѣстенъ не столько своей придворной должностью (вовсе не составлявшей при Петрѣ Великомъ виднаго положенія) сколько своими знаніями и близкими отношеніями

([23]) Голиковъ Д. П. В., IX, 121. — П. С. З., т. VIII. № 5510. т. IX, №№ 6411, 6636; т. X, № 7589. — Сен. Арх., им. ук.; кн. 34, 39.—Хмыровъ «Гр. Е. И. Головкина».

([24]) Род. Р. Ст., I, с. 148, 334, 339.—Сен. Арх.; ук. В. Т. С. 1726 и 1728 гг.—Голиковъ. Д. П. В., VI, 193, 283; IX, 303; X, 400; XI, 475, 482.—Helbig., «Russische Günstlinge», S. 130—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 480; 1871 г., т. III, с. 466; т. IV, с. 59. О Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой см. Р. Ст. 1870 г. т. I, с. 90; т. II, с. 102, 106, 188; 1871 г. т. III, с. 471.—Письма ея къ Елизаветѣ Петровнѣ Ibid., 1870 г. т. I, с. 510; 1874 г.: т. IX, с. 99.

([25]) Сен. Арх., им. ук., кн. 24, 32.—См. о немъ у Голикова указат. ко 2-му изд. Д. П. В.

къ „первому императору". Алабердеевъ началъ службу во флотѣ и выказалъ солидныя знанія въ „навигаторской наукѣ" и геодезіи, которымъ преобразователь Россіи придавалъ весьма большое значеніе. Въ 1724 году Петръ Великій возложилъ на него вмѣстѣ съ Любрасомъ порученіе отыскать и изслѣдовать новое водное сообщеніе между Волгой и Ладожскимъ озеромъ; порученіе это Алабердеевъ исполнилъ весьма скоро и искусно, вслѣдствіе чего императоръ писалъ ему слѣдующее: „Письмо ваше, отъ 1 сего сентября писанное, я съ немалою радостію принялъ, и по истинѣ всѣ кои услышали о семъ зѣло обрадовались, что отъ натуры способной водяной путь чрезъ помощь Божію нашелся вашими трудами, за которые нынѣ издали благодарствуемъ, а вящще будемъ, когда васъ увидимъ". Въ томъ же 1724 году Алабердеевъ составилъ, вмѣстѣ съ другими морскими офицерами (Лк брасомъ, Ганцемъ, Дебриньи и Волковымъ) гидрографическое описаніе Балтійскаго моря—и опять Петръ Великій остался очень доволенъ этимъ новымъ трудомъ своего оберъ-шталмейстера ([26]).

Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, кабинетъ-секретарь Петра В., былъ очень незнатнаго происхожденія: онъ началъ свою службу подъячимъ воеводской канцеляріи въ Вологдѣ, гдѣ былъ замѣченъ Петромъ I и взятъ писцомъ въ его канцелярію. Способности Макарова и его умѣнье подлаживаться къ Петру Великому вскорѣ доставили ему полное расположеніе Петра и должность его тайнаго кабинетъ-секретаря. Онъ всюду сопровождалъ царя и вслѣдствіе этого много видалъ на своемъ вѣку; онъ зналъ хорошо Россію отъ Вологды до крымскихъ кочевьевъ и отъ Балтійскаго моря до рѣки Дона, бывалъ не разъ съ Петромъ Великимъ за границей: въ Даніи, Голландіи, Германіи и Франціи (въ 1716 и 1717 годахъ) и въ Персіи (въ 1722 году.) Близость Макарова къ Петру Великому ставила его выше всѣхъ тогдашнихъ сановниковъ въ имперіи: передъ нимъ одинаково заискивали иноземцы-карьеристы,

---

([26]) Сен. Арх., им. ук., кн. 24, 29, 33; ук. В. 1. С. 1728 г.—Голиковъ, Д. П. В., VI, 624; VII, 370; IX, 413, 458, 459; X, 73, 92, 93, 158, 405, 435.

и родовитые русскіе люди и прославленные птенцы Петра Великаго,—Ягушинской, Головкинъ и даже самъ Меншиковъ. Макаровъ покровительствовалъ Мартѣ Скавронской, впослѣдствіи воцарившейся съ именемъ Екатерины I-й и болѣе всѣхъ способствовалъ возьеденію ея на престолъ. При Петрѣ II-мъ Макаровъ остался одинокимъ и долженъ былъ искать себѣ „милостивцевъ". Ему удалось поддѣлаться къ всесильнымъ тогда Долгорукимъ, въ которыхъ онъ нашелъ надежныхъ покровителей; благодаря имъ, онъ получилъ важную должность президента каморъ-коллегіи. Въ 1730 году, когда противъ Долгорукихъ возстало шляхетство, Макаровъ не задумался перейдти на его сторону, отступившись отъ своихъ покровителей такъ же быстро, какъ нѣкогда съумѣлъ заслужить ихъ милость ([27]).

Прославившійся своими мрачными дѣяніями въ тайной канцеляріи Андрей Ивановичъ Ушаковъ, въ 1730 году уже шестидесятилѣтній старикъ, только что возратился изъ ссылки, въ которой находился по милости Меньшикова, будучи имъ впутанъ въ такъ называемое Девьеровское дѣло. Для Ушакова участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ было не больше, какъ вопросомъ карьеры. При Петрѣ II онъ не могъ разсчитывать па видное служебное положеніе и не въ силахъ былъ предугадать тѣхъ послѣдствій, которыя вытекли изъ воцаренія Анны Іоанновны. Примкнувъ до поры до времени къ тому шляхетскому кружку, въ которомъ находилось всего болѣе людей власть имѣвшихъ, Ушаковъ чрезъ нѣсколько дней сталъ однимъ изъ ревностныхъ пропагандистовъ самодержавія Анны Іоанновны, а въ ея десятилѣтнее царствованіе былъ не только усерднымъ слугою нѣмцевъ-правителей, но запятналъ свою память ролью политическаго сыщика и палача, связавъ неразрывно свою судьбу съ лихолѣтіемъ Бироновщины и страшнымъ „словомъ

([27]) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., III, 277—278.—Pr. P. Dolgoroukow «Memoires», I, p. 217.—Helbig. «Russische Günstlinge». S. 125.—См. также указат· ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова.—Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 56, 57, 143, 155, 157, 162, 164 — 167, 218, 226, 233, 242, 259, 297, 298, 300, 356, 436, 503, 576, 377; II, 302—304, 397, 436, 459, 469, 562, 571, 643, 653, 660, 661.

и дѣломъ". Политическихъ убѣжденій онъ не имѣлъ, его profession de foi состояло въ рабскомъ служеніи существующему порядку и въ вымогательствѣ показаній противъ этого порядка посредствомъ страшныхъ истязаній и пытокъ, которымъ онъ предавался съ увлеченіемъ. При такомъ воззрѣніи на вещи Ушакову весьма легко было удержаться при смѣнѣ всѣхъ правительствъ: къ нему одинаково благоволили и Анна съ Бирономъ, и правительница Анна Леопольдовна, и Елизавета Петровна. Онъ умеръ въ 1747 г. (28).

Григорій Петровичъ Чернышевъ (р. 1672 г. † 1745 г.) отецъ знаменитыхъ дѣятелей царствованія Екатерины II-ой—Ивана, Петра и Захара Чернышевыхъ, генералъ-поручикъ, генералъ кригсъ-комиссаръ и лифляндскій губернаторъ,—началъ службу стольникомъ царей Іоанна и Петра; въ 1699 году зачисленъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ и опредѣленъ денщикомъ къ Петру I. Въ шведскую войну онъ отличался храбростію и распорядительностью, за что и былъ быстро возвышенъ въ военныхъ чинахъ: черезъ пять лѣтъ боевой службы, онъ былъ уже майоромъ и командовалъ тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а еще черезъ пять лѣтъ—генералъ-майоромъ. Онъ былъ женатъ на Авдотьѣ Ивановнѣ Ржевской, впослѣдствіи любимой статсъ-дамѣ императрицы Анны Іоанновны. „Генералъ Чернышевъ",—говоритъ о немъ испанскій посолъ де-Лиріа—„былъ уменъ, храбръ и исправенъ въ службѣ, но отличался чрезвычайной скупостью, лживостью и ненавистью къ иностранцамъ" (29).

Генералъ-майоръ Алексѣй Ивановичъ Таракановъ, завѣдывавшій укрѣпленіями на Дону, а затѣмъ состоявшій въ Низовомъ корпусѣ, прибылъ изъ Персіи, по всей вѣроятности, съ фельдмаршаломъ Долгорукимъ. Онъ присталъ къ сторонникамъ самодержавія Анны Іоанновны,

---

(28) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, с. 438—446.—О дѣлѣ Девьера см. у Арсеньева въ Ист. царств. Екатерины I-й учен. зап. 2-го отд. акад. наукъ 1856 г., кн. II, в. I, с. 245—251.

(29) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, с. 509—511.—Долгор., род. кн., II, 101—104.—Род. Р. Ст., I. 368—370.—Де-Лиріа «Характеристики», *ркп.*, с. 154. О Чернышевомъ много у Голикова: см. указат. ко 2-му изд. Д. II. В.

за что былъ сдѣланъ сенаторомъ, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ (80).

Очень блѣдною личностью по недостатку свѣдѣній является Сергѣй Васильевичъ Секіотовъ. Мы вносимъ его въ текстъ только потому, что имя его стоитъ первымъ въ числѣ лицъ, подписавшихъ проэктъ большинства, который занесенъ въ оффиціальный журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта подъ именемъ проэкта Секіотова. Въ 1720 г. Секіотовъ былъ полковникомъ и комендантомъ въ Царицынѣ, важномъ стратегическомъ пунктѣ въ первую половину XVIII вѣка. Царицынъ былъ однимъ изъ крѣпкихъ оплотовъ русскаго владычества противъ кочевниковъ Азіи—калмыковъ и киргизовъ и стоялъ во главѣ цѣлаго ряда укрѣпленій, воздвигнутыхъ противъ набѣговъ этихъ кочевниковъ и извѣстныхъ подъ именемъ царицынской линіи. Царицынъ служилъ въ то время сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ при походахъ въ Персію, въ Крымъ и Турцію. Въ 1730 году С. В. Секіотовъ былъ бригадиромъ, а въ день коронаціи Анны Іоанновны произведенъ въ д. с. с. Вскорѣ послѣ этого онъ назначенъ членомъ военной коллегіи, а въ 1731 году опредѣленъ въ Кіевъ оберъ-комендантомъ (81).

Въ проэктѣ Секіотова намъ придется отмѣтить очень немного изъ людей родословныхъ.

Дальній родственникъ князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго, участвовавшаго въ проэктѣ князя Черкасскаго, князь Ѳеодоръ Борятинской былъ при Екатеринѣ I прокуроромъ главнаго магистрата и въ 1727 году предсѣдателемъ комиссіи повѣрявшей счеты ревизіонъ-коллегіи. Не смотря на свое участіе въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ, онъ въ коронацію Анны Іоанновны былъ произведенъ въ полковники. Съ 1731 по 1735 годъ состоялъ судьею сибирскаго приказа и подвергся отвѣтственности за разныя злоупотребленія, всплывшія паружу по дѣлу Жолобова, о которомъ мы будемъ говорить ниже (82).

---

(80) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728—1729 гг.; им. ук., кн. 32.

(81) П. С. З., т. VI, № 3609.—Сен. Арх., им. ук., кн. 21, 32, 44.

(82) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 32, 33, 63, 66.

Камергеръ князь Александръ Андреевичъ Черкасской, дальній родственникъ князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, съ 1713 по 1715 г. находился въ Голландіи для наученія корабельному дѣлу. Въ 1732 г. онъ былъ назначенъ смоленскимъ губернаторомъ и въ то время явился сторонникомъ голштинскаго принца Петра-Ульриха. Черкасской до 1728 г. состоялъ камергеромъ матери Петра-Ульриха Анны Петровны, былъ расположенъ къ принцу со дня его рожденія и за свою преданность ему понесъ жестокую кару. Въ 1735 году онъ былъ заключенъ въ отдаленное Жиганское зимовье на берегу Охотскаго моря; здѣсь пробылъ онъ пять лѣтъ, почти лишившись зрѣнія и слуха, и постоянно страдалъ цингой и скорбутомъ, вслѣдствіе невыносимаго климата. Биронъ во время своего регентства возвратилъ Черкасскому придворное званіе, а при Елизаветѣ Петровнѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-поручики и пожалованъ орденомъ Александра Невскаго ([33]).

Князья Щербатовы—Николай Петровичъ и Осипъ Ивановичъ, не занимая высокихъ должностей, выдвигались своимъ древнимъ родомъ и старинными родственными связями. Николай Петровичъ, женатый на Шереметевой, былъ армейскимъ майоромъ, а Осипъ Ивановичъ полковникомъ. Осипъ Ивановичъ (р. 1686 г. † 1765 г.) игралъ особую роль среди шляхетства, по своей женитьбѣ на Аграѳенѣ Ѳеодоровнѣ Салтыковой, родной теткѣ избранной императрицы Анны Іоанновны. Еще молодымъ стольникомъ онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ 1698 году въ Амстердамъ для наученія корабельному дѣлу ([34]).

Василій Матвѣевичъ Еропкинъ былъ въ 1730 году гофмейстеромъ Екатерины Іоанновны герцогини мекленбурской, старшей сестры императрицы Анны Іоан-

---

([33]) Сен. Арх., им. ук., кн. 29, 35, 61. — П. С. З., т. IX, № 6647.—Дѣло кн. Черкасскаго, по извлеченіямъ изъ Госуд. Арх. П. И. Шульгина, въ «Памятн. Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. I, с. 194—306.—Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 142.

([34]) Долгор., род. кн.; I, 109. — П. С. З., т. VIII, № 6190.— Сен. Арх., им. ук., кн. 49. — Пекарскій, «Наука и лит. Петр. вр.» I, 14, 522.

новны, а до того времени завѣдывалъ „денежною выдачею“ ея матери, царицы Прасковьи Өеодоровны (**).

Изъ фамиліи Ржевскихъ, ведущихъ родъ свой отъ удѣльнаго князя г. Ржева, подписали проэктъ Секіотова пятеро. Изъ нихъ мы остановимся на Александрѣ Тимофеевичѣ, его двоюродномъ братѣ Матвѣѣ Алексѣевичѣ и дальнемъ ихъ родственникѣ Иванѣ Ивановичѣ.

Александръ Тимофеевичъ Ржевской былъ извѣстный юристъ и дѣлецъ своего времени. Еще въ 1722 году былъ онъ назначенъ прокуроромъ юстицъ-коллегіи, а въ 1727 году состоялъ совѣтникомъ той же коллегіи. Жена роднаго дяди Александра Тимоѳеевича, Ивана Ивановича Ржевскаго, Дарья Гавриловна, рожденная Соковнина, была двоюродной сестрой казненнаго Петромъ Великимъ окольничаго Алексѣя Прокофьевича Соковнина, а впослѣдствіи извѣстной князь-игуменьей „всешутѣйшаго собора“ Петра Великаго, а дочь ея Авдотья Ивановна Чернышева (жена Григорія Петровича Чернышева) была съ молодыхъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Анной Іоанновной, которая во время всей своей бездольной жизни въ Курляндіи писала къ ней письма и подписывалась въ нихъ „неотмѣннымъ ея другомъ“. Она была ея фрейлиной, а по провозглашеніи Анны Іоанновны самодержицей сдѣлана ея статсъ-дамой. Императрица любила ея особенно за ея умѣніе хорошо разсказывать разныя городскія новости и анекдоты.

Двоюродный братъ Александра Тимофеевича—Матвѣй Алексѣевичъ былъ морякъ и находился въ числѣ стольниковъ отправленныхъ въ 1697 году Петромъ Великимъ въ Италію, для наученія морскому дѣлу. Вмѣстѣ съ нимъ былъ отправленъ туда и дальній его родственникъ Иванъ Ивановичъ Ржевской, морякъ же (**).

(**) Долгор., род. кн., IV, 8—10.—Сен. Арх., проток. В. Т. С. 1730 г.—Письма царицы Праск. Өеод. къ В. О. Салтыкову, Р. Ст. 1873 г., т. VI, с. 564, 565. Еропкины происходятъ отъ князей Смоленскихъ.

(**) Долгор., род. кн., IV, 29, 32. — Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 32; ук. В. Т. С. 1727 г. — Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, с. 565.—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., II, 479, 482.—Письма князь-игуменьи къ Петру В., Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 890—892.—С. Н. Шубинскій: «Придв. бытъ и—цы Анны Іоан.», Р. Ст.

Иванъ Михайловичъ Волынской (р. 1693 г. † 1763 г.) двоюродный братъ извѣстнаго кабинетъ-министра Анны Іоанновны Артемія Петровича Волынскаго, началъ службу при Петрѣ Великомъ сержантомъ Семеновскаго полка, а въ 1728 году былъ уже бригадиромъ. По своему происхожденію и родственнымъ связямъ, (онъ былъ женатъ на княжнѣ Волхонской и находился въ свойствѣ съ Салтыковыми и Нарышкиными),—Иванъ Михайловичъ Волынской занималъ видное мѣсто между людьми родословными и былъ изъ числа тѣхъ участниковъ въ шляхетскихъ проэктахъ, которые впослѣдствіи, вслѣдъ за княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, княземъ Н. Ю. Трубецкимъ и С. А. Салтыковымъ,—явились главными сторонниками самодержавія Анны Іоанновны. Изъ его переписки за 1730 г. съ А. П. Волынскимъ, бывшимъ въ то время губернаторомъ въ Казани, видно, что Иванъ Михайловичъ Волынской былъ посвященъ во всѣ тайны шляхетскихъ совѣщаній ([57]).

1873 г., т. VII, с. 341.—Нѣкоторые изъ предковъ Ржевскихъ отличались необыкновенной честностью и мужествомъ. Семейное преданіе сохранило память о честности Ивана Константиновича Ржевскаго, взятаго въ плѣнъ поляками въ 1566 г. Онъ былъ отпущенъ изъ плѣна, давъ честное слово прислать за себя выкупъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Московскомъ государствѣ и не найдя денегъ для выкупа, Ив. Конст. добровольно возвратился въ плѣнъ.—Три брата Ржевскихъ играли важную роль въ междуцарствіе; одинъ изъ нихъ, Ив. Никит., вступился за врага своего, Прокопія Ляпунова, защищая его передъ возмутившимися казаками, за что и былъ ими изрубленъ. Правнукъ Ивана Конст., Ив. Ив. Ржевской, окольничій, мужественно защищалъ Чигиринъ отъ турокъ и крымцевъ въ 1678 году и, пробившись со всѣми жителями и гарнизономъ черезъ турецкій станъ, соединился съ войсками кн. Ромодановскаго. (Долгор., род. кн., IV, 34)—Сынъ Андрея Ивановича Ржевскаго, Алексѣй Андр. († 1804 г.) былъ писателемъ, членомъ Рос. академіи и депутатомъ отъ гор. Воротынска, Моск. губ., въ Екатерининской коммиссіи 1767 г. Онъ былъ женатъ на дочери Өедота Каменскаго, принимавшаго участіе въ совѣщаніяхъ шляхетства въ 1730 г., (см. 2-е приложеніе къ настоящему изслѣдованію)—Александрѣ Өедотовнѣ Каменской, сестрѣ извѣстнаго фельдмаршала Михаила Өедотовича. Александра Өедотовна была также писательница и артистка (живописецъ и музыкантша).—См. замѣтку М. Н. Лонгинова въ Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 78—80.

([57]) Род. Р. Ст., I, 141, 146.—Предокъ Волынскихъ, князь Дмитрій Михайловичъ Волынскій-Боброкъ, выѣхалъ во второй половинѣ XIV в.

Изъ Салтыковыхъ, родственниковъ избранной императрицы Анны Іоанновны, участвовали въ проэктѣ Секіотова двое: дальній ея родственникъ Василій Θеодоровичъ (р. 1675 г. † 1775 г.) и двоюродный братъ ея Александръ Васильевичъ, сынъ кравчаго Василья Θеодоровича Салтыкова. Василій Θеодоровичъ Салтыковъ является сержантомъ Преображенскаго полка въ 1698 году, а въ 1722 г. полковникомъ драгунскаго петербургскаго полка. Въ коронацію Анны Іоанновны 28 апрѣля 1730 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ увольненіемъ отъ службы. Въ 1732 году—назначенъ генералъ-полицій-мейстеромъ С.-Петербурга съ подчиненіемъ ему полиціи во всемъ государствѣ. Въ этой должности, будучи ревностнымъ клевретомъ Бирона, онъ быстро возвышался въ чинахъ, а впослѣдствіи явился сторонникомъ Елизаветы Петровны и содѣйствовалъ ея восшествію на престолъ. По всей вѣроятности, онъ былъ близокъ къ Елизаветѣ Петровнѣ и во время избранія Анны Іоанновны: только этимъ и можно объяснить его увольненіе отъ службы въ ея коронацію. Его двѣ дочери были фрейлинами Елизаветы Петровны. Александръ Васильевичъ Салтыковъ поступилъ въ 1698 году малолѣтнимъ сержантомъ къ Семеновскій полкъ. Въ концѣ царствованія Петра В., былъ онъ полковникомъ и комендантомъ въ Нарвѣ; въ 1728 г. уволенъ отъ этой должности съ зачисленіемъ по арміи, а въ коронацію Анны Іоанновны пожалованъ бригадиромъ (**).

изъ Волыни въ Москву и былъ во второмъ бракѣ женатъ на сестрѣ Димитрія Донскаго, Аннѣ Ивановнѣ.—См. монографію объ А. П. Волынскомъ въ «Др. и Нов. Россіи» за 1876 и 1877 гг.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», III, 569.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—Переписка П. М. В—скаго съ Арт. Петр. Волынскимъ въ «Памятн. Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. II, отд. II, с. 195—250.

(**) Устряловъ «Ист. Петра В.», т III, с. 571.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г., им. ук., кн. 32.—Кн. Долгорукой (род. кн., II, с. 74) указываетъ за XVIII в. только одного Александра Салтыкова сына Василія Θеодоровича (генер.-полиціймейстера) и означаетъ его умершимъ въ 1803 г. въ чинѣ Т. С. Очевидно это не можетъ быть Александръ Салтыковъ, поступившій сержантомъ въ 1698 г. — У кравчаго Василія Θеодоровича Салтыкова, по указаніямъ того же Доглорукаго

Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ (р. 1699 г. † 1744 г.) отличался преданностью стариннымъ московскимъ обычаямъ и еще при Екатеринѣ I, послѣ смерти Петра, значился съ прежнимъ московскимъ чиномъ „ближняго стольника". Скомпрометтированный близостью своего брата Семена Григорьевича къ царевичу Алексѣю Петровичу, онъ подвергся также опалѣ и былъ сосланъ въ дальную деревню. Екатериной I онъ былъ возвращенъ ко двору и тотчасъ же уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, въ которой и жилъ въ 1730 году безъ всякаго опредѣленнаго дѣла. Женатъ онъ былъ на Ульянѣ Андреевнѣ Колычовой, родной сестрѣ Степана Андреевича (39).

Абрамъ Өеодоровичъ Лопухинъ, былъ съ 1728 г. шталмейстеромъ двора своей внучатной бабки царицы Евдокіи Өеодоровны (40).

Переходимъ къ главнѣйшимъ участникамъ проэкта Секіотова изъ стариннаго шляхетства.

Алексѣй Юрьевичъ Бибиковъ, двоюродный братъ Ивана Ивановича Бибикова, участвовавшаго въ проэктѣ князя Черкасскаго, пользовался особою довѣренностью Петра В. Въ концѣ его царствованія онъ занималъ должность прокурора мануфактуръ-коллегіи, а въ 1726 г. опредѣленъ въ эту коллегію вицепрезидентомъ; въ 1727 г. назначенъ генералъ-рекетмейстеромъ при сенатѣ (41).

О полковникѣ **Петрѣ Алексѣевичѣ Соковнинѣ** мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что въ 1729

(II. с. 72, 74) дѣтей не было, но мы считаемъ Александра Васильевича сыномъ Салтыкова кравчаго, потому что онъ называется Александромъ Васильевичемъ въ оффиціальныхъ документахъ и по годамъ своимъ не могъ быть сыномъ кого либо изъ другихъ Салтыковыхъ; сыномъ генералъ-полиціймейстера онъ также не могъ быть, будучи почти однихъ съ нимъ лѣтъ.

(39) Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 23, 24. — Род. Р. Ст., 239—242.—См. монографію о Волынскомъ въ «Др. и Нов. Россіи» 1877 г., т. I, с. 14—15.

(40) Сен. Арх., им. ук., кн. 38, 52; ук. В. Т. С. 1728 г. — П. С. З., т. IX, № 7052.

(41) Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 31, 32, 50, 110; ук. В. Т. С. 1726, 1727 и 1728 гг.; каб., 54, 59.—П. С. З., т. IV, № 1835; т. VIII, № 5534; т. IX, № 6876.

году онъ назначенъ состоять при С. А. Колычевѣ, по возложенному на послѣдняго порученію повѣрять счета по императорскому двору и по дворцовымъ управленіямъ; но личность Соковнина весьма интересна по его происхожденію. П. А. Соковнинъ былъ сыномъ извѣстнаго „супротивника" Петра Великаго, окольничаго Алексѣя Прокофьевича Соковнина, замѣшаннаго въ т. назыв. заговоръ Циклера и казненнаго въ мартѣ 1697 году. Послѣ казни отца, Петръ Алексѣевичъ Соковнинъ, вмѣстѣ со старшими братьями, Васильемъ и Ѳеодоромъ, и съ тремя племянниками (сыновьями Василія Алексѣевича)—былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ Бѣлгородъ. Помилованъ былъ онъ, вѣроятно при Петрѣ II. (42)

Борисъ Загряской (Загряжской), унтеръ-лейтенантъ пѣхотной службы былъ очень образованнымъ человѣкомъ и замѣчательнымъ педагогомъ. Обучавшись геодезіи въ академіи наукъ, онъ былъ опредѣленъ въ 1728 году „къ гардемаринамъ, для обученія наукамъ и экзерциціи солдатской". Загряжской занимался своимъ дѣломъ очень успѣшно въ теченіи тринадцати лѣтъ и уже при правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, въ апрѣлѣ 1741 года, произведенъ за отличіе въ капитаны, съ назначеніемъ начальникомъ гардемаринской роты. Адмиралтейская коллегія, аттестуя его съ отличной стороны къ вышеозначенному повышенію, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывается о его педагогическихъ заслугахъ: „Б. Загряжской и нынѣ со всякимъ радѣніемъ и желаніемъ исправляетъ (свою должность) и дѣйствительно *болѣе ста человѣкъ гардемаринъ собственнымъ его обученіемъ безъ помощниковъ наукамъ по регламенту обучилъ*, изъ которыхъ пожалованы въ мичманы, а другіе имѣются и въ поручикахъ отъ флота" (43).

Яковъ Римскій-Корсаковъ былъ при Петрѣ Великомъ комендантомъ Копорья и Ямбурга (1706), а вслѣдъ за тѣмъ ландрихтеромъ ингерманландской губерніи. По занимаемымъ имъ должностямъ — находился въ близкихъ

(42) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1729 г.—П. С. З., т. III, № 1577.
(43) П. С. З., т. XI, № 8367.

отношеніяхъ съ ингерманладскимъ губернаторомъ, княземъ А. Д. Меншиковымъ ([44]).

Степанъ Лукичъ Игнатьевъ († 1747 г.) сдѣлался извѣстенъ, какъ опытный военный хозяинъ-администраторъ уже въ царствованіе Анны Іоанновны, а до ея воцаренія свѣдѣнія о его службѣ весьма неполны. Онъ началъ службу въ началѣ царствованія Петра В. и въ 1711 году былъ уже полковникомъ; въ 1727 году, произведенный въ бригадиры, былъ назначенъ совѣтникомъ военной коллегіи, а въ коронацію Анны Іоанновны—произведенъ въ д. с. с. Двадцать лѣтъ, до самой своей смерти, Игнатьевъ служилъ въ военной коллегіи, достигнувъ въ 1741 году должности ея вице-президента; кромѣ того, на него возлагались и другія серьозныя порученія, такъ напримѣръ: въ 1732 году онъ участвовалъ въ обсужденіи главы о вотчинахъ вновь сочиняемаго уложенія, въ 1736 году состоялъ членомъ слѣдственной комиссіи надъ иркутскимъ вице-губернаторомъ Жолобовымъ, а въ 1737 году назначенъ членомъ генеральнаго суда надъ княземъ Д. М. Голицынымъ ([45]).

Александръ Васильевичъ Потемкинъ (р. 1673 г. † 1746 г.) отецъ знаменитаго дѣятеля царствованія Екатерины II князя Таврическаго, былъ небогатымъ смоленскимъ, пензенскимъ и тульскимъ помѣщикомъ. Внучатный племянникъ князя Таврическаго, П. Ѳ. Карабановъ, передаетъ слѣдующее семейное преданіе, характеризующее

([44]) Родословная Римскихъ-Корсаковыхъ не издана; а потому мы затрудняемся опредѣлить съ точностью отчество Якова Р. К—ва. По всей вѣроятности, это былъ Яковъ Васильевичъ.—Въ указателяхъ къ Сенатскому Архиву П. И. Баранова и къ П. С. З. Г. К. Рѣпинскаго ингерманландскимъ ландрихтеромъ при Петрѣ В. показанъ, у перваго Яковъ Никитичъ, а у втораго Яковъ Ѳеодоровичъ. См. въ П. С. З. о Яковѣ Ѳ—чѣ, т. IV, №№ 2067, 2130, 2133, 2168. Письма Я. В. Римск.-Корс—ва къ Меншикову въ Русск. Стар. 1872 г., т. V, с. 906—907.—Письмо Як. Никит. Р. Корс. къ Нелединскому-Мелецкому, Ibid. 1874, т. XI, с. 767—769.

([45]) Сен. Арх., им. ук., кн. 32, 36, 41, 47, 48, 52, 54, 57; ук. В. Т. С. 1727 г.; каб. 44, 35, 87.—П. С. З., т. IX, №№ 6899, 7138; т. X, №№ 7310, 7743; т. XI, №№ 8220, 8396. — Долгор., род. кн., IV, 106.

личность А. В. Потемкина. Около описываемаго времени Александръ Васильевичъ уже въ преклонныхъ годахъ и будучи въ отставкѣ пріѣхалъ въ свою пензенскую деревню, сельцо Маншино, одинъ, безъ жены, и влюбился въ свою сосѣдку, молодую, красивую и бездѣтную вдову Скуратову, рожденную Кондыреву, жившую у родныхъ своего умершаго мужа. Потемкинъ назвался вдовцемъ и женился на Скуратовой. Скоро послѣ свадьбы молодая Потемкина, уже беременная, узнала, что она обманута и что первая жена живетъ въ смоленской деревнѣ; потребовавъ съ нею свиданія, она горькими слезами довела ее до состраданія, убѣдила вступить въ монастырь и этимъ узаконить второй бракъ своего мужа. Отъ перваго брака Александръ Васильевичъ дѣтей не имѣлъ, а отъ втораго имѣлъ четырехъ дѣтей и сына, бывшаго моложе всѣхъ своихъ сестеръ,—Григорія, впослѣдствіи князя Таврическаго (родился онъ въ 1739 г.). Анонимный біографъ князя Потемкина-Таврическаго (Рус. Стар. 1875 г., т. XII, с. 483—485) передаетъ слѣдующую характеристику Александра Васильевича: „За исключеніемъ личной храбрости, иными дарованіями онъ не отличался; онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, бывалъ раненъ и при всемъ томъ, въ теченіи тридцати лѣтъ едва дослужился до чина арміи полковника. Безуспѣшность служебнаго поприща Александра Потемкина объясняется уже отчасти его характеромъ: онъ былъ человѣкъ тяжелый и своенравный. Желая подать въ отставку за ранами, Потемкинъ, согласно узаконеніямъ того времени, явился въ военную коллегіею на свидѣтельствованіе. Снимая мундиръ, онъ въ числѣ предсѣдательствовавшихъ членовъ узналъ унтеръ-офицера, когда-то служившаго у него въ ротѣ. Эта встрѣча возмутила Потемкина и онъ, указывая на бывшаго своего подчиненнаго, сказалъ: „Какъ, и онъ будетъ меня свидѣтельствовать! Я сего не перенесу и останусь еще въ службѣ, сколь ни тяжки мои раны“. И послѣ того пробылъ на службѣ еще два года (⁴⁶).

(⁴⁶) Долгор., род. кн., II, с. 168—169.—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 39—41.—Его-же «Разсказы», Р. Ст. 1872 г., т. V, с. 463—467.

Никита Матвѣевичъ Болотовъ († 1766 г.) приходился внучатнымъ дѣдомъ извѣстному автору „Записокъ", Андрею Тимоф. Болотову, который изображаетъ его (въ 1765 г.) слѣдующими чертами: „Онъ былъ человѣкъ не молодыхъ лѣтъ и изъ числа старинныхъ, а не новомодныхъ людей; житія былъ честнаго, но весьма строптиваго, нравъ имѣлъ горячій, вспыльчивый и во всѣхъ своихъ дѣлахъ наблюдалъ такую единоравность, что почитаемъ былъ отъ всѣхъ не только весьма строгимъ, но притомъ своенравнымъ и упрямымъ человѣкомъ. Но что всего хуже, то духъ его былъ зараженъ непроницаемымъ лукавствомъ, для которой причины ни съ однимъ человѣкомъ не обходился онъ повѣренно, но всегда содержалъ себя въ нѣкоторомъ удаленіи. Сей порядокъ умѣлъ онъ покрывать наилучшимъ покрываломъ, обходясь съ незнакомыми и посторонними людьми съ необыкновенною ласкою и униженностью, и потому съ перваго вида казался всякому ангеломъ, а не человѣкомъ. Но противное тому сказывалось, когда доходило кому имѣть съ нимъ дѣло ближе, или кто по несчастію попадался ему въ команду. Однимъ словомъ, для вышеупомянутыхъ причинъ не имѣлъ онъ въ свѣтѣ ни одного не только вѣрнаго друга, но ниже хорошаго пріятеля, и тому единственно самъ былъ причиною: ибо, какъ онъ и съ наилучшими пріятелями и родственниками своими обходился всегда съ лукавствомъ и никогда не доходило до откровенности и дружеской повѣренности, и онъ наиболѣе не то говаривалъ, что думалъ; то они, не могши получить и найтить въ немъ то, что въ обхожденіи и дружествѣ пріятнымъ почитается, мало по малу отъ него отставали" (47).

(47) См. Записки Болотова, изд. Р. Ст., т. I, с. 322—324.—Болотовы ведутъ родъ свой отъ ордынскаго выходца въ XIII—XIV в. См. ibid., с. 3.—Различіе двухъ линій Болотовыхъ, возникшихъ въ XVII в., потомковъ двухъ сыновей Ерофея Гавриловича—Осипа и Кирилы, авторъ «Записокъ» характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Натура раздѣлила оба сіи домы чуднымъ образомъ, снабдивъ ихъ весьма разными свойствами. Потомки Осиповы были немногочисленны и не долговѣчны, но добродѣтельные и лучшихъ свойствъ и качествъ душевныхъ, а потомки Кирилины гораздо долговѣчнѣе и многочисленнѣе, но при томъ далеко не такихъ свойствъ были. Однимъ словомъ, нравы обоихъ сихъ домовъ изстари были несогласны между собой. Наши предки были добро-

Къ третьей группѣ принадлежатъ родственники любимцевъ Петра В.—Меншикова и Шафирова, и „худородные“ служилые люди новой Россіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ двухъ Арсеньевыхъ (родственниковъ жены князя Меншикова Дарьи Ивановны, рожденной Арсеньевой) И. З. Аршеневскаго, А. Жолобова, молодаго инженера Ивана Мичурина, Василья Мошкова, придворнаго Петра В.—Сергѣя Нестерева, Позьнякова и Θ. И. Соймонова ([48]).

Исаія Захаровичъ Аршеневскій изъ смоленскихъ шляхтичей, при Петрѣ В. былъ комендантомъ въ Смоленскѣ, а при Елизаветѣ Петровнѣ смоленскимъ губернаторомъ. Марья Николаевна Аршеневская, родная тетка отца Исаіи Захаровича, была замужемъ за двоюроднымъ братомъ вице-канцлера Шафирова—Павломъ Веселовскимъ (р. 1685 г.). Веселовскій былъ замѣчательнымъ дипломатомъ эпохи Петра Великаго; онъ находился резидентомъ при вѣнскомъ дворѣ во время бѣгства въ Австрію царевича Алексѣя Петровича и оказалъ ему большое покровительство; послѣ процесса царевича, не смотря на требованія русскаго правительстаа возвратиться въ Россію, Веселовскій остался въ Германіи. Онъ кончилъ жизнь въ Женевѣ, имѣя отъ роду около 100 лѣтъ. Родственникъ Исаіи Захаровича Аршеневскаго, Иванъ Аршеневскій, былъ замѣшанъ въ дѣло князя Александра Черкасскаго (1734 года) ([49]).

Алексѣй Жолобовъ, прокуроръ штатсъ-конторы, назначенный на эту должность еще Петромъ Великимъ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Иваномъ Ивановичемъ Бибиковымъ и въ 1730 году желалъ видѣть на престолѣ Елизавету Петровну, или ея племянника голштинскаго принца. До

душны, откровеннѣе, чисто-сердечнѣе, дружелюбнѣе, а тѣ скромнѣе, или, прямѣе сказать, лукавѣе и неприступнѣе». (Записки Болотова, I, с. 23).

([48]) Долгор., род. кн., IV, 244—249.—Сен. Арх., им. ук., кн. 39.—Р. Ст. 1874 г., т XI, с. 211—212.—Арсеньевы принадлежатъ къ старинному служилому роду, но мы включаемъ ихъ въ эту группу потому только, что въ первой половинѣ XVIII в. они особенно возвысились по родственнымъ отношеніямъ къ Меншикову. Подробности см. въ 1-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

([49]) Голиковъ, Д. П. В, IX, с. 404.—Род. Р. Ст., I, 125, 138, 144.—П С. З., IX, № 6647.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., I, 274—277. (Біогр. А. П. Веселовскаго).

своего прокурорства Жолобовъ служилъ комиссаромъ въ Ригѣ, тамъ онъ встрѣчался съ Бирономъ и разъ подъ „пьяную руку“ толкнулъ его въ ассамблеѣ; по собственному признанію, онъ не рѣдко бивалъ въ то время Бирона. Жолобовъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ всесильнымъ въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго камергеромъ Монсомъ и его секретаремъ Егоромъ Столѣтовымъ. Возвратясь въ 1727 году изъ Голштиніи съ тѣломъ умершей герцогини Анны Петровны, Бибиковъ разсказывалъ о печали и слезахъ ея мужа. Жолобовъ былъ очень тронутъ этимъ разсказомъ. „Правда, есть по комъ плакать: жена была всѣмъ его лучше, вся въ отца была“,—говорилъ Жолобовъ и затѣмъ заплакалъ.

— „Голштинскій молодой принцъ (которому было тогда около двухъ лѣтъ) къ русскимъ людямъ ласковъ“—говорилъ своимъ знакомымъ Жолобовъ въ 1730 г. во время толковъ объ избраніи преемника Петру II-му.

Въ коронацію Анны Іоанновны Жолобовъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Иркутскъ, вмѣсто своего пріятеля И. И. Бибикова. Въ пять лѣтъ управленія Восточной Сибирью Жолобовъ прославился жестокостью и казнокрадствомъ. Въ 1735 году была учреждена комиссія и въ томъ же году возникло въ Иркутскѣ дѣло Столѣтова. Изъ показаній Столѣтова обнаружились симпатіи Жолобова въ 1730 году и 9 іюля 1736 г. онъ былъ казненъ въ Петербургѣ. Оффиціальными преступленіями Жолобова были его жестокость и казнокрадство въ Иркутской губерніи ([80]).

Статскій совѣтникъ Иванъ Давыдовичъ Позняковъ при Петрѣ В. былъ дьякомъ, а затѣмъ оберъ-секретаремъ сената. За какой-то служебный проступокъ, намъ неизвѣстный, онъ былъ разжалованъ, но въ 1724 году прощенъ съ возвращеніемъ чиновъ, впрочемъ двумя рангами ниже. Въ 1726 году опредѣляется онъ въ петербургскую полицію, а въ концѣ 1727 года назначается петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ. Въ 1729 году онъ переводится

([80]) Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 32, 33, 46.—П. С. З., т. IX № 7009.—Дѣло Столѣтова, Р. Ст. 1874 г., т. VIII, с. 11, 14, 17, 23, 25. Замѣтка о Жолобовѣ Н. Н. Чупина, ibid., с. 985, 992.

оберъ-полицiймейстеромъ въ Москву; въ этой должности застаютъ его кончина Петра II и избранiе Анны Іоанновны ([81]).

Θеодоръ Ивановичъ Соймоновъ (р. 1682 г. † 1780 г.) родственникъ Нарышкинымъ и Головкинымъ, былъ сыномъ небогатаго помѣщика, но человѣка очень умнаго. Дома, подъ надзоромъ своего отца, Соймоновъ обучился русскому и латинскому языкамъ, потомъ поступилъ въ морское училище и, по окончанiи въ немъ ученiя, былъ отправленъ Петромъ Великимъ въ Голландiю для изученiя морскаго дѣла. Успѣшно обучившись ему, Соймоновъ поступилъ во флотъ и пользовался покровительствомъ Петра Великаго. По порученiю царя онъ описалъ Каспiйское море (въ 1719—1720 гг.) и составилъ карту этого моря. Въ 1722 году Соймоновъ принималъ дѣятельное участiе въ персидскомъ походѣ Петра Великаго, а затѣмъ снова занялся болѣе подробнымъ изслѣдованiемъ и описанiемъ Каспiйскаго моря. Соймоновъ былъ замѣчательный морякъ, математикъ и географъ. Бантышъ-Каменскiй приводитъ заглавiя семи его сочиненiй. Назначенный въ концѣ 1730 года прокуроромъ адмиралтейской коллегiи, онъ въ царствованiе Анны Іоанновны занимаетъ все болѣе и болѣе важныя должности оберъ-кригсъ комиссара (1733 года) и оберъ-прокурора сената (1738 года). По своимъ близкимъ отношенiямъ къ А. П. Волынскому, Соймоновъ былъ замѣшанъ въ его процессъ и въ 1740 г. наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Охотскъ простымъ рабочимъ на тамошнiй солеваренный заводъ. Въ 1742 году Елизавета Петровна возвратила ему дворянское достоинство и дозволила жить, гдѣ пожелаетъ. Назначенный въ 1757 году губернаторомъ въ Сибирь, Θеодоръ Ивановичъ Соймоновъ былъ однимъ изъ немногихъ правителей этой обширной страны, оставившихъ послѣ себя неизгладимые слѣды просвѣщенной заботливости о нуждахъ мѣстнаго населенiя. Онъ дожилъ до восшествiя на престолъ Екатерины II, которая вызвала его изъ Сибири въ Петер-

([81]) Матерiалы воен.-учен. арх. главн. штаба, т. I (Спб. 1871 г.), с. 258, 270, 282, 288, 323, 386.—Голиковъ. Д. П. В., VI, 284; VIII, 471; IX, 63, 425, 433, 436.—Сен. Арх., им. ук., кн. 26, 29; ук В. Т. С. 1727 и 1729 гг.—П. С. З., т. VIII, № 5476.

бургъ и пожаловала сенаторомъ. Екатерина II любила разсуждать съ умнымъ старцемъ о нуждахъ и потребностяхъ Сибири. Въ 1766 г. Соймоновъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію, съ чиномъ д. т. с. и еще 14 лѣтъ мирно прожилъ въ кругу своего семейства (58).

Во главѣ проэкта Алабердеева стоитъ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ.

Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ, внучатный братъ царицы Натальи Кириловны, получилъ образованіе во Флоренціи, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Германіи и въ Англіи и былъ затѣмъ генералъ адъютантомъ Петра В. Въ семейной распрѣ царя Петра съ сыномъ его Алексѣемъ, Семенъ Нарышкинъ держалъ сторону послѣдняго. Онъ былъ недоволенъ Петромъ за отрѣшеніе отъ престолонаслѣдія старшаго сына въ пользу младшаго (Петра Петровича—отъ Екатерины), находя въ этомъ нарушеніе справедливости и западноевропейскихъ обычаевъ, которые онъ тщательно изучилъ, будучи за границей. Семенъ Нарышкинъ разговаривалъ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ о порядкахъ престолонаслѣдія въ западно-европейскихъ государствахъ. Въ одинъ изъ такихъ разговоровъ онъ сказалъ царевичу:

—„У прусскаго короля дядья отставлены, а племянникъ на престолѣ, для того что большаго брата сынъ“, —и, посмотрѣвъ на царевича, прибавилъ: „вѣдь и мимо тебя брату отдалъ престолъ отецъ дурно“.

— „У насъ онъ воленъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ: у насъ не ихъ нравы“—отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ.

— „Это не вѣдомо, что будетъ“, возразилъ Нарышкинъ— „будетъ, такъ сдѣлается, во всемъ свѣтѣ сего не водится“.

Семенъ Нарышкинъ порицалъ Петра В. и за его крутость и непониманіе частныхъ нуждъ служилыхъ людей.

— „Горько намъ“, жаловался разъ Нарышкинъ царевичу Алексѣю.—„Говоритъ (царь): „что вы дома дѣлаете? я не знаю какъ безъ дѣла дома быть“. Онъ нашихъ нуждъ не

---

(58) Берхъ, «Жизнеоп. рос. адмир.», с. 113—164.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., III, 268—279.—О Соймоновѣ много у Голикова; см. указ. ко 2-му изд. Д. И. В.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. вр.». I, 346.

знаетъ; а будете домъ свой смотрѣть хорошенько, часу не найдешь безъ дѣла".

— „То правда" - отвѣчалъ царевичъ.

Нарышкинъ продолжалъ:—„Когда бъ ему приключилось придти домой, а иное дровъ нѣтъ, иное инаго нѣтъ, такъ бы узналъ, что мы дома дѣлаемъ"!

Нарышкинъ былъ сосланъ въ 1718 г. въ дальнюю деревню безъ лишенія впрочемъ чиновъ. Екатерина I вызвала его ко двору и назначила гофмейстеромъ Анны Петровны, герцогини голштинской. Въ 1730 году С. Г. Нарышкинъ управлялъ дворомъ Елизаветы Петровны ([53]).

Изъ остальныхъ участниковъ этого проэкта, кромѣ уже извѣстнаго намъ Алабердеева, выдающимися личностями были: князь Василій Юрьевичъ Одоевской, баронъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ и Андрей Өеодоровичъ Хрущовъ.

Князь Василій Юрьевичъ Одоевской (р. 1672 г. † 1752 г.), потомокъ самаго старшаго поколѣнія князей Рюриковичей. Одинъ изъ родичей его, бояринъ Никита Ивановичъ Одоевской, былъ предсѣдателемъ коммиссіи, подготовлявшей „Уложеніе" царя Алексѣя Михайловича. 26-ти лѣтъ отъ роду, въ 1698 году, князь Василій Юрьевичъ былъ поручикомъ семеновскаго полка, а затѣмъ служилъ во флотѣ и около 1722 года занималъ должность члена адмиралтейской коллегіи, а въ этомъ году былъ президентомъ штатсъ-конторы. При Екатеринѣ I, въ концѣ 1726 года, князь Одоевской опредѣленъ къ дѣламъ мастерской палаты въ Москву, съ порученіемъ также завѣдывать оружейной палатой и казеннымъ приказомъ ([54]).

Баронъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ, потомокъ знаменитыхъ Строгановыхъ, колонизаторовъ верховьевъ Камы, призвавшихъ при Іоаннѣ Гроз-

---

([53]) Род. Р. Ст., I. 239—242.—Замѣтка Лонгинова въ Р. Ст. 1870 г., т. II, с. 76.—Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 567; VI, с. 165, 166, 195, 251.—Сен. Арх., им. ук., кн. 4, 7, 24; ук. В. Т. С. 1728 и 1729 гг.—Госуд. Арх., прот. В. Т. С. за янв. и февр. 1730 г.

([54]) Долгор., род. кн., I. с. 55 и слѣд.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.

комъ Ермака, покорителя Сибири,—былъ женатъ вторымъ бракомъ на Дмитріевой-Мамоновой, вслѣдствіе чего считался родствомъ съ императрицей Анной Іоанновной (85).

Андрей Ѳеодоровичъ Хрущовъ, отправленный Петромъ В. въ 1712 году въ Голландію, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; онъ имѣлъ очень хорошую библіотеку, въ которой преобладали политическія сочиненія. Сблизившись впослѣдствіи съ А. П. Волынскимъ, Хрущовъ былъ казненъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 году (86).

Участники первоначальной редакціи проэкта Максима Грекова всѣ, кромѣ одного, извѣстны намъ изъ предъидущихъ проэктовъ князя Черкасскаго и Секіотова. Новымъ лицомъ, подписавшимъ первоначальную редакцію проэкта Грекова, является князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ.

Князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ, сынъ Абдула-мурзы, происходившаго отъ ногайскаго князя Юсуфа (половины XVI вѣка) былъ однимъ изъ боевыхъ генераловъ эпохи Петра Великаго. Его умъ, неустрашимость и отвага доставили ему расположеніе царя. Въ 1719 году князь Юсуповъ былъ генералъ майоромъ, а въ 1722 году сенаторомъ. Екатерина I произвела его въ генералъ-поручики, а Петръ II назначилъ подполковникомъ преображенскаго полка и первымъ членомъ военной коллегіи. Испанскій посолъ де-Лиріа такъ характеризуетъ Юсупова: „Князь Юсуповъ татарскаго происхожденія, (братъ его еще и понынѣ магометанинъ)—человѣкъ вполнѣ благовоспитанный (galant homme); очень хорошо служившій, достаточно знакомый съ военнымъ дѣломъ, онъ былъ весь покрытъ ранами; князь любилъ иностранцевъ, и былъ очень привязанъ къ Петру II,—однимъ словомъ принадлежалъ къ числу тѣхъ

---

(85) Долгор., род. кн., II, 208—213.—См. Д. П. В. Голикова. IX, 124, 318, 353, 377; X. 363; XI. 488; XV, 118, 127.—Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ былъ женатъ на родной сестрѣ Анны Іоанновны, царевнѣ Прасковьѣ.

(86) П. П. В. въ Сб. рус. ист. общ., т. XI, с. 231—Сен. Арх., им. ук., кн. 35, 43.—О Хрущовѣ см, у Голикова, въ Д. П. В., IX, 459; XI, 417; XV, 250, 253.—Монографія объ А. П. Волынскомъ «Др. и Нов. Рос.» 1877 г., т. II и III, гл. IX, X и XI.—Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I, 142.

людей, которые всегда идутъ прямою дорогою. Одна страсть омрачала его—страсть къ вину» (⁵⁷).

Степанъ Андреевичъ Колычевъ, являющійся во главѣ особаго мнѣнія, остальные участники котораго намъ неизвѣстны,—происхожденіемъ своимъ принадлежалъ къ старинному русскому роду, предокъ котораго былъ знатный человѣкъ, выѣхавшій изъ Пруссіи въ Москву въ XIV вѣкѣ (Колычевы ведутъ свой родъ отъ одного родоначальника съ Шереметевыми и Романовыми, предками царя Михаила Ѳеодоровича). Степанъ Андреевичъ Колычевъ обратилъ на себя вниманіе Петра В, еще будучи очень молодымъ человѣкомъ. Въ 1697 году, въ чинѣ стольника, онъ былъ отправленъ въ Англію и Голландію для наученія корабельному дѣлу. По возвращеніи изъ-за границы, онъ поступилъ въ семеновскій полкъ и будучи раненъ въ 1704 году подъ Нарвой, оставилъ военную службу. Онъ былъ назначенъ оберъ-комендантомъ, а потомъ губернаторомъ въ Воронежѣ, гдѣ въ то время дѣятельно производилось кораблестроеніе,—и Колычеву пришлось примѣнить къ практикѣ свѣдѣнія, вывезенныя имъ изъ за-моря. Въ 1713 году онъ былъ главнымъ комиссаромъ при проведеніи границы между Россіею и Турціею по Прутскому договору, а въ 1721 году назначенъ герольдмейстеромъ, въ обязанность котораго входила въ то время, часть обязанностей прежняго разряда,—разборъ дворянскихъ недорослей, годныхъ къ военной службѣ. Съ 1725 по 1727 годъ онъ, также въ званіи главнаго комиссара, разграничивалъ земли между Китаемъ и Сибирью, а въ 1729 году получилъ порученіе провѣрить счеты дворцовой канцеляріи (⁵⁸).

Изъ участниковъ проэкта Матюшкина преобладающимъ элементомъ являются люди родословные (10 человѣкъ), остальные принадлежатъ къ стариннымъ шляхетскимъ фами-

---

(⁵⁷) Долгор., род. кн., II, 33—35.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., V, с. 369—371.—Де-Ліріа, «Характеристики», *ркп.*, с. 154—155.

(⁵⁸) Долгор., род. кн., III, 497; IV, 136.—Матер. воен.-учен. арх. Гл. Шт., т. I (Спб. 1871 г.) Примѣч., с. 01—02.—Письма Петра В. къ Ст. Колычеву, ibid., с. 1—52.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, 566.—Голиковъ, Д. П. В., см. указатель ко 2-му изд.

ліямъ (5 чел.). По роду службы они раздѣляются слѣдующимъ образомъ: генераловъ—8, высшихъ гражданскихъ чиновъ 6 и 1 придворный. Замѣчательно, что въ проэктѣ Матюшкина участвуютъ лица, находящіяся въ близкомъ родствѣ, или близкихъ отношеніяхъ, съ одной стороны съ князьями Долгорукими, а съ другой—съ императрицей Анной Іоанновной.

Генералъ-аншефъ Михаилъ Афонасьевичъ Матюшкинъ (р. 1686 г.) былъ сынъ холмогорскаго воеводы и боярина Аѳонасья Ивановича Матюшкина, пользовавшагося большимъ расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича и приходившагося ему двоюроднымъ братомъ по матери: Ѳодосья Лукьяновна Стрѣшнева, мать Аѳонасія Ивановича Матюшкина, была родная тетка царя Алексѣя. По этому родству, съ самаго дѣтства Михаилъ Аѳонасьевичъ былъ близокъ къ Петру Великому: на седьмомъ году отъ рожденія онъ былъ уже его комнатнымъ стольникомъ, а затѣмъ однимъ изъ первыхъ его „потѣшныхъ". Въ 1697 г. онъ отправленъ въ Италію для обученія морскому дѣлу. Свои военныя дарованія Матюшкинъ особенно проявилъ въ персидскомъ походѣ 1722 года и затѣмъ во время главнаго начальства надъ войсками, расположенными въ персидскихъ областяхъ. Человѣкъ прямой и откровенный, Матюшкинъ—одинъ изъ немногихъ дѣятелей первой половины XVIII в. прожилъ честно, не покрививъ душой. До страсти любя Петра Великаго, онъ не мирволилъ слабостямъ великаго монарха и былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Меншикова ([88]).

Второй сынъ знаменитаго дипломата эпохи Петра В. князя Григорія Ѳеодоровича Долгорукаго, князь Сергѣй Григорьевичъ, извѣстенъ гораздо менѣе всѣхъ остальныхъ своихъ родичей первой половины XVIII в.; между тѣмъ князь Сергѣй Григорьевичъ, по своимъ способностямъ и служебной дѣятельности, стоитъ несравненно выше многихъ изъ нихъ. Молодость свою Сергѣй Григорье-

(88) Родоначальникъ Матюшкиныхъ Албушъ выѣхалъ въ XIII в. изъ Золотой Орды въ Новгородъ гдѣ получилъ помѣстья отъ Александра Невскаго. См. Род. Р. Ст., I, 77—79.—Устряловъ «Ист. Петра В.», II, с. 566.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., II, с. 349—356.—О Матюшкинѣ много у Голикова, см. указат. ко 2-му изд. Д. П. В.

вичъ провелъ въ западно-европейскихъ государствахъ, состоя при посольствахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Женившись на дочери извѣстнаго знатока тогдашнихъ международныхъ сношеній вице-канцлера Шафирова, баронессѣ Марѳѣ Петровнѣ, онъ получилъ въ лицѣ своего тестя знающаго и опытнаго руководителя на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1721 году князь Сергѣй занялъ постъ своего отца, посланника при польскомъ королѣ Августѣ. Отозванный изъ Варшавы въ 1725 году, онъ снова былъ назначенъ посломъ въ Польшу въ 1728 г. и вторично оставилъ этотъ постъ лишь по вызову своихъ родичей въ 1729 году, когда былъ вовлеченъ въ честолюбивые замыслы своего брата Алексѣя Григорьевича. Князь Сергѣй былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ составленіи подложной духовной императора Петра II, по которой русскій престолъ передавался отъ имени Петра II-го его обрученной невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, дочери князя Алексѣя. Участіе въ составленіи этой духовной погубило князя Сергѣя и всю его семью, довольно многочисленную (80).

Личность князя **Ивана Григорьевича Долгорукаго** рисуется очень неясно. Изъ немногихъ данныхъ можно заключить, что онъ былъ человѣкъ весьма посредственнаго ума, пассивно подчинявшійся волѣ князя Василія Лукича Долгорукаго и своего брата Алексѣя. Служебнымъ возвышеніемъ (онъ былъ сенаторомъ) онъ исключительно обязанъ помолвкѣ своей племянницы съ императоромъ Петромъ II (81).

Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ принадлежалъ къ немногимъ потомкамъ Рюрика, утратившимъ княжескій титулъ. Онъ происходилъ отъ смоленскихъ князей и во второмъ супружествѣ былъ женатъ морганатически на родной сестрѣ Анны Іоанновны, царевнѣ Прасковьѣ. Дмитріевъ-Мамоновъ отличался храбростью и суровостью нрава. Начавъ службу въ преображенскихъ потѣшныхъ, онъ доказалъ свою отвагу въ шведской войнѣ и былъ очень любимъ и уважаемъ Петромъ Великимъ; онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи „воинскаго артикула“.

---

(80) Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ, с. 88.

(81) ibid.

Въ событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны онъ держался въ сторонѣ, опасаясь слишкомъ открыто выставлять себя сторонникомъ самодержавія своей своячевицы. Испанскій посолъ де-Лиріа считаетъ его человѣкомъ значительнымъ, съ умомъ и характеромъ, но преисполненнымъ лукавства и пронырливости ([62]).

Иванъ Петровичъ Шереметевъ, (р. 1689 г. † 1735 г.) меньшой братъ знаменитаго фельдмаршала графа Бориса Петровича, былъ членомъ стариннаго и извѣстнаго въ русской исторіи рода бояръ Шереметевыхъ. Потомки Андрея Кобылы, отъ котораго вели свой родъ и предки царя Михаила Ѳеодоровича Романова, Шереметевы въ теченіи XVI и XVII вв. занимали первенствующія должности при дворѣ и на службѣ царей московскихъ и состояли въ родствѣ съ княжескими родами Черкасскихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Одоевскихъ. Лично Иванъ Петровичъ Шереметевъ не отличался ни умомъ, ни талантами. Онъ началъ службу во флотѣ и въ 1727 году былъ капитанъ-командоромъ; въ 1728 г. перешелъ въ гражданскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ главнымъ судьею канцеляріи конфискаціи, а затѣмъ начальникомъ сибирскаго приказа ([63])

Матвѣй Ѳеодоровичъ Воейковъ, назначенный въ 1722 году прокуроромъ въ главный магистратъ, съ 1727 г. былъ оберъ-прокуроромъ сената, а въ 1728 году

([62]) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., I. с. 564—566.—Pr. P. Dolgoroukow. «Memoires», I. p. 122.—Де-Лиріа, «Характеристики», *ркп.*, с. 155—156.—П. С. 3., т. VI, № 4830; т. VIII. № 5510.—Сен. Арх., им. ук., кн. 18, 22, 25: ук. В. Т. С. 1727 г.

([63]) Долгор., род. кн., III. 494—495, 498—500. И. П. Шереметевъ, сынъ боярина Петра (большаго) Васильевича, отъ втораго брака (съ кѣмъ неизвѣстно); отъ перваго брака съ Анной Ѳеодоровной Волынской († 1684 г.) Петръ Васильевичъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій былъ Борисъ Петровичъ, и двухъ дочерей.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук, кн. 32, 34.—Академикъ Пекарскій приводитъ извѣстіе, что у И. П. Шереметева, въ числѣ другихъ книгъ, находился русско-латинскій лексиконъ Епифанія Славинецкаго, въ настоящее время хранящійся въ библіотекѣ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. (См. «Наука и лит. Петр. вр.», I, 189).

произведенъ въ действительные статскіе советники. По словамъ К. И. Арсеньева, Воейковъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ князю Ивану Θеодоровичу Ромодановскому и С. А. Салтыкову и принадлежалъ къ сторонникамъ Остермана ([64]).

Θеодоръ Васильевичъ Наумовъ, еще при Петрѣ Великомъ былъ сенаторомъ, при Екатеринѣ I членомъ комиссіи о коммерціи, а при Петрѣ II на него было возложено важное порученіе приготовительныхъ дѣйствій для избранія гетмана въ Малороссіи; съ избраніемъ гетмана Даніила Апостола онъ состоялъ при немъ „министромъ" до конца 1728 г. Въ царствованіе Анны Іоанновны былъ уволенъ въ Казанскій край для устройства новой закамской линіи ([65]).

Петръ Михайловичъ Бестужевъ-Рюминъ (р. 1664 † 1743 г.), производившій свой родъ отъ древней британской фамиліи, одинъ изъ членовъ которой эмигрировалъ въ Московское государство въ XV в.,—состоялъ въ теченіи многихъ лѣтъ гофмейстеромъ курляндскаго двора Анны Іоанновны (съ 1712 по 1727 г.), и, какъ мы видѣли, былъ въ числѣ очень близкихъ лицъ къ курляндской герцогинѣ. Участіе его въ шляхетскомъ проэктѣ вмѣстѣ съ двумя Долгорукими набросило тѣнь на его преданность Аннѣ Іоанновнѣ и онъ былъ, вслѣдъ за провозглашеніемъ ея самодержавія, назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ. По мѣрѣ ухудшенія участи князей Долгорукихъ ухудшалась и судьба П. М. Бестужева. Онъ былъ сосланъ на безвыѣздное житье въ деревню, гдѣ прожилъ до 1737 г. Только благодаря заступничеству сыновей своихъ, онъ получилъ дозволеніе жить по желанію или въ Москвѣ, или въ своихъ деревняхъ ([66]).

Дмитрій Θеодоровичъ Еропкинъ, отецъ извѣстнаго дѣятеля во время московской чумы 1771 года

([64]) Сен. Арх., им. ук., кн 18; ук. В. Т. С. 1727—1728 гг.— Арсеньевъ. «Царств. Петра II», с. 58.

([65]) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1726—1728 гг.; им. ук., кн. 35.

([66]) Долгор., род. кн., IV, с. 287—288.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727 — 1730; им. ук., кн. 32. — Бантышъ - Каменскій, Словарь, изд. 1836 г., т. I, с. 153—163.

затѣмъ московскаго главнокомандующаго, состоялъ въ 1711 году въ Варшавѣ при русскомъ посланникѣ князѣ Григоріи Ѳеодоровичѣ Долгорукомъ. Въ 1719 году онъ былъ уже въ чинѣ полковника и пользовался особымъ довѣріемъ Петра Великаго, который возлагалъ на него дипломатическія порученія—вести переговоры съ герцогомъ мекленбургскимъ и короннымъ польскимъ гетманомъ Синявскимъ. Въ 1722 году Еропкинъ командовалъ драгунскимъ нарвскимъ полкомъ, а съ 1728 года былъ московскимъ оберъ-комендантомъ и занималъ эту должность въ 1730 году, будучи въ чинѣ генералъ-майора. Въ апрѣлѣ 1730 года, еще до коронаціи Анны Іоанновны, онъ былъ назначенъ въ „Низовый корпусъ", гдѣ и находился въ теченіи всего ея царствованія. Еропкинъ уволенъ отъ службы 3 марта 1740 года съ производствомъ въ генералъ-поручики ([67]).

Иванъ Петровичъ, старшій изъ Измайловыхъ, въ описываемое время генералъ-майоръ, занималъ должность гофмаршала при царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ. Еще при Петрѣ Великомъ, въ 1716 году онъ былъ назначенъ московскимъ оберъ комендантомъ, а при Екатеринѣ І-й былъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. По утвержденіи самодержавія Анны Іоанновны, Измайловъ былъ переведенъ губернаторомъ въ дальнюю астраханскую губернію ([68]).

Левъ Васильевичъ Измайловъ (р. 1687 г. † 1738 г.) принадлежалъ къ выдающимся по образованію людямъ своего времени. Молодость его прошла за границей: еще очень молодымъ человѣкомъ поступилъ онъ въ военную службу короля датскаго. Въ 1706 году Петръ Великій поручалъ ему дипломатическіе переговоры съ Пруссіей и Польшей и писалъ молодому Измайлову собственноручныя письма. Въ 1707 году, возвратясь въ Россію капитаномъ датской службы, Измайловъ былъ зачисленъ тѣмъ же чиномъ въ преображенскій полкъ и находился въ дѣйствующей арміи фельдмаршала Шереметева. Въ 1710 году онъ отправленъ въ Данію съ дипломатическимъ порученіемъ, а черезъ

([67]) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук. кн. 32, 34, 57.— Голиковъ. Д. П. В., VII, 264, 430—431; XV, 286. — П. П. В. въ Сб. рус. ист, общ., т. XI, с. 442.

([68]) П. С. З., т. VII. № 4954.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1727—1728 гг., им. ук., кн. 7, 43.

десять лѣтъ ѣздилъ въ Китай, въ званіи чрезвычайнаго посланника, для возстановленія торговли съ Китаемъ и заключенія коммерческаго трактата. Въ январѣ 1722 г. Измайловъ возвратился въ Москву, не достигнувъ цѣли посольства, но своимъ умомъ и благоразумнымъ образомъ дѣйствій упрочилъ послѣдующія сношенія Россіи съ Небесной Имперіей. Въ инструкціи, данной Петромъ Великимъ Измайлову, между прочимъ предписывалось, по обычаю царя, „развѣдывать объ образѣ и состояніи тамошняго правительства, о числѣ войскъ и оружіи ихъ, о сосѣдяхъ ихъ, о крѣпостяхъ и о войнѣ, или ссорахъ ихъ, *внося все это въ тайную записку*; а наипаче замѣтить, какіе товары оттуда лучше получать Россіи съ прибыткомъ казнѣ и подданнымъ, и на какіе россійскіе товары въ Китаѣ большой походъ“. По возвращеніи изъ Китая, Измайловъ представилъ Петру Великому „описаніе пути своего, положенія и разстоянія городовъ и мѣстъ“, приложивъ къ описанію географическую карту. Въ 1727 году Левъ Васильевичъ женился на дочери фельдмаршала князя Михаила Михаиловича Голицына, княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ. При Аннѣ Іоанновнѣ Измайловъ не занялъ виднаго положенія; онъ былъ армейскимъ генераломъ подъ начальствомъ Миниха (**).

Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, генералъ-майоръ и выборгскій оберъ-комендантъ, былъ назначенъ на эту должность еще Петромъ Великимъ и оставался въ ней до начала 1732 года. Въ ноябрѣ 1728 года онъ былъ вы-

---

(**) Посольство Измайлова въ Китай подробно описано Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ Московскаго Архива М. И. Д.; извлеченія изъ этого описанія помѣщены у Голикова въ Д. П. В. (т. VII и IX) и въ біографіи Измайлова въ «Словарѣ» Бантыша-Каменскаго, изд. 1836 г., II, с. 419—429.—Кромѣ того посольство Измайлова описано сопровождавшимъ его въ Китай врачемъ, англичаниномъ Белль д'Антермони, въ книгѣ «Voyages depuis St.-Petersbourg en Russie dans diverses contreés de l'Asie», trad. de l'anglais, Paris. 1776, 3 vol.—и Лангомъ въ его дневникѣ пребыванія въ Китаѣ въ 1721—1722 гг. (См. лейденское изданіе 1726 г.). Объ Измайловѣ, кромѣ вышеприведенной біографіи Бантыша-Каменскаго, см. Голикова Д. П. В., VII. 459. 461; IX, 332. 336, 341; XIV, 292—294; 417, 421—422, 483—484.—Пекарскій «Наука и лит. Петр. вр.», I. с. 353, 432.

ванъ съ отчетомъ въ Москву. Отецъ его былъ небогатый дворянинъ, и родъ Шуваловыхъ сталъ извѣстенъ только съ Елизаветы Петровны, благодаря сыну Ивана Максимовича, знаменитому временщику того времени, графу Петру Ивановичу Шувалову, и племяннику, достопамятному основателю московскаго университета, Ивану Ивановичу Шувалову (⁷⁰).

Въ проэктѣ тринадцати молодые русскіе аристократы первой поровины XVIII в. заботятся прежде всего о выдѣленіи старой родовой аристократіи изъ общей массы шляхетства; но ими руководятъ не традиціи родословности московскаго боярства, столь сильныя въ людяхъ старшаго поколѣнія, а примѣры западно-европейскихъ государствъ, на которые они сами указываютъ. Участники этого проэкта распадаются на двѣ группы. Къ первой принадлежатъ руководители остальныхъ: братья князья Голицыны, сыновья князя Дмитрія Михайловича—князь Сергѣй и князь Алексѣй, и князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ; ко второй—молодые придворные и гвардейскіе офицеры.

Во главѣ подписей подъ проэктомъ стоитъ имя князя Сергѣя Дмитріевича Голицына (р. 1696 г.) человѣка весьма замѣчательнаго по выдающимся умственнымъ способностямъ и блестящему образованію: 27-ми лѣтъ отъ роду онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Мадридѣ. Онъ былъ вызванъ изъ Испаніи своимъ отцемъ, княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ, для противовѣса усиливавшейся партіи князей Долгорукихъ, и Петръ II до того сталъ подпадать его вліянію, что Долгорукіе рѣшились его удалить подъ благовиднымъ предлогомъ главнаго начальства надъ Сибирью. Когда князь Голицынъ отказался отъ такого назначенія (въ ноябрѣ 1729 года), то его опредѣлили посланникомъ въ Берлинъ, куда онъ уѣхалъ лишь въ концѣ января 1730 г. Князь Сергѣй Голицынъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ просвѣщенію. Въ 1736 году, во время опалы кн. Дмитрія Михайловича, онъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань, что при его общественномъ и служебномъ положеніи являлось плохо замаскированной ссылкой. Онъ былъ женатъ на

(⁷⁰) Долгор., род. кн., II, 148—149.—Сен. Арх., им. ук., кн. 20, 24, 29, 35; ук. В. Т. С. 1729 г.—Пекарскій, «Наука и лит. Петр. врем.», II, 336, 664.

Нарышкиной, которая умерла въ Испаніи, и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Остерманомъ, Г. И. Головкинымъ и другими высокопоставленными въ то время лицами ([71]).

Его младшій братъ, князь Алексѣй Голицынъ также со способностями, но менѣе выдающійся, чѣмъ Сергѣй, былъ женатъ на княжнѣ Хилковой, двоюродной сестрѣ жены князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, матери фаворита Петра II, князя Ивана. Особенно видной должности онъ не занималъ: онъ былъ флигель-адъютантомъ у своего дяди фельдмаршала князя Голицына, но родство съ Долгорукими возвышало его въ глазахъ тогдашняго общества. Въ коронацію Анны Іоанновны онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники ([72]).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, происходившій отъ князей Гедиминовичей, былъ сынъ извѣстнаго дипломата эпохи Петра В., князя Бориса Ивановича Куракина, и Аксиньи Ѳеодоровны, рожденной Лопухиной, родной сестры царицы Евдокіи Ѳеодоровны; т. обр. онъ приходился племянникомъ Петру Великому по первой его женѣ. Молодость свою Александръ Борисовичъ провелъ въ Германіи, Англіи и Франціи, гдѣ отецъ его былъ въ теченіи многихъ лѣтъ посланникомъ; до смерти отца (1727 г.) онъ жилъ въ Парижѣ, въ бурную эпоху регентства и начала энциклопедизма. Не наслѣдовавъ отъ отца выдающихся умственныхъ способностей и талантовъ, князь Александръ Борисовичъ усвоилъ вполнѣ лишь внѣшній лоскъ европеизма того времени. Умственное движеніе Франціи не проникло глубоко въ его сознаніе и онъ вынесъ изъ Парижа лишь безукоризненный французскій языкъ, элегантныя манеры версальскаго придворнаго и модное въ то время легкомысленное отношеніе къ вопросамъ религіознымъ и нравственнымъ. Онъ былъ прототипомъ тѣхъ россійскихъ дворянчиковъ, которые считали все французское безусловно

([71]) Долг., род. кн., I, 288—289.—Его-же «Memoires», I, p. 23.—Письма къ кн. Сергѣю Дмитріевичу въ Испанію Остермана, Головкина и другихъ. См. «Восемнадцатый вѣкъ», сб. Бартенева, кн. III, с. 133—149.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1729 г.; им. ук., кн. 24, 45.

([72]) Долгор., род. кн., I, 289.—Его-же «Memoires», I, p. 23.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 32.

прекраснымъ и свысока третировали религію и нравственность: „ni foi ni loi“—было его катехизисомъ. Впослѣдствіи онъ превратился въ зауряднаго придворнаго, былъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ празднествъ и интимныхъ вечеровъ императрицы Анны Іоанновны, на которыхъ имѣлъ привиллегію напиваться до-пьяна, потѣшалъ императрицу остротами и каламбурами и былъ усерднымъ слугой Остермана и Бирона ([73]).

Вторая группа участниковъ проэкта тринадцати состоитъ изъ молодыхъ людей—большею частію родственниковъ князей Куракина и Голицыныхъ, и находящихся въ свойствѣ съ князьями Долгорукими ([74]).

([73]) Долгор., род. кн., I, 277, 314—317.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1847 г., II, біогр. его отца, кн. Бор. Ив. Куракина.—Пекарскій «Ист. акад. наукъ», II, въ біогр. Тредьяковскаго.—Его-же «Наука и лит. Петр. вр.». II, 590.—Записки Миниха-сына, с. 34—42; Голиковъ, Д. П. В., см. указат. ко 2-му изд.

([74]) О родственныхъ связяхъ этихъ лицъ см. Долгор., род. кн., I, 314—317, 55—56, 283, 78; II, 131, 159, 55, 60; 70—76; III, 53—54, 107—109; IV, 3.—Нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ находятся въ Сен. Арх., им. ук., кн. 38, 23, 36, 32, 34, 44; ук. В. Т. С. 1727—1729 гг.—О царевичѣ Сибирскомъ см. Устрялова, «Ист. царств. Петра В.», VI, с. 161, 165, 185.

VIII.

ОТЪ 10-ГО ДО 25 ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Прибытіе Анны Іоанновны во Всесвятское.—Пріемъ императрицею В. Т. С., сената и генералитета и рѣчь князя Д. М. Голицына. — Торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву.—Присяга 20 февраля.—Мѣры В. Т. С. къ сближенію со шляхетствомъ: «заявленіе» В. Т. С. и «мнѣніе» князя В. Л. Долгорукаго.—Планъ дѣйствій Остермана въ пользу самодержавія Анны Іоанновны, главнѣйшіе исполнители этого плана и сторонники его.— «Анонимная записка» объ интересахъ средняго шляхетства.—Новыя совѣщанія шляхетства.

10 февраля Анна Іоанновна прибыла въ подмосковное село Всесвятское и остановилась тамъ во дворцѣ царевны имеретинской, дочери грузинскаго царя Арчила. Она оставалась во Всесвятскомъ пять дней, такъ какъ умершаго императора еще не похоронили и приготовленія къ торжественному въѣзду императрицы въ Москву не были совершенно окончены. 11 февраля совершилось погребеніе Петра II въ Архангельскомъ Соборѣ, на мѣстѣ, гдѣ было погребено тѣло царевича казанскаго, Александра Сафагиреевича (¹). Въ то время, какъ выносили изъ дворца гробъ, среди пре-

---

(¹) Мысль о погребеніи Петра II на мѣстѣ казанскаго царевича принадлежитъ Ѳеофану Прокоповичу. На могилѣ царевича была слѣдующая надпись: «Въ лѣто 7074 (1566 г. по Р. Х.) іюня 11 дня, на память св. св. апостолъ Варфоломея и Варнавы преставися царь казанскій, а во св. крещеніи Александръ Сафогиреевичь, сынъ царя казанскаго». См. Арх. Св. Син., дѣло 1730 г., № 34-й, л. л. 1—7, 9.

краснаго солнечнаго дня на небѣ показалась радуга, которая оставалась видима въ теченіи получаса. Это явленіе было принято многими за предзнаменованіе чего-то необычайнаго (¹).

На другой день, 12 февраля, верховники занялись только однимъ дѣломъ: былъ призванъ генералъ Матюшкинъ и приказано ему, чтобъ ко входу Ея Императорскаго Величества все было непремѣнно готово къ 15 февраля.

Въ этотъ самый день во Всесвятскомъ произошло событіе повидимому незначительное, но заставившее иныхъ призадуматься, а другихъ возликовать: Анна Іоанновна объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ, „что было принято"— пишетъ испанскій посолъ де-Лиріа—„этими двумя полками съ величайшей радостью и удовольствіемъ. Эта рѣшимость многихъ поразила, потому что это формальный актъ самодержавія" (²).

По журналу Верховнаго Тайнаго Совѣта „господа министры, такожъ сенатъ и нѣкоторые изъ генералитета и шляхетства были у Ея Величества во Всесвятскомъ 14-го февраля". Журналъ такъ передаетъ это представленіе:

Всѣ вышеупомянутые сановники собрались во Всесвятскомъ въ домѣ занимаемомъ кн. Михаиломъ Михаиловичемъ меньшимъ Голицынымъ, за три дома отъ квартиры Анны Іоанновны. Кн. Василій Лукичъ Долгорукой присылалъ къ нимъ сказать, „что время къ Ея Величеству идти." Тогда всѣ они пошли, а правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта тайный совѣтникъ В. П. Степановъ, несъ за ними на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ „кавалерію свя-

---

(¹) Де-Лиріа, с. 42.—Во время отпѣванія Петра II-го кн. Д. М. Голицынъ хлопоталъ о выборѣ лучшихъ соболей для императрицы Анны Іоанновны: онъ былъ недоволенъ отправленными наканунѣ, а правитель дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Степановъ «объявилъ приказъ» господъ-министровъ «чтобъ заставу свезть» и о томъ брегадиру Полибину приказано. Эти распоряженія занесены въ журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; такимъ образомъ 11-го февраля присутствіе Совѣта происходило въ Архангельскомъ соборѣ во время отпѣванія императора. Св. Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. л. 48—49.

(²) Де-Лиріа, с. 42.

таго Андрея и звѣзду". Они вошли въ большую свѣтлицу; черезъ нѣсколько времени появилась Анна Іоанновна. Сановники низко ей поклонились, а князь Д. М. Голицынъ говорилъ отъ лица всѣхъ, „благодаря Ея Величество за милость, учиненную ко всему народу, которую изволила письменно своею рукою подписать, обнадеживая подданнымъ къ Ея Величеству вѣрность, что во оной непременно пребудутъ не жалѣя и живота своего" (⁴).

Датскій посланникъ Вестфаленъ приводитъ въ своей депешѣ отъ 2-го марта нов. ст. самый текстъ рѣчи кн. Д. М. Голицына. Вотъ этотъ текстъ:

„Благочестивѣйшая и всемилостивѣйшая государыня! Мы—всенижайшіе и вѣрные подданные Вашего Величества,—члены россійскаго Верховнаго Совѣта, вмѣстѣ съ генералитетомъ и россійскимъ шляхетствомъ, признавая Тебя источникомъ славы и величія Россіи,—являемся вручить Тебѣ Твой орденъ св. Андрея, первѣйшій и самый почетный, а также и орденъ св. Александра Невскаго, установленный императоромъ Петромъ I, по случаю славнаго мира съ могущественнымъ государствомъ шведскимъ, дабы Ты своевременно носила каждый изъ нихъ и жаловала бы ими тѣхъ, кого признаешь достойными. Мы благодаримъ Тебя за то, что Ты соблаговолила принять наше избраніе Твоей особы Всемилостивѣйшей императрицей для царствованія надъ нами; благодаримъ тебя за то, что Ты удостоила принять изъ нашихъ рукъ корону и возвратиться въ отечество; съ неменьшей признательностью благодаримъ мы Тебя и за то, что Ты соизволила подписать кондиціи, которыя нашимъ именемъ предложили Тебѣ наши депутаты на славу Тебѣ и на благо Твоему народу. Вотъ почему, Всемилостивѣйшая Императрица, мы всѣ явились предъ Твоимъ Величествомъ. Удостойте все сіе милостиво принять и положитесь на нашу ненарушимую вѣрность къ особѣ Вашей."

По словамъ того же Вестфалена, Анна Іоанновна отвѣчала Голицыну въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Дмитрій Михайловичъ и Вы прочіе господа изъ генералитета и шляхетства! Да будетъ Вамъ извѣстно, что я смотрю на избраніе меня Вами Вашей Императрицей, какъ на выраженіе

(⁴) Госуд. Арх., чернов. журн. В. Т. С., л. л. 50—51.

преданности, которую Вы имѣете ко мнѣ лично и къ памяти моего покойнаго родителя. Я постараюсь поступать такъ, что всѣ будутъ мною довольны; согласно вашему желанію я подписала въ Митавѣ кондиціи, о которыхъ упомянулъ ты, Дмитрій Голицынъ,—и вы можете быть убѣждены, что я ихъ свято буду хранить до конца моей жизни въ надеждѣ, въ которой и теперь пребываю, что Вы никогда не преступите границъ вашего долга и вѣрности въ отношеніи меня и отечества, коего благо должно составлять единственную цѣль нашихъ заботъ и трудовъ" (⁵).

Канцлеръ гр. Головкинъ, какъ старшій кавалеръ андреевскаго ордена, „снявъ съ блюда кавалерію, надѣлъ на Ея Величество"; „при этомъ знаки ордена и ленту поддерживалъ того же ордена кавалеръ кн. Д. М. Голицынъ. Затѣмъ всѣ прибывшіе, по очереди приносили Аннѣ Іоанновнѣ поздравленія и цѣловали Ея руку (⁶).

Послѣ этого были у Анны Іоанновны частныя аудіенціи испанскаго посла герцога де-Лиріа и датскаго посланника Вестфалена (⁷).

Въ воскресенье, 15-го февраля, послѣдовалъ торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву.

Императорскій кортежъ открывала гренадерская рота преображенцевъ, ѣхавшихъ верхомъ, за которыми слѣдовали запряженныя цугомъ пустыя кареты генералитета и знатнаго шляхетства (счетомъ 21), со служителями въ парадныхъ ливреяхъ. За ними ѣхало 8 каретъ, каждая въ 6 лошадей цугомъ, въ которыхъ помѣщались Верховнаго Тайнаго Совѣта министры и прочія знатнѣйшія особы въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ: кн. М. В. Долгорукой, кн. А. Г. Долгорукой, кн. Д. М. Голицынъ, 3 генералъ-фельдмаршала (кн. И. Ю. Трубецкой, кн. В. В. Долгорукой, кн. М. М. Голицынъ), государственный канцлеръ гр. Г. И. Головкинъ и царь грузинскій Ватхангъ Леоновичъ.

Далѣе шествіе происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

(⁵) Депеша Вестфалена № 9-й. См. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

(⁶) Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. 51.

(⁷) Де-Лиріа, с. 42.—Tourgueneff, III, p. 269.

a) 4 камеръ-лакея Анны Іоанновны пѣшкомъ, а за ними ея же 7 парадныхъ каретъ цугами въ вызолоченныхъ щорахъ; кучера и форрейторы въ парадныхъ ливреяхъ съ золотыми позументами. 4 изъ этихъ каретъ ѣхали пустыми, въ остальныхъ помѣщались придворныя дамы. b) 21 человѣкъ изъ знатнаго шляхетства верхами по чинамъ: младшіе впереди; во главѣ ихъ ѣхалъ генералъ-маіоръ кн. А. И. Шаховской. c) Предшествуемый трубачами и литаврщиками отрядъ кавалергардовъ подъ командой И. И. Дмитріева-Мамонова.

Императрица ѣхала въ большой каретѣ, запряженной девятью богато-убранными лошадями; кучеръ и форрейторы были одѣты въ бархатныя ливреи съ золотыми позументами, а около каждой лошади находилось по одному придворному конюху. Передъ каретой императрицы скакали 2 камеръ-фурьера, шли 12 придворныхъ лакеевъ и 4 арапа и скорохода; подлѣ кареты—6 гайдуковъ, а сзади ѣхали верхами караульные кавалергарды подъ командой кн. Н. Ю. Трубецкаго. По обѣимъ сторонамъ кареты гарцовали 3 депутата, возившіе „кондиціи" въ Митаву, и генералъ-маіоръ П. М. Шуваловъ: кн. В. Л. Долгорукой и генералъ-маіоръ Леонтьевъ ѣхали у правой дверцы, а у лѣвой кн. М. М. Голицынъ и Шуваловъ.

Шествіе замыкалось гренадерской ротой гвардейскаго семеновскаго полка.

Въ такомъ порядкѣ кортежъ двигался по Москвѣ отъ Землянаго города къ Кремлю по улицамъ, которыя были усыпаны пескомъ и украшены елками, поставленными у домовъ. Армейскіе полки были вытянуты по улицамъ шпалерами, гвардейскіе полки—преображенскій и семеновскій—выстроены въ Китай-городѣ и на Красной площади въ Кремлѣ до Успенскаго собора. При въѣздѣ въ Земляной городъ и у Китая-города были воздвигнуты тріумфальныя ворота.

Когда кортежъ показался у Землянаго города, послѣдовалъ салютъ изъ 71 орудія, а при приближеніи его къ Бѣлому городу грянуло 85 орудій. У тріумфальныхъ воротъ въ Китаѣ-городѣ Анна Іоанновна была встрѣчена синодскими членами съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ во главѣ, всѣми бывшими въ то время въ Москвѣ архіереями и прочимъ духовенствомъ, съ крестомъ и иконами.

Въ Кремлѣ Анна Іоанновна прежде всего пошла въ Успенскій соборъ „для отправленія Господу Богу молитвы".

звонъ съ колокольни Ивана Великаго привѣтствовалъ государыню. У входа въ соборъ стояли въ парадныхъ одеждахъ сенаторы и коллежскіе президенты и члены, не участвовавшіе въ кортежѣ, а также не находившіеся въ строю офицеры; въ самомъ соборѣ ожидали ее знатныя дамы въ „робахъ" и въ „самарахъ". При входѣ Анны Іоанновны въ соборъ послѣдовалъ выстрѣлъ изъ 101 орудія, и всѣ войска на пространствѣ отъ Успенскаго собора до Землянаго вала стрѣляли троекратно бѣглымъ огнемъ.

Изъ Успенскаго собора Анна Іоанновна пошла въ Архангельскій соборъ для поклоненія гробницамъ предковъ и новопреставленнаго императора, а оттуда, въ сопровожденіи всѣхъ знатныхъ особъ обоего пола, въ Кремлевскій дворецъ, въ „аппартаменты Ея Величества" (⁸).

На три дня (15, 16 и 17 февраля) былъ снятъ трауръ, наложенный по случаю кончины Петра II. Москва ликовала, принявъ праздничный видъ, но не ликовала сама императрица и ея сторонники: кн. В. Л. Долгорукой слѣдилъ за каждымъ шагомъ Анны Іоанновны (⁹).

Верховный Совѣтъ прежде всего былъ озабоченъ приведеніемъ къ присягѣ на вѣрность Аннѣ Іоанновнѣ, какъ жителей столицы, такъ и всего россійскаго государства.

18 февраля разсматривалась въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ форма присяги. Она была слѣдующая:

«Азъ нижеименованный обѣщаюся и клянуся всемогущему Богу предъ святымъ Его Евангеліемъ, что долженъ Ея Величеству Великой Государынѣ Царицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и *Государству* вѣрнымъ и добрымъ рабомъ и подданнымъ быть; также Ея Величеству и *отечеству моему* пользы и благополучія во всемъ по крайней мѣрѣ искать и старатца, и оную производить безъ всякихъ страстей и лицемѣрія, не ища въ томъ своей отнюдь партикулярной, только общей пользы; здравіе и честь Ея Императорскаго Величества и цѣлость всего Государства и благополучіе по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и охранять, какъ истинному и вѣрному сыну отечества принадлежитъ; а ежели бы Ея Величеству и отечеству моему что ни есть противное сему прикло-

---

(⁸) Ркп. Малиновскаго, «Управл. Вѣрх. тай.» перепечат. у Языкова въ прилож. къ его изд. записокъ де-Лиріа, с. 174—178.

(⁹) «Сказаніе» Ѳеофана Прокоповича, с. 210.

читца хотѣло, то не точію охранять и оборонять, но въ потребномъ случаѣ и живота своего не щадить, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. И во всемъ томъ клянуся, памятуя будущій Судъ въ день страшнаго испытанія, вже воздастъ комуждо по дѣломъ его, отъ котораго тогда, ежели не сохраню здѣсь обѣщаннаго, да будетъ мнѣ месть, здѣ же градцкая казнь. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь» (10).

Присяга для жителей Москвы была назначена на 20 е февраля.

Почти все засѣданіе Верховнаго Совѣта наканунѣ этого дня, 19-го февраля, было посвящено разсужденіямъ о подробностяхъ приведенія къ присягѣ. Кромѣ Успенскаго собора присягать было назначено въ четырнадцати церквахъ; въ каждой церкви жителей столицы должно было приводить къ присягѣ нарочно избранное для этого Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ „лице изъ сената и генералитета". Лица эти были слѣдующія: генералъ Матюшкинъ, кн. А. М. Черкасской, С. А. Салтыковъ, И. И. Дмитріевъ Мамоновъ, кн. Г. Д. Юсуповъ, А. И. Ушаковъ, Г. П. Чернышевъ, И. П., Л. В. и П. В. Измайловы, кн. А. И. Шаховской, генералъ Леонтьевъ, И. П. Шереметевъ и В. Я. Новосильцевъ. Имъ были посланы повѣстки, приглашавшія ихъ въ Верховный Совѣтъ на 20 февраля, въ началѣ восьмаго часа утра. Обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ сообщено въ синодъ.

20 февраля прибыли въ Верховный Совѣтъ лица назначенныя для приведенія къ присягѣ по церквамъ. По прочтеніи имъ присяги, верховники спросили ихъ „довольны ли они тою присягою"? На это „всѣ согласно объявили, что довольны и благодарили"; затѣмъ они подписали присяжные листы. Имъ было приказано немедленно арестовывать всѣхъ уклоняющихся отъ присяги, а о числѣ присягнувшихъ еже-

---

(10) Госуд. Арх., чен. журн. В. Т. С., л. 55.—Подлинная присяга въ Сен. Арх., протоколы В. Т. С. 1730 г., л. 53.—До сихъ поръ текстъ этой присяги былъ почти неизвѣстенъ. Нѣмецкіе переводы его помѣщены въ малодоступныхъ изданіяхъ: въ журналѣ 1730 г. «Europäische Fama» и у Шмидтъ-Физельдека въ прилож. ко 2-му тому его «Materialien zu der Russisch. Geschichte» S. 401—402.—Въ большей части печатныхъ свѣдѣній о воцареніи Анны Іоанновны объ этой присягѣ говорится на основаніи донесеній иностранныхъ пословъ.

дневно сообщать въ Верховный Тайный Совѣтъ. Каждому изъ секретарей, назначенныхъ состоять при этихъ лицахъ, вручено отъ тысячи до двухъ тысячъ экземпляровъ присяжной формы.

Затѣмъ присягнули въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: кн. И. Ѳ. Ромодановской, кн. М. В., кн. С. Г. и кн. И. Г. Долгорукіе, В. П. Степановъ и статскій совѣтникъ Масловъ. Хотя въ засѣданіи Верховнаго Совѣта 19-го февраля и было постановлено, чтобы 20-го числа присягнули въ Верховномъ Совѣтѣ „господа министры", но въ журналѣ этого дня, гдѣ аккуратно обозначены имена всѣхъ присягнувшихъ въ Верховномъ Совѣтѣ, нѣтъ въ числѣ ихъ ни одного изъ „господъ министровъ".

„Потомъ всѣ вышеписанные" — читаемъ въ журналѣ Верховнаго Совѣта, — „пошли въ Успенскій соборъ и тамо всенародному собранію какъ Святѣйшему Синоду и прочимъ духовнымъ особамъ, такъ и свѣтскимъ всякихъ чиновъ людямъ та присяга чтена и цѣловали Евангеліе и крестъ и всѣ кромѣ тѣхъ, которые подписывались въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, какъ духовные такъ и свѣтскіе чины подписывались и присягали". Гвардейскіе полки приводились къ присягѣ на площади у собора двумя фельдмаршалами, ихъ подполковниками: преображенскій полкъ княземъ Вас. Вл. Долгорукимъ, а семеновскій — княземъ М. М. Голицынымъ ([11]).

Въ то время носились слухи, что верховники сочинили присягу на вѣрность императрицѣ и Верховному Совѣту. Поэтому Ѳеофанъ Прокоповичъ, прежде чѣмъ отправиться въ Успенскій соборъ, счелъ нужнымъ обратиться къ духовенству, собравшемуся въ синодѣ, съ увѣщаніемъ о святости присяги. Съ такимъ же увѣщаніемъ обратился онъ и къ собравшемуся въ Успенскомъ соборѣ шляхетству ([12]).

([11]) Госуд. Арх., черн. журн, В. Т. С., л. 56—59. — 23-го февраля сенаторы, находившіеся въ числѣ лицъ, приводившихъ къ присягѣ измѣнены другими, чтобы не было остановки въ дѣлахъ. Вмѣсто нихъ назначены; Ѳ В. Наумовъ, С. Л. Вельяминовъ. С. Сукинъ и Д. П. Еропкинъ. (Ibid., с. 62).

([12]) «Сказаніе» Ѳеофана Прокоповича, с. 211—213. — Сб. Русск. Ист. Общ., т. V, с. 360. — Въ Успенскомъ соборѣ, по словамъ Ѳеофана, на

21 февраля Верховный Тайный Совѣтъ распорядился о приводѣ къ присягѣ иноземцевъ. Всѣ жители Нѣмецкой Слободы (кромѣ чужестранныхъ министровъ и ихъ служителей), присягали въ слободской лютеранской киркѣ. Приводилъ ихъ къ присягѣ генералъ Боннъ ([13]).

22 февраля послѣдовалъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указъ отъ имени императрицы Анны Іоанновны, которымъ объявлялось о ея восшествіи на престолъ и прибытіи въ Москву, а также призывались всѣ ея подданные къ присягѣ. Въ тотъ же день были отправлены отъ сената нарочные офицеры и сержанты ко всѣмъ губернаторамъ и воеводамъ съ этимъ указомъ и съ присяжными листами; такіе же нарочные отправились въ епархіи отъ синода ([14]).

Покончивъ съ присягой, верховники снова обратились къ шляхетскимъ проэктамъ и мнѣніямъ. „Пункты" присяги, какъ мы видѣли, не были приняты шляхетствомъ, а между тѣмъ прибытіе императрицы могло имѣть большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе шляхетскихъ воззрѣній. Поэтому верховники предприняли рядъ мѣръ, чтобы склонить нѣкоторыхъ изъ вождей шляхетской оппозиціи на свою сторону.

его требованіе о томъ, чтобы форма присяги была всѣмъ прочтена, сталъ прекословить князь Д. М. Голицынъ; другіе же верховники, опасаясь смуты, согласились на требованіе Новгородскаго архіепископа, но ни у секретарей, и ни у кого изъ присутствующихъ формы не оказалось. За ней послали въ Верховный Совѣтъ, и когда ее прочли «стало ясно слышащимъ, что она верховымъ не къ пользѣ и впредь къ раздруженію намѣренія ихъ помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили принять оную снисходительно». Это свидѣтельство противорѣчитъ показанію журнала В. Т. С.

([13]) Госуд. Арх., черн. журн. В. Т. С., л. 60.

([14]) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1730 г., л. 28. — Арх. Св. Син., дѣло № 35, л. л. 4, 16.—Въ архивахъ сената и синода нами не найдено подробныхъ распоряженій о разсылкѣ этихъ присягъ, какъ было сдѣлано съ вторичными присягами на самодержавіе Анны Іоанновны. Свѣдѣнія объ этомъ заимствованы нами изъ вышеприведеннаго указа В. Т. С. и изъ послѣдующихъ распоряженій сената и синода о повсемѣстномъ отобраніи первыхъ присягъ. Въ Государственномъ Архивѣ, гдѣ сохраняются подлинные присяжные листы на самодержавіе Анны Іоанновны, нѣтъ ни одного изъ документовъ по первой присягѣ, о которыхъ говорится въ приведенныхъ выше черновыхъ журналахъ В. Т. С.

Они начали съ Матюшкина, проэктъ котораго былъ менѣе другихъ враждебенъ верховникамъ (¹⁸).

Затѣмъ Верховный Совѣтъ обратился къ гвардейскимъ офицерамъ, убѣждая ихъ внушить своимъ товарищамъ, что Верховный Совѣтъ готовъ сдѣлать существенныя уступки шляхетскимъ требованіямъ. Результатомъ такого обращенія было соглашеніе между верховниками и нѣкоторыми изъ шляхетства. Соглашеніе это выразилось въ особомъ документѣ, появившемся нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ Анны Іоанновны въ Москву и представляющемъ весьма неполную выдержку изъ нѣкоторыхъ „пунктовъ“ присяги:

«Понеже Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ, а впредь ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалыя мѣста выбирать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту обще съ Сенатомъ и для апробаціи представлять Ея Императорскому Величеству изъ первыхъ фамилій изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (*не воспоминая объ иноземцахъ*). И смотрѣть того, дабы въ такомъ пер-

---

(¹⁸) Верховный Тайный Совѣтъ, вопреки донесеніямъ иностранныхъ пословъ, усердно занимался текущими дѣлами съ пріѣзда Анны Іоанновны въ Москву до 24 февраля включительно. Отмѣтимъ главнѣйшія изъ разсмотрѣнныхъ имъ дѣлъ за это время: По внутреннему управленію. 1) О казенныхъ лѣсахъ въ Казанской губерніи. 2) Объ отпускѣ въ военную коллегію на содержаніе крѣпостей 35 тысячъ рублей. 3) О чеканкѣ монетъ Екатерины I «съ изображеніемъ персоны и именованія Е. И. В. Г. И. Анны Іоанновны» (по докладу Дмитріева-Мамонова); при томъ же приказано ему отъ господъ-министровъ: a) о какихъ нужныхъ дѣлахъ поданы изъ сената въ Верховный Тайный Совѣтъ, а указу не получено, о томъ нынѣ подать доношеніе съ регистромъ; b) откуда писали о починкѣ городовыхъ крѣпостей, а указу не получено, о томъ подать доношеніе; c) отставныхъ отъ службы солдатъ, которые отсылаются на пропитаніе въ монастыри, чтобъ селить на свободныхъ земляхъ, подать доношеніе жъ. 4) Постановленіе о наказаніи разныхъ лицъ по прежнимъ преступленіямъ и проступкамъ. По иностраннымъ дѣламъ. *17-го февраля.* 1) Подписанъ протоколъ В. Т. С., состоявшійся еще 30-го января, о вспомогательномъ корпусѣ цесарю нѣмецкому. 2) Слушаны выписки изъ реляцій: резидента Неплюева изъ Цареграда отъ 7-го января 1730 г., генерала Румянцева изъ Дербента отъ 31-го декабря прошлаго

вомъ собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умножено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ закономъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для оного въ Верховный Тайный Совѣтъ имѣютъ для совѣту и разсужденія собраны быть—Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство» ([16]).

Заявленіе это кромѣ членовъ Верховнаго Совѣта подписали разныя лица изъ генералитета и шляхетства, а именно: 1). Гр. Θеодоръ Андр. Апраксинъ (сынъ оберъ-шенка), 2) кн. И. Ю. Трубецкой, 3) кн. М. В. Долгорукой, 4) М. А. Матюшкинъ, 5) И. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, 6) Гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, 7) Баронъ П. П. Шафировъ, 8) кн. С. Г.

1729 года о баталіи съ Сурхаевымъ сыномъ и его служителемъ Качайбекомъ. 3) Слушано доношеніе генералъ-лейтенанта Левашева изъ Гиляни отъ 25-го ноября прошлаго 1729 года и разсуждено писать къ нему Левашеву слѣдующее (оставлено мѣсто и ничего не вписано). *18-го февраля*: 1) Разсуждали о персидскихъ дѣлахъ и опредѣлили: для разобранія дѣлъ въ Персіи послать генералъ-маіора Тараканова, а съ нимъ вмѣстѣ одного инженера и двухъ кондукторовъ. 2) Слушанъ и апробованъ рескриптъ къ Неплюеву—резиденту въ Константинополѣ, о происшествіяхъ въ Персіи, изложенныхъ въ доношеніи генерала Румянцева. При этомъ тайный совѣтникъ Степановъ доложилъ мнѣніе Остермана, чтобы о случившемся въ Персіи сообщить римско-цесарскому министру гр. Вратиславу, съ требованіемъ содѣйствія Неплюеву со стороны цесарскаго резидента въ Константинополѣ. Мнѣніе Остермана было принято. 3) Разсуждали о послѣ персидскаго шаха, пріѣхавшемъ съ грамотой на имя Петра II-го и постановили, чтобы канцлеръ, призвавъ его къ себѣ, объявилъ ему что съ этой грамотой къ императрицѣ онъ явиться не можетъ, а чтобы онъ просто принесъ Ея Величеству поздравленіе съ «воспріятіемъ державы, а потомъ, ежели онъ имѣетъ о чемъ здѣсь предлагать, то можетъ имѣть конференціи съ гг. министрами». *19-го февраля*. Слушано доношеніе генерала Левашева изъ Гиляни отъ 13-го декабря, полученное въ Москвѣ только въ этотъ день, и приказано, чтобы обо всѣхъ персидскихъ происшествіяхъ сообщить всѣмъ россійскимъ министрамъ, обрѣтающимся при чужестранныхъ дворахъ». (Гл. Арх. М. И. Д., дѣла В. Т. С. 1730 г., л. л. 7—9, 12—13).

([16]) Черновая записка В. Т. С. въ Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6-I, л. 8; напечатано съ нѣкот. измѣнен. въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XIX, с. 257. Въ подлинной черновой нѣтъ конца, отъ слова: «буде-же».

Долгорукой, 9) кн. И. Г. Долгорукой, 10) кн. М. М. Голицынъ младшій, 11) Л. В. Измайловъ, 12) А. Бутурлинъ, 13). В. П. Степановъ, 14) Ѳ. В. Наумовъ, 15) М. П. Бестужевъ, 16) Иванъ Колтовской, 17) Алексѣй Никиф. Плещеевъ, 18) Д. П. Еропкинъ. Кромѣ того подписалось подъ этимъ заявленіемъ штабъ и оберъ офицеровъ *тридцать семь*, кавалергардовъ *четырнадцать*, да придворныхъ и военныхъ незнатныхъ *двадцать одинъ*, всего *девяносто семь* (17).

Но это заявленіе Верховнаго Совѣта, подписанное многими изъ генералитета и шляхетства, было уже запоздалой уступкой. Сдѣлай ее верховники раньше—они можетъ быть хоть отчасти достигли бы своей цѣли и удержали бы власть въ своихъ рукахъ, но теперь большинство шляхетства занято было уже иными комбинаціями политическихъ вопросовъ. Въ виду этого, князь Василій Лукичъ Долгорукой, опытный дипломатъ, попробовалъ сдѣлать еще нѣсколько уступокъ для привлеченія къ Верховному Совѣту наибольшаго числа фамильныхъ людей.

Сохранился черновой набросокъ мнѣнія князя В. Л. Долгорукаго, въ которомъ онъ считаетъ возможнымъ привести въ исполненіе нѣкоторыя общія требованія шляхетскихъ проэктовъ, при чемъ болѣе всего склоняется къ мѣрамъ, предложеннымъ въ запискѣ подъ названіемъ „Способы". Эти требованія слѣдующія: 1) Увеличеніе числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. 2) Разсмотрѣніе нуждъ общественныхъ выборными отъ шляхетства. Все это „чинить съ докладу Ея Величеству", говоритъ князь Долгорукой. Цѣль этихъ уступокъ состоитъ въ томъ „чтобъ народъ узналъ, что къ пользѣ народной дѣла начинать хотятъ". Князь В. Л. Долгорукой предлагаетъ сдѣлать выборъ дополнительныхъ членовъ въ Верховный Тайный Совѣтъ по соглашенію съ сенатомъ и генералитетомъ. „Сей способъ"—прибавляетъ онъ—„удобенъ для того, чтобъ убѣгнуть разногласія". Изъ шляхетства призываются въ этомъ случаѣ въ Верховный Тайный Совѣтъ так-

(17) Записка Татищева «Утро», с. 378

же одни только, „главные“. Кн. Долгорукой предлагаетъ Верховному Совѣту тщательно обсудить какимъ образомъ избрать этихъ представителей изъ генералитета и шляхетства. „Сей способъ“, — говоритъ кн. Василій Лукичъ,—„видитца болше можетъ удоволствовать народъ, только можетъ причинять трудности отъ несогласія, и надобно чаять, что не безъ нареканія будетъ отъ тѣхъ, которые къ тѣмъ выборамъ допущены не будутъ; и о семъ потребно разсужденіе Верховнаго Совѣта, какъ бы вышеупомянутыхъ трудностей и нареканія убѣгнуть. Верховный Совѣтъ долженъ также подробно опредѣлить вопросы, которые будутъ подлежать обсужденію собранія выборныхъ людей согласно предложенію „Способовъ“. Всѣ заключенія, къ которымъ придетъ Верховный Совѣтъ, должны быть кратко изложены въ особой запискѣ, которую обнародовать во всеобщее свѣдѣніе ([18]).

Князь В. Л. Долгорукой имѣлъ серьозныя причины настаивать на тѣхъ уступкахъ, которыя онъ предлагалъ въ своемъ мнѣніи. Сторонники самодержавія Анны Іоанновны ждали только ея прибытія, чтобы гласно выразить свои симпатіи. Но и до ея прибытія они не сидѣли сложа руки. Въ то время, какъ верховники препирались со шляхетствомъ, они подготовляли почву: недаромъ Остерманъ былъ боленъ. Обложенный подушками и натертый разными мазями, онъ руководилъ движеніемъ, направленнымъ, какъ противъ верховниковъ, такъ и противъ всѣхъ участниковъ шляхетскихъ проэктовъ. Принятіе Анной Іоанновной во Всесвятскомъ главнаго начальства надъ преображенцами и кавалергардами было первымъ проявленіемъ того плана, который старательно обдумывалъ хитроумный нѣмецъ. Планъ этотъ заключался въ слѣдующемъ:

1) Доказать шляхетству, что всѣ его желанія, направленныя къ улучшенію государственнаго строя Россіи, будутъ приведены въ исполненіе самой императрицей, самодержавная власть которой направится на тотъ же путь ре-

---

([18]) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 4, л. л. 1—3. Внизу приписка: «*переписано съ руки князя Василья Лукича, а его руки писанное возвращено къ нему*».

формъ: стòитъ только обратиться къ Аннѣ Іоанновнѣ съ прошеніемъ—совсѣмъ уничтожить Верховный Тайный Совѣтъ, возстановить сенатъ въ томъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, дозволить шляхетству разсмотрѣть всѣ поданные проэкты и мнѣнія и выработать основанія для дальнѣйшихъ государственныхъ преобразованій. 2) Убѣдить Анну Іоанновну, что она, какъ государыня, происходящая отъ старшаго брата Петра Великаго, имѣетъ неоспоримыя права на престолъ безъ всякаго избранія.

Повліять на шляхетство было гораздо легче, чѣмъ на самое императрицу ([19]).

Оставивъ въ сторонѣ „родословныхъ людей", число которыхъ было сравнительно очень незначительно, Остерманъ обратилъ главное вниманіе на большинство,—на среднее шляхетство. Изъ родословныхъ людей онъ выбралъ только тѣхъ, на которыхъ всего легче было подѣйствовать. Арестъ Ягушинскаго помогъ еще болѣе въ этомъ случаѣ Остерману: противниками какихъ бы то ни было ограниченій власти Анны Іоанновны явились прежде всего самъ Ягушинской и его родственники—графы Головкины, князь И. Ѳ. Борятинской, князь Н. Ю. Трубецкой, а вслѣдъ за нимъ и старикъ фельдмаршалъ князь Трубецкой, считавшій себя лично обиженнымъ верховниками. С. А. Салтыковъ, какъ мы видѣли, давно былъ расположенъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, а на нерѣшительнаго князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго не трудно было повліять Остерману,—и они оба пристали къ партіи за самодержавіе.

Единомышленниковъ у Остермана было довольно. Люди считавшіе Анну Іоанновну законной наслѣдницей престола, а равно и тѣ, кто стоялъ за принципъ самодержавія—перешли теперь открыто на сторону Остермана. Число сторонниковъ самодержавія прибывало съ каждымъ днемъ, благодаря тѣмъ безтактнымъ дѣйствіямъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ которыми мы познакомились подробно въ IV и V главахъ нашей книги. Кромѣ этой готовой уже почвы, сложились нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, которыми Остерманъ не преминулъ воспользоваться. Вестфа-

---

([19]) Tourgueneff, III, p. 279—282.

лені сообщаетъ, что Швеція, въ виду происходившихъ въ Москвѣ смутъ, стала принимать угрожающее положеніе относительно Россіи: расположенныя въ Финляндіи войска получили приказаніе мобилизироваться; ожидали движенія этихъ войскъ на Петербургъ, и Минихъ принималъ мѣры для отраженія ихъ отъ забытой новой русской столицы ([20]). Вестфаленъ не упоминаетъ о своихъ переговорахъ съ Остерманомъ, но изъ прежнихъ его отношеній по вопросу о престолонаслѣдіи къ князьямъ Долгорукимъ и изъ общаго тона его депешъ можно заключить, что провозглашеніе Анны Іоанновны самодержавной императрицей не произошло безъ участія датскаго посланника. Очень хорошо понимая отношенія своего правительства къ Швеціи и опасаясь вмѣстѣ съ тѣмъ воцаренія въ Россіи „кильскаго ребенка", или Елизаветы Петровны—Вестфаленъ весьма естественно долженъ былъ поддерживать мысль о провозглашеніи самодержавія новоизбранной русской императрицы. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовалъ и посолъ нѣмецкаго цесаря графъ Вратиславъ, съ которымъ Остерманъ даже совѣтовался о личномъ составѣ имѣющаго быть возстановленнаго сената ([21]). На Украйнѣ, въ Малороссіи начинались безпорядки. Многіе боялись, что Малороссія, имѣя своего гетмана, можетъ отложиться отъ Россіи ([22]).

Всѣми этими обстоятельствами ловко воспользовался Остерманъ, чтобы повліять на среднее шляхетство, подписавшее разные проэкты. Но прежде всего ему нужно было окончательно унизить въ глазахъ шляхетства Верховный Тайный Совѣтъ. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ слѣдующія мѣры: 1) поселить несогласіе между членами Верховнаго Совѣта, 2) поколебать авторитетъ Долгорукихъ, внушая, что они для того только желаютъ ограничить власть Анны Іоанновны, чтобы господствовать самимъ, а затѣмъ увѣрить большинство шляхетства, что императрица никогда бы не стала вмѣшиваться въ важнѣйшія государственныя дѣла,

---

([20]) Депеша № 13., См. III-е приложеніе.
([21]) Неизд. депеши графа Вратислава № 17.
([22]) Tourgueneff, III, 278

еслибы Верховный Совѣтъ былъ охранителемъ императорской власти (28).

Мѣры эти привели къ желанному результату.

Несогласія между членами Верховнаго Совѣта, какъ мы видѣли, дѣйствительно произошли; поколебать же авторитетъ Долгорукихъ было не особенно трудно. Князья Голицыны были слишкомъ сильны, чтобы Остерманъ рѣшился возстать противъ нихъ; какъ опытный дипломатъ, онъ даже старался задобрить ихъ. Совершенно въ иномъ положеніи находились князья Долгорукіе: большинство изъ нихъ не только не пользовалось популярностью, но возбуждало всеобщую ненависть своею заносчивостью и напыщенностью, которыя особенно рѣзко выразились со времени помолвки княжны Екатерины съ покойнымъ императоромъ. Болѣе чѣмъ другихъ ненавидѣли князя Алексѣя Григорьевича и сына его Ивана; Кн. В. Л. Долгорукой, недавно вернувшійся изъ за границы, былъ мало извѣстенъ въ Москвѣ; фельдмаршалъ кн. Долгорукой составлялъ исключеніе изо всей фамиліи, будучи весьма популярнымъ въ войскахъ. Почва для нападенія на князей Долгорукихъ такимъ образомъ уже была подготовлена; стоило только раздуть существовавшую противъ нихъ ненависть путемъ разглашенія въ различныхъ слояхъ общества анекдотовъ, ихъ компрометировавшихъ. И вотъ начинаютъ ходить по Москвѣ подробные разсказы о томъ, какъ князья Долгорукіе не заботились о здоровьи покойнаго императора, какъ они обкрадывали дворцовое и государственное казначейство, и, наконецъ о томъ, какъ они сочинили подложную духовную Петра II, по которой наслѣдницей престола назначалась кн. Екатерина. Въ этихъ разсказахъ дѣйствительность изукрашивалась фантазіей: т. наприм говорили, что фаворитъ Петра II-го, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой, едва только императоръ испустилъ духъ, вышелъ съ обнаженной саблей къ народу, окружавшему Лефортовскій дворецъ, и закричалъ: „да здравствуетъ императрица Екатерина!“—Въ простомъ народѣ, среди черни, разсказы объ усиліахъ Долгорукихъ возвести на престолъ

---

(28) Записки Манштейна, с. 23—24.—Снес. Ив. Нехачина: «Новое Ядро россійской исторіи», 2-е изд., т. III, с. 24 и слѣд.

кн. Екатерину принимали чудовищно-легендарные размѣры; впослѣдствіи по Москвѣ ходили даже слухи, что кн. Долгорукіе обвѣнчали кн. Екатерину, уже послѣ смерти императора, съ его трупомъ ([24]).

Князь Черкасской сталъ во главѣ того кружка, изъ котораго распространялись всѣ эти слухи. Изъ этого кружка, или „партіи", какъ называетъ его датскій посланникъ Вестфаленъ, расходились громогласныя обвиненія, словесныя и письменныя, противъ Долгорукихъ, а также и противъ Голицыныхъ. На нихъ нападали за непримиримую ихъ ненависть къ памяти Петра В. и къ его потомству, на которое они будто-бы смотрѣли, какъ на нѣчто совершенно чуждое Россіи. ([25]).

Прежде всего ненависть къ Долгорукимъ рѣзко проявилась среди гвардейскихъ офицеровъ. Въ ихъ кружкахъ стали разсказывать разныя небывалыя исторіи. Говорили напр., что фельдмаршалъ Долгорукой предлагалъ преображенцамъ присягнуть Аннѣ Іоанновнѣ и Верховному Совѣту, но гвардейцы отвѣчали, что переломаютъ ему всѣ кости, если онъ снова явится къ нимъ съ подобнымъ предложеніемъ. Прусскій посланникъ Мардефельдъ, въ депешѣ отъ 23 февраля, передаетъ слѣдующія разглагольствованія одного офицера: „Не смотря на принесенную присягу, я желаю ис-

---

([24]) «Europäische Fama» 1730 г., ч. 328, с. 328—330. — «Historisches journal» 1730 г.—«Mercure historique et politique» 1730 г., ч. 88, с. 301—302. — «Nationen Gespräche», 24 Entrevue, 508—509.—Hempel «Osterman's Leben» 276—301, 311—321; его же «Münich's Leben» 2-te Aufg., S. 185 и слѣд., u Biron's Leben» S. 106 и слѣд.—Шмидтъ-Физельдекъ «Materialien», Bd. II, S. 34—35, 41.—Манштейнъ «Записки», с. 19.—Эти обвиненія Долгорукихъ цѣликомъ вошли въ манифестъ о ихъ преступленіяхъ, отъ 14-го апрѣля 1730 г. (См. въ «Сказаніяхъ о родѣ кн. Долгорукихъ», приложеніе, с. 239—241).—Манифестъ этотъ сдѣлался тогда же извѣстенъ во всей Европѣ изъ переводовъ, появившихся во всѣхъ французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ Въ 1732 г. возникло особое дѣло о слухахъ въ простомъ народѣ относительно князей Долгорукихъ. Дѣло это хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. VI, № 168).

([25]) Депеша Вестфалена № 8-й, см. въ III-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

ренно лишь одного"—говорилъ этотъ офицеръ—„видѣть верховниковъ публично обезглавленными по приказанію императрицы" (26). Гвардейцы собирались напасть на верховниковъ во время ихъ засѣданія и выбросить Долгорукихъ въ окно, а болѣе рѣшительные просто предлагали ихъ убить (27).

Шляхетство открыто требовало, чтобы Алексѣю Григорьевичу Долгорукому было запрещено находиться въ какомъ либо высшемъ правительственномъ учрежденіи. „Полагаютъ" — пишетъ польско - саксонскій посланникъ Лефортъ,—„что князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой (фаворитъ Петра II) легко можетъ отправиться въ Дербентъ, а отцу его (князю Алексѣю) готовится сюрпризъ въ тысячеверстномъ путешествіи въ страну звѣриной ловли". Носились слухи, что князь А. Г. Долгорукой поторопился уѣхать въ свою подмосковную Горенки, и на этотъ отъѣздъ смотрѣли, какъ на предварительную ссылку (28).

Князь Василій Лукичъ Долгорукой держалъ себя иначе. Старательно слѣдя за Анной Іоанновной, онъ, какъ мы видѣли, пришелъ къ необходимости сдѣлать значительныя уступки шляхетству, но въ виду все болѣе и болѣе возраставшей агитаціи противъ его фамиліи, рѣшился на отчаянное средство. 25 февраля онъ намѣренъ былъ произвести государственный переворотъ посредствомъ ареста самыхъ значительныхъ сторонниковъ самодержавія Анны Іоанновны. Въ числѣ этихъ лицъ находились: графъ Головкинъ, Остерманъ и князья Черкасской и Борятинской (29).

Весьма дѣятельнымъ и энергическимъ союзникомъ Остермана былъ Θеофанъ Прокоповичъ, руководившій духовенствомъ. „Нѣкоторые наиболѣе хитрые люди ихъ духовенства"—писалъ французскій резидентъ Маньянъ 23 марта (3 апрѣля н. ст.)—„дѣлали всякія усилія, чтобы возстано-

---

(26) Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 358—360.—Неизд. депеши Мардефельда, № 127.

(27) Депеши де-Лиріа, с. 56. — Неизд. депеши Мардефельда, № 127.—Записка Бюсси, Tourgueneff, III, p. 277.

(28) Сб. Рус. Ист. Общ., V, 361.

(29) Шмидтъ-Физельдекъ: «Materialien». Bd. II, S. 32—34. Къ сожалѣнію Шмидтъ-Физельдекъ не указываетъ источника.

вить мелкое дворянство противъ Верховнаго Совѣта, главныхъ членовъ котораго изображали злодѣями, желавшими измѣнить форму правленія только для того, чтобъ самимъ безнаказанно завладѣть верховною властію, вслѣдствіе чего рабское положеніе дворянства стало бы еще невыносимѣе, чѣмъ при сохраненіи самодержавія государыни (20). Ѳеофанъ Прокоповичъ распространялъ среди шляхетства слѣдующія мысли: „Паче же бѣдное самой Государыни состояніе, аки бы предъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало: не приходитъ она, не видитъ, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть приносилась, что кн. Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ блюдетъ неприступну, и что она безъ воли его ни въ чемъ невольна, и неизвѣстно жива ли? а если жива, то насилу дышетъ, и что оные тираны имѣютъ Государыню за тѣнь Государыни, а между тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ догадываться нельзя. Сія и симъ подобная, когда вездѣ говорено, ожила другой компаніи ревность, и жесточаѣ, нежели прежде, воспламенялась. Видѣть было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ; но тихомирныя головы къ тому всѣхъ приклонили, чтобы мятежное иное господство упразднить правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ“ (21).

Самыми выдающимися пропагандистами Остермановскаго плана среди гвардейскихъ полковъ были два гвардейскихъ офицера, совершенно противоположные другъ другу, по умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, и по значенію, которое имѣютъ въ нашей исторіи. Одинъ изъ нихъ—очень извѣстный писатель и провозвѣстникъ просвѣтительныхъ идей, иностранецъ происхожденіемъ; другой—совершенно неизвѣстный банальный гвардейскій офицеръ, но вполнѣ русскій человѣкъ, родной внукъ приближеннаго, даже друга царя Алексѣя Михаиловича. То были князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ и графъ Ѳеодоръ Андреевичъ Матвѣевъ.

Двадцати-лѣтній юноша кн. Кантемиръ почти съ самаго дѣтства былъ близокъ и друженъ съ Ѳеофаномъ

---

(20) Tourgueneff, III, p. 280.

(21) «Сказаніе» Ѳеофана Прокоповича, с. 214—215.

Прокоповичемъ; его сближало съ ученымъ архіереемъ прежде всего общее имъ страстное отношеніе къ знанію, къ наукѣ. Увлеченный реформой Петра В., молодой Кантемиръ принималъ ее всецѣло и безъ критики, и въ замыслахъ верховниковъ и шляхетства видѣлъ исключительно только враждебное отношеніе къ реформѣ. Кантемиръ ни происхожденіемъ, ни воззрѣніями не былъ связанъ съ русскими „родословными людьми". Онъ былъ среди нихъ въ полномъ смыслѣ слова „чужакъ". Но онъ не былъ „худороднымъ служилымъ иноземцемъ" (онъ былъ очень аристократическаго рода) и сознательно считалъ Россію своею второю отчизною; не будучи однако прирожденнымъ русскимъ, онъ не могъ переживать того, что переживали русскіе люди во время реформаціоннаго переворота Петра В. Идеалы Кантемира лежали не въ допетровской Руси, не въ желаніи освободиться отъ тягостей, возложенныхъ на шляхетство, и не въ политическомъ строѣ европейскихъ государствъ, а въ отвлеченныхъ морально-философскихъ схемахъ; во имя этихъ идеаловъ онъ отрицательно относился къ окружавшей его русской дѣйствительности, безжалостно бичуя ее своею дидактическою сатирой.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, природныхъ условій, отчуждавшихъ Кантемира отъ тогдашнихъ внутреннихъ политическихъ вопросовъ русской земли, обстоятельства его жизни ставили его въ недружелюбныя отношенія къ верховникамъ и сближали съ людьми противной партіи. Лишенный майората по милости князя Д. М. Голицына, Кантемиръ не могъ сочувственно относиться, ни къ его личности ни къ его замысламъ. Съ князьями Долгорукими онъ также былъ не въ ладахъ, и въ одной изъ сатиръ подъ именемъ „Новаго Менандра" осмѣялъ фаворита Петра II, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кантемиръ считался свойствомъ съ князьями Трубецкими, изъ которыхъ былъ оченъ близокъ съ княземъ Никитою Юрьевичемъ,—а эта близость вводила его въ родственный кругъ князя Никиты: графовъ Головкиныхъ, князей Борятинскихъ и Ягушинскаго. Сердечное влеченіе князя Антіоха Кантемира къ княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери князя Алексѣя Михайловича, привязывала его къ человѣку, который сталъ теперь

однимъ изъ дѣятельныхъ провозвѣстниковъ самодержавія вновь избранной императрицы (82).

Графъ Θеодоръ Андреевичъ Матвѣевъ (р. 1706 † 1734 г. холостымъ и съ нимъ пресѣкся родъ Матвѣевыхъ) сынъ извѣстнаго дипломата эпохи Петра В., графа Андрея Артамоновича, былъ большимъ ничтожествомъ. Кутила и гуляка, графъ Матвѣевъ способенъ былъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ на выходки очень дикія; одна изъ такихъ выходокъ,—его ссора съ испанскимъ посломъ де-Лиріа, подробно описана послѣднимъ. Эта ссора произошла лѣтомъ 1729 г., и съ тѣхъ поръ графъ Матвѣевъ таилъ злобу противъ князей Долгорукихъ, возмущенныхъ его выходкой, что и побудило его въ описываемое время открыто возстать противъ нихъ. Еще болѣе возстановляли его противъ проэктовъ шляхетства его родственныя отношенія. Мать его была очень близкимъ лицомъ къ Аннѣ Іоанновнѣ: она была гофмейстериной ея курляндскаго двора, а одна изъ старшихъ его сестеръ, графиня Марья Андреевна, бывшая замужемъ за Александромъ Ивановичемъ Румянцевымъ, находилась въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ ко многимъ изъ участниковъ шляхетскихъ проэктовъ. Александръ Ивановичъ Румянцевъ, одинъ изъ любимѣйшихъ деньщиковъ, а потомъ сподвижниковъ Петра В. (отецъ знаменитаго полководца эпохи Екатерины II-ой гр. Румянцева-Задунайскаго)—не могъ пользоваться сочувствіемъ и уваженіемъ многихъ видныхъ участниковъ этихъ проэктовъ, по той роли, которую игралъ въ гибели злосчастнаго царевича Алексѣя Петровича. (83).

---

(82) См. біогр. кн. Кантемира В. Стоюнина при изд. сочиненій Кантемира ред. Ефремова, т. I; также самыя сочиненія, т. I, с. 118—119, 199, 206—208, 213, 227—247, 283—287, 297—304.

(83) Р. Р. С., I, с. 56.—Pr. P. Dolgoroukow, «Memoires», I, p. 108.—XVIII-й в., де-Лиріа, II. с. 183—188.—Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., IV, с. 326 и слѣд., біографія А. И. Румянцева.—Карабановъ, «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 587; ibid. 1875 г., т. XII, с. 155.—Гр. Матвѣевъ находился въ свойствѣ съ Нарышкиными. Θеодоръ Полуэктовичъ Нарышкинъ, родной дядя Натальи Кирилловны, былъ женатъ на Авдотьѣ Петровнѣ Хомутовой (Гамильтонъ), племянницѣ жены Артамона Сергѣевича Матвѣева, Авдотьи Григорьевны Гамильтонъ. Вслѣдствіе этого Наталья Кирилловна, круглая сирота безъ

Весьма понятно, что графъ Матвѣевъ агитировалъ въ пользу самодержавія Анны Іоанновны совершенно въ иныхъ кружкахъ, чѣмъ князь Кантемиръ.

За княземъ Кантемиромъ и графомъ Матвѣевымъ стояла цѣлая дружина гвардейскихъ офицеровъ. Изъ этихъ молодыхъ гвардейцевъ мы должны отмѣтить во первыхъ двухъ родственниковъ вновь избранной императрицы и вожаковъ движенія, во вторыхъ—людей близкихъ къ этимъ вожакамъ, и въ третьихъ, наконецъ,—чѣмъ либо лично замѣчательныхъ. Къ первой группѣ относятся: князь Семенъ Волконской, родственникъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, двое Салтыковыхъ, Иванъ и Николай, и князь Петръ Борисовичъ Черкасской. ([24]). Ко второй—Бецкой, Гурьевъ и Херасковъ.

Иванъ Ивановичъ Бецкой, дѣятельность котораго принадлежитъ всецѣло эпохѣ Екатерины II, слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить о немъ здѣсь, а потому остановимся на Гурьевѣ и Херасковѣ.

Гурьевъ состоялъ флигель-адъютантомъ при фельдмаршалѣ, князѣ И. Ю. Трубецкомъ, а Матвѣй Андреевичъ Херасковъ былъ въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ князей Трубецкихъ. Онъ былъ отцемъ Михаила Матвѣевича Хераскова извѣстнаго „піиты“ эпохи Екатерины II, куратора Московскаго Университета и массона (р. 1733 † 1807 г.) На вдовѣ Матвѣя Андреевича Хераскова, Аннѣ Даниловнѣ, рожденной княжнѣ Друцкой, женился въ 1735 г. князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, овдовѣвшій также къ тому времени. ([25]).

состоянія, жила у А. С. Матвѣева, гдѣ впервые встрѣтилась съ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ. Извѣстный разсказъ о встрѣчѣ съ нею царя Алексѣя Михаиловича у Матвѣева, заимствованъ изъ разсказовъ Марьи Андреевны Румянцевой, которая умерла 90 лѣтъ въ 1788 г.

([24]) См. о Салтыковыхъ Арх. Сената, им. ук., кн. 57 и Анненкова, ист. л.-гв. коннаго полка, ч. IV.—О кн. П. Б. Черкасскомъ также у Анненкова. — О кн. Волконскомъ П. С. З., т. IV, № 2172 и въ статьѣ М. Н. Лонгинова о Θеод. Ив. Дмитріевѣ-Мамоновѣ (писателѣ), Р. Ст. 1870 г., I, с. 465—468.

([25]) О Гурьевѣ см. прилож. къ исторіи Измайловскаго полка. — О Херасковѣ, статьи Лонгинова въ Русск. Арх. 1873 г., т. II, с. 1453—

Къ третьей группѣ принадлежатъ: Апраксинъ, Соковнинъ и Булгаковъ.

Степанъ Θеодоровичъ Апраксинъ (р. 1702 † 1758) извѣстный полководецъ Семилѣтней войны, побѣдитель пруссаковъ и сторонникъ супруги наслѣдника престола Софіи Августы-Фридерики, впослѣдствіи Екатерины II. Обвиненный въ измѣнѣ за отступленіе послѣ блистательной побѣды при Гросъ-Эгерсдорфѣ (1757 г.) Апраксинъ былъ преданъ военному суду и умеръ скоропостижно отъ удара. Современники изображаютъ его человѣкомъ добрымъ, но тщеславнымъ, любившимъ почесть и роскошь, и весьма недалекимъ. Кн. М. М. Щербатовъ характеризуетъ Апраксина въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „человѣкъ благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но малознающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ и честолюбивъ, а къ тому хотя не былъ пьяница, но не отрекался иногда въ излишность сію впадать“ (86).

Никита Θеодоровичъ Соковнинъ, племянникъ казненнаго Петромъ В. окольничаго Алексѣя Прокофьевича Соковнина, еще мальчикомъ, въ 1697 г. былъ сосланъ въ Сѣвскъ, вмѣстѣ съ тремя своими старшими братьями. Въ 1712 г. онъ былъ прощенъ Петромъ и отправленъ въ Ревель для обученія нѣмецкому языку, а вслѣдъ за тѣмъ посланъ въ Голландію изучать „навигацію“, и при Екатеринѣ I-ой былъ унтеръ-лейтенантомъ флота. Онъ находился въ родствѣ съ Чернышевыми и Ржевскими (87).

Секретарь преображенскаго полка Иванъ Михайловичъ Булгаковъ, отецъ извѣстнаго дипломата

1454 и въ «Журналѣ князя Н. Ю. Трубецкаго», Р. Ст. 1870 г., т. I, с. 10.

(86) Бантышъ-Каменскій, «Словарь», изд. 1836 г., I. с. 58—63; изд. 1847 г., I, с. 29—36.—Кн. Щербатовъ: «О поврежд. нравовъ», Р. Ст. 1870 г., II, с. 101, 103, 114.—Срвн. отзывы Болотова, въ 1-мъ томѣ его «Записокъ» въ главахъ о Семилѣтней войнѣ.—Апраксины происходятъ отъ Салхамиръ мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды къ Олегу Рязанскому въ 1371 г.

(87) П. С. З., III, № 1577.—П. П. В. въ Сб. Рус. Ист. Общ., т. XI, с. 232.—Берхъ «Жизнеоп. первыхъ рос. адмир.», I, 25.—Карабанова «Статсъ-дамы», Р. Ст. 1870 г., II, с. 482.

царствованія Екатерины II-ой, Якова Ивановича Булгакова, въ царствованіе Анны Іоанновны былъ въ дурныхъ отношеніяхъ къ Бирону. За ссору съ его „конфидентомъ“ Альбрехтомъ (послѣ 1737 г.) онъ чуть не поплатился жизнію. Слѣдствіе по этому дѣлу раскрыло его отношенія къ нѣмцамъ и Булгаковъ былъ приговоренъ къ смерти; но Анна Іоанновна, вспомнивъ его услугу въ 1730 г., помиловала его (38).

Въ числѣ новыхъ лицъ, не принимавшихъ участія въ шляхетскихъ проэктахъ и мнѣніяхъ, сторонниками самодержавія являются также: генералъ-поручикъ Иванъ Михайловичъ Головинъ и полковникъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ.

Иванъ Михайловичъ Головинъ, († 1738) потомокъ стариннаго рода (XIV в.), занимаетъ видное мѣсто среди приближенныхъ къ Петру В. лицъ. Ивана Михайловича Головина прежде всего выдвигало родство съ любимцемъ Петра В., Θеодоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, которому Иванъ Михайловичъ приходился двоюроднымъ братомъ. Въ 1697 году онъ былъ отправленъ Петромъ В. въ Италію и Голландію, для обученія морскому дѣлу. Въ 1698 г. зачисленъ поручикомъ въ преображенскій полкъ. Въ Амстердамѣ Головинъ работалъ на корабельной верфи вмѣстѣ съ Петромъ; проживъ четыре года въ Венеціи, Головинъ не научился ни морскому искусству, ни итальянскому языку; но это не помѣшало ему стать въ ряды самыхъ близкихъ людей къ Петру В. Царь очень любилъ Головина за его правдивый нравъ и за неподкупную честность. Голиковъ передаетъ о Головинѣ нѣсколько анекдотовъ, ярко рисующихъ его нравственныя качества и характеръ (39).

Гофъ-интендантъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ, обучавшійся архитектурѣ въ Италіи, впослѣдствіи былъ замѣшанъ въ дѣло Волынскаго и обезглавленъ вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 г. Еропкинъ былъ человѣкъ большаго образованія, какъ по своей спеціальности, такъ и въ нау-

(38) Разсказы Карабанова, Р. С. 1871 г., т. IV, с. 690.

(39) Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1729—1730 гг.—Берхъ «Жизнеоп. перв. рос. адмир.», II, с. 48—60.—Устряловъ, «Ист. Петра В.», II, 567; III, 564.—Д. П. В. Голикова, изд. 2-е, т. XV, анекд., с. 97—99; 181—182.

кахъ политическихъ и историческихъ. Многими изъ его рукописныхъ лѣтописцевъ пользовался В. Н. Татищевъ ([46]).

При помощи всѣхъ названныхъ лицъ среди шляхетства была пущена записка, направленная противъ верховниковъ во имя соблюденія интересовъ средняго шляхетства. Записка эта была, по всей вѣроятности, однимъ изъ тѣхъ памфлетовъ, о которыхъ упоминалъ, какъ мы видѣли выше, Вестфаленъ. Анонимный авторъ записки предпочитаетъ самодержавіе олигархіи верховниковъ по тому только, что въ самодержавіи онъ видитъ болѣе гарантій правамъ и пользѣ шляхетства. Вотъ содержаніе этой записки:

„Слышно здѣсь, что дѣлается или уже и сдѣлано—чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ"—такъ начинаетъ авторъ свою записку. „Боже сохрани",—продолжаетъ онъ—„чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными (т. е. родословными людьми) какъ бы согласно ни было, однакожъ впредь, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, и такъ, одинъ будетъ миловать, а другіе, на того злобствуя, вредить и губить станутъ".

Авторъ записки всего болѣе опасается, при такихъ общественныхъ условіяхъ, военнаго времени. „Въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ, для общей пользы, нѣкоторую тягость; въ томъ голосовъ сообразить никакъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ, а что и положено будетъ на главныхъ—всегда въ доимкахъ, а мы средніе одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ". Противъ назначенія сроковъ для шляхетской службы авторъ записки выставляетъ слѣдующіе аргументы:

([46]) П. С. З., т. X. №№ 7323, 7561, 7890.—Сен. Арх., ук. В. Т. С. 1728 г.—См. о Еропкинѣ въ статьѣ «А. П. Волынской», «Др. и Нов. Россія» 1877 г.

„Народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбивъ; и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ чрезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ, что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопы и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и своей чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею произведемъ и насаждаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя, конечно, потеряемъ; притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ". По мнѣнію автора записки, выходъ въ отставку лицъ низшаго шляхетства поведетъ за собою страшныя послѣдствія. Не привыкши къ труду, эти отставные шляхтичи будутъ искать себѣ средствъ для существованія—разбоями и грабежами. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, авторъ записки считаетъ возможнымъ дозволить выходить въ отставку послѣ опредѣленнаго числа лѣтъ службы только тѣмъ шляхтичамъ, у которыхъ не менѣе 30—50 дворовъ крестьянъ ([41]).

Сношенія съ Анной Іоанновной для сторонниковъ ея самодержавія были не особенно легки и требовалась при этомъ большая осторожность. Чтобы сохранить тайну, въ данномъ случаѣ весьма понятную, сторонники самодержавія Анны Іоанновны для сношенія съ нею и для передачи ей своихъ плановъ и „конъюнктуръ", избрали такихъ лицъ, которыя менѣе всего могли дать поводъ къ подозрѣніямъ со стороны верховниковъ. То были все дамы: родныя сестры императрицы—герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна и царевна Прасковья Іоанновна, а также ея родственницы и близкія къ ней статсъ-дамы и фрейлины—баронесса Остерманъ, кн. Черкасская, Чернышева, Ягушинская; сестра кн. Черкасской, Прасковья Юрьевна Салтыкова, рож-

---

([41]) «Пам. Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. II, отд. II, с. 209—211.—Записка эта найдена въ бумагахъ А. П. Волынскаго съ поправками его рукою, вслѣдствіе чего несправедливо приписывалась самому Волынскому. Подробн. см. «Древн. и Нов. Рос.» 1877 г., т. II, с. 43.

денная кн. Трубецкая, крестница царицы Прасковьи Өеодоровны, матери Анны Іоанновны; Екатерина Ивановна Головкина, двоюродная сестра императрицы, и Наталья Өеодоровна Лопухина, любовница Рейнгольда Лёвенвольде. Особенно видная роль выпадаетъ на долю трехъ: мекленбургской герцогини, Салтыковой и Лопухиной. Первая, говорятъ, ободряла колебавшуюся Анну Іоанновну, вторая передавала о мѣрахъ, принимаемыхъ Рейнгольдомъ Лёвенвольде, а послѣдняя употреблялась шпіономъ для „узнанія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ образомъ, для чего она пріѣзжала ко многимъ по ночамъ".

Кромѣ того, какъ гласитъ преданіе, были придуманы болѣе хитрые способы для сношенія съ императрицей. Каждый день приносили къ ней меньшаго сына Бирона, такъ какъ она чувствовала къ этому ребенку большую нѣжность; въ его пеленки вкладывались записки съ извѣщеніемъ объ успѣхахъ сторонниковъ императрицы. Въ двадцатыхъ числахъ февраля Өеофанъ Прокоповичъ прислалъ Аннѣ Іоанновнѣ въ подарокъ столовые часы, подъ доской которыхъ находилось изложеніе плана дѣйствій императрицы ([48]). Анна Іоанновна колебалась. Она хотѣла провозгласить себя самодержавной лишь въ день коронаціи, которая предполагалась въ апрѣлѣ, но открытіе Остерманомъ замысла князя В. Л. Долгорукаго объ арестахъ, назначенныхъ на 25 февраля—ускорило дѣло. Этотъ день былъ избранъ именно днемъ провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны ([49]).

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ шляхетство стало собираться на новыя совѣщанія. Важнѣйшіе изъ фамильныхъ людей собрались 23 февраля въ домѣ кн. И. Ө. Борятинскаго на Моховой и рѣшили просить Анну Іоанновну принять самодержавіе, уничтожить подписанныя ею „кондиціи" и Верховный Тайный Совѣтъ, а возстановить сенатъ, какъ было при Петрѣ В. Василій Никитичъ Татищевъ былъ посланъ отъ этого собранія извѣстить о его рѣшеніи другой кружокъ шляхетства, собравшійся на Никольской, въ

([48]) Tourgueneff, III, p. 276.—Сб. Рус. Ист. Общ., V, 367.—См. депеши Вестфалена № 13.—«Записка неизвѣстнаго» въ примѣчан. къ Зап. герц. Лирійск. изд. Языковымъ. с. 180—182.

([49]) Tourgueneff, III, p. 272.

домѣ кн. А. М. Черкасскаго. Здѣсь предложенія кружка кн. Борятинскаго принимались не совсѣмъ охотно. Кн. Антіохъ Кантемиръ долго уговаривалъ рѣшиться на эту мѣру, „довольно со многими разсуждая“, и уговорилъ наконецъ нѣкоторыхъ подписать челобитную о самодержавіи, проэктъ которой тутъ же и набросалъ. Переписавъ набѣло, привезли этотъ проэктъ въ домъ кн. Борятинскаго, гдѣ подъ челобитной подписалось семьдесятъ четыре человѣка. Былъ уже первый часъ ночи. Несмотря на это позднее время, всѣ подписавшіе челобитную въ домѣ у кн. Борятинскаго, поѣхали въ домъ кн. Черкасскаго, въ которомъ шляхетство ожидало исхода подписи челобитной. Въ числѣ этихъ ожидавшихъ было много изъ генералитета и изъ гвардейскихъ офицеровъ: увидавъ семьдесятъ четыре подписи, они начали быстро подписываться подъ челобитной, и скоро листъ покрылся еще девяносто тремя подписями. Въ это время кн. Кантемиръ и гр. Матвѣевъ поѣхали въ гвардейскія и кавалергардскія казармы и стали тамъ собирать рукоприкладства. Изъ гвардейскихъ офицеровъ подписалось пятьдесятъ восемь, да изъ кавалергардовъ (дежурившихъ у гроба покойнаго императора) тридцать шесть (44).

Такъ было подготовлено провозглашеніе самодержавія Анны Іоанновны, происшедшее 25 февраля 1730 г.

---

(44) Записка Татищева, «Утро», с. 378.

IX.

25 ФЕВРАЛЯ 1730 ГОДА.

Засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Собраніе шляхетства въ Кремлевскомъ дворцѣ и прошеніе о пересмотрѣ шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній.—Прошеніе о «воспріятіи» самодержавія.—Изодраніе «кондицій» и письма отъ 28 января.—Объявленіе Анны Іоанновны самодержавной императрицей.

25 февраля утромъ въ Мастерской палатѣ Кремлевскаго дворца засѣдалъ Верховный Тайный Совѣтъ. Въ засѣданіи присутствовали: князья Голицыны, Дмитрій Михайловичъ и Михаилъ Михаиловичъ, и князья Долгорукіе—Василій Владиміровичъ, Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ. Въ этотъ день верховники, повидимому пришедшіе уже къ соглашенію относительно плана государственнаго устройства (Голицынскаго), были заняты обсужденіемъ вопроса о коронаціи и о назначеніи дня для этого торжества. Послѣ этихъ разсужденій присутствующіе „имѣли секретные разговоры", по окончаніи которыхъ князь Василій Лукичъ Долгорукой оставилъ засѣданіе; безъ него разсмотрѣны были доношенія по разнымъ вопросамъ адмиралтейской коллегіи и постановлено послать подтвердительные указы о рекрутахъ и ландмилицкихъ деньгахъ. Василій Лукичъ Долгорукой возвратился, и всѣ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта отправились къ государынѣ ([1]).

Такъ передаетъ начало дня 25 февраля журналъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, не объясняя, какіе секретные раз-

---

([1]) Госуд. Арх., Черн. журн. В. Т. С., л. 65.

говоры имѣли между собою верховники, для чего уходилъ изъ засѣданія князь В. Л. Долгорукой и по чему, по его возвращеніи, всѣ верховники пошли къ Аннѣ Іоанновнѣ.

Между тѣмъ всему этому были важныя причины.

По словамъ датскаго посланника Вестфалена, 25 февраля 150 человѣкъ изъ главныхъ военныхъ отправились въ Кремль, требуя отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, въ то время засѣдавшаго, чтобы ихъ выслушали. Во главѣ этихъ челобитчиковъ находились: сенаторъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасской, генералъ-лейтенантъ и майоръ гвардіи князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ и генералъ-лейтенантъ Чернышевъ. Получивъ согласіе Верховнаго Совѣта, они вручили бумагу съ изложеніемъ своихъ справедливыхъ неудовольствій; Верховный Совѣтъ объявилъ имъ свою готовность удовлетворить ихъ желаніямъ и передать объ этомъ Ея Величеству. Челобитчики не удовольствовались однако этимъ отвѣтомъ и попытались передать свое прошеніе лично Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица приняла ихъ милостиво, обѣщая все исполнить, при чемъ выразила увѣренность, что между шляхетствомъ и Верховнымъ Совѣтомъ установится полное согласіе. Послѣ такого пріема предводители челобитчиковъ возвратились въ Верховный Совѣтъ и разсказали о происшедшемъ на аудіенціи у государыни.

— „По моему мнѣнію, снисходительность нашей всемилостивѣйшей государыни и обращеніе ея съ подданными заслуживаетъ съ нашей стороны искренней признательности“,—сказалъ князь Юсуповъ.

Чернышевъ добавилъ къ этому:—„Мы не можемъ лучше возблагодарить Ея Величество за всѣ милости къ народу, какъ возвративъ ей похищенное у нея, т. е. самодержавную власть, которой пользовались всѣ ея предки“.

Князь Черкасской, поддерживаемый великимъ канцлеромъ гр. Головкинымъ, воскликнулъ вмѣстѣ съ остальными: „да здравствуетъ наша *самодержавная* государыня Анна Іоанновна“.

Князья Голицыны и Долгорукіе, не будучи въ состояніи сопротивляться долѣе, сказали:

— „Пойдемъ, присоединимся къ другимъ и да будетъ такъ, какъ предопредѣлено Св. Провидѣніемъ“ (¹).

(¹) Депеша Вестфалена № 13-й, см. III-е приложеніе къ настоящему изслѣдованію.

Князь Черкасской не отважился направиться къ Кремлевскому дворцу одновременно со всѣми своими единомышленниками, потому что Верховный Совѣтъ рѣшилъ арестовать его. По словамъ Маньяна и де-Лиріа, князь Черкасской велѣлъ всѣмъ лицамъ изъ шляхетства, раздѣлявшимъ его намѣреніе, явиться по одиночкѣ въ пріемныя комнаты дворца, и, по его прибытіи, немедленно сомкнуться. Такъ же поступилъ и князь Юсуповъ съ гвардейскими офицерами (3). Князь Черкасской явился во дворецъ одинъ въ 10 часовъ утра и, найдя тамъ своихъ единомышленниковъ, испросилъ аудіенцію у императрицы (4). О числѣ „согласниковъ“ кн. Черкасскаго свѣдѣнія весьма противорѣчивы: нѣкоторые насчитываютъ ихъ 800, другіе же уменьшаютъ до 150 (5).

Анна Іоанновна, знавшая уже обо всемъ, приняла предварительныя мѣры для обезпеченія своей безопасности. Она отдала приказъ начальнику дневнаго караула во дворцѣ, капитану Альбрехту, никого не слушаться кромѣ майора гвардіи С. А. Салтыкова, который былъ назначенъ начальникомъ дворцовыхъ карауловъ вмѣсто кн. В. Л. Долгорукаго. Салтыкову императрица поручила паблюдать за ея безопасностью и велѣла оцѣпить весь дворецъ войсками (6).

Шляхетство, съ кн. Черкасскимъ во главѣ, предстало передъ императрицей. Князь Черкасской вручилъ челобитную, которую В. Н. Татищевъ прочелъ вслухъ (7).

---

(3) Tourgueneff, III, p. 276.—Депеши де-Лиріа, с. 55.

(4) Де-Лиріа, с. 53.

(5) У Лефорта 800 человѣкъ; изъ нихъ 150 депутатовъ, которые входятъ во дворецъ. То же число подписавшихъ оба прошенія о пересмотрѣ самодержавія выставлено въ «Mercure historique», ч. 88, с. 430.—У Вестфалена—150 человѣкъ (см. выше, примѣч. 2-е).—У Мардефельда—200 человѣкъ (Неизданныя депеши № 129). Въ «Europäische Fama»—390 человѣкъ, (ч. 326, с. 318).—Де-Лиріа, Маньянъ и Бюсси вовсе не указываютъ числа.

(6) Записка Бюсси, Tourgueneff, III, p. 275.—Сб. Рус. Ист. Об., V, 366, 367.—Неизд. депеша Мардефельда, № 129.—«Europ. Fama», ч. 326, с. 318.

(7) Ibid., также Маньянъ и де-Лиріа, Записка Татищева, «Утро», 1859 г., с. 378.

Челобитная была слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшая всемилостивѣйшая Государыня Императрица! Хотя волею Всевышняго Царя, согласнымъ соизволеніемъ всего народа единодушно Ваше Величество на престолъ Имперіи Россійской возведена, Ваше же Императорское Величество, въ показаніе высокой Вашей ко всему Государству милости, изволили представленные отъ Верховнаго Совѣта пункты подписать, за которые Ваше милостивное намѣреніе всенижайше рабски благодарствуемъ, и не токмо мы но и вѣчно наслѣдники наши имени Вашему безсмертное благодареніе и почитаніе воздавать сердцемъ и устами причину имѣютъ; однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ тѣхъ пунктовъ находятся сумнительства такія, что большая часть народа состоитъ въ страхѣ предбудущаго безпокойства, изъ котораго только непріятелемъ Отечества нашего польза быть можетъ, и хотя мы, съ благоразсуднымъ разсмотрѣніемъ написавъ на оные наше мнѣніе, съ подобающею честію и смиреніемъ Верховному Тайному Совѣту представили, прося, чтобы изволили для пользы и спокойствія всего Государства по оному, яко по большему числу голосовъ, безопасную Правленія Государственнаго форму учредить, однакоже, Всемилостивѣйшая Государыня, они еще о томъ не разсудили, а отъ многихъ и мнѣній подписанныхъ не принято, а объявлено, что того безъ воли Вашего Императорскаго Величества учинить невозможно.

Мы же, вѣдая Вашего Императорскаго Величества природное человѣколюбіе и склонность къ показанію всему Имперію милости, всепокорно нижайше Вашего Величества просимъ, дабы Всемилостивѣйше по поданнымъ отъ насъ и прочихъ мнѣніямъ соизволили собраться всему генералитету, офицерамъ и шляхетству по одному или по два отъ фамилій разсмотрѣть и всѣ обстоятельства изслѣдовать, согласнымъ мнѣніемъ по большимъ голосамъ форму Правленія Государственнаго сочинить и Вашему Величеству ко утвержденію представить. Напротивъ же тому всепокорно нижайше желаемъ и обѣщаемъ всякую вѣрность и надлежащую пользу персонѣ Вашего Величества изыскивать и яко сущую всего Отечества мать почитать и прославлять во вѣки безсмертные будемъ. И хотя къ сему прошенію не многіе подписались, понеже собою собраться для

подписи опасны, а согласуютъ большая часть, чему свидѣтельствуютъ подписанные отъ многихъ мнѣній, о которыхъ выше показано, что иные еще и не приняты".

Челобитная эта подписана восмидесятью семью лицами (*).

Анна Іоанновна смутилась и растерялась. Она ожидала провозглашенія самодержавія, а ей вдругъ подносятъ челобитную съ просьбой обсудить кондиціи и шляхетскіе проэкты выборными отъ генералитета и шляхетства. Среди присутствовавшихъ началось движеніе. Тамъ и сямъ раздавались голоса, утверждавшіе, что все шляхетство единодушно требуетъ возстановленія самодержавной власти; съ другой стороны послышались возраженія на эти заявленія. Поднялся шумъ, въ которомъ рѣзко выдѣлялись голоса гвардейскихъ офицеровъ, требовавшихъ возстановленія самодержавія (*).

Тогда кн. В. Л. Долгорукой призвалъ собраніе къ спокойствію и просилъ слова.

„Кто позволилъ вамъ присвоить себѣ право законодателя?" —обратился онъ съ вопросомъ къ князю Черкасскому.

— „Дѣлаю это потому"—отвѣчалъ князь Черкасской,— „что ея величество, была вовлечена вами въ обманъ; вы увѣрили ее, что „кондиціи", подписанныя ею въ Митавѣ, составлены съ согласія всѣхъ чиновъ государства, но это было сдѣлано безъ нашего вѣдома и участія".

(*) Списокъ всѣхъ участниковъ этой челобитной см. во II-мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію. Челобитная напечатана въ «Пам. Нов. Рус. Ист.» Кашпирева, т. I, отд. II, с. 8—10) по списку И. П. Шульгина. Въ Госуд. Архивѣ мы ея не нашли. Кромѣ того, она помѣщена въ современныхъ ей французскихъ и нѣмецкихъ переводахъ: въ депешахъ Маньяна (La Russie et les Russes, III, p. 269—270). Мардефельда (неизд. депеши № 130).—По нѣкоторымъ извѣстіямъ, кромѣ князя Черкасскаго такую же челобитную представилъ кн. Юсуповъ отъ гвардейскихъ офицеровъ, по другимъ извѣстіямъ кн. Юсуповъ прочелъ челобитную Черкасскаго, наконецъ по третьимъ извѣстіямъ князя Черкасскаго вовсе не было при началѣ аудіенціи, и императрица, принявъ челобитную изъ рукъ Юсупова, послала за Черкасскимъ, который такъ при этомъ струсилъ, что простился съ женой, не зная что его ожидаетъ; явясь во дворецъ, Черкасской прочелъ челобитную, представленную Юсуповымъ, и сказалъ приличную случаю рѣчь.

(*) Де-Лиріа, 53.—Tourgueneff, III, p. 271.

Кн. В. Л. Долгорукой обратился послѣ этого къ Аннѣ Іоанновнѣ, совѣтуя ей удалиться въ кабинетъ и тамъ спокойно обсудить шляхетскую челобитную ([10]). Само собою, онъ былъ увѣренъ, что обсужденіе это не обойдется безъ его участія.

Быть можетъ, Анна Іоанновна и приняла бы предложеніе кн. В. Л. Долгорукаго, еслибы на помощь ей не явилась ея сестра, герцогиня мекленбургская. Екатерина Іоанновна заранѣе запаслась чернильницей и перомъ и, видя нерѣшительность и смущеніе Анны Іоанновны, быстро подбѣжала къ ней, подала чернильницу съ перомъ и сказала:

— „Сестра, теперь не время разсуждать и такъ долго раздумывать,—подпиши скорѣй“ ([11]). Лефортъ сообщаетъ, что она прибавила: „Я отвѣчаю за это; если намъ придется поплатиться жизнію, я первая приму смерть!“ ([12]).

Анна Іоанновна взяла изъ ея рукъ перо и написала на челобитной: „учинить по сему“ ([13]). Затѣмъ она выразила желаніе, чтобы шляхетство немедленно обсудило поданное ей прошеніе и въ тотъ же день представило бы ей результаты своихъ совѣщаній ([14]).

([10]) Сб. Рус. Ист. Общ., V. с. 368—349.—Кратко о томъ же Маньянъ (2-е донесеніе).

([11]) Герцогиня мекленбургская подошла къ ней съ чернильницей въ рукѣ и сказала, что нечего разсуждать, а должно подписать; царица немедленно и исполнила это. (Tourgueneff, III. p. 278.—Де-Лиріа, 55).—«Нѣтъ, государыня, теперь нечего разсуждать»—сказала герцогиня мекленбургская, видя, что Анна Іоанновна намѣрена была согласиться на предложеніе кн. Вас. Лук. Долгорукаго—«вотъ перо, извольте подписать»; и царица дѣйствительно подписала прошеніе. (Маньянъ, «La Russie et les Russes», III, p. 278). Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ то же. (См. «Сказаніе», с. 216).—У Бюсси, Мардефельда, «Eur. Fama» и «Merc. histor.» этого вовсе нѣтъ.

([12]) Сб. Рус. Ист. Об., V, с. 369.

([13]) Записка Татищева. «Утро», с. 379.—Очевидно надпись, приводимая Татищевымъ, относится къ первой челобитной шляхетства, потому что на прошеніи о возстановленіи самодержавія, видѣнномъ нами въ Госуд. Архивѣ, этой надписи нѣтъ.

([14]) Неизд. депеши Мардефельда № 129.—«Europäische Fama» ч. 326, с. 318 и слѣд.

Такимъ образомъ шляхетство получило ясный намекъ на то, чего собственно желаетъ императрица и въ какомъ смыслѣ ему нужно высказаться. Вѣроятно были приняты мѣры, чтобы шляхетство не выпускать изъ дворца, потому что по всѣмъ свидѣтельствамъ оно удалилось въ другую дворцовую залу на совѣщаніе, что и какъ выразить императрицѣ. Верховники были также благовидно арестованы: Анна Іоанновна пригласила ихъ на обѣдъ.

Въ то время, какъ шляхетство удалилось совѣщаться, оставшіеся въ аудіенцъ-залѣ гвардейскіе офицеры подняли шумъ и крикъ.

— „Мы не желаемъ",—кричали они—„чтобы предписывали государынѣ законы; она должна быть такою же самодержицею, какъ были ея предки!"

Шумъ и движеніе до того усилились, что императрица сочла нужнымъ пригрозить офицерамъ, но они, припадая къ ея ногамъ, кричали:

— „Государыня, мы вѣрные рабы Вашего Величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы пожертвовать жизнію на службѣ Вашему Величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, и мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы". Тогда Анна Іоанновна приказала имъ повиноваться С. А. Салтыкову. Онъ сталъ во главѣ гвардейцевъ и первый привѣтствовалъ Анну Іоанновну самодержавной государыней; за нимъ послѣдовали всѣ находившіеся въ аудіенцъ-залѣ (13).

Между тѣмъ, какъ происходила описанная сцена, шляхетство обсуждало вопросъ: какимъ образомъ возблагодарить императрицу за милостивое принятіе челобитной?—и, по словамъ Лефорта, рѣшило поднести ей благодарственный адресъ (14).

Намъ неизвѣстны подробности этого совѣщанія, но такъ какъ происходившее въ аудіенцъ-залѣ не могло конечно остаться для шляхетства тайной, то предводителямъ провозглашенія Анны Іоанновны самодержицей не трудно было убѣдить шляхетство, что лучше всякаго адреса поднести императрицѣ прошеніе о самодержавіи, наканунѣ заготов-

(13) Записка Бюсси, Tourguenеff, III, p. 275.—Де-Ляріа, с. 53.

(14) Сб. Рус. Ист. Общ., V, с. 369.

ленное княземъ Кантемиромъ. Предложеніе это большинствомъ было принято сочувственно, и шляхетство, предводимое на этотъ разъ кн. Трубецкимъ, вошло въ аудіенцъ-залу. Было 3 часа по полудни. Императрица, окончившая свою трапезу съ верховниками, снова появилась въ аудіенцъ-залѣ, и кн. Трубецкой вручилъ ей новую челобитную, которую прочелъ кн. Антіохъ Кантемиръ.

„Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская!“ —такъ начиналась эта новая челобитная. „Когда Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно, для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего, сего числа подписать“,—читаемъ въ челобитной—„недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за такъ превосходную Вашего Императорскаго Величества милость. Однакожъ усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ“,—продолжаетъ челобитная—„побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные Вашего Величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Его Величествѣ, блаженной памяти дяде Вашего Императорскаго Величества Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно-бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при дяде Вашего Величества, Его Императорскомъ Величествѣ Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по Вашему Всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить“.

Заключеніе челобитной слѣдующее: „Мы напослѣдокъ Вашего Императорскаго Величества всепокорнѣйшіе рабы

надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному Величества Вашего благоутробію призрены не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Вашего Императорскаго Величества всенижайшіе раби". (Здѣсь слѣдуютъ подписи ста шестидесяти шести человѣкъ) ([17]).

Къ сожалѣнію, неизвѣстно какого рода бесѣда происходила у Анны Іоанновны съ верховниками за обѣдомъ, но выслушавъ прошеніе о самодержавіи, она сочла нужнымъ обратиться къ нимъ, какъ бы за совѣтомъ, что ей дѣлать? Въ сущности это былъ уже не совѣтъ, а высочайшее повелѣніе, которому верховники и должны были повиноваться. Мардефельдъ, а за нимъ иностранные журналы того времени, передаютъ эту предпослѣднюю сцену трагедіи 25 февраля 1730 г. въ слѣдующемъ видѣ.

Выслушавъ прошеніе, Анна Іоанновна сказала шляхетству:

— „Мое постоянное намѣреніе было управлять моими подданными мирно и справедливо, но такъ какъ я подписала извѣстные пункты, то должна знать, согласны ли члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобы я приняла предлагаемое мнѣ моимъ народомъ?"

Члены Верховнаго Совѣта молча наклонили головы въ знакъ согласія ([18]).

„Счастье, что министры Верховнаго Совѣта въ это время ничего не предприняли",—пишетъ французскій резидентъ Маньянъ;—„еслибы они оказали какое нибудь сопротивленіе рѣшенію дворянъ, то дворяне и гвардейскіе офицеры положили выбросить верховниковъ за окно" ([19]).

Послѣ этого произошло слѣдующее: „По полудни въ четвертомъ часу къ Ея Императорскому Величеству призванъ

([17]) Госуд. Арх., разд. III, дѣло № 6, лл. 49—54.—Прошеніе это съ весьма незначительными выпусками напечатано С. М. Соловьевымъ въ его «Исторіи Россіи» (т. XIX, с. 267). Полный списокъ лицъ, подписавшихъ это прошеніе см. во II мъ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

([18]) Неизд. депеши Мардефельда, № 129.—«Mercure historique» 1730 г., т. 88, с. 430.—«Europäische Fama» 1730 г., ч. 326, с. 320.

([19]) Tourgueneff, III, p. 277.—Де-Лиріа, с. 56.

статскій совѣтникъ г. Масловъ (одинъ изъ правителей дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) и приказано ему подписанные отъ Ея Императорскаго Величества собственною рукою пункты и письмо (Анны Іоанновны изъ Митавы отъ 28-го января) принесть къ Ея Величеству, которые въ тожъ время и отнесены и Ея Величеству отъ господъ министровъ (членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта) поднесены. И тѣ пункты Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать" ([20]).

Вслѣдъ затѣмъ императрица обратилась къ шляхетству съ „милостивымъ словомъ", въ которомъ заявила, что постарается быть истинной матерью отечества и желаетъ душевно доставить своимъ подданнымъ всевозможныя милости ([21]). Послѣ этого всѣ присутствующіе были допущены къ цѣлованію руки самодержавной императрицы ([22]). Обѣщанныя милости начались немедленнымъ освобожденіемъ Ягушинскаго, который, по словамъ Лефорта, прямо изъ тюрьмы явился во дворецъ; Анна Іоанновна приказала фельдмаршалу кн. Долгорукому встрѣтить его въ дверяхъ и возвратить ему шпагу и орденъ, причемъ обрадованный Ягушинской въ слезахъ палъ на колѣни передъ императрицей ([23]).

Такъ были уничтожены „затѣйки" верховниковъ. Повидимому все сдѣлалось просто и обошлось совершенно спокойно, — но это было только повидимому.

([20]) Госуд. Арх. Черн. журн. В. Т. С. 1730 г., л. 65.—Долго думали, что «кондиціи» и письмо совершенно разорваны и истреблены. Маньянъ, Бюсси и де-Лиріа пишутъ отъ $^{2}/_{13}$ марта, что императрица разорвала ихъ въ клочки (Tourgueneff, III, p. 276; де Лиріа, 54—56). Татищевъ, лично бывшій на этомъ собраніи, разсказываетъ, что ихъ изодралъ С. А. Салтыковъ и бросилъ («Утро», с. 379).—Между тѣмъ оба эти документа сохранились въ Госуд. Архивѣ. «Кондиціи» (разд. III, дѣло № 6, л. 28) написаны на двухъ страницахъ листа, другая половина котораго осталась бѣлою; написанныя страницы разорваны пополамъ сверху до низу, а бѣлая половина листа осталась цѣлою. Письмо Анны Іоанновны изъ Митавы отъ 28 января 1730 г. (Ibid., л. 27) написанное такъ же, какъ и «кондиціи», надорвано на первомъ полулистѣ до половины.

([21]) Неизд. депеши Мардефельда № 129.—«Mercure historique» и «Europäische Fama» 1730 г., указан. выше томы и стр.

([22]) Донес. Рондо, «La Cour de Russie», p. 39.

([23]) Сб. Рус. Ист. Общ., V, 369—370.

„Говорятъ, что дѣло могло легко дойти до печальныхъ крайностей",— пишетъ Маньянъ недѣлю спустя послѣ описанныхъ происшествій—„что могла совершиться одна изъ самыхъ трагическихъ сценъ и что все зависѣло отъ той минуты, когда императрица, побуждаемая герцогиней мекленбургской, отказала кн. В. Л. Долгорукому обсудить первую челобитную дворянства въ собраніи государственныхъ чиновъ (т. е. Верховнаго Совѣта) (24).

Де-Бюсси считаетъ уничтоженіе „кондицій" дѣломъ, разрушившимъ обширные проэкты тѣхъ, кто воодушевлялся государственнымъ интересомъ. То же говоритъ и де-Лиріа (25).

25 февраля вечеромъ всѣ иностранные министры были извѣщены канцлеромъ Головкинымъ о томъ, что Анна Іоанновна приняла самодержавіе. На другой день происходили новая присяга и представленіе императрицѣ всего дипломатическаго корпуса. 25, 26 и 27 назначена иллюминація, которая не состоялась только 27-го, по случаю сороковаго дня послѣ кончины Петра II-го. 28-го февраля послѣдовалъ манифестъ о самодержавіи Анны Іоанновны.

Иллюминація 25 февраля не могла затмить своимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія бывшаго въ тотъ же вечеръ: весь горизонтъ казался залитымъ кровью. „Это явленіе природы", говоритъ Манштейнъ, „произвело такое впечатлѣніе на суевѣрный народъ, что всѣ были приведены въ ужасъ и впослѣдствіи русскіе говорили, что предзнаменованіе это было слишкомъ оправдано тѣми потоками крови, которыя Биронъ проливалъ въ странѣ".

Въ тотъ же день князь Д. М. Голицынъ, въ кругу своихъ друзей, какъ-бы объяснилъ то предчувствіе, которое на многихъ наводило страхъ.

„Пиръ былъ готовъ",—говорилъ онъ—„но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня!" (26).

Пророческія слова князя Голицына также сбылись.

(24) Tourgueneff, III, p. 278.

(25) Де-Бюсси ibid., 275.—Де-Лиріа, 54.

(26) Записки Манштейна, с. 333.

X.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Источники политическихъ воззрѣній верховниковъ и шляхетства.—Общій характеръ стремленій тѣхъ и другихъ.—Причины, вслѣдствіе которыхъ стремленія ихъ не осуществились.—Результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны.

Днемъ 25 февраля собственно оканчивается фактическая исторія воцаренія императрицы Анны Іоанновны; но мы не считаемъ себя въ правѣ закончить этимъ днемъ наше изложеніе.

Передъ нами прошли всѣ подробности происшествій съ 19 января по 25 февраля 1730 г., мы познакомились съ ближайшими причинами, произведшими эти происшествія, съ главнѣйшими личностями, посредствомъ которыхъ они совершились, съ ихъ воззрѣніями и мнѣніями. Обращаясь теперь къ дѣятелямъ этихъ событій съ прощальнымъ словомъ, всматриваясь и вдумываясь въ самыя событія—мы невольно задаемся вопросами: откуда, изъ какихъ источниковъ черпали верховники и шляхтичи тѣ идеи, которыя они высказывали въ своихъ политическихъ планахъ и проэктахъ? въ чемъ заключались ихъ стремленія? вслѣдствіе какихъ причинъ не достигли они тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремились? къ какимъ результатамъ привело провозглашеніе Анны Іоанновны самодержицей, уничтожившее замыслы верховниковъ и шляхетства? Только при посильномъ отвѣтѣ на эти вопросы, мы можемъ уяснить себѣ значеніе воцаренія Анны Іоанновны.

Припоминая обстоятельства жизни верховниковъ и главныхъ участниковъ шляхетскихъ проэктовъ, мы не мо-

жемъ не замѣтить, что ихъ политическія воззрѣнія сложились подъ продолжительными и разнообразными вліяніями. Эти вліянія могутъ быть подведены подъ двѣ главныя рубрики: 1) традиціи родословности, заставлявшія родословныхъ людей идеализировать политическій бытъ московской до-петровской Руси, 2) вліяніе западно-европейское, выразившееся въ примѣрахъ государственнаго строя западно-европейскихъ государствъ и въ чтеніи историческихъ и политическихъ сочиненій.

Традиціи родословности указаны нами при разсмотрѣніи политической роли князей Долгорукихъ и Голицыныхъ; по этому здѣсь мы остановимся на вліяніи западно-европейскомъ. Уяснить это вліяніе для насъ очень важно въ томъ отношеніи, что на дѣятеляхъ 1730 г. до сихъ поръ лежитъ укоръ, будто бы они дѣйствовали исключительно изъ желанія обратиться къ стариннымъ обычаямъ московскимъ.

Мы видѣли, что князья Долгорукіе и Голицыны, а также и очень многіе изъ участниковъ шляхетскихъ проэктовъ—по долгу жили въ западно-европейскихъ странахъ, что нѣкоторые изъ нихъ любили чтеніе книгъ историческаго и политическаго содержанія. Время Петра Великаго было временемъ наибольшаго сближенія нашего съ западомъ. Усиленіе дипломатическихъ сношеній съ европейскими дворами, посылка молодыхъ людей за границу для науки, наконецъ война со Швеціей въ союзѣ съ Польшей и Даніей— всѣ эти обстоятельства вдвигали, т. сказ., русское шляхетство въ Западную Европу. Пребываніе русскихъ людей съ дипломатическими порученіями въ Швеціи, въ Польшѣ, въ Голландіи—не могло не производить на нихъ впечатлѣнія: невольно бросались имъ въ глаза иныя условія политическаго строя, чѣмъ тѣ, которыя они видѣли у себя дома. То же слѣдуетъ сказать и объ учившихся за границей. Молодые стольники и недоросли, посылавшіеся Петромъ Великимъ для изученія навигаторской науки и корабельнаго дѣла въ Италію и Голландію, не всѣ учились прилежно, не всѣ успѣшно усвоивали тѣ свѣдѣнія, пріобрѣтать которыя заставлялъ ихъ Царь-Преобразователь; но они невольно поражались аристократическимъ строемъ Венеціи и Генуи и бюргерскими порядками Амстердама и Гаги. Конечно, да-

люко не всѣ вникали въ политическія учрежденія Италіи и Голландіи, но всѣ видѣли ясно, что это нѣчто иное, чѣмъ строй московскаго государства и даже не похоже на новые порядки, заводимые на Руси Петромъ Великимъ.

Еще болѣе сближала съ политическимъ строемъ сосѣднихъ съ Россіей западно-европейскихъ государствъ шведская война. Русскія войска занимали многія шведскія области (Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Ингерманландію), герцогство Курляндское, Польшу и наконецъ, переходили въ Померанію и Мекленбургъ, приближаясь къ границамъ Даніи. Русскіе генералы и офицеры, захваченные въ плѣнъ, отвозились въ Стокгольмъ, шведскіе плѣнные разсылались по внутреннимъ областямъ Россіи.

Польша хорошо и давно была извѣстна русскимъ людямъ, ея политическіе порядки издавна пользовались симпатіей бояръ московскихъ; но со Швеціей не были столь близко знакомы въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв. какъ познакомились съ ней въ первой половинѣ XVIII в.— Война очень сблизила русскихъ со шведами. Петръ Великій называлъ ихъ своими учителями въ дѣлѣ военномъ, но они явились учителями многихъ людей изъ шляхетства и въ политическомъ устройствѣ. Самъ Царь-Преобразователь увлекался шведскимъ уложеньемъ, организаціей шведскихъ финансовъ и коллегіальнымъ строемъ государственныхъ учрежденій. Петръ В. любилъ указывать во многихъ случаяхъ на Швецію, какъ на примѣръ. Шляхетство шло по стопамъ Петра, но оно увлеклось не тѣми сторонами шведскаго государственнаго строя, которыми увлекался царь.

Государственный строй Швеціи былъ очень своеобразенъ, отличаясь особенностями представительства ([1]).

Швеція въ правленіе Карла XII переживала политическій кризисъ. Отличаясь съ давнихъ поръ оригинальной конституціей (шведскій сеймъ, кромѣ трехъ европейскихъ сословій, допускалъ въ свою среду представительство и отъ крестьянъ),—Швеція была сильна аристократіею,

---

([1]) Подр. см. въ книгѣ von-Nordenflycht'a: «Die Schwedische Staats-Verfassung in ihrer geschichtlichen Entwickellung». Berlin 1861; о воцареніи Ульрики-Элеоноры стр. 253—271.

постоянно боровшеюся съ королевской властію. Въ концѣ XVII в. сила аристократіи была сломлена отцемъ Карла XII-го, Карломъ XI. Опираясь на среднее и мелкое дворянство и на крестьянскихъ представителей, Карлъ XI произвелъ въ 1680 г. государственный переворотъ, лишившій аристократію всѣхъ ея преимуществъ и утвердившій авторитетъ королевской власти. Сумасбродный и взбалмочный характеръ Карла XII, его продолжительное отсутствіе изъ страны и война, раззорившая Швецію матеріально и унизившая ее нравственно—все это заставило не только аристократовъ, но и среднее и мелкое дворянство—желать возвращенія къ прошлому. Мысль о новомъ ограниченіи королевской власти обращалась среди представителей сословій сейма еще при Карлѣ XII; его неожиданная и скоропостижная смерть ускорила осуществленіе этой мысли. Въ 1719 году, по смерти Карла XII, шведскимъ сеймомъ была избрана въ королевы его сестра Ульрика-Элеонора, помимо династическаго наслѣдника шведскаго престола Фридриха голштинскаго. Сеймъ 1719 года предложилъ Ульрикѣ-Элеонорѣ условія, ограничивающія ея власть, которыя она и приняла, а чрезъ годъ, при воцареніи на шведскомъ престолѣ ея мужа, Фридриха герцога гессенъ-кассельскаго,—ограниченія королевской власти были еще увеличены.

Сеймъ 1719—1720 г. отличался особенностью направленія. На немъ взяло верхъ среднее и низшее дворянство, которое, вступивъ въ открытую борьбу съ аристократіей, ограничивало королевскую власть въ интересахъ своихъ, а не аристократіи. Аристократическая партія желала прежде всего усилить власть государственнаго совѣта, создавъ ему то значеніе, какое онъ имѣлъ въ XVII вѣкѣ при Христинѣ, Карлѣ X и въ первые года правленія Карла XI, т. е. передавъ въ его руки дѣйствительное управленіе страной; при этомъ государственный совѣтъ долженъ былъ состоять изъ ограниченнаго числа членовъ, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ. Противъ этого возсталъ сеймъ и подчинилъ государственный совѣтъ своему контролю. Аристократическая партія, потерпѣвъ пораженіе въ этомъ предпріятіи, употребила всѣ усилія, чтобы возстановить прежнія прерогативы аристократическихъ фамилій, но и въ этомъ случаѣ дворянскому большинству сейма удалось одержать

побѣду. 22 марта 1720 г. Фридрихъ принесъ торжественно присягу въ вѣрности конституціи, а всѣ члены сейма, военные, чиновники и духовенство, кромѣ вѣрности конституціи клялись также и въ томъ, чтобы никогда не допускать въ Швеціи неограниченной монархіи.

Для насъ очень важны многія подробности, какъ аристократической программы и поправокъ къ ней большинства дворянства, такъ и нѣкоторыхъ пунктовъ королевской присяги. Приведемъ главнѣйшие изъ нихъ.

Изъ аристократической программы: 1) Король не предпринимаетъ ничего безъ согласія государственнаго совѣта, а тѣмъ паче не дѣлаетъ чего либо вопреки ему, 2) въ совѣтѣ король имѣетъ два голоса, 3) по совѣщанію съ совѣтомъ король назначаетъ лицъ на высшія гражданскія и военныя должности; по собственной инициативѣ король назначаетъ только президентовъ коллегій, губернаторовъ и министра двора, но не иначе, какъ изъ членовъ государственнаго совѣта, 4) въ промежуткахъ между сеймами король можетъ издавать, по совѣщанію съ государственнымъ совѣтомъ, нетерпящія отлагательства обязательныя постановленія, а также заключать союзы и договоры, 5) востановляется уничтоженное въ 1680 г. старинное избирательное право на низшія должности въ нѣкоторыхъ присутственныхъ мѣстахъ.

Поправки сейма: 1) Государственный совѣтъ находится подъ контролемъ сейма, который провѣряетъ всѣ его протоколы, 2) члены совѣта назначаются королемъ не иначе, какъ съ вѣдома и согласія сейма, 3) сословія сейма предлагаютъ королю трехъ кандидатовъ на должность членовъ государственнаго совѣта, изъ которыхъ одного утверждаетъ король, 4) число членовъ въ государственномъ совѣтѣ должно быть 24, 5) вакансіи на должность членовъ, явившіяся въ промежутокъ между сеймами, не замѣщаются до новаго сейма. Большинство дворянства на сеймѣ требовало также и себѣ сословныхъ и имущественныхъ льготъ, которыя на этомъ сеймѣ не прошли, а большая часть ихъ утверждена слѣдующимъ сеймомъ 1723 г., при помощи духовенства, получившаго также нѣкоторыя привиллегіи (²).

(²) Дворянское большинство требовало себѣ слѣдующихъ привилегій на сеймѣ 1719—1720 г.: возстановляются старинныя права, офицерами могутъ быть лишь природные шведы, бракъ съ лицами не дворян-

Изъ королевской присяги 1720 г. Король обѣщается: 1) на всѣ высшія должности до полковника и па соотвѣтствующія имъ гражданскія должности назначать съ согласія государственнаго совѣта по большинству голосовъ; 2) не дѣлать сверхштатныхъ назначеній въ войска и въ коллегіи; 3) не жаловать дворянства, исключая немногихъ случаевъ при коронаціи, потому что въ Швеціи дворянъ пожалуй больше, чѣмъ можетъ перенести страна; 4) всегда соглашаться съ тѣмъ, что рѣшатъ сословія, такъ какъ они имѣютъ власть издавать законы и постановленія, какія сочтутъ нужными для блага страны. Сословія освобождаются отъ присяги въ вѣрности, въ случаѣ если король нарушитъ свою присягу и клятву, или преступитъ что либо постановленное сословіями для блага страны, въ защиту религіи и для собственной безопасности (*).

Стóитъ только припомнить насколько сильно было вліяніе шведскаго государственнаго устройства на князя Д. М. Голицына, а затѣмъ сопоставить „кондиціи" верховниковъ, политическій планъ князя Голицына и „пункты" присяги съ приведенными выдержками изъ актовъ шведскаго сейма 1719—1720 гг., чтобы придти къ весьма вѣроятному предположенію о *заимствованіи* изъ нихъ княземъ Д. М. Голицынымъ въ его политическихъ проэктахъ. Князь Д. М. Голицынъ очевидно хотѣлъ присвоить „родословнымъ людямъ" и Верховному Тайному Совѣту то самое значеніе, которое придавала аристократіи и шведскому государственному совѣту аристократическая партія сейма 1719—1720 г. Такое значеніе родословныхъ людей и Верховнаго Тайнаго Совѣта ясно выражено и въ кондиціяхъ, и въ политическомъ пла-

---

скаго происхожденія воспрещается (при смѣшанныхъ бракахъ дѣти теряютъ права дворянства), устанавливаются точныя правила объ арестѣ дворянъ и о производствѣ у нихъ обыска, возстановляются старинныя права дворянъ по отношенію къ крестьянамъ, а также различныя преимущества относительно права пользованія коронными и дворянскими имѣніями.

(*) Постановленіемъ 1720 г. власть короля была еще болѣе ограничена. Ему не было предоставлено права созывать войска, или собирать налоги безъ согласія государственнаго совѣта; государственный совѣтъ уполномочивался созывать чины сейма по собственной инціативѣ. Король постоянно сопровождается двумя членами государственнаго совѣта.—Nordenflycht, S. 266—267.

нѣ, и въ пунктахъ присяги. Обращаясь къ каждому изъ этихъ актовъ въ отдѣльности, мы замѣчаемъ на нихъ еще болѣе вліянія шведскихъ государственныхъ порядковъ вообще и политическихъ замысловъ 1719—1720 гг. въ частности. Въ иныхъ случаяхъ подробности избранія Ульрики-Элеоноры служатъ причиной нѣкоторыхъ измѣненій по отношенію къ Аннѣ Іоанновнѣ. Ульрика-Элеонора была за мужемъ, Анна Іоанновна—вдова; и вотъ князь Д. М. Голицынъ, чтобы избѣжать тѣхъ затрудненій, которыми сопровождалось воцареніе короля Фридриха, ставитъ въ „кондиціяхъ“—условіе, чтобы Анна Іоанновна никогда не выходила замужъ и не назначала бы себѣ преемника. Разсматривая далѣе „кондиціи“, мы не можемъ не найти въ нихъ большаго сходства съ вышеприведенными выписками изъ шведскихъ проэктовъ государственныхъ реформъ. Нѣкоторые пункты кондицій прямо заимствованы изъ нихъ. Такъ напр. 4-й пунктъ о томъ, что императрица не имѣетъ права жаловать въ чины выше полковника—просто переведенъ изъ присяги короля Фридриха. Въ іерархіи высшихъ государственныхъ учрежденій политическаго плана князя Д. М. Голицына, нельзя не замѣтить нѣкотораго вліянія организаціи шведскаго сейма. Эта іерархія выражается въ четырехъ учрежденіяхъ (Верховный Тайный Совѣтъ, сенатъ, шляхетская палата, палата горожанъ)—шведскій сеймъ состоялъ также изъ четырехъ камеръ. Но учрежденія, предполагавшіяся княземъ Голицынымъ, не имѣли ничего общаго съ камерами шведскаго сейма. Шведское представительство сложилось исторически, и князь Голицынъ очень хорошо понималъ, что историческія условія Швеціи и Россіи далеко не одинаковы; поэтому то онъ и допускалъ нѣкоторыя необходимыя отклоненія. Онъ заимствовалъ изъ шведскагогосударственнаго строя только то, что̀, по его мнѣнію, было приложимо къ Россіи. Два сословія, игравшія на шведскомъ сеймѣ значительную роль, совсѣмъ исключены княземъ Голицынымъ—духовенство и крестьянство. Духовенство, по мнѣнію князя Голицына, должно быть чуждо политической жизни; что же касается до крестьянства, то онъ очень хорошо видѣлъ, чѣмъ являлось это сословіе на шведскомъ сеймѣ: оно являлось тамъ или опорой для королевской власти, или игрушкой въ рукахъ представителей другихъ сословій. Пункты присяги князя Д. М. Голицына, по замыслу своему, составляютъ подражаніе шведской присягѣ всѣхъ чиновъ людей 1720 г.

Шляхетское движеніе, направленное противъ преобладанія родословныхъ людей и Верховнаго Тайнаго Совѣта также не свободно отъ нѣкотораго вліянія событій, сопровождавшихъ избраніе Ульрики-Элеоноры. Ограниченіе власти Верховнаго Совѣта, увеличеніе его членовъ и избраніе ихъ, контроль его дѣйствій шляхетскимъ общенародіемъ, расширеніе шляхетскихъ льготъ—все это тѣ же самыя идеи, какія мы замѣчаемъ и въ стремленіяхъ дворянскаго большинства на шведскомъ сеймѣ 1719—1720 г. Какъ видно, эти послѣднія стремленія служили примѣромъ для русскаго шляхетства. Но шляхетство, также какъ и князь Д. М. Голицынъ, увлеклось только правами и преимуществами шведскаго дворянства, но не думало подражать вообще шведскому государственному строю: ни въ низшее правительство, ни въ избирательное собраніе, ни въ собраніе для обсужденія высшихъ государственныхъ дѣлъ—не привлекаются ни духовенство, ни горожане, ни крестьяне. При организаціи этихъ учрежденій у шляхетства, какъ видно, былъ другой идеалъ—шляхетскій сеймъ Рѣчи Посполитой Польской.

Кромѣ личныхъ впечатлѣній отъ западно-европейскихъ государственныхъ порядковъ и разсказовъ о нихъ иностранцевъ, русскіе шляхтичи имѣли возможность почерпать свѣдѣнія о состояніи европейскихъ государствъ и изъ книгъ. „Введеніе въ Гисторію Европейскую“ Пуффендорфа, переведенное по приказанію Петра В., и представлявшее краткіе очерки государственнаго устройства разныхъ западно-европейскихъ странъ въ началѣ XVIII в.,—не было единственной книгой въ этомъ родѣ; среди тогдашняго шляхетства обращалось нѣсколько рукописныхъ компиляцій географическо-историческаго содержанія. Къ такимъ компиляціямъ относится рукопись начала XVIII в.: „Краткое политическое описаніе государствъ Европейскихъ“. Симпатіи составителя компиляціи лежатъ на сторонѣ неограниченной монархіи, и онъ съ особою любовью останавливается на тѣхъ моментахъ исторіи государствъ, въ которые прежнія представительныя формы уступили мѣсто самодержавію (какъ напр. въ Даніи въ 1662 г., въ Швеціи въ 1680 г.); государственный строй Польши подвергается сильнымъ нападкамъ автора, а положеніе англійскаго короля, всецѣло ограниченнаго парламентомъ, вызываетъ въ немъ просто соболѣзнованіе и жалость. Такая точка зрѣнія не мѣшаетъ однако

автору подробно излагать организацію самоуправленія и Польши, и Англіи, и государствъ итальянскихъ, и „Союзнаго Белгіvма“—какъ называетъ онъ тогдашніе голландскіе штаты. Приведемъ для примѣра наиболѣе характеристическія мѣста изъ этой компиляціи (¹).

Въ разсмотрѣніи „Нѣмецкой земли“ подробно излагается государственный строй тогдашней священной римской имперіи съ цесаремъ во главѣ, власть котораго опредѣлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Онъ (цесарь) власть имѣетъ трактовать о згодѣ и о войнѣ, союзъ чинить, денги ковать, сеймы назначать; ничесоже опредѣлить не можетъ безъ удесъ (т. е. безъ чиновъ государственныхъ). Подъ этими „удесами“ разумѣются „электоры“, курфюрсты германской имперіи, которымъ и посвящено все остальное содержаніе главы о нѣмецкой землѣ. Здѣсь указано на ихъ съѣзды, на избраніе ими императора, на порядокъ его коронованія и присяги „статусу“ (т. е. государству).

Государственное устройство „Рѣчи Посполитой Польской“ изложено очень подробно. Здѣсь обращено вниманіе на слѣдующіе вопросы: 1) кто можетъ выбираться въ короли польскіе и почему это право не принадлежитъ прирожденнымъ полякамъ? 2) о порядкѣ избранія короля, 3) о предѣлахъ его власти, 4) о сенаторахъ и совѣтникахъ королевства и о ихъ правахъ (подробное перечисленіе государственныхъ сановниковъ польскихъ), 5) о сеймахъ, общемъ и частныхъ (провинціальныхъ).

Англійскій парламентъ,—„наивышній дворъ“ по терминологіи автора, изображается въ слѣдующихъ чертахъ. „Онъ не состоитъ на единомъ самомъ наивышшимъ сенатѣ, но подъ нимъ заключается обшій чинъ всихъ удѣсъ королевства, которые купно съ королемъ о причинахъ общего статуса или состоянія опредѣляютъ и заключаютъ. Онъ же раздѣляется на сеймовое сяданіе, вышшее и нишшее. Къ первому надлежатъ вси архіепископи, епископи, князіе, граѳы и бароны; къ второму же сяданію надлежатъ вси кавалери и два посланника, безъ которыхъ согласія немощно податки въ королевствѣ ставить“.

(¹) Рко. И. П. Б., F. IV, № 70.

Изъ остальныхъ государствъ съ представительной формой правленія, которыя назывались у насъ въ XVII и въ началѣ XVIII в. „рѣчами посполитыми", первое мѣсто отводится „р ѣ ч и посполитой Венеційской". Изложивъ общій строй государственнаго управленія Венеціи, авторъ такъ характеризуетъ венеціанскихъ сенаторовъ. „Что речено иногда о давныхъ рымскихъ сенаторахъ согласно нынѣ возможется придати венетицкимъ сенаторамъ"—говоритъ онъ—„которыихотя бъ не короли они, однакоже не надобно ихъ въ мень, шомъ почтеніи имѣть". Власть дожа опредѣляется слѣдующимъ образомъ. „Не найдется монархъ во окруженіи свѣта, котораго бы имѣли съ толикими царемоніями выбрать, какъ князя сего (т. е. дожа); однакожь достоинствомъ малымъ цвѣтетъ, или силою малою, ибо онъ дука безъ панства или безъ земли и князь безъ силы".

Союзный Белгіумъ (Голландскіе штаты) имѣетъ, по словамъ составителя компиляціи, большее значеніе чѣму Венеція, благодаря своей обширной торговли и богатствстраны, о чемъ и сообщаются статистическія свѣдѣнія (го„ родскіе доходы Амстердама, число торговыхъ кораблей, остъ-индскія колоніи). Въ изложеніи строя „статуса" подробно опредѣляется составъ и предметы вѣдѣнія общаго сейма, собирающагося въ Гагѣ, и предѣлы власти „губернатора", т. е. штатгальтера. „Голанскій статусъ волность свою, съ многою кровію полученою, выше почитаютъ прочихъ богатствъ"—замѣчаетъ авторъ и вслѣдъ за тѣмъ отводитъ довольно много мѣста для опредѣленія политическихъ основъ голландской торговли. Голландцы, по замѣчанію автора, твердо держатся пословицы: „покой миръ строитъ—война раззоряетъ". Въ заключеніе главы о Голландіи, авторъ съ похвалою отзывается о вѣротерпимости голландцевъ и объ ихъ благотворительности.

Не меньшей похвалы удостоиваются „Хелветы" за ихъ преданность свободѣ, храбрость, патріотизмъ, („за ихъ „вѣрность, правду, мудрость и людкость)". „Хелветы воинственною силою толь славны, что едва народъ можется найтить, который имѣлъ бы ихъ цѣною перевосходить"—говорится о нихъ.—„Сего знаки изъявилися прежде 300 лѣтъ, когда за свои домы и за волность мужественно воевали, которую волность и до нынешняго дня зѣло содержали сопротивъ нападателей". „Наипаче же надобно хвалить расторопность ихъ и сеи причины, что не токмо обновили рѣчь посполи-

тую сію, которую очень [размножили] и мудро направляли и въ цвѣтущей нынешней статусъ надвѣли". Въ подтвержденіе такого мнѣнія о „Хелветахъ" передается исторія освобожденія трехъ кантоновъ изъ подъ зависимости нѣмецкой имперіи и образованія союзнаго правительства. Самое это правительство характеризуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Образъ владѣнія частію есть демократицки, частію же аристократицки, но и болше однакожь часть есть демократицка, понеже аристократицки образъ токмо въ нѣкоторыхъ городахъ мѣсто имѣетъ". Государственное устройство Гельвеціи излагается довольно подробно: общій, союзный сеймъ, организація управленія кантоновъ, которые называются „уѣздами" и городскихъ сенатовъ.

Переводы историческихъ и политическихъ сочиненій западно-европейскихъ писателей, предпринятыхъ по повелѣнію Петра В., также распространяли среди шляхетства свѣдѣнія политическія. Титъ Ливій, сочиненія Пуффендорфа, („О должностяхъ человѣка и гражданина" и др.) Юста Липсія, Стратемана, и др. были переведены при Петрѣ В., а нѣкоторыя изъ нихъ изданы по нѣскольку разъ (5). Кромѣ того въ разныхъ регламентахъ и даже отдѣльныхъ указахъ Петра Великаго объяснялись политическіе вопросы. Въ этомъ отношеніи всего болѣе замѣчателенъ „Духовный Регламентъ", гдѣ очень подробно опредѣляется различіе власти свѣтской отъ духовной. „Правда Воли Монаршей" подробно разсматриваетъ существенные вопросы государственнаго права, всего болѣе волновавшіе русское общество первой половины XVIII в.: 1) о власти государей, 2) о разныхъ формахъ правленія, 3) объ отношеніи подданныхъ къ государю и государя къ подданнымъ, 4) объ избраніи наслѣдника по кончинѣ государя, не успѣвшаго назначить его при жизни, 5) о преимуществѣ монархіи наслѣдственной передъ избирательной (6).

---

(5) Подробн. въ книгѣ акад. Пекарскаго: «Наука и литература Петровскаго вр.»—Титъ Ливій былъ переведенъ въ 1722 году Гавріиломъ Бужинскимъ, но не былъ пропущенъ къ печати синодомъ, по неисправности перевода (?).—Ibid., I, прим. 2.

(6) «Правда воли Монаршей», въ VII т. П. С. З., № 4870, с. 602—643.—При Петрѣ В. «Правда» была издана въ количествѣ 1200 экз. До мая 1726 г. продано 530 экз., да безденежно роздано 30. Въ апрѣлѣ 1726 г. послѣдовалъ сенатскій указъ объ изданіи «Правды» въ ко-

Но кромѣ всѣхъ этихъ книгъ среди образованныхъ людей изъ шляхетства обращались и отдѣльные политическіе трактаты, разсматривающіе сущность государственнаго устройства теоритически и исторически. Во главѣ такихъ сочиненій долженъ быть поставленъ извѣстный трактатъ Локка († 1704 г.) „о гражданскомъ правительствѣ“, (переводъ начала XVIII в., сдѣланный уже по смерти Локка). За Локкомъ слѣдують другіе корифеи политической науки XVI и XVII вв.—Макіавелли, Гуго-Гроцій, Томазій и совершенно неизвѣстныя въ настоящее время политическія сочиненія, но тогда пользовавшіяся большимъ авторитетомъ. Мы укажемъ только на такія, изъ которыхъ могли почерпаться свѣдѣнія о политической роли дворянства и о значеніи государственныхъ реформъ. Сюда относятся: книга нѣмца Хр. Георга Бесселя—„Политическаго счастья ковачъ“ (первое изданіе въ 1666 г.), „Камень опыта политическаго“, переводъ сочиненія политическаго радикала и сатирическаго поэта, итальянца Боккалини († 1613 г.), „Осоримато, или разсужденіе о правомъ и мирномъ царствѣ, или коей либо области правленіи“, неизвѣстнаго автора (какъ видно, итальянца), „Описаніе винъ, ими же къ погибели и разоренію всякія царства приходятъ и которыми дѣлы въ цѣлости и въ смиреніи содержатся и строятся“, ркп. нач. XVIII в., „Наставленіе мужа народнаго“, переводъ съ французскаго, нач. XVIII в.

Хр. Георгъ Бессель выставляетъ не только необходимость принимать дворянамъ участіе въ государственной дѣятельности, но рекомендуетъ цѣлый рядъ способовъ, какъ пріобрѣсти полную довѣренность государя и какъ сохранить эту довѣренность для полученія власти въ свои руки. „Главное назначеніе мудраго человѣка“ — говоритъ Бессель—„занимать публичныя государственныя должности“ Онъ излагаетъ въ своей книгѣ пространную программу подготовленія дворянина къ государственной дѣятельности, начиная съ воспитанія умственнаго и нравственнаго, и затѣмъ предлагаетъ цѣлый рядъ наставленій, какъ вести себя на скольз-

---

личествѣ 19,000 экземпляровъ для разсылки по всей имперіи. Подробности см. у акад. Пекарскаго, въ вышеприведенной книгѣ, т. II. стр. 571—574.

комъ пути государственной и придворной службы. Между прочимъ рекомендуется „къ лучшему утвержденію искать милости своего государя; такожде подобаетъ искать и склонности временщиковъ и высокихъ служителей". Временщикъ характеризуется такимъ образомъ: „временщикъ не есть иное что якоже горсть пыльной земли, которую принци сами возвышаютъ выше своей головы, около которой летаютъ непрестанно бесчисленное множество мухъ; но коль скорю оной (т. е. принцъ) руку открыетъ, то оная (горсть земли) выпадетъ и разсѣется таковымъ образомъ, что ничего не останется, и тогда мухи, которые оной (горсть земли) окружали, т. е. ласкатели, которые имъ молилися, отдалятся, якоже оные со всѣхъ странъ оставятъ его тотъ часъ, сколь скоро принцъ его оставитъ". Всѣ подобные афоризмы подтверждаются историческими примѣрами, нравоучительными выдержками изъ священнаго писанія и классическихъ римскихъ писателей: Цицерона, Тацита, Тита Ливія и др. (⁷).

Въ „Камнѣ опыта политическаго"—„всѣ статусы, (т. е. государства) свѣта суть цензурованы въ Парнассѣ о своихъ погрѣшностяхъ". Аполлонъ, окруженный обществомъ ученыхъ людей, производитъ имъ судъ и расправу. Монархи всего свѣта разсказываютъ ему по очереди происходящее въ ихъ государствахъ. Принцъ московскій является великимъ ненавистникомъ наукъ и просвѣщенія. Онъ откровенно высказалъ Аполлону и ученому собранію Парнасса свои воззрѣнія и всѣ принцы приняли его сторону, а „сердца ученыхъ были весьма воспалены гнѣвомъ и ожесточены досадою". Дука венеціанскій передаетъ о возстаніи молодыхъ нобилей противъ венеціанскаго правительства и о строгомъ ихъ наказаніи. Въ уста венеціанскаго дожа влагается слѣдующее правоученіе въ пользу шляхетства: „аристократіямъ (т. е. правленіямъ аристократическимъ) какъ возможно надобно воздерживаться отъ публичныхъ наказаній надъ шляхетными особы, аще бы и развратными, чтобъ чрезъ поносимые казни у народовъ не изтребить тожь самое шляхетство; когда правленіе статское касается о превеликомъ интересѣ въ публичную ползу волностей, для

(⁷) Ркп. И. П. Б., F. II, № 68, гл. 11.

того тогда имѣетъ быть содержано въ вящщемъ почтеніи" (¹).

„Ѳеоримато"—сочиненіе направленное противъ „злочестиваго Махиявелля ученія", которое называется „кораномъ дворянскимъ"; (дворяне имѣютъ Макіавелли „не въ меньшей чести, яко Торки алкоранъ и привиденія махометанскіе") (²).

„Описаніе винъ" направлено противъ крутыхъ и насильственныхъ реформъ. Это сборникъ нравоучительныхъ примѣровъ изъ священнаго писанія и изъ исторіи греческой и римской на слѣдующую тему: „добродѣтели славно и честно содержатъ государство, а злоба, неправда и лукавство—ведутъ государство къ погибели".—Чтобы государство было въ цѣлости"—говоритъ неизвѣстный авторъ—„надо блюсти, чтобы не были перемѣнные справы или судебники и постановленія государскіе. Если понадобится перемѣнити что нибудь обычанное въ государствѣ, то не подобаетъ того вскорѣ дѣлати, но легкимъ путемъ, для того, чтобы скорою перемѣною сердца въ подданныхъ не смутилися и чтобы за тѣмъ дѣломъ не послѣдовалъ страхъ въ государствѣ, потому что всякая новая вещь болши убыткомъ въ государствѣ бываетъ нежели користію (т. е. пользою) и за нею послѣдуетъ смута и мятежъ въ государствѣ, а болши того когда тѣ новые дѣла и управы, сирѣчь судебники, бываютъ постановлены не для корысти (пользы) всѣхъ людей въ государствѣ, но для повышенія богатыхъ и великихъ людей, либо для пониженія убогихъ.". Совѣтуется также воздерживаться отъ иноземцевъ „не того ради, дабы иноземцомъ чести умалити, или ненавидя ихъ, но сего ради, дабы во обычаехъ и въ дѣлехъ государства премѣна не была". „Наипаче же того довлѣетъ хранити"—продолжаетъ составитель сборника—„чтобы изъ обычаевъ иноземскихъ проторей ихъ, или убытковъ въ житіи человѣческомъ, сирѣчь въ пищи и одеждѣ, не содѣялось которое дѣло; егда скоро въ государство выйдетъ и примирится, тогда уже приноситъ безконечное зло; послѣдуетъ же за тѣмъ

(¹) Ibid., F. XV, № 22 (листы не нумеров.).
(²) Ibid., F. II, № 27.

дѣломъ великая злоба, проторь или убытокъ, который нареченъ есть отецъ бѣдности и убожества“ ([10]).

„Наставленіе мужа народнаго“ представляетъ подробное руководство „къ пріятію рѣчи посполитой, со изображенными авторовъ сентенціями“. Наставленія эти слишкомъ общи и сводятся къ тому, что всякій просвѣщенный и честный гражданинъ, принимающій участіе въ управленіи страной долженъ заботиться объ общемъ благѣ и счастіи народа и обязанъ строго исполнять законъ. Примѣромъ такого отношенія къ странѣ долженъ быть князь (государь); онъ не долженъ торопиться распоряженіями, а тщательно ихъ обдумывать и во всемъ совѣщаться съ своимъ „сигклитомъ“. Добрый „князь“—есть залогъ благосостоянія государства, тогда и „злой сигклитъ“ не принесетъ вреда, между тѣмъ какъ „добрый сигклитъ со злымъ княземъ“ всегда ведетъ къ гибели. Умѣренность и кротость во всѣхъ мѣропріятіяхъ есть идеалъ составителя наставленій. Онъ отдаетъ предпочтеніе роли въ государственномъ управленіи людямъ средняго умственнаго уровня передъ умами выдающимися. „Къ радѣнію рѣчи посполитой“—говоритъ онъ—„лучше есть помѣрнаго мужа разума нежели высокоумнаго стяжовати“. Исходя изъ этой точки зрѣнія, осуждаются всѣ скороспѣлыя нововведенія и рѣзкія перемѣны въ управленіи страной, въ особенности во вновь покоренныхъ областяхъ ([11]).

Въ чемъ заключались стремленія верховниковъ и шляхетства? Этотъ вопросъ по отношенію къ верховникамъ, повидимому, уже рѣшенъ учеными и публикой; что касается до стремленій шляхетства, то они не разъяснены должнымъ образомъ. Верховники дѣйствовали изъ своекорыстныхъ цѣлей, желая ради своихъ эгоистическихъ побужденій ограничить власть Анны Іоанновны—таково ходячее мнѣніе, ставшее общимъ мѣстомъ. Въ словахъ князя Д. М. Голицына, сказанныхъ имъ при избраніи Анны Іоанновны, находятъ несомнѣнное подтвержденіе этому мнѣнію. „Надобно *себѣ* полегчить, воли *себѣ* прибавить“—говорилъ князь Димитрій Михайловичъ, мотивируя необходимость проэктиро-

([10]) Ibid., F. XV, № 21.
([11]) Ibid., F. I, № 322.

ванныхъ имъ „пунктовъ". Прибавить *себѣ* воли—значитъ привести въ неволю всѣ остальные общественные классы земли русской—заключали обыкновенно. Олигархія, непотизмъ!—вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ, и этими восклицаніями думаютъ порѣшить все. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ почесться серьознымъ, тѣмъ болѣе научнымъ. Историкъ не въ правѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній; но олигархизмъ верховниковъ пытаются доказать и инымъ способомъ: предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго.—Что бы было, еслибы верховники успѣли въ своихъ намѣреніяхъ? Такой вопросъ, очень любимый нѣкоторыми историками, представляется намъ празднымъ и анти-историческимъ. Что бы было если бы не Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а Новгородцы побѣдили бы Московскаго великаго князя, что бы было, еслибы Борисъ Годуновъ не прикрѣпилъ къ землѣ крестьянъ? что бы было, если бы Карлъ XII побѣдилъ Петра подъ Полтавой и т. д. и т. д. Такихъ фантастическихъ вопросовъ можно наставить безчисленное множество, но совершенно безцѣльно и безрезультатно. Между тѣмъ на такой вопросъ относительно верховниковъ отвѣчаютъ обыкновенно, что еслибы они восторжествовали, то Россія, разрываемая олигархіей, превратилась бы въ юдоль плача и стенанія. Осуждать верховниковъ на основаніи такого предположенія странно по очень простой причинѣ: мы не знаемъ что было бы, если бы верховники одержали побѣду. Но за то мы знаемъ, что самодержавіе Анны Іоанновны явилось не самодержавіемъ, а именно о л и г а р х і е й, да еще вдобавокъ не національной, а иноземной.

Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта до 1730 года не дастъ намъ права заключить, что эта высшая россійская коллегія дѣйствовала исключительно олигархически. Еще менѣе мы можемъ сдѣлать такое заключеніе относительно политическихъ намѣреній князя Д. М. Голицына. Его планъ и его „пункты" присяги не заключаютъ въ себѣ олигархическихъ тенденцій. Забыты крестьяне!—вотъ укоръ, который дѣлается обыкновенно князю Голицыну. По нашему мнѣнію они вовсе не забыты. Надо перенестись въ тотъ вѣкъ, когда происходили событія, надо проникнуться пониманіемъ той эпохи, чтобы вѣрно судить о ея намѣре-

ніяхъ. О крестьянахъ князь Голицынъ заботился, но не такъ, какъ заботятся о нихъ сторонники благосостоянія низшихъ классовъ нашего времени. Князь Голицынъ заботится о нихъ на первое время только съ финансово-государственной точки зрѣнія—хлопочетъ объ облегченіи имъ податей; но что было бы дальше—мы не знаемъ: планъ князя Голицына намъ неизвѣстенъ во всей подробности.

Соображая всѣ мѣропріятія верховниковъ, мы приходимъ относительно ихъ намѣреній къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) они избрали Анну Іоанновну, надѣясь, что она безусловно подчинится ихъ требованіямъ, 2) они желали въ ея царствованіе выработать прочныя основанія государственнаго устройства, 3) на первый разъ они желали прибавить с е б ѣ воли, считая себя, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія, первыми людьми, съ которыхъ нужно начать.

Противъ этихъ-то замысловъ и возстало шляхетство. Его цѣли были солидарны съ цѣлями верховниковъ по первымъ двумъ вопросамъ; но относительно третьяго оно расходилось съ ними по существу: шляхетство требовало и *себѣ воли*, требовало участія себѣ въ управленіи государствомъ. Обвинять шляхетство въ сословномъ эгоизмѣ и своекорыстіи столь же странно, какъ обвинять верховниковъ въ олигархіи. Исторія не знаетъ виноватыхъ. Шляхетство заботилось о себѣ, но оно заботилось объ интересахъ и другихъ сословій; правда, что эти сословія не уполномочивали его на это, но за то они не имѣли средства сами высказать своихъ желаній.

Вслѣдствіе какихъ причинъ не достигли ни верховники, ни шляхетство тѣхъ результатовъ, къ которымъ они стремились? Вопросъ этотъ прежде рѣшался обыкновенно очень просто. Шляхетство, возмущенное олигархіей верховниковъ, просило Анну Іоанновну принять самодержавную власть. Изъ нашего изложенія видно, что дѣло вовсе не происходило такимъ образомъ. Не шляхетство, просившее о самодержавіи, сокрушило верховниковъ, не уничтожили ихъ замысловъ Остерманъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ягужинской, а подготовили они паденіе своему дѣлу, главнымъ образомъ, сами.

Князь Д. М. Голицынъ, которому принадлежитъ иниціатива и направленіе всего дѣла, взялся за него самона-

дѣянно и опрометчиво. Онъ слишкомъ возомнилъ о себѣ, „забравъ паче мѣры ума". Его сгубила гордость. Онъ хотѣлъ одинъ дѣйствовать за всѣхъ и всѣхъ подчинить своей власти. Онъ до того презрительно относился къ своимъ товарищамъ—верховникамъ и къ своимъ противникамъ, что не начерталъ даже программы дѣйствій: онъ заранѣе былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ считалъ своихъ противниковъ за толпу, которой онъ можетъ руководить и помыкать по произволу. Другіе члены Совѣта, кромѣ брата Голицына, не желали ему подчиниться. Вслѣдствіе всего этого въ дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта съ 19-го января по 2-е февраля видна замѣчательная сбивчивость въ распоряженіяхъ. Вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ главнѣйшихъ лицъ изъ духовенства, генералитета и шляхетства, кн. Голицынъ открыто возсталъ противъ нихъ. Этимъ онъ раздразнилъ Ѳеофана Прокоповича, Остермана, Головкина, Ягужинскаго, Салтыкова, Черкасскаго и другихъ и создалъ то положеніе дѣлъ, которое, усложняясь постепенно съ 2 по 25 февраля, окончилось разорваніемъ „кондицій".

Шляхетское движеніе поражаетъ насъ противоположнымъ качествомъ. У шляхетства не доставало вождей; не было именно такихъ людей, какъ князь Д. М. Голицынъ, которые могли бы, воодушевясь общимъ интересомъ, подчинить своей волѣ большинство шляхетства. Шляхетство высказывало въ своихъ проэктахъ въ сущности почти одно и тоже, но группировалось случайно. Основаніемъ для этой группировки, какъ мы видѣли, были частныя, личныя отношенія, а соображенія, высказанныя въ разныхъ проэктахъ, обусловливались личными воззрѣніями того или другаго сильнаго человѣка. Но можемъ ли мы винить шляхетство? Шляхетство въ 1730 г. такъ или иначе впервые сознало свою корпоративность, еще очень незадолго до того времени, какихъ нибудь 25 лѣтъ, представляя изъ себя разобщенные „чины" служилыхъ людей. Неумѣнье дѣйствовать сообща, возвыситься надъ личными цѣлями во имя общихъ интересовъ, неумѣнье правильно понять эти интересы, отдѣливъ въ нихъ существенное отъ несущественнаго, болѣе важное отъ менѣе важнаго—все это прямо вытекаетъ изъ двухъ причинъ: во 1-хъ, изъ того неопредѣленнаго положенія, въ какое было поставлено шляхетство законодательствомъ Петра Великаго и во 2-хъ, изъ той вообще

ломки въ умственной и нравственной жизни русскаго народа, которая произведена реформой Петра. Что общаго имѣли и могли имѣть между собой М. А. Матюшкинъ и какой нибудь Аршеневскій, Ржевскіе и Жолобовъ, Татищевъ и Макаровъ?—а между тѣмъ мы видимъ рядомъ ихъ имена подъ проэктами. Русскіе люди первой половины XVIII в. не отличаются цѣльностью характера: все это натуры изломанныя — противорѣчіе ихъ стихія. Изъ довольно значительнаго числа участниковъ шляхетскихъ проэктовъ мы встрѣчаемъ весьма немного цѣльныхъ характеровъ: изъ 76-ти представленныхъ нами характеристикъ этихъ участниковъ мы едва наберемъ какихъ нибудь десять человѣкъ, которые могутъ быть названы людьми убѣжденія и характера. А остальные?... „Намъ русскимъ не надобенъ хлѣбъ—мы другъ друга ѣдимъ и съ того сыты бываемъ“, — говорилъ юродивый первой половины XVIII в. Тихонъ Архипычъ, лучше всего опредѣливъ „умоначертаніе“ современнаго ему русскаго шляхетства.—Прибавьте ко всему этому раздраженье шляхетства противъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, страхъ „маломочныхъ“ передъ угрозами верховниковъ, общую симпатію (главнымъ образомъ на основаніи слуховъ) къ Аннѣ Іоанновнѣ, неизвѣстность будущаго, инсинуаціи Остермана и Ѳеофана Прокоповича, присоедините къ тому всегдашнее россійское качество дѣйствовать на авось—и перемѣна мыслей у большинства шляхетства будетъ вполнѣ понятна. Верховники, — атаманы разбойниковъ, они придушатъ среднее шляхетство, а императрица Анна Іоанновна милосерда; она дастъ льготы среднему шляхетству и повелитъ ему собраться для составленія плана правленія россійскимъ государствомъ! Таковы были умозаключенія, какъ у тѣхъ изъ шляхетства, которые подали императрицѣ челобитную о разсмотрѣніи проэктовъ, такъ и у тѣхъ, которые просили ее о „воспріятіи самодержавія“.

Не всѣ замыслы шляхетства канули безслѣдно въ вѣчность. Только главныя, политическія ихъ стремленія не осуществились, но второстепенныя требованія, касающіяся служебныхъ и сословныхъ льготъ—были до нѣкоторой степени уважены Анной Іоанновной. Опираясь на желанія шляхетства, выраженныя въ прошеніи о самодержавіи, Анна Іоанновна поспѣшила уничтожить Верховный Тай-

ный Совѣтъ и востановить правительствующій сенатъ въ томъ значеніи, въ какомъ онъ былъ при Петрѣ В.; но члены въ него опредѣлялись не по выбору генералитета и шляхетства, а по назначенію императрицы. Всѣ министры Верховнаго Тайнаго Совѣта, кромѣ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, были сдѣланы сенаторами. Это произошло 4-го марта 1730 г. ([12]). Въ концѣ 1730 года была возстановлена должность генералъ-прокурора сената, которую снова занялъ П. И. Ягушинской ([13]). Первые два года царствованія Анны Іоанновны отличаются исполненіемъ многихъ шляхетскихъ требованіи. Отмѣтимъ главнѣйшія.

Учреждена комиссія для разсмотрѣнія состоянія арміи, артиллеріи и фортификаціи и исправленія оныхъ ([14]), составленъ новый штатъ генералитету и офицерамъ ([15]), возстановлена баллотировка офицеровъ ([16]), составлена новая табель жалованья военнымъ чинамъ ([17]), возобновленъ указъ Петра В., о первенствѣ воинскихъ чиновъ передъ гражданскими ([18]); наконецъ 29 іюля 1731 г. былъ учрежденъ кадетскій корпусъ для шляхетства ([19]). Всего дольше правительство Анны Іоанновны не опредѣляло сроковъ шляхетской службы и шляхетство продолжало по прежнему маяться въ полкахъ, большинство офицеровъ въ которыхъ при Аннѣ Іоанновнѣ было изъ нѣмцевъ. Только въ самый послѣдній день 1736 г. послѣдовалъ манифестъ о назначеніи для желающихъ 25-ти лѣтняго срока службы. Охотниковъ воспользоваться этимъ срокомъ явилось такъ много, что правительство въ августѣ 1740 г. отмѣнило льготу и снова возвратилось къ безсрочной шляхетской службѣ ([20]).

Часть ходатайства о льготахъ шляхетству была также удовлетворена. Запрещено покупать вотчины боярскимъ людямъ и монастырскимъ слугамъ ([21]), уничтоженъ за-

---

([12]) П. С. З. т. VIII, № 5510.
([13]) Ibid., № 5625.
([14]) Ibid., № 5571,—1 іюня 1730 г.
([15]) Ibid., № 5637,—30 окт. т. г.
([16]) Ibid., № 5690,—5 февр. 1731.
([17]) Ibid., № 5864,—28 окт. т. г.
([18]) Ibid., № 5877,—13 ноябр. т. г.
([19]) Ibid., № 5811.
([20]) Ibid., т. IX, № 7142 и т. XI, № 8195.

конъ 1714 г. о единонаслѣдіи и возстановлены законы о наслѣдствѣ по Уложенію (9 декабря 1730 г.) ([22]), окончательно сглажено различіе между вотчинами и помѣстьями, названными вообще недвижимыми имѣніями, и подтверждено право раздѣла ихъ между дѣтьми по Уложенію ([23]), учреждена особая книга для записыванія грамотъ на вотчины ([24]). Обращено было также вниманіе и на составленіе законовъ. Выборные изъ шляхетства для сочиненія новаго уложенія, распущенные было въ 1729 г. по домамъ, снова вытребованы въ Москву въ 1730 г., а въ декабрѣ 1730 въ комиссію для сочиненія Уложенія прибавлены новые члены уже по назначенію ([25]).

На положеніе остальныхъ сословій не было обращено должнаго вниманія. Относительно духовенства правительство Анны Іоанновны ограничилось на первый разъ манифестомъ отъ 17 марта 1730 года, въ которомъ предписывалось синоду стараться: 1) о соблюденіи православными христіанами закона Божія и церковныхъ преданій, 2) о возобновленіи храмовъ и страннопріимныхъ домовъ, 3) объ учрежденіи духовныхъ училищъ, 4) объ исправленіи установленныхъ церковныхъ требъ, церемоній и моленій ([26]). Съ торговыхъ людей были сложены недоимки таможенныхъ пошлинъ по 1724 г. и повелѣно исправно платить ихъ на будущее время, (23 іюля 1730 г.), а также разрѣшена свободная продажа трески (23 апрѣля 1730 г.), но рядомъ съ этимъ отданы въ аренду питейные сборы (9 октября 1730 года) ([27]).

25 марта 1730 г. крестьяне освобождены отъ податей на майскую треть 1730 г. и введенъ контроль по расходованію податныхъ недоимокъ прежнихъ лѣтъ ([28]). Бо-

---

([21]) Ibid., т. VIII, № 5633,—25 октября 1730 г.

([22]) Ibid., № 5653.

([23]) Ibid., № 5717,—17 мар. 1731.

([24]) Ibid., № 5884,—18 нояб. т. г.

([25]) Ibid., №№ 5577 и 5654.

([26]) Ibid., № 5518.

([27]) П. С. З., т. VIII, №№ 5580, 5545 и 5628. (20 іюня, 23 апр. и 9 окт. 1730 г.).

([28]) Ibid., №№ 5525 и 5529—25 мар. и 13 апр. 1730 г.

лѣе всѣхъ выиграли жители вновь присоединенныхъ балтійскихъ областей: имъ подтверждены всѣ ихъ прежнія права и привиллегіи (29).

Изъ всѣхъ предположеній князя Д. М. Голицына приведено въ исполненіе только одно—увеличеніе гвардіи двумя полками. 22 сентября 1730 года былъ учрежденъ новый пѣхотный гвардейскій полкъ, названный по имени родовой вотчины Анны Іоанновны — измайловскимъ, а 31 декабря того же года изъ лейбъ-регимента сформированъ лейбъ-гвардіи конный полкъ. Командирами этихъ новыхъ полковъ сдѣланы лица, давшія знать Аннѣ Іоанновнѣ о „затѣйкахъ" верховниковъ: измайловскаго полка — Густавъ фонъ Лёвенвольде, а коннаго—П. И. Ягужинской (30).

Рядомъ съ перечисленными исполненіями нѣкоторыхъ шляхетскихъ ходатайствъ начались преслѣдованія верховниковъ и сторонниковъ ограниченія власти Анны Іоанновны. Ранѣе другихъ подвергаются опалѣ всѣ Долгорукіе, кромѣ фельдмаршала. Голицыныхъ пока щадятъ: ихъ очевидно боятся тронуть такъ скоро. Гибель ихъ отсрочена; они „искореняются" шесть лѣтъ позже. За Долгорукими наступаетъ очередь очень многихъ видныхъ представителей шляхетскихъ заявленій. В. Н. Татищевъ. С. Л. Вельяминовъ. Дашковъ, Ил. Ив. Мусинъ-Пушкинъ. И. И. Бибиковъ, И. М. Волынской. Таракановъ. Вас. Ѳеод .Салтыковъ. Жолобовъ, Наумовъ, Матюшкинъ, Бестужевъ-Руминъ, Д. Ѳ. Еропкинъ, Л. В. и Ив. Петр. Измайловы—всѣ эти лица подъ благовиднымъ предлогомъ удаляются изъ Москвы на административныя должности и въ войска въ отдаленныя провинціи.

Имѣть копію съ „кондицій" считается государственнымъ преступленіемъ. Изъ за этого возникаетъ цѣлый рядъ процессовъ, которыми дебютируетъ возобновленный преображенскій приказъ, названный „тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріей" и порученный Андрею Ивановичу Ушакову. Еще болѣе тяжкимъ преступленіемъ почитается оказывать сочувствіе Елизаветѣ Петровнѣ, или голштинскому принцу. За имѣніе у себя копій съ „кондицій" и за сочув-

(29) Ibid., №№ 5607, 5608, 5610, 5730, 5731, 5732, 5766.
(30) Ibid., №№ 5623, 5664, 5692.

ствіе голштинскому принцу гибнутъ вицепрезидентъ коммерцъ-коллегіи Фикъ и адмиралъ Сиверсъ: первый ссылается въ Сибирь, а второй въ свою деревню. Но эти преслѣдованія и ссылки не останавливаютъ того порядка идей, который высказывало шляхетство въ своихъ проэктахъ. А. П. Волынской и люди, составлявшіе его кружокъ, выражають тѣ же политическія желанія, какія высказывались шляхетствомъ въ 1730 г. Нѣкоторые изъ принадлежавшихъ къ его кружку участвовали въ шляхетскихъ проэктахъ; но эти люди гибнутъ на эшафотѣ.

Указанными выше льготами шляхетству и преслѣдованіемъ главныхъ дѣятелей 1730 г. не исчерпываются результаты самодержавія Анны Іоанновны. Челобитчики о самодержавіи не думали-не гадали, что изъ монархической власти Анны Іоанновны выростетъ та нѣмецкая олигархія, которая извѣстна подъ именемъ Бироновщины: не думали русскіе шляхтичи, что слово „русскій" станетъ въ царствованіе Анны Іоанновны чуть не позорной кличкой, не предполагали они, что тѣ внутреннія неустроенія, которыя выразились въ пять лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго и поправить которыя они хотѣли средствами, предложенными ими въ проэктахъ,—еще болѣе усилятся въ самодержавное правленіе Анны Іоанновны.

Въ царствованіе Анны Іоанновны престолонаслѣдіе не только не получило опредѣленности, но явилось еще болѣе произвольнымъ, чѣмъ прежде. Императрица назначила своимъ преемникомъ несуществующее лице—того ребенка, который долженъ родиться отъ ея племянницы Анны Леопольдовны, а Анна Леопольдовна была при воцареніи Анны Іоанновны *одиннадцатилѣтней* дѣвочкой, такъ что о ея замужествѣ нельзя было и думать. Дѣйствительный наслѣдникъ Анны Іоанновны родился только въ послѣдній годъ ея царствованія и русскій императорскій скипетръ былъ врученъ двухмѣсячному ребенку. Такое самодержавіе повело къ дальнѣйшимъ замѣшательствамъ въ престолонаслѣдіи.

Личныя качества Анны Іоанновны, на которыя съ такимъ довѣріемъ положились русскіе люди, привели въ ея царствованіе къ совершенно противоположнымъ результатамъ, чѣмъ ожидали. Правителями стали нѣмцы. Московское

царство, преобразованное Петромъ въ россійскую имперію, превращается въ третьестепенное нѣмецкое герцогство, для котораго политическимъ идеаломъ является не идеалъ европейскаго монархизма во главѣ коллегіальнаго строя, о чемъ мечталъ Петръ Великій, а государственное устройство Голштиніи, Мекленбурга и Курляндіи. Европейская дипломатія хозяйничаетъ въ Петербургѣ какъ у себя дома, и во внѣшней политикѣ петербургскій кабинетъ всецѣло зависитъ отъ капризнаго воззрѣнія нѣмецкаго цесаря. Учрежденія Петра извращаются, система его внутренняго управленія измѣняется, флотъ, созданіе всей его жизни, „дитя его сердца"—приходитъ въ упадокъ, военная дисциплина превращается въ мекленбургско-голштинскую казарменную формалистику, торговля и промышленность чахнутъ, финансы разстраиваются, государственный долгъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Шляхетство, получивъ при Аннѣ Іоанновнѣ нѣкоторыя льготы, все болѣе и болѣе удаляется отъ того значенія, которое желало получить себѣ въ 1730 г. „Родословные люди" постепенно „искореняются" нѣмцами-правителями, потомки старинныхъ служилыхъ людей все болѣе и болѣе бѣднѣютъ, вслѣдствіе отмѣны закона о единонаслѣдіи, раздробляя свои имѣнія на мелкопомѣстные участки; ряды шляхетства гуще и гуще наполняются „худородными" людьми и иноземцами. Крѣпостное право становится съ каждымъ годомъ почти единственной прерогативой шляхетства, и въ сохраненіи и развитіи этой прерогативы ищетъ шляхетство своего выдающагося положенія въ обществѣ и государствѣ. Жестокость правительства Анны Іоанновны, презрительное обращеніе съ русскими начальствующихъ лицъ вообще и генераловъ и офицеровъ въ частности, необходимость заискивать у нѣмцевъ-правителей путемъ лести и низкопоклонства — все это развращаетъ шляхетство болѣе и болѣе и все сильнѣе развиваются въ немъ дикіе инстинкты крѣпостничества. Идеалы его съуживаются и шляхетскія заявленія въ знаменитой екатерининской комиссіи 1767 г.—несравненно ниже шляхетскихъ воззрѣній 1730 г. Только въ 1762 году шляхетство получаетъ совершенное освобожденіе отъ обязательной службы государству, но эта свобода шляхетства ведетъ за собою еще большее закрѣпощеніе крестьянъ.

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшіе результаты провозглашенія самодержавія Анны Іоанновны. Этими результатами опредѣляется и историческое значеніе ея воцаренія.

Да не упрекнутъ насъ нѣкоторые читатели въ предвзятой мысли и въ односторонности. Въ нашей книгѣ дѣйствующими лицами являются почти исключительно люди одного общественнаго класса —шляхетскаго; представитель духовенства, Өеофанъ Прокоповичъ, скрывается за кулисами исторической сцены; другія лица изъ духовенства—только упоминаются; купцы, посадскіе, крестьяне—совсѣмъ отсутствуютъ.

Такъ было въ дѣйствительности.

Движеніе, возбужденное замыслами верховниковъ и шляхетства ограничивалось ихъ кругомъ. Слегка задѣвая духовенство, оно не проникало въ средніе и низшіе слои русскаго народа. Эти слои, не посвященные въ тайны политики, не могли быть заинтересованы вопросами о подробностяхъ государственнаго устройства. Весь государственный строй земли Русской выражался у нихъ въ исконномъ представленіи о самодержавномъ государѣ. Они ничего не знали о замыслахъ верховниковъ и шляхетства, а вслѣдствіе этого и были безучастны въ событіяхъ, совершившихся въ Москвѣ въ началѣ 1730 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1

2

№ 1.

Критико-библіографическія замѣтки о важнѣйшихъ оффиціальныхъ документахъ, относящихся къ воцаренію императрицы Анны Іоанновны.

I.

КОНДИЦІИ ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ВЕРХОВНИКАМИ.

(Къ 1-й главѣ текста, с. 8—18).

А)

Списки кондицій Государственнаго Архива и ихъ варіанты.

До насъ дошло **три** первоначальныхъ редакціи «пунктовъ». (**Госуд. Арх.**, разд. III, дѣло № 4, лл. 13—16). Извлеченія изъ первой редакціи мы привели въ текстѣ (с. 8—9); вторая и третья состоятъ изъ **восьми** пунктовъ и нѣсколько отличаются отъ первой (мы указали это различіе тамъ же); кромѣ того, встрѣчаются измѣненія въ выраженіяхъ первой и второй редакцій, но третья возстановляетъ выраженія первой. Такъ напримѣръ, въ 3-мъ п. второй редакціи вставлено: «*никакими* новыми податьми», а въ третьей редакціи того же пункта слово это исключено и возстановленъ текстъ первой редакціи; въ 5-мъ п. второй редакціи исключено слово «и чести», а въ третьей редакціи вставлено вновь. При сличеніи окончательной редакціи съ тремя первоначальными редакціями, мы замѣчаемъ, что она во всемъ тождественна съ третьей первоначальной редакціей, за исключеніемъ 3-го п., внесеннаго въ нее согласно съ первой редакціей. Эта окончательная редакція дошла до насъ въ **трехъ** оффиціальныхъ спискахъ и въ **двухъ** копіяхъ, бѣловой и черновой (**Госуд. Арх.**, разд. III, д. № 6, лл. 29—31). Оффиціальные списки находятся: 1) въ подлинномъ экземплярѣ «кондицій», собственноручно подписанномъ Анной Іоанновной и разодранномъ ею 25 февраля 1730 г. Этотъ экземпляръ, разодранный вдоль

листа сверху до низу пополамъ, хранится въ Государственномъ Архивѣ (разд. III, д. № 6, л. 28).—2) въ протоколѣ В. Т. С. 19 января 1730 г. объ избраніи императрицы Анны Іоанновны (ibid., л. 1—3).—3) въ пунктахъ «присяги» (ibid., дѣло № 4, л. 19—20). [Снес. ниже въ настоящемъ приложеніи отд. III,]. Всѣ эти списки сходны между собою и извлеченія изъ нихъ, приводимыя нами въ текстѣ (с. 17—18) впервые напечатаны по списку № 2, С. М. Соловьевымъ, въ его «Исторіи Россіи», т. XIX, с 246—247.

Кромѣ перечисленныхъ нами списковъ кондицій, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ, въ «Памятникахъ Новой Русской Исторіи» г. Кашнирева (т. I, отд. II, с. 3—4) напечатаны изъ бумагъ Н. Н. Шульгина *два варіанта* кондицій, представляющіе значительныя отклоненія отъ списковъ Государственнаго Архива. Оба эти варіанта, какъ значится въ ихъ заглавіи, были посланы въ Митаву съ тремя депутатами *и подписаны собственною Ея Императорскаго Величества рукою.* Каждый изъ варіантовъ состоитъ изъ 8-ми пунктовъ.

Первый варіантъ представляетъ слѣдующія отличія отъ окончательной редакціи Государственнаго Архива: пп. 1—3 составляютъ сокращеніе вступленія; пп. 1 и 2 окончательной редакціи Государственнаго Архива—опущены совершенно; 4-й пунктъ составляетъ перифразъ 6-го и 8-го пунктовъ; 5-й пунктъ—сокращеніе 4-го пункта окончательной редакціи Государств. Архива; 6-й пунктъ измѣняетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ 5-й пунктъ той же редакціи: «У шляхетства *чиновъ*, деревень и земель безъ суда не отнимать»; 7-й пунктъ представляетъ слѣдующую перефразировку того же пункта вышеупомянутой редакціи: «ко двору Ея Величества сверхъ опредѣленнаго штата никого не принимать»; 8-й пунктъ состоитъ изъ 3-го пункта этой редакціи со слѣдующимъ измѣненіемъ: «излишнихъ податей сверхъ положеннаго ни на кого не накладывать».—Заключительныхъ словъ окончательной редакціи послѣ пунктовъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ читаемъ слѣдующее: «подписано подъ сими пунктами Ея Величества собственною рукою тако: *содержать по сему, а ежели что противно учиню, то лишена буду россійские короны*».

Второй варіантъ представляетъ еще бо́льшія отклоненія отъ окончательной редакціи Государственнаго Архива. Редакція этого варіанта очень кратка. 1-й и 2-й пункты ея составляютъ сокращеніе первыхъ двухъ пунктовъ перваго варіанта; 3-й пунктъ (о производствѣ въ чины и о придворныхъ) заключаетъ въ себѣ сокращеніе 4-го и 7-го пп. окончательной редакціи Государственнаго Архива, 4-й пунктъ—1-го и 2-го пунктовъ той же редакціи; 5-й пунктъ—составляетъ часть 4-го пункта (о гвардіи и о прочихъ войскахъ); 6-й пунктъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ варьируетъ 6-й же пунктъ окончательной редакціи Государственнаго Ар-

хива: «Деревнями и ни чѣмъ не жаловать и денегъ не брать». 7-й пунктъ почти повторяетъ тотъ же пунктъ окончательной редакціи. 8-й пунктъ представляетъ разночтеніе 3-го п. Онъ читается такъ: «Излишнихъ податей съ крестьянъ не имать». — Послѣ этого пункта находится слѣдующая приписка: «Правда, что Богъ всѣмъ владѣетъ, и Онъ вложилъ въ сердца Ваши такое попеченіе о мнѣ, однакожъ я тотъ поступокъ почитаю за великое Ваше и всего народа усердіе ко мнѣ. И намереніе мое ко всему народу и къ Вамъ, сколько Богъ мнѣ поможетъ, всякую милость казать и во всемъ отечеству моему пользы и благополучія искать».

Подписаны-ли Анной Іоанновной оба эти варіанта — мы не можемъ удостовѣрить, такъ какъ въ Государственномъ Архивѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Но если они были дѣйствительно подписаны ею, то тогда мы невольно остановились бы на слѣдующемъ предположеніи: князь В. Л. Долгорукой могъ взять съ собой всѣ три варіанта «пунктовъ» и всѣ ихъ предложить подписать Аннѣ Іоанновнѣ. Приводенные варіанты могли быть списаны съ тѣхъ набросковъ, изъ которыхъ многое диктовалъ кн. Долгорукой Степанову ночью съ 18 на 19 января, а затѣмъ привезъ съ собою 19-го утромъ въ Мастерскую Палату (См. Записку Степанова с. 10—11). По всей вѣроятности, рѣчь идетъ именно объ этихъ двухъ варіантахъ въ реестрѣ бумагъ кн. В. Л. Долгорукаго. Подъ № 2 занесено въ него: «*Трои черные пункты*, каковы посланы при вышеписанномъ письмѣ (отъ 19 янв. 1730 г. объ избраніи Анны Іоанновны». — (Госуд. Арх., разд. III, д. № 6, л. 53). — Очень можетъ быть, что это именно черновые наброски трехъ главныхъ редакцій «пунктовъ»: 1) окончательной Государственнаго Архива, 2) перваго варіанта Шульгина, 3) его же втораго варіанта.

В.

Тексты кондицій по реляціямъ пословъ.

(Къ IV-й главѣ текста, с. 37).

Большинство иностранныхъ пословъ сообщаетъ своимъ правительствамъ о кондиціяхъ, начиная съ 22 января (2 февраля нов. ст.), только общее ихъ содержаніе (Лефортъ, Сб. Русск. Ист. Общ., V, 345; Мардефельдъ, ibid., XV, 401) — причемъ испанскій посолъ де-Лиріа смѣшиваетъ кондиціи съ ходившими въ то время толками о планѣ князя Д. М. Голицына и о нѣкоторыхъ шляхетскихъ проэктахъ (См. XVIII в., III., с. 34—35). Только одинъ французскій резидентъ Маньянъ сообщаетъ полный текстъ кондицій вскорѣ послѣ 22 января. Въ приложеніи къ его депешѣ № 2 находится *двѣ редакціи* кондицій, одна изъ *семи*, другая изъ *восьми* пунктовъ.

(Напеч. у Тургенева, La Russie et les Russes, v. III, p. 260—261, и въ переводѣ на русскій языкъ въ «Памятникахъ Новой Русской Исторіи» Кашпирева, т. I, отд. II, с. 362—363). Первая редакція Маньяна, также какъ и сообщеніе де-Лиріа, смѣшиваетъ «кондиціи» съ ходившими тогда слухами; изъ нихъ, между прочимъ, почерпаетъ Маньянъ пп. 4, 5 и 6 своей первой редакціи; остальные пункты, 1—3 и 7 состоятъ въ перефразировкѣ вступленія къ кондиціямъ (п. 1, 2 и 7) и пункта 4-го (п. 3) первой черновой редакціи Государственнаго Архива. Первая редакція Маньяна перепечатана въ сборникѣ «La Cour de Russie», p. 12—13, а оттуда въ статьѣ г. Щебальскаго: «Вступленіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны». Р. В. 1859 г. т. XIX, с. 37—38 и у кн. П. В. Долгорукаго «Memoires», I, p. 312.

Вторая редакція Маньяна представляетъ наскоро составленный переводъ первой черновой редакціи Государственнаго Архива. (См. нашъ текстъ, с. 8—9). Она перепечатана въ «La Cour de Russie», p. 13—14 и въ «Memoires» кн. Долгорукаго, I, p. 312—313.

Затѣмъ, изъ извѣстныхъ намъ донесеній иностранныхъ пословъ, мы находимъ тексты кондицій у *трехъ*: де-Лиріа—въ депешѣ отъ 20 февраля нов. стиля (XVIII-й в., III, с. 41), Лефорта отъ 2 марта н. ст. (Сб. Русск. Истор. Общ., V, 359—360) и Вестфалена—отъ 9 марта нов ст. (См. наше III-е приложеніе, депешу № 10).—Текстъ де-Лиріа весьма близокъ къ первой черновой редакціи пунктовъ Государственнаго Архива. У него составилось 8 пунктовъ, потому что введеніе къ пунктамъ онъ ставитъ первымъ пунктомъ; 6-й пунктъ этой редакціи де-Лиріа (п. 7-й) передаетъ такимъ образомъ: «Не можетъ конфисковать имуществъ ни одного дворянина, по крайней мѣрѣ если это не будетъ вызвано какимъ нибудь важнымъ преступленіемъ». Вмѣсто 7-го пункта въ его 8-мъ пунктѣ читаемъ: «Не можетъ отчуждать ни имущества, ни земли, принадлежащихъ коронѣ». Въ своихъ «Extraits des depeches» (ркп., стр. 94—95) онъ приводитъ новый текстъ «кондицій» въ 10 пунктовъ, представляющій варіантъ окончательной оффиціальной редакціи пунктовъ. Этотъ текстъ въ русскомъ переводѣ «извлеченій» Языкова (подъ именемъ записокъ герцога Лирійскаго) почему-то опущенъ. Первые два пункта взяты изъ введенія къ кондиціямъ. Соотвѣтствіе остальныхъ слѣдующее: 1-й и 2-й пп.—соединены въ одинъ *третій*; 3-й п. поставленъ девятымъ; изъ 4-го п сдѣланы два—*четвертый* и *пятый*; 5-й пунктъ—поставленъ *восьмымъ*; 6-й и 8-й пункты дали содержаніе *шестому* пункту, въ слѣдующемъ измѣненіи: «La czarine ne pourra point donner ou aliener un bien quelconque appartenant à la couronne, ni disposer de l'argent de la tresorerie».—9-й пунктъ поставленъ *седьмымъ*, а изъ конца кондицій образовался *десятый* пунктъ.

Изъ сопоставленія двухъ редакцій де-Лиріа съ оффиціальными редакціями кондицій уже видно, что иностранные дипломаты варьировали кондиціи на свой ладъ, переводя пункты не всегда точно и ставя ихъ одинъ послѣ другаго въ произвольномъ порядкѣ. Тоже самое мы находимъ въ текстахъ Лефорта и Вестфалена. Мы не станемъ утомлять вниманіе читателя выписками подлинныхъ мѣстъ изъ ихъ отступленій, а укажемъ только произвольность группировки пунктовъ у того и другаго, отсылая желающихъ ближе познакомиться съ ихъ разнорѣчіями къ самымъ текстамъ ихъ. Оба текста, и Лефорта и Вестфалена, состоя изъ 8 ми пунктовъ, представляютъ сокращеніе и перифразъ окончательной бѣловой оффиціальной редакціи кондицій.

Оффиц. текстъ.	Лефортъ.	Вестфаленъ.
	статьи	
вступленіе.—въ супружество не вступать.	1.	2.
наслѣдника не назначать.	1.	
учрежденный В. Т. С. въ 8-ми персонахъ содержать	(передъ 1-мъ п.)	1.
1 и 2.	2.	3.
3.	8.	5.
4.	3 и 5.	6.
5.	7.	8.
6.	4.	7.
7.	6.	не имѣется.
8.	не имѣется.	4.

Текстъ Лефорта, еще раньше изданія его въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», напечатанъ у Германа, въ его «Gesch. des Russ. Staates» (Bd. IV, 539—540) съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ послѣдовательности пунктовъ и съ небольшими отступленіями отъ подлиннаго текста Лефорта. Помѣщаемое Лефортомъ передъ первымъ пунктомъ (о В. Т. С.) у Германа поставлено 2-мъ пунктомъ, вслѣдствіе чего вся остальная нумерація пунктовъ Лефорта въ той же послѣдовательности является одной цифрой больше, 3-й пунктъ 4-мъ, 4-й—5-мъ, 6-й п. у Германа пропущенъ, а 7-й читается иначе, чѣмъ въ подлинномъ текстѣ Лефорта, а именно, у Лефорта: «Не лишать дворянъ безъ законныхъ причинъ имущества, свободы и чести»; у Германа: «Der Adel soll ohne rechtliches Erkenntnisz weder seiner Güter entsetzt noch an seiner Ehre gekränkt werden». Текстъ Германа, кромѣ рускаго перевода изъ «Gesch. des Russ. Staates» [Русскій Архивъ 1866 г.] приведенъ въ вышеупомянутой статьѣ г. Щебальскаго (с. 39) и въ «Memoires» кн. Долгорукаго (с. 313).

Текстъ Вестфалена никогда не былъ изданъ и является въ нашемъ изслѣдованіи впервые.

C)

Тексты кондицій въ современныхъ имъ періодическихъ изданіяхъ и въ мемуарахъ.

Вторая редакція кондицій французскаго резидента Маньяна (см. выше, стр. 6) послужила основнымъ текстомъ кондицій, напечатанныхъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ, («Europaische Fama» 1730, ч. 328, с 316;—Nationen Gespräche, 23 Entrevue), вслѣдствіе чего и получила наибольшее распространеніе. Она съ нѣкоторыми измѣненіями приведена въ «Запискахъ Миниха-сына» (с. 43 и 44), у Вебера (Das veränderte Russland, III, 184—185) и у Манштейна (Зап., по изданію Русск. Стар., с. 20—21); а изъ Манштейна перепечатана въ «Зерцалѣ Россійскихъ Государей» Малыгина, 1822, с. 564—565; у Вейдемейера («Обз. происш.», 4-е изд., ч. IV, с 97); въ примѣчаніяхъ Языкова къ «Запискамъ герц. Лирійскаго» (с. 159—160), и въ статьѣ г. Щебальскаго (с. 37—39). Весьма близокъ также ко второй редакціи Маньяна текстъ кондицій, записанный со словъ князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, напеч. въ «Memoires» князя П. В. Долгорукаго, v. I, p. 312. (См. подробности въ нашемъ обзорѣ источниковъ при разсмотрѣніи записки кн. П. П. Долгорукаго).—Всѣ перечисленныя передѣлки 2 й редакціи Маньяна состоятъ изъ семи пунктовъ. У Миниха-сына, а равно у Вебера и Манштейна, вторая редакція Маньяна подверглась, прежде всего, такой же передѣлкѣ, какой подверглись въ свою очередь оффиціальныя редакціи кондицій въ реляціяхъ иностранныхъ дипломатовъ, а именно: и у того и у другаго пункты иначе сгруппированы. У Миниха-сына 4-й п. Маньяна пропущенъ совершенно, 5-й его пунктъ поставленъ четвертымъ, 6-й и 7-й пункты соединены въ одинъ—шестой, а седьмой пунктъ соотвѣтствуетъ 8-му п. Маньяна. Веберъ и Манштейнъ представляютъ сокращеніе редакціи Маньяна, причемъ 6-й и 7-й пункты Маньяна соединены въ одинъ—шестой пунктъ. Поэтому оба они гораздо ближе къ своему подлиннику, чѣмъ Минихъ-сынъ; у него мы видимъ слѣдующія отступленія отъ Маньяна: 5-й пунктъ Миниха совершенно не находится у французскаго резидента и, какъ видно, заимствованъ изъ политическаго плана князя Д. М. Голицына. Онъ читается такъ: «Безпрекословно довольствоваться опредѣляемымъ на содержаніе ея особы и придворнаго штата годовымъ доходомъ»: 6-й п. у Миниха представляетъ весьма замѣтную варьяцію 6-го и 7-го пунктовъ Маньяна. Минихъ-сынъ:

«Казенныхъ вотчинъ никому не дарить». Манъянъ: 6-й п. «Имѣніе дворянина не можетъ быть конфисковано у него иначе, какъ по очевидномъ доказательствѣ его преступленія». 7-й п. «Безъ согласія Совѣта она не раздаетъ и не отчуждаетъ никакихъ имѣній, составляющихъ государственную собственность».

Кромѣ второй редакціи Маньяна, въ нѣкоторыхъ мемуарахъ встрѣчаются тексты «кондицій», близкіе къ тексту Манштейна, но представляющіе произвольныя его измѣненія. Очевидно, эти тексты принадлежатъ къ частнымъ спискамъ, которыхъ, не смотря на строгое ихъ преслѣдованіе при Аннѣ Іоанновнѣ, существовало очень много. Къ этой категоріи относятся тексты кондицій, напечатанные въ примѣчаніяхъ Терещенки къ Сказанію Ѳеофана Прокоповича объ избраніи Анны Іоанновны, Спб 1837, (с. 43—44), въ Запискахъ Муравьева и Лунина, изд. 1863 г. (с 127), и въ Запискахъ Фонъ-Визина, изд. 1860 г. (с. 28—29).—Совершенно своеобразный текстъ кондицій (въ 8-ми пунктахъ), не схожій ни съ одной изъ разсмотрѣнныхъ нами редакцій.—помѣщенъ въ брошюрѣ князя Вс. Долгорукаго: «Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе». Спб. 1869 г. (стр. 116). Мы не останавливаемся на этомъ текстѣ, такъ какъ онъ составляетъ плодъ досужихъ измышленій князя Вс. Долгорукаго, подобно и всей его брошюрѣ.

II.

ТЕКСТЪ ДВУХЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ ДОСЕЛѢ ВЪ ПОДЛИННИКѢ ШЛЯХЕТСКИХЪ ПРОЭКТОВЪ.

А)

Проэктъ Матюшкина.

1) Къ теперешнимъ членамъ Верховнаго Совѣта слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, прибавить еще нѣсколько человѣкъ, чтобы всѣхъ членовъ было 12 или 13; потому что для важныхъ дѣлъ, которыя касаются учрежденія правленія, или общей государственной пользы, должны быть созваны генералитетъ и шляхетство, какъ видно ниже въ 6-мъ пунктѣ; тогда собраніе не только не будетъ малолюдно, но даже многолюдно. Для веденія ежедневныхъ дѣлъ достаточно вышеупомянутаго числа членовъ (1).

2) Для замѣщенія вакансій въ члены Верховнаго Совѣта теперь или впослѣдствіи, военный и штатскій генералитетъ, а также и шляхетство должны выбирать 3-хъ кандидатовъ на одно мѣсто и представлять Верховному Совѣту, который избираетъ изъ нихъ нан-

болѣе достойнаго голосованіемъ, или баллотировкой, по своему усмотрѣнію.

3) Или же Верховный Совѣтъ можетъ избрать 3-хъ кандидатовъ, одного изъ которыхъ назначаютъ потомъ военный генералитетъ, высшіе чины и шляхетство. При такихъ выборахъ должно быть не менѣе 70 персонъ, а изъ одной фамиліи не болѣе двухъ. Избирающіе кандидатовъ (т. е. члены Верховнаго Совѣта) не могутъ участвовать въ баллотированьи и замѣняются другими лицами, чтобы собраніе избирателей было въ полномъ составѣ ([2]).

4) Въ сенатѣ, по нашему мнѣнію, должно быть 11 членовъ. Выборъ членовъ сената, президентовъ коллегій и губернаторовъ предоставляется Верховному Совѣту, или же можетъ производиться обществомъ посредствомъ баллотированія. Причина увеличенія числа сенаторовъ та, что въ силу указовъ, нѣкоторые изъ нихъ должны будутъ объѣзжать губерніи для наблюденія за губернаторами и воеводами ([3]).

5) Въ числѣ кандидатовъ не должно быть болѣе одного изъ каждой фамиліи.

6) Все, что будетъ впредь потребно для пополненія уставовъ, которые касаются государственнаго управленія, *или общей пользы* ([4]), должно быть утверждено съ общаго совѣта и желанія Верховнаго Совѣта, генералитета и шляхетства ([5]).

7) Слѣдуетъ пріискать лучшій способъ для служебнаго производства шляхетства и военныхъ чиновъ и назначить сроки ихъ службы. Никого изъ шляхетства не должно насильно брать въ матросы, или ремесленники ([6]).

8) Удовлетворить по возможности нужды (жалобы) шляхетства, духовенства, купечества и всѣхъ другихъ, согласно ихъ положенію, такъ какъ на этомъ основаны сохраненіе и постоянство правленія ([7]); крестьянамъ же, по должномъ разсмотрѣніи, доставить нѣкоторое облегченіе въ податяхъ.

9) Обсудить производство офицеровъ и солдатъ и исправную выдачу имъ жалованья, назначивъ для этого извѣстные сроки.

10) Сдѣлать постановленіе о наслѣдствѣ недвижимымъ имуществомъ *и о вымирающихъ фамиліяхъ* ([8]) для руководства въ будущемъ.

11) О резиденціи желаемъ мы, чтобы *для общаго блага* ([9]) была въ Москвѣ.

12) На все вышеписанное мы всеподданнѣйше просимъ, если Верховный Совѣтъ то одобритъ, исходатайствовать соизволенія Ея Императорскаго Величества.

(Подробности о проэктѣ Матюшкина см. стр. 167 въ VI-й главѣ настоящаго изслѣдованія и примѣч. 19-е, на той же страницѣ, а также главу VII-ю).

Варіанты по списку Госуд. Архива. [1]) Текстъ Госуд. Архива: «Къ В. Т. С., къ настоящимъ персонамъ иннтда прибавить, чтобъ съ прежними было отъ 12 до 15, понеже для важныхъ дѣлъ призывано будетъ общество, какъ показано будетъ ниже, въ 6-мъ пунктѣ, и тогда не токмо малолюдно, но и многолюдно будетъ, а для повсядневнаго правленія довольно бы вышеписанныхъ персонъ».

[2]) Этотъ пунктъ изложенъ въ спискѣ Госуд. Архива нѣсколько иначе. «Или выбравъ въ В. Т. С. 3-хъ персонъ и изъ тѣхъ трехъ персонъ балантировать генералитету и штацкихъ шляхетству не менѣе 70 персонъ, въ которые бы одной фамиліи болѣе двухъ персонъ не было, а которые будутъ выбирать въ кандидаты тѣхъ бы не балантировать, а для балантированія выбирать другихъ такимъ образомъ, только бъ было не менѣе вышеписаннаго числа».

[3]) «По сколку человѣкъ (сенаторовъ-ревизоровъ) за благо разсуждено будетъ».

[4]) «Или какіе дѣла касатца будутъ, какъ къ государственной и общей пользе».

[5]) «В. Т. С., сената, генералитета и шляхетства».

[6]) «Для произвожденія въ службу шляхетству искать лучшаго способу и положить время до сколкихъ лѣтъ въ службѣ быть, такъже в матрозы и въ мастерства неволею не брать».

[7]) «Шляхетству, духовенству, купечеству и протчимъ всякому по состоянію ихъ учинить удоволствіе въ чемъ возможно, понеже отъ того зависитъ цѣлость и постоянство правленія».

[8]) «И о послѣднемъ въ фамиліи».

[9]) «Для общей ползы».

В)

Проэктъ тринадцати.

1) Ueber die anjetzo im Geheimen Conseil sitzende Personen, müsse selbiges so weit verstärket werden, dass es wenigstens aus 15 Mitgliedern bestehe.

2) Damit gedachtes Conseil mit Geschäften nicht überhäufet werde, so müsse zu Abthuung anderer Sachen und als ein höchstes Appelationsgericht in bürgerlichen Processen ein aus 11 Personen bestehender Senat bestellet werden.

3) In dem höchsten geheimen Conseil, wie auch in dem Senat müssen inclusive der anjetzo darinnen sitzenden Personen, unserer Meinung nach nicht mehr als zwei aus einer Familie sein

4) Zu jetziger Verstärkung der höchsten Regierung, wie auch zu künftiger Besatzung der erledigten Stellen, so wohl im Senat als auch zu Gouverneurs und Präsidenten der Collegiorum müssen die

Generalität und der Adel gemeinschaftlich zu jeder Vacanz drei Candidaten durch Ballotirung erwählen und selbige dem höchsten Geheimen Conseil vorschlagen, welchen von ihnen dieses zu der erledigten Stelle avanciren wolle, so wie es in anderen freien Reichen zu geschehen pflegt

5) In Civilbedienungungen müsse ein Mann nicht mehr als eine Stelle zu versehen haben, damit die Expedition der Affairen nicht aufgehalten werde.

6) Die Versammlungen, in welchen man wegen der Candidaten ballotiren oder neue Verordnungen abfassen wolle (?), müssen wenigstens aus 80 Personen bestehen und unter dieselben nicht mehr als zwei von einer Familie sein. Auch müsse man nicht mehr als einen Candidaten aus einer Familie in Vorschlag bringen.

7) Wenn künftighin zu Supplirung der die Regierung des Reichs angehenden (?) Verordnungen neue Gesetze zu machen, oder eine Sache vorfällt, welche des Reichs und gemeine Interesse concerniret, so müssen das höchste Geheime Conseil, der Senat, die Generalität und der Adel mit gemeinsamen Conseils (?) dieselbige abfassen und festsetzen.

8) Weil denn bei vielen Vorfallenheiten der Adel zusammen gerufen werden muss, so müsse man zwischen dem alten und neuen Adel einen Unterschied machen, wie solches in anderen freien Reichen gebräuchlich ist Auch müsse man auf eine bessere Methode denken, wie der Adel in Kriegsdiensten zu employren, und gewisse Jahre determiniren, wie lange ein jeder zu Wasser oder zu Lande dienen verbunden sei. Zu Handwerken aber und andere geringen Bedienungungen müsse man den Adel nicht gebrauchen.

9) Die Geistlichkeit, die Kaufmannschaft und alle Anderen müsäe man nach ihren Umständen, so viel möglich vergnügen, nach dem malen (?) davon die Wohlfahrt des Vaterlandes und die Beständigkeit der Regierung dependiret. Gleichfalls müsse dem Bauerstande in den Contributionen nach Befinden Erleichterung widerfahren lassen.

10) Die ordentliche Avancirung der Officiers und Soldaten, wie auch ihre richtige Bezahlung, damit die Gage in den gesetzten Terminen ausfallen könne, müsse man gleichfalls in Erwägung ziehen.

11) Auch müsse man überlegen, wie es wegen der Succession in die unbeweglichen Güter und des letzten von der Familie künftig hin zu halten sei.

(Подробности о проэктѣ тринадцати см. на стр. 172 въ VI-й главѣ и примѣч. 23-е на той же страницѣ, а также въ VII-й главѣ).

III.

РАЗНЫЕ СПИСКИ И ВАРІАНТЫ „ПУНКТОВЪ" ПРИСЯГИ.

(См. VI главу, примѣчаніе 30-е и соотв. страницы текста).

Бѣловой экземпляръ этихъ пунктовъ хранится въ Госуд. Архивѣ (разд. III, д. № 4, л 19—26). Кромѣ бѣловаго, въ томъ же дѣлѣ находится нѣсколько черновыхъ экземпляровъ присяги. Они любопытны для опредѣленія процесса ея составленія. Всѣхъ черновыхъ экземпляровъ четыре: два полныхъ (ibid., л. 29—35 и 37—44) и два отрывка; 1-й—объ установленіи гражданскихъ законовъ и уставовъ (ibid., л. 36), 2-й—о провинціяхъ Лифляндіи и Эстляндіи (л. 36 и 45). Обѣ полныя черновыя редакціи представляютъ очень тщательную передѣлку какъ порядка пунктовъ, такъ и самыхъ выраженій. Изъ нихъ вторая редакція (л. 37—44) очень близка къ бѣловому списку,—измѣнены только послѣдовательность пунктовъ и редакція выраженій, не представляющія, впрочемъ, существенныхъ отмѣнъ. Первоначальной редакціей должна быть почтена первая черновая: (л. 29—35) въ ней находятся подробности, опущенныя въ бѣловой редакціи, нѣкоторыя выраженія отличающіяся отъ выраженій этой послѣдней, и иной порядокъ пунктовъ.

Эта черновая редакція состоитъ изъ *двойной нумераціи* «пунктовъ». *Первая нумерація* идетъ съ п. 1 до 9-го включительно; *вторая нумерація* начинается непосредственно послѣ 9-го пункта, съ пункта 5-го до 10-го включительно; но пп. 5—9-й первой нумераціи совершенно не схожи своимъ содержаніемъ съ соотвѣтствующими имъ №№ второй нумераціи, а составляютъ ихъ продолженіе; такимъ образомъ мы имѣемъ въ первой черновой всего пятнадцать пунктовъ, которые находятся въ слѣдующемъ отношеніи къ бѣловой редакціи. (Помѣщаемъ пункты бѣловой редакціи въ скобкахъ). *Первой нумераціи*: п. 1, 2 и 3 (тоже), п. 4 и 7 (п. 4), п. 5 (п. 6); п. 6 (п. 7); п. 8 (п. 5); п. 9 (п. 8); *второй нумераціи*: п. 5 (п. 9 и 10); п. 6 (вторая половина 11-го п. объ иноземцахъ вообще); п. 7 (п. 12); п. 8 (п. 13); п. 9 (п. 9); п. 10 (п. 14). Затѣмъ идутъ разныя добавочныя предположенія безъ раздѣленія на пункты: о перенесеніи резиденціи въ Москву, о положеніи въ государствѣ иноземцевъ. Около послѣдняго на полѣ написано другой рукой: *о лифляндцахъ и эстляндцахъ и о городахъ*. —Эти предположенія составили впослѣдствіи 15-й и первую половину 11-го пункта бѣловой редакціи.

Сличая порядокъ 1-й черновой редакціи съ бѣловой мы видимъ: во первыхъ, что въ послѣдней вставлена заключительная, совершенно новая, статья—16-я о наказаніи за измѣну отечеству

и за пренебреженіе общественными интересами, не находящаяся въ первой черновой; во вторыхъ, что произошло измѣненіе въ объемѣ и содержаніи пунктовъ: 4 и 7 пункты первоначальной черновой редакціи слиты въ одинъ пунктъ 4-й; 8-й п.—поставленъ 5-мъ; 5-й пунктъ 2-й нумераціи разбитъ на два—9 и 10; 6-й пунктъ той же нумераціи поставленъ 11-мъ и добавленъ статьею о Лифляндіи и Эстляндіи; 9-й п. той же нумераціи вошелъ въ составъ 9-го пункта бѣловаго. Кромѣ того, мы находимъ значительныя отличія въ редакціи многихъ пунктовъ, въ которыхъ бѣловая редакція допустила сокращенія и измѣненія, но объ этомъ мы скажемъ ниже. Обращаясь затѣмъ къ послѣдовательности пунктовъ 1-й черновой редакціи, насъ невольно поражаетъ повтореніе ея нумерацій съ 5-го пункта, что наводитъ насъ на слѣдующія соображенія.

Первоначально, какъ видно, было набросано 9 пунктовъ (1-й нумераціи), обнимавшихъ собою Верховный Тайный Совѣтъ, сенатъ, синодъ и права шляхетства. Прочитавъ ихъ, составитель пунктовъ,—по поводу 5-го пункта о присоединеніи къ шляхетству гражданскихъ чиновниковъ,—вспомнилъ о войскѣ, а затѣмъ уже, по весьма естественной ассоціаціи идей, и о другихъ общественныхъ группахъ и сословіяхъ: объ иноземцахъ, о купечествѣ, о крестьянствѣ, объ опредѣленіи въ службу вообще,—заключительнымъ пунктомъ явилась статья о пополненіи законовъ; такъ возникли новые шесть пунктовъ (п. 5—10) второй нумераціи. Послѣ этого, пункты присяги, какъ видно, были прочтены еще разъ, и явились новыя добавленія: о перенесенія резиденціи въ Москву, опять объ иноземцахъ и о вновь присоединенныхъ балтійскихъ провинціяхъ: о послѣднихъ считали необходимымъ упомянуть, потому что къ иноземцамъ вообще, шляхетство недружелюбно относилось въ своихъ заявленіяхъ. О правахъ Малороссійскаго народа, получившаго менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, съ возстановленіемъ гетманщины, свои старинныя привиллегіи, не упомянуто, потому что не было намѣренія вновь ихъ нарушить. О правахъ и привиллегіяхъ инородцевъ Восточной Россіи и Кавказа—въ то время никто не заботился. Были забыты поволжскіе и уральскіе инородцы, калмыки и башкиры, доставлявшіе и прежде и впослѣдствіи столько заботъ русскому правительству своими бунтами изъ-за нарушенія ихъ народныхъ правъ и обычаевъ; не вспомнили также о горскихъ племенахъ, не задолго передъ тѣмъ присоединенныхъ къ русской державѣ.

Обращаемся къ редакціоннымъ отличіямъ между 1-мъ черновымъ и бѣловымъ спискомъ. Весьма любопытны отличія, находимыя въ черновой редакціи въ пп. 1, 7, 8 и 9 первой нумераціи и въ пп. 6, 8 и 9 второй нумераціи.

Пункты первой нумераціи.

Первый пунктъ о В. Т. С. имѣетъ слѣдующія добавленія: «Понеже нынѣ В. Т. С. состоятъ въ такихъ персонахъ, которые прежде сего блаженныя и вѣчно-достойныя памяти какъ государямъ императорамъ, такъ и государству знатные и вѣрные службы и опыты оказали (и понеже сіе вѣрховное собраніе, какъ прежде еще учреждено, такъ и нынѣ учреждено)» (*) и уже далѣе слѣдуетъ бѣловая редакція: «и понеже В. Т. С. состоитъ ни для какой собственной того собранія власти, точію для лутчей государственной ползы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ величествъ».

Первоначальный порядокъ мыслей составителей проекта при опредѣленіи обязанностей В. Т. С. былъ иной чѣмъ онъ явился въ окончательной редакціи. Вотъ въ какомъ видѣ является онъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Конецъ общей части перваго пункта впослѣдствіи составилъ особый 2-й §.—(См. текстъ нашего изслѣдованія, VI-ю главу). Затѣмъ излагаются мысли, вошедшія въ бѣловой редакціи въ параграфы въ такомъ порядкѣ: 4, 1 и 3. (См. также нашъ текстъ).

Второй пунктъ о Синодѣ подвергся также такимъ редакціоннымъ измѣненіямъ. Въ немъ первый параграфъ цѣликомъ вошелъ въ тотъ же § бѣловой редакціи, затѣмъ слѣдуетъ 2-й §: «буде же что касатца будетъ къ духовному правленію, то и синодцкіе члены и протчие архіереи по усмотренію важности дѣла»—должны быть призываемы въ В. Т. С.—Это въ случаѣ «государственнаго новаго и важнаго дѣла». Въ бѣловой редакціи этотъ § составилъ собою конецъ 3-го § 1-го пункта о В. Т. С.—Затѣмъ слѣдуетъ 2-й и 3-й § бѣловаго списка. Послѣ 3-го § снова слѣдують 1 и 2 §

(*) Поставленное въ скобкахъ написано по зачеркнутому, очень трудно разбираемому письму. Смыслъ его заключается въ томъ, что составитель проэкта хотѣлъ т. скаг. узаконить недавнее назначеніе В. Т. С-томъ двухъ новыхъ своихъ членовъ, фельдмаршаловъ кн. Голицына и Долгорукаго. («... вдобавокъ еще двухъ генералъ-фельтмаршаловъ по ихъ вѣрнымъ заслугамъ присовокуплено....»)—и опредѣлить число членовъ В. Т. С. Эти зачеркнутыя строки вошли въ составъ второй черновой редакціи въ слѣдующей передѣлкѣ: «и недавно къ тому присовокуплены по такимъ же знатнымъ и вѣрнымъ заслугамъ два генералъ-фельтмаршала и понеже сіе собраніе, какъ прежде такъ и нынѣ учреждено» и т. д. Въ бѣловомъ спискѣ при началѣ 1-го п. на полѣ другою рукою написано: «верховное правленіе нынѣ состоитъ и съ фельтмаршалы въ 7-ми персонахъ, да къ тому прибавлено быть имѣетъ 5 человѣкъ, чтобъ всего было 12-ть человѣкъ, *и тѣхъ добавочныхъ нынѣ выбрать и впредь на упалые мѣста выбирать*». Эти семь персонъ были: пять «министровъ» В. Т. С. и два фельдмаршала».

бѣловаго списка, а въ заключеніе пункта о Синодѣ подъ заглавіемъ опять таки 3-го § мы читаемъ статью очевидно относящуюся къ первому пункту: «прилежно искать вышнему правленію правосудія, истреблять лихоимства и нежелателства общества».

Третій пунктъ, о Сенатѣ, подвергался редакціоннымъ измѣненіямъ *четыре* раза. Смыслъ этихъ измѣненій оставался одинъ и тотъ же—тотъ самый, который находится въ 3 п. бѣловаго списка; но способы выраженія, желаніе опредѣлить точно и ясно свою мысль—затрудняли составителя проэкта. Очевидно, составителю проэкта никакъ не давалась формулировка назначенія Сената, которое онъ понималъ не въ томъ смыслѣ, какой придавалъ сенату Петръ I, но вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ вывести Сенатъ изъ того униженнаго положенія въ какомъ онъ находился со времени учрежденія В. Т. С.

Седьмой пунктъ представляетъ любопытные варіанты изложенія правъ шляхетства, находящагося въ 4-мъ пунктѣ бѣловой редакціи. Сначала онъ былъ написанъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Шляхетство да *почтено быть* имѣетъ въ надлежащемъ почтеніи и отъ ея императорскаго величества *особливой консидераціи*, а особливо старые и знатные фамиліи да будутъ имѣть преимущества и снабжены быть имѣютъ рангами и къ дѣламъ определены по ихъ достоинству». Затѣмъ измѣнено слѣдующимъ образомъ: «Шляхетство да *содержано* имѣеть, *такъ какъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ* въ надлежащемъ почтеніи и отъ ея и. в. *милости*», и т. д.—(Конецъ оставленъ тотъ же)

Противъ этой исправленной редакціи на полѣ написано: «*шляхетству все должно быть въ почтеніи и снабдить рангами противъ прежняго отъ стольниковъ до жильцовъ, какъ заблагоразсудится; и должно изъ молодыхъ, изъ фамильныхъ и изъ шляхетства производить ко всякимъ дѣламъ для обученія*, а въ с о л д а т ы и м а т р о з ы и в ъ п р о ч і е ч и н ы н и ж н і е н е п и с а т ь». (Напечатанное разрядкой очеркнуто въ подлинникѣ). При дальнѣйшемъ обсужденіи пунктовъ, какъ видно, было принято только это мнѣніе, а желаніе возстановить прежніе московскіе чины отвергнуто.

Въ восьмомъ пунктѣ находимъ слѣдующій варіантъ 5-го пункта бѣловаго проэкта. «А для обученія военнаго учинить особливые кадетцкіе роты, изъ которыхъ опредѣлять по обученіи прямо въ оберъ афицеры, а служить онымъ 20 лѣтъ, а по 20 лѣтъ, ежели изъ службы пожелаетъ, такому дать абшидъ, а кто пожелаетъ отслужа положенные лѣта быть въ гражданской службѣ, тѣхъ по достоинству жаловать».

Пункты второй нумераціи.

Шестой пунктъ объ иноземцахъ. Въ немъ находится прибавка, не вошедшая въ бѣловой проэктъ: «такожде купцовъ и ремес-

довыхъ иноземцовъ должно не сослоблять и прежнія вольности и имѣть къ нимъ всякое охраненіе».

Восьмой пунктъ, читающійся въ бѣловой редакціи такъ: (п. 13-й). «Крестьянъ подати сколько можно облегчить, а излишніе расходы государственные разсмотрѣть»—первоначально вовсе не упоминаетъ о крестьянахъ. Первоначально вмѣсто «крестьянъ» было написано: «*подданство должно*», потомъ слово «подданство» исправлено въ «*подданныхъ*», затѣмъ зачеркнуто и сверху написано: «*крестьянъ*».

Девятый пунктъ, вошедшій впослѣдствіи въ конецъ пункта за тѣмъ же нумеромъ бѣловаго проэкта, читается такъ: «Буде кто пожелаетъ въ какую службу добровольно—таковъ опредѣлять, смотря по достоинству, а не по страстямъ и не по издоимству».

Въ десятомъ пунктѣ (14-й п. бѣловой редакціи), напечатанныя курсивомъ слова написаны подъ строкой, послѣ первоначальнаго изложенія. Онъ читается такъ: «Искать въ пополненіе законовъ общества какъ о церквѣ, такъ о гражданствѣ и о протчемъ *для государственной и народной общей пользы и благополучія всему отечеству* безъ всякія страсти и боязни».

Вторая черновая редакція представляетъ измѣненіе первой черновой, какъ относительно послѣдовательности пунктовъ, такъ и относительно самой ихъ редакціи. Эти измѣненія почти отождествляютъ вторую черновую редакцію съ бѣловой.

Такимъ образомъ 1-я черновая редакція состоитъ изъ 15 пунктовъ; 2-я черновая—изъ 17-ти, которые располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. 1) о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, 2) о синодѣ, 3) о сенатѣ. (Здѣсь мы находимъ слѣдующее добавленіе: «того ради [сенатъ] должевъ крайнѣе попеченіе имѣть, дабы всѣ оные дѣла с пользою государственною рѣшены и отправляемы были по данной имъ должности». Это добавленіе зачеркнуто и не вошло въ бѣловую редакцію). 4—9—о правахъ и привиллегіяхъ шляхетства, 10-й и 11-й—о войскѣ, 12) о правахъ иноземцевъ, 13) о купечествѣ, 14) о крестьянствѣ и о государственныхъ расходахъ, 15) о пополненіи законовъ, 16) о перенесеніи резиденціи въ Москву, 17) о наказаніи за измѣну отечеству.

Бѣловая редакція, соединивъ пункты 4-й и 5-й въ одинъ 4-й пунктъ, дополнила 12-ю статью о привиллегіяхъ Лифляндіи и Эстляндіи—и такимъ образомъ составилось *шестнадцать* пунктовъ, разсмотрѣнныхъ нами въ текстѣ.

Отрывки: а) объ установленіи законовъ и b) о Лифляндіи и Эстляндіи—представляютъ слѣдующіе варіанты бѣловаго текста.

Первый отрывокъ первоначально былъ написанъ такимъ образомъ: «Для государственной и всему обществу пользы и благополучію, какъ нынѣ такъ и впредь старание имѣть и прилежать. Ко установленію гражданскихъ законовъ и уставовъ (безъ всякія страсти и

боязни?) которые бъ какъ божескому закону и преданіямъ святыхъ Апостолъ были согласны, такъ и по сетуаціи здѣшняго государства народу къ (?) приращенію общаго благополучія впредь могли происходить и содержаны быть непремѣнно».—14-й пунктъ бѣловой редакціи о томъ же читается такъ: «Искать въ пополненіе законовъ общества, какъ о церквѣ, такъ и о гражданствѣ и о прочемъ для государственной и народной общей пользы и благополучія всему отечеству безъ всякія страсти и боязни».

Второй отрывокъ въ первоначальной редакціи былъ гораздо короче, а именно: «Лифляндію и Эстляндію и тѣхъ губерній городы, какъ шляхетство, такъ и граждане во всемъ да содержаны будутъ по ихъ правамъ и привилеямъ, которые конфермованы отъ ихъ императорскаго величества».—Въ бѣловые пункты онъ вошелъ въ дополненномъ видѣ.

Источниками для «пунктовъ» присяги послужили многіе параграфы изъ шляхетскихъ проэктовъ и мнѣній. Тщательное сличеніе ихъ даетъ возможность указать слѣдующія заимствованія:

II. 1-й: опредѣленіе назначенія Верховнаго Тайнаго Совѣта—заимствованъ изъ анонимной записки и 1-го п. «способовъ».

3-й § перечисленія обязанностей Верховнаго Тайнаго Совѣта составленъ на основаніи мнѣній Секіотова, Алабердеева, Грекова, Черкасскаго, Матюшкина, 13-ти, анонимной записки, конспекта и «способовъ», но съ слѣдующимъ важнымъ отличіемъ: Верховный Совѣтъ присвоиваетъ себѣ тѣ прерогативы, которыя перечисленными проэктами предоставляются Собранію генералитета и шляхетства, съ участіемъ Вышняго и Нижняго правительствъ.

1-й § 2-го пункта (о монастырскихъ вотчинахъ) изложенъ на основаніи «добавленій къ способамъ», а въ опредѣленіи круга дѣйствій синода (въ томъ же 1-мъ §) видно полемическое отношеніе къ замѣчанію объ обязанностяхъ епархіальныхъ архіереевъ въ тѣхъ же «добавленіяхъ».

3-й § составленъ весь на основаніи анонимной записки.

Въ правахъ и привиллегіяхъ шляхетства (пп. 4—8) замѣтны заимствованія изъ слѣдующихъ проэктовъ:

1-й § составленъ подъ вліяніемъ анонимной записки: въ немъ мы находимъ такое же раздѣленіе шляхетства на фамильныхъ людей и простое шляхетство, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ «присягѣ» всѣ первенствующіе чины высшихъ гражданскихъ управленій избираются *исключительно* изъ людей фамильныхъ, генералитета и знатнаго шляхетства, а въ анонимной запискѣ одна половина ихъ состоитъ изъ людей фамильныхъ, а другая изъ простаго шляхетства. 2-й § составленъ на основаніи 7-го пункта 4-го § проэкта Черкасскаго и проэкта 13-ти (п. 8-й). §§ 3-й, 4-й и 5-й на основаніи проэктовъ—Черкасскаго и 25-ти. Въ § 6-мъ, относительно освобожденія шляхтичей отъ обязательной службы въ матросахъ,—утверж-

даются требованія всѣхъ шляхетскихъ проектовъ; о поступленіи въ сухопутное войско и во флотъ, этотъ § пользуется «конспектомъ», предоставляя шляхетству еще болѣе льготъ. Конспектъ требуетъ, чтобы шляхтичи поступали прямо офицерами въ армію, а «присяга» вмѣсто арміи ставитъ гвардію, сообразуясь въ этомъ случаѣ съ «дополненіями», которыя довольствуются, впрочемъ, зачисленіемъ шляхтичей въ гвардію.—7-й § прямо заимствованъ изъ 8-го пункта проэкта 13-ти.

Пункты 9-й и 10-й составлены на основаніи проэктовъ Секиотова, Алабердеева, Грекова, Черкасскаго, Матюшкина, 25-ти и 13-ти.

Первая половина 11-го пункта (объ иноземцахъ вообще) составлена подъ вліяніемъ «способовъ» (п. 1-й).

Въ 12-мъ пунктѣ приняты въ соображеніе требованія всѣхъ проэктовъ, кромѣ п. 9-го проэкта Черкасскаго (относительно «изысканія способовъ размноженія мануфактуръ и торговъ»).

Пунктъ 13-й повторяетъ въ общихъ выраженіяхъ всѣ шляхетскіе проэкты.

Въ 14-мъ пунктѣ видно вліяніе 4-го пункта проэкта Черкасскаго, а 15-й—о перенесеніи резиденціи въ Москву—цѣликомъ взять изъ проэкта Матюшкина.

Слѣдующія предложенія шляхетскихъ проэктовъ совершенно обойдены пунктами присяги: 1) Собраніе Вышняго Правительства (В. Т. С.), сената, генералитета и шляхетства. 2) Избирательное собраніе. 3) Число лицъ изъ одной фамиліи. 4) Изъ правъ шляхетства: a) тайная канцелярія, b) устройство училищъ (проэктъ Черкасскаго), c) опредѣленіе лѣтъ службы, d) исключеніе изъ ремесленниковъ, e) уничтоженіе маіората. 5) Изъ льготъ духовенству; a) увеличеніе доходовъ приходскаго духовенства, обученіе дѣтей и употребленіе избытковъ на дѣла полезныя Богу и государству (проэктъ Черкасскаго), b) улучшеніе быта вообще и подробное изслѣдованіе нуждъ духовенства. 6) Разсмотрѣніе шляхетскихъ предложеній выборными отъ шляхетства. 7) Подчиненіе арміи—военной коллегіи, флота—адмиралтейской, гвардіи—сенату. 8) Избраніе вновь придворныхъ чиновъ.

Въ пункты «присяги» внесены въ свою очередь многія подробности, не находящіяся въ проэктахъ и мнѣніяхъ шляхетства. Сюда относятся: §§ 1-й, 2-й и 4-й перваго пункта; 2-й и 3-й §§ втораго пункта; 8-й § восьмаго пункта (о правахъ и льготахъ шляхетства); вторая половина 11-го пункта (о привиллегіяхъ Лифляндіи и Эстляндіи); пунктъ 16-й о смертной казни. Всѣ эти параграфы заимствованы, по всей вѣроятности, изъ политическаго плана князя Д. М. Голицына, извѣстнаго намъ лишь въ неполныхъ извлеченіяхъ. Изъ нихъ, статья объ отмѣнѣ конфискацій вошла въ «кондиціи». (См. п. 5-й оконч. редакціи).

2*

№ 2.

Полный списокъ всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ шляхетскихъ проэктахъ и прошеніяхъ и подписавшихъ ихъ (*).

I.

ПРОЭКТЪ КНЯЗЯ А. М. ЧЕРКАССКАГО.

1. **Алабердеевъ*, Семенъ.
**Апраксинъ графъ*. Андр. Матв.
**Баскаковъ*, Алекс. Петр.
**Бибиковъ*, Ив. Ив., (старшій)
5. **Борятинской князь*, Ив. Ѳеод.
Вельяминовъ, Петръ Борис., плкв.—1719 г., стольникъ, назнач. въ сибирскую канцел. для производства слѣдствій.—1722 г., назнач.

(*) Фамиліи, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ лицамъ, подписавшимъ нѣсколько проэктовъ и прошеній, а напечатанныя черпымъ шрифтомъ—только одинъ какой нибудь проэктъ, или прошеніе.—Звѣздочкой отмѣчены тѣ лица, характеристики которыхъ помѣщены въ текстѣ.—При повтореніи въ проэктѣ лица, уже встрѣчавшагося въ предъидущемъ проэктѣ, означено въ какомъ именно проэктѣ является это лице впервые.—При цитатахъ въ настоящемъ спискѣ допущены нами слѣдующія сокращенія: Арх. Гл. Шт. (Матеріалы архива Главнаго Штаба, т. I, Спб. 1871 г.).—Берхъ (Жизнеопис. перв. росс. адмир., Спб. 1831).—Болотовъ (Записки Болотова, изд. «Русск. Стар.»).—Голиковъ (Дѣян. Петра В., 2-е изд.).—Долгор. (Росс. Родосл. Кн., изд. кн. П. В. Долгорукимъ).—Им. Ук. (Книги именныхъ указовъ и высочайш. повел. въ Архивѣ Правит. Сената).—Каб. (Резолюціи Кабинетъ-Министровъ, хранящ. тамъ-же).—П. П. В. (Письма Петра В., помѣщен. въ XI т. Сборн. Рус. Ист. О—ва).—Р. Р. С. (Родосл. Кн., изд. ред. «Русск. Стар.»).—Ук. В. Т. С. (Книги указовъ Верх. Тайн. Сов., расположенные по годамъ, въ Архивѣ Правител. Сената).—Устряловъ (Ист. Царств. Петра В. Устрялова).

прокуроромъ камеръ-колл. (Им. ук., кн. 18 и 25).—У Голикова упомин. плкв. Петръ Вельяминовъ-Зерновъ (См. указатель ко 2-му изд. Д. П. В.).

Вельяминовъ, Степ. Лук.

Воейковъ, Петръ Лук.

Вяземской князь, Василій, ген.-м.—При Петрѣ В. бесѣда и об.-коменд. моск—й. (См. у Голикова: VI, 654; VII, 116, 329; XII, 569; XIII, 461, 642).—1728 г. производ. въ ген.-м. и уволенъ отъ должн. моск—аго об.-коменд. (Ук. В. Т. С. 1728 г.).

10. *Головкинъ графъ*. Ив. Гавр., т. сов., сенат. († до 11 іюля 1740 г.—П. С. З., XI, № 8169)—1720 г. плкв., стоитъ съ полками въ Мензелинскѣ. Дается ему инструкція при посылкѣ въ Уфу къ башкирцамъ для усмиренія ихъ и истребованія отъ нихъ русск. бѣглецовъ. (П. С. З., VI, № 3565, 3679, 4027).—1722 г. плкв. драг. рязанск. полка. (П. П. В. с. 442).—1728 г., т. сов., назнач. сенатор.—1730 г. Апр. 28-го, пож. д. т. с.—1731 г., уволен. отъ службы въ л.-гв. конномъ полку, съ оставл. въ сенатѣ. (Им. ук., кн. 108, 32, 34).—См. о немъ Голикова; XIII, 204; XIV, 323.

Головкинъ графъ, Мих. Гавр.

Грековъ, Максимъ.

Грековъ, Степанъ.

Дашковъ, Алексѣй.

15. *Елагинъ*, Андреянъ Никиф.

Зыбинъ, Алексѣй.

Измайловъ, Петръ Вас.

Колтовской, Иванъ.

По списку Карабанова въ 1730 г. б. д. с. с.—1728 г. уволенъ отъ службы за старостію, въ чинѣ ген.-м. (Ук. В. Т. С. 1728 г.)—См. о немъ Голикова: VII, 116; XII, 411.—Колтовскіе одн. происх. съ Глѣбовыми отъ косожскаго князя Редеди (XI в.). Предкомъ ихъ, б Мих. Ив. Глѣбовъ, бояринъ вел. кн. рязанск., получившій отъ него въ вотчину волость Колтовскую въ каширскомъ уѣздѣ (XVI в. ?) См. Долг. род., IV, 87, 131.

Кошелевъ, Род. Мих.

20. *Кропотовъ*, Ив. Ив., д. с. с.

1728 г. произв. въ д. с. с.—1731 г. назнач. презид. вотч. коллегіи. (Ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 34).

Лопухинъ, Степ. Вас.

Макаровъ, Алекс. Вас.

Мусинъ-Пушкинъ графъ, Плат. Ив.

Новосильцовъ, Вас. Як.

25. *Олсуфьевъ*, Матв. Дм.

Плещеевъ, Ив. Никиф.

Салтыковъ, Сем. Андр.

Секіотовъ, Сергѣй. Вас.

Сукинъ, Сем. Ив.

30. *Сухотинъ*, Мих. Андр., д. с. с., вотч. колл. президентъ. 1719 г. назнач. коменд. въ Дерптъ.—1731 г. назнач. генер. кригсъ-комиссар. при арміи. (П. С. З., V, № 3380; им. ук., кн. 34).—См. о немъ Голикова: IX, 121; XIII, 364.

Таракановъ, Алекс. Ив.

Татищевъ, Вас. Никит.

Трубецкой князь, Никита Юр.

Ушаковъ, Андр. Ив.

35. *Черкаской князь*, Алекс. Мих.

Чернышевъ, Григ. Петр.

Шаховской князь, Алекс. Ив.

Шепелевъ, Дм. Андр.

Юсуповъ князь, Григ. Григ., л. гв. преобр. полка поручикъ, († въ 1737 г. въ чинѣ плкв.) 1727 г. пожал. подполк. арміи. (Ук. В. Т. С.).

II.

ПРОЭКТЪ С. СЕКІОТОВА (БОЛЬШИНСТВА).

1. Аничковъ, Иванъ.

Аничковъ, Максимъ.

(Аничковы происх. татарск. Ихъ предокъ Беркей принялъ христіанство и назв. Аникіемъ. Перв. Аничковъ изв. въ 1528 г. 2-мъ воеводой лѣвой руки въ походѣ подъ Казань.—Въ 1699 г. 16-ть Аничковыхъ владѣли населен. имѣн., 5-ро изъ нихъ были стольниками Петра В. Изъ нихъ Петръ Пантел. А—въ б. въ Азовскомъ походѣ 1696 г. полк. 2-го полка пѣшаго строя въ корпусѣ Лефорта. Другіе 4 стольника: Ив. Петр., Вас. Ив., Кир. Алексѣев. и Мих. Степ.—См. Долгор., род. кн., IV, 241).

Аристовъ, Василій.

Арсеньевъ, Иванъ.

1733 г., капитанъ, назнач. товарищ. воеводы въ г. Путивль. (Им. ук., кн. 39).

5. Арсеньевъ, Иванъ.

(А—въ, Ив. Ив., ротмистръ л. гв. кирас. полка въ 1743 г.— Р. Ст. 1874 г., XI, 211—212).

[Родъ Арсеньевыхъ производитъ себя отъ Ослана Мурзы, знатнаго татарина, выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ Москву въ XIV в. Въ 1699 г. 55 А—ыхъ владѣли населен. имѣн.—Вас. Мих. Арсеньевъ б. гофмейстеромъ и Алдр. кавалеромъ (онъ б. живъ въ 1730 г., но жилъ въ ссылкѣ, въ своей деревнѣ. Сестра его Дарья Мих. († 1728 г.) была замужемъ за кн. А. Д. Меншиковымъ. По жен-

ской линіи Арсеньевы первой полов. XVIII в. находились въ родствѣ съ княз. Шаховскими, съ Кошелевыми, Лопухиными и кн. Гагариными. Съ именемъ *Ивана* является за это время восемь А—ыхъ. См. Долгор., IV, 244—249).

Арцыбышевъ, Григорій.

(Арцыбышевы изъ нѣмцевъ [3 вѣтви: Арцыбашевы, Арцыбышевы, Арцибушевы] нач. XVI в.—Въ 1699 г. 13 Арц—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 255).

*Аршеневскій, Исаія Захар.

Ахматовъ, Θеодоръ.

(Первый Ахматовъ упом. въ Казанск. пох. 1544 г.—Ив. Степ. и Андр. Сав. б. б. стольник. Петра В.—Въ 1699 г. 6 Ахм—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 256).

Баскаковъ, Яковъ.

1739 г. б. воеводою въ Каширѣ; приговоръ сената о виновности его въ убійствѣ подъячаго Емельянова. (Им ук., кн. 54).—Баскаковъ ѣздилъ въ Астрахань и Персію съ Волынскимъ въ 1720 г. (Первый Баск—овъ уп. воевод. въ Каз. пох. 1544 г. Ермолай Б—въ б. полк. стрѣлецкимъ (1666 г.), сынъ его Григорій, стольник. царей Іоанна и Петра, уб. подъ Азовомъ въ 1696 г.—3 другихъ Б—ва б. б. стольн. Петра В.: Петръ Ерм., Ив. Евдок., Ив. Мих.—Въ 1699 г. 9 Баск—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 263).

10. **Батуринъ**, Вас. Ив., сынъ стольника царя Петра, Ивана Степ. Бат-на.

(Родонач. ихъ Батугердъ изъ Венгріи (1492 г.) служилъ на Рязани. Кромѣ Ив. Степ. стольниками б. б.: братъ его Григ. Степ. и два другихъ Бат—на: Борисъ Мирон. и Венед. Мир.—Въ 1699 г. 11 Бат—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 264—266) —См. о немъ Голикова: II, 31, 147; VII, 117.

Батуринъ, Григ. Ив., совѣтникъ, братъ Вас. Ив. Бат—на.

1727 г. назнач. воеводою въ Путивль. (П. С. З., VII, № 5053).—Въ 1700 г. Григ. Ив. Батуринъ сказалъ Сеноѳ. (Ксеноѳ.) Алымову, что тотъ смотритъ на него звѣрообразно. На это Алымовъ принесъ челобитье Петру В. (Р. Ст. 1871 г., IV, 682). По поводу эт. челоб. указъ Петра В. о безчестныхъ словахъ, перечисляющій 19 весьма любопытныхъ безчестныхъ словъ, которыми корили другъ друга бояре. (Р. Ст. 1871 г., IV, ibid).—Указъ эт. наход. въ П. С. З., IV, № 1809. См. также Долгор., род. кн., IV, 265.

Батуринъ, Иванъ.

1726 г. флота унт.-лейт. (Берхъ, I. 26).—См. о немъ Голикова: XIII, 509; XV, 105.

Безобразовъ, Григ. Ив.

(Предокъ Безобразовыхъ выѣхалъ изъ Пруссіи въ Москву въ нач. XV в.—Въ 1699 г. 47 Без—хъ владѣли насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 277—278).

Безобразовъ, Иванъ Григорьевичъ.

1712 г. посылается въ Ревель обуч. нѣм. яз. (П. П. В., 232).—1722 г. команд. моск. пѣх. полка (Ibid., 442).—1731 г. въ чинѣ бригадира назнач. въ канцел. конфискацін.—1734 г. увол. изъ вои. (Имен. ук., кн. 34 и 41).

15. **Безобразовъ**, Өедосей.

Беклемишевъ, Өеод. Ив.

1731 г. опред. прокуроромъ въ Смол. губ. (П. С. З., VIII, № 5736, 5926).—(Бекл—въ, маiоръ, потомъ подполк., [безъ имени] съ 27 апр. 1726 г по 1727 г. включ., состоитъ при калмыцкихъ дѣлахъ, сначала подъ нач. Волынскаго, а потомъ подъ нач. князя Мих. Мих. Голицына.—См. ук В. Т. С. 1726 и 1727 гг.)—(Продокъ ихъ выѣх. въ Москву изъ Германiи въ нач. XV в.—Бекл—вы преим. поколѣнiй б. б. стольниками и плкв—ми въ рейтарск. войскѣ во время правленiя Софьи Алексѣевны.—Въ 1699 г. 141 Бекл. владѣли насел. имѣн.—См. Долгор, род. кн., IV, 279—285).

Бертово (?) Владимiръ.

***Бибиковъ**, Алекс. Юр.

Бибиковъ, Богд. Ив., сынъ стольника Ив. Богд.

1738 г., по докл. воен. коллегiи, будучи полковникомъ, подобно многимъ другимъ уволенъ отъ службы съ награжденiемъ чиномъ бригадира, при чемъ дозволяется годныхъ изъ нихъ определить къ гражд. дѣламъ. (Имен ук, кн. 51).

20 *_Бибиковъ_, Ив. Ив. (старшiй). (Черкас.).

Бибиковъ, Ив. Ив. (меньшой), братъ Богд. Ив. и сынъ стольника Ив. Богд.

1728 г. назначенъ камеръ-юнкеромъ ко двору царицы Евдокiи Өеодоровны. (Ук. В. Т. С.).

Бибиковъ, Өеодоръ Вас., сынъ стольника Вас. Богд.

Бобрищевъ-Пушкинъ, Емельянъ, капитанъ.

1711 г. рижскаго гарнизона поручикъ (П. П. В., 205).—У Долгор., род. кн., IV. 58. см. Мусины-Пушкины; фамилiя Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ началась съ XVI в.

Богдановъ, Григ. Самс., стольникъ Петра В.

1718 г., царедворецъ, б. комисс. для сбора денегъ «по канальному дѣлу». (П. С. З., V, № 3249)—1733 г., комиссаръ по постр. Ладожскаго канала, пожал. ему 1000 р. изъ «прибылыхъ денегъ». (Им. ук., кн. 39).—См. также Долгор., род. кн., IV, 299 (1676—1691 гг. Григ. Богд—въ, думный дьякъ при ц. Өеодорѣ Алекс.,—при ц—нѣ Софiи и при ц—хъ Петрѣ и Iоаннѣ.—См. о немъ П. С. З., II, №№ 622, 648, 974; III, №№ 1392 и 1398.

25. **Богдановъ**, Яковъ Ив. стольникъ Петра В.

Бойковъ, Иванъ.

Болдаревъ, Өеодоръ, полковникъ.

(При Петрѣ В. Василiй Болд—въ б. провинц. фискалъ.—См. указатель ко 2-му изд. Д. П. В. Голикова).

***Болотовъ, Никита Матв.**

Болтинъ, **Иванъ.**

1732 г., отст. маіоръ, назнач. член. въ комис. о развед. конск. завод. въ госуд—вѣ. (П. С. З., VIII, № 6067).—Сибирскій вице-губерн. Иванъ Болтинъ, назначен. на эту должн. въ 1727 г., уволенъ лишь въ 1732 г. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 34, 35).—По всей вѣроятн., полк. Ив. Болтинъ (1711—1722 гг.), упоминаемый въ П. П. В. (96; 442) и ген.-м. Ив. Болтинъ († 1736 г.)—сибирскій вице-губернаторъ (См. П. С. З., IX, № 6899 и 7057).—Родств. Бол—хъ, истор. писат. Ив. Никит. Б—нъ, сынъ стольника Никиты Борис. (р. 1 янв. 1735 † 6 окт. 1792 г.)—Родъ Бол—хъ съ нач. XV в. Пред. ихъ Кучлубуга выѣх. въ Москву изъ В. Орды.—Въ 1609 г. 18 Бол—хъ влад. насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV. 303).

30. **Болтинъ. Степанъ.**

Борятинской князь*, **Ив. Өеод (Черкас.).

Борятинской князь*, **Өеодоръ.

Бохтеяровъ, Семенъ, капитанъ.

Бредихинъ, Александръ.

1715 г., капитанъ, участв. въ машкерадѣ на свадьбѣ князя папы Зотова. (Р. Ст. 1872 г., V, 886).—1719 г., въ чинѣ капит. посыл. до Фарезунда.—1719 г., вмѣстѣ съ кн. А Шаховскимъ назнач. въ слѣдств. комис. вмѣсто Иванова и Языкова.—1732 г., въ чинѣ полковника назнач. Новгор. вице-губерн.—1739 г., будучи на той же должности, произв. въ ст. сов. (при немъ казнены въ Новгор. Долгоруковы 8 ноября 1739 г.).—1740 г. упом. на той же же должн. (Им ук., кн. 88, 27, 36, 52; Каб., 62; П. С. З., IX, № 6870; X, 74, 762, 884).—См. о немъ Голикова: VI, 285; IX, 424, 433; X, 396.

35. **Брусиловъ, Иванъ.**

Буланинъ, Никифоръ.

Бѣлоусовъ, Юрья.

1739 г. упомин. Бѣлоусовъ, однодворецъ Одоевскаго уѣзда (Аксенъ)—(Сен. Арх., каб., кн. 53).

Вельяминовъ, **Никита.**

1730 г, поруч. бутырскаго пѣх. полка; въ эт. же году, при учрежд. Изм. полка, перевод. въ него подпор. (Прилож. къ ист. Изм. полка, с. 4).

Вельяминовъ, **Петръ Борис., (Черкас.).**

40. **Вельяминовъ-Зерновъ, Иванъ**, подпорв. См. Голикова: I, 256, 289 (стольникъ).—(Вельяминовы-Зерновы происх. отъ одн. родонач. съ Годуновыми. тат мурзы Чета, прибывшаго въ 1330 г., въ костр. области, крещ. съ имен. Захарія и основавшаго костр. Ипатьевскій монастырь.—См. Долгор, род. кн., IV, 76).

Веревкинъ, Иванъ († 1739 г.).

Деньщикъ Петра В., пот. капитанъ семен. полка. (Долгор., род. кн., IV, 329.)—См. Голикова: VII. 116; XV. 301 (гв. поруч.).—Сынъ его. Мих. Ив., (р. 1732 † 1795 г.), од. изъ сам. учен. людей св. врем., былъ, при учрежд. моск. универ., вмѣстѣ съ Ив. Ив. Мелиссино, товар—мъ куратора, знамен. Ив. Ив. Шувалова; пот. наход. товарищ. губерн. въ Казани и б. перв. директ. открытой имъ тамъ гимназіи.—Пред. Вер—хъ, родомъ новгор., упом. въ числѣ служил. людей въ 1549 г.—См. Долгор., род. кн., IV, 329.

Владыкинъ, Иванъ.

1735 г. мичманъ. (П. С. З., IX, № 6842, 6855).

Волхонской князь, Алдръ.

См. Голикова: VI, 153; (гардемаринъ) XV (анекд.) 252.—1726 г., флота унт.-лейт. (Берхъ, I. 26).—1729 г. подпоруч.—1732 г. поруч. (П. С. З., VIII, № 5458, 6017).

Волхонской князь, Вас. Степ.

1727 г., подполкв., назнач. воевод. Переясл. пров. (П. С. З., VII, № 5029)—1737 г., въ томъ же чинѣ назнач. въ счетн. малорос. канц. (Им. ук., кн. 49).

45. **Волхонской князь, Иванъ.**

1726 г., флота лейтен: (Берхъ, I, 26)—См. Голикова: XII, 407, 414.

Волхонской князь, Мих. Ив. (?)

1713 г., гв. маіоръ, отправл. въ Арханг. губ. на слѣдствіе; произвол. также слѣдствіе по жалобѣ голландцевъ и получ. повел. достав. лично Петру В. свѣд. о семъ дѣлѣ. — 1714 г. указъ ему по дѣлу архинг. вице-губ. Курбатова и посылка къ нему въ Арх—къ ландрихтера Нахалова, а затѣмъ вызовъ его въ СПБ.—1716 г. производ. изслѣдов. о ссорѣ его съ Курбатовымъ.—1717 г., донесеніе его Петру В. о неправ. дѣйствіяхъ Курбатова въ Арх—кѣ. (Им. ук., кн. 27 и 6)—1727 г. отписыв. у него деревни и отд. его матери кн. Дарьѣ Вол—ой. (Ук. В. Т. С).

Волхонской князь, Николай.

Изъ л.-регимента перевод. подпоруч. въ кон. гв., при основаніи ея. (Исторія л.-гв. коннаго полка, сост. Анненковымъ, ч. IV).

Волынской, **Ив. Мих.** *

Воронинъ, Аѳонасій.

(Въ царств. Петра В. Голиковъ упом. двухъ Ворониныхъ: Никиту, фабриканта (VII, 3) и Якима (XIV, II).—Кромѣ того въ 1717 г. упом. Воронины Иванъ и Кузьма — астраханскіе дворяне (Арх. Гл. Шт., 351, 375, 379, 393, 248—250).—Въ 1727 и 1728 гг. является 3-ое В—хъ.—Въ 1739 г. убитъ Вор—въ однодворецъ (безъ имени)—Им. ук., кн. 54, 57, 59).

50. **Вяземской князь, Алдръ.**

(Кн. Вяземскіе происх. отъ Ростислава Мстиславича Смоленскаго, внука Мономаха).

Вяземской, князь, Ив. Матв., 1711 г., подполк. моск. гарниз., казанч. въ распоряж. адмир. гр. Апраксина. (П. П. В., 182).—1730 г. назнач. воеводою Калуж. пров. вмѣсто Ди. Бестужева. (Ук. В. Т. С.)

Гагаринъ князь, Семенъ.

1728 г., подполк., команд. въ Ниж. Новг. для произв. слѣдств. о вице-губ. Ржевскомъ.—1729 г., повел. ему приб. въ Москву для предст. свѣд. по слѣдств. о Рж—мъ, вслѣдствіе чего онъ и приб. въ Москву въ концѣ эт. года. — 1740 г.; до 5-го іюля губерн-ій товарищъ въ Казани, затѣмъ назнач. вице-губерн. въ Ниж. Нов., а 15-го іюля того же года состоялась резолюція каб.-министровъ о рассмотрѣніи въ сенатѣ донесенія казанск. вице-губ. г.-маіора Сойнонова на счетъ поступковъ казанск. губерн. товарища кн. С. Гаг—на. (Ук. В. Т. С. 1728 и 1729 гг.; каб., кн. 60).—(Кн. Гагарины одн. происх. съ кн. Ростовскими—отъ кн. Стародубскихъ.—См. Долгор., род. кн., I, 205, 237—238).

Глазатой, Борисъ.

(Предокъ ихъ Афонасій Глазатовъ, торжковскій (новгородскій) сынъ боярскій, пожалов. Іоанномъ IV помѣстьемъ въ моск. уѣздѣ въ 1550 г.—См. Долгор., род. кн., IV, 358).

Глѣбовъ Иванъ.

Онъ мож. быть: 1) сыномъ окольничаго Мих. Ив., 2) Ив. Өеод—мъ († 1774 г.), который служилъ генер.-поруч. при Елизаветѣ, а при Петрѣ III б. ген. аншеф. (Долгор., род. кн., IV, 91).—Объ Ив. Өеод. см. П. С. З., XII, 479; XVII, 799; XVIII, 371, 400, 447; XIX, 27, 843. Онъ поступ. на службу въ 1721 г. Бантышъ Каменскій, Словарь, изд. 1847 г., I, 290—292).—(У Долгорукова показ. 2 фамиліи Глѣбовыхъ: одна ведетъ свой родъ отъ косожскаго князя Редеди (XI в.), другая отъ шведск. выходца Облагини, выѣхавшаго въ Моск. княжество при Димитріи Донскомъ въ 1375 г.—Иванъ Глѣбовъ, надо думать, происход. изъ эт. посл. фамиліи.—См. Долгор., род., кн., IV. 84, 87, 89—91).

55. **Головинъ**, Петръ Ив.

1712 г., школьникъ, посыл. въ Голландію (П. П. В., 231).—1738 г., бывшій об.-провіантмейстеръ, назнач. ассесор. моск. конторы конфискаціи. (Каб. кн. 50). — См. Голикова: XII, 16.—(Головины въ родствѣ съ Салтыковыми, Лопухиными, Бутурлиными, Репниными, Новосильцовыми, Кантемирами, кн. Трубецкими, Шереметевыми, кн. Голицыными.—См. Долгор., род. кн. III. 108—109).

Головинъ, Сергѣй Автономовичъ.

(См. о немъ ниже въ проэктѣ 13-ти. № 5).

Грековъ, Степанъ. (Черкас.).

Грибановъ, **Яковъ**.

Григоровъ, **Иванъ, капит.**

(При Елиз. Петр. упом. бѣднѣйшій угличкій дворянинъ Григоровъ, находившійся при строеніи Царскаго села. — См. Караб., «Разсказы», Р. Ст. 1871 г., IV, 691: — Въ 1586 г. 2 брата Григоровы б. б. дьяками; около того же времени третій Гр—въ участв. въ войнахъ. — Въ 1699 г. 15 Триг—хъ влад. насел. имѣн.: изъ нихъ 4 б. б. стольниками Петра В.; мож. быть Иванъ Гр—въ сынъ одного изъ нихъ. —См. Долгорук., род. кн., IV, 373).

60. *Губаревъ*, **Василій.**

Мож. быть стольникъ Петра В. (Родонач. Губ—хъ, Тимоѳей Дм. Губ—въ, служилъ воеводою въ войскахъ вел. кн. Вас. Іоан. и б. взятъ въ плѣнъ поляками въ 1514 г. — Въ 1699 г. 2 Губаревы владѣли насел. имѣн.: изъ нихъ Василій Дороѳеевичъ б. стольникомъ Петра В. — См. Долгор., род. кн., IV, 378). — 1736 г., подполк. воевода въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ; опред. для сведенія общихъ счетовъ разныхъ счетныхъ коммиссій, СПБ., при соединеніи ихъ въ одну. (П. С. З., X, № 7310).

Гурьевъ, Григорій.

Гурьевъ, Ѳеодоръ, сенацкой экзекуторъ.

Дементьевъ, Ермолай Лаврентьевичъ.

Дохтуровъ, Аѳонасей.

1738 г., маіоръ, назнач. совѣтн. моск. дворц. конторы. (Им. г. ук., кн. 51)—(Пред. Дохт—хъ наход. воеводою въ Каз. пох. 1544 г. —См. Долгор., род. кн., IV, 394).

65. **Дубенской, Аверкій.**

(Родонач. Дуб—хъ, Ѳеодоръ Дубенскій, дьякъ при вел. кн. Вас. Вас. Темномъ; внуки его б. б. дѣтьми боярскими 4 Дуб—хъ б. б. стольниками Петра В.—См. Долгор.; род. кн., IV, 394, 395).

Дубровской, **Иванъ.**

При Петрѣ В. ученикъ. (Голиковъ, VI, 153)—1729 г., маіоръ, жал. ему 70 дворовъ изъ отп. деревень дяди его Ѳеод. Дуб—го. (Ук. В. Т. С.)—(Предокъ ихъ участв. въ Колыванск. пох. 1540 г. Дядя Ивана Дуб—го, Ѳеод. Петр. Дубр—ій, б. стольник. Петра В. и замѣшанъ въ дѣлѣ царев. Алексѣя Петр.— Въ 1699 г. 5 Дубр—хъ влад. насел. имѣн.—См. Долгор., род. кн., IV, 395—396).

Дурново, Петръ.

(Дурново одн. происх. съ графами и дворянами Толстыми.— См. Долгор., род. кн., IV, 379, 398).

Дуровъ, Тимоѳей.

Стольникъ Петра В. (Дуровы служилые люди XVI в., а въ нач. XVII в. являются город. дворян. города Романова Яросл. обл.— Въ 1699 г. 22 Дурова влад. насел. им.; 8 изъ нихъ б. б. стольник. Петра В.—См. Долгор., IV, 398—399).

Евлашевъ, Алексѣй.

70\. **Ермолаевъ**, Петръ.

Ермоловъ, Михайла Петр., дѣдъ Петра Леонт. (См. ниже, № 72).

(Родонач. ихъ мурза Арсланъ-Ермолъ служил. челов. вел. кн. Вас. Іоан. въ 1506 г.—Въ 1699 г. 11 Ерм—хъ влад. насел. имѣн.: 6 изъ нихъ б. стольник. Петра В.—См. Долгор., род. кн., IV, 404, 408).

Ермоловъ. Петръ Леонт., сынъ стольн. Петра В.

1732 г., отставной капит., назнач. член. въ комис. по развед. конск. завод. (П. С. З., VIII, № 6067).—1733 г., назнач. ассессор. въ конюш. канцел.—1737 г. увольн. отъ службы по болѣзни (Им. ук., кн. 38; Каб., кн. 47)—Сынъ этого Ермолова, Алдръ Петровичъ, б. фаворитомъ Екатерины II. Знаменитый дѣятель царств. Александра I и Николая Павловича, Алексѣй Петр. Ермоловъ (р. 1777 † 1861 г.), приходился роднымъ внукомъ брату Петра Леонт., Алексѣю Леонтьевичу. (Долгор., род. кн., IV, 406).

***Еропкинъ**, Василій.

Еропкинъ, Михайла.

1712 г., школьникъ, посыл. въ Ревель для обуч. нѣмецк. яз. (П. П. В., 232).

75\. **Ждановъ**, Сергѣй.

1733 г., стольникъ, служ. въ соляной конторѣ (П. С. З., IX, № 6309)—(О сынѣ его, Ник. Серг. Ждановѣ, бригадирѣ 1793 г., говоритъ Болотовъ: IV, 1120, 1123, 1141, 1142, 44, 46, 90, 91. —Алдръ Серг. Ждановъ, одоевскій помѣщикъ (1792 г.)—См. Болотова: IV, 928, 29, 35, 36, 38, 40 47, 1022, 26, 33, 38, 44, 47, 49, 51, 54, 57, 58, 62, 77).

Желябужской, Никита Мих.

1726 г., флота секретарь 1-го ранга (Берхъ, I, 25)—1739 г., поручикъ флота, опред. прокуроромъ адмир. коллегіи. (Им. ук., кн. 54) — (Одинъ изъ предковъ ихъ упомин. въ числѣ моск. служил. людей во второй полов. XVI в.—Ив. Аѳон. Желяб—ой (р. 1638 г.) б. при Алексѣѣ Михаиловичѣ посломъ въ Вѣнѣ, думн. дворянин. и окольнич. съ 1684 по 1709 г. (?); онъ оставилъ записки о событіяхъ съ 1682 по 1709 гг.—См. Р. Р. С., 156—157).

Жерлицынъ, Петръ.

***Жолобовъ**, Алексѣй.

***Загряской** (Загряжской) Борисъ.

80\. **Загряз(ж)ской**, Семенъ.

Засѣкинъ князь, Григ. Ив.

Зас—нъ (безъ им.) гофмейстеръ при Петрѣ В.—См. Голикова: VI, 283; X, 158. (Кн. Засѣкины, подобно кн. Вяземскимъ, происх. отъ кн. Смоленскихъ; въ службѣ моск. вел. кн. и царей

важныхъ мѣстъ они не занимали.—См. Долгор., род. кн. I, 148, 161).

Засѣкинъ князь, Николай.

Засѣцкой, Степанъ.

Зиновьевъ, Андр. Степ.

Поруч., ассессоръ вотчин. коллегіи, пот. бригад. (Р. Р. С., 168)—1735 г., офицеръ геодезіи (прапорщ.), посыл. сенатомъ въ распоряж. с. с. Ивана Кириллова въ Уфимскую провинцію для измѣренія башкирскихъ земель. (П. С. З., IX, № 6721)—Зиновьевы—родня Салтыковымъ.—См. родосл. Сал—хъ. (Зиновьевы происх. сербскаго. Ихъ предокъ Алексѣй Зиновьевъ выѣх. въ 1400 г. изъ Литвы, куда переселился его отецъ, въ Москву къ вел. кн. Василію Дмитріевичу. Потомки его б. б. большею частью стольниками и высок. должн. не занимали.—См. Р. Р. С., 166).

85. Знаменщиковъ, Елисѣй.

Зыбинъ, Алдръ Ефимов. († 1760 г.).

1726 г., флота секретарь 1-го ранга. (Берхъ, I, 25)—1740 г., совѣтн. адмир. конт., назнач. совѣтн. въ полицію. (Им. ук., кн. 57)—1743 г., об. шт. кригсъ-комис. флота. Участіе его въ дѣлѣ Лопухиныхъ, ссылка и житье въ ссылкѣ П. С. З., т. XI, № 8775 (Р. Ст. 1874 г., XI, 20—25, 42, 192—197; 217—221.—Замѣтка о немъ: Ibid., 1875 г., XII, 400).

Зыбинъ, Василій.

Зыбинъ, Иванъ.

Иванчинъ-Писаревъ, Михаилъ.

90. Ивашевъ, Петръ.

Ивашинцевъ, Кирила.

Ивашкинъ, Дороѳей Савичъ.

При Петрѣ В. гвардіи прапорщ. См. Голиковъ: VII, 117.—1731 г., гв. капит., назнач. въ моск. полицію. (П. С. З., VIII, № 5721).

Игнатьевъ, Степ. Лук.

Илютинъ, Илларіонъ.

95. Исаковъ, Михаилъ.

Кайсаровъ, Левъ.

См. Р. Ст. 1873 г., VIII, 11. (1728 г.)—(Кайсаровъ (безъ им.), камеръ-юнкеръ Высоч. двора. Въ 1730 г., при учрежд. Изм. полка зачисленъ въ него подпоруч. — См. Прилож. къ Ист. эт. пункта с. 4.—Кайсаровы: Алдръ (камерд. Екат. I), Аѳонасій (гв. поруч.) и Семенъ—См. Оп. Сен Арх., II, указ., с. 792—793).

Кайсаровъ, Михаилъ.

(1699 г. воевода въ г. Тарѣ, П. С. З., III. №№ 1669 и 1670)

Каменской, Ѳедотъ Мих., камеръ-юнкеръ. Впосл. онъ б. ген.-маіоръ, — его жена Анна Алекс. Зыбина. — Его дочь Алдра Ѳедотовна, б. замужемъ за Алекс. Андр. Ржевскимъ (писателемъ) и сама б. писательницей. (См. о ней Р. Ст. 1870 г., II,

80).—Его сынъ. Мих. Өедот., фельдмаршалъ (р. 1738 † 1809 г.).— См. Р. Ст. 1874 г., X, 26; 1875 г., XII, 406.

Камынинъ, Аөонасій Иван.

1727 г., колл. прокуроръ, назнач. сов. вотч. колл., а затѣмъ произв. въ полк.—1737 г., командир. въ Малороссію къ дѣламъ.— 1740 г. назнач вице-презид. вотчин. кол. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., 62; каб., кн. 49)—(Кам—ны происх. татарскаго. Предокъ ихъ Бугандалъ, во св. крещеніи Даніилъ Камынинъ, выѣхалъ изъ Зол. орды при вел. кн. Вас. Іоан.—Потомки его важн. чиновъ не занимали.—См. Р. Р. С. 179).

100. Камынинъ, Петръ.

Каранинеровъ, Дмитрій, капит.

Касаткинъ-Ростовск.й князь, Илья.

Кн. Касаткинъ-Ростовскій (безъ им.), въ 1730 г. адъют. бутырск. пѣх. полка; въ эт. году. при учрежд. Изм. полка, перевод. въ него полк—мъ адъют. (Прилож. къ ист. Изм. полка. с. 4).

Квашнинъ-Самаринъ, Петръ Вас. (?). об. кригсъ-коммис.

Голиковъ: VI, 154; XIII, 360; XV Аоенд., 250 (ученикъ).— 1727 г., директ. акцизной камеры, увол. отъ эт. должн. и назнач. сов. юст.-колл.—1730 г. 28 апр., жал. въ с. с.—1731—1739 гг. герольдмейстеръ. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук, кн. 32, 33 и 54).— При прав—цѣ Аннѣ Леоп—нѣ, въ 1741 г. (мартъ) назнач. член. въ коммиссію для разсмотр. вновь сочиненн. Лифляндск. улож.—См. П. С. З., XI, № 8355). Пред. Квашниныхъ и Квашниныхъ-Самариныхъ—дружинникъ изъ южн. Галича, бояринъ галицк. короля Льва Даниловича, приб. въ Москву около 1300 г. съ дружиной въ 1700 чел.; звали его Нестеръ Рябецъ.—См. Долгор., род. кн., IV, 117, 121).

Киселевъ, Алексѣй.

1720 г., плкв., коменд. въ городѣ Терки. (П. С. З., VI, № 3609).

105. Козловской князь, Иванъ.

Голиковъ, XIII, 184.—1676 г. стольникъ; посланъ въ Туринскъ для объявл. о кончинѣ ц. Алексѣя Мих. и для приведенія къ присягѣ ц. Өеод Алекс. (П. С. З., т. II, № 624).—1711 г. царедворецъ [ibid., IV, № 2334]. (Родонач. кн. Козловскихъ общій съ кн. Вяземскими. См. Долгор., род. кн., I, 143 и 198.—Кн. Козлов—іе родня Салтыковымъ.—См. тамъ же родосл. С—хъ).

Козловской князь, Сем. Мих.

1698 г., сержантъ семеновскаго полка (Устряловъ. III, 571)— 1711 г. царедворецъ. (П. С. З., IV, № 2334).—1727 г. комнатн. стольн., назнач. воеводою Соликамской провинціи.—1732 г. Смоленс. вице-губ.—1734 г., вызыв. въ Спб. и увольн. отъ должн.—1739 г., доносъ на него поруч. Петра Богдановича и разсм. его дѣла въ сенатѣ. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 35. 41; каб., кн. 53).— См. Голикова: XIII, 578.

Колтовской, Илья.

Колычевъ. Петръ Степ., сынъ Степ. Андр. Голиковъ: VI, 154; XIV, 493 (ученикъ); VI, 385 (адъют.)—1725—1733 г., капит. (П. С. З., VII, № 4729; IX, № 6487).

Кондыревъ. Алексѣй, подпмк.

1731 г. произв. въ плкв. (П. С. З., VIII, № 5920)—Дарья Вас. Кондырева (р. 1704 † 1780 г.) замуж. 1) за Скуратовымъ, 2) за Потемкинымъ (отцемъ Таврическаго).—См. Потемкинъ Алдръ Васил. въ текстѣ.

110. Кондыревъ, Никита.

Коноплинъ, Григорій.

Коробьинъ, Матѳей.

1726—1732 г., флота капит. 2-го ранга. (Берхъ, I, 22, 27).

Коховской, Иванъ.

(Изъ смоленской шляхты им. ук., кн. 41).

Кошелевъ, Иванъ.

1715 г. навигаторъ (Берхъ, I, 14)—1723 г., флота капит.-поруч., въ эскадрѣ вице-адм. Вильстера. 3-го дек. дана грамота Вильстеру, капит. Мяснову и Кошелеву о принятіи подъ покров. России Мадагаскарскаго короля и о позволеніи ему жить въ Россіи (прежде король этотъ иск. протекціи шведск. кор., а по смерти Карла XII, Петръ В. самъ предл. ему свою помощь).—См. П. С. З., № 4382.—1726 г., капит. 1-го ранга (Берхъ, I, 22).—1729 г. произв. въ капит. команд. (Ук. В. Т. С.).

115. Крапоткинъ князь, Константинъ.

(Кн. Крапоткины происх. отъ кн. Смоленскихъ, вмѣстѣ съ кн. Вяземскими.—См. Долгор., род. кн. I, 146 и 196.—Въ род. князей Кр—хъ князя Константина не находится).

Кречетниковъ, Никита.

Шталмейстеръ двора Елиз. Петр.—1736 г., подпмк.; назнач. генер.-провіантмейстеромъ при арміи. (П. С. З., IX, № 6930).—Креч—въ, Петръ Никит.—См. Болотова; IV, 12.—Мих. Никит. (род. въ 1720-хъ гг. † 1793 г.) губ. полоцкій, затѣмъ намѣстникъ тульскій, калужскій и рязанскій. (1777 г.)—См. Болотова: III, 663, 715, 722, 1074, 1149, 1177, 1199, 1200, 1206; IV, 34, 53 и далѣе.—Отношеніе къ Вельяминовымъ: ibid., III, 1186.—Кромѣ того о Мих. Никит. Креч—вѣ см.: Р. Ст. 1872 г., V, 133; 1874 г., X, 38, 189, 671; 1875 г., XII, 386.—Указат. къ дневнику Храповицкаго, с. 521.—Въ 1772 г. Креч—въ (безъ им.) псков. губ. (Зап. Миниха, 101).

Крыловъ, Степанъ.

Култашевъ, Сава.

Кусаковъ, Петръ.

120. Куташевъ, Василій.

Лавровъ, Гавріилъ.

Лавровъ, Григорій.
Лавровъ, Сергѣй Юр., капит.
Лазаревъ, Андреянъ.
125. **Ларіоновъ**, Осипъ.
Левашевъ, Яковъ Вас.
1729 г., плкв., назнач. Переяславскимъ комендан.—1730 г. жалуется ему мыза Цинтенсгофъ. (Ук. В. Т. С. 1729 г., им. ук., кн. 32).—См. Голикова: I, 259 (поручикъ).—Пред. Левашевыхъ Доль, во св. крещ. Василій, выѣх. изъ нѣмецк. земли въ Псковъ, а оттуда въ Тверь къ вел. кн. Алдру Михайловичу (1324—1327 гг.) и былъ при немъ бояриномъ.—См. Р. Р. С., 93).
Левшинъ, Иванъ.
(Предокъ Левш—хъ Сувол Левша (Сцевола Левенштейнъ) выходецъ изъ Швабіи въ 1365 г. къ Димитрію Донскому.—См. Р. Р. С., 198.—Лицъ съ имен. Ивана въ IX—X колѣн. родосл. (кон. XVII и нач. XVIII вв.) оч. много, такъ что опредѣл. личности было бы во всѣхъ случ. гадательно.—См. Р. Р. С., 201—203).
Лесли, Георгій, плкв.
1709 г., плкв. (Арх. Гл. Шт., 25)—1722 г. плкв. драг. олонецкаго полка. (П. П. В., 442).
Линевъ, Василій.
130. **Литвиновъ**, Ив. Ив.
1711 г., недоросль, высыл. въ Преобр. полкъ для допроса. (Им. ук., кн. 4). См. Голикова: XV, 257 (недоросль; Алексинскій помѣщикъ).
Лихаревъ, Андрей.
1698 г. прапорщ. Преобр. полка (Устряловъ, III, 364).
Лихаревъ, Василій, плкв.
Лихаревъ, Венедиктъ.
1726 г. унт. лейтен. (Берхъ, I, 25).
Лихачевъ, Алексѣй Ив., сынъ Ив. Ив. (См. ниже). (Родонач. Лихачевыхъ, Олегъ Богуславичъ Лихачъ, выѣхалъ изъ Литвы въ 1426 г. къ вел. кн. Василію Темному: во св. крещ. онъ названъ Алексѣемъ. Ему пожалов. въ землѣ Новг., въ деревской пятинѣ, въ логоцкомъ погостѣ, дер. Раковицы и Туганеоги, а въ сытенскомъ погостѣ дер. Шелавицы.—Лихачевы приближенные царя Θеодора Алексѣевича.—См. Р. Р. С., 212).
135. **Лихачевъ**, Ив. Ив.
Логвиновъ, Петръ.
(Логиновъ, Илья, придв. пѣвчій; въ 1728 г. жал. ему крестьяне. (Ук. В. Т. С.)—Логиновъ—откупщикъ.—«Купцы, воровствомъ короны обогатившіеся, большіе чины получили, яко Логиновъ, бывшій откупщикъ и не токмо воръ по откупамъ, но и прилучившійся въ воровствѣ коммиссаріатской суммы, чины штатскіе получилъ»—

(при Екатеринѣ II).—Щербатовъ «Повр. нр.» Р. С. 1871 г., III, 683).

*Лопухинъ, Абрамъ Өеодор.

Лукинъ (?), Кипр. Ив.

Лутковской, плкв.

1727 г., плкв. (П. С. З., VII, № 5212).

140. Лутовиновъ, Василій.

1696 г. воевода въ Туринскѣ (П. С. З., III, № 1547) —1727 г. назнач. воеводою въ Устюжну. (Ibid., VII, № 5053).

Лутовиновъ, Иванъ.

Львовъ князь, Алексѣй Яковлевичъ.

(Кн. Львовы общ. происх. съ кн. Вяземскими.—См. Долгор., род. кн., I, 146, 185).

Львовъ князь, Алексѣй (другое лице?) 1733—1736 гг, асессоръ возобновл. доимочн. приказа (П. С. З., IX, № 6412, 6880).

Львовъ князь, Сергѣй Яковлевичъ (братъ кн. Алексѣя Яковлев., см. выше).

145. Львовъ, Алексѣй Ив. (?).

1731 г., назнач. прокур. въ бѣлгородскую губ. (П. С. З., VIII, № 5736, 5926).

Львовъ, Алексѣй (другое лице?).

Львовъ, Никифоръ.

1727 г., подплкв., назнач. товарищемъ воеводы тамб. пров. (П. С. З., VII, № 5029).—См. о немъ Голикова: XIII, 520).

Любучениновъ, Сем. Мих., капит.

1729 г., назнач. къ счетн. дѣламъ. (Ук. В. Т. С.).

Ляпуновъ, Николай.

(Ляпуновы, предки знаменит. братьевъ Прокопія и Захара Петровичей Ляпуновыхъ, происходятъ отъ Рюриковичей, кн. Галицкихъ.—См. Долгор., род. кн., IV, 6, 15).

150. Мазовской, Евсевій.

Мансуровъ, Петръ.

(Родонач. Мансуровыхъ, Алмитей Шигильдеевъ сынъ Мансуровъ, выѣх. изъ Орды при вел. кн. Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ и во св. крещ. получилъ имя Бориса.—См. Р. Р. С., 221).

Марковъ, Алексѣй.

1715 г., артил. поруч., командир. въ Каз. губ. для сбора отрубковъ и сучьевъ, остающихся отъ кораб. лѣсовъ, чтобы употр. ихъ на дѣланіе колесъ и лафетовъ къ артил. орудіямъ. (П. С. З., V, № 2913)—(Márковы или Моркóвы—новгородцы родомъ. Предокъ ихъ, Ив. Ив. Морковъ, б. новгор посл. въ Москвѣ въ 1477 г.—34 Márковыхъ и Моркóвыхъ владѣли населен. имѣн. въ 1699 г.—Аркадій Ив. Моркóвъ, изв. дипломатъ царств. Екатерины II, и 2 брата его б. б. произв. въ 1796 г. въ графское достоинство импер. герм. Францомъ II.—Кромѣ того есть еще 2 дворянскихъ фамилій

Марковыхъ: предокъ первой, дворян. моск Марковъ, отличился въ моск. сидѣніе съ 1607 по 1610 гг.; предокъ второй—Никонъ Марковъ, влад. помѣстьями въ 1645 г.—См. Долгорук., род. кн., III, 199, 201—202).

Масловъ, Андр.

1737 г., пикв. (П. С. З., X, № 7368).

Масловъ, Матвѣй.

155. Матрунинъ, Нефедъ.

Мещериновъ, Алексѣй (Ив.?).

1723 г., капит. роты бѣлгородскаго пѣх. полка, назнач. для караула въ Нарвѣ къ прибытію Петра В. (Нащокинъ, 17).

Мещерской князь. Борисъ Вас.

1723 г., отправленъ резидент. къ шаху персидскому (П. С. З., VII, № 4301)—(У Долгорукова наход. 2 родословныхъ кн. Мещерскихъ: первая кончается XVII-мъ в., вторая начин. XVIII-мъ в., составляя только поколѣніе кн. Вас. Ив., женатаго на граф. Нат. Андр. Матвѣевой, и никакъ не связана съ первой.—Кн. Мещерскіе, по бархатной книгѣ, происх. отъ ширинскаго князя Усейна, сынъ котораго, Бахметъ, завоевалъ Мещеру въ 1298 г. и оставилъ ее сыну своему Беклемишу, во св. крещеніи Михаилу; эт. послѣдній и сталъ родонач. кн. Мещерскихъ, бывшихъ удѣльн. князьями до втор. пол. XV в.—Кн. Мещерскіе не занимали особ. видн. мѣстъ при вел. кн. московскихъ.—См. Долгор., род. кн., II, 15, 23, 25).

Мещерской князь. Вас. Алекс.

Въ это время явл. 2 кн. Вас. Мещ—хъ: 1) 1728 г., капит., командир. для произв. слѣдств. о поступк. нижегор. вице-губ. Ржевскаго. (Ук. В. Т. С.)—2) 1731 г., стольникъ, назнач. къ дѣламъ въ сибирск. прик.—1732 г. въ комис. по расси. прих. и расх. сиб. приказа. (Им. ук., кн. 34, 35).

Мещерской князь. Ив. Алекс.

Кн. Иванъ (безъ отч.) послѣ 1727 г. директ. петерб. акцизной камеры. (П. С. З., VIII, № 6274).—См. о немъ у Голикова: XIII, 81.

Мещерской князь. Ив. Вас.

Мещерской князь. Мих. Ив.

1698 г. сержантъ преображ. полка, (Устряловъ, III, 565—1731 г., подпор., назнач. член. моск. полиціи. (П. С. З., VIII, № 5721).

Микулинъ. Аѳонасій.

1725 г. гв. лейтен. (Им. ук., кн. 29).

Мичуринъ, Иванъ.

1724 г. учится въ Голландіи «голландской архитект., особливо строенію фундамент., расположенію и украшенію огородовъ и дѣланію шлюзовъ», подъ надз. русск. дипломат. агента фанъ-деръ-

Бурга (П. С. З., VII, № 4584). — 1729 г. посылается на осмотр къ гр. Миниху (Ук. В. Т. С.).

Мошковъ, Вас. Ив.

Голиковъ: X, 400; XIII, 722 (дворянинъ). (1743 г. Вас. Мошковъ, гофъ-юнкеръ.—П. С. З., XI, № 8821). — См. Р. Ст. 1873 г., VIII, 95 (ген.-пор.). — Сынъ его и дочери ibid. idem. — (Петръ Мошковъ, одинъ изъ управителей дома Петра В.: 1724 г. — См. П. П. В. 58, 364 и Р. Ст. 1870 г., I, 76. — Мошковъ, П. Ив., интендантъ дворца 1730 г. — См. Р. Ст. 1871 г., IV, 684).

165. Мякининъ, Аеанасій.

Мякининъ, Өеодоръ.

Мятлевъ, Алдръ.

(Мятлевы происход. отъ Радши вмѣстѣ съ Пушкиными. — См. Долгор., род. кн., IV, 158).

*Нарышкинъ, Мих. Григ. (?)

Нащокинъ, Никита Ив. (Р. Р. С. № 137).

170. Нѣловъ, Иванъ.

1728 г., асессоръ, подъ слѣдств. за взятыя имъ и ген.-м. Геннингъ казен. деньги въ Екатеринбургѣ. — 1732 г., назн. быть въ Сенатѣ при слушаніи доклада вотчин. главы. — 1736 г., прокуроръ штатсъ-конторы, назнач. состоять при Нарышкинѣ, для повѣрки счетовъ Кармедона, и повел. ему присутств. въ канцел. отъ строеній. (Ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 36 и 45).

Нѣловъ, Иванъ.

1739 г., помѣщ. вологодскій; упомин. о его крестьян., переселенныхъ въ охтенскія слободы. (Им. ук., кн. 54).

Неёловъ, Петръ.

Нелюбохтинъ, Василій.

1709 г. деньщикъ Петра В. (Арх. Гл. Шт., 56).

Неплюевъ (?), Петръ.

1693—1694, Московскій дворянинъ Петръ Неплюевъ, посланъ въ Бѣлгородъ за вины (какія?, не участіе ли въ стрѣлецкихъ возмущеніяхъ?), и велѣно ему быть тамъ въ начальныхъ людяхъ. (П. С. З., III, №№ 1477, 1497). Голиковъ: I, 81. — (Неплюевы одного происх. съ Колычевыми и Романовыми. — См. Долгор., род. кн., IV, 159).

175. Несвицкой князь, Василій.

1726 г. унт.-лейтен. флота. (Берхъ, I, 25).

Несвицкой князь, Иванъ Вас. (?)

1726 г. унт.-лейт. флота. (Берхъ, I, 25). 1727 г., воевода г. Дмитрова, увольн. отъ воеводства, а на его мѣсто назн. полковн. Воейковъ. — 1729 г., поруч., назнач. воеводой тамбовск. пров. (П. С. З., VII, № 5053; Ук. В. Т. С. 1729 г.).

Несвицкой князь, Михаилъ.

1726 г. флота лейтен. (Берхъ, I, 24).

Нестеровъ, Сергѣй.

Нестеровъ, Θеодоръ.

Мундшенкъ цесаревны Елизаветы Петровны. — Родственникъ его женатъ на сестрѣ Е. А. Стрешнева, приближеннаго фельдмаршала Долгорукаго (См. Р. Ст. 1873 г., VIII, 19—20; 24, 25).— 1743 г. поруч. Бѣлгородск. пѣх. полка, опредѣленъ камеръ-фурьеромъ къ и—цѣ Елизаветѣ Петр., съ рангомъ полковничьимъ.— (П. С. З., XI, № 8824).

180. **Нечаевъ**, Левъ.

(1680—1684 г. дьякъ въ приказѣ большой казны, а затѣмъ дьякъ холопьяго приказа.—П. С. З., II, №№ 824 и 1075).

Новисiевъ, Семенъ.

Новокщеновъ, Дмитрiй.

1724 г., подпол., командир. въ сиб. губ. въ распоряж. кн. М. В Долгорукаго, для опредѣл. вице-губ. въ Иркутскъ, или въ Енисейскъ, по его усмотрѣнiю (П. С. З., VII, № 4606). Новокщенова Татьяна, шутиха импер. Анны Iоанновны.—См. Р. С., 1873 г., VII, 340).

Новокщеновъ, Θеодоръ.

1721 г., отъ бомбардиръ-поручикъ, надсматриваетъ за работами по рѣкѣ Гжати, моск. губ., мож. уѣзда (перекапывались крутыя луки вольными рабочими).—См. П. С З., VI, № 3827.

Оболенской князь, Алексѣй Андр., д. с. с. (р. 1684 † 1760 г.).

1736 г., об. кригсъ-комис., назнач. сов. въ счетн. экспед. воен. коллегiи. (П. С. З, IX, № 6899)—1740 г. вице-губ. арханг. губ. (им. ук., кн. 57).—Отецъ его, Андрей Никиф., б. при Петрѣ В. губерн. въ Новгородѣ.

185. **Овцынъ**, Гавр. Мих.

Овцынъ, Григорiй.

(Одинъ Овцынъ открылъ Обскую губу.—См. о немъ Р. Ст. 1873 г., VIII, 325.—Овцыны зажиточные новгор. и псков. помѣщики.—См. Карабанова, Р. Ст. 1871 г., III, 279).—1728 г. подполков., пожал. въ полк. (Ук. В. Т. С.).

Овцынъ, Данiилъ.

1722 г., маiоръ. Занимаясь ревизiей (народн. переписью) крестьянъ Переславль-Залѣсской пров., самовольно учрежд. свою кварт. и канцел. въ домѣ синод. подьячихъ въ одн. изъ деревень, принадлеж. Никитскому монастырю. (П. С. З., VI, № 4126).

Ознобишинъ, Дм. Дм. (Р. Р. С., № 52).

(Предокъ ихъ въ концѣ XIII в. выѣх. изъ Польши.—См. Р. Р. С., 259.—Ознобишинъ (безъ им.) 1708 г. Петръ В. посыл. съ нимъ изъ Варшавы больш. чертежную книгу къ моск. коменд., впосл. сиб. губернатору, кн. Матв. Петр. Гагарину. (П. П. В., 118, 120).

Орловъ, Игнатiй.

(Ив. Мих. Орловъ б. деньщ. Петра В.—См. Р. Ст. 1871 г., III, 465—466).

190. **Орлов**ъ, Никита.

Отяевъ, Иванъ.

(Пред. ихъ, Өеод. Борисов. Хвостовъ, по прозвищу Отяй, правнукъ моск. тысяцкаго Алексѣя Петр. Хвоста.—См. у Долгор., род. кн., IV, 169, Хвостовы).

Павловъ, Григорій, майоръ.

Павловъ, Михайла:

1727 г., шляхтичъ, назнач. въ комиссію о коммерціи.—1730 г. апр. 28, жалуется чиномъ совѣтн. отъ коллегіи. (Ук. В. Т. С. 1727 г.; им. ук., кн. 32).

Павловъ, Степанъ Карповъ.

195. *Павловъ*, Тимоѳей, плкв.

1711 г. поручикъ. (П. П. В., 183).

Павловъ, Яковъ

1717 г., недоросль и школьникъ, отправл. для наукъ изъ Спб. съ поруч. Щепотевымъ въ Амстердамъ. (П. П. В, 51).

Пановъ, Михайла.

Пашковъ, Михайла.

(Пред. ихъ Григорій Пашкевичъ выѣх. изъ Польши при Іоаннѣ Грозномъ; дѣти его писались Пашковыми и не занимали высок. служебн. мѣстъ.—Въ первой полов. XVIII в. является 2 Михаила: 1) Еремѣевичъ, стольникъ 1730 г., 2) Львовичъ.—Анна Еремѣевна, сестра Мих. Ерем., б. замужемъ: 1) съ 1715 по 1717 г. за Никитою Моисеев. Зотовымъ († 1717 г.), 2) съ 1721 г. за Петр. Ив. Бутурлинымъ, (оба б. б. князьями-папами). Двоюр. братъ Мих. Ерем., Егоръ Ив., деньщикъ Петра В., при Петрѣ II-мъ членъ воен. кол., сильный врагъ Меншикова, запутанный въ дѣло кн. Аграф. Петр. Волхонской.—См. Р. Р. С., 273—274).

Пестриковъ, Иванъ.

200. **Пестровъ**, Василій.

Петрово-Соловово, Алдръ.

1723—1736 Сибирскій вице-губернаторъ. (Им. ук., кн. 26 и 69).—Находился въ близкихъ отношеніяхъ съ кн. Алекс. Мих. Черкасскимъ и кн. Мих. Влад. Долгорукимъ, бывшими въ его время, одинъ вслѣдъ за другимъ, губернаторами въ Сибири.

Петрово-Соловово, Григорій Алдрчъ, сынъ предъидущаго.

1726 г. камеръ-пажъ, отправляется въ Швецію состоящимъ при полномочн. послѣ кн. В. Л. Долгорукомъ, при чемъ выдаются ему деньги.—1729 г., гофмаршалъ цесар. Елиз. Петр., наказ. за оскорбл. отставн. капрала кн. Крапоткина. (Ук. В. Т. С. 1726 и 1729 гг.). Сторонникъ Елиз. Петр.; впослѣдствіи женился на ея племянницѣ Агафьѣ Симоновнѣ Гендриковой († 1741 г. до воцаренія Елиз. Петр.)—См. Долгор., II, 146.

Петровъ, Артемонъ.

Писаревъ, Василій.

208. **Плещеевъ**, Андрей, плк.

Голиковъ: X, 561.—1733 г. назнач. иркутск. вице-губ (Им. ук., кн. 39).—Родонач. ихъ Феод. Акинфовичъ Бяконтъ, сынъ боярина черниговскаго, переселился изъ Чернигова въ Москву около 1300 г. и б. бояриномъ вел. кн. Симеона Гордаго. Его сынъ Елевферій-Симеонъ, впослѣдствіи св. митрополитъ Алексій (р. 1293 † 1738 г)—См. Долгор., род. кн., IV, 171).

Плещеевъ, Феод. Львовичъ (?)

1697 г. отправл. Петромъ В. въ чинѣ стольника для обуч. морскому дѣлу въ Италію. (Устряловъ, II, 567).—1698 г. сержантъ преобр. полка. (Устряловъ, III, 565).—1711 г. капит. моск. гарниз. (П. П. В., 183).—См. о немъ Голикова: I, 388.

**Позьняковъ*.*с. с.

Полибинъ, Григ. Ив.

Голиковъ: XI, 475. 483; XIV, 549. 556.

Полибинъ, Илья.

1737 г., подпслк., опред. товарищемъ судьи въ сиб. приказъ, съ пожалов. чина совѣтника. (Им. ук., кн. 47).

210. **Полонской**, Григорій.

1740 г., подплкв., уволь. отъ службы и награжд. чиномъ. (Им. ук., кн. 57).—См. Голикова: ген.-м. (безъ им.) при Петрѣ В., IV, 80, 285, 436; V, 82, 104, 105, 384, 446; VI, 380; VII, 116; XI, 214, 224, 383, 385; XIV, 571; XV, 39, 146, 154, 168.—1743 г (безъ им.). ген.-м. участв. въ засѣд. коммиссіи по дѣлу Лопух—хъ.—См. Р. Ст. 1874 г., XI, 41. (Сынъ Григорія Полонскаго, Ив. Григ., отст. полкв., помѣщикъ 1765 г., другъ Болотова; объ немъ говоритъ очень много Болотовъ въ своихъ Запискахъ).

Полонской, Дм. Вас., полк.

Голиковъ: I, 618 (воевода при Петрѣ В.).—1724 г. царедворецъ, назнач. въ распораж. сиб. губерн. Мих. Влад. Долгорукаго для опред. въ вице-губерн. въ сиб. губ., по его усмотрѣнію. (П. С. З., VII, № 4606).—1733 г., полк., назнач. воеводою въ арзамас. пров.—1740 г., командир. въ нижегор. губ. для слѣдствія, съ назнач. ему жалованья. (Им ук., кн. 39; каб., кн. 57).

Полочаниновъ, Алексѣй.

Полочаниновъ, Семенъ.

1734 г., капит., назнач прокур. въ нижег губ.—1738—1739 гг. разсматрив. въ сенатѣ дѣло о неплатежѣ имъ полушн. денегъ за своихъ крестьянъ. (Каб., кн. 50, 54).

Полтевъ, Василій.

Голиковъ: XIII, 459. (совѣтникъ).

215. ***Потемкинъ**, Алдръ.

Потемкинъ, Сергѣй Дм.

1727 г., маіоръ. назнач. воеводою въ калужскую пров. (П. С. З., VII. № 5029).—1732 г. назнач. на службу подъ нач. петерб.

генер.-полиціи. (ibid., VIII, № 6190).—Потемкинъ Мих. Серг., ген.-пор.—См. Р. Ст. 1876 г., XV, 689—691.—Пот—нъ гр. Пав. Серг., писатель, ген.-анш, кавк. ген.-губерн. (р. 1743 † 1796 г.)—См. о немъ Р. Ст. 1876 г., XV, 202—203, 479, 498, 689; XVI, 41—42, 441; XVII, 65, 69; ibid., 1878 г., XXI, 106.—Ст. Лонгинова, Р. Ст. 1871 г., IV, 574—577.

Протасовъ, Степ. Θеод. (р. 1703 † 1767 г.). Онъ б. впослѣдствіи сенаторомъ. 1-я жена его N.N., 2-я—Анисья Никитишна Орлова (р. 1721 † 1775 г.) двоюр. сестра Григ. Орлова и его братьевъ.—См. Р. Р. Ст., 87.—(Пред. ихъ. Лука Протасьевичъ, моск. бояринъ 1130 г. при Іоаннѣ Калитѣ; потомки его высок. мѣстъ не занимали.—См. Р. Р. С., 86).

Протасовъ, подпол.

Путятинъ князь, Алдръ.

(Кн. Путятины происход вмѣстѣ съ кн. Друцкими отъ Галицко-Волынскихъ князей (XIII в.).—См. Долгор., род. кн., I, 132, 136).

220. **Пушкинъ**. Ив Ив., сынъ Ив. Θеодоровича, окольничаго царя Алексѣя Михаиловича.

Голиковъ: VI, 283; XII, 526.—Ив. Ив. одинъ изъ предковъ знаменитаго поэта Алдря Сергѣев. Пушкина (р. 26 мая 1799 † 19 янв. 1837 г.).—Пушкины происход. отъ Радши, вмѣстѣ съ Мусиными-Пушкиными; предокъ ихъ жилъ во втор. полов. XIV в.—См. Долгор., род. кн., IV, 183).

Радищевъ. Глѣбъ.

Родственникъ писателя Алдра Никол. Радищева (род. 1749 † 1802 г.).

Раевской, Иванъ Артемьевичъ.

1730 г. прапорщ. армейск. драг. полка; при учрежд. въ эт. году Изм. полка, назнач. туда полковымъ обознымъ. (Прилож. къ ист. Изм. полка, с. 6).

Рахманиновъ. Θеодоръ.

(1742 г. рядовой преображенск. гренад. роты, переименованъ въ лейбъ-кампанію, получ., въ числѣ прочихъ 258 рядов., 29 д. крестьянъ.—П. С. З., XI, № 8666).

**Ржевской*. Алдръ Тимоѳ

225. ***Ржевской**. Андрей Ив.

***Ржевской**, Иванъ.

***Ржевской**. Матвѣй.

**Ржевской* Петръ.

**Римскій-Корсаковъ*. Яковъ.

230. **Рославлевъ**. Иванъ, плкв.

(Сынъ его, Ник. Ив., ген.-пор. († 1785 г.). Ссылается за участіе въ заговорѣ прот. Екатерины II.—См. Карабанова, фрейлины,

Р. Ст. 1871 г., IV, 379—380; 1872 г., V, 131; 1873 г., VIII, 691—695; 1874 г., IX, 409, 422; 1875 г., XII, 491).

Ростиславской, Алдръ.

Ртищевъ, Василей.

1698 г. малолѣтній сержантъ семеновскаго полка. (Устряловъ, III, 571)—1711 г. поручикъ. (П. П. В., 181).—1726 г. подполк., опред. нѣжинск. коменд.—1727 г., отозванъ въ Спб. отъ должности.—1730 г., назнач. об. кригсъ комис. при арміи.—1736 г., об. кригсъ-комис. походнаго коммиссаріата, на мѣсто полк. Селиверста Гурьева. (Ук. В. Т. С. 1726 и 1727 гг.; им. ук., кн. 32; каб. кн. 44)—(Бояринъ Ртищевъ при Алексѣѣ Мих. заводитъ училище въ Москвѣ—къ нему пріѣзжаютъ первые ученые изъ духовныхъ южноруссовъ).

Рудаковъ, Алексѣй.

(упом. Р—въ, безъ имен., Голик., X, 448).

Рукинъ, Өеодоръ.

Р—нъ, по словамъ кн. М. М. Щербатова, б. незаконн. с. кн. Вас. Влад. Долгорукаго (фельдмарш.).—См. «о поврежд. нравовъ», Р. Ст. 1870 г., II, 115.—Встрѣчаются и другіе Р—ны: См.: Рукинъ, Иванъ, поруч. преображенск. п. въ 1698 г. (Устряловъ, III, 564); Рукинъ, Алексѣй (Голиковъ, XII, 212, 213).

235. Рыкачевъ, Осипъ.

Рѣдкинъ, Емельянъ.

Сабуровъ, Василій Ивановичъ, (р. 1675 † 1749).

1731—1732 г., прокур. юстицъ-колл. (П. С. З., VIII, № 5736).—1733 г., пожалов. полковник., 1738 г., назнач. Спб. воеводою, и всл. затѣмъ товарищемъ Спб. вице губернат. Наумова (Им. ук., кн. 38 и 50)—См. о немъ у Долгор., род., IV, с. 199—200.—Сабуровы одного происхожденія съ Годуновыми и Вельяминовыми-Зерновыми (ibid., 197).

Сабуровъ, Иванъ Вас. (с. стольника Вас. Ив., двоюродный братъ предъидущ.,—р. 1678 † 1758 г.).

1737 г., подполк., назнач. въ счетную малоросс. комисс. (Им. ук., кн. 49).

Сабуровъ, Яковъ Васильевичъ, родной братъ предъидущ.

Голик., XIV, 493.—(Сынъ его, Ив. Яковл., тамбовск. помѣщ. [р. 1772 † 1792] упомин. часто Болотовымъ въ Запискахъ.

240. *Салтыковъ, Александръ.

*Салтыковъ, Василій Өеодоровичъ.

Сатинъ, Ларіонъ.

(С—ны—Рюриковичи; происходятъ отъ князей Черниговскихъ и Козельскихъ, вмѣстѣ съ княз. Одоевскими. У Долгорукаго помѣщ. родосл. С—ныхъ только до полов. XVI в.—См. Родослов. кн., I, 47—50; IV, 35).

Сафоновъ, Иванъ.

1680 г., подъячій Большаго Приходу. (П. С. З., № 824).— 1722 г. прокур. бергъ-колл.,—1727 г., совѣтн. камеръ-колл. и всл. затѣмъ бриг.,—1739 г., повел. разсмотр. въ особ. комисс. дѣло о начетахъ на него въ бытн. его въ л.-гв. преображ. п. (Им. ук., кн. 18 и 53; ук. В. Т. С. 1727 г.).

Свиньинъ, Сергѣй.

245. **Свищовъ**, Иванъ.

(Дѣдъ его, въ монашествѣ Іоасафъ, б. Тамбовскимъ дворяниномъ; дядя его (сынъ предъидущаго) Артемій († 1709 г.) имѣлъ помѣстья и вотчины въ у. у. Муромскомъ, Шацкомъ, Керенскомъ. Всѣми этими имѣньями наслѣдовали два брата Василій и *Иванъ* Свищовы въ 1711 г.; 1-й б. въ то вр. солдать л.-гв. преображ. полку, объ обществ. полож. 2-го неизвѣстно; вѣрно въ то время онъ былъ недоросль. (П. С. З., IV, № 2461).

Свѣчинъ, Иванъ.

1711 г., капит. (П. П. В., 182).—(Сынъ его, Петръ Ив. С—нъ— предсѣдат. тульск. гражд. пал., 1792 г.; о немъ въ Запискахъ Болотова, т. IV, с. 615, 627, 643, 711, 748; 942, 943; 1027, 1053, 1064.—Св—ны, одн. происхожд. съ Левашевыми, не занимали важныхъ должностей на службѣ моск. в. кн. и царей.—См. Р. Р. С., 285).

**Секіотовъ*, Сергѣй Васильевичъ.

Си(е)нявинъ, Θеодоръ Васильевичъ.

1727 г. состоитъ въ Бахмутѣ при соляныхъ дѣлахъ и въ эт. году назн. воеводою бахмутской провинціи. (П. С. З., VII, № 5020)— (Предокъ С—ыхъ, Алехна Сенява, выѣхалъ изъ Польши въ Москву въ нач. XVI в.—См. Р. Р. С., 290).

Скорятинъ, Марко, подполк.

250. **Скорняковъ-Писаревъ**, Богданъ.

1721 г., полк. (Арх. Гл. Шт., 841).—Родственникъ извѣстн. об.-прок. сената при Петрѣ В., Григорія С—на П—ва, сослан. Меншиковымъ въ Сибирь, въ 1727 г.

Скорняковъ-Писаревъ, Сила.

***Соймоновъ**, Θеод. Ив.

(жена Дарья Ив. Отяева).

***Соковнинъ**, Петръ Алексѣев., подполк.

Солнцевъ-Засѣкинъ, князь Андрей (безъ имен., полковн.— Голик., IX, 76; X, 125.—Князья Солнцевы, общаго происх. съ кн. Вяземскими, въ XVII в. раздѣлил. на 2 вѣтви: С. З—хъ и С—ыхъ. (См. Долгор., I, 148—165).

255. **Солнцевъ-Засѣкинъ**, князь Θеодоръ.

Страховъ, Григорій.

Стрекаловъ, Григорій.

1736 г., подполк. пермск. пѣх. п. (П. С. З., IX, № 7054).—

(Сынъ его, Ѳед. Гр., адъютантъ при гр. Шуваловѣ въ 1772 г.; см. о немъ въ Запискахъ Болотова, т. III).

Стремоуховъ, Василій, бригадиръ.

1720 г., подполк., служ. въ ямскомъ приказѣ. назнач. для описи и размежев. земли ямщикамъ (П. С. З., VI, № 3630).— 1728 г., полк., назнач. сѣвскимъ воеводою и вслѣдъ затѣмъ увольн. отъ военн. службы съ чин. бриг—ра.—1729 г., февр., отмѣн. назнач. его сѣвск. воеводою. (Ук. В. Т. С. 1728 и 1729 гг.).

Сухотинъ, Иванъ.

Стольн., (Голик., I, 184, 264).

260. Сухотинъ, Кирила.

Тарбѣевъ, Ефремъ.

1727, майоръ; въ іюнѣ, назнач. въ доимочн. канц.; въ октябрѣ— увольн. отъ дѣлъ за болѣзн. (Ук. В. Т. С. 1727 г.).

Татариновъ, Гаврилъ.

**Татищевъ*, Вас. Никит. (Черкасск.).

Татищевъ, Иванъ.

1720 г., завѣд. заповѣдн. лѣсами въ Петерб., Новгор. и Лужкой провинц. (П. С. З., VI, № 3548)—1726 г., флота лейтенантъ (Берхъ, I, 24).—Капит., у Голик. II, 257, 452; III, 188, 266, 315; IV, 123, 147, 154, 446; V, 277; XIV, 79, 85, 283, 405, 526; XV, 77, 89, 126, 128; XV, анекд. 264.

265. Татищевъ, Сергѣй.

1726 г., флота лейтенантъ. (Берхъ, I, 24) у Голикова (безъ им.) лейтен., IX, 217.

Телепневъ, Степанъ.

Т—въ (безъ им.) чл. бергъ-колл., 1728 г. увольн. отъ дѣлъ при сибирск. горныхъ заводахъ. (Ук. В. Т. С. 1728 г.).

Телѣгинъ, Сергѣй Никифор.

Телѣгинъ, Ѳеодоръ.

Телятевъ, Иванъ.

270. *Тимирязевъ*, Аѳонасій, стольникъ.

(Т—въ, д. с. с., осужденный им—цей Елизаветой Петр., вмѣстѣ съ Остерманомъ, Минихомъ и Головкинымъ (1742),—по имени не извѣстенъ).

Толстой, Андрей Ив. (Ѳеодоръ-Андрей).

Сынъ Ив. Андр. Т—го, старш. брата приближенн. Петра В., графа Петра Андр. Т—го (р. 1645 † 1729 г.). (Второй сынъ гр. Петра Андр. жен. на Ульянѣ Ив. Скоропадской.—Т—ые ведутъ свой родъ отъ Индриса, выѣхавшаго изъ Германіи въ Черниговъ, 1358 г., съ 2 сыновьями и съ 3 тыс. дружинниковъ.—См. Долг., Родосл. кн., II, 121—123).

Толстой, Матвѣй, поруч.

1724 г. штыкъ-юнкеръ (Р. Стар., 1872 г., т. V, стр. 950).— 1757 г. генер.-лейт., участв. въ Семилѣтней войнѣ, раненъ. (Запис-

ки Нащокина, 313).—[Его сынъ, Θеодоръ Матв., любимый чтецъ и—цы Екатерины II; о немъ см. у Болотова, Записки, т. III, 791; т. IV, с. 12, 41, 49, 51, 93].—У Долгор., въ родосл. книгѣ Матвѣя Толстаго не показано.

Торлацкой (?), Алексѣй.

Травинъ, Θеодоръ.

1711 г., офицеръ; велѣно вписать его въ нижніе чины въ числѣ десяти чел., убѣгающихъ военн. службы (П. П. В., 184).—1717 (безъ им.) поручикъ, посланъ на мѣсто Кожина описывать Каспійское м. (Арх. гл. шт., 289—292, 300, 472, 487).—[Андр. Θед., его сынъ, тверской пом., (р. 1770) упом. у Болотова, въ Зап., см. т. I и II]—(Т—ны—Рюриковичи, происх. отъ кн. Смоленскихъ, вмѣстѣ съ кн. Вяземскими. У Долгор. родосл. ихъ доведена только до конца XVII в.; См. род. кн., I. 140—444; IV, 40).

275. Траханіотовъ, Николай.

(Т—въ [безъ имени] верхотурскій воевода въ 1713 г.—[Р. Ст. 1873, VIII, 985]; у Голикова—безъ имен., X, 385.—Трах—вы ведутъ свой родъ отъ знатнаго грека изъ Мореи, Эммин. Траханіота, сыновья котораго прибыли въ Москву въ 1473 г. На службѣ царей московскихъ, начиная съ Іоанна IV, Т—вы занимали должности бояръ, царскихъ казначеевъ и окольничихъ. См. Долгор., IV, 206—207).

Трегубовъ, Андрей.

1727, майоръ, назнач. товарищ. воеводы юрьевской пров. (П. С. З., т. VII, № 5029).

Трегубовъ, Михаилъ.

1732 г., имѣя старинн. чинъ стольника, б. посланъ переписать раскольниковъ въ дворцовой Городецкой вол., Нижегор. губ., для привед. въ извѣстн. недоимки, числящейся на нихъ, изъ особыхъ сборовъ съ раскольниковъ. (П. С. З., т. VIII. № 6149).

Трубецкой князь, Никита Юрьев. (Черкасск.).

Тушинъ, Тихонъ Афонасьев. (?)

(Т—ны одного происх. съ Квашниными-Самариными.—См. Долгор. IV, 208).

280. Улыбышевъ, Петръ.

Урусовъ князь, Василій Алексѣев. († 1742).

Въ 1713—1715 гг. учится въ Голландіи «навигаціи».—1726 г., флота кап. 3-го р., состоитъ при астраханск. адмиралт. (Берхъ I, 22) 1729 г., увольн. по прош. отъ должности; 1730, апр. 28 пож. капит.-команд., 1732 г., опред. совѣтн. адмирал. колл.; 1737 г. чл. генер. суда надъ кн. Д. М. Голицынымъ; 1739—1740—генер. поруч. и главн. команд. оренбургск. коммисс. (ук. В. Т. С. 1729 г.; именн. ук., кн. 32, 36, 47, 53 и 57).—[Кн. Урусовы, потомки ногайскихъ хановъ, ведутъ свой родъ отъ извѣстн. полководца Тамерланова Эдигея, вмѣстѣ съ кн. Юсуповыми (конца XIV и нач.

XV в.). [Предки кн. У—ва поступили на службу ц. Іоанна IV во второй половинѣ XVI в.—См. Долгор. II, 26, 31, 32].—О кн. В. А. У—вѣ см. у Голикова. VI. 285; VII. 58. 343; IX, 259.

Ушаковъ. Иванъ Дмитр.

1712, школьникъ и недоросль, посылается въ солдаты въ Преображенск. п. (П. П. В.. 233)—1726 г., команд. въ Украйну, къ фельдмарш. кн. Мих. Мих. Голицыну съ указами В. Т. С.; 1740 г., капитанъ, наход въ Бѣлозерской пров. для взысканія недоимокъ. (Ук. В. Т. С 1726 г., каб, кн. 57).—См. о немъ у Голикова, XIV. 229; XV, 113.

Ушаковъ, Никита.

Хитрово, Алексѣй Андреев. (р. 1700 † 1756).

1737 г., конной гв. корнетъ; отпускаются ему деньги на дост. въ Спб. сѣна съ новгородск. казенн. луговъ. (Каб., кн. 85).—Впосл. б. генер.-лейт. (при Елиз. Петр.)—Жена его Наталья Ив., рожд. Шувалова, сестра Петра и Алдра Ив. Ш—выхъ. Дочь его, Анна Алекс. Хитрово—фрейлина Елиз. Петр. (См. о ней Карабанова, «статсъ-дамы и фрейл.», Р. Ст. 1871 г., т. IV, с. 64)—[Предокъ Хитрово, *Еду-Ханъ*, по прозванію «сильно-хитръ», выѣхалъ изъ Золотой Орды во 2-й пол. XIV в., къ Олегу, в. кн. Рязанскому; во св. крещ. *Андрей*, въ иночествѣ *Анфимъ*. (Родной братъ его, Салхомиръ—родонач. Апраксиныхъ). См. Род. Р. Стар., с. 314.—Изъ потомковъ Еду-Хана въ XVII в. особенно прославились двое Хитровыхъ: Богданъ Матв., намѣстникъ Ржевскій, бояр., дворецк. и оружейничій (р. 1615 † 1680) и Иванъ Богдановичъ, воспитатель ц. Өеодора Алексѣевича (р. 1620 † 1682).—Х—вы конца XVII и перв. полов. XVIII в. были въ родствѣ: съ Морозовыми, Лопухиными, Собакиными (родств. ц—цы Евд. Өед. Лопухиной), кн. Троекуровыми, кн. Шаховскими, Бутурлиными, кн. Голицыными, кн. Долгорукими, кн. Кольцовыми-Масальскими, Головкиными и Ягушинскимъ. Первая жена П. И. Я—скаго б. *Анна Өеодор. Хитрово*. Въ 1722 г. онъ съ нею развелся и она б. заключена въ монастырь. (ibid., 313—319).

285. **Хитрово,** Алекс. Ив. (род. послѣ 1699), дальній родственникъ Алекс. Андр. (Дѣдушка его, Никита Савичъ [† 1716]. б. стольникомъ ц—цы Натальи Кирил.—См. тамъ-же).

Хитрово, Мих. Андр., отставн. подпоруч. (р. 1684 г.)—дальн. родств. Алекс. Андр.

Хитрово, Яковъ Лукичъ († 1771 г.).

1712 г., школьникъ и недоросль, отправл. въ Ревель для обуч. нѣм. яз. (П. П. В., 232).—1726 г., флота лейтен. (Берхъ, I, 24).—1738 г., совѣтн. адмирал. колл. (Кабин., кн. 33).—Впосл. б. д. т. с.

Хитрово, Өадей Андр. (родной братъ Мих. Андр., См. выше, № 286).

Хлоповъ. Василій.

1711 г., майоръ, посылается въ Ригу, къ Кикину (П. П. В., 178).

290. Хлоповской (?) Семенъ.

(Х—скій, безъ им., Р. Ст. 1873 г., VII, 441; VIII, 398.—См. Голикова, XII, 56).

Хметевской. Иванъ.

Ходыревъ, Андрей.

Ходыревъ. Ефимъ.

Хо(а)дыревъ, Петръ.

1717 г., школьн. и недор., отправляется изъ Спб. въ Голландію для обученія корабельному дѣлу. (П. П. В., 51).

295. Ходыревъ, Сергѣй.

Хомяковъ. Поликарпъ.

Чаадаевъ, Θеодоръ.

1726 г., флота лейт. (Берхъ, I, 23).

Чагинъ (?), Сергѣй Игнатьев.

Чебышевъ, Сергѣй.

300. Чевкинъ, Иванъ Наумовичъ.

1751 г. подполковн., (Р. Ст. 1877 г., т. XVIII, с. 718).—См. также о немъ П. С. З., т. XXI, с. 232—234.—(Въ 1727 г. Дан. Чевкинъ б. камергеръ, а въ 1730 г. Θед. Гавр. Ч—въ—генер.-поруч.—Ч—вы происх. отъ косожскаго князя Редеди.—См. ук. В. Т. С. 1727 г.; Голик., VI, 283; X, 157, 400; Спис. Карабанова; Р. Стар. 1877 г., т. XIX, с. 2—3).

Челищевъ, Артемій Ив.

1740 г. стольникъ, дядя Льва Челищева (См. прош. о восприятіи самодержавія № 115). [П. С. З., XI, № 8127].

*Черкасской князь, Алдръ Андр., камергеръ.

Черицовъ, Иванъ.

1697 г. подъячій великаго посольства. (Устрял., III, 574).—1711—1722 г. полковн. драгунск. Новгородск полка. (П. П. В., 174, 441).—См о немъ у Голикова: III, 281; V, 580; VII, 289; VIII, 342.

Чернышевъ, Андр. Ив.

Стольникъ ц—цы Нат. Кирил. (Долгор., Родосл., II, 101—104; Род. Р. Ст., 368—370).—1722 г., полк. Нижегор. драг. полка, назнач. для располож. полковъ въ Спб—ской губ. (П. П. В., 442, 449).

305. Чернышевъ, Гаврила Ерофеев.

(1742 г. рядовой гренад. роты преобр. п., перемн. при воцареніи Елиз. Петр. въ лейбъ-компанію; получ. на равнѣ съ проч. ряд. эт. роты. 29 д. крестьянъ. П. С. З., XI, № 8666). [Сынъ его, Андр. Гавр., Спб—скій об. коменд. (1789); см. о немъ въ Запискахъ Болотова, т. IV, с. 683—693, 714].

Чертковъ. Петръ Яковл.

Сынъ герольдмейстера, Якова Гавр. Ч—ва (Р. Р. Ст., стр. 330).—1735 г., подполковн. (им. ук., кн. 43).—[Троюродный братъ его, Евгр. Алдр. Ч—въ, д. т. с. при Екатеринѣ II, б. одн. изъ главн. пособниковъ ея восшествія на прест. См. Р. Р. Ст., с. 330].

Чичеринъ Иванъ,

Отецъ Дениса Ив. Ч—на, извѣстнаго сибирскаго губернатора при Екатеринѣ II. (См. біогр. послѣдн. у Бантыша-Каменскаго, Словарь, изд. 1836 г., т. V, с. 276—279).—1722 г. полк., назнач. командир. пѣхоти. Полтавск. п. (Имп. ук., кн. 28).

Чулковъ. Устинъ.

Шапошниковъ, Троф., подпол.

310. **Шатиловъ,** Тарасей.

1731 г. подпол., произв. въ полкова.—1736 г. бригадиръ, назн. совѣтн. цалмейстерск. экспед. военн. колл.—1738 г., царскій комендантъ. (П. С. З., т. IX, №№ 6899 и 7057; Ук. В. Т. С. 1730; каб., кн. 51).

Шушеринъ, Петръ, полковн.

Щепотевъ, Алексѣй.

1726 г. лейтен. флота (Бергъ, I, 24).

Служилъ съ 1708 г. Въ 1713—1715 обучался въ Голландіи «навигаціи». Въ 1741 г. совѣтникъ адмиралт. колл.; въ апрѣлѣ эт. года просится въ отставку и увольняется съ чиномъ капит.-командо. (П. С. З., т. XI, № 8361).—[Щепотевъ женат. на Веселовской.—См. о Веселовскихъ, родственникахъ Шафирова, въ текстѣ нашей VII-й гл. и въ Р. Стар. 1871 г., т. IV, с. 447—449].

***Щербатовъ князь,** Николай Петр.

***Щербатовъ князь,** Осипъ Ив.

315. **Щербачевъ.** Борисъ.

1693 г., февр., полковн. подъ начальствомъ окольничаго кн. Ѳед. Юрьев. Боратинскаго; стоитъ съ св. полк. въ Сѣвскѣ и получ. приказ. возвратиться вм. съ плк. въ Москву. (П. С. З., III, № 1461).

Щербининъ, Яковъ.

(Щ—нъ, [безъ имени], адъют. фельдм. кн. Долгорукаго въ 1728 г.).—См. Зап. фельдм. Миниха, изд. Шубинскаго, прилож., с. 249.

Юровъ, Алексѣй.

1717—1724 обучается въ Парижѣ инженерному искусству.—См. письма его оттуда къ Петру Великому (жалобы на недостатокъ въ деньгахъ) въ книгѣ Пекарскаго «Наука и литер. при Петрѣ», I, 163—166; II, 661.

Юсуповъ князь, Борисъ Григ. камеръ-юнкеръ (р. 1696 † 1759) (с. Григорія Борисовича, сенатора).

1712 г., школьникъ и недоросль, отправл. въ Ревель для обуч. нѣм. яз. (П. П. В., 232).—1736 г. камергеръ, назнач. сенаторомъ,

1738 г. московскій вице-губернаторъ; 1740 г. т. с., московскій губернаторъ; при Елизав. Петровнѣ президентъ комм.-колл. (П. С. З., X, № 7790, 7799, 8684, им. ук., кн. 45).

Яковлевъ, Иванъ.

1698 г. служилъ въ преображенск. п. «за полкомъ» съ кн. Андр. Ромодановск. и Кирил. Матюшк. (Устрял., III, 565).—1722 г. подполк., назнач. въ стародубск. п. (имени. ук., кн. 18).—См. о немъ у Голик., XIV, 206, 393, 414, 462.—[Яковлевыхъ—нѣсколько двор. фамилій, ненаходящихся между собою въ родствѣ. Одна фамилія Яковлевыхъ происходитъ отъ Андрея Кобылы, общаго родоначальника съ царств. домомъ Романовыхъ; но въ числѣ членовъ этой фамиліи за первую половину XVIII в. Ивана Я—ва не находится. Онъ не мож. б. также сыномъ и другаго Я—ва, Саввы, извѣстнаго богача, такъ какъ сыновья его родились послѣ 1730 г.—См. Р. Р. Сл., с. 353—357].

320. Яковлевъ, Степанъ, капитанъ.

1717 г. сержантъ (Арх. Гл. Шт., с. 377, 383, 385)—1740 г. идилк., награжд. при увольненіи отъ военн. службы чин. колл. сов. (Им. ук., кн. 57).

Ѳилисовъ, Ѳома.

Кромѣ того *пять* фамилій не разобрано. Итого 326 человѣкъ.

III.

ПРОЭКТЪ АЛАБЕРДЕЕВА.

(С. Г. Нарышкина).

1. **Алабердеевъ*, Семенъ. (См. Черкасск., № 1).

Левшинъ, Ѳедулъ Ив., надв. сов. (р. 1691 † 1757 г.).

См. о немъ Род. Р Стар., с. 202.—(Сынъ его, Гавр. Ѳедул., премьеръ майоръ 1797 г., а внукъ Никол. Гавр. (р. 1788 † 1845) оставилъ Записки, съ 1788 по 1804 г. [напеч. въ Р. Стар. 1873 г., т. VIII].—Характеристика Гавр. Ѳедул. Левшина въ эт. Записк. на стр. 825, 836—839).

Мусинъ-Пушкинъ графъ, Епафрод. Иван., совѣтникъ юстицъ-коллегіи.

Сынъ гр. Ив. Алекс. Мус.-Пушкина. (См. текстъ нашего послѣд. с. 50).—1728 г. назн. совѣтн. юстицъ колл. (ук. В. Т. С.).

*Нарышкинъ, Симеонъ Григорьевъ.

5. *Одоевскій князь, Василій Юрьев.

*Строгановъ баронъ, Алдръ Григ.

7. *Хрущовъ, Андрей Ѳеодор.

IV.

ПРОЭКТЪ М. ГРЕКОВА.

1. ***Апраксинъ графъ*, Андрей Матв. (Черк.)
**Баскаковъ*, Алек. Петр. (ib.).
**Бибиковъ*, Ив. Ив. (ib.).
**Борятинской князь*, Иванъ Өед. (Черкасск., Секіот.).
5. *Вельяминовъ*, Петръ Борис. (Черк., Секіот.).
**Вельяминовъ*, Степ. Лук. (Черк.).
**Воейковъ*, Петръ Лук. (ib.).
Вяземской князь, Василій (ib.).
Головкинъ графъ, Ив. Гавр. (ib.).
10. **Головкинъ графъ*, Мих. Гавр. (ib.).
**Грековъ*, Максимъ (ib.).
**Елагинъ*, Андреянъ Никиф. (ib.).
**Зыбинъ*, Алекс. (ib.).
Кропотовъ, (Ив. Ив. ?) (Черк.).
15. **Лопухинъ*, Степ. Вас. (ib.).
**Макаровъ*, Алекс. Вас. (ib.).
**Мусинъ-Пушкинъ графъ*, Плат. Ив. (ib.).
**Новосильцовъ*, Вас. Як. (ib.).
**Олсуфьевъ*, Матв. Дм. (ib.).
20. **Плещеевъ*. Ив. Никиф. (ib.).
**Сукинъ*, Сем. Ив. (ib.).
Сухотинъ, Мих. Андр. (ib.).
**Таракановъ*, Алекс. Ив. (ib.).
**Ушаковъ*, Андр. Ив. (ib.).
25. **Черкасской князь*, Алексѣй Мих. (Черк.).
**Чернышевъ*, Григорій Петр. (Черк.).
**Шаховской князь*, Алекс. Ив. (ib.).
28. **Юсуповъ князь*, Григ. Дм.
(См. ниже: прош. Черк. 25 февр. и прош. о самодерж.).

V.

ПРОЭКТЪ М. А. МАТЮШКИНА.

1. *Бестужевъ-Рюминъ, Петръ Мих.
*Воейковъ, Матвѣй Өеодор.
*Дмитріевъ-Мамоновъ, Ив. Ил.
5. *Долгорукой князь. Серг. Григ.
**Еропкинъ*, Дм. Өеод.

***Измайловъ, Ив. Петр.**
Измайловъ*, **Левъ Вас.
Измайловъ*, **Петръ Вас. (Черк.).
10. **Матюшкинъ*, **Мих. Афон.**
***Наумовъ, Өед. Вас.**
Савеловъ, **Петръ († 1739).**

1704 г. адъютантъ (Арх. гл. шт., с. 150. 174, 176).—1722 г. плк. Владимірскаго драгунскаго п. (II. II. В., 441); за тѣмъ бригадиръ (Голик. IV, 340; VII, 53. 272; XI, 505; XIII, 458).—1728 г. пож. въ д. с. с.—1730 г. назн. член. въ дворцов. канц. (ук. В. Т. С. 1728 г.; им. ук., кн. 32).

Шейдаковъ князь, Семенъ, оберъ-егермейстеръ.
***Шереметевъ, Ив. Петр.**
15. ***Шуваловъ, Ив. Макс.**

VI.

ПРОЭКТЪ ТРИНАДЦАТИ.

1. **Аладьинъ, Богданъ.**

Родственникъ князя А. Б. Куракина (См. дѣло о кн. Д. М. Голицынѣ 1736—1737 г. въ Госуд. Арх.).—1731 г. гв. капитанъ, назнач. совѣтникомъ каморъ-коллегіи.—1736 г. совѣтн. мастерской палаты.—1737 г. асессоръ каморъ-коллегіи, обвин. въ неправильномъ рѣшеніи дѣла о наслѣдствѣ кн. Кантемиръ. (Им. ук., кн. 34, 44 и 47).—[Аладьины—Рюриковичи, происх. отъ кнз. Смоленскихъ.—См. Долгор., род. кн., IV, 5).

Бутурлинъ, Өеодоръ Ив.

Съ 1713 по 1715 г. учился навигаторской наукѣ въ Голландіи (Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., I, 142) (Б—ны были связаны близкими родственными отношеніями съ кн. Голицыными и Куракиными. Родственница Өед. Ив., Евд. Ив. Б—на [р. 1674 † 1713]. б. замужемъ за фельдм., кн. М. М. Голицынымъ. По ея кончинѣ, онъ вступилъ во 2-й бракъ съ княж. Татьяной Борисовной Куракиной, [р. 1695 † 1757], сестрой кн. А. Б. Куракина [См. въ наст. спискѣ ниже, № 6].—Родственникъ Өед. Ив., Ив. Ив. Б—нъ, былъ женатъ на Савеловой, сестрѣ Петра С—ва. [См. проэктъ Матюшкина, № 12]. Онъ б. замѣшанъ въ дѣло Девьера и Толстаго и сосланъ въ деревню. Приближенный цес—ны Елиз. Петр., Александръ Борис. Бут—нъ, впосл. графъ, б. женатъ, въ первомъ бракѣ, на кн. Ан. Мих. Голицыной, дочери фельдмаршала († 1728 г.), а во второмъ бракѣ на сестрѣ кн. А. Б. Куракина, Екат. Борис.—Алдръ Бор. Б—нъ приход. дальнимъ родствен. Өед Ив—чу. [Объ А. Б. Бутурлинѣ см. у Арсеньева, Царств. Петра II, с. 82—83].—

Б—ны происходят. от Радши, общаго предка съ Пушкиными. [См. Долгор., Род. кн. II, 151, 159]).

*Голицынъ князь, Алекс. Дм.

*Голицынъ князь, Сергѣй Дм.

5. *Головинъ*, Сергѣй Автономов. (Сек.).

Сынъ извѣстн. сподв. Петра В., генерала Автом. Мих. Г—на († 1720). 1734 г. гвард. кап.-поруч.; 1737 г. увольняется съ эт. чин. отъ службы. (Им. ук., кн. 28 и 47).—Жен. на Аннѣ Ив. Бутурлиной. (Г—ны въ родствѣ съ Лопухиными и кн. Голицыными.—[См. Долгор., III, 108—109].—Г—ны происх. отъ выѣхавшаго въ Москву изъ Крыма въ 1391 г., при в. кн. Вас. Дмитр., грека, князя Ст. Ховра. Г—ны очень возвысились въ XV—XVI вв., почти постоянно занимая должность казначея, и нося высокіе чины боярина и окольничаго; особенно прославились Г—ны при Петрѣ В.—ibid., 105, 116).

*Куракинъ князь, Алкдръ Борис.

Лопухинъ, Ив. (родственникъ князя А. Б. Куракина).

Лопухинъ, Өеодоръ Абрамовичъ (тоже родственникъ кн. А. Б. К—на) сынъ Абрама Өедор. Л—на, роднаго брата ц—цы Евдокіи Өеодоровны. (Абр. Өедор. Л—нъ сосланъ въ ссылку въ 1718 г.; обезглавленъ 8 дек. того же года въ Спб.).—1727 г. гофъ-юнкеръ; возвращается ему, вмѣстѣ съ братомъ Василіемъ, отписанн. въ казну дворы, деревни и серебро его отца.—1730 г. камеръ-юнкеръ; апр. 16 эт. года увольняется отъ службы, съ пожал. въ бригадиры.—1738 г. оберъ штеръ кригсъ-комисс. при адмиралтействѣ, вмѣсто Ө. И. Соймонова.—1740 г. главн. судья въ канцеляріи конфискацій. (Ук. В. Т. С. 1727—1729 г.; им. ук., кн. 32, 50 и 62).

Оболенской князь, Василій, капит.-поруч.

10. Одоевской князь, Ив. Мих.

1725—1726 г. гофъ-юнкеръ и флота лейтен. (им. ук., кн. 23; Берхъ, I, 24).—1732 г. камеръ-юнкеръ, назнач. совѣтн. вотчин. колл.—1733 г. произв. въ с. с.—1738 г. совѣтн. дворц. конт.—1740 г. презид. вотчинн. колл. (им. ук., кн. 36, 39, 51 и 62).—Князь Д. М. Голицынъ б. женатъ на кн. Аннѣ Як. Одоевской, двоюродной теткѣ отца Ив. Мих., кн. Мих. Юр. Од—скаго; вслѣдствіе чего кн. И. М. Од—ской прих. троюроднымъ племянникомъ сыновьямъ кн. Д. М. Г—на: Алексѣю и Сергѣю (См. выше наст. спис., №№ 3 и 4).—Долгор., I, 55—56.

**Салтыковъ*, Петръ Семен.

Сибирскій князь, Яковъ (Вас.?) (р. 1709 † 1742 г.).

Жен. на Аннѣ Ст. Глѣбовой.—(Ц—чъ Сибирскій, сторонн. ц—ча Алексѣя Петр., б., по всей вѣр., отцемъ кн. Як. С—скаго.—Князья С—скіе происх. отъ Кучума, царя Сибирскаго, и въ разсматр. время состояли въ родствѣ съ Нарышкиными, кн. Хилковы-

ми, кн. Долгорукими, кн. Голицыными, Волынскими, Салтыковыми.—См. Долгор., III, 53—54).

13. Хованской князь, Никита.

1733 г. прапорщикъ лейбъ-гвардіи (П. С. З., т. IX, № 6797).—[Х—скій Ник. родственн. шталм. кн. Вас. Петр. Хованскаго, женатаго на б—ссѣ Екат. Петр. Шафировой, родной сестрѣ жены кн. Серг. Гр. Долгорукаго.—См. Долгор., I, 283].

VII.

ПРОШЕНІЕ ПОДАННОЕ КНЯЗЕМЪ А. М. ЧЕРКАССКИМЪ

25 февраля 1730 г.

1. **Апраксинъ*, Степанъ Ѳеодоровичъ.

Бибиковъ, Василій.

1726 г. гв. сержантъ; отправляются съ нимъ мѣховые товары изъ Москвы въ Спб. (им. ук., кн. 79).

**Бибиковъ*, Ив. Ив. (старш.) (Черк., Сек., Грек.).

Борятинской князь, Андрей.

1734 г. бригадиръ, назнач. въ Малороссійск. генер. войск. судъ.—1737 г., отпр. къ арміи въ команду Миниха (Турецк. в.).—1740 г. увольн. въ отставку —(Им. ук., кн. 41, 57, каб. 68).

5. **Борятинской князь*, Ив. Ѳед. (Черк., Сек., Грек.).

**Вельяминовъ*, Ст. Лук. (Черк., Грек.).

**Воейковъ*, Петръ Лук. (Черк., Грек.).

**Волынской*, Ив. Мих (Сек.).

Гагаринъ князь, Семенъ (Черк.).

10. *Головкинъ графъ*, Ив. Гавр. (Черк., Грек.).

**Головкинъ графъ*, Мих. Гавр. (Черк., Грек.).

Горсткинъ, Борисъ

Изъ кавалергардовъ капитанскаго ранга въ конную гвардію перевод. поруч., при учрежденіи полка.—1739 г изъ поруч. конн. гв. перевед. въ выборгскій гарнизонъ подполк. (Анненковъ, Ист. л.-гв. коннаго п., ч. IV, прилож.) [Г—ны—семейство не многочисленное. Въ спискѣ владѣльц. населенн имѣн. въ 1699 г. встрѣчается *одинъ* Г—нъ. Предокъ ихъ, Семенъ Г—нъ б. воеводой в. кн. Вас. Вас. Темнаго, убитъ Татарами подъ Бѣлевомъ въ 1437 г.—Долгор., IV, 372].

Епишковъ, Савостьянъ.

1730 г., капит.-лейт.; поручается ему произв. слѣдствія о похищеніи изъ казенн. денежн. дворахъ.—1733 г. прокуроръ воен. колл.—(Им. ук., кн. 32 и 38).—1736 г. полковн., опредѣл. совѣтн.

въ цальмейст. эксвед. военн. колл. (П. С. З., т. IX, №№ 6899 и 6914).

Замыцкой, Алексѣй.—Л.-гв. преобр. п. капитанъ.

1732 г. подполк; жалуется въ полк., съ назнач. воеводою въ Яросл. пров. (им. ук., кн. 36).—[Замыцкіе ведутъ родъ свой отъ Радши, вмѣстѣ съ Пушкиными и Бутурлиными; родъ ихъ выдѣлился въ XV в.—См. Долгор., IV, 104].

15. *Золотиловъ*, подпор.

**Зыбинъ*, Алексѣй (Черк., Грек.).

Ильинъ, Иванъ Алимпіев.

1711 г. поруч., посылается въ Ригу къ Кикину (П. П. В., 178).—1730 г. офиц. кавалергардск. к-са, назнач. кап.-поруч. Изм. п. при его учрежд. (Прилож. къ Ист. Изм. п., с. 2).—1731 г. майоръ, назн. прокур. Новгор. губ. (П. С. З., т. VIII, №№ 5736 и 5926).—[Есть нѣсколько дворянскихъ фамилій Ильиныхъ; больш. изъ нихъ весьма недавняго происх., но есть одна фамилія Ильиныхъ, происх. отъ Рюриковичей, отъ кня. Галицкихъ. См. Долгор., IV, 6, 15, 16].

Кишкинъ, Семенъ Тимофеевичъ.

1709—1716 прапорщикъ. (Арх. Гл. Шт., с. 14, 25, 47, 48).

Колокольцовъ, Потапъ.

1728 г. капит.-лейт. (Ук. В. Т. С.).

20. **Кошелевъ*, Род. Мих. (Черкасск.).

Лопухинъ, Андреянъ, поруч.

**Матвѣевъ графъ*, Ѳед. Андр., кап. поруч.

Наумовъ, Иванъ.

При Петрѣ В. Н—въ, Ив. Ѳед. воевода, (см. Голик., XII, 458)—1732 г., Н—въ Ив., майоръ, назнач. въ комисс. о конскихъ заводахъ (П. С. З., т. VIII, № 6067).

**Новосильцовъ*, Вас. Як. (Черк., Грек.).

25. *Павловъ*, Михайла (Сек.).

Полонской, Ѳеодоръ, капит. гв.

1725 г., Жалуется ему отъ 40 до 45 крест. дворовъ изъ отписныхъ деревень бывш. сибирск. ц—ча Василія.—1729 г. жал. ему 134 души. (Им. ук., кн. 29; ук. В. Т. С. 1729 г.).

Раевской, Алдрь, капит.

1730 г., опредѣл. прокур. въ одну изъ колл.; а вслѣдъ затѣмъ назнач. член. въ дворц. канцел. съ пожал. въ полковн. (им. ук. кн. 32).

**Ржевской*, Алдръ Тимоф. (Сек.).

Румянцевъ, Алдръ.

(Родственникъ приближенн. Петра В. генерала Алдра Ив. Румянцева, отца Румянцева-Задунайскаго; А. И. Р—въ б. женатъ на гр. Мар. Андр. Матвѣевой, сестрѣ гр. Ѳед. Андр. Матвѣева. (см. вы-

ше).—Р—вы ведутъ свой родъ отъ извѣстнаго нижегородскаго боярина Вас. Румянца. (1391 г.). [См. Род. Р. Ст., с. 73].

30. **Салтыковъ*, Петръ Сем. (Кур.).

**Салтыковъ*, Сем. Андр. (Черк.).

**Секіотовъ*, Сергѣй Вас. (Черк., Сек.).

**Соковнинъ*, Никита. поруч.

**Сукинъ*, Сем. Ив. (Черк., Грек.).

35. *Сухотинъ*, Мих. Андр. (Черк., Грек.).

**Тиракановъ*, Алекс. Ив. (Черк., Грек.).

**Татищевъ*, Вас. Никит. (Черк., Секіот.).

**Трубецкой князь*, Никита Юр. (тоже).

Усовъ, Андрей.

1698 г. каптенармусъ семеновск. п. (Устр., III, 570).—1727 г. капитанъ, пожалов. ему 30 крест. двор. въ Галицкомъ у.—1729 г. ему же жал. 150 душъ изъ Бѣлгородск. деревень, купленныхъ у разн. лицъ Адмиралт. приказ. (Ук, В. Т. С. 1727 и 1729 г.).—[Дѣдъ его, также Андрей Усовъ, служилъ дьякомъ въ помѣстномъ приказѣ, въ 1628 г.—См. П. С. З., т. II, № 809].

40. **Ушаковъ*, Андр. Ив. (Черк., Грек.).

Ушаковъ, Ѳед. Ив. († 1766 г. ген. анш.).

Родственникъ Андр. Ив., б. при Петрѣ В. простымъ дворяниномъ (Арх. Главн. Шт., 77, 118, 131).—1735 г. капит.-пор., чл. слѣдственной комисс. надъ Ирк. вице-губ. Жолобовымъ.—1739 г. капит. Преображ. п., назнач. член. въ комисс. по устройству конск. завод. (Им. ук., кн. 43 и 54).—При Елиз. Петр. ген.-майоръ и ген.-поруч., при Екатер. II генер. анш. (Записки Нащокина, с. 81, 87, 156, 168.—Рус. Стар. 1873 г., т. VIII, с. 94).

Ханыковъ, Петръ Ив. (?), поручикъ.

1724 г. серж. гв. Х—въ (безъ имени) отвозитъ указъ Петра В. къ М. А. Матюшкину (П. П. В., с. 555).—П. И. Х—въ въ 80 хъ гг. XVIII в., при Екатеринѣ II, былъ контръ-адмираломъ. (Дн. Храпов. с. 250).

**Черкасской князь*, Алкарь Андр. (Сек.).

**Черкасской князь*, Алексѣй Мих. (Черк., Грек.).

45. **Черкасской князь*, Петръ Борис. Капит.-поруч.

**Чернышевъ*, Григорій Петр. (Черк., Грек.).

Шаховской князь, Андрей Ѳедор. (?).

1730 г. офиц. лейбъ-регимента; перевод. поручикомъ въ конную гвардію, при учрежденіи этого полка. (Анненковъ, Ист. конн. полка, ч. IV, прилож.).—1737 г. выбылъ изъ полка и назнач. на службу въ Малоросс. (им. ук. 1739 г., кн. 65).

Шемякинъ, Степанъ, л.-гв. капит.

1708 г. курьеръ. (Арх. Гл. Шт.).—1736 г., полк., увольняется отъ воинской службы и опредѣляется воеводой въ г. Уфу.—1737 г. Башкирскія замѣшательства и жалобы на него. Вмѣсто него жела-

ютъ человѣка знатнаго происхожденія и безкорыстнаго, назнач. слѣдствіе о противозаконныхъ поступкахъ его. (Каб., кн. 44, 48, 49).

**Шепелевъ*, Дм. Андр. (Черк.).*

50. **Шепелевъ**, Степ. Андр.

Братъ предъидущ.,—1727 г. капит. л.-гв. семеновск. п., пожалов. въ майоры. (Ук. В. Т. С.).—Сынъ его, Анисій Степанов. Ш—въ, впосл. гв. подполк. и ген. пор., женатъ на гр. Праск. Андр. Матвѣевой, сестрѣ графа Ѳед. Андр. Матвѣева. (См. выше).—[Родосл. Рус. Ст., с. 339].

Шушеринъ, Ѳеодоръ (?), гв. капит.

1711 г. курьеръ (П. И. В., 213).—1726 г. жалуется ему изъ дворц. имѣній село Ѳомино—1727 г. опечатываетъ въ Новгор. эпархіи наличн. деньги.—1737 г. временно исправл. должн. нарвскаго коменд. (им. ук. кн. 29 и 47; ук. В. Т. С. 1727 г.).

Юббазниковъ (?) Никита.

Юсуповъ князь. Борисъ Григ. (Секіот.).*

54 **Юсуповъ князь*, Григ. Дм. (отецъ предъидущ.). (Грек.).

Кромѣ того кавалергарды нижнихъ (солдатскихъ) чиновъ: (*)

1. *Бобарыкинъ*, Лукьянъ.

Бухвистовъ, Левъ.

Возницынъ, Алдръ.

Гурьевъ, Иванъ.

5. *Даниловъ*, Ларіонъ.

Капит. поруч. Изм. п., при его учрежденіи (Ист. Изм. п.).

Дохтуровъ, Петръ.

Друцкой князь, Данило.

Капит. поруч. Изм. п., при его учрежд. (ibid).

Дурново, Иванъ.

Тоже (ibid.).

Елизаровъ, Аѳонасій.

Изъ вицекапрал. перев. въ конную гвардію при учрежд. полка.—1732 г. назнач. полковн. одного изъ армейск полковъ. (Анненковъ, Ист. л.-гв. конн. п., ч. IV). —Фамилія Елизаровыхъ впервые появл. при Алексѣѣ Мих.; при немъ б. два брата Е—хъ—оба думные дворяне (Долгор., IV, 93).

10. *Зулинъ*, Мих.

Кабиновъ, Из.

Кайсаровъ, Семенъ.

Кап. поруч. Изм. п , при его учрежд. (Ист. Изм. п., прид., с. 3).

Кологривовъ, Андрей.

(*) Лица, фамиліи которыхъ напеч. курсивомъ, участвуютъ въ прошеніи о самодержавіи.

Косагов, Андрей.
15. Лужнев, Николай.
Мансуров, Максим.
Нащокин, Иван.
Остафьев, Григорій.
Пашков, Иван, вицекапрал. Ротмистр конной гв. при основ. полка.—1732 г. полк. одного из армейских полков. (Анненков, ист. конн. п., ч. IV).—В 1746 г. бригадир (Записки Нащокина, с. 74—75).
20. *Полонской*, Николай.
Савелов, Автоном.
Кап.-пор. Изм. п. при его учрежд. (Ист. изм. п., прил., с. 3).
Хвостов, Михайла.
(Предок Х—вых, Алекс. Петр. Хвост, б. моск. тысяцк. при Ив. Данил. Калитѣ; уб. 1356 г.—Долгор., III, 289).
Хитрово, Алдр
Хитрово, Петр.
25. Чубаров, Иван.
Юшков, Алдр.
(Свѣд. о двор. Юшковых—см. в Р. Ст. 1872, т. VI, 559—563; VII, 415).
Юшков, Семен.
Языков, Иван.
29. *Ѳеофилактов*, Иван.
Кромѣ того четыре фамиліи не разобраны; итого восемьдесят семь лиц.

VIII.

ПРОШЕНІЕ О ВОСПРІЯТІИ САМОДЕРЖАВІЯ, ПОДАННОЕ КНЯЗЕМ И. Ю. ТРУБЕЦКИМ 25 ФЕВРАЛЯ 1730 Г.

(вслѣд за предъидущим прошеніем).

1. **Алабердеев*, Семен, (Алаб., Черк.).
Анненков, Иван, капит.
1731 г. полк., назнач. в конюшенн. приказ для управленія конюшенными волостями.—1736 г. совѣтн. в мундирной эксп. (Им. ук., кн. 34, П. С. З., т. IX, № 6899).—1737 г. май, назнач. над ним слѣдствіе об отдачѣ в работу Башкирам солдата Казанцева (слѣдствіе произв. ген.-м. Соймонов); того же года в августѣ уволен от службы по прошен. с чином полк., а Казанцев наказ. по докл. сената, за оклеветаніе. (Им. ук., кн. 48, каб., кн. 18).—[Анн—вы упом. в числѣ воевод в перв. пол. XVI в.—Долгор., IV, 241].

**Апраксинъ графъ*, Андрей Матв. (Черк., Грек.).
**Апраксинъ*. Степ. Өедор., капит.-пор. (1-е 25 февр.).
5. **Баклановскій, Семенъ.**
[Б—скій (безъ им.) камеръ-пажъ при Петрѣ В., Голик., VII, 41, 48. 322; XIV, 360.—Б—скій (безъ им.) курьеръ въ 1713 г.—(П. П В., 263).—Б—скій (безъ им.), воевода Красноярскій въ 1734 г. (Р. Ст. 1872, т. VIII, с. 19).—Родоначальникъ ихъ Ив. Вас. Б—скій, стрѣлецкій голова въ 1554 г., Долгор., IV, 258].
**Баскаковъ*, Ал. Петр. (Черк., Грек.).
Безобразовъ, Ив. Григ. (Сек.).
Беклемишевъ, Ив., адъют. Преображ. п.
Бестужевъ, гвардіи отъ бомбардиръ-подпоручикъ.
(Вѣроятно родственникъ Петра Мих. Б—ва, бывш. гофмейстера курляндскаго двора Анны Іоан.).
10. **Бецкой**, Иванъ Ивановичъ (р. 1704 † 1795). Незаконн. сынъ князя Ив. Юр. Трубецкаго. извѣстный впослѣдствіи педагогъ и филантропъ эпохи Екатерины II.
Болтинъ, Иванъ (Сек.).
Борятинской князь, Андрей (1-е 25 февр.).
**Борятинской князь*, Ив. Өед. (Черк., Сек., Грек., 1-е 25 февр.).
Брылкинъ, Алекс., капит.
15. **Брылкинъ**, Иванъ, полполк.
1726 г., назн. въ Петерб. полиціймейст. канцел.—1731 г. по просьбѣ пожал. въ статск. сов.—1732 г. камеръ-юнк., жал. ему 100 крестьянск. дворовъ изъ бывш. имѣній Сем. Маврина. (Ук. В. Т. С. 1726 г.; им. ук., кн. 33 и 36).—1741 г. при прав. Аннѣ Леопольд. камергеръ и об.-прок. сената (П. С. З., т. XI, №№ 8480 и 8585).—См. о немъ въ Запискахъ князя Шаховскаго, с. 34.—Манштейнъ передаетъ объ Ив. Брылкинѣ слѣдующее: «Бр—въ, камеръ-юнкеръ императрицы (1735 г.). пользовавшійся добрымъ расположеніемъ принцессы (Анны Леопольдовны), б. удал. отъ двора и записанъ капит. въ Казанскій гарнизонъ, по подозрѣнію, что онъ зналъ о сношеніяхъ принцессы съ иностр. послан., незадолго передъ тѣмъ удаленн. изъ Спб. (маркизъ Ботта). Послѣ ареста герц. курляндскаго, Анна Леопольдовна вызвала Брылкина изъ Казани, пожаловала его камергеромъ и назначила генералъ прокур. (оберъ-пр—ромъ?) сената». (Зап. Манштейна. изд. Руск. Ст., с. 64).
***Булгаковъ**, Ив. Мих., секр. л.-гв. преображ. п.
Васьковъ, Петръ, капит.
(Предки В—выхъ, ярославскіе дворяне и дьяки.—Одинъ изъ нихъ упом. въ дьякахъ въ 1550 г., Долгор., IV, 324).
Вельяминовъ. Никита. (Сек.).
**Вельяминовъ*, Ст. Лук. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.).
20. ***Волхонской князь**, Семенъ Өед.
**Волынской*, Ив. Мих. (Сек., 1-е 25 февр.).

Гагаринъ князь, Семенъ (тоже).
Глѣбовъ, Иванъ (Сек.).
*Головинъ графъ. Ив. Мих.
25. **Головкинъ графъ*, Мих. Гавр. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.
*Гурьевъ, Василій.
Дубровской. Иванъ (Сек.)
Дурасовъ. Θеодоръ, оберъ-аудиторъ. (Предокъ Д—выхъ выѣх. изъ Литвы въ Московское г—во въ XV в. Въ 1699 г. влад. насел. имѣніями 13 Д—выхъ.—Долгор., род. кн., IV, 397).
**Елагинъ*. Андреянъ Никиф. (Черк., Грек.)
30. *Епишковъ*. Савостьянъ, капит. (1-е 25 февр.)
Ермоловъ, Петръ Леонтьев. (Сек.)
**Еропкинъ*, Дм. Θед. (Матюшк.)
*Еропкинъ, Петръ Мих.
Замыцкой, Алексѣй, преображ. п. капит. (1-е 25 февраля).
35. *Зиновьевъ*, Андр Ст. (Сек.)
Зиновьевъ, Ив. Вас., поруч.
1712 школьникъ, посыл. въ Голландію (П. И. В., 231).—См. о немъ у Голикова. VI, 154; XV (анекд.) 250.—(въ 1681 г. упом. Ив. З—въ, голова житнаго и мучнаго ряда въ Москвѣ. П. С. З., т. II, № 874).
Змѣевъ, Θеодоръ.
(Въ концѣ XVII в. упом. Вас. Сем. сынъ З—въ, комнатный стольникъ, П. С. З., т. II, № 648).
Золотиловъ, подпор. (1-е 25 февр).
Зыбинъ, Алекс. (Черк., Грек., 1-е февр.)
40. *Измайловъ*, Левъ Вас. (Мат.)
Каменской, Θедотъ Мих., камеръ-юнкеръ (Сек.)
*Кантемиръ князь, Антіохъ Дм.
Колокольцовъ. Потапъ (1-е 25 февр.)
Коркачевъ, Петръ майоръ. (За него приложилъ руку Ив. Беклемишевъ. См. выше № 8).
45. **Кошелевъ*, Род. Мих. (Черк., 1-е 25 февр.)
Крамеръ, капит.-поруч.
Кречетниковъ, Никита. (Сек.)
Лавровъ, Серг. Юрьев., капит. (Сек.)
Лесли, Георгій (Сек.)
50. *Лопухинъ*, Андреянъ, поруч. (1-е 25 февр.).
Масвекой. Борисъ, Симбирской провинціи воевода.
**Макаровъ*, Алекс. Вас. (Черк., Грек.)
**Матвѣевъ графъ*, Θед. Андр., капит.-поруч. (1-е 25 февр.)
**Матюшкинъ*, Мих. Аθон. (Мат.)
55. Мельгуновъ, Петръ, капитанъ. Нач. службу въ гвардіи въ 1707 году.—См. о немъ у Голикова. VIII, 491, IX, 486; X, 157, 404, 405, 410.—Въ 1736—37 гг. былъ прокур. каморъ-коллегіи.

Уличенъ въ служебн. неисправ. по процессу кн. Кантемиръ съ ея сынками, но, во вним. къ продолжит. службѣ и ранамъ, только отставленъ отъ должности съ полученіемъ «репримянда» отъ ея величества (См. «Судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ»—Др. и Нов Россія 1879 г., т. XV, с. 61).

Мещерской князь, Ѳеодоръ Вас., гв. поруч. († 1756 г. въ чинѣ ген. м., [Долгор., II, 25] 1726 г. флота—унт. лейт. (Берхъ, I, 26) 1735 замѣшанъ въ дѣло Ирк. вице-губ. Жолобова, съ котор. наход. въ перепискѣ (им. ук., кн. 46). — См. о немъ у Голикова; XV (анекд.) с. 270.

Микулинъ, Левъ л. гвард. преображ. п. поруч. († 1737).

Мусинъ Пушкинъ графъ, Епофрод. (Алаб.)

**Мусинъ-Пушкинъ графъ*, Плат. Ив (Черк., Грек.)

60. *Наумовъ*, Ив. (1-е 25 февр.)

**Новосильцовъ*, Вас. Як. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.)

Новосильцовъ, Потапъ. кап. пор.

Оболенской князь, Василій, капит.-пор. (Кур.).

Обуховъ, Григорій, л. гв. преобр. п. поруч.

(О—въ [безъ им.] прап. 1717 г, Арх. Гл. Шт, 384).

65. *Овцынъ*, Даніилъ (Сек)

**Одоевской князь*, Василій (Алаб.)

**Олсуфьевъ*, Матв. Дм. (Черк., Грек). (Прошеніе о самодержавіи подписалъ дважды).

Павловъ, Григорій, майоръ (Сек.)

Павловъ, Михайла (Сек., 1-е 25 февр.)

70. **Павловъ**, Михайла, оберъ-директоръ.

Павловъ, Тимофей, полк. (Сек.)

Павловъ, Яковъ (Сек.)

Павловъ, Яковъ, поруч.

Потаповъ, Алекс. Ив., л. гв. московск. батал. 1730 г., капит., поручается ему осмотръ подводъ, назнач. для поѣздки изъ Риги имп. Анны Іоанн. (Ук. В. Т. С. 1730 г.)—См. о немъ у Голикова, XI, 139.

75. *Полонской*, Дм. Вас., полк. (Сек.)

Полонской, Ѳеодоръ, капит. (1-е 25 февр.)

Пырской, Степанъ, л. гв. преображ п. капит.—1698 г. алебардщикъ преображ. п. (Устряловъ, III, 583).—1721 г. капит., командируется на Бѣлоозеро, въ Вологду, Шую, Каргополь, Устюгъ и Холмогоры для набора плотниковъ, годныхъ къ судовой работѣ, и для доставл. ихъ съ ихъ семьями въ Спб.—1724 г. съ той же цѣлію командир. въ Архангельскую губ. Въ послѣд. гг. команд. для той же цѣли въ другія мѣстности (П. С. З., т. VI, № 3763., т. VIII, № 5520; им. ук., кн. 31).—1722 г. подъ его наблюденіемъ производятся работы въ Спб. (П. С. З., VI, №№ 3915 и 3938)—1727 г. жал. ему крестьяне изъ выморочн. дерев.; того же

года съ сент. по дек. сост. приставомъ въ Ранненбургѣ, при сосланномъ туда кн. Меншиковѣ.—1728 г. пред. военн. суду за несоблюд. инструкціи по надз. за кн. Меншиков.—1729 слагается съ него штрафъ (Указ. В. Т. С. 1727—1729).

Радищевъ, Аѳонасій, плк.

1734 г., янв., послѣ смерти малоросс. гетмана Дан. Апостола, поручается ему, вм. съ друг., вступить въ управл. Малоросс.* дѣлами; до прибыт. кн. Шаховскаго.—Того же г., сент., назнач. команд. стародубск. п. (Каб., кн. 68; им. ук., кн. 41).

Ріевской, Алдръ капит. (1-е 25 февр.)

80. **Рессинъ** (?), Семенъ, л. гв. преобр. п. адъют.

**Ржевской*, Алдръ Тим. (Сек., 1-е 25 февр.)

Ржевской, Петръ, отъ флота лейтенантъ (Сек.)

**Римской-Корсаковъ*, Яковъ (Сек.)

Румянцовъ, Петръ Иван. (братъ Алдра Ив. Ру—ва, приближ. Петра В., См. Род. Р. Ст., с. 74).

85. **Сабуровъ**.

Савеловъ, Петръ (Мат.)

Савеловъ, Тимофей, Ст. Сов.

1704 г., адъют. (Арх. Гл. Шт., с. 150, 174, 176). 1728 г., пожал. ст. сов.—1737 г. въ Моск. сенатск. конторѣ дѣло о завладѣніи имъ пустошами можайск. стрѣлецк. слоб. (Ук В. Т. С. 1728 г. и Каб., кн. 47).

***Салтыковъ**, Влад Семен., л гв. преобр п. поруч. (сынъ С. А. Салтыкова).

***Салтыковъ**. Иванъ Алексѣевичъ.

90. ***Салтыковъ**, Николай, подпоруч.

**Салтыковъ*, Петръ Сем. (сынъ Сем Андр. С—ва) (Кур., 1-е 25 февр.)

**Салтыковъ*, Сем. Андр. (Черк., 1-е 25 февр.)

Сафоновъ, Дмитр., капит.

Вслѣдствіи родственникъ по Гендриховымъ и—цѣ Елиз Петр. Марѳа Симонов. Гендрихова (р. 1727 † 1754) статс-дама Елиз. Петр. б. замужемъ за генер.—поруч Мих. Ив. Сафоновымъ.—См. Р. Стар. 1870 г., т. II, с. 471, 490; III, с. 266).

**Сеніотовъ*, Сергѣй, бригадиръ. (Сек., Черк., 1 е 25 февр.)

95. **Соковнинъ*, Никита, поруч. (1-е 25 февр.)

Стремоуховъ, Василій, бригадиръ (Сек.)

**Сукинъ*, Сем. Ив. (Черк., Грек., 1-е 25 февр.)

Сухотинъ, Мих. Алдр. (тоже).

**Тараканов*, Алекс. Ив. (тоже).

100. *Тарбѣевъ*, Ефремъ, майоръ (Сек.).

Татищевъ, Аѳонасій Даниловичъ. 1730 и 1731 гг. гв.-поручикъ. (Им. ук., кн. 33).

**Татищевъ*, Вас. Никит. (Черк., Сек., 1-е 25 февр.).

Пашковъ, Ив.
25. *Полонской*, Николай.
Рославлевъ, Богданъ.
Кап.-пор. Изм. п. при его учрежд. (Ист. Изм. п., прил., с. 3).
Савеловъ, Автономъ.
Тургеневъ, Романъ (?)
Хвостовъ, Мих.
30. *Хитрово*, Алдръ.
Хитрово, Петръ.
Чирковъ, Ив.
Юшковъ, Алдръ.
Языковъ, Ив.
Языковъ, Николай.
36. *Өеофилактовъ*, Ив.

Всего 166 человѣкъ.

Примѣчаніе. Приводимыя въ текстѣ данныя о происхожденіи, родственныхъ отношеніяхъ и служебномъ поприщѣ разныхъ лицъ, подписавшихъ шляхетскіе проэкты и прошенія,—имѣютъ значеніе какъ матеріалъ для біографій многихъ замѣчательныхъ дѣятелей ц—ній Анны Іоанн., Елизаветы Екатерины II и Александра I. Въ этомъ отношеніи сухія на первый взглядъ подробности не лишены интереса.

№ 3.

Извлеченія изъ депешъ датскаго посланника

I. Г. Вестфалена (*).

(Изъ дѣлъ королевскаго копенгагенскаго архива).

I.

$^{26}/_{15}$ Janvier 1730.

. . . .

Sire; c'est aujourdhuy le 6-m jour, que le jeun monarque de la Rüssie est maladè de la petite verole, selon les üns, avec apparence d'une bonne issuë, mais selon d'autre sans espoir d'echapper. Il est connu à vôtre majestè qu' il me manque le necessaire pour intriguer a faire tourner la revolùtion à nôtre avantage, en cas que le czaar viendroit à mourire ce qu'à Dieu ne plaise.

(*) Большинство депешъ писано непосредственно самому королю; депеши за №№ 2, 7, 8, 11, 12—къ статсъ-секретарю Даніи фонъ Гагену; №№ 3-й и 17—адресованы на имя неизвѣстнаго лица, но какъ видно принца датскаго королевскаго дома (В—нъ титулуетъ его «monseigneur»).—Французскій языкъ В—на весьма неправиленъ; кромѣ того депеши его, писанныя второпяхъ, наполнены пропусками и своеобразной транскрипціей собственныхъ именъ. Обращаемъ вниманіе на главнѣйшіе изо всѣхъ этихъ ошибокъ Вест—на. Въ І-й депешѣ, во фразѣ: «si j'etois de ces gens à qui tout est indifferent, me tenire *les croisès*». пропущено слово: bras.—Въ X-й депешѣ вмѣсто *reconnaissant*, В—нъ пишетъ *reconessants*.—Князя В. Л. Долгорукаго онъ вездѣ называетъ *Wasili Lukawitz*, а въ одной депешѣ (IV-й) *Wasilikowitz*.—Мы печатаемъ депеши Вестфалена съ *дипломатическою точностью*, буква въ букву согласно съ подлинникомъ, на основаніи свѣренныхъ съ нимъ копій.—Все помѣщаемое у насъ въ скобкахъ въ текстѣ депешъ В—на въ подлинникѣ написано шифромъ.

Sous cette circonstance je pourois, si j'etois de ces gens à qui tout est indifferent, me tenire les croisès. Mais rien ètant indifferent à moy où l'interet de V. M. entre (mon indigence m'abbattre le coeur) ùniquement pour cause de V. M. (car à quel facheux deboir son interest ne deviendroit point sujet, si la princesse Elisabeth viendroit de s'emparer du tronc de la Russie. Ce coup devroit l'estre parer à tout prix). . . . .

Or mon grand èloignement me mettant hors d'état de recevoir à temps, ny ordre, ny secours, ny conseil sur ce que j'aurai à faire dans cette tres dangereuse conjonctùre, je me suis avisè de (escrire à quatre des principaux Dolgoroucky pour les exhorter à se montrer en cas que le Czaar passeroit le pas, gens de vigueur et de fermeté. Cette lèttre circulaire estoit conçeue en ces termes: Mon prince. L'affaire presse et j'ai peur de ne vous point trouver à la maison, c'est pourquoy que j'ai recours à la plume pour vous avertir que messieurs les Holsteinois de cette Slabode, leur adherants les Svedois et autres malintentionés en font retentir l'air sur l'estat de la maladie de vôtre jeùne monarque, qui fait trembler)d'autant plùs que(ils soutiennent hautement, que le Czaar decede. La princesse Elisabeth ne manquera pas de trouver moyen de s'emparer du trone de la Russie soit pour elle mesme ou pour son neveu à Kiel.) J'espere de la bonté Divine que les malintentionnés en aùront le dementi.

Cependant comme telle chose pourroit arriver et qu 'il est bien constant qu 'un tel evenement attireroit infalliblement(des grandes disgraces sur la famille de Dolgoroucky particulierement sur la personne de la princesse promise au present monarque et qu 'il assujetteroit du nouveaù les affaires de cette monarchie soùs une direction estrangere, qui vous fera prendre de tous cotés de mesures fausses et incompatibles avec le veritable interest de la Russie.

Moy, du fond de mon coeur bien intentioné)comme tout le monde le scait(et devoué à l'illustre maison de Dolgoroucky et souhaitant (à caùse de la sympatie d'interest entre les deux cours) infinnement(du bien a la Russie, je m'attens de votre consommée prudence et du pouvoir que les Dolgoroucky ont presentement en main, que vous n'entreprendrés de sauver la barque de votre patrie en maintenant la cause de votre niece en cas de la mort du Czaar et que vous vous unisés avec d'autres seigneurs Russes dans un mesme secoùrs)dans la ferme et inebranslable resolution de pousser affaire jusqu'à(ùn entier accomplissement. Ce grand ouvrage commence et cela a tout prix, une grande affaire)si elle doit bien reùssire ne doit point etre faite a demy. Or si(une vigoureuse et ferme resolution de deux hommes comme Tolstoy et Mentzicoff a pu procurer la couronne de la Russie a la defunte Czaarienne)non obstant(qu'un monde de circonstances s'y opposerent pourquoy la

mesme avantage ne seroit elle pas a procurer a une vertueuse princesse comme votre niece. Tout bien consideré, examiné et pesé)on trouvera que(le salut de la vie du Czaar et de la resolution. que voùs prenés si la mort l'emporte.

Usés messieurs au dernier cas d'une derniere vigueur et vous eviterés de succomber avec votre patrie sous mille tristes inconveniences.

Excusés mon prince la liberté que je me donne snr l'affection que je vous porte et a votre illüstre famille particulierement)et sur toùt(a ma patrie et aprés a la votre)qui devroient selon le système de leur veritable interet étre a jamais bien unies(mais qui ne le seront jamais, si la princesse Elisabeth montrera sur le trohne de la Russie ou bien son neveu.

Voilà le plan que je me suis projetté)et sur lequel(je ne cesseray pas de travailler(dans la vue de faire s'il sera possible, l'affaire que je me suis proposé ou bien une autre dont je ne me püis point encore expliquer (pour parer le coup menaceant de l'elevation de la princesse Elisabeth ou de son neveu sur le trohne de la Russie).

II.

. . . .

III.

2 de Fevr. (22 de Janvier).

Monseigneur. Le train de vie que menoit le defunt jeune monarque de la Russie, son courire du matin jusqu 'au soir apres le gibier, s'exposant à l'injure de tout air et de tout temps, l'irreguliairitè de son manger et boire, son passer les nuits entieres à danser et son accutume de boir froid apres s'être bien échauffé enfin son peu de sommeil et a tout cela joint qu'il n'avoit point encore eu la petite verolle, toutes ces circonstances m'ont fait tousjours craindre poür sa vie.

Cette juste apprehension qui ne me quita jamais, pas mesme au milieu de la joye publique des festins à la cour, auxquelles j'etois tousjours invité m'a induit à sonder deja depuis bien longtemps les esprits sur leur penchant en egard à la personne qui luy succederoit, en cas que le jeune monarque vint à mourire inopinement.

Monseigneur. Le grand evennement de la mort du czaar, et de la nomination de madame la duchesse de Churland pour le succeder, confronté avec l'extrait cy joint d'une de mes relations au roy de l'année passèe 21-m d'Avril qui se rapporte à une autre du 2-m

de Decembre 1728, me rend pleine justice, que j'avois parfaitement e à fonds penetré les vues des principeux d'entre les Russes par rapport à la succession du jeune monarque en cas que la mort nous le raviroit.

Or, le cas venant d'exister lorsque l'on y pensa le moins, je n'ai pu, connoissant la disposition des premiers d'entre les Russes, comme je la connoissois, gagner sur moy de rester les bras croises, je me mettois en devoir d'en tirer avantage affin de tourner la revolution dont nous venions d'être menacé le plus qu 'il seroit possible au bien du roy.

Mais considerant, qu'il n'est guerre possible d'agir efficacement dans des occurrences de pareille nature sans quelque secours pecuniair, j'allai trouver le consul Anglois, luy remontrant le danger de la conjoncture et la necessité ou je me trouvai de m'en mesler, luy demandant à cette fin quelque secours d'argent.

Il eut la generosité de m'offrire dabord jusqu'à vingt mille roubles, et d'avantage s'il en seroit question, je ne luy demandai d'abord que 6000 et il me remit à l'instant trois mille ducats d'or.

Je n'eus pas plustot en main cette adjûta di Costa, que j'entrai en matière, et la distribution que j'en faisois de 1500 à quatre differentes personnes me procura la connoissance de touts les pas que firent les ministres de Svede, de Holstein, de l'Empire et de Blanckenbourg, avec ce qui se passa chez la princesse Elisabeth, et me mit en etat de les contrecarer efficacement, en avertissant ceux qui menoient le bransle de la revolution de toutes les trames que ceux cy mirent en oeuvre pour faire monter sur le throne l'enfant à Kiel sous la tutelle de la princesse Elisabeth. etc;

Tout cela reussit à souhait, et je ne doute nullement que le roy n'aura tres gratieusement ègard au service signalè que je luy ai rendu encore à cette occasion, le remboursement de ce que je dois au consul Anglois à part, icy je ne dois point ometre de rapporter que la meme personne que (le grand Gallitzin m'avoit envoye pour m'assurer que ny la princesse Elisabeth ny son neveu monteroient sur le trohne m'ayant le) trentieme du mois passé (vers les cinq heures de matin averti de la nomination de la presente Czaarienne j'allay le meme moment apres diner faire present à son epouse d'un petit cofre de fillegran fermant mille beaux ducats), de qvoi (l'interest du roy se ressentira en temps et lieû).

Il est vraye, que je n'ai point eu pour ce que j'ay fait d'ordre, mais comment faire pour en être pourvu à juste temps? si la presente Czaarienne viendroit à mourire demain, l'interet du roy, ne voudra-t-il pas, que je remuasse ciel et terre pour operer encore une fois l'exclusion de l'enfant en Holstein et la princesse Elisabeth et dut il couter au roy cent mille roubles et d'avantage, qu 'est ce monseigneur qu 'une poignée d'argent au prix de l'interet du Dan-

nemarc sauvé dans une affaire aussi interessante que de voir sur le throne de la Russie une personne qui nous convient, ou qui nous convient pas.

Ce ne sera du moins plus en consideration de la Russie que les grandes puissances de l'Europe auront dorenavant des égards pour le duc de Holstein. ce qui a été jusqu 'icy le champ de bataille des ministres de ce prince et le pretexte dont ces puissances qvi nous envient l'acqvisition du Sleswig ducal, ont coloré leure partialité envers le duc.

Qvant à moy en mon particulier, j'ai porté en ce pais cy ma reputation à un point que tout le monde me charge de louvanges. Mr. Kofoed me le poura attester en conscience et sur sa foy d'honneur, tout le monde disant et soutenant haûtement qv'il ny a point de ministre etranger à cette cour qvi sert son maitre comme moy. Le grand Gallizin l'a encore dit hier au general Bohn en presence de 20 personnes, et le baron Ostermann l'a dit 20 fois de sa vie au duc de Liria et d'autres. Je devrois donc avoir naturelement lieu d'esperer qu'à Copenhague on ne poura qu 'être de toute maniere content de moy. Je m'en flatte, sans m'en relever, je me recommande monseigneur à vos bonnes et benignes graces et protection.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДЕПЕШѢ № 3.

Extrait d'une de mes relations au roy de l'année passée 21 d'Avril (1729).

Je souhaite de Dieu, que la maladie du czaar n'ait point de suite, mais si dans le temps ou nous sommes et sous les circonstances, ou je me trouve, il viendroit à mourir, nous courrons infalliblement hazard de voir sur le thrône de la Russie ou le fils de la defunte duchesse de Holstein ou la princesse Elisabeth, et l'interêt du roy Frederich Quatrieme en souffrira jusqu 'aux os, au lieu que si on eût fait reflexion à ce que j'ai pris la liberté de remontrer par certaine relation des moy du 9 me de Decembre 1728 et que l'on m'eut mis en etat de pouvoir disposer de quelque somme considerable avec l'authorité de m'engager au payement du reste, je pourrois bien operer, que la duchesse de Mecklenbourg ou une de ses soeurs fut élevée sur le throne, et cela sans l'adjoute du comte Wratislaw; je ne suis pas si mal avisé de me fier dans cette affaire à ce ministre imperial, apres qu'il n'y auroit plus d'enfants en vie de la soeur de l'imperatrice.

Le bourasque de la presente maladie du Czaar se passera, j'espere sans aucune suite funeste, il est cependant toûjours bon de se preparer pour tout evenement, et c'est justement pourquoy, que je prends la liberté de souvenir encore vôtre majeste treshumblement

du contenu de ma depesche susmentionneé du 9-me de Decembre de l'année passée, et j'ai lieu d'esperer, que pour notre propre bien et interêt, il y sera fait reflexion, m'y prenanant de la maniere, que je m'y prends, j'aurai du moins rien à me reprocher.

J'ai lû ces jours cy dans la gazette d'Amsterdam sur l'article de Hamboürg qu'il y étoit passé un courier, depesché par le baron Stambke, et allant à Kiel, qui apportoit au duc l'aggreable nouvelle que sa majesté Czaarienne, l'avoit confirme lieûtenant collonel de ses gardes Prebroginsky avec un appointement annuel de 6000 roubles, et avoit en même temps resolû de former un regiment Allemand qui portera le nom de Holstein, et que ce sera le duc, qui en nommera tous les officiers. Or moy sachant, qu'il n'y a rien de tel dans la nature, je le croi être mon devoir d'en assurer votre majesté treshumblement et en toute fidelité, la princesse Elisabeth a eu jusqu 'icy une garde de 6 grenadiers à cheval avec un bas officier, cette garde luy fut Sammedy passé ôté par un ordre du Czaar.

IV.

2 Fevr. (22 Janv.).

Sire! J'ay donné par ma treshumble relation du 26-me du mois passé duëment part de la maladie du jeune Czaar et j'ay annoncé sa mort par une lettre particuliere à monsr. le secretaire d'etat von Hagen, aussi bien que l'élevation de la duchesse douariere de Churland sur le throne de la Russie, et en mesme temps j'ay donné treshumblement à connoitre, que je m'etois mis en mouvement pour sauver aussi en cette occasion l'interet de vôtre majesté s'il seroit possible, en cas que le jeune monarque viendroit à mourire, javois déja quelques jours auparavant escrite la lettre qui se trouve inserrée dans la dite ma relation du 26 du mois passè, dans la vue de preparer les esprits à cette fin, et javois desja aussi allors à d'autres endroits mes fers au feu pour nous rendre la revolution favorable en cas qu'elle eut lieu.

Le mesme soir du 26 de Janvier mon pacquet étant deja livré à la poste (Wasilikowitz Dolgorucky notre cordon bleu vint chez moy m'assurant, que la maladie du czaar prennoit un train, qu'il y avoit tout lieu d'esperer une prompte convalescence. Il approuvait du reste fort le conseil que je luy avoit donné) et a sa famille (protestant, qu'il estoit pleinement convaincu, que rien seroit plus salutaire à sa patrie, aussi bien qu'au Dannemarc, que de voir retablies sur l'ancien pié les affaires entre les deux couronnes, a quoy parvenue il se donneroit de son cotè touts les mouvements imaginables, repondant pour touts ses amys, qu'ils travailleront avec plaisir sur le meme plan. En suite il me disoit, que (les Dolgorucky avoient pri leur parti) en cas que le malheur voulut que le czaar

passeroit le pas; et pour ce qui étoit de l'enfant de Holstein et de la princesse Elisabeth, ny l'un, ny l'autre monteroit sur le trone de la Russie, que non seulement (les Dolgorucky mes diverses autres familles) se feroient plustôt hacher en piece.

Il ne m'eut pas plustot quité, que sur ce point important il me vinrent les mêmes assurances de la part de (Demetri Gallitzin qui a mene le bransle de toute la revolution), dont il est aujourdhuy question. Allors j'allai trouver le secretaire Koefold dans sa chambre, tout expres pour qu'il me put attester en temps et lieu, que je luy avois predit ce qui arriveroit, luy declarant, que l'interet de vôtre majesté etoit sauvé en cas, que le Czaar viendroit à mourire, que j'etois seur de mon fait, et que je dormerois plus tranquillement, que je ne l'avois pû faire jusqu 'allors; cecy se passa le soir du 26 de Janvier après le depart de la poste.

Le lendemain 27 de Janvier on croyoit le jeune monarque si bien hors de danger, que la garde monta au chateau tambour battant e à son d'hautbois, on divulgoit allors, que les postules etoient entierement sorties, et que leur maturation commencoit deja à se manifester par cy par là. L'on s'estoit trompé, car la nuit du 27 au 28 il luy en vinrent encore une grande quantité dans le gosier, même dans le nez, ce que luy empeschant de respirer, et une fièvre ardante suivant de bien prez, on conceut le 28-me que sa vie ètoit en danger.

Le 29-me au matin il n'y avoit guerre plus d'apparence qu'il rechapperoit, et vers les 3 heures d'apresdiner la maladie ayant encore considerablement augmentée, touts les membres du conseil furent sommé de se rendre incessament dans la chambre de lit de sa majesté, de mesme que les 3 gereaüx feldsmarecheaux, prince Gallizin, prince Dolgoruki et le prince Trobetzkoi; on fit aussi venire l'archevesque de Novogrod pour administrer à sa majesté le sacrement de l'extrème oncitou.

En attendant on avoit fait sonde la vieille czaarienne ayeule du jeune monarque, si elle voudroit bien se charger de la regence en cas que la mort leur raviroit du jeune monarque son petit fils, mais elle s'en excusa sur ses frequentes infirmitez et sur la foiblesse de son esprit et de sa memoire L'un et l'autre (disoit elle) n'ayant pû que baisser tres considerablement sous le poid des souffrances inexprimables que la rage de ses ennemis l'avoit fait souffrire, pendant l'espace de 30 années entieres particulièrement dùrant le regne de Cathrina Alexiewna, elle se rendit pourtant sur le 10 heure du soir au palais de son petit fils, où elle se tint dans un appartement joignant celuy du malade, là elle attendit en priant à genou au pied d'un crucifix l'issue de la triste scene de son expiratiôn. Il avoit deja allors perdu la parolle et ce fut à la fin un quart heur àpres minuit qu'il rendit l'ame.

Allors les 3 feldmarecheaux et tout le haut conseil l'allerent prendre, la conduisant au lit du trespassé; dès qu 'elle se fut apperçu qu'il ne vivoit plus, elle poussa un grand cris et tombà en defaillance. On fut obliger de la saigner sur le champs, et on eut toute la peine du monde de luy faire revenire le sentiment.

Le haut conseil et les trois feldsmarechaux la laisserent là entre les mains des medecins et des chyrurgiens et passerent dans un autre appartement pour deliberer sur le choix d'un autre souverain à la place du defunt. Il n'y eut que le baron Osterman, qui ne vouloit point prendre part à cette deliberation à cause, dit il, qu 'il étoit étranger, donnant neanmoins sa parolle de vouloir acquiescer à ce dont ils conviendroient entre eux en ègard à la succession leur recommendant l'accord et l'unanimitè.

La porte de l'appartement fermée à clef, et celle cy posée sur la table, les deux Dolgoruki nos cordons bleu, commencerent à parler en faveur de leur niece la promise aü defunt monarque, mais le conseiller privé Demetri Michalowitz Gallizin leur fit doucement comprendre, que la personne de leure niece, n'ayant pas devers elle que seulement une simple promesse de mariage, en face de l'eglise il ètoit vraye, mais la copulation sacerdotale luy manqvant avec la consommation du mariage, et le defunt monarque n'ayant non plus rien stippulé par voye de testament en sa faveur par rapport à la succession, elle n'avoit aucun titre pour y pretendre, à qvoy les Dolgoruki n'ayant rien eü à repliquer avec fondament, Gallizin passa outre. Il leva la parolle et dit à haute voix: Mes freres, Dieu, pour punire les peschez enormes qvi se commettent en Russie plus que dans aucun autre etat du monde, particulierement apres que les Russes ont adopté aussi les vices qui sont en vogue parmy les etrangers, venant de nous ravire un souvrain sur lequel toute notre esperence etoit fondée avec raison, et l'empire de la Russie etant d'une constitution qu'il luy faüt sans perte de temps un chef pour le gouverner et à qvi s'addresser, lequel nous avons à choisire dans l'illustre fammille de Romanow et nul autre part; Or; *la lignée masculine de cette maison etant entierement eteinte dans la personne de Pierre le second*, que nous venons dè perdre, nous ne pouvons que nous tourner vers la lignée foeminine de la mesme maison et choisire d'entre les filles du czaar Ivan celle qui nous conviendra le plus; je me declarerais certainnement pour l'ainée la duchesse Mecklenbourg, si elle ne fut mariée à un prince étranger, cette circonstance ne quadrant nullement avec la convenience de la Russie, je croï que sa soeur la duchesse dovariere de Churland Anna Ivanawa nous conviendra mieu, elle est en état de se marier et en age de procurer lignée, elle est née parmy nous d'une mere Russienne d'ancienne et bonne famille, nous connoissons la bontè de sa coeur et ses autres belles qualitéz, pour ces raisons je la croi la plus digne pour regner sur nous, et voila mes freres quel

est mon opinion, si vous pouvez me convaincre d'une meilleure je l'adopterai, si non, je me tiens a celle qve je vous ai expliquè.

Le feldmarechal Dolgaruki luy repondit de la maniere qui suit: Demetri Michalewitz, ta pensée vient de Dieu et elle parte d'un coeur patriote, Dieu te veuille benire, et vivat nòtre imperatrice Anna Ivannawa. Touts les autres suivirent son exemple de sorte que l'appartement retentissoit bientot d'un vivat l'imperatrice Anna Ivannewa unanime, ce que le baron Ostermann entendant, il heurta à la porte, ou la luy ouvrit et il joignit son vivat à celuy des autres; c'etoit vers les quatres heures du matin du $^{30}/_{19}$ de Janvier que cecy se passa.

Vers les 10 heures du meme matin Gallizin se rendit au chateau de Cremlin dans le senat qui est depuis le regne de la czaarienne Cathrina le 2 college de la regence en ce pais cy, luy communiquant la nomination de la duchesse de Churland pour succeder au defunt monarque en qualitè d'imperatrisse de toute la Russie, et y demandant sa concurence; un vivat unanime de touts les membres l'imperatrice Anna Ivanawa fut la reponse que l'on luy fit; de là il passa dans l'appartement, ou s'étoient assemblès touts les genereaŭx jusqu 'aux brigadiers inclŭsive, qui luy repondirent comme avoient fait ceux qvi composent le senat de la Russie. Le grand clergé n'a point etè concultè et n'a pas par consequent eu aucun part à l'elevation de la presente czaarienne sur le throne de ses ancetres, on dit, que le grand chancelier s'est donnè beaucoup de mouvements en leure faveur, mais Gallizin se souvenant avec quelle mauvaise foy ces longue barbes agirent lors de la mort du czaar Pierre le premier jusqu 'a cooperer à l'exclusion du vray heritier de la couronne, se devouant, moyennant large recompense, à une femme etrangere qui avoit etè autre fois publiquement la maitresse de Menzikow, il n'en a pas voulu entendre parler declarant que les ordres de l'etat de la Russie seroient dorsnavant le conseil privé, le senat et le generalat.

Le dit Gallizin ne fut pas plustot de retour dans le haut conseil, qui se tint constamment assemblé au palais de Menzikow dans le fauxbourg des etranger (!), que l'on se mit à dresser l'acte de la nomination de la duchesse de Churland etc.; en suite on nomma trois ambassadeurs pour le luy porter à Mittaw et pour la conduire à Moscow, a scavoir Wasili Lukawitz Dolgoruki du haut conseil, le frere de Gallizin du senat et le major general Levontiof de l'etat militaire; ces trois messieurs partirent encore le meme soir pour se rendre per postà a Mitaw. Le lendemain 31 de Janvier les deux feldsmarecheaux Gallizin et Dolgoruki prirent place dans le haut conseil en qualitè de ses premiers membres apres le grand chancelier comte Gollowkin et allors l'on se mit à deliberer sur le moyen de borner le despotisme de futurs czaars de la Russie et de commencer par la presente czaarienne, les esprits sont presentement fort occupés de cette delicate

et dangereuse matiere. (Gallitzin qui en est l'auteur et le fauteur me demanda hier) quelle des (deux formes de gouvernements) je croyois être la meileure (la Suedoise où celle de l'Angleterre. Je luy repondis, que la Suedoise estoit la plus jetive (!) de tous) et je ne croi pas, disois je que (celle d'Angleterre puisse etre introduite en Russie, il n'y repondit rien).

Sire, voila l'histoire de la maladie et de la mort de Pierre le second, aûssi bien que de l'elevation de la presente czaarienne sur le throne de la Russie avec un detail de quelques uns des mouvements que je me suis donnè pour nous rendre la revolution favorable, le reste de ce que j'ai fait à cet ègard se trouvera ailleurs, c'est dans cet etat que se trouvent les affaires d'icy aujourdhuy le 2-me de Fevrier 1730.

A quoy j'ay encore à adjouter, que le grand maitre des ceremonies m'a etè voir pendant ces entrefaits deux fois de suite, la premiere fois pour m'annoncer la mort du jeune monarque, et la seconde fois pour me donner part de sa succession.

Comme le discours qu'il me tint à cette derniere occasion, etoit tout autrement tournè que celui qvi me fut tenu lors de l'evennement du defunt czaar à la couronne, je me croi obligé d'en detailler le precis par les memes mots et les mèmes expressions pour autant que ma memoire y puisse fournire. Je vous ai monsieur deja annoncè la mort inopinée et tresaffligeante du tres haut et tres puissant empereur Pierre le second de ce nom, à present je viens par ordre expres du haut conseil pour vous avertire, que touts les ordres de cet empire ont sous l'assistance divine ûnanimement choisi la tres haute et tres puissante princesse czaarienne et duchesse dovariere de Churland Anna Ivannava pour remplire le throne de la Russie en qualitè d'imperatrice de ce puissant et vaste empire. Vous sçavez monsieur qu'elle est absente, mais j'ay ordre de vous dire et de vous declarer, que sa majeste imperiale n'aura pas plustot prise en mains les renes du gouvernement, que le haut conseil prendra à tàche de luy faire bien reconnoitre l'importance d'une parfaite et cordiale amitiè et bonne intelligence entre la Russie et le Dannemarc, et combien il sera avantageux pour les deux nations d'en serrer une autre fois si bien le noeud, que les envieux de leure union ne le puissent jamais dissoudre le dit haut conseil de la Russie croyant avoir raison de se prometre de la part du conseil de sa majestè Danoise une pareille disposition.

Une autre chose que l'ay encore à communiquer à cause de son importance, est, que le comte Wratislaw a de concert avec les ministres de Holstein et de Blanckenbourg briqué l'elevation de l'enfaut à Kiel sur le trone de la Russie sous la tutelle de la princesse Elisabeth, ils ont pris le parti de s'en ouvrire premierement à (Jagoschinsky), qvi les a conseillè, particulierement au comte Wratislaw

de n'en point ouvrire la bouche, cela non obstant celuycy et Cramme en font la proposition a (Osterman) qui les renvoit au grand chancelier sur cet avis ils entrent en consultation et conviennent que comme le comte Bonde parle le Russe en perfection, il s'en doit ouvrire au grand chancelier, de quoy moy ayant eû du vent je le previens et en donne bon avis de sorte que lorsqu'il vint en parler à ce ministre il est traittè de haut en bas et avec tant de desdain que le grand chancelier declare nettement à comte Bonde que le duc son maitre n'a rien à pretendre en Russie et c'est par pure charitè qu'on luy a donnè de sommes aussi considerables qu'il a tirè de leur tresor sans l'avoir meritè par rien. Bonde qvi ne s'attendoit pas à ce traittemen la en ayant fait rapport au comte Wratislaw n'ose celuycy ny Cramm point entreprendre de passer plus outre, et pendant ces entrefaits le denouement de la scene arrive par la mort du czaar, et la nomination de la duchesse de Churlande à luy succeder, sur quoy le haut conseil fait sçavoir au comte Bonde qu'il seroit bien aise qu'il voulut penser à son depart d'icy. Il s'excuse sur l'etat de son epouse qvi est prete d'accoucher, promettant de s'en retourner le plustat qu'il sera possible et voicà à la fois bien de nouvelles qvi interessent.

V.

Ce 9 de Fevr. (29 Janv).

Sire! Je n'ai plus rien à dire sur le triste evenement de la mort du dernier czaar de la Russie, ny sur la revolution qui en est suivie, qui est aussi considerable et importante qu'elle est avantageuse à votre majestè et à son interet. Tout est icy transquile et personne remue, la princesse Elisabeth se tient coi, et les adherants de l'enfant en Holstein n'oseroient grouiller, on attend avec impatience l'arrivée des ambassadeurs a Mitow, où ils pouront se trouver à l'heur qu'il est selon la plus juste supputation. Le haut conseil de la Russie, dans lequel les feldsmarecheaux Dolgorucki et Gallizin ont pris de fait possession, dirigent en attendant toute les affaires de la monarchie en pleine souvrainité, les membres qui le composent presentement sont le grand chancelier comte Gollofkin, les deux feldsmarecheaux mentionnés, le prince Demetri Michalowitz Gallizin, grand et excellent homme saus contredit, le baron Ostermann, prince Gregori Alexeiwitz Dolgoruki, pere de la malheureuse promise au defunt czaar, et le prince Wasily Lukowitz Dolgorucki, nôtre cordon bleu, qvi est absent et voila un conseil aussi bien constitué qu'il y en ait un en Europe, touts gens d'esprit, de coeur, de probité et zelès patriots, le baron Ostermann quoyque ètranger aussi grand que les autres Je commence à douter que le projettè

changement de la forme du gouvernement aye lieu, j'en regarde l'etablissement d'une tres difficile execution et nullement conforme à l'interet de votre majesté qvi ne doit point en consideration de la Svede desirer l'abbaissance de la Russie, je vise en soutenant cette these politique à l'interet et à la convenience de vôtre majestè et, nullement à sa personne saccrée. Elle sçaura en peu ce qui en sera et peutètre par l'ordinaire prochain le contenu des depesches qvi viennent d'etre apportèes au comte Wratislaw par un courier du cabinet on les croit etre d'une derniere importance.

VI.

10/6 de Fevr.

. . . .

Ceux qui composent presentement le haut conseil de la Russie, exceptè le baron Ostermann, qui n 'y a pas mis le piè depuis la mort du jeune monarque à cause d'une indisposition qui luy est survenue, travaillent encore sans relâche à mettre la forme du gouvernement de la Russie sur un autre pied qu'elle n'a été jusqu 'icy, le grand but de ces messieurs est de moderer le pouvoir arbitraire des monarques de ce pais cy, en quoy ils sont vertement contrecarré par ceux de la petite noblesse Russienne les efforts qu'ils font de part et d'autre rendent l'issue de l'affaire fort douteux.

Il est cependant arrivé, que Jagouschinsky, cordon bleu, grand escuyer, commendant du corps des gardes chevaliers et gendre du grand chancelier comte Golloffkin vient d'etre arreté par ordre du haut conseil pour avoir depesche sous main un homme de sa confidence à la czarienne pour l'avertire de ce qvi se tramoit icy contre son authorité et pour la deconseiller d s'y sousmettre, mais de se reposer sur son épée et sur celles d'un tres grand nombre de la nation qui detestent les procedures du haut conseil. On luy a ôté son ordre, et il est gardé à vue. Le parti que j'ay pris dans cette dangereuse conjoncture est celuy de demeurer à la maison et de ne me point mesler de ce qui se passe au Cremmelin pas seulement par le moindre raisonnement. Je plains du fond de mon coeur le vieu grand chancelier de ce qui luy vient d'arriver dans la personne de son gendre, j'ay grand peur de voir encore d'autres catastrophes pareilles. On releve beaucoup au prejùdice du pouvoir arbitraire en Russie, un fait qvi s'est passe sous le regne de la czaarienne Cathrine qui est, qu'elle doit avoir consumée dans sa cour pendant le temps de son courte regne pour sept cents mille roubles vins d' Hongrie et pour 160000 rub. des aqvavits de Dantzig pendant que de milliers de ses sujets mangvoient du pain sec pour

vivre, et pour faire vivre leurs enfants, à qvoy les autres repondent qu' une hirondelle ne fait point l'eté.

VII.

$^{30}/_{9}$ Fevrier.

Monsieur! Les portes de l'appartement où le haut conseil de la Russie s'assemble, ont étés ouvertes toute la semaine passée à touts ceux qui auroient quelque chose à dire ou à proposer pour ou contre le changement que l'on medite de faire dans l'ancienne forme de gouvernement de cette monarchie.

De l'etat militaire les genereaux, brigadiers jusqu 'aux collonels inclusive ont eu cette liberté, de mesmes que touts les membres du senat et des autres colleges de la regence, touts ceux qui ont le rang de collonel, les archivesques, evesques et archimandrits ont etès sommé d'y venire, non pas en corps, mais à la fois 8 evesques et trois archimandrits. Il s' est dit à cette occasion tant de bonnes et mauvaises choses pour et contre l'etablissement en question, qui a étè attaquè et deffendŭ avec tant de vehemence, que sur la fin la confusion devint grande jusques là qu 'on n 'etoit pas sans apprehension de quelque souslevement, mais les deux feldsmarecheaux ne sont pas gens à s' epouvanter facilement.

Cependant, comme je ne suis point accoutumé de retracter aujourdhuy ce que j'ai avance hier, dans la fermentation ou cette grande affaire se trouve presentement, je suspendrai encore pour quelques jours mon jugement sur ce que j'en croi devoir arriver; et je me contenterai de vous dire seulement sur ce sujet que (il y a à mon avis autant à craindre que les Dolgorouckv et les Gallizins reŭssiront dans leur entreprise, qu'il y a à esperer que les affaires demeureront sur l'ancien piè). Je ne doute pas monsieur que vous ne vous donnerez volontiers la peine d'informer le roy et son conseil de ce mon sentiment preliminaire.

VIII.

$^{23}/_{12}$ Fevrier.

Monsieur! C'est pour vous avertire, que la confusion và encore icy en augmentant que je me donne l'honneur de vous escrire la presente (elle est mesme monteé à un si haut degrez, qu'il s'est formé un parti sous la direction du prince Tzercassi, membre du senat, qui veut et demande) a haŭte voix (non seulement la conervation de l'ancienne forme du gouvernement mais l'expulsion)

mesme (des Dolgoroucky et des Gallizins hors du haut conseil) excepté (une seule personne de chaque famille. Ceux de ce parti accusent hautement de bouche et par escrit les Gallizins et les Dolgoroucky de porter une haine implacable à la memoire de Pierre le grand et à sa pauvre posterité qui' estoit traiteé) comme si la Russie (n'avoit point de part à elle, ni elle à la Russie) de la maniere que les affaires commencent à tourner (à l'interêt du roy. C'est bien heureux que la nomination de la czaarienne s'est faite); car si elle etoit (encore à faire et que les Dolgoroucky et les Gallizins estoient hors de pouvoir), en verité de Dieú (l'enfant de Holstein monteroit sur le trone de la Russie).

Le jeune monarque fut hier enterré, la precipitation s'y fit remarquer à vue d'oeil.

IX.

Ce 2 de Mars (19 de Fevrier).

Sire! La nouvelle czaarienne est à present à Moscau, dimanche passé elle y fit son entree publique, et hier premier de ce mois j'eus l'honneur de la saluer et de luy faire mon compliment de condoleance sur la mort du precedent monarque et de felicitation sur son avenement à la couronne; comme j'etois le premier des ministres des têtes couronneés residants à cette cour qui se trouva dans l'antichambre, je fus aussi le premier introduit aupres d'elle immediatement aprez l'ambassadeur d' Espagne; à dire la verité ce fût sur un avertissement d' Amy, que je me rendis au Cremlin bien une heure avant les autres, et la resolution ayant été prise dans le haût conseil de faire cette fois une distinction entre les ministres des têtes couronnées et les ministres de autres puissances et de les admettre à l'audience à mesure qu'ils seroient arrivés, j'eus l'avantage de la precédence devant les autres comme devant les envoyés extraordinaires de Suede, de Pologne et de Prusse.

Cette princesse a été de tout temps fort aimée et considerée de la nation, aussi les esprits se sont ils beaucoup calmées depuis son arrivée, mais il est toûjours bien certain, que je ne puis inferer autre chose de ce que je vois et entends, si non que les grands de ce païs çy ne cessent pas de mediter un changement de l'ancienne forme de gouvernement de la Russie et que leurs dessein ne soit de restreindre, à l'avenir le pouvoir arbitraire des czaars de la Russie par quelques nouvelles loix d'etat

La czaarienne avant de faire son entreé dans cette capitale s'arreta 5 à 6 jours dans un village à 8 werstes de Moscau. Elle ne porta pas encore allors aucun de ses ordres, ny le cordon bleû,

ny le cordon rouge, et ce fut seulement la veille de son depart de là, que le haut conseil, sûivi de grand nombre des genereaux et de la noblesse alla en corps les luy remettre. Le grand chancelier comte Golloffkin, qui les porta sur un coussin de drap d'or, mit un genou à terre pour les offrire à la souveraine, et le conseiller privé Dimetri Michalovitsch Gallizin tint à cette occasion ce notable discours à la czaarienne:

Orthodoxe et tres gratieuse imperatrice. Nous treshumbles et fidels sujets les membres du haut conseil de la Russie ensemble avec la generalité et la noblesse Russienne, nous te reconnoissants être la fontaine d'ou doivent écouler les honneurs et les dignités en Russie, nous venons te remettre ton ordre de St. Andrée, qui est le premier et le plus honnorable et aussi celuy de St. Alexandre, qui fut institué par l'empereur Pierre le premier à l'occasion de sa glorieuse paix avec ce puissant royaume de Suede affin de les porter châcun à son temps et de les conferer à ceux, que tu en jugeras digne.

Nous te remercions de ce que tu as bien voulû approuver l'election que nous avons fait de ta personne, pour regner sur nous en qualité de notre gratieuse imperatrice, que tu as bien voulû recevoir ta couronne de nos mains et faire la diligence, que tu as fait pour retourner dans la patrie, et nous te remercions pas moins affectueusement de ce que tu as bien voulû condescendre à souscrire les articles, que nos deputés t'ont presentés en nôtre nom pour ta propre gloire et pour le bien de ton peuple. Et voila orthodoxe imperatrice le sujet de nôtre venue en corps aupres ta majesté. Daignes de prendre tout cela de bonne part; et reposez sur nôtre fidelité inviolable pour ta personne.

A ce remarquable discours la czaarienne repondit de la maniere qui suit et cela sans hesiter:

Demetri Michalowitsch et vous autres messieurs de la generalité et de la noblesse, Vous devez sçavoir, que je regarde l'election, que vous avez fait de moy pour regner sur vous en qualitè de vostre imperatrice comme une marque de l'affection, que vous portez à ma person et à la memoire de feû mon pere. Je tâcherai de faire en sorte que le tout le monde sera content de moy, et comme c'est pour vous satisfaire, que j'ai signé à Mitau les articles, dont tu Demetri Gallizin fait mention: vous pouvez être persuadés, que je les observerai tres religieusement, jusqu'à l'article de ma mort, dans l'esperence ou je suis, que vous ne sortirez jamais des bornes de vôtre devoir et fidelité envers moy et envers la patrie dont le salut doit faire l'unique objet de nos peines et de nos traveaux.

. . . .

X.

Ce 9 de Mars (26 Fevrier).

Sire! L'homme étant de son naturel enclin à croire facilement ce qu'il souhaite, il n'est pas par consequent surprennant, que dans ma depesche du 9-me du mois passé (j'ai laissé entrevoir quelque esperence qu'il n'y aura aucun notable changement dans la forme du gouvernement de la Russie; mais comme j'ai esté depuis l'ordinaire passé informé à fonds de ce qui se passe au haut conseil et dans les frequentes assemblées nocturnes des grands de ce pais) aussi bien que (ce qui contiennent les atricles, qu'on a fait signer et jurer à la czaarienne en acceptant la couronne, je puis à present assurer sûr de seurs fondements, que le dit changement a si bien lieu qu'il a deja commencé), qu'il pouroit mesme selon toutes les apparences aller tellemen (!) en aŭgmentant, que (les Russes modernes auront) à la fin (raison de dire avec certain autheur Romain), mais à rebours nos (!) nos (!) ancètres ont vú par experience ce qu'il y avoit d'extrème dans une servitude trop dure, et nous èprouverons au prejudice de l'etat ce qu'il y a d'extrème dans une liberté precipiteé.

Ma derniere treshumble relation ètoit du 2-me dŭ mois courant. Il est arrivé depuis, que le haut conseil, le senat et les autres colleges de la regence de ce vaste etat ensemble avec la generalité, les chefs des regiments, les moindres officiers et les troŭppes qui se trouvent icy et aux environs de cette capitale, au nombre de bien 16000 hommes, de mesme que le magistrats (!) de cette grande ville et ses habitants ont pretez à la presente czaarienne leur serment de fidelité sur le pied du formulaire cy joint.

Or, pour que l'on puisse juger de la difference, qu'il y a entre le serment du temps passé et entre celuy d'aujourdhuy, j'ay jugé à propos d'y joindre le formulaire du serment qui fut prété à la czaarienne Cathrine en l'an 1725 (*).

Le haut conseil est à present occupé à former à sa majesté czaarienne sa cour, qui sera dit on moins brillante que n'etoit celle du defunt monarque, l'etat des finances de la Russie ayant dit on besoin de quelque èpargne. Dès aussitot qu'on aura achevé de la former, je ne manquerai pas d'en communiquer l'etat, aussi bien que la somme que l'on accordera à sa majestè pour subvenire à cette depense, à celle de ses menu plaisirs et à ses autres besoins, et nous verrons dans la suite (si on voudra l'obliger d'observer à la rigueur

---

(*) Въ приложеніи къ подлиннымъ депешамъ находятся обѣ эти присяги во французскомъ переводѣ.

tout ce à quoy elle s'est obligée par les articles, q'elle a signée à Mietaû comme une condition sine quâ son election n'auroit point eüe lieu. Quant aux articles mesmes, dont il est icy question, ils contiennent en substance rien moins que ce qui suit icy:

1) Elle regnera et gouvernera son peuple par l'avis de son conseil. 2) Elle ne se remariera pas sans le consentiment de son conseil. 3) Elle ne pourra point entrer en guerre ny conclure la paix ny contracter des alliances avec d'autres sans l'approbation de son conseil. 4) Elle ne pourra point disposer des deniers publiques sans l'avis du conseil. 5) Elle ne pourra pas charger son peuple d'aucune imposition pecuniere sans l'avis de son conseil. 6) Les premiers charges de l'estat, de l'armée et de la flotte seront conferées de l'avis du conseil. 7) Il ne luy sera pas permis d'aliener aucun domaine de la couronne. 8) Personne de la noblesse grande ou petite sera mis à mort, envoyé en exil ou ses biens confisqués sans un proces formel et impartial).

P. S. Dans ce moment je suis averti, qu'il y a de grands remumenages (!) au Cremlin; plusieurs genereaux et autres officiers de la petite noblesse, tant civils que militaires s'etants assemblé et insistant positivement dessus, que le haut conseil soit augmenté d'encore 13 membres. et qu'il n'y resterat des familles de Gallizin et de Dolgoruki que deux personnes, les autres de ces noms en devant être mis de hors.

XI.

9 de Mars.

Monsieur! Mon pacquet est deja porté à la poste, quand le grand chancelier monsieur le comte Gollowkin me fait dire par un des secretaires de la chancelerie, qu'il avoit plû à Dieü de diriger les choses d'une maniere, que sa majesté la nouvelle imperatrice avoit eté (il n'y avoit qu'une heure) declarée souvraine, de quoy son excellence n'avoit pas voulù manquer de me donner part comme à un ministre bien intentionné, me conseillant de me trouver demain vers les 10 heures au Cremlin pour en feliciter sa majesté. J'ay garde monsieur de ne vous point communiquer sur le champ cette grande, notable et interessante nouvelle, même par estaffette, si la poste est deja parti, bien loin que je pûsse gagner sur moy de remettre sa communication pour l'ordinaire prochain. Vous scaurez allors la cause mouvante de ce subit changement, elle m'est jus qu' icy inconnue.

XII.

$^{12}/_{8}$ Mars.

(Nos amis les Gallitzins et les Dolgorücky se portent mal, grace soit a ma bonne etoile, qu'ils se portent autant il y a six semaines;

quel diable de figure ferois je a present icy, si l'enfant en Holstein fut monté sur le trohne de la Russie ou bien la princesse Elisabeth).

XIII.

(Отъ того же числа).

Sire! Les revolutions ont été si frequentes en ce pais çy particulierement depuis les intrigues illicites de la czaarienne Cathrine avec le chambellan Moons, qui produisoint la cassation du testament que Pierre le premier avoit fait en sa faveur, et par lequel il l'avoit nommé à luy devoir succeder dans la regence, que l'on n'est plus seur de rien, ny sçait on plus à quel Saint se vouer.

La mort tragique de Moons fut bientôt süivie par celle du czaar et par l'elevation de sa femme en seconde sur le trone de la Russie à l'exclusion des vrayes heritiers de la couronne, malgrez la cassation du testament du czaar, malgrez l'obscurité de la naissance de cette femme et malgrez l'énorme dereglement de sa vie avant qu'elle eut le bonheur de passer des mains de Menzikow dans celles du czaar. Sa mort donna occasion à Pierre le second d'emporter sous faveur de sa promesse de mariage à la fille de Menzikow la couronne de ses ancetres sur la duchesse de Holstein qui y pretendoit par le droit de l'usurpation, et qui y auroit selon toutes les apparences reuissie, si on n'eut gagné le prince Menzikow par l'appas de cette alliance, affaire à la quelle je me puis vanter d'avoir eü beaucoup de part conjointement avec feu le comte Rabbutin, et qui a coùté bien cher à ma petite bourse.

Ce monarque ne fut pas plustot tombé malade de la petite verolle, que les plus gens de bien d'entres les Russes et les plus authorisés prirent de ma bonne connoissance entre eux la ferme resolution d'exlure de la succession cet enfant qui est né a Kiel ensemble avec la princesse Elisabeth, fille de Pierre le premier de son second lit, mais née hors du mariage, ce qui doit être selon la loy fondamentale de ce pais cy et selon les canons de l'eglise grecque une tasche ineffacable, un mal auquel la legitimation la plus solemnele ne sçauroit apporter remede, de quoi ma depesche du 26-e Decembre 1729 № 492 fait pleinement foy, le defunt monarque se trouvant encore allors en pleine vie, quand j'ay assuré positivement que cela arriveroit.

Cette resolution prise, et le cas de la mort du czaar venant d'exister trois jours apres, le haut conseil de la Russie, dont le nombre fut augmenté par les deux feldmarecheaux Gallizin et Dolgoruky, qui de fait y prirent place, eleva sur le throne de la Russie par un choix unanime la seconde fille du czaar Ivan Alexewitz düchesse dovarière de Chürlande, choix qui fut approuvé par le se-

nat, la generalité et par touts les autres colleges de la regence Russienne sans qu'ame vivante y eut contredit pas seulement par la moindre reflexion. Si le dit conseil se fut contenté de ce son heureux choix et de l'approbation generale qu'il rencontra partout, il se seroit conservé sa consideration; son pouvoir et son authorité. Mais ayant de son chef sans consulter les autres colleges de la regence, pas seulement la generalité, entrepris de changer la forme du gouvernement, en obligeant la nouvelle czaarienne de signer des articles par lesquels on la depouilloit des plus considerables prerogatives de la royauté authorisoit son conseil de regner de pair avec elle, cela donna lieù à plusieurs personnes de la generalité et moindres officiers du senat et des autres colleges de la regence, issuès de la petite noblesse, qui est naturellement et pour plusieures solides raisons plus porteé pour la monarchie que pour un gouvernement aristocratique de trouver à redire à ce que le haut conseil avoit fait de son propre chef pour changer l'ancienne forme du gouvernement.

Cependant, comme pas un seul d'entre eux, vouloit avoir le nom d'être contraire à l'établissement d'une liberé nationale, il (!) s'attacharent uniquement au point d'avoir le haut conseil reformé, de l'avoir augmenté jusqu'aŭ nombre 21 et d'en faire sortire les Dolgoruky et les Gallizins excepteé une seule personne de chascunne de ces deux familles, cela fut le voile sous lequel étoit caché leur veritable dessein, qui étoit de maintenire l'ancienne forme de gouvernement, quoique dans leures remontrances au conseil ils n'en touchoient pas la corde ny de bouche ny par escrit.

Ceux qui attiserent le feŭ de cette dissention et de cette animosité contre les Gallizins et les Dolgoruky etoient le grand clergé (le baron Osterman sa femme) les Soltikows, parents de la czaarienne du coté de sa mere, sa tante maternele l'epouse du knias Romanndowsky, la princesse Tzereassi, chaude amie de la famille de Soltikow et souvraine maitresse de son mari, el enfin les amis et adherants de la princesse Elisabeth et de l'enfant en Holstein, ceux cy seulement par depit pour embrouiller les affaires et pour mortiflier les Gallizins et les Dolgorucki, qui ayant chocqué outre le grand clergé la personne du grand chancelier comte Gollowkin en faisant arreter son gendre Jagoushinsky et le traittant comme un criminel d'etat pour la raison, qui se trouve marqueé dans ma depesche du (sic) et s'étant par la aliené l'esprit de ce venerable vieilard, le dit conseil eŭt le chagrin de le voir aussi se jetter dans le parti des mecontents, dont le nombre s'etant à la fin si fortement accrù, que plus de 800 personnes touts gentilshommes en charges civiles ou militaires avoient le 8-me de ce mois signés l'acte de leures humbles remontrances, ils crurent qu'il étoit temps de frapper leur coup de partie. 150 des premiers de la trouppe, ayants à leure tete le

senateur prince Tzercassi, homme de tête, de maison illustré et ancienne, mais d'origine tartare et pour cette raison pas assée considerée des autres anciennes maisons de la Russie; le lieutenant general et major des gardes knias Yusouppow, aussi de race tartare et de sa famille le premier qui ay eté babtisé, son pere étant mort mahometan, et aussi pour cette raison souvrainement méprisé par les anciennes familles de la Russie, et le lieutenant general Tzernisoff, cordon rouge et issu de la petite nobless, d'ailleurs un homme fort intriguant, vont au Cremelin demandant au conseil, qui se trouva justement assemblé, d'être écoutès, ce que leur ayant ètè accordé, ils delivrent un papier contenants leurs justes griefs; le conseil ordonna qu'il fut lù à haute voix et apres avoir bien compris ce qu'il contenoit, le dit conseil leur declare d'être prêt de leur donner toute la satisfaction imaginable et qu'il en parlera à sa majesté mesme. Les remontrants se retirent et s'avisent de trouver eux mesme leure souvraine, dont ils avoient tiré sous mains parolle, qu'ils seront bien receù et favorablement escoutés, ils se font annoncer, et sa majesté a la bontè de les admettre à l'instant à son audience, et apres avoir escouté leurs griefs, elle leur donne pour reponse, qu'elle seroit bien aise, qu'on put etablire une bonne union entre eux et le grand conseil, qvi ne se sera pas plustot determiné à deferer à leures demandes, qu'elle concourera dans le même dessein et approuvera le tout

Les remontrants retournent la dessus au conseil, lui rapportant ce qui s'est passé dans leure audience auprez la czaarienne. Cela fait, Yousuppof prend la parolle et dit, à moy il me semble, que la condescendence de nôtre trés gratieuse souvraine et ses manieres d'agire envers ses sujets, merite bien de nôtre part le retour de quelque vive reconnoisance, à quoy Chernischof adjoute: Nous ne pouvons mieü reconnoitre toutes les bontez qu'elle temoigne avoir pour son peuple, qu'en luy rendant ce qu'on luy a oté, scavoir la mesme souvrainité et pouvoir absolu, dont touts ses ancetres ont jovis, knias Tzercassi adhere aü même sentiment, ce qûe le grand chancelier ayant aussi fait tout le monde crie à gorge deployé: Vivat notre absolue et souvraine dame l'imperatrice Anna Ivannawa, à quoy les Gallizins et les Dolgorucki ne pouvant plus resister, allons, disent ils, faire comme les autres et arrive en ce que la divine providence aura decreté. La czaarienne avertie de la scene, qvi s'est passée, elle commande en sousriant d'ouvrire les portes de son appartement, car j'aurai, dit elle, bientôt grande compagnie chez moy.

Les remontrants arrivent les premiers, offrant à sa majesté la souvrainitè au nom de toute la noblesse, ce qvi fait le haut conseil aussi de son coté un moment apres. Elle ne hesite pas de l'accepter et de dechirer en leure presence les articles qu'on luy avoit fait signer à Mittaw, en suite elle les remercie touts tres benigne-

ment et leur permet de se retirer chascun chez soy tirant à part notre cordon bleu Wasili Lukowitz Dolgorucki et luy donne à entendre, qu'elle seroit bien aise qv'il qvita ses appartements au Cremelin. puisqu 'elles (!) les destinoit a son parent le lieutenant general et major des gardes Simon Soltikow, à qvi elle ordonne de changer la garde au chatteau et de patrouiller luy même pendant toute la nuit. ensiute elle fait èlargire Jagouschinsky. à qvi son épée et son ordre ayant eté rendu il retourne con fiochi à sa maison. elle ordonne de quiter le deuil pour trois jours. et que toutes les maisons de cette grande ville et de ses fauxbourgs soient illuminées trois soirs de suite, et le lendemain les ministres etrangers et apres eux touts ceux de la grande et de la petite noblesse sont admis à la complimenter sur ce grand et notable evennement. Il n'y a point de doute. qu'il ne soit svivi de grands changements dans le ministere et à la cour.

Cependant voila en abbregé le veritable histoire de la revolution que nous eumes icu jeudi dernier 9-me de ce mois de Mars selon le n. st. Il y a de gens, qui sont d'opinion. que l'affaire ne demeurera pas là, mais qu'on verra encore sauter quelques têtes pour intimider ceux qui pouroient en quelque autrè occasion favorable à leur dessein entreprendre de renverser la souvrainité, qui est le premier et le plus beau fleuron de la couronne Russienne. Je ne suis pas tout à fait de ce sentiment là, j'avoue qu'apres ce qui s'est passé et ce qui vient d'arriver il n'est pas naturel de croire. qui ny les Dolgoruki ny les Gallizins auront la premiere place dans la confidence de la czaarienne. Ils pouroient mesme bien courire risque d'être privé de leures charges et employs Mais comme il est pourtant seur et constant. que sans les Gallizins et les Dolgaruckis la czaarienne aujourdhuy regnante ne seroit certainement point montée sur le trohne mais bien l'enfant en Holstein ou la princesse Elisabeth et la czaarienne ètant une femme d'esprit et naturelement bienfaisante, mon avis est. qu'elle reconnoitera en princesse genereuse le bien et le service que ces deux considerables familles luy on fait sans oublier pourtant le mal qui luy ont voulù faire en la depoũillant de sa souvrainité.

Du reste à eux les Dez. j'ay à peine bougé de ma maison depuis le commencement jusqu'à la fin de toute cette dangereuse manoeuvre et pendant tout ce temps je n'ai vu qu'une seule fois le feldmareschal Gallizin et knias Wasily Lukowitz Dolgoruki.

A present je plains mes amys, et je me rejovis de la conservation du pouvoir absolu des czaars de la Russie. laquelle je croi être plus conforme à l'interet de votre majesté qu'un trop notable abbaissement des forces Russiennes, qui auroit infalliblement suivi le renversement de la souvrainité, et ce qui me fait raisonner de la sorte, c'est que je suis persuadé comme de la clarté du jour, que

changement de la forme du gouvernement aye lieu, j'en regarde l'etablissement d'une tres difficile execution et nullement conforme à l'interet de votre majesté qvi ne doit point en consideration de la Svede desirer l'abbaissance de la Russie, je vise en soutenant cette these politique à l'interet et à la convenience de vôtre majestè et, nullement à sa personne sacrée. Elle sçaura en peu ce qui en sera et peutètre par l'ordinaire prochain le contenu des depesches qvi viennent d'etre apportées au comte Wratislaw par un courier du cabinet on les croit etre d'une derniere importance.

VI.

$^{10}/_{8}$ de Fevr.

. . . .

Ceux qui composent presentement le haut conseil de la Russie, exceptè le baron Ostermann, qui n'y a pas mis le piè depuis la mort du jeune monarque à cause d'une indisposition qui luy est survenue, travaillent encore sans relâche à mettre la forme du gouvernement de la Russie sur un autre pied qu'elle n'a été jusqu'icy, le grand but de ces messieurs est de moderer le pouvoir arbitraire des monarques de ce pais cy, en quoy ils sont vertement contrecarré par ceux de la petite noblesse Russienne les efforts qu'ils font de part et d'autre rendent l'issue de l'affaire fort douteux.

Il est cependant arrivé, que Jagouschinsky, cordon bleu, grand escuyer, commendant du corps des gardes chevaliers et gendre du grand chancelier comte Golloffkin vient d'etre arreté par ordre du haut conseil pour avoir depesche sous main un homme de sa confidence à la czarienne pour l'avertire de ce qvi se tramoit icy contre son authorité et pour la deconseiller d s'y sousmettre, mais de se reposer sur son épée et sur celles d'un tres grand nombre de la nation qui detestent les procedures du haut conseil. On luy a óté son ordre, et il est gardé à vue. Le parti que j'ay pris dans cette dangereuse conjoncture est celuy de demeurer à la maison et de ne me point mesler de ce qui se passe au Cremmelin pas seulement par le moindre raisonnement. Je plains du fond de mon coeur le vieu grand chancelier de ce qui luy vient d'arriver dans la personne de son gendre, j'ay grand peur de voir encore d'autres catastrophes pareilles. On releve beaucoup au prejùdice du pouvoir arbitraire en Russie, un fait qvi s'est passe sous le regne de la czaarienne Cathrine qui est, qu'elle doit avoir consumée dans sa cour pendant le temps de son courte regne pour sept cents mille roubles vins d' Hongrie et pour 160000 rub. des aqvavits de Dantzig pendant que de milliers de ses sujets mangvoient du pain sec pour

vivre, et pour faire vivre leurs enfants, à qvoy les autres repondent qu' une hirondelle ne fait point l'eté.

VII.

$^{20}/_{9}$ Fevrier.

Monsieur! Les portes de l'appartement où le haut conseil de la Russie s'assemble, ont étés ouvertes toute la semaine passée à touts ceux qui auroient quelque chose à dire ou à proposer pour ou contre le changement que l'on medite de faire dans l'ancienne forme de gouvernement de cette monarchie.

De l'etat militaire les genereaux, brigadiers jusqu 'aux collonels inclusive ont eu cette liberté, de mesmes que touts les membres du senat et des autres colleges de la regence, touts ceux qui ont le rang de collonel, les archivesques, evesques et archimandrits ont etès sommé d'y venire, non pas en corps, mais à la fois 3 evesques et trois archimandrits. Il s' est dit à cette occasion tant de bonnes et mauvaises choses pour et contre l'etablissement en question, qui a étè attaquè et deffendŭ avec tant de vehemence, que sur la fin la confusion devint grande jusques là qu 'on n 'etoit pas sans apprehension de quelque souslevement, mais les deux feldsmarecheaux ne sont pas gens à s' epouvanter facilement.

Cependant, comme je ne suis point accoutumé de retracter aujourdhuy ce que j'ai avance hier, dans la fermentation ou cette grande affaire se trouve presentement, je suspendrai encore pour quelques jours mon jugement sur ce que j'en croi devoir arriver; et je me contenterai de vous dire seulement sur ce sujet que (il y a à mon avis autant à craindre que les Dolgorouckv et les Gallizins reûssiront dans leur entreprise, qu'il y a à esperer que les affaires demeureront sur l'ancien piè). Je ne doute pas monsieur que vous ne vous donnerez volontiers la peine d'informer le roy et son conseil de ce mon sentiment preliminaire.

VIII.

$^{23}/_{12}$ Fevrier.

Monsieur! C'est pour vous avertire, que la confusion và encore icy en augmentant que je me donne l'honneur de vous escrire la presente (elle est mesme monteé à un si haut degrez, qu'il s'est formé un parti sous la direction du prince Tzercassi, membre du senat, qui veut et demande) a haûte voix (non seulement la conervation de l'ancienne forme du gouvernement mais l'expulsion)

mesme (des Dolgoroucky et des Gallizins hors du haut conseil) excepté (une seule personne de chaque famille. Ceux de ce parti accusent hautement de bouche et par escrit les Gallizins et les Dolgoroucky de porter une haine implacable à la memoire de Pierre le grand et à sa pauvre posterité qui' estoit traiteé) comme si la Russie (n'avoit point de part à elle, ni elle à la Russie) de la maniere que les affaires commencent à tourner (à l'interêt du roy. C'est bien heureux que la nomination de la czaarienne s'est faite); car si elle etoit (encore à faire et que les Dolgoroucky et les Gallizins estoient hors de pouvoir), en verité de Dieŭ (l'enfant de Holstein monteroit sur le trone de la Russie).

Le jeune monarque fut hier enterré, la precipitation s'y fit remarquer à vue d'oeil.

IX.

Ce 2 de Mars (19 de Fevrier).

Sire! La nouvelle czaarienne est à present à Moscau, dimanche passé elle y fit son entree publique, et hier premier de ce mois j'eus l'honneur de la saluer et de luy faire mon compliment de condoleance sur la mort du precedent monarque et de felicitation sur son avenement à la couronne; comme j'etois le premier des ministres des têtes couronneés residants à cette cour qui se trouva dans l'antichambre, je fus aussi le premier introduit aupres d'elle immediatement aprez l'ambassadeur d' Espagne; à dire la verité ce fût sur un avertissement d' Amy, que je me rendis au Cremlin bien une heure avant les autres, et la resolution ayant été prise dans le haût conseil de faire cette fois une distinction entre les ministres des têtes couronnées et les ministres de autres puissances et de les admettre à l'audience à mesure qu'ils seroient arrivés, j'eus l'avantage de la precédence devant les autres comme devant les envoyés extraordinaires de Suede, de Pologne et de Prusse.

Cette princesse a été de tout temps fort aimée et considerée de la nation, aussi les esprits se sont ils beaucoup calmées depuis son arrivée, mais il est toûjours bien certain, que je ne puis inferer autre chose de ce que je vois et entends, si non que les grands de ce païs çy ne cessent pas de mediter un changement de l'ancienne forme de gouvernement de la Russie et que leurs dessein ne soit de restreindre, à l'avenir le pouvoir arbitraire des czaars de la Russie par quelques nouvelles loix d'etat

La czaarienne avant de faire son entreé dans cette capitale s'arreta 5 à 6 jours dans un village à 8 werstes de Moscau. Elle ne porta pas encore allors aucun de ses ordres, ny le cordon bleû,

ny le cordon rouge, et ce fut seulement la veille de son depart de là, que le haut conseil, sûivi de grand nombre des genereaux et de la noblesse alla en corps les luy remettre. Le grand chancelier comte Golloffkin, qui les porta sur un coussin de drap d'or, mit un genou à terre pour les offrire à la souveraine, et le conseiller privé Dimetri Michalovitsch Gallizin tint à cette occasion ce notable discours à la czaarienne:

Orthodoxe et tres gratieuse imperatrice. Nous treshumbles et fidels sujets les membres du haut conseil de la Russie ensemble avec la generalité et la noblesse Russienne, nous te reconnoissants être la fontaine d'ou doivent écouler les honneurs et les dignités en Russie, nous venons te remettre ton ordre de St. Andrée, qui est le premier et le plus honnorable et aussi celuy de St. Alexandre, qui fut institué par l'empereur Pierre le premier à l'occasion de sa glorieuse paix avec ce puissant royaume de Suede affin de les porter châcun à son temps et de les conferer à ceux, que tu en jugeras digne.

Nous te remercions de ce que tu as bien voulû approuver l'election que nous avons fait de ta personne, pour regner sur nous en qualité de notre gratieuse imperatrice, que tu as bien voulû recevoir ta couronne de nos mains et faire la diligence, que tu as fait pour retourner dans la patrie, et nous te remercions pas moins affectueusement de ce que tu as bien voulû condescendre à souscrire les articles, que nos deputés t'ont presentés en nôtre nom pour ta propre gloire et pour le bien de ton peuple. Et voila orthodoxe imperatrice le sujet de nôtre venue en corps aupres ta majesté. Daignes de prendre tout cela de bonne part; et reposez sur nôtre fidelité inviolable pour ta personne.

A ce remarquable discours la czaarienne repondit de la maniere qui suit et cela sans hesiter:

Demetri Michalowitsch et vous autres messieurs de la generalité et de la noblesse, Vous devez sçavoir, que je regarde l'election, que vous avez fait de moy pour regner sur vous en qualitè de votre imperatrice comme une marque de l'affection, que vous portez à ma person et à la memoire de feû mon pere. Je tâcherai de faire en sorte que le tout le monde sera content de moy, et comme c'est pour vous satisfaire, que j'ai signé à Mitau les articles, dont tu Demetri Gallizin fait mention: vous pouvez être persuadés, que je les observerai tres religieusement, jusqu'à l'article de ma mort, dans l'esperence ou je suis, que vous ne sortirez jamais des bornes de vôtre devoir et fidelité envers moy et envers la patrie dont le salut dait faire l'unique objet de nos peines et de nos traveaux.

. . . .

X.

Ce 9 de Mars (26 Fevrier).

Sire! L'homme étant de son naturel enclin à croire facilement ce qu'il souhaite, il n'est pas par consequent surpreunant, que dans ma depesche du 9-me du mois passé (j'ai laissé entrevoir quelque esperence qu'il n'y aura aucun notable changement dans la forme du gouvernement de la Russie; mais comme j'ai esté depuis l'ordinaire passé informé à fonds de ce qui se passe au haut conseil et dans les frequentes assemblées nocturnes des grands de ce pais) aussi bien que (ce qui contiennent les atricles, qu'on a fait signer et jurer à la czaarienne en acceptant la couronne, je puis à present assurer sûr de seurs fondements, que le dit changement a si bien lieu qu'il a deja commencé), qu'il pouroit mesme selon toutes les apparences aller tellemen (!) en aŭgmentant, que (les Russes modernes auront) à la fin (raison de dire avec certain autheur Romain), mais à rebours nos (!) nos (!) ancètres ont vú par experience ce qu'il y avoit d'extrème dans une servitude trop dure, et nous èprouverons au prejudice de l'etat ce qu'il y a d'extrème dans une liberté precipiteé.

Ma derniere treshumble relation ètoit du 2-me dŭ mois courant. Il est arrivé depuis, que le haut conseil, le senat et les autres colleges de la regence de ce vaste etat ensemble avec la generalité, les chefs des regiments, les moindres officiers et les troŭppes qui se trouvent icy et aux environs de cette capitale, au nombre de bien 16000 hommes, de mesme que le magistrats (!) de cette grande ville et ses habilants ont pretez à la presente czaarienne leur serment de fidelité sur le pied du formulaire cy joint.

Or, pour que l'on puisse juger de la difference, qu'il y a entre le serment du temps passé et entre celuy d'aujourdhuy, j'ay jugé à propos d'y joindre le formulaire du serment qui fut prété à la czaarienne Cathrine en l'an 1725 (*)

Le haut conseil est à present occupé à former à sa majesté czaarienne sa cour, qui sera dit on moins brillante que n'etoit celle du defunt monarque, l'etat des finances de la Russie ayant dit on besoin de quelque èpargne. Dès aussitot qu'on aura achevé de la former, je ne manquerai pas d'en communiquer l'etat, aussi bien que la somme que l'on accordera à sa majestè pour subvenire à cette depense, à celle de ses menu plaisirs et à ses autres besoins, et nous verrons dans la suite (si on voudra l'obliger d'observer à la rigueur

(*) Въ приложеніи къ подлиннымъ депешамъ находятся обѣ эти присяги во французскомъ переводѣ.

tout ce à quoy elle s'est obligée par les articles, q'elle a signée à Mietaü comme une condition sine quâ son election n'auroit point eüe lieu. Quant aux articles mesmes, dont il est icy question, ils contiennent en substance rien moins que ce qui suit icy:

1) Elle regnera et gouvernera son peuple par l'avis de son conseil. 2) Elle ne se remariera pas sans le consentiment de son conseil. 3) Elle ne pourra point entrer en guerre ny conclure la paix ny contracter des alliances avec d'autres sans l'approbation de son conseil. 4) Elle ne pourra point disposer des deniers publiques sans l'avis du conseil. 5) Elle ne pourra pas charger son peuple d'aucune imposition pecuniere sans l'avis de son conseil. 6) Les premiers charges de l'estat, de l'armée et de la flotte seront conferées de l'avis du conseil. 7) Il ne luy sera pas permis d'aliener aucun domaine de la couronne. 8) Personne de la noblesse grande ou petite sera mis à mort, envoyé en exil ou ses biens confisqués sans un proces formel et impartial).

P. S. Dans ce moment je suis averti, qu'il y a de grands remumenages (!) au Cremlin; plusieurs genereaux et autres officiers de la petite noblesse, tant civils que militaires s'etants assemblé et insistant positivement dessus, que le haut conseil soit augmenté d'encore 13 membres, et qu'il n'y resterat des familles de Gallizin et de Dolgoruki que deux personnes, les autres de ces noms en devant être mis de hors.

XI.

9 de Mars.

Monsieur! Mon pacquet est deja porté à la poste, quand le grand chancelier monsieur le comte Gollowkin me fait dire par un des secretaires de la chancelerie, qu'il avoit plù à Dieù de diriger les choses d'une maniere, que sa majesté la nouvelle imperatrice avoit eté (il n'y avoit qu'une heure) declarée souvraine, de quoy son excellence n'avoit pas voulù manquer de me donner part comme à un ministre bien intentionné, me conseillant de me trouver demain vers les 10 heures au Cremlin pour en feliciter sa majesté. J'ay garde monsieur de ne vous point communiquer sur le champ cette grande, notable et interessante nouvelle, même par estaffette, si la poste est deja parti, bien loin que je püsse gagner sur moy de remettre sa communication pour l'ordinaire prochain. Vous scaurez allors la cause mouvante de ce subit changement, elle m'est jus qu' icy inconnue.

XII.

$^{12}/_{1}$ Mars.

(Nos amis les Gallitzins et les Dolgorücky se portent mal, grace soit a ma bonne etoile, qu'ils se portent autant il y a six semaines;

quel diable de figure ferois je a present icy, si l'enfant en Holstein fut monté sur le trohne de la Russie ou bien la princesse Elisabeth).

XIII.

(Отъ того же числа).

Sire! Les revolutions ont été si frequentes en ce pais çy particulierement depuis les intrigues illicites de la czaarienne Cathrine avec le chambellan Moons, qui produisoint la cassation du testament que Pierre le premier avoit fait en sa faveur, et par lequel il l'avoit nommé à luy devoir succeder dans la regence, que l'on n'est plus seur de rien, ny sçait ou plus à quel Saint se vouer.

La mort tragique de Moons fut bientôt süivie par celle du czaar et par l'elevation de sa femme en seconde sur le trone de la Russie à l'exclusion des vrayes heritiers de la couronne, malgrez la cassation du testament du czaar, malgrez l'obscurité de la naissance de cette femme et malgrez l'énorme dereglement de sa vie avant qu'elle eut le bonheur de passer des mains de Menzikow dans celles du czaar. Sa mort donna occasion à Pierre le second d'emporter sous faveur de sa promesse de mariage à la fille de Menzikow la couronne de ses ancetres sur la duchesse de Holstein qui y pretendoit par le droit de l'usurpation, et qui y auroit selon toutes les apparences reuissie, si on n'eut gagné le prince Menzikow par l'appas de cette alliance, affaire à la quelle je me puis vanter d'avoir eü beaucoup de part conjointement avec feu le comte Rabbutin, et qui a coûté bien cher à ma petite bourse.

Ce monarque ne fut pas plustot tombé malade de la petite verolle, que les plus gens de bien d'entres les Russes et les plus authorisés prirent de ma bonne connoissance entre eux la ferme resolution d'exlure de la succession cet enfant qui est né a Kiel ensemble avec la princesse Elisabeth, fille de Pierre le premier de son second lit, mais née hors du mariage, ce qui doit être selon la loy fondamentale de ce pais cy et selon les canons de l'eglise grecque une tasche ineffacable, un mal auquel la legitimation la plus solemnele ne sçauroit apporter remede, de quoi ma depesche du 26-e Decembre 1729 № 492 fait pleinement foy, le defunt monarque se trouvant encore allors en pleine vie, quand j'ay assuré positivement que cela arriveroit.

Cette resolution prise, et le cas de la mort du czaar venant d'exister trois jours apres, le haut conseil de la Russie, dont le nombre fut augmenté par les deux feldmarecheaux Gallizin et Dolgoruky, qui de fait y prirent place, eleva sur le throne de la Russie par un choix unanime la seconde fille du czaar Ivan Alexewitz duchesse dovarière de Chürlande, choix qui fut approuvé par le se-

nat, la generalité et par touts les autres colleges de la regence Russienne sans qu'ame vivante y eut contredit pas seulement par la moindre reflexion. Si le dit conseil se fut contenté de ce son heureux choix et de l'approbation generale qu'il rencontra partout, il se seroit conservé sa consideration; son pouvoir et son authorité. Mais ayant de son chef sans consulter les autres colleges de la regence, pas seulement la generalité, entrepris de changer la forme du gouvernement, en obligeant la nouvelle czaarienne de signer des articles par lesquels on la depouilloit des plus considerables prerogatives de la royauté authorisoit son conseil de regner de pair avec elle, cela donna lieù à plusieurs personnes de la generalité et moindres officiers du senat et des autres colleges de la regence, issuès de la petite noblesse, qui est naturellement et pour plusieures solides raisons plus porteé pour la monarchie que pour un gouvernement aristocretique de trouver à redire à ce que le haut conseil avoit fait de son propre chef pour changer l'ancienne forme du gouvernement.

Cependant, comme pas un seul d'entre eux, vouloit avoir le nom d'être contraire à l'établissement d'une liberé nationale, il (!) s'attacharent uniquement au point d'avoir le haut conseil reformé, de l'avoir augmenté jusqu'aŭ nombre 21 et d'en faire sortire les Dolgoruky et les Gallizins excepteé une seule personne de chascunne de ces deux familles, cela fut le voile sous lequel étoit caché leur veritable dessein, qui étoit de maintenire l'ancienne forme de gouvernement, quoique dans leures remontrances au conseil ils n'en touchoient pas la corde ny de bouche ny par escrit.

Ceux qui attiserent le feŭ de cette dissention et de cette animosité contre les Gallizins et les Dolgoruky etoient le grand clergé (le baron Osterman sa femme) les Soltikows, parents de la czaarienne du coté de sa mere, sa tante maternele l'epouse du knias Romanndowsky, la princesse Tzercassi, chaude amie de la famille de Soltikow et souvraine maitresse de son mari, el enfin les amis et adherants de la princesse Elisabeth et de l'enfant en Holstein, ceux cy seulement par depit pour embrouiller les affaires et pour mortiflier les Gallizins et les Dolgorucki, qui ayant chocqué outre le grand clergé la personne du grand chancelier comte Gollowkin en faisant arreter son gendre Jagoushinsky et le traittant comme un criminel d'etat pour la raison, qui se trouve marqueé dans ma depesche du (sic) et s'étant par la alienė l'esprit de ce venerable vieilard, le dit conseil eüt le chagrin de le voir aussi se jetter dans le parti des mecontents, dont le nombre s'etant à la fin si fortement accrù, que plus de 800 personnes touts gentilshommes en charges civiles ou militaires avoient le 8-me de ce mois signés l'acte de leures humbles remontrances, ils crurent qu'il étoit temps de frapper leur coup de partie. 150 des premiers de la trouppe, ayants à leure tete le

senateur prince Tzercassi, homme de tête, de maison illustré et ancienne, mais d'origine tartare et pour cette raison pas aisée considerée des autres anciennes maisons de la Russie; le lieutenant general et major des gardes knias Yusouppow, aussi de race tartare et de sa famille le premier qui ay eté babtisé, son pere ètant mort mahometan, et aussi pour cette raison souvrainement méprisé par les anciennes familles de la Russie, et le lieutenant general Tzernisoff, cordon rouge et issu de la petite nobless, d'ailleurs un homme fort intrigant, vont au Cremelin demandant au conseil, qui se trouva justement assemblé, d'être ècoutès, ce que leur ayant ètè accordé, ils delivrent un papier contenants leurs justes griefs; le conseil ordonna qu'il fut lù à haute voix et apres avoir bien compris ce qu'il contenoit, le dit conseil leur declare d'être prêt de leur donner toute la satisfaction imaginable et qu'il en parlera à sa majesté mesme. Les remontrants se retirent et s'avisent de trouver eux mesme leure souvraine, dont ils avoient tiré sous mains parolle, qu'ils seront bien receù et favorablement escoutés, ils se font annoncer, et sa majesté a la bontè de les admettre à l'instant à son audience, et apres avoir escouté leurs griefs, elle leur donne pour reponse, qu'elle seroit bien aise, qu'on put etablire une bonne union entre eux et le grand conseil, qvi ne se sera pas plustot determiné à deferer à leures demandes, qu'elle concourera dans le même dessein et approuvera le tout

Les remontrants retournent la dessus au conseil, lui rapportant ce qui s'est passé dans leure audience auprez la czaarienne. Cela fait, Yousuppof prend la parolle et dit, à moy il me semble, que la condescendence de nôtre trés gratieuse souvraine et ses manieres d'agire envers ses sujets, merite bien de nôtre part le retour de quelque vive reconnoisance, à quoy Chernischof adjoute: Nous ne pouvons mieü reconnoitre toutes les bontez qu'elle temoigne avoir pour son peuple, qu'en luy rendant ce qu'on luy a oté, scavoir la mesme souvrainité et pouvoir absolu, dont touts ses ancetres ont jovis, knias Tzercassi adhere aü même sentiment, ce qûe le grand chancelier ayant aussi fait tout le monde crie à gorge deployé: Vivat notre absolue et souvraine dame l'imperatrice Anna Ivannawa, à quoy les Gallizins et les Dolgorucki ne pouvant plus resister, allons, disent ils, faire comme les autres et arrive en ce que la divine providence aura decreté. La czaarienne avertie de la scene, qvi s'est passée, elle commande en sousriant d'ouvrire les portes de son appartement, car j'aurai, dit elle, bientôt grande compagnie chez moy.

Les remontrants arrivent les premiers, offrant à sa majesté la souvrainitè au nom de toute la noblesse, ce qvi fait le haut conseil aussi de son coté un moment apres. Elle ne hesite pas de l'accepter et de dechirer en leure presence les articles qu'on luy avoit fait signer à Mittaw, en suite elle les remercie touts tres benigne·

ment et leur permet de se retirer chascun chez soy tirant à part notre cordon bleu Wasili Lukowitz Dolgorucki et luy donne à entendre, qu'elle seroit bien aise qv'il qvita ses appartements au Cremelin, puisqu 'elles (!) les destinoit a son parent le lieutenant general et major des gardes Simon Soltikow, à qvi elle ordonne de changer la garde au chatteau et de patrouiller luy même pendant toute la nuit. ensiute elle fait èlargire Jagouschinsky. à qvi son épée et son ordre ayant eté rendu il retourne con fiochi à sa maison. elle ordonne de quiter le deuil pour trois jours. et que toutes les maisons de cette grande ville et de ses fauxbourgs soient illuminées trois soirs de suite, et le lendemain les ministres etrangers et apres eux touts ceux de la grande et de la petite noblesse sont admis à la complimenter sur ce grand et notable evennement. Il n'y a point de doute. qu'il ne soit svivi de grands changements dans le ministere et à la cour.

Cependant voila en abbregé le veritable histoire de la revolution que nous eumes icu jeudi dernier 9-me de ce mois de Mars selon le n. st. Il y a de gens, qui sont d'opinion. que l'affaire ne demeurera pas là, mais qu'on verra encore sauter quelques têtes pour intimider ceux qui pouroient en quelque autrè occasion favorable à leur dessein entreprendre de renverser la souvrainité, qui est le premier et le plus beau fleuron de la couronne Russienne. Je ne suis pas tout à fait de ce sentiment là, j'avoue qu'apres ce qui s'est passé et ce qui vient d'arriver il n'est pas naturel de croire. qui ny les Dolgoruki ny les Gallizins auront la premiere place dans la confidence de la czaarienne. Ils pouroient mesme bien courire risque d'être privé de loures charges et employs Mais comme il est pourtant seur et constant. que sans les Gallizins et les Dolgaruckis la czaarienne aujourdhuy regnante ne seroit certainement point montée sur le trohne mais bien l'enfant en Holstein ou la princesse Elisabeth et la czaarienne ètant une femme d'esprit et naturelement bienfaisante, mon avis est. qu'elle reconnoitera en princesse genereuse le bien et le service que ces deux considerables familles luy on fait sans oublier pourtant le mal qui luy ont voulù faire en la depoûillant de sa souvrainité.

Du reste à eux les Dez. j'ay à peine bougé de ma maison depuis le commencement jusqu'à la fin de toute cette dangereuse manoeuvre et pendant tout ce temps je n'ai vu qu'une seule fois le feldmareschal Gallizin et knias Wasily Lukowitz Dolgoruki.

A present je plains mes amys, et je me rejovis de la conservation du pouvoir absolu des czaars de la Russie. laquelle je croi ètre plus conforme à l'interet de votre majesté qu'un trop notable abbaissement des forces Russiennes, qui auroit infalliblement suivi le renversement de la souvrainité, et ce qui me fait raisonner de la sorte, c'est que je suis persuadé comme de la clarté du jour, que

de toutes les nations du monde la Svedoise est celle qvi veut naturelement et voudra en eternité le plus de mal, au Dannemarc, or; l'interet de la Russie n'aimant pas celuy de la Svede et l'interet de la Svede haissant à mort la prosperité Russienne je croi ce mon systheme politique fondé sur un tres solide raison d'etat.

P. S. Le general Münnich, qvi a le gouvernement de Pets. a mandé icy, que les trouppes Svedoises en Finlande faisoient mine de vouloir s'assembler en un corps, mais comme ils ne sont qu'au nombre de 10 à 12000 hommes, Munnich les écraseroit avec les forces qu'il il peut assembler en cas qu'il leur prit envie de degainer; on n'est nullement embarassé de cette nouvelle.

XIV.

$^{16}/_{5}$ de Mars.

Sire! Vôtre majesté et son conseil sont par mes treshumbles relations precedentes succintement informé de la manière que le cydevant haut conseil de la Russie s'y etoit pris pour changer la forme de son gouvernement, aussi bien que de la maniere que s'y est prise la czaarienne aujourdhuy regnante pour recouvrire sa souvrainité; la derniere de mes relations qui ont traitté de cette grande et importante affaire etoit du 13-me de ce mois. Dès ce jour là jusqu' aujourd'huy on a eté occuppé à faire prêter a tout le monde le nouveau serment de fidelité selon le formulaire que j'ay communiqué par l'ordinair dernier. On tient le haut conseil autant que supprimé, et on veut, que sa majesté nommera un nouveaŭ conseil privé seulement de trois à qvatre persones. Il n'y a nulle doute, que le grand chanceiller, pour vû seulement qu'il veuille continuer de servire, et le vicechancelier baron Ostermann y auront place; si les Gallizins et les Dolgoruki en seront, c'est une chose à voir, peu de jours esclairciront cet article interessant, on a remarqué à leur égard que depuis quelques jours ils evitent de venire à la cour.

XVI(*).

$^{23}/_{12}$ Mars.

Sire! Ma dernière treshumble relation à votre majesté, qui ètoit du 20-me de ce mois courant, renfermoit tout ce qu'il y avoit

(*) № XV кратко сообщаетъ о провозглашенія Анны Іоанновны самодержицей. Къ этому № приложены: 1) прошеніе, врученное кн. И. Ю. Трубецкимъ, 2) списокъ 21-го вновь назначеннаго сенатора (1 марта 1730).

encore à dire rélativement à la derniere revolution arrivée à cette cour. apresent on y jouit de la plus parfaite tranquilité, sa majesté gratieusant presque sur un pied egal ceux qui l'ont élevé sur le trone et ceux qui luy ont fait recouvrire sa souvrainité de sorte que je n'ai plus rien à dire sur ce sujet.

Je n'ai pas voulu pourtant omettre de rapporter une affaire particuliere arriveé à cette cour pendant ces entrefaits qui nous interesse par rapport à certaines circonstances. Un Wibikow, major general et general procureur dans le vieñ senat, homme d'esprit hardi et intrigvant et de tout temps attaché à l'interet du duc de Holstein et de sa defunte, ayant eñ pendant la maladie du dernier monarque de frequentes entretiens nocturnes avec les ministres de Holstein à cette cour de même qu 'avec l'envoyé de Svede ce qu'etant parvenu à la connoissance du haut conseil, d'allors celuycy decreta son eloignement de la ville de Moscow, et il eut ordre de se preparer pour aller commander à une place appartenant à la Russie, qui n'est qu'a 40 miles d'Allemagne de la fameuse muraille chinoise.

Mais il eut l'addresse de trainer son depart jusqu'à l'arriveé de la czaarienne, aupres laquelle il se proposait faire un dernier effort pour obtenire de pouvoir demeurer icy en place ou d'avoir la permission de se retirer sur ses terres avec sa famille.

Or; des qu'il s'apperçut, que les brovilleries entre le haut conseil et une partie de la petite noblesse alloient devenire une affaire serieuse, il se jetta dans ce dernier parti en qualité d'un leedings mann et signa son nom avec de grands caracteres sous le memoir par leqvel ce parti supplia sa majesté de casser les articles, qu'on luy avoit fait signer à Mittaw, le haut conseil ensemble avec l'ancien senat, et lorsqu'il fut admis à luy baiser la main, il luy insinua adroitement, que sans avoir fait la moindre faute les Dolgoruki qui le haissoit (!) l'avoient condamné d'aller en Siberi commander une bicoque, que l'on pouvoit confier à un second lieütenant, ainsi il supplioit sa majesté treshumblement de vouloir pour la conservation de sa famille luy permettre de se retirer sur ses terres, en cas qu'il ne put demeurer en poste icy à Moscow, ce que la czaarienne luy accorda. Mais le (grand chancelier) en ayant eu du vent, il va trouver la czaarienne luy remontrant le penchant de cet homme et les raisons qvi veulent qu'il soit éloigné, sa majesté est en peine d'un coté à cause des raisons qvi sont alleguées pour soutenire l'eloignement de Wibikow et d'autre côté à cause de sa parolle donneé, on trouve à la fin un milieu, qvi est, qu'au lieu de le releguer en Siberie on l'envoye en l'Ukraine pour y commander un petite fortresse nommé Biallogorod, ainsi que son eloignement d'icy a pourtant lieñ. Cette petite histoire repandant de nouvelles lumieres sur la disposition de cette cour par rapport au duc de Holstein relativement à la succession en Russie j'ay crû la devoir rapporter dans toute

son etendue et d'assurer en même temps, que ce que j'ay mandé par ma depesche penultime touchant les avantages que le roy Tamasch auroit remporté sur l'usurpateur Escheref m'a été confirmé par le feldmatechal Dolgorüki même excepté la prise d'Ispahan, vers laqvelle le vainqueur s'approchoit apres avoir battû pour une troisieme fois les trouppes d'Escheref, pour la bloquer. C'est ainsi que s'en explique le rapport du general en chef des forces Russiennes en Perse

XVII.

$^{22}/_{11}$ Mars.

Monseigneur! Je suis dans la joye de mon coeur d'avoir deviné juste (en esgard aux Gallezins et Dolgorucky, car ils sont en verité de dieü aussi le grand chancellier de l'interest du roy les meilleurs amis en Russie. Ils haissent mortellement le duc de Holstein, ses fauteurs, le fils de sa defunte) ensemble avec (la princesse Elisabeth, ceux qui adherent a ce party ne font pas un petit objet en Russie). J'en avertis vòtre excellence en toute fidelité comme d'une chose, qui merite bien qu'il y soit fait reflexion sür tout par rapport au futur. Si en politique d'etat on n'eut à lutter que contre les affaires du present, le prendre nos mesures à juste temps pour eluder le mal et procurer le bien ne seroit pas une chose tant difficile. Mais ce qui rend le metier d'un ministre en poste tant du premier que du dernier rang extrèmement difficil, c'est l'obligation dans lequel il est de penetrer à fonds l'avenire, si en ce point là il se méprend, les mesures pour parer les coups dont nous sommes menacé et de profiter des avantages que l'avenire nous promet sont ordinairement mal prises et de la procedent la ruine des royeaumes et etats.

Je supplie votre excellence treshumblement de vouloir se souvenire en grace de la lettre particuliere que j'ay pris la liberté de luy escrire le 2 me du mois passé, le temps auqvel je dois rembourser le consul Anglois la somme qu'il me pretà 22 dü Janvier et laquelle j'ay employé au service du roy approche, ma parolle d'honneur et le maintien de mon credit y est interessé, et je ne suis rien moins qu'en état d'acquiter cette dette de mon propre, et devrois je vendre tout ce que j'ay au monde d'autant plus que je declare à votre excellence icy sur tout ce qu'il y a de plus saint, et de plus respectable dans la societé humaine que le regne de la czaarienne Chatrina et la revolution qvi suivit sa mort a couté à moy en mon petit particulier au de la de 5000 roubles argent content, je l'ai fait sçavoir a diverses reprises à monsieur de Hagen, mais il n'a jamais daigné de m'y repondre, cela est pourtant dur.

Vôtre excelience y voudra avoir ègard aussi bien qu'au danger que l'interet du roy a couru par la subite mort du czaar Pierre le second et au mal irreparable qvi seroit resulté à nos affaires, si la succession du jeune monarque eut tournée autrement qu'elle a fait. Je ne puis pas justement dire d'avoir directement contribué à faire revissire le choix de la czaarienne regnante, mais je me puis bien et hardiment vanter d'avoir indirectement beaucoup contribué à faire donner l'exclusion à l'enfant à Kiel

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Обзоръ источниковъ и литературы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

№ 2.

№ 3.

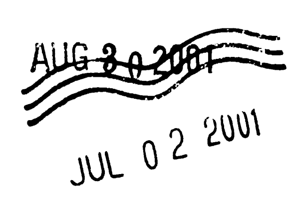
ГЛАВНѢЙШІЕ ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
XIII.	6 сн.	подготовили тѣ замыслы.	подготовили проявленіе тѣхъ замысловъ.
XIV.	12 сн.	относительно событій	относительно второстепенныхъ событій
XIX.	4 сн.	оставилъ намъ	оставилъ.
XXV.	19 св.	Христіанъ Германъ Манштейнъ	Христофоръ Германъ Манштейнъ.
XXXVII.	10 сн.	Въ заключенія	Въ заключеніе.
45.	3 сн.	связка 74.	связка 7-я.
61.	1 св.	заимствованныхъ нами	заимствованныхъ
63.	20 св.	1745 г.	1735 г.
77.	5 сн.	весьма враждебно настроенными	являясь весьма враждебно настроенными.
88.	20—21.	20 ноября 1729.	30 ноября 1729
89.	8 сн.	1218	1091.
97.	20 сн.	свое право	право
115.	8 св.	вслѣдствіе че.	вслѣдствіе чего
128.	17 сн.	самодержащей	самодержицей
147.	5—7 св.	проэкты подписаны тысячью слишкомъ лицъ (1110 человѣкъ съ небольшимъ).	проэкты подписаны тысячью слишкомъ лицъ (1091 человѣкъ).
Ibid.	2 сн.	1118.	1000
Ibid.	6 сн.	1218.	1091.
151.	18 сн.	передавать	подавать
152.	1—2 сн.	правоенія	правленія
Ibid.	2 сн.	лаженъ	важенъ
Ibid.	3 сн.	всобенно	особенно.
177.	16 св.	присвояется	не присвояется
Ibid.	20 св.	Главное	Затѣмъ
188.	1 св.	объ	въ
197.	19 св.	почиталъ	читалъ
222.	14 св.	дѣтей	дочерей

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
Ibid.	24 св.	уже отчаста	отчасти
230.	18 св.	Воронежѣ	Воронежъ
237.	17 св.	Князь Алексѣй Куракинъ	Князь Александръ Куракинъ
247.	5 сн.	измѣнены	замѣнены
277.	19—20 св.	возвравть	возвратять
288.	17 св.	чѣму	чѣмъ
Ibid	18 св.	богатотв.	богатству
290	2	ахъ	изъ
Ibid.	14 сн.	выставляетъ не только	не только выставляетъ
292.	4 сн.	выйдетъ	войдетъ
24.	10-11 сн.	сосланъ въ почетную ссылку: онъ назначенъ судьею Приказа Казанскаго Дворца	сосланъ въ почетную ссылку—удаленъ въ свою деревню, но черезь годъ онъ возвращенъ снова въ Москву, назначенъ судьею Приказа Казанскаго Дворца
260.	1 сн.	круглая сирота	сирота

AUG 3 0 2001
JUL 0 2 2001

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01020 6319

